

МАЙН РИД

Охотники за черепами

*Золотой Браслет,
вождь индейцев*

Охотник на тигров

Капитан
МАЙН РИД
романы и повести

Т. 3

ИЗ СОБРАНИЙ И. СЫТИНА,
П. СОЙКИНА, М. ВОЛЬФА

МАЙН РИД

Охотники за черепами

*Золотой Браслет,
вождь индейцев*

Охотник на тигров

ББК 84. (Вл.)
М 14

Художник
Е. Клодт

Издание подготовлено
при участии Акционерной
компании «К.И.Т.»

М 4703010100—003
Э26(03)—92

ISBN 5-7685-0051-0

© МП «Активитас». 1992 г.
© Е. Клодт, макет
и оформление.
1992 г.

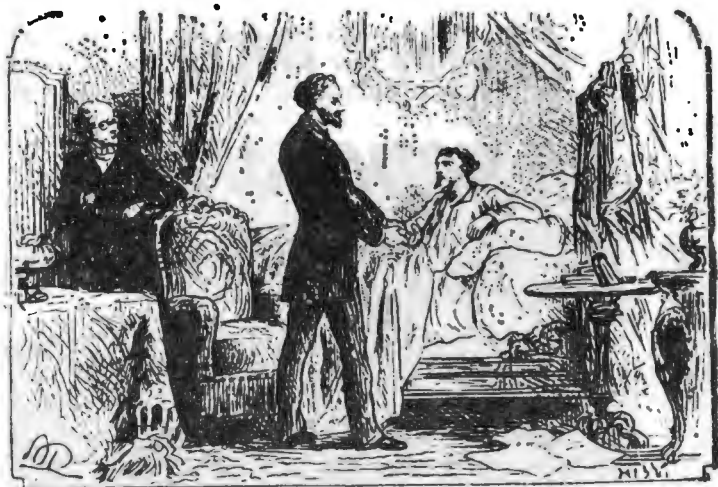
ОХОТНИКИ за черепами

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Риу

Глава I

МОРО И АЛЬП

В одном из богатейших домов Нового Орлеана все в смятении по случаю безнадежного состояния молодого обладателя его, Генриха Галлера. В комнате, соседней с той, где помещается больной, происходит весьма оригинальная консультация. Один из консультантов — даже не врач, но говорит весьма решительно, другой — доктор, получивший свой патент от знаменитейшей академии Соединенных Штатов, молча слушает своего собеседника, вздыхает, трет лоб, как бы желая извлечь оттуда какую-нибудь мысль, и всем своим видом доказывает несостоятельность своей науки.

— Я решительно теряюсь, — сознается он, наконец, с удивительной скромностью. — Что прикажете, господин Севрэн, прописывать человеку, который мог бы быть совершенно здоров телом, если бы не страдал душою?

— Почему я знаю! Что-нибудь посильнее, — нетерпеливо возражает Севрэн.

Ему лет сорок пять, вид у него решительный, могучая фигура его, очевидно, чувствует стеснение от европейского костюма. Карл Севрэн — один из тех странствующих купцов, которые колесят бесстрашно по степям и пустыням Америки, составляют себе громадное состояние, имеют суровую внешность и не признают ничего невозмож-

ним. Не только природная доброта и великодушие заставляли Севрэна желать выздоровления двоюродного брата — он видел в этом вопрос чести для себя и таким образом выражал свое страстное желание:

— Доктор, Генрих не может, не должен умереть! Что будет со мною, если и этот юноша умрет вслед за другими членами семьи?

— Что будет с вами?..— запнулся доктор Вальтон и обвел глазами богато меблированную комнату.

Краска покрыла смуглое лицо купца, и он возразил с горечью:

— Вы хотите сказать, что я наследую все это. Несомненно! И что по примеру других, получающих наследство, буду лицемерно жалеть о вымершей семье. Ведь вы не знаете того, что я сам вызвал в Америку отца Генриха. Я, таким образом, вмешался в судьбу семьи и не могу примириться с мыслью, что она погибнет вся по моей вине. Если бы Галлеры остались на своей родине, в Эльзасе, они, может быть, не стали бы так богаты, но зато избежали бы этой ужасной эпидемии, которая внесла траур во столько домов Нового Орлеана. Вы спасли жизнь Генриха, и я вам от души благодарен за это,— сказал он, крепко пожимая руку доктора,— но видеть его разочарованным, неутешным, не желающим возвращения к жизни, слышать, что изнурительная лихорадка должна перейти у него в чахотку и что он должен умереть,— это выше сил моих!

Необузданная натура Севрэна не выдержала тут — он испустил несколько проклятий, ударил по столу так, что тот чуть не разлетелся, вытер кулаком заплаканные глаза и сказал:

— Я никогда не прошу вам этого! И что после этого вся ваша медицина? Шарлатанство, годное лишь на то, чтобы морочить дураков!

Чтобы поддержать честь своей профессии, доктор начал излагать историю болезни Генриха Галлера со всеми ее последовательными видоизменениями. Рассказ этот не представлял ничего нового для Севрэна, так как он не раз уже слышал его за неделю своего пребывания в Новом Орлеане. Только конец речи доктора обратил на себя его особенное внимание.

— Вот если бы можно было произвести реакцию! — воскликнул доктор.

— Реакцию! Значит, вы до сих пор еще не произвели должной реакции всеми вашими лекарствами? В таком

случае я берусь произвести реакцию, — разумеется, другими средствами, не пилюлями и не микстурами, — и Севрэн направился к двери больного.

— Будьте осторожны, господин Севрэн, ваш двоюродный брат очень слаб, не волнуйте его.

— А вы уж чересчур берегли его, позволяли ему на досуге предаваться горю. Всё вокруг него, включая печальный вид слуг, напоминает ему, что он остался один на свете, что он никому более не нужен и ни на что не годен, — так, по крайней мере, сам он выразился, когда я по приезде заговорил с ним. Войдите со мною, доктор, во не мешайте мне действовать.

Карл Севрэн был из тех людей, которые не идут, а бегут к своей цели, поэтому, очутившись около своего двоюродного брата, заваленного книгами и журналами, на которые он, впрочем, не обращал никакого внимания, Севрэн прямо приступил к осуществлению задуманного им плана.

— Мне кажется, Генрих, что вид у тебя теперь лучше. Не явился ли у тебя аппетит перед обедом?

— Я позабыл, что такое аппетит, — сказал молодой человек.

— Хорошо ли ты спал эту ночь?

— Я вовсе не сплю, — с улыбкой ответил Генрих.

— Ты решительно хочешь привести меня в отчаяние?

— Вас, господин Севрэн? — удивленно переспросил больной.

Генрих Галлер мало знал своего двоюродного брата, изредка приезжавшего в Новый Орлеан. К тому же грубость манер этого степняка-купца не слишком нравилась молодому человеку, воспитанному среди роскоши и утонченности. Когда Севрэн приехал, молодой человек подумал, что, значит, конец его близок, и мысль эта была ему даже приятна. Относительно двоюродного брата он решил, что тот, следуя лишь закону приличия, приехал в вымерший дом закрыть глаза последнему родственнику. Удрученный смертью всех близких, молодой человек, если и пережил эпидемию физически, нравственно не мог помириться со своим одиночеством. Он умирал, потому что не чувствовал влечения к жизни.

Севрэн понял обидный для него смысл этого восклицания, но, не показывая вида, взял руку больного и сказал:

— В самом деле, ты меня приводишь в отчаяние. Мне нельзя долго оставаться в Новом Орлеане: у меня есть

существенные дела на Востоке. Если ты скоро не выздоровеешь, тебе нельзя будет отправиться со мною, как бы я того желал.

Доктор Вальтон пожал плечами от удивления. Больной посмотрел на свои руки, выделявшиеся своей худобой и белизной на фоне темного одеяла:

— Я понимаю вас обоих, — сказал Севрэн, бросая укоризненный взгляд на доктора, — но я убежден, что от Генриха зависит, быть или не быть здоровым. Ты никуда до сих пор не ездил, Генрих. Ты хотел сделаться ученым, каким был твой отец, — о, как я его любил! — ты ничего не хотел знать кроме книг. Я их не браню, хотя сам редко в них заглядываю. И знаешь ли почему? То, что другие вычитывают из книг, я узнаю из самой жизни, из живой природы. Когда мы заживем вместе, ты, конечно, многому меня научишь, но и я могу многое тебе показать. Когда мы с тобой проедемся по дикому Востоку, и ты увидишь горы и их склоны с богатую растительностью, увидишь эти райские сады, тебе станет непонятно, как можно променять эту ширь на душный город. Ты полюбишь степь и жизнь в ней, полную приключений, где каждый новый день приносит новые случайности. Ну, скажите, разве не полезно для молодого человека поехать по свету? По-моему — полезно и приятно. Ты качаешь головой... А вы, доктор? Чего же вы молчите? Разве вы не одобряете моего плана увезти брата на северо-восток?

Призванный к совещанию доктор пустился в пространный рассказ о тех местностях, по которым ходили караваны Севрэна. В качестве заслуженного ботаника, он стал перечислять богатую растительность прерий. Тут был и молочайник, со своими серебристыми листьями, и оранжевые лепестки ластовня и многое другое. Нарисовав картину снежных высот, обрамляющих горизонт, он пустился в описание лесов, которые растут по склонам гор, указал на их летнее убранство, на пестроту листвы осенью, на пернатых обитателей, украшенных разноцветными перьями как драгоценными камнями, каковы голубая сойка и всевозможных цветов попугаи...

Но напрасно доктор тратил свое красноречие, описывая прелести дальнего путешествия, и даже, возбужденный собственным рассказом, вспоминал юношеские подвиги, совершенные им на охоте в этих самых равнинах: больной равнодушно смотрел на рассказчика и, казалось, слушал его из одной вежливости.

— Что же, Генрих,— спросил Севрэн,— явилось ли у тебя желание посетить эти места?

— К чему? — прошептал, больной и сделал едва заметное движение головой.

Купец схватил руку молодого человека, сжал ее, может быть, сильнее, чем бы следовало, и, стоя у изголовья больного, произнес с чувством:

— К чему? Да к тому, чтобы мне не уезжать отсюда с разбитым сердцем, к тому, чтобы нам двоим составить одну семью. Я одинок, ведя бродячий образ жизни, я не мог жениться. Поэтому я посвятил себя дяде и его семье, и твой покойный отец знал, что я работаю для вас. Теперь и ты стал одинок, и от этого мне стал еще дороже. Если же ты так мало ценишь мою привязанность, что не хочешь ради этого жить, то, повторяю, я уйду, простив тебе, но с болью в сердце... Если бы твой отец был жив, он сказал бы тебе, что я не заслуживаю такого огорчения.

Больной привстал со своего ложа и широкими глазами глядел на своего грубого родственника, лицо которого совершенно преобразилось под влиянием глубокого и искреннего чувства.

В ответ на последние слова Севрэна Генрих, склонившись к нему, произнес:

— Значит, ты любишь меня, брат? Значит, я не один на свете, как воображал?

— Конечно же! — воскликнул Севрэн, обнимая своего родственника так горячо, что доктор счел себя вынужденным сдержать его восторг.

Но купец не обращал никакого внимания на советы медика, он обнимал и трепал Генриха как маленького ребенка, вопрошая:

— Выздоровеешь ли ты, наконец, хочешь ты выздороветь?

— Да, хочу.

— И ты отправишься со мною и не покинешь меня больше?

— Да, обещаю.

Через три месяца Генрих Галлер прибыл в Сент-Луи, где у него было назначено свидание с двоюродным братом, так как последний не мог дожидаться на месте его выздоровления. Теперь от болезни осталась только некоторая медлительность в движениях — вместо того, чтобы

утомить его, путешествие; совершенное весной, в первых числах апреля, укрепило его. Он испытывал наслаждение, равно присущее и молодому, и старому,— наслаждение знакомиться с новой местностью, с новыми типами людей. Поэтому-то он не очень огорчился тем, что прибыл в Сент-Луи раньше своего родственника, который, посылая ему маршрут, клал очень много времени на отдыхи выздоравливающему. Генрих Галлер пренебрег остановками и приехал тремя днями ранее срока в гостиницу плантаторов в Сент-Луи. Содержатель гостиницы объявил ему, что Севрэн должен еще находиться на верховьях Миссури, занятый закупкой товара. Генрих не терял времени даром: он гулял по городу и по валу, объездил окрестности Сент-Луи на своей лошади, которую взял с собою в уверенности, что она пригодится ему в пустыне и не осрамит себя.

Это было великолепное животное, наполовину арабской крови, которому первый его хозяин, испанец, дал прозвище Моро. Темно-гнедой конь, с тонкими ногами, быстрой и твердой поступью, был достоин славы своих арабских родичей. Генрих Галлер скоро оценил подобного товарища, привязавшись к нему сам, сумел и его привязать к себе.

Только что он прибыл в Сент-Луи, как случай свел его с одним швейцарским эмигрантом. У него он купил великолепную ньюфаундлендскую собаку, по имени Альп, которая сейчас же подружилась с Моро. Молодой человек рад был иметь под руками эту пару красивых и умных животных, так как за все время пребывания его в гостинице плантаторов ни одно человеческое существо не изъявило желания познакомиться с ним или даже заметить его.

Между тем народу в гостинице было много, и между прочим одна компания джентльменов, по-видимому очень дружная, так как они не расставались во все время. Когда Генрих возвращался со своих длинных прогулок верхом на Моро и в сопровождении Альпа, он всегда встречал этих людей, шатающихся бесцельно по улицам. За табльд'отом компания эта держалась особняком, шумела, ела больше других, пила дорогие вина и курила громадные сигары.

Генриха очень интересовало странное поведение этих людей, так как до сих пор он ничего подобного не видал в обществе, среди которого вращался в Новом Орлеане.

Все они занимались, вероятно, одним делом, так как,

кроме неизбежного различия в лицах, которое замечается во всяком обществе людей, они имели очень много сходства между собою. Одеты они были одинаково, в черное платье; брильянтовые булавки в галстуках слишком бросались в глаза своими размерами и обличали недостаток вкуса, но зато шелковые жилеты были безукоризненны, а чистое тонкое белье выделялось на шее, казавшейся бронзовой от загара.

Некоторые носили баки, другие — усы, но и те и другие были тщательно завиты. Походка у всех казалась неповоротливой и небрежной, что вообще характерно для восточных американцев. Генрих вообразил сначала, что это охотники, и был бы не прочь вступить в их компанию, но общество оказалось очень замкнутым и не желало принять постороннего в свою среду. Никто не хотел заметить попыток Генриха познакомиться, и Генрих тотчас прекратил эти попытки: он был горд и боялся унижительного отказа. Итак он продолжал удивляться разгулу этой веселой компании, не разрешив для самого себя вопроса, кто они такие. С приездом Севрэна он узнал, наконец, что это были за люди.

На третий день после приезда в город Генрих поспешно спускался на зов обеденного колокола, так как теперь, после прогулок верхом, у него являлся порядочный аппетит. В передней он увидел тех, кого называл клубом охотников — они окружали кого-то вновь прибывшего.

Впервые теперь ими было обращено внимание на молодого человека, а некоторые даже улыбнулись ему. Генрих недоумевал, что бы значила эта необыкновенная любезность, но в это время особа, которую они все окружали, вырвалась навстречу молодому человеку и восторженно приветствовала его. Это был Севрэн, который осыпал своего кузена вопросами о его здоровье и радостными восклицаниями. Он, по-видимому, не стеснялся присутствием посторонних лиц, также и они, вопреки требованию приличия, громко продолжали смеяться, называя Севрэна приятелем и добрым малым.

Впрочем, шутки их были безобидные, и Севрэн первый же смеялся им. Генриху он сказал:

— Нужно тебя представить этим господам — это мои друзья.

— Кто они такие? — спросил Генрих. — Вероятно, охотники или богатые плантаторы, которые собрались здесь, чтобы попользоваться городскими удовольствиями?

— Нет, просто степные купцы, как и я. Вот это Бент, вот Сублет и большой Джерри Фольгер.

Когда представление кончилось, купцы поочередно выразили сожаление, что не знали ранее того, что Генрих кузен Севрэна.

— Если бы мы знали, что вы из наших,— сказал Биль Бент,— мы тотчас побратались бы с вами. Но вид у вас точно у молодого ученого, только что покинувшего университет. Вы казались таким степенным, что я готов был голову заложить, что у себя в комнате вы смеетесь над нами и считаете грубыми, неотесанными парнями.

— Достаточно комплиментов,— сказал большой Джерри Фольгер,— мы только-только успеем что-нибудь выпить до второго звонка.

Была весна, и мята была в полном цвету. Купцы, очевидно, были посвящены в ботанику, так как спросили себе прохладительное питье из мяты. Приготовление и поглощение питья заняло время до обеда.

По обыкновению обед состоял из дичи, буйволового языка, пулярок и сочных иллинойских лягушек. Когда другие удалились, группа охотников продолжала заседать за столом. Биль Бент предложил выпить мадеры за здоровье родственника Севрэна и, к удивлению Генриха, приказал принести корзину вина, стоившего 12 долларов бутылка.

Генрих полагал, что одного вида этой батареи бутылок достаточно, чтобы опьянеть; но у купцов были крепкие головы, и они, как ни в чем не бывало, продолжали свои возлияния.

Веселость их дошла до высших пределов и выразилась в том, что Биль Бент под аккомпанемент гитары пропел испанскую песню, солидный Джерри Фольгер протанцевал индейский танец, чтобы дать о нем понятие Генриху, а в довершение всего молодой Сублет предложил пропеть гимн. От этого гимна задрожали стекла, гул наполнил всю комнату, и снаружи певца приветствовали аплодисменты.

На другой день Генрих Галлер проснулся с ужасной головной болью, но без негодования на причину этого расстройства.

— Что ты скажешь о моих друзьях? — спросил его Севрэн, пока он одевался.— Конечно, они грубоваты, но за грубоватой внешностью скрывается хорошее и надежное содержание. Перспектива пробыть в их обществе несколько месяцев не пугает тебя?

Нисколько,— ответил Генрих.— Вчерашний день выбил меня немного из колен, но я думаю, что это мне полезно.

В эту минуту человек шесть из компании ввалились в комнату молодого человека в сопровождении слуги, несшего стаканы, обложенные льдом и наполненные какой-то желтой жидкостью.

— Глоток шерри, господин Галлер,— сказал Билль Бент.— Это лучшее лекарство для выздоравливающего. Пейте смело, это местный напиток. Вы мигом освежитесь.

— Вы и вправду едете с нами? — спросил другой.

— Да, конечно. Я ждал только кузена, чтобы спросить у него, чем я должен запастись. Я не хочу следовать ли вами в полнейшей праздности, милый Севрэн. Я также хочу иметь свой товар и продавать его в Санта-Фе. Итак, господа, если кто из вас желает помочь мне в выборе товара, то должен согласиться на одно мое условие: сегодня за обедом я угощаю вином,— это будет оплатой за услугу.

Купцы много смеялись остроумному способу, которым Генрих хотел отплатить им за вчерашнее угощение. Они все готовы были сопровождать Генриха,— и к обеду он успел закупить себе миткалю, разных мелких железных и медных вещей и зеркал; телегами же и мулами он должен был запастись в форте Индепендент, откуда караваны выходили в степь.

Через несколько дней Генрих вполне освоился среди молодых купцов. Его, правда, находили чересчур серьезным, но серьезность искупалась приветливостью и любезностью, поэтому он стал вскоре всеобщим любимцем. Радужный прием, оказанный ему сначала, обуславливался уважением, которое все питали к Севрэну, но скоро личные качества самого Генриха расположили к нему всех.

Глава 2

ЦЕНА КРОВИ

Употребив неделю на то, чтобы запастись мулами и фургонами, или вагонами, как их там называют, в местечке Индепендент, караван двинулся, наконец, в путь по равнине; он состоял из 100 вагонов и 200 человек.

Генрих Галлер так увлекся новой ролью степного купца, что его товаром наполнились два вагона. Для надзора за ними и для управления мулами он нанял двух длинных худых миссурійцев. Кроме того, Севрэн, ни на минуту не терявший из виду состояния здоровья и настроения своего кузена, приставил лично к нему слугу, канадца, по имени Годэ, которого он знал как честного и веселого парня, способного разогнать грустные мысли своего господина. Читатель поймет, конечно, что в степи не может быть речи о строгом этикете: преданный слуга превращается скоро в друга, а если он находчив и остроумен, то ничто не мешает ему забавлять своего господина в долгие часы отдыха.

Но что случилось с нарядными джентльменами? Повидимому, они остались в гостинице плантаторов, так как около фургонов только и видны были люди, одетые в охотничьи платья, в шляпах с нависшими полями. Между тем это были они, и хотя от черных костюмов с брильянтами в галстуках не осталось и следа, нельзя было и теперь отрицать в их новых костюмах многих достоинств, а именно: соединения изысканности с целесообразностью. Все, за малым исключением, были одеты одинаково, а Генрих Галлер представлял собою, по общему мнению, безукоризненный образец, блестящий своей новизною. В самом деле, каждый элемент его туалета подвергался при покупке строгой критике товарищей, а потому весь костюм вышел классическим для людей этой профессии: охотничья блуза из пестрой замши (ланья кожа), светло-желтая, украшенная шитьем и стежкой — по покрою она напоминала древние туники — как ворот, так и длинная широкая юбка были обшиты бахромою, вырезанной из того же материала. Пара гамашей из красного сукна сдерживала выше колен суконные же, но серого цвета панталоны. На ногах — тяжелые сапоги с медными шпорами. Цветная рубашка, голубой галстук и широкополая шляпа «Гуаквиль» дополняли наряд. За седлом Моро находился весьма ценный предмет, свернутый в трубку. Это макинав — плащ на случай дождя и постель на ночь. Фасон его чрезвычайно прост, это — громадный кусок красного сукна, вверху сделано круглое отверстие, в которое только и может пролезть голова. Когда холодно, или идет дождь, Генриху стоит только накинуть макинав, и он защищен с головы до ног, если же он верхом, то плащ защитит вместе с ним и Моро от злой непогоды.

Кроме непогоды, степь представляет и другие опасности, поэтому Генрих вооружен с головы до ног: в кобурах у него два шестиствольных револьвера Кольта большого калибра, два других поменьше, в пять стволов, заткнуты за пояс. Кроме того, у него великолепное ружье, из которого он может выстрелить подряд 23 раза за равное количество секунд. За поясом у него торчал особого рода нож из тонкой стали,— этот инструмент служит поочередно для охоты и для стола. Наряд молодого человека завершали охотничья сумка, пороховница в виде груши, висящая на ремне, тыквенная бутылка и сумка с провизией.

Если Генрих Галлер не мог перед товарищами особенно похвастаться своим вооружением, то лошадью своею он, несомненно, в праве был гордиться, так как не было подобной лошади во всем караване. Недаром возбуждала она всеобщую зависть: караван шел уже неделю, а между тем лошадь по окончании дневного перехода не обнаруживала ни малейшей усталости, тогда как мустанги у других были всегда к вечеру измученные и уставшие. Многие предлагали Генриху хорошие деньги за лошадь, но, во-первых, молодой человек не нуждался в деньгах, а во-вторых, он ни за что бы не расстался с таким животным, которое всегда прибегало на зов и служило ему верой и правдой. И, наконец, продавая Моро, пришлось бы расстаться и с Альпом, который ни на шаг не отставал от лошади, а ночью спал между ее ног.

Путешествие продолжалось несколько дней без каких-либо примечательных событий. Севрэн, окружавший Генриха самою нежною заботливостью, с радостью замечал, что здоровье его улучшается, а с ним вместе возрастает и веселость. Веселость эта проявлялась особенно на остановках, где все старались развлечься какими-нибудь шутками или остроумиями. Хоть купцы и жаловались на однообразие путешествия, но молодой человек не переставал восхищаться открывавшейся перед ним картиной природы. Он любовался тем резким контрастом, который представляли вагоны, эти корабли степей, с окружающей их темною зеленью; при спусках они растягивались гуськом и представляли одну бесконечно тянущуюся линию.

Течение реки обозначалось издали рядом высоких хлопчатников, их стройные, как колонны, стволы имели наверху густую шапку серебристой листвы. Линии дерев,

в разных направлениях, казались гигантскими изгородями.

Часто приходилось переправляться через реки, иногда вброд, иногда вплавь; тогда всплывали и вагоны. Время от времени им попадались лани и антилопы, в которых они стреляли.

Иногда, выбрав тенистое местечко на берегу ручья, караван делал дневку. Во время такого отдыха обыкновенно исправлялись погрешности в платье и упряжи. Генриху при этом нечего было делать: двое его слуг-миссурийцев оказались ловкими малыми, которые справляли все хозяйственные мелочи, не беспокоя своего господина. Наконец, Севрэн всегда готов был в затруднительных случаях заменить своего кузена.

Итак во время остановок молодой человек свободно мог заслушиваться рассказами своих товарищей, которые любили вспоминать былое.

Самым интересным рассказчиком, имевшим про запас всякие, и грубые, и трогательные, рассказы, был, без сомнения, Годэ. Кем он только не был: и охотником-звероловом, и путешественником, и проводником по лесам, и чего только не видал он в пустынях Востока.

Вопросы, задаваемые ему молодым человеком, касались большею частью индейцев, этого постоянного бича белых путешественников. Пока еще ни один не встретился им. Эти люди с их первобытными нравами крайне интересовали Генриха. Он готов был, по примеру некоторых гуманных людей, проклинать цивилизацию, которая с каждым годом оттесняла все глубже в степь этих бедных детей природы и отнимала у них владения. Он находил много поэзии в их жизни и не стеснялся высказывать это.

Такой взгляд не нравился ни Годэ, ни купцам. Однажды, когда Генрих высказал его с чрезмерною пылкостью, Биль Бент, сидевший рядом на траве, возразил:

— Когда мы заедем далеко и вам придется стрелять по этим скотам, вы позабудете ваши филантропические бредни. Практика, любезный друг, убивает теорию. Но, по совести, когда господствует вражда между краснокожими и белыми и последние радуются каждому индейскому скальпу, вы, как белый, можете ли все-таки перейти на сторону врагов, которые без жалости грабят, крадут и убивают ваших соотечественников?

— Я не отрицаю их преступлений,— возразил молодой человек,— но позвольте мне оплакивать их несчаст-

ную участь. Конечно, белые правы, когда принимают меры против крайних проявлений дикости своих соседей, но я нахожу безнравственным платить за головы людей, как это делается по словам Годэ. А вы сами, Биль Бент, несмотря на ваше презрение к несчастным индейцам, не закотите, я думаю, протянуть руки человеку, который называется охотником за черепами, чей промысел состоит в продаже начальству скальпов убитых им врагов — доказательства его подвигов. Это напоминает мне практикующийся во Франции и Англии обычай, по которому из городской управы выдается плата за каждого убитого лесного зверя, — волка, например. Но ведь это же люди! Сознаться, Биль Бент, разве вам не было бы противно прикоснуться к руке, на которой запечатлена цена крови?

Биль Бент кашлянул в руку, слегка покраснел и начал обмахиваться своей широкополой шляпой.

— Ба! — сказал он. — Вы странно смотрите на вещи, мне это никогда в голову не приходило... С вашей точки зрения — сознаюсь... Но я совсем об этом не думал, когда однажды обедал в Санта-Фе с Сэгином — начальником этих охотников за черепами, — настоящий джентльмен, уверяю вас, храбрый как лев и притом хорошо воспитанный.

— А как хитер! — добавил Годэ с восхищением. — Во время примирения он пригласил целую деревню на пиршество и предложил индейцам отравленную еду, таким образом скальпы достались ему очень дешево. В другой раз он ухитрился поместить перед пушкой двести дикарей, которые не знали употребления этого орудия. Когда он выпалил, вся куча легла на месте.

Генрих пришел в ужас от этого рассказа. До сих пор Севрэн не принимал участия в разговоре, но тут он сказал:

— Уж и выдумают! Если бы слухи о всех убийствах, приписываемых Сэгину, были достоверны, то не существовало бы более в Северной Америке ни одного индейца. Я знаю, что Сэгин безжалостен на охоте, которою занимается, но я отказываюсь верить, чтобы он прибегал к бесчестным средствам; это не в его характере.

— Все равно! — воскликнул Генрих Галлер, — названный человек занимается позорным ремеслом, и я готов высказать ему это в лицо.

— Ну, зачем же так? — пробормотал Биль Бент.

Такое различие во взглядах вносило еще больший ин-

терес в вечернюю беседу; в общем же вся обстановка нравилась Генриху. Воспоминание о дорогих сердцу людях не изгладилось из его памяти, но превратилось в какой-то священный культ. Путешествие доставляло ему нравственное и физическое удовлетворение. Кровь обращалась быстрее в жилах, зрение обострялось — он мог не мигая глядеть на солнце. Иногда, не в силах будучи сдержать прилива энергии, которую он чувствовал в себе; он скакал вперед на своем Моро; обыкновенно из таких экскурсий он возвращался с целым пучком цветов, упоенный их благоуханием, солнечным светом, окружающей поэзией. Одним словом, им овладела степная горячка.

Сначала он не понимал значения этих слов, которые так часто были на языке у его спутников и всегда произносились ими с усмешкой. Означают они такое нравственное состояние возбужденности, которое заставляет путешественника забывать прошлое, худо ли оно или хорошо, и жить только впечатлениями минуты. Севрэн ничего так не желал для своего родственника, как именно этого забвения. Когда Генрих возвращался с какой-нибудь прогулки веселый и возбужденный, Севрэн говорил своим товарищам:

— Да простит Бог доктору Вальтону, который считал Генриха неизлечимым. Путешествие на Восток действеннее всех медикаментов из нью-орлеанских аптек.

Когда караван стал подъезжать к Арканзасу, вдали начали показываться всадники, но они тотчас же прятались за холмами — это были индейцы из племени павниев. В течение нескольких дней отряды их бродили вокруг каравана, но страх перед карабинами удерживал их на почтительном расстоянии. Наконец караван достиг берега реки шестью милями выше известных холмов Плум-бут (холмы, покрытые плодами). Вагоны поставлены были в круг, лагерь расположился внутри круга.

Отряду нужно было добыть свежей говядины. До сих пор им попадались буйволы только изредка; между тем они добрались до мест, где буйволов очень много и где они ходят большими стадами.

— Вот куда нужно идти! — вскричал Севрэн, перебивая спор охотников о том, в какую сторону направиться, чтобы иметь больший успех. — Вот куда, и у нас будет свежее мясо к ужину.

Охотники, в том числе и Генрих, взглянули по указанному направлению. Пять черных фигур выделялись на

небольшом пригорке. Тотчас подтянули подпруги, опустили стремена, и наши охотники галопом понеслись на добычу. Севрэн охотно последовал бы за ними, но он боялся насмешек, которыми его щедро награждали за чрезмерную заботливость о Генрихе. Генрих был теперь настолько здоров, что мог быть предоставлен самому себе. Севрэн остался, но отрядил верного Годэ за своим господином.

Охотники неслись во всю прыть; в этот день они проехали немного, и лошади их были свежи. Из трех миль, отделявших их от пригорка, они уже проскакали две, но тут звери почували их приближение.

Некоторые новички, в том числе и Генрих, вместо того, чтобы обойти зверя сбоку, держались прямо на него и спугнули животное. Один из буйволов поднял свою косматую голову, начал фыркать и бить землю копытом, затем пустился бежать прочь в сопровождении товарищей.

Охотникам приходилось выбирать: или преследовать добычу, или ни с чем возвращаться в лагерь. Они предпочли первое и очутились перед земляным валом, вышиною в шесть футов. Это была как бы ступень громадных размеров, отделявшая одну площадь от другой, более возвышенной, и тянулась она на протяжении громадного пространства без перерыва, не образуя нигде прогалины.

Это препятствие несколько охладило пыл охотников. Многие повернули назад к лагерю, сочтя, что трудность в данном случае превышает удовольствие, доставляемое охотой. Только человек шесть, у которых лошади были лучше, решили настоять на своем намерении. Они дали шпоры лошадям и взвились на высоту. Так как Генрих был в их числе, то и Годэ последовал за ним.

Пришлось проскакать около пяти миль, чтобы догнать одно из животных, а именно молодую буйволицу; число пуль, поразивших ее, равнялось числу преследователей.

Содрав шкуру с убитого зверя охотники начали обрабатывать, как далеко они отъехали от лагеря.

— Восемь миль с точностью до одного дюйма! — воскликнул Биль Бент.

— Мы находимся возле дороги, — сказал Годэ, указывая на старые следы вагонов, которыми обозначался торговый путь из Санта-Фе.

— Так что же? — спросил Генрих.

— Если мы вернемся в лагерь, то завтра мы должны будем возвращаться той же дорогой, что в общей сложности составит 16 миль, потерянных даром. Если же мы подождем своих, то просто соединимся с ними. Не так ли? У нас есть здесь трава и вода, кроме того — свежее мясо к ужину. Никто, кажется, не позабыл своего одеяла. Останемся здесь в качестве передового отряда. Согласны?

Всем понравилось это предложение; даже Генрих Галлер не возражал, хотя и боялся, что Севрэна может обеспокоить его долгое отсутствие.

В одно мгновение расседлали взмысленных лошадей и отпустили их пастись, сами же расположились на берегу прозрачного ручья, который бежал к Арканзасу. Набрали дерева, развели костер, нарезанное ломтями мясо насадили на вертел, и скоро пламя затрещало от капавшего на него сока. Охотники имели при себе тыквенные бутылки и трубки, таким образом у них оказалось все нужное для комфорта; они засиделись и заговорились допоздна. Мирная беседа их была нарушена только прибытием Севрэна, который не мог спокойно оставаться в лагере и нашел охотников по огню. Вечер закончился веселыми шутками по адресу Севрэна за его чрезмерную заботливость о молодом родственнике.

Перед тем как ложиться спать, укоротили поводья у лошадей, а также вбили поближе колья, к которым они были привязаны. Завернувшись в одеяла и положив седла под головы, все заснули, не предчувствуя, какая тревога их ожидает этой ночью.

Генриху не хотелось оставаться около огня. Многие из охотников громко храпели, и это мешало ему заснуть. Молодой человек направился к местечку, понравившемуся ему еще днем, у самого берега реки. Чуть заметный скат был покрыт мягкой густой травой и представлял такое ложе, которому позавидовал бы даже избалованный человек.

Генрих, уходя, ничего не сказал Севрэну, так как последний спал уже мертвым сном.

Несмотря на то, что никакой опасности не предвиделось, было решено, что каждый по очереди будет сторожить остальных. Первым заступил на вахту некто по имени Гибет, получивший от товарищей прозвище «Соня». Его назначили с вечера на том именно основании, что это самое безопасное время в смысле нападения индейцев, да и всякого другого нападения тоже. Гибет занял свой

ност на вершине холма, откуда взору его открывалось большое пространство.

Генрих, уходя с бивуака, крикнул «Соне», чтобы тот в случае тревоги знал, где его искать.

С сигарой во рту он растянулся на своем плаще, но спнул не сразу. Луна светила так ярко, что молодой человек мог различать цветы: белый молочайник, золотистый подсолнух, красный мак, которые обрамляли речку. Он мечтал до тех пор, пока не обжег себе рот сигарой, только тогда, повернувшись на другой бок, предался сладкой дремоте.

Но прошло немного времени, и он очнулся от необычайного шума, напоминавшего отчасти гром, отчасти падение водопада. Земля гудела.

— Мы попадем, должно быть, под грозу,— смущенно произнес он и в ожидании ливня крепче завернулся в свой плащ.

Однако гул становился все сильнее и явственнее, заставив Генриха вскочить на ноги. Шум копыт сливался с ревом великого множества быков. Земля дрожала под ними. Тут Генрих услышал голоса своих товарищей, голоса Севрэна и Годэ, которые изо всех сил кричали:

— Берегитесь, буйволы!

Генрих быстро высвободился из плаща и осмотрелся. Товарищи его поспешно сводили лошадей с пригорка. На востоке ему представилась ужасная картина: вся долина казалась в движении, черная волна неслась подобно потоку лавы. Тысячи блестящих точек как молнии вспыхивали и потухали на этой движущейся поверхности. Земля гудела, люди кричали, лошади громко ржали. Альп, очутившийся рядом со своим господином, лаял и рычал.

Все это в первую минуту подействовало на Генриха как тяжелый кошмар, он не сообразил, что нужно как можно скорее бежать к своим; когда же опомнился, было слишком поздно. Черный поток находился уже не далее как в десяти метрах от него, были хорошо видны мохнатые горбы и блестящие глаза буйволов.

— Великий Боже, они задавят меня!

Бежать было поздно. Генрих схватил ружье и выстрелил в передового зверя, не имея, впрочем, возможности узнать, сколь удачен был этот выстрел. В ту же минуту его всего обрызгало водою — громадный буйвол ринулся из ручья на берег. Затем он был приподнят на

воздух и отброшен назад в движущуюся массу. Генрих не был ни ранен, ни ошеломлен; он сознавал, что его мчат на своих спинах буйволы, представляющие собой сплошную массу. Быстро сообразив, что единственно может спасти его, он оседлал ногами первое попавшееся под ним животное и крепко вцепился в его косматую шерсть. Испуганное животное ускорило бег и, наконец, опередило все стадо; этого только и желал Генрих. Буйвол мчался по равнине, думая, вероятно, что в него вцепилась пантера.

Генрих вовсе не желал его в том разуверять. Напротив, вытащив свой нож, он, как только животное замедляло шаг, колот ему бока; буйвол отвечал на это ревом и бежал вдвое скорее.

Генрих подвергался, конечно, страшной опасности; если животное, на котором он сидит, остановится, он неминуемо будет раздавлен стадом, которое следовало в очень близком расстоянии развернутой колонной в милю шириной.

Но сколь не велика была опасность, положение было отчасти комическое, и Генрих не мог удержаться от смеха.

Бешеная скачка привела их на место, населенное полевыми кротами. Тут веселость покинула Генриха: он боялся, что животное бросится в сторону, чтобы избежать коварных препятствий на пути. К счастью, буйволы имеют привычку бежать всегда прямо, и этот остался верен своему инстинкту. Он проваливался, падал на передние ноги, шипел от ярости, вскакивал и опять бежал прямо.

Пригорки Плум-бут находились как раз на пути этой странной скачки с препятствиями. Генрих понимал, что для спасения ему необходимо достигнуть их. Они были в трех милях от бивуака, но молодому человеку казалось, что он проехал все десять. На некотором расстоянии от этих высот, посреди долины, подымался отдельный холм. Генрих с помощью ножа стал направлять своего буйвола к этому месту; животное послушалось, наступил решительный момент. Прежде чем соскочить на землю, Генрих мог покончить с животным,— стоило только вонзить нож в наиболее чувствительную часть тела; но счел позорным так дурно отплатить своему избавителю. Осторожно соскользнув со спины животного, он со всех ног побежал на горку. Очутившись на вершине ее в

полной безопасности, Генрих присел на скалу и огляделся вокруг.

Луна по-прежнему ярко светила. Буйвол, с которого он соскочил, так и остановился на том самом месте. Животное стояло с растерянным видом, казалось, его бычачий мозг никак не может уразуметь случившегося. В позе и в выражении морды было так много смешного, что Генрих во второй раз не выдержал и рассмехался.

Взглянув по направлению к юго-востоку, он увидел прежнюю картину — черную движущуюся массу; но теперь эти тысячи блестящих фосфорических огней не пугали его, он чувствовал себя в полной безопасности на холме. Вдруг слева от стада показался легкий дымок, послышались выстрелы. Из этого он заключил, что товарищи целы, его беспокойство относительно судьбы Севрэна несколько улеглось.

Стадо приближалось к пригорку, достигнув его, животные разделились на два отряда и двумя потоками окружили убежище Генриха. Последний был очень удивлен поведением своего товарища-буйвола — вместо того, чтобы дожидаться своих и занять место в авангарде, он поскакал от них прочь, как будто его преследовали не буйволы, а волки. Он бежал вперед и вместе с тем брал в сторону, когда же очутился во фланге, то постепенно приблизился к стаду и смешался с ним.

Позднее Генрих узнал причину такого поведения буйвола. Если бы он спокойно стал дожидаться своих, они бы, пожалуй, дурно обошлись с ним, приняв его за чужого.

Генрих ждал часа два, пока поток не схлынет, сидя как на островке. Одну минуту ему показалось, что стадо неподвижно, а сам он вместе со скалою уносится куда-то. Голова у него закружилась, необходимо было закрыть глаза и переменить положение.

Но вот миновал и арьергард. Генрих, наконец, мог спуститься с пригорка. Он начал искать дорогу в степи. Вся зелень исчезла, вместо нее была взрытая и взбитая черная земля. Кругом бродили стадами белые волки, ища отсталых. Генрих направился к югу. Наконец он услышал голоса и при свете луны увидел несколько всадников, разъезжавших по долине. Когда он их окликнул, все тут же бросилось к нему. Первым прискакал Севрэн, соскочив наземь, чтобы расцеловать брата, он не мог сло-

ва сказать от радости и только глядел на Генриха, щупал его руки, плечи, желая убедиться, действительно ли тот цел и невредим.

— Откуда вы свалились? С неба? С облаков? Объясните, пожалуйста,— забросали его вопросами товарищи, между тем как Годэ воскликнул с восторгом:

— Бог мой! Быть поднятым на рога, сброшенным на землю, потоптанным тысячами рассвирепевших буйволов — и остаться в живых, не быть даже раненым! Это ли не чудо! Или мой господин — колдун? Ура! Самый ловкий из вас не отделался бы так легко.

Все разом говорили, вернее, кричали; каждый хотел пожать молодому человеку руку.

— Мы считали вас погибшим,— сказал Биль Бент,— и желали только отыскать ваш труп или, лучше сказать, то, что от него могло остаться. Мы исколесили долину на пространстве целой мили и готовы были предположить, что дикие животные вас совершенно уничтожили. Но вы здесь и живы, мы вдвойне рады этому, так как приятель наш Севрэн готов был уже с ума сойти.

— Уничтожили! — воскликнул Годэ.— Ловко бы я тогда расправился с Гибетом. Черт возьми этого «Соню», не сумел нам сказать, где мой господин.

— Я совсем растерялся,— пробормотал Гибет так жалобно, что Генрих поспешил уверить его, что нисколько не сердится.

— Мы видели вас в последний раз, когда вас подбросило кверху, и вы затем упали в самую серединку стада. Но скажите, ради Бога, как вы выбрались оттуда?

Генрих рассказал удивленным слушателям подробности своего спасения.

— Опытные охотники погибли бы там, где вы, новичок, действовали с необыкновенным присутствием духа.

— О,— воскликнул Годэ,— я всегда думал, что мой господин всех перещеголяет! У него хороший глазомер и истинная храбрость, которая умеет взвешивать обстоятельства.

Около дюжины буйволовых туш свидетельствовали о том, что охотники вознаградили себя за беспокойство. Тут же лежали револьвер и одеяло Генриха, которые они нашли втоптаннами в землю. Проговорив еще долго о ночном происшествии и выбрав сторожа понадежнее Гибета, наши охотники заснули крепким сном.

Глава 3

СТЕПНАЯ СТОЛИЦА

Употребив целую неделю на переход Скалистых гор, маленький отряд наш спустился в долину Дель-Норте и прибыл в столицу Новой Мексики — Санта-Фе. Он не только опередил караван; последний прибыл уже на другой день, так как избрал самый короткий путь через проход Ратон, между тем как передовой отряд, взяв южнее, немного заблудился.

Купцы не встретили никаких затруднений относительно ввоза товаров, не считая уплаты по таксе пятисот долларов за каждый вагон. Этот сбор, конечно, значительно превышал обыкновенный таможенный тариф, но что же делать? Миновать Санта-Фе, если желаешь торговать в этом краю, невозможно.

Караван расположился лагерем за пределами города. Севрэн, Генрих и еще несколько человек поселились в гостинице в самом городе и отдыхали после трудного путешествия, наслаждаясь преимуществами городской жизни, какой ни на есть.

На другое утро Генрих был разбужен своим слугою Годэ, громко распевавшим отрывки из канадских песен.

— Ах, сударь, сегодня большой бал, и я полагаю, что вам должно быть интересно побывать на мексиканском балу.

— Вовсе нет, Годэ, у меня траур, и я не пойду на бал.

— Траур? Какая жалость! Фанданго будут танцевать — это стоит посмотреть. Чего только вы там не увидите. Вот и господин Севрэн. Спросите его, можно ли наводиться в Санта-Фе и не побывать на балу.

Севрэн послал Годэ за бутылкой хорошего вина, а сам обратился к Генриху:

— Годэ прав, никто не будет заставлять тебя танцевать, но ты увидишь любопытное собрание, получишь возможность составить характеристику нравов здешней провинции. Я силком потащу тебя с собою. Бал в Санта-Фе — это то же, что бег в Епсоне или папская служба в соборе Петра в Риме на Святой неделе. А пока что ты скажешь о городе?

— Вы называете это городом? — молвил Генрих презрительно.

— Разумеется, все его так называют: знаменитый го-

род Санта-Фе, столица всего степного пространства, рай для торговцев, звероловов и воров.

— И вот прогресс, достигнутый в триста лет! Население почти так же грубо, как было; оно, вероятно, занимает самую низшую ступень цивилизации.

— Вернее было бы сказать, что оно знакомо только с развлечениями и пороками цивилизации. В этом оазисе ты встретишь театр, празднества, фейерверки, картины, легкую поэзию, встретишь еще искателей приключений... или, вернее, мошенников, бессердечных Ромео, трусливых бандитов. Одним словом, ты наткнешься на большое разнообразие людей и вещей, прежде чем нападешь на добродетель и честь.

Приход Годэ с вином и двумя стаканами пресек эту горькую критику нравов Санта-Фе.

— Выпей стакан этого легкого искристого вина, — предложил Севрэн Генриху. — Это здешнее произведение, причем такое, которому следует позавидовать. Если янки когда-нибудь овладеют этой страной, то оценят по справедливости этот продукт.

— Вы полагаете, что они к этому стремятся? — удивился Генрих.

Годэ при этом подмигнул и прищелкнул пальцами. Севрэн между тем продолжал:

— Естественно, это округлит владения Соединенных Штатов, и что касается меня, я этого очень желаю. Правильное государство никогда не стало бы так грабить купцов. Пятьсот долларов за вагон! При том, что у нас их сто, этот мошенник губернатор награбил пятьдесят тысяч долларов. Разве это не возмутительно?

— Но, может быть, далеко не все идет в его карман?

— До последней копейки, он здесь — всё. Благодаря таким доходам, он правит жителями со всей строгостью.

— И они никогда не восстают против притеснений?

— Случалось, но без всякой пользы для себя. Он сумел разъединить их.

— Но я не вижу военной силы, с помощью которой он мог бы их сдерживать. Разве у него есть армия?

— Его армия? Да вот она идет по улице.

— Храбрые индейцы! Навагои! — заметил Годэ.

Мимо гостиницы действительно проходило человек двенадцать индейцев в своих серапе, или цветных одеялах.

— Это навагои? — спросил Генрих Галлер.

— Они самые, — с оживлением подтвердил Годэ. —

Мне ли их не знать, я дорого заплатился за знакомство с этим отвратительным, проклятым племенем.

— Я полагал, что они непримиримые враги новомексиканцев. Это вероятно пленники?

— Взгляните как следует на этих разбойников, вид у них вовсе не смиренный! — воскликнул Годэ, делая им угрожающий жест кулаком.

Действительно, по манере держаться проходившие напрогони мало напоминали пленников. Они выступали гордо, глядели на прохожих свысока.

— Зачем же они здесь? Ведь их родина далеко отсюда, на Востоке.

— Они находятся теперь под защитой мирного договора, который сами же при первом удобном случае нарушат. Они чувствуют себя здесь столь непринужденно, что и не удивлюсь, если встречу их вечером на балу.

— Неужели они так смелы?

— Спроси об этом Годэ, он должно быть лучше знает, так как побывал у них в плену.

— Собственно не у них, сударь, — пояснил канадец, — а у проклятых апахов, и целых три месяца. Конечно, разница не велика. Эти черти все на один покров. Я собственными глазами видел их зверство. Перед большими походами они приносят в жертву детей богу своему Кветцалькольту. Немногие из тех, что попались к ним в руки, имели счастье освободиться подобно мне. Из здешних мест вряд ли кто отважится зайти в их пределы.

— Но как же, Годэ, вы умудрились сохранить свой скальп? — удивленно заметил Генрих.

— Очень просто, сударь, дикарям не стоило брать моего скальпа. Никто из них не мог бы привесить его за волосы к своему поясу, потому что... — Годэ снял свою шапку, а с нею вместе то, что Генрих до сих пор считал собственным головным убором канадца — рыжие кудри. — Видите, — Годэ с гордостью провел рукою по своей лысой голове, между тем как Севрэн и Генрих громко хохотали над этим внезапным превращением. Превращением, происшедшим оттого, что он снял с головы парик — одно из образцовых произведений наилучшей парикмахерской в Сент-Луи.

Канадцу предложили допить бутылку. Он выпил остатки за здоровье своего господина, выразив пожелание, чтобы он прославился новыми подвигами в предстоящем путешествии от Санта-Фе до Чигуагуа.

— Разве мы пойдем туда? — спросил Генрих у своего кузена.

— Разумеется, здесь не найдется покупателей более как на четверть нашего запаса. Ну, теперь идем в лагерь обделывать наши дела, а вечером — на бал, без всякого сомнения; ты увидишь, как это любопытно.

Глава 4

НЕЗНАКОМЕЦ В КРАСНОМ ПЛАЩЕ

После обеда Генрих занялся своим бальным туалетом. Он надел обыкновенную черную фракную пару и тщательно расправил на ней складки, произведенные долгим лежаньем в чемодане; затем отыскал белые перчатки... В это время в комнату вошел Севрэн; этот обыкновенно серьезный человек, едва войдя, сразу же громко расхохотался.

Генрих удивился.

— Что такое?

— Как что? — едва смог отдышаться Севрэн после первого приступа смеха.— Неужели ты и в самом деле думаешь идти на бал в этом costume?

— Но... у меня нет ничего лучшего в моем гардеробе,— смущенно ответил молодой человек.— Признаюсь, я вовсе не думал, что мне придется бывать на балах, и если бы не твое настоятельное требование, чтобы я непременно все видел в городе... Да ты сам еще не одет!

Действительно, Севрэн ничего не переменял в своем costume: на нем по-прежнему была охотничья жилетка, украшенная бахромой, гетры, пояс, охотничий нож и револьверы.

— Извини меня, Генрих, но это и есть мой бальный костюм, и поверь мне, что и тебе надо снова надеть то платье, которое ты снял. Ведь смешно, согласишься, на этот наряд надевать пояс с револьверами и ножами.

— Разве на бал нужно идти непременно в поясе?

— Как же иначе быть с оружием? Не держать же его в руках!

— Оставить дома.

— Ба! Это было бы неосторожно и не в обычаях здешнего края. Ни один человек не согласился бы здесь пойти на фанданго безоружным. Итак, надевай свою кожаную

блузу, свои гетры и не забудь прихватить что-нибудь из оружия. Таков тут бальный костюм.

Генрих вынужден был согласиться с Севрэном. Когда они вошли в большую бальную залу, построенную близ главной площади, то нашли ее полной гостей. Здесь были охотники, звероловы, купцы, возчики, одетые совершенно по-дорожному. Между ними находилось человек около шестидесяти туземцев и столько же молодых девушек, принадлежавших к низшим классам населения. Многие из мужчин сбросили свои плащи, чтобы удобнее было танцевать; при этом во всем блеске выступал шпильчатый бархат и тисненый сафьян их кафтанов, головы покрывали яркие шапочки — береты. Женщины были не менее нарядны: в коротких юбочках, белых шемизетках и маленьких шелковых башмачках.

Танцевальная зала была продолговатая, по стенам уставленная лавками, на которых танцоры в промежутках между танцами крутили сигаретки, болтали и курили. В углу с полдюжины музыкантов услаждали слух звуками арфы, гитары и мандолины. По временам они повышали тон и воспроизводили пронзительную индейскую кантилену. В противоположном углу горцы курили и пили виски.

Генрих уселся в углу на скамейке и глядел на кружившиеся пары. Толпа горцев увлекла Севрэна к своему столу, чтобы поговорить с ним о деле, а молодой человек предпочел остаться в одиночестве на своем месте. Вдруг он заметил возле себя на скамейке человека, с которым Севрэн при входе обменялся несколькими словами, и который сразу же привлек к себе особенное внимание Генриха. Он стал его разглядывать.

Судя по костюму, это был не американец, нельзя было принять его также и за мексиканца, еще менее он походил на испанца, хотя цвет его лица был смуглый. Лицо у него было бритое, за исключением подбородка, на котором росла черная борода клином. Глаза, насколько можно было их разглядеть под надвинутой шляпой, голубые и кроткие. В черных волнистых волосах заметна седина. Одет он был по-мексикански: в красный плащ, вышитый по краям черным бархатом. Верхняя одежда почти полностью закрывала штаны зеленого бархата, с желтыми пуговицами и белым кантом. Внизу — кожаные краги, из-под которых шли желтые голенища сапог с большими шпорами. На голове — черная широкополая шляпа с широким золотым галуном. Пара золотых кисто-

чек спускались с полей, шмыкая по туземной моде. Он надвигал шляпу со стороны света, как бы желая спрятать свое лицо.

Тем не менее облик незнакомца внушал симпатию, черты некогда очень красивого лица выражали достоинство и спокойную грусть.

Делая про себя все эти замечания, Генрих вдруг неожиданно заметил, что незнакомец тоже наблюдает за ним, и с не меньшим интересом.

Оба сделали это открытие вероятно одновременно, глаза их встретились. Вслед за этим незнакомец вытащил свой маленький, вышитый жемчугом портсигар и любезно подал его Генриху:

— Не угодно ли покурить?

— С удовольствием,— ответил молодой человек и взял сигаретку.

Только они закурили, как незнакомец обратился к Генриху с вопросом, поразившим молодого человека своею неожиданностью.

— Не желаете ли вы продать вашу лошадь?

— Нет, сударь, нет.

— За хорошую цену.

— Ни за какую; жалею, что приходится вам отказываться.

— Я дам за нее пятьсот долларов.

— Я и вдвое не возьму.

— Хорошо, я предлагаю вдвое.

— Извините, вопрос тут не в деньгах, а в чувстве. Я люблю мою лошадь и ни за что с нею не расстанусь.

Незнакомец вздохнул.

— Для меня это большое разочарование; я сделал нарочно двести миль, чтобы купить эту лошадь.

— Очень сожалею,— вежливо ответил Генрих,— но я испытал уже на себе достоинства этого животного. Мы стали друзьями, нужно побуждение значительно более сильное, чем деньги, чтобы я согласился на разлуку с ним.

— Ах, сударь, если бы вы знали, почему я жажду его купить, может быть...

Незнакомец колебался одно мгновение, потом, как бы убежденный в бесполезности дальнейших попыток и не решаясь сделать признание, поклонился молодому человеку и скрылся в толпе.

Бал между тем оживился, несколько человек военных в удивительных мундирах примкнули к танцующим и всячески старались выказать свою ловкость в вальсе. Губер-

итер Санта-Фе, толстый, с вульгарной физиономией, прохаживался по зале в сопровождении хорошо одетых граждан, составлявших, вероятно, высшее новомексиканское общество. Виски оказало свое действие на танцующих. Звероловы и возчики сделались шумливей и драчливей. Мексиканцы, в свою очередь возбужденные вином, кипя давней ненавистью, бросали свирепые взоры на американцев.

Наблюдая за этим странным смешением веселья и немых угроз, Генрих вдруг снова очутился лицом к лицу с незнакомцем в красном плаще.

— Извините, сударь, — сказал он, кланяясь и присаживаясь на скамью рядом с Генрихом, — я только что узнал, что ваш караван направляется в Чигуагуа. Разумеется, вы последуете за ним?

— Да, мы не находим здесь достаточного числа покупателей.

— И на обратном пути вы опять будете в Санта-Фе?

— Вероятно.

— Может быть, тогда вы согласитесь уступить вашу лошадь. Вы могли бы приобрести себе не хуже в долине Миссисипи.

Видя отрицательный жест Генриха, незнакомец поспешил прибавить:

— По крайней мере, обещайте мне, что если эта сделка покажется вам возможной, вы окажете мне предпочтение перед другими.

— От всей души, — ответил молодой человек, постепенно убеждающийся, что за этой настойчивостью скрывается нечто более серьезное, чем каприз.

Разговор был прерван гигантским миссурийцем, полупьяным, который, тяжело наступая на ноги сидящим, неожиданно заорал:

— Ну же, her! Старый торговец салом! Уступи мне свое место на скамье!

— С какой стати? — спокойно произнес сосед Генриха, окидывая миссурийца презрительным взглядом.

— С какой стати? К черту спорщиков с их вопросами! Мне нужно сесть, потому что я устал от танцев. Вот с какой стати, скотина ты этакая!

В поведении его было столько грубости и нахальства, что Генрих не мог не вмешаться.

— Пойдите — сказал он миссурийцу, — вы не имеете права занимать место этого джентльмена и тем более употреблять такие выражения.

— А кто тебя просит вмешиваться, молокосос? — и, обращаясь к незнакомцу:

— Эй, ты, в широкополой шляпе, слышишь? Пусти меня!

Он схватил мексиканца за плащ, желая оттащить его. Но прежде чем Генрих опомнился и вступился, незнакомец сильным и ловким ударом кулака повалил нахала.

Это послужило как бы сигналом к всеобщей свалке. Драка завязалась во всех концах. Крики пьяных смешивались со страшной руганью, обличавшей взаимную ненависть. Ножи были вынуты из ножен, женщины завизжали, раздались выстрелы, зала наполнилась густым дымом. Огни потухли, и в наступившей темноте минут пять происходила настоящая битва, сопровождаемая проклятиями, воплями и тяжелым падением тел.

Генрих остался стоять около своего места, не прибегая ни к ножу, ни к пистолету. Вдруг он почувствовал сильный толчок в левое плечо, сопровождаемый ощущением холода в теле, и опустился на скамью. Он сидел, пока не прекратилось смятение, чувствуя, как поток крови льется из раны, пропитывая всю его одежду.

В этом положении он оставался, пока в комнату не принесли свечи. Когда осветили поле битвы, то сделалось очевидно, что американцы победили. Мексиканцы со своими женами исчезли, за исключением нескольких раненых, валявшихся на полу. Охотники перебежали с места на место, сильно жестикулируя. Одни старались оправдать то, что они называли неожиданной суматохой, тогда как другие, наиболее почтенные, осуждали ее. Севрэн, хотя и принадлежал к числу последних, его мнение всегда уважалось, на сей раз не высказывал своего отношения. Его заботила единственная мысль, скорее отыскать Генриха, чтобы убедиться, что он не пострадал в свалке.

Видя нежную заботливость и беспокойство Севрэна, Генрих хотел было обратиться в шутку полученную им рану.

— Кто-то из пьяниц, — пояснил он, — задел меня ножом, и вот из плеча идет кровь.

— Сейчас посмотрим, долой одежду! — скомандовал Севрэн, хватаясь за ворот блузы, чтобы стащить ее.

Но Генрих наотрез отказался от освидетельствования здесь на месте и с помощью Севрэна и Годэ, прибежавшего на шум, добрался до гостиницы.

Дорогою Генрих старался всячески успокоить своего

родственников, но потеря крови была велика и с каждой минутой делала его слабее. Он не сознавал ясно своего положения.

Да оно и редко случается, чтобы раненый сам мог определить, насколько опасна полученная им рана. Жизнь может пресечься от излияния крови, а боль при этом может быть не сильнее, чем от пореза.

Прибыв в отель, молодой человек в изнеможении упал на кровать. Севрэн разодрал охотничью блузу сверху до шеи и с помощью Годэ, опытного в этом деле, исследовал рану.

— Глубока ли она? — поинтересовался больной.

— Не так глубока, как колодез, и не так широка, как полотно железной дороги, — молвил канадец, делая угрожающий жест кулаком в сторону, где находилось помещение для бала, адресуя его неизвестному злодею. — Вы отделаетесь тем, что пролежите в постели несколько дней. Благодарите за это Бога, а не того подлеца, который сделал все, от него зависящее, чтобы отправить нас на тот свет. Посмотрите-ка, господин Севрэн, какой меткий удар испанским ножом, один дюйм — и спинной хребет был бы задет. Но теперь вы вне опасности, смею уверить.

— Да, Генрих, — сказал Севрэн, который, между тем, омыл рану и накладывал компресс с осторожностью и навыком лучшего хирурга.

Когда раненый несколько отдохнул от перевязки, Севрэн спросил его, как и по какому случаю он получил удар ножом.

— Не заметил ли ты на балу человека странного вида, который, казалось, прятался от всех? На нем был ярко-красный плащ, — спросил в свою очередь Генрих.

— Да, разумеется, он сидел рядом с тобой на лавке и прятал лицо под шляпой. Этот человек страннее, нежели кажется. Я видел его и знаю его; может быть, из всех присутствовавших на балу только я один и могу это утверждать... Впрочем, ошибаюсь, губернатор должен также его знать, но, кажется, он его не заметил. Я еще недоумевал, зачем этот человек появился на балу, когда он вовсе не интересуется танцами, хотя и заставляет многих плясать под свою дудку.

— Я могу просветить тебя на этот счет, — ответил Генрих и рассказал, какого рода предложение сделал ему странный незнакомец и по какому поводу произошла ссора с грубым миссурийцем.

Севрэн не обратил никакого внимания на последнее обстоятельство, зато его очень заинтересовало желание этого господина приобрести Моро.

— Странно,— промолвил он,— на что ему понадобилась твоя лошадь? Проехать для этого двести миль и предлагать тысячу долларов — очень странно!

— Берегитесь этого человека,— сказал Годэ.— Если он приехал так издалека и предлагает такую кучу денег, значит он ни перед чем не остановится. После вашего отказа, кто знает, он, пожалуй, украдет коня.

Генрих очень огорчился предположением Годэ и впросительно взглянул на кузена.

— С позволения капитана,— так называл Годэ своего господина со времени происшествия с буйволами,— я спрячу лошадь.

— Не беспокойтесь, Годэ,— сказал Севрэн,— что касается этого господина, то он неспособен на какую бы то ни было кражу. Хотя предосторожность относительно Моро не будет излишней. В Санта-Фе столько плутов, что они могут увести лошадей хоть целого полка. Поэтому держите Моро поближе, привяжите его всего лучше к нашей двери.

Годэ исчез, пославши предварительно город и его обитателей ко всем чертям.

— Что это за человек, окруживший себя такой таинственностью? — обратился раненый к сидевшему у его изголовья Севрэну.

— Я мог бы рассказать тебе очень интересные факты из его биографии, но я не хочу утомлять тебя в виду возможной лихорадки. Это знаменитый Сэгин, охотник за скальпами. Тебе не рассказывали о нем наши спутники? Наверное да, так как легенды о нем служат неисчерпаемым материалом для бесед на здешних бивуаках.

— Ах, так это начальник охотников за скальпами, человек, получающий деньги за проливаемую кровь! — воскликнул Генрих с презрением.— Какой негодяй!

Черное пятно скользнуло по стене, это была тень человека. Раненый поднял глаза и увидел перед собой мексиканца в красном плаще, неслышно вошедшего в комнату. Севрэн со смущенным видом поздоровался с ним за руку и, удалясь к окну, стал глядеть на улицу.

Генрих хотел продолжить свою возмущенную речь и прогнать Сэгина с глаз долой, но замолчал невольно, почувствовав над собою власть этого человека. Слышали ли он оскорбление, которым только что наградил его ра-

сеньи? Ничто в его внешности и манере не обличало злобы. Он остановил на раненом тот же взгляд, полный строгой грусти и достоинства, который поразил Генриха еще на балу. Казалось невероятным, чтобы это благородное лицо принадлежало разбойнику, способному на всевозможные жестокости.

Сударь,— обратился он к Генриху,— я глубоко опечален случившимся, тем более, что я был невольной причиной вашего страдания. Опасна ли ваша рана?

— Нет,— ответил молодой человек очень сухо, что, по видимому, несколько смутило Сэгина.

— Очень рад это слышать,— сказал он после некоторого молчания.— Я пришел поблагодарить вас за великодушное вмешательство и проститься с вами, так как через десять минут уезжаю из Санта-Фе.

Он протянул руку Генриху, но тот не подал ему своей.

Рассказы о чрезмерных жестокостях, приписываемых молвой Сэгину, пришли ему на память, и он почувствовал к нему непреодолимое отвращение. Сэгин остался с протянутой рукой, лицо его приняло выражение оскорбленного достоинства при виде колебаний молодого человека.

— Я не могу дотронуться до вашей руки,— произнес тот наконец.

— Почему? — кротко спросил Сэгин.

— Почему?.. Да потому, что на ней человеческая кровь.

Сэгин грустно посмотрел на Генриха, не обнаруживая ни малейшего признака гнева, он спрятал руку в складках плаща и, тяжело вздохнув, тихо вышел из комнаты. Севрэн почтительно поклонился и проводил его глазами.

Лежа в кровати, Генрих еще раз увидел мексиканца, когда тот проходил сеньями. Он весь закутался в плащ, вид у него был совсем убитый. Через мгновение он исчез.

— Севрэн,— раненый попытался чуть приподняться,— не был ли я слишком суров с этим человеком? Во взгляде его есть что-то, не вяжущееся с тем злом, которое ему приписывают. Вы, мой друг, не порицаете меня за то, что я высказал ему презрение, которое он заслуживает, если верить рассказам о нем?

— Тише, тише! Посмотри сюда,— Севрэн показал на полуотворенную дверь.

Генрих увидел при свете луны три человеческие фигуры, которые пробирались вдоль стены. Судя по росту и манере передвижения, это были индейцы. Через мгновение они скрылись в тени подъезда.

— Это враги бедного Сэгина, каких и ты бы не пожелал ему, если бы лучше знал его. Я трепещу при мысли, как бы эти хищные звери не завлекли его в какую-нибудь западню. Впрочем он умеет постоять за себя, и в случае нападения к нему явится помощь. Побудь спокойно, Генрих, я сейчас вернусь.

С этими словами Севрэн поспешно вышел. Оставшись один, наш раненый начал размышлять о странном стечении обстоятельств, приведших его в столь печальное положение. Он упрекал себя, что оскорбил человека, который к нему относился так участливо и к которому его двоюродный брат питал такое уважение. Появление Годэ несколько рассеяло угрызения его совести. Канадец привязал лошадь под окном и сам уселся сторожить ее. Почти тотчас вернулся и Севрэн.

— Ну, что же,— со жгучим интересом спросил его Генрих,— что случилось?

— Он вскочил на лошадь, прежде чем подошли индейцы. О, я говорил тебе, он умеет беречься!

— Но ведь они могут преследовать его верхом?

— Это мало вероятно. Его товарищи находятся недалеко, а губернатор (я уверен, что он-то и направил негодяев по его следам) не в состоянии будет преследовать его, когда он окажется в горах.

— Севрэн, расскажи мне историю этого человека.

— Нет, не сегодня, у тебя лихорадка, милый Генрих, я не хочу тебя волновать. Годэ посидит с тобою, мне же нужно отправиться в лагерь; я постараюсь задержать караван до тех пор, пока ты не будешь в состоянии сесть на лошадь. Удастся ли это мне? Сделаю все возможное... Спокойной ночи!

Глава 5

ДОЛИНА СМЕРТИ

Несмотря на все свое влияние, Севрэну не удалось убедить купцов отложить отъезд; караван должен был выступить через три дня после описанных событий. Не мог также Севрэн отделить своих вагонов и в одиночку луститься в такие места, где нельзя иначе путешествовать, как целым караваном. Везти с собою раненого значило почти наверняка подвергнуть его опасности умереть. Приходилось мириться с тем, чтобы оставить Ген-

рихи в Санта-Фе на попечении слуги. Здесь больной мог пользоваться необходимым для него отдыхом и советами хирурга.

Сеирэн должен был проститься со своим кузеном. В момент отъезда Генрих приподнялся на кровати и в открытое окно видел, как проследовали покрытые чехлами громадные повозки, похожие на движущуюся цепь холмов. Он слышал удары бича и звучные голоса вожатых. Кушцы, гарцуя на своих конях, проехали мимо его окна, посылая ему рукой прощальные приветствия. Проводив их, молодой человек, томимый тяжелым чувством одиночества, улегся в постель.

Ему пришлось пробыть еще несколько дней в болезненном состоянии, несмотря на самый нежный уход канниди.

Годэ разделял с ним скуку, его веселость исчезла. Вместо веселых канадских напевов, не сходявших, бывало, с его уст, теперь сыпались проклятия на мексиканцев и Мексику.

— Мы никогда не привыкнем к этой жизни,— признался однажды Генрих своему слуге.

— О, никогда, сударь! — убежденно ответил тот. — Здесь во сто раз скучнее, нежели у квакеров. Но что прикажете делать! Нам остается только беситься и браниться, да и то не очень громко.

— Годэ! Мы ведь можем уехать из этого противного города. Уедем завтра же.

— Но, капитан, достаточно ли вы сильны, чтобы сесть на лошадь?

— Попробую, милый друг. Если у меня не хватит сил догнать караван, мы остановимся в одном из городов, лежащих на дороге. Нигде не будет хуже, чем здесь. Во всяком случае, мы увидим новые лица вместо тех, которые надоели нам до смерти.

— Верно, капитан, ведь по реке будет много хороших поселений: Альбукерк, Томе и другие. Санта-Фе — настоящий притон разбойников. Хуже не может быть. Какая чудесная мысль — уехать отсюда!

— Чудесная или нет, — улыбнулся Генрих, — но дело решенное. Приготовь все за ночь, мы уедем до восхода солнца.

На другой день на заре они выехали со двора гостиницы в сопровождении двух навьюченных мулов.

Несколько дней путешественники ехали вдоль берега Дель-Норте, вниз по течению. Они проехали, не останавли-

ливаясь, мимо нескольких селений, живо напоминавших ненавистный им Санта-Фе. Они проезжали каналы для орошения, поля, покрытые свежей зеленью маиса; видели виноградники и большие фермы, которые, по мере приближения к югу, к Рио-Абаго, становились все производительнее и цветуще. Вдали, на востоке и западе, виднелась двойная гряда Скалистых гор. Иногда цепи холмов, отделявшиеся от гор, как будто замыкали долину, но когда путешественники переходили их, им открывался новый вид, и это составляло одну из главных прелестей путешествия.

В городах и по дороге Генрих видел живописные туземные костюмы: мужчины носили клетчатые плащи или полосатые одеяла, заимствованные у навагоев, коническую шляпу с широкими полями, бархатные штаны с поясом, украшенным шнурами. На ногах иногда виднелись сандалии, какие носят на Востоке. Женщины, все без исключения, носили кокетливые мантильи, короткие юбки, вышитый корсаж и традиционные маленькие башмачки, которые защищают только пальцы ног.

Путники встречали по дороге многочисленные обозы, нагруженные зерновым хлебом. Мулы были малы, с короткой шерстью, тонкими ногами и упрямым нравом. Проводники ехали верхом на мустангах. Седла с высоким передом и задом, поводья из конского волоса, смуглые лица и остроконечные бороды всадников, громадные шпоры, издающие шум при всяком движении, восклицания, перемешанные с бранью, все было ново для Генриха, но, в сущности, все это он видел как во сне, ибо от усталости впадал часто в лихорадочное состояние. В таком состоянии, как известно, окружающие предметы являются в искаженном виде и утомляют мозг больного. Рана болела. Жара и пыль, жажда и плохой ночлег еще более способствовали утомлению. Тем не менее Генрих решил во что бы то ни стало догнать своих товарищей.

На пятый день со времени выезда из Санта-Фе путешественники въехали в маленькое местечко Парида. Генрих намеревался здесь переночевать, но гостиница оказалась столь грязной, что решено было ехать до Сокорро. Это был последний обитаемый пункт в Новой Мексике, за которым начиналась ужасная пустыня, известная под именем «Долина смерти». Так как Годэ не знал местности, то в Париде оказалось необходимым взять проводника. Это был невзрачный парень, не понравившийся нашим путешественникам, но им сказали, что

никто ни здесь, ни в Сокорро ни за какие деньги не согласится их сопровождать. Так что выбрать было не из чего.

Кроме возможной встречи с апахами, Генрих, пускающийся в «Долину смерти», рисковал еще и своим здоровьем. Рана была воспалена, и лихорадка мучила его. Но полученное сообщение, что караван Севрэна и других прошел здесь всего три дня тому назад, он вознамерился догнать их и свидеться с Севрэном прежде, чем те достигнут следующей станции Эль-Пазо. Генрих решился выехать на другой день утром и ехать как можно скорее.

Перед восходом солнца путешественники были уже на ногах. Годэ вышел, чтобы разбудить проводника и седлать мулов и лошадей. Генрих готовил кофе, а хозяин гостиницы присутствовал при этом, гордо прохаживаясь в своем плаще.

— Сударь, сударь,— раздался крик канадца, возвращающегося со двора,— а ведь бездельник скрылся!

— Какой бездельник?

Проклятый мексиканец, наш проводник! Он украл мула и скрылся с ним.

Генрих побежал в конюшню, боясь, не соблазнился ли вор также и лошадью. К счастью Моро был на своем месте, не доставало лишь одного мула.

— Может быть он не успел еще уехать,— предположил Генрих,— поищем его в городе.

Надежда эта скоро была разрушена: люди, приехавшие в Сокорро на рынок, встретили по дороге проводника, едущего вверх по течению реки ускоренным галопом, на какой только способны упрямые мулы...

Что было делать? Ехать догонять вора — значило потерять целый день. Генрих примирился с потерей и стал искать другого проводника, но всюду слышал один ответ: «апахи! апахи!»

Он обратился к самому низшему классу населения, к нищим, сидевшим на площади, но и тут услышал: «апахи!»

Всюду раздавался этот ответ, сопровождаемый поднятием указательного пальца до высоты носа, что служит высшим признаком отрицания у мексиканцев.

— Ясно, Годэ, что мы не найдем проводника. Что ты скажешь? Не решиться ли нам проникнуть в «Долину смерти» одним, без чьей бы то ни было помощи?

— Идет, господин, я согласен следовать за вами.

Они двинулись по дороге в пустыню в сопровождении единственного своего мула. Все жители Сокорро напутствовали их добрыми пожеланиями. Переночевав следующую ночь в развалинах Вальверды, они вступили в «Долину смерти».

Через два часа достигли прохода Фра-Кристобаль. В этом месте дорога отступает от реки и углубляется в безводное пространство.

Они переехали реку вброд и очутились на левом берегу. Тут они дали волю напиток своим животным и наполнили водою все бывшие с ними меха.

Проехав всего несколько миль, они уже вполне могли убедиться в справедливости данного сей местности названия. Там и сям на бесплодной почве валялись кости погибших людей и животных, предметы, занесенные сюда очевидно людьми: разбитый кувшин, заржавленная шпора, оборванный ремень, лоскуток платья... Эти и тысячи других признаков свидетельствовали о судьбе несчастных жертв пустыни.

Как доберутся они до противоположного края? Неужели и они обречены на гибель и только увеличат число этих зловещих признаков?

Грустное предчувствие охватило Генриха, когда он взглянул перед собою в бесконечную даль, — индейцев он не боялся, природа была здесь гораздо более опасным врагом.

Оба ехали молча по следам вагонов, не желая делиться мрачными предчувствиями. Путь их лежал на юг. Вдали, на востоке, виднелись горы с белыми вершинами.

Жара была страшная, сильный ветер подымал облака жгучей пыли. Местность была покрыта сухою колючею растительностью, и это замедляло шаг лошадей. Потом они выехали в беспредельные пески, казалось, что песок этот, подобно волнам, заливаает каменистую почву.

Вдруг путешественники остановились, пораженные странным зрелищем: громадные столбы песка, поднятого вихрем, стояли вертикально над их головами. Такие же колонны из желтых, освещенных солнцем кристаллов носились кругом. Испуганный мул порвал педоуздок и пустился бежать в сторону гор, унося с собой багаж. Годэ бросился за ним в погоню.

Генрих остался один, с ужасом наблюдая, что находится среди девяти или десяти гигантских колонн, которые все более и более сближаются между собою. Альи

начал громко выть и прижиматься к Моро. Конь с трудом дышал и дрожал всем телом.

Всадник с невыразимым страхом ждал, что будет, в ушах у него звенело, в глазах мелькали разноцветные искры... Наконец колонны столкнулись, непреодолимая сила выбила Генриха из седла. С залепленными песком глазами и ушами, с израненным от песчинок и мелких камней лицом, он очутился на земле.

Некоторое время Генрих оставался в полусознательном состоянии, и только когда туча песка пронеслась, он мог дать себе более или менее ясный отчет, где он и что с ним. Ужаснее всего было то, что он не мог открыть глаз; простирая вперед руки, он звал Моро. Тот отвечал жалобным ржанием. Генрих направился ощупью в ту сторону и набрел на лежащую на боку лошадь. Полчаса употребил Генрих на то, чтобы протереть глаза.

Самум миновал, и атмосфера прочистилась. Генрих стал звать Годэ, но безрезультатно. Сев на лошадь, он начал колесить по пустыне, поминутно выкрикивая имя верного своего товарища, однако кругом была полная тишина, на земле ни малейшего следа. Годэ и мул пропали.

Генрих кричал до потери голоса, в горле у него пересохло, захотелось пить... Тыквенная бутылка разбилась при падении, остальной запас воды был на убежавшем муле.. Река была в пятидесяти милях!..

Отчаяние овладело молодым человеком, присутствие духа его покинуло, он не знал, что делать и куда направиться. Горы, которые до сих пор служили ему путеводною нитью, теперь, казалось, шли по всем направлениям, и он совершенно запутался во всех этих цепях и долинах.

Вдруг Генрих вспомнил, что в Сокорро ему называли какой-то колодец «Око смерти», расположенный на западе от дороги, там иногда накапливалась вода.

Несколько минут Генрих колебался, потом почти машинально дернул повод и направился в ту сторону. Он решил поискать сначала колодец, а в случае неудачи вернуться назад к реке. Ничего другого не оставалось делать.

Молодой человек еле держался в седле от мучившей его жажды, он опустил поводья, полагаясь вполне на инстинкт лошади. Так проехали они несколько миль на запад, вдруг Генрих вышел из своего столбняка. Он увидел перед собою озеро, воды которого блистали как кристалл. Не мираж ли это? Но нет, берега озера обозначались так явственно, не было в очертаниях его той об-

дальности и неопределенности, которая служит признаком маразма. Это была в самом деле вода.

Генрих дал шпоры своей лошади, хотя это было излишне. Моро, увидев воду, и сам стремился к ней. Минуту спустя лошадь стояла в озере, а Генрих, нагнувшись с седла, собирался зачерпнуть в ладонь, как вдруг его поразило странное поведение Альпа и Моро. Собака с воем выскочила на берег. Лошадь с неудовольствием фыркала.

Очевидно, вода им не понравилась, но Генриху надо было непременно самому убедиться в ее негодности. Он зачерпнул, сколько мог, ладонью и поднес к губам, вода оказалась соленой.

С этого момента Генрих перестал ясно сознавать окружающее. Когда он впоследствии старался вспомнить, что с ним было, ему казалось, что он, добравшись до возвышенности, слез с лошади. Должно быть, они ехали долго, так как солнце стояло низко на горизонте, и очутились на краю пропасти. Внизу виднелась чудесная река с зелеными берегами... Должно быть, ему хотелось добраться до нее, скала была отвесная, спуска нигде не было... Он слышал шум реки... Какой-то призрак звал его с хохотом к краю пропасти... Он оступился, стал падать, падал долго, бесконечно, а вода была все так же далеко от него. Скала, на которой он испытывал адские муки, как будто повисла над ним в воздухе, а солнце красным светом освещало эту хаотическую картину... Далее он ничего не помнил... за бредом наступила тьма и безмолвие, то есть полное беспамятство.

Глава 6

БОРЬБА ВЕЛИКОДУШИЯ

Когда Генрих пришел в сознание, он увидел себя лежащим в кровати, глаза его стали машинально следить за узорами на занавесках постели. Это были сцены из средневекового мира: рыцари в кольчугах, шлемах и опущенных забралах, верхом на конях, дрались и ломали конья, тут были и упавшие наземь и раненые; благородные дамы в расписанных гербами платьях, сидя на тяжелых фламандских лошадях, держали на руках соколов, за ними следовали молодые пажы, сдерживающие своры собак несуществующих более пород.

Генрих глядел на эти фигуры с каким-то детским вое-

хищением. Мало-помалу он стал разбираться в своих мыслях. Голова и память его начали работать, но так, как это обыкновенно бывает у выздоравливающих: грезы и действительность перемешивались самым прихотливым образом.

Утомленный Генрих опять заснул. Когда он проснулся, мысли его были несколько определеннее и яснее: услышав музыку в комнате, он не приписал ее оруженосцам на занавесе, трубившим в охотничий рог. Он прислушался и различил два женских голоса, певших французскую песню под аккомпанемент испанской арфы. Мелодия была очень приятная, пели ее вполголоса. Генрих теперь яснее сознавал события последнего времени: он далек от Франции, тем более удивительно слышать родное пение.

Он отвернул голову от стены. Занавес был раздвинут, он лежал в большой нарядной комнате, красиво, но беспорядочно меблированной; в ней были люди, одни стояли, другие сидели, некоторые лежали на паркете, и все, казалось, заняты были чем-то. Он видел перед собой фигур шесть или восемь, но это был обман чувств; Генрих понял, что предметы двоятся у него в глазах, вероятно от слабости зрения. Он закрыл глаза, опять их раскрыл и постарался сосредоточить свое внимание на окружающих предметах. Теперь он увидел только троих: одного мужчину и двух женщин.

Ближе всего к кровати сидела на низеньком диване дама лет сорока. Арфа, звуки которой слышал Генрих, лежала перед ней, она продолжала извлекать из нее мелодичные звуки. Дама была, вероятно, очень красива в молодости, черты лица ее выражали благородство и вместе с тем свидетельствовали о сильном внутреннем горе. Более от забот, нежели от времени, лоб был усеян морщинами, а в роскошных белокурых волосах светилась седина. Несомненно, она была француженка; национальность ее выступала в каждом грациозном движении, в простоте и изяществе наряда.

Недалеко от нее, за столом, стоявшим посреди комнаты, сидел мужчина лет пятидесяти. Он сидел лицом к кровати, и его национальность так же нетрудно было отгадать. Широкий лоб, румяные щеки, выдающийся подбородок, синие очки, остроконечная ермолка, — все обличало в нем немца. Выражение лица нельзя было назвать очень интеллигентным; по-видимому, он принадлежал к той породе людей, которая много знает, но силы творче-

ства не имеет, это ходячие энциклопедии, у которых память играет главную роль и которые очень часто встречаются между немцами. Занятие, в которое он был углублен, обличало в нем неутомимого труженника, для которого классифицировать — настоящая потребность и величайшее удовольствие. На столе и рядом на полу лежала гряда растений, трав и кустарников, которые он в порядке располагал между листьями своего гербария.

Рядом с ботаником сидела прелестная молодая девушка, почти ребенок; остановив на ней на мгновение свой взгляд, Генрих уже не мог оторваться от этого наивно очаровательного существа. Не могло быть сомнения в том, что это дочь пожилой дамы: у обеих были одинаково изящные черты, одинаковый греческий профиль. Девушка показалась больному столь сказочно-прекрасной, что окружающую обстановку он на минуту счел опять сном.

К удовольствию своему он однако скоро убедился в противном, так как услышал слова ботаника, сказанные на французском языке с сильным немецким акцентом:

— Как я был бы вам благодарен, сударыня, если бы вы сыграли марсельезу.

— Сейчас, доктор, мы вам ее сыграем. Милая Зоя, возьми свою мандолину.

Молодая девушка, до той поры внимательно следившая за работой ботаника, встала, сняла со стены инструмент, напоминающий гитару, и уселась возле матери. Раздались звуки двух инструментов, зазвучала мелодия марсельезы. Ботаник приостановил свое занятие и слушал с наслаждением. При каждом повторении героического припева добряк притопывал ногой и бил в ладоши.

Музыка смолкла. Нет, это определено был не сон, слишком явственно происходило все перед глазами. Генрих спрашивал себя, где он находится, и взор его блуждал по комнате, отыскивая ответ на этот вопрос. Вдруг он узнал свою собаку. Альп свернувшись лежал возле кровати на ковре. Генрих тихонько позвал:

— Альп, Альп!

— Мама! Мама! Послушайте, больной заговорил,— произнесла девушка в сильном волнении.

Собака вскочила и встала передними лапами на кровать, она терлась мордой о хозяина и радостно визжала. Генрих нежно ласкал животное.

— Посмотрите, мама, он узнал собаку, он пришел в сознание.

Дама поспешно встала и приблизилась к кровати. Немец тоже встал, взял больного за руку, отогнав предварительно Альпа, готового от радости прыгнуть на кровать.

— Ему гораздо лучше,— сказала дама,— посмотрите, взгляд его ясен и спокоен.

— Конечно лучше,— подтвердил доктор.

— Где я? — спросил Генрих.— Будьте добры, скажите мне.

— Не беспокойтесь и не волнуйтесь,— ответил доктор.— Вы были очень больны, вы находитесь у друзей,— вот все, что вам нужно знать теперь. Скоро вы встанете. Вас, должно быть, разбудила музыка?

— Мне было так хорошо от музыки,— тихо произнес Генрих.

— В самом деле, без комплиментов? — улыбнулась дама.

— Сударыня, вы дали мне возможность слышать редную мелодию, и играли вы удивительно хорошо,— вы и m-lle Зоя.

— Он знает мое имя! — с наивным удивлением воскликнула девушка.

— Мы лучше сделаем, если дадим покой господину Галлеру. Шум...

— О нет, сударыня! Прошу вас, сыграйте еще что-нибудь, извините мою нескромную просьбу.

— Пожалуй, хотя бы для того, чтобы усыпить моего пациента, который слишком много болтает для первого раза,— добродушно заметил доктор.

Мать и дочь взяли за инструменты, и хотя Генрих слушал их с восхищением, тем не менее музыка его убаюкала, и он заснул.

Целительный сон этот длился, пока длилась музыка. Генрих смутно слышал, как отворилась дверь, до слуха его донеслись нежные возгласы, произносимые обыкновенно при возвращении близких людей из дальнего путешествия. Он услышал обращение «милая Зоя», произнесенное мужским голосом. Затем он уже не мог слышать разговора, все ушли; прошло несколько мгновений, в соседней комнате послышались шаги, к стуку сапог примешивалось бряцание шпор. Наконец шаги раздались яснее и остановились перед кроватью. Генрих поднял глаза. Перед ним стоял Сэгин, охотник за черепами.

Как только больной его увидел, он тотчас без всяких объяснений понял, что этот человек его спас. Генрих припомнил, что образ Сэгина смутно носился в его больном мозгу и особенно ярко выступил во время бреда. Но Сэгин, очевидно, не хотел выставлять себя его спасителем:

Вам лучше, господин Галлер? Мне сказали, что скоро вы совсем выздоровеете. Позвольте же поздравить вас с выздоровлением, которое делает честь нашему другу, доктору Рихтеру.

Этот способ отстранить от себя всякую благодарность, по праву ему принадлежавшую, сопровождался странной попой — скрещенными на груди руками.

Не правда ли, я вам обязан жизнью, господин Сэгин? — спросил Генрих.

— Да, — улыбаясь ответил охотник за черепами, — но и только заплатил вам свой долг. Припомните, что и вы рисковали вашей жизнью ради меня на балу в Санта-Фе. Значит, вы ничем мне не обязаны.

Генрих до слез был тронут деликатностью, с которой Сэгин снимал с него бремя благодарности. Несколько дней тому назад он с отвращением отстранил от себя руку этого человека. Между тем этот человек был мужем прекрасной и доброй женщины, отцом прелестной девушки, напоминавшей собою небесного ангела... Генрих позабыл о злодеяниях, которые молва приписывала этому человеку и, страшась отказа, проговорил:

— Простите меня, дайте пожать вашу руку.

И он горячо пожал протянутую ему руку.

— Мне нечего вам прощать, — с достоинством произнес Сэгин. — Я уважаю то чувство, которое заставило вас отдернуть вашу руку... Вам кажутся странными мои слова?.. Вы поступили как должно, на основании дошедших до вас слухов. Когда-нибудь, господин Галлер, вы лучше меня узнаете, и тогда многие мои поступки вы не только извините, но и оправдаете. Но пока довольно. Я пришел просить вас, чтобы вы молчали здесь обо всем, что знаете про меня. Ничто не должно нарушать душевного покоя дорогих мне существ, для которых я являюсь только мужем и отцом.

Он тяжело вздохнул и бросил взгляд на входную дверь. Генрих вторично пожал руку своему спасителю, обещая молчать, и видя, что этот разговор неприятен ему, заговорил о другом:

— Как очутился я здесь? По всей вероятности, это ваш дом? Как вы меня нашли?

В ужасном положении. Я не могу приписать себе ничего спасения; по всей справедливости, вы обязаны им вашей лошади

О, мой верный Моро! Неужели он погиб, спасая своего господина?

— Ваша лошадь здесь и наедается досыта маисом. И полагаю, что вы будете довольны ее видом. Ваш мул писется на ближайшем лугу. Ваш багаж лежит здесь в углу.

— А...

— Годэ — хотите вы спросить? — перебил Сэгин. — Не беспокойтесь о нем. Его нет сию минуту здесь. Я послал его с хорошей охраной и опытным проводником с письмами на все станции, где должен останавливаться ваш караван на своем обратном пути из Чигуагуа. В письмах я сообщаю Севрэну все, что с вами случилось. Ваш двоюродный брат не будет беспокоиться, зная, что вы в моем доме.

— Как мне благодарить вас за все!.. Вы спасли также и Годэ! Вы подумали о Севрэне! Со мною мой верный конь Моро и добрый пёс Альп. Но что же было со мною в этой ужасной «Долине смерти», которая чуть было не оправдала на мне своего прозвища? В каком положении нашли вы меня?

— В нескольких милях отсюда, на скале, которая возвышается над рекою Дель-Норте. Вы висели над пропастью на аркане, охватывавшем ваше тело. Аркан был привязан одним концом к луке седла, и ваш Моро, упиравшись на передние и оседая на задние ноги, держал всю тяжесть вашего тела на своей шее.

— Молодец Моро! Какое ужасное положение!

— Разумеется, ужасное. Если бы вы упали, вы пролетели бы тысячу футов, прежде чем расшибились бы о нижние скалы.

— Я, вероятно, оступился, отыскивая дорогу к воде.

— В бреду вы стремились в пустое пространство. Если бы вас не удержали, вы повторили бы свой опыт. Когда мы вас вытащили из бездны, вы рвались туда обратно, вы видели внизу воду под ногами и не сознавали повсе опасности. Сильная жажда причиняет расстройство умственных способностей.

— У меня осталось только смутное воспоминание обо всем этом, помню что-то как во сне.

— И не старайтесь припоминать. Вот доктор делает мне знаки, что вы слишком много говорите. Я вошел

сюда, потому что мне нужно было сказать вам два слова, иначе я не нарушил бы вашего покоя. Сегодня вечером я уезжаю на десять дней. Поправляйтесь пока. Будьте здесь как дома и оставайтесь до тех пор, пока ваши друзья не придут обратно из Чигуагуа. Извещенные мною, я надеюсь, они расположатся бивуаком недалеко отсюда, и вы тогда присоединитесь к ним в полном здравии... Пребывание в этой пустыне может показаться вам не особенно приятным, ну да мои постараются, чтобы вы не слишком скучали. Вы любите чтение — у меня есть порядочная библиотека. Вас будут развлекать музыкой. Доктор Рихтер — такой человек, что сумеет ответить вам на любой вопрос, одним словом, не заставьте меня раскисаться, что оставляю вас здесь. Помните, что хозяин отвечает за благополучие тех, кто живет под его кровлей.

— Пойдите, прошу вас. В Санта-Фе у вас явилась прихоть купить мою лошадь...

— О, это была не прихоть. Но я объясню вам все в другой раз. Может быть причина, заставлявшая меня так сильно желать приобретения вашей лошади, уже не существует более.

— Возьмите Моро, умоляю вас. Я найду себе другую лошадь, которая заменит мне его.

— Ни за что! После услуг, оказанных вам Моро, вы не должны с ним расставаться. Я понимаю, как вы должны быть ему благодарны.

— Но вы уезжаете в эту ночь, господин Сэгин, может быть вам предстоит длинный переезд. Возьмите Моро, по крайней мере, на этот раз. Иначе я буду думать, что вы не хотите меня простить... несмотря на мое раскаяние.

— Пусть будет по-вашему, лошадь моя устала, а мне сегодня ночью надо быть далеко. Итак прощайте, и будем друзьями.

Генрих остался один и стал прислушиваться. Через полчаса послышалось ржание Моро, а вслед за тем промелькнула тень всадника. Сэгин выехал и, кто знает, может быть на кровавую расправу... Некоторое время Генрих еще раздумывал об этом странном человеке, но размышление сильно утомило его. Появление двух привлекательных существ, матери и дочери, отвлекло его от мрачных мыслей.

Вместо того, чтобы испытывать скуку, как того боялся Сэгин, Генрих не замечал, как летело время. Он скоро почувствовал себя в состоянии ходить, силы воз-

прицелились с такою быстротою, что почтенный доктор Рихтер немало этому дивился. Первой заботой выздоравливающего было остричь бороду, которая, по его мнению, безобразила лицо, и привести в должный вид свои усы. Он был очень доволен, что багаж при нем, так как это давало ему возможность одеться настоящим джентльменом и избавиться от прежнего грубого охотничьего костюма.

Искоре он мог оказывать дамам массу услуг, взамен оказанных ему во время болезни. Он здоровел не только телом, но и духом. Наслаждение, которое он испытывал в их домашнем кругу, он объяснял тем, что сам только что лишился всех своих близких.

— Моя мать,— говорил он госпоже Сэгин,— была так же добра и кротка, как и вы. Когда вы мне выговариваете какую-нибудь неосторожность,— например, слишком раннюю прогулку или продолжительное чтение,— то я бываю так тронут вашей заботливостью, что с трудом удерживаюсь от желания вас обнять и расцеловать, как родную мать.

— Моя сестра Алиса,— говорил он Зое,— была такая же веселая и хорошенькая, как вы.

В ответ на это Зоя, смеясь, говорила:

— Вы находите меня хорошенькой?.. Мама, разве это правда? — и она краснея, продолжала смеяться.

Генрих ни на минуту не расставался с ними, он охотнее занимался с ними музыкой, нежели ботаникой с доктором Рихтером, который, впрочем, своей добротой и простодушием ему очень нравился.

Дом Сэгинов был расположен посреди обширного огороженного места, доходившего до реки. Ограда заключала в себе луг и сад и была очень высока. По верху ее шла живая изгородь из кактусов, колючки которых образовывали непроницаемую стену. Проникнуть внутрь можно было только через тяжелые ворота, снабженные калиткой, но и то, и другое всегда было заперто. Сад был великолепен, в нем было множество чужеземных деревьев, ветви их сплетались в густые кущи, что придавало саду характер дикости. Что касается цветника, составлявшего гордость и забаву Зои, то он изобиловал цветами, запах которых проникал даже в дом.

Садовая ограда доходила, как было уже отмечено, до реки и там обрывалась; берег, изрезанный остроконечными пригорками, и глубина воды служили с этой стороны достаточной защитой. Густой ряд каштановых деревь-

ев рос по берегу, под тенью их стояло несколько зеленых скамеек в испанском вкусе. Только с этой стороны взгляд мог выйти за пределы ограды. Вид был чудесный и простирался на несколько миль по течению Дель-Норте. По-видимому, на другом берегу не было ни жилищ, ни обработанных полей. Пространство сплошь было покрыто каштановыми деревьями. На юге, на крайней линии горизонта, поднималась, точно стрела, над опушкой леса церковь Эль-Пазо-Дель-Норте. На западе возвышались остроконечные пики Скалистых гор и так мало еще исследованные Органские высоты, озера которых с их приливами и отливами наводят на охотника суеверный страх. На востоке, на очень дальнем расстоянии, выступал двойной ряд изобилующих золотом Мимборских гор, куда редко проникают даже самые отважные охотники; это родина страшных апахов и навагоев.

Почти каждый день Генрих совершал утренние прогулки с дамами и доктором внутри ограды. С каждым днем сближение росло и росло. Генрих сознавал теперь, что общество купцов только развлекло, но не утешило его. Сердце его, так много страдавшее от одиночества, теперь расцветало в мирной семейной обстановке. Он любил получать приказания от госпожи Сэгин, как от родной матери; он осыпал ее предупредительной любезностью, он чуть не обожал ее. Что касается Зои, то с ней он день ото дня становился все сдержаннее, но каждый раз, когда доктор упоминал о скором прибытии каравана и, следовательно, о неизбежном отъезде молодого человека, у Генриха сжималось сердце.

Вечером в гостиной велась мирная беседа. По просьбе доктора дамы давали маленький концерт. Потом, по просьбе Зои, Генрих должен был что-нибудь нарисовать в ее альбом. При этом замечалась одна странность: все женские головки выходили у него на одно лицо.

Когда Зоя сделала художнику это замечание, он стал оправдываться. Когда же на суд были призваны мать и доктор, то последний заметил:

— Да ведь это ваше лицо, милая Зоя.

Госпожа Сэгин промолчала, но в этот вечер они с дочерью рано ушли из гостиной, а Генрих всю ночь раздумывал. На другой день он имел продолжительную беседу с матерью, на все его настояния она отвечала:

— Подождем мужа. Если он сочтет вас достойным быть мужем Зои, то я рада буду стать на самом деле вашей матерью.

Глава 7

БИОГРАФИЯ ОХОТНИКА ЗА ЧЕРЕПАМИ

Десять дней пролетели незаметно. Госпоже Сэгин и доктору казалось, что Генрих стал членом их семьи; он умел в одно и то же время быть и необыкновенно нежным, и скромным, рассказывал им свое прошлое и открывал свой внутренний мир, с Зоей же был робок. Он ждал возвращения Сэгина, чтобы сообщить девушке о своем намерении. Он не сомневался в согласии Сэгина и мысленно представлял себе его удивление и признательность за предложение со стороны человека, принадлежавшего к безукоризненной и уважаемой фамилии.

Генрих находил, что таким образом он вполне расквашается с Сэгином за собственное спасение, и преспокойно строил планы своей будущей жизни. После свадьбы он тотчас уедет с Зоей из этой дикой страны, где имя ее отца проклято, поселится с нею в Новом Орлеане и, отбросив всякую мысль о путешествии, будет наслаждаться полным счастьем. В одно прекрасное утро, когда он предавался этим мечтам, гуляя по берегу под каштанами, к нему навстречу прибежала Зоя.

— Господин Генрих! Господин Генрих! — закричала она издали, потом остановилась и положила руку на сердце, которое сильно билось, потому что она бежала как маленькая девочка. — Знаете ли вы, — молвила она, наконец, — мой отец приехал в эту ночь. Я только что с ним поздоровалась, он разговаривал с мамой и сказал, что хочет поговорить с вами сию минуту. Слуги побежали вас отыскивать, а я пошла к себе наверх и оттуда увидела, что вы гуляете под каштанами, и побежала к вам навстречу. Папа увидит, что я лучше всех умею исполнять его желания.

Молодая девушка улыбалась, давая это объяснение. Генрих Галлер почувствовал сильное волнение. Очевидно, теперь решалась их судьба, а она и не догадывалась об этом. Может быть Зоя чувствует к нему только то обязательное расположение, какое предписывается хорошим воспитанием иметь ко всякому гостю. Может быть ее молодость, детская наивность не позволяют ей еще чувствовать так глубоко, как чувствовал Генрих.

Мысли эти мучили молодого человека, он молчал, идя рядом с Зоей. Она же смеялась, рвала цветы, звала лю-

бимых голубей и ворчала на молодого человека, что он, по-видимому, не радуется возвращению ее отца.

Подходя к дому, Генрих не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Вы хотите, чтобы я радовался разлуке с вами?

Зоя остановилась.

— Как, разлуке! — повторила она, причем румянец исчез с ее лица. — Но почему? Нам было так хорошо вместе.

Генрих схватил руку молодой девушки.

— Хотите вы, чтобы нам никогда не расставаться? Это мое самое горячее желание.

— Господин Галлер! — произнес кто-то серьезным тоном за его спиною.

Генрих выпустил руку Зои, обернулся и увидел Сэгина, который выходил из кущи апельсинных деревьев и с укоризной смотрел на него.

— Папа, — сказала Зоя, бросаясь в его объятия, — правда ли, что вы хотите увезти от нас господина Галлера? Но знаете ли вы, что это очень огорчит маму, доктора и меня?

— Дитя, — произнес Сэгин, лаская белокурую головку своей дочери, и сделал Генриху знак, чтоб он следовал за ним.

Они поднялись в комнату, занимаемую гостем. Сэгин закрыл окна и запер двери. Лицо его во время этих приготовлений было столь мрачным, что Генрих почувствовал, как его мечты разбиваются в прах.

«Не так, — думал он. — следовало бы вести себя Сэгину, когда его дочери оказывают честь и смывают с нее пятно, наложенное отцом».

Сэгин сел на диван, указал место молодому человеку и с иронией произнес:

— Вы, я думаю, не сомневаетесь в том, что я желаю иметь зятя, подходящего мне в нравственном отношении. Какова моя репутация — вам известно. Теперь вникните в дело поглубже и скажите тогда, продолжаете ли вы настаивать на предложении, о котором я узнал от жены.

— Сударь, я настаиваю на нем, я прошу руки вашей дочери.

Сэгин некоторое время молчал, потом, выйдя из задумчивости, продолжил:

— Что вы знаете обо мне?.. Я понимаю — истинного.

— Знаю, что вы были очень великодушны ко мне: я

жестокое оскорбил вас, а вы спасли меня. Это относится к моему личному опыту. Что касается прочего, я знаю только ваше имя и ваше прозвище.

— Здесь,— сказал Сэгин, очерчивая рукою круг, что должно было означать обнесенное оградой пространство,— здесь не знают моего прозвища, не знают ничего относящегося к нему. А рассказывали вам о моих подвигах ваши товарищи по каравану?

— Да.

— Итак, вы слышали, что я — Сэгин, охотник за черенами, что жители Эль-Пазо посылают меня на охоту против апахов и навагоев и платят мне по числу индейских черепов, которыми они украшают стены города. Вам именно это рассказывали?

— Да, сударь.

— И все это справедливо... Неужели вы и теперь захотите жениться на дочери убийцы?

— Сударь! — воскликнул молодой человек, — ваши преступления — не ее преступления. Слава Богу, она так невинна, что и не подозревает о злодействах своего отца. Вы можете быть демоном, она же останется по-прежнему ангелом.

На лице Сэгина показалось выражение горькой печали.

— Преступления! Демон! — повторил он. — Конечно, вы в праве так сказать. Вам, вероятно, передали все басни, которые ходят на мой счет: об отравленном ужине, о безоружных индейцах, расстрелянных пушками, и других подобных жестокостях.

— Да, сударь, но я прибавлю, что мой двоюродный брат Севрэн пожимал при этом плечами, что заставляло и меня относиться к подобного рода историям недоверчиво.

— Госгюдин Галлер, все эти истории — чистая выдумка, выдумка от начала до конца.

— Как я этому рад! Испытав на себе вашу доброту, и страдал при мысли о тех ужасах, которые вам приписывают.

— А между тем,— продолжал Сэгин,— если бы все эти истории с их ужасающими подробностями были справедливы, они представили бы только слабое подобие того, что делали индейцы с жителями беззащитных поселений. Если бы вы знали все, что произошло здесь за последние десять лет! Злодейства и убийства; деревни, преданные огню; женщины и дети, увенные в рабство; мужчины,

задушенные на пороге своих жилищ; целые опустошенные области! Великий Боже! И меня эти дикари поразили в самое сердце. Может быть Всевышний учтет это и смилуется надо мною в день Страшного суда.

Сэгин закрыл лицо руками и припал к столу. Когда он отнял руки, лицо его приняло обычно-грустное и вместе с тем гордое выражение.

— Господин Галлер, вам необходимо знать мою биографию. Вы сказали моей жене, что свободны от всяких семейных уз, а потому можете самостоятельно решить вопрос о своей женитьбе. Вы высказали уверенность в согласии единственного вашего родственника — Севрэна. Я, со своей стороны, тоже в нем уверен. Я знаю, что он расположен ко мне. Но сам я никак не могу согласиться на ваше предложение в той форме, в какой вы его сделали. Человек, настолько щекотливый в делах чести, что не хочет протянуть руку публично опозоренному человеку, не может признать его своим тестем... Не противоречьте, не извиняйтесь. Это вовсе не решительный отказ с моей стороны. Во всяком случае, если я своим рассказом докажу вам, что меня напрасно опорочили, то вы должны будете признать за мною право предложить вам некоторые брачные условия!

— Разумеется, — ответил Генрих, побежденный силою речи этого «охотника за черепами».

— Итак вы должны узнать меня вполне, — повторил Сэгин. — Я не француз, как это утверждают, я — креол из Нового Орлеана. Мои родители бежали из Санто-Доминго, где имущество их, после возмущения негров, было конфисковано. Я учился, готовясь быть инженером, и с этой целью отправился в мексиканские рудники. Несколько лет я провел в окрестностях Потози. Скопив немного денег, я стал работать на свой страх. Народная молва утверждала, что на берегу Гилы есть золотая руда. В почве действительно находился золотой песок, а на поверхности почти на каждом шагу встречался молочный кварц, обыкновенный спутник золота. Я нанял артель хороших, честных рудокопов. Пройдя с ними часть Мимбрского хребта, я набрел на значительное месторождение золота. Начали копать. Через пять лет рабочие мои достигли известного благосостояния, а я сделался богатым человеком. Тогда только я подумал, что могу, наконец, насладиться и семейным счастьем. Выбор мой давно уже был сделан. С детства я любил мою кузину Адель и Новый Орлеан покинул тогда именно с целью составить себе

стоюние перед женитьбой. Всякий труд в течение этого времени был мне приятен, так как приближал меня к осуществлению заветной цели. Но осталась ли она верна своему обещанию? Сомнения мучили меня, когда я возвратился после долгих лет в родной город. Адель ждала меня. Мы обвенчались и поселились в Вальверде — городе, ближайшем к моим рудникам. Тогда это был цветущий город, теперь остались от него одни развалины. Господь благословил наш союз: у нас родились две девочки. Младшая, Зоя, с детства была похожа на мать. Другая, старшая, дорогая моя Адель... была, говорят, милитый мой портрет. Мы их обожали, мы даже слишком гордились ими. Это была наиболее чувствительная наша струна, в нее-то и поразил нас удар. В Санта-Фе назначили нового губернатора. До сих пор он являет из себя изву здешних мест своим произволом и безнравственностью. Он позавидовал моему почетному положению в обществе и стал делать мне на каждом шагу неприятности, которые способны возмутить всякого гордого человека. Однажды он давал праздник в своем дворце Альбукерк. Я должен был туда явиться, и там он меня публично оскорбил. Если бы он был не губернатором только, и хотя бы первым королем в свете, я и тогда не перенес бы оскорбления. Я протестовал громко, поддерживаемый кучкой товарищей, и требовал удовлетворения с оружием в руках. Но он решил иначе. Вместо того, чтобы поступить как джентльмен, он тут же на балу приказал своей страже схватить меня и посадить в тюрьму. Не было никакого подобия истинного суда надо мною. Меня продержали несколько недель и потом выпустили. Когда и вернулся домой, то нашел его наполовину разграбленным и опустошенным. Жена моя в горячечном бреду прижимала к груди маленькую Зою. Оказывается, губернатор Армиго подкупил кровожадных навагоев, чтобы они совершили нападение на мой дом. Но им мало было меня разорить, — они еще увели с собою мою бедную Адель. Жена и день, и ночь громко призывала ее в бреду.

Сэгин замолк, и Генрих долго не решался прервать угрюмое молчание, вызванное воспоминанием об ужасной катастрофе.

Наконец он спросил его:

— Но каким образом госпожа Сэгин и Зоя избежали подобной же участи?

— Один из моих фермеров вынес их погребом, иду-

щим из дома в сад, и спрятал в лесу, в хижине. Брат фермера, который нес дочь мою Адель, был убит дорогою. А самого фермера вы должны знать, это не кто иной как Жозе, наш верный привратник. Можете судить, насколько добросовестно он исполняет свою обязанность... Армиго во что бы то ни стало хотел подорвать мое благосостояние, как нравственное, так и материальное. Поэтому навагои сделали также нападение и на мой рудник, они убили рудокопов, уничтожили и пожгли все мои искусственные сооружения. С теми рудокопами, которые остались в живых, я преследовал индейцев, но мы не смогли их нагнать и вернулись ни с чем в разоренные жилища, где нас ожидали плач и стоны. О, сударь! Вы испытали горе, потеряв ваших родителей, но его и сравнить нельзя с горем родителей, теряющих своего ребенка.

Сэгин схватился руками за голову и некоторое время молчал.

— Моя история скоро будет кончена,— проговорил он, наконец,— кончена на нынешний день, так как будущего никто не знает. Целые годы блуждал я вокруг индейских поселений, отыскивая свое дитя. Я командовал отрядом таких же, как я, несчастных людей: одни потеряли своих жен, другие — детей при подобных же обстоятельствах. Но скоро наши средства, а быть может — и их храбрость, истощились; они все понемногу покинули меня. Губернатор Санта-Фе, разумеется, не оказывал нам никакой поддержки. Уже тогда подозревали Армиго (теперь это доказано), что он в тайном союзе с вождями навагоев. Он обещал не преследовать их, а они взамен дали обещания грабить только его врагов. Распутав нить этой вероломной интриги, я понял, кто причина всех моих несчастий. С тех пор два раза жизнь этого гнусного человека находилась в моих руках, но я не захотел мараить рук. Он совершил бездну преступлений против многих, судить его будет всемогущий Судия; я же ни на шаг не отклонился от прямой своей цели.

Итак, мой отряд рассыпался, боясь новых преследований со стороны Армиго, я покинул округ Санта-Фе. миновал «Долину смерти» и поселился в Эль-Пазо. Некоторое время я жил в бездействии, но скоро потряхнул с себя апатию. Частые нападения индейцев племени апахов в округах Сонора и Чигуагуа заставили правительство позаботиться о лучшей охране, укрепления были приведены в порядок и получили лучшие гарнизоны; были обра-

ишаны отряды волонтеров, и плата им была назначена по числу скальпов с убитых индейцев. Мне предложили начальствовать над этими отрядами. Я хотел отыскать свою дочь, а потому согласился. Таким образом я сделался охотником за черепами. Это ужасная должность: Если бы я руководствовался только чувством мести, то был бы давно удовлетворен; мы совершили столько кровавых расправ, что вполне наказали индейцев за тот набег. Но я хочу, я должен отыскать мою Адель. Я знаю точно, что она находится в плену у навагоев. До сих пор скудость средств останавливала меня. Несмотря на все усилия, я не мог набрать достаточно людей, чтобы отважиться двинуться в пустыню, лежащую на севере от Гилье, где расположены их деревни.

— А теперь вы надеетесь?

— Терпение, Галлер, я сейчас закончу. До сих пор внутренние дела отвлекали внимание правительства от заботы о наших нуждах. С недавнего времени наши услуги стали выше ценить. Никогда еще мои люди не были так хорошо вооружены. На днях человек, бежавший из лагеря навагоев, сообщил мне, что воины обоих племен собираются на юг. Они, кажется, хотят добраться до ворот Дюранго. Я же намерен воспользоваться их отсутствием, чтобы проникнуть в лагерь и отыскать мою дочь.

— А вы уверены, что она жива? — спросил Генрих нерешительно.

— Благодарение Богу, я в этом вполне уверен. Пленный, о котором я только что говорил, часто видел ее. Она считается среди дикарей чем-то вроде королевы, имеет особые права и власть. Да, она жива, и если мне удастся ее вернуть — это будет мой последний набег. Я уеду отсюда и поселюсь где-нибудь далеко с моей дорогой семьей.

Генрих с волнением слушал рассказ Сэгина. Неприятное чувство и нерасположение к охотнику за черепами, которое он так открыто заявил однажды, уступило теперь место состраданию и даже восхищению. Как много он страдал, этот несчастный отец! Исповедь Сэгина позволяла Генриху уважать отца любимой девушки, а для него это была большая радость. Он взял за руки его и с влажными от слез глазами произнес:

— Простите ли вы мне, что я так жестоко в вас ошибся?

Сэгин улыбнулся.

— Теперь вы узнали короче отца Зою. Расположены ли вы по-прежнему просить руки ее?

— Более чем когда-либо, если только вы считаете меня достойным этой чести.

— Я уже сказал, что поставлю вам некоторые условия; я не просто отдам вам Зою, вы должны ее завоевать.

— Каким образом? — воскликнул Генрих. — Я готов на любые условия, на любые жертвы.

— Вы должны мне помочь отыскать ее сестру. Вы должны идти со мною в пустыню.

— Когда угодно... но в таком случае, могу ли я считать Зою своей невестой?

— Я представлю ей вас как жениха. Сегодня вечером мы сделаем обручение, а завтра чуть свет надо выступать.

— Значит, мне нужно пойти как следует посмотреть оружие и взглянуть на лошадь, — сказал Генрих, которому поскорее хотелось поделиться своею радостью с госпожою Сэгин и Зоей.

— Не беспокойтесь — все в порядке, к тому же в эту ночь вернулся ваш слуга Годэ. Он поедет с вами. Теперь я пойду к жене и к дочери и узнаю ее чувства к вам. Вы же приходите в гостиную через полчаса.

Генрих находился в тревожном ожидании, а потому встретил своего верного слугу далеко не так горячо, как тот вправе был ожидать. Разумеется он крепко пожал руку канадцу, рад был видеть его целым и невредимым после стольких испытаний, но в то же время весьма рассеянно слушал рассказ о его избавлении в «Долине смерти» и поручении, полученном им, касательно остановок каравана.

— Не тем ваша голова занята, капитан, не так ли? — заметил, наконец, Годэ. — Вас не очень-то интересуют мои похождения. Бродя по дому, я заметил некое розовое платице... За вами хорошо ухаживали; никак не скажешь, что вы были больны. Может быть вам здесь так хорошо, что вы не захотите и уходить отсюда, тогда прощай все наши приключения!

— Вы ошибаетесь, Годэ, я выступаю завтра же в поход; надеюсь, что и вы со мною...

— Идет, — сказал канадец, потирая руки. — Но куда же мы направимся?

Генрих ничего не ответил, так как увидел в открытую дверь Сэгина, делавшего ему знак рукой; он бросился в

попину так стремительно, что опрокинул стол с растениями, за которым сидел доктор.

Добряк-доктор вытер очки, оказавшиеся почему-то влажными, и, глядя с улыбкою на опрокинутый стол, сказал:

— Для сегодняшней молодежи нет ничего святого. Тот, например, влетел как ураган, измял мои растения, сломал мой стол и расстроил к тому же мою милую юю.

Зоя, действительно, плакала, но не от горя. В доме и в саду целый день слышалось после того ее веселое щебетание. Она старалась забыть о том, что жених должен покинуть ее завтра же. Генрих тоже страдал от близости разлуки. Он охотно попросил бы отсрочки, но не смел. Он-то знал, что ему предстоит не короткая отлучка на несколько дней, как в этом старались уверить мать и дочь, а чрезвычайно опасный поход. Тем не менее он отправлялся полный надежды и счастливый, как никогда. В благополучном возвращении своем он не сомневался.

Глава 8

РАЗГАДКА ТОГО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО НА БАЛУ В САНТА-ФЕ

Прежде, нежели померкли поутру звезды, ворота в ограде отворились, и отряд выступил. Впереди всех находился Сэгин, рядом с ним доктор Рихтер, за ними следовал Генрих Галлер. На повороте он не утерпел и остановился, чтобы взглянуть в последний раз на здание. Он пропустил слуг, составляющих арьергард.

Может быть это было одно воображение, но сквозь сумерки ему почудилась на террасе белая фигура. Долго не мог он оторвать от нее глаз, однако нетерпеливый конь его не пожелал оставаться позади своих товарищей и увлек всадника. Молодой человек оборачивался еще не раз, но скоро они въехали в густой лес, за которым не стало видно усадьбы.

Дорога была тяжела из-за густого хвороста, покрывавшего почву, следов почти не было видно. Местность — дикая, пустынная, и как подтверждение этому — выскакивающие на каждом шагу из чащи навстречу охотникам олени и антилопы. Дорога то шла берегом, то удалялась,

от него, избегая извилин реки. Иногда им приходилось ехать по земле, когда-то бывшей в обработке, но давно уже запущенной. Попадались им следы прежних жилищ и раз даже следы церкви. Здесь когда-то было целое поселение, но что случилось с его жителями? Откуда пришла гибель на этих людей?.. Дикая кошка выскочила из развалин и скрылась в лесу; сова со зловещим криком вылетела из руин башни и дополнила собою картину разрушения.

Генрих с грустью смотрел на эти следы опустошения. Подъехав к Сэгину, он поинтересовался, почему жители покинули этот край.

— Индейцы, — коротко ответил охотник.

Действительно, на всем лежал отпечаток дикого набега, совершенного племенем, вооруженным копьем, топором, ножом для скальпирования и зажженным факелом для уничтожения цивилизации.

— Навагон? — спросил молодой человек.

— Навагон и алахи.

— Они и теперь появляются здесь?

Генриху стало страшно при мысли, что дикари так близко подходят к стенам усадьбы. Разве трудно разрушить ограду, и что могут сделать для защиты дома немногие оставшиеся слуги?

— Они более не являются сюда, — с улыбкой отвечал Сэгин, как бы угадав мысль Генриха.

— Почему?

— Это наше царство. Сейчас вы увидите необычных обитателей его. Горе индейцам, которые отважились бы проникнуть в эти леса.

По мере того, как путешественники продвигались, пред ними открывались новые картины: по обеим сторонам реки шли цепи гор, постепенно сходящиеся и в одном месте образующие узкий проход. Вода там, пробиваясь между двух отвесных скал, сильно пенилась и шумела. Скалы же были остроконечные, более тысячи футов вышиною и в разрезе необыкновенно гладкие и... страшные.

— Видите вы этот пик? — внезапно спросил Сэгин молодого человека, указывая на скалу, которая поднималась всех выше над пропастью.

— Да, вижу. Человек на этой скале показался бы нам не более картонного паяца.

— И оттуда вы собирались прыгнуть, когда мы вас нашли. Вы качались над этой пропастью.

Генрих содрогнулся... Голова у него закружилась и,

чтобы не упасть, он вынужден был на некоторое время сойти с лошади.

Без вашего доброго коня,— заметил доктор Рихтер, мне, если бы я попал сюда случайно, пришлось бы только ломать себе голову над тем, что осталось от вас на две пропасти.

О, Моро, дорогой Моро! — произнес Генрих, цедуя лошадь между глаз.

Сэгин также с восхищением смотрел на чудное животное. Желая избавиться поскорее от неприятного ощущения головокружения, Генрих решил переменить тему разговора и спросил Сэгина:

Мне очень хотелось бы знать одну вещь, но до сих пор не приходилось спросить вас об этом. Почему при первой нашей встрече вы желали во что бы ни стало купить Моро?

— Теперь, когда вы посвящены в мои семейные тайны, я могу вам это объяснить. Для похищения моей дочери мне нужен был именно такой конь, как ваш Моро. Это было еще раньше, чем я узнал о выступлении моих врагов. Я собирался проникнуть как-нибудь в их лагерь и выкрасть дочь. На Моро я надеялся оторваться от их преследования, так как их лошади несомненно уступают арибским скакунам. В лагерь я пробрался бы, переодевшись индейским вонном; их языком я уже давно владею в совершенстве.

— И все же такое предприятие было бы слишком опасно,— таково всегда будет мое мнение,— сказал доктор Рихтер.

— Но вы знаете, доктор, что я на него решился только в крайнем случае, когда все другие способы были уже испробованы. Это был отчаянный шаг, но я решился и, если бы получил лошадь, непременно бы осуществил его.

— Вы очень хорошо сделали, что не продали Моро,— сказал доктор.— Теперь мы гораздо более можем рассчитывать на успех.

— И правда, Провиденне как будто сжалилось надо мною. Никогда еще обстоятельства не складывались так благоприятно, как теперь. С одной стороны — отсутствие воинов в лагере навагоев; с другой — значительное усиление моего отряда, благодаря прибытию охотников-звероловов. Они находят, что медвежьи шкуры не стоят ружейного заряда, и предпочитают поэтому шкуры краснокожих. Да, на этот раз я могу надеяться.

Они въехали в тень каштанового леса, и Сэгин предложил сделать отдых.

Лошадей пустили пастись, сами же путешественники расположились на лужайке позавтракать, освободив мулов от части припасов с провиантом, которыми те были нагружены.

Они отдыхали более часа, беседуя о любопытных особенностях местности, по которой проезжали. Генрих с величайшим удовольствием внимал своим более опытным и знающим спутникам. Первое его путешествие с купцами мало ознакомило его с краем; он находился тогда под действием степной лихорадки, поэтому и впечатления его были весьма смутны. Теперь же он вполне владел всеми своими способностями и сознательно воспринимал окружающее.

Мысль, что когда-то этот край был занят солдатами Фердинанда Кортеса, потом отнят у них прежними владельцами и вновь подвергнут опустошению, рисовала в воображении молодого человека одну картину за другой. Сэгин был сегодня как-то особенно общителен, он охотно отвечал на все вопросы и сообщал при этом массу интереснейших сведений.

— Вы правы, что от тех времен не сохранилось почти никаких достоверных свидетельств. Люди, которые могли бы тогда начертить географическую карту для потомства, были слишком заняты добыванием золота. Жалкие потомки этих выходцев до сих пор только и думают о том, как бы обокрасть друг друга, и этим губят себя. Они знают только о существовании врага, который грозит им отовсюду и которого они боятся как дети людоеда. Мы находимся теперь в центре материка, в американской Сахаре,— продолжил Сэгин.— Новая Мексика среди этой пустыни — как оазис. От нее приходится в ином месте ехать тысячи миль, пока доберешься вновь до плодородной местности. Своим плодородием Новая Мексика обязана реке Дель-Норте. Это единственное место, обитаемое белыми, от правого берега Миссисипи до берегов Тихого океана, то есть до Калифорнии. Ведь, чтобы доехать до Санта-Фе, вам пришлось ехать пустыней?

— Да, по мере того, как мы удалялись от Миссисипи, местность становилась все бесплоднее. На последних трехстах милях мы с трудом находили достаточное количество травы и воды.

— Так и по всему протяжении вдоль Скалистых гор

вы не встретите ни одного деревца. На востоке можно также проследить вулканическое образование почвы. Хотя вулканы потухли давным-давно, повсюду видны следы пепла и лавы; ни климат, ни растительность не повлияли на них. Впрочем климатические условия здесь не важны.

Как это? Я не понимаю,— заметил Генрих.

— Я то хочу сказать,— пояснил Сэгин,— что атмосферные изменения здесь нечувствительны, дожди и бури почти не касаются этих стран. Есть места, где в продолжение многих лет ни разу не выпадала даже роса.

— Как же вы объясняете себе это явление?

— У меня своя теория, которая, пожалуй, не удовлетворила бы ученых. Вот сущность ее. Дождь идет только тогда, когда воздух насыщен парами; пары получают только при существовании вод на земле; вода же здесь встречается редко; оно и понятно: место очень возвышенное (мы находимся на высоте 9000 футов над поверхностью моря) — отсюда скудость источников, которые по законам гидростатики должны бы были пополняться водою из каких-нибудь верхних слоев, а таковых не существует здесь. Предположите, что местность эта когда-то была сплошь покрыта водою, представляла из себя море, со всех сторон окруженное горами. Воде некуда было бы излиться и, тем не менее, она с течением времени перешла бы в океан, оставив сухое дно.

— Но как же бы это случилось? Путем испарения? Сколько бы времени потребовалось на это?

— Напротив, от недостатка испарения.

— В таком случае, я ничего не понимаю.

— Сейчас объясню. Это место очень возвышенное, и потому воздух холодный и испарение незначительное. В океане оно сильнее, и вот, вследствие обмена в верхних слоях воздуха, пары из океана попадают во внутренние моря и переполняют их водою.

— Кажется, я начинаю понимать, в чем дело.

— Слушайте далее,— продолжал Сэгин.— Вода после этого начинает искать себе выхода из моря; первая брешь положит начало излиянию. Вода мало-помалу выроет себе широкое русло и выльется вся. Конечно, на это потребуются многие века. Дно бывшего моря совершенно высохнет, и геологи будут недоумевать по поводу впадины.

— Вы, значит, утверждаете, что долины между Андами и Скалистыми горами суть места высохших внутренних морей?

— Я в этом убежден.

— И в самом деле, до сих пор ведь существует такое море,— заметил Генрих.

— Большое Соленое озеро? Да, конечно. Вернее, целая система озер, ручьев и речек, соленых и пресных. Эту водную систему со всех сторон плотно окружают горы и холмы, так что воды ее не имеют никакого сообщения с океаном.

— Но почему же оно не исчезает?

— Прежде всего потому, что это озеро расположено не особенно высоко. Обмен паров между им и океаном существует равномерный, следовательно, оно не переполняется и не изливается. Моря Каспийское, Аральское и Мертвое представляют то же явление и не противоречат моей теории. Берега Соленого озера плодородны вследствие обильных дождей, но дожди эти обязаны своим происхождением испарению собственных его вод, не океану.

— Как! Неужели вы хотите сказать, что испарения из океана не доходят до внутренних частей материка?

— Я не утверждаю этого вполне, так как иначе в пустынях никогда бы не шел дождь. Иногда в сильную бурю облака могут быть занесены с океана далеко вглубь страны, но большею частью они только краем касаются отдаленных внутренних частей материка и еле-еле в состоянии произвести в них дождь. Масса паров, поднимающаяся над Тихим океаном и направляющаяся на запад, изливается тут же на берегу; пары же, которые находятся в высших слоях атмосферы, минуют береговые хребты гор и проникают дальше, но тут задерживаются хребтом Сьерра-Невада. Они сгущаются и возвращаются к океану по течению рек Сакраменто и Сан-Хоакин; частью изливаются в виде дождя, но и эта вода уносится реками Гила и Колорадо. Наконец, последние остатки паров скудно орошают самые возвышенные склоны гор. Вот вам объяснение происхождения рек и речек, а также оазисов, которые скрашивают ужасную пустыню. Пары из Атлантического океана подвергаются той же участи, проходя через Аллеганские горы. Сгустившись, они падают дождем в долины Огайо и Миссисипи. С какой стороны ни посмотришь, плодородие на нашем материке уменьшается с приближением к центру. Это объясняется, конечно, недостатком воды. Во многих местах, где еле пробивается трава, сама почва богата производительными частями. Не так ли, доктор?

— Совершенно справедливо,— подтвердил доктор

Рихтер, — этой благодатной почве только и недостает небесной влаги. Как только является малейшее орошение, растительность делается роскошной. Господин Галтер мог заметить это, проезжая по течению Дель-Норте. То же замечается в бывших испанских поселениях по течению Гилы.

Кстати, — спросил Генрих, — не можете ли вы мне сказать, почему испанские сооружения были покинуты на произвол судьбы? Мне никогда не приходилось слышать о причине падения этих прекрасных колоний.

— О, — горячо воскликнул Сэгин, — причина коренится в неспособности испанской нации к колонизации! Нужно, чтобы явилось племя настойчивое, не избалованное удобствами и прелестями жизни, способное выдерживать борьбу. А потомки Кортеса оказываются бессильными перед энергией апахов, навагоев и команчей, когда-то побежденных их славным предком. Посмотрите на испанские владения в Соноре, Чигуагуа — они почти обезлюдели! Посмотрите на Новую Мексику — население ее терпит ежегодные нападения со стороны индейцев. Однако доктор делает мне знак. Правда, мы достаточно переговорились, и я по солнцу вижу, что пора нам в путь. На лошадей — и вперед! Дождя давно не было, и потому можно ехать берегом; а иначе, милый Генрих, пришлось бы горами сделать лишних пятнадцать миль. Держитесь ближе к скалам и следуйте за мной по пятам; ваши товарищи знают, что каждый шаг должен быть рассчитан в этих проходах.

Солнце было близко к закату, когда наш маленький отряд добрался до лагеря охотников за черепами. Появление его не вызвало в лагере никакого волнения. Каждый продолжал заниматься своим делом, не оказывая вновь прибывшим никаких особых знаков почтения или уважения.

Генрих устал от продолжительной езды. Он разостлал одеяло и сел, прислонившись к дереву, но несмотря на утомление, не мог сразу заснуть — настолько заняла его новая обстановка. Ему казалось, что он видит перед собой художественную картину, изображающую ночлег разбойников в ущельях Абруццо.

Лагерь был расположен на берегу Дель-Норте на лужайке, обрамленной каштанами, которые высоко поднимались над малорослыми густо разросшимися пальмовыми деревьями. Плохие палатки шли вперемешку с кожаными индейскими шалашами. Но большинство охот-

ников довольствовались растянутой на жердях буйволо- вой шкурой. Далее в чаще можно было разглядеть более сложные сооружения из ветвей, покрытые пальмовыми листьями или тростником, срезанным на берегу реки. От множества тропинок, шедших в лес, поляна казалась перекрестком. В лесу виднелась еще другая зеленая поляна, где на длинных веревках паслись мустанги и мулы. Всюду были разбросаны уздечки, седла и тюки. Перед шалашами и хижинами висели заржавленные сабли, на земле валялось оружие и приборы к нему. Вокруг громадных костров с целыми горящими деревьями сидели кучками люди, не из желания погреться, а с целью изжарить какой-нибудь кусок себе на ужин. Некоторые заняты были починкой оружия или платья.

Говор этой орды представлял смесь всевозможных языков и наречий. До уха Генриха долетали отрывки французских, английских, испанских и индейских фраз. Это были большей частью грубые возгласы или остроумные перебранки. Можно было подумать, что различные нации выслали сюда своих представителей для состязания в ругани.

В этой разношерстной толпе можно было, однако, различить три группы. В каждой из них господствовал какой-нибудь один язык и замечалось некоторое сходство в одежде. Три человека, беседовавшие неподалеку от Генриха, казались типичными представителями этих групп. Первое лицо — мексиканец, на нем были зеленые бархатные штаны, стянутые у пояса и широкие внизу, с изнанки подбитые черной кожей с вытисненными на ней узорами и обшитые серебряной бахромой. Сапоги были темно-красные, с широкими носками, громадными шпорами, массой навешенных побрякушек, которые при малейшем движении издавали бряцание. На поясе был красный шелковый шарф, концы его с бахромой висели на левом боку; коричневая суконная куртка охватывала вплотную стан, оставляя открытыми только широкий ворот и вышитую грудь рубашки. На голове была широкополая шляпа из лакированной кожи, украшенная серебряными галунами. На одно плечо был накинут плащ, на другом висела охотничья сумка. Он опирался на штуцер, пояс его был увешен пистолетами, слева висел большой испанский нож, дополнявший вооружение.

Второй из собеседников был англо-американец. Он тоже стоял, опираясь на свой длинный карабин, и казался очень высокого роста. Он был плотно сложен и об-

наруживал наследственную силу саксонцев. Широкое левое лицо наполовину скрывалось за густыми бакенбардами. Цвет лица, по природе светлый, от загара и долгих странствий по морю и по суше сделался совершенно темным. Костюм был вполне местный, каждая часть его носила печать своего происхождения: очевидно, материал был добыт с помощью собственного пороха и пуль. На нем была блуза из замши, сделавшейся мягкой от дыма, панталоны и мокасины из того же материала, только с подошвами из толстой буйволово́й кожи. Блуза была подпоясана, наверху она заканчивалась большим отложным воротником, падавшим на плечи. Из-под воротника выглядывала рубашка из более тонкой кожи антилопы. На голове саксонца было нечто вроде чепца из шкуры енота; спереди его украшала мордочка зверька, а сзади — хвост, развевавшийся султаном. Вооружение составляли: мешок из кожи дикой кошки для пули, большой изукрашенный рог, кривой нож, тяжелый пистолет и ружье длиною в пять футов. На груди висел мешочек, украшенный колючками дикобраза; в нем находились принадлежности для курения — единственный предмет роскоши у саксонца.

Что касается третьего охотника, дружелюбно разговаривающего с двумя первыми, то не могло быть никакого сомнения, что это индеец.

Покинутый Сэгином и доктором, которые отправились осматривать лагерь, Генрих обратился за разъяснением к Годэ.

— Что это? Пленные индейцы? Но они не связаны и свободно расхаживают по всему лагерю.

— Это союзники, — ответил канадец, — из племени делаваров и павниев.

Забыв всякую усталость, Генрих пошел в ту сторону, где стояли индейские хижины. Итак он видел перед собой потомков того знаменитого племени, которое первым сразилось с белыми на островах Атлантического океана. Он подходил к ним с чувством любопытства и уважения. Одни сидели вокруг огня и курили из своих красных изящно вырезанных трубок, другие важно прохаживались около. Среди них господствовала тишина, резко отличавшая их группу от оглушительного шума остальных. Время от времени кто-нибудь задавал вопрос и получал краткий ответ, иногда обмен мыслями происходил при посредстве кивка головы, жеста руки, трубки молча переходили от одного к другому.

Генрих, глядя на этих детей пустыни, испытывал чувство более сильное, нежели простое любопытство. Ему приходила на память вся история войны с племенем делаваров. Перед ним были типичные представители этого избранного племени.

Так вот они, потомки свободолюбивых отцов, которые, преследуемые белокожими, с боем уступали каждую пядь земли; все более и более углублялись они внутрь страны вплоть до самого «кровавого» участка. Бледнолицые не прекращали преследования, а они, не желая ни за что селиться рядом с победителями, должны были пробиваться сквозь своих же собратьев, превосходивших их втрое численностью. Кровавые битвы, измена, нарушенные договоры значительно уменьшили их число.

Ущелье реки Озаго было последним пунктом. Преследователи признали за ними право на этот участок, но было уже поздно. Делавары так привыкли к кочевой воинственной жизни, что не могли приняться за обработку земли. По прошествии некоторого времени все воины исчезли куда-то; на месте остались только старики, женщины и дети. Но, спрашивается, куда же они девались? Где поселились? Кто хочет найти делаваров, должен искать их в степях и лесах — всюду, где возможна охота за медведем, бобром и буйволом. Они бродят или независимыми отрядами или в союзе со своими прежними врагами — бледнолицыми, сражаются с дикими племенами индейцев вуто, кроу, навагоев, апахов и другими.

Генрих всматривался в лица и одежду их; хотя не было двух одетых одинаково, но в общем замечалось некоторое однообразие. Большею частью на них были блузы из пестрой бумажной материи. Более всего они выделялись своим головным убором: большой тюрбан на голове, сделанный из шарфа или платка яркого цвета; над тюрбаном еще султан или пучок перьев орла или крыло голубого журавля. Костюм дополнялся замшевыми штанами и сапогами из невыделанной кожи. У многих штаны были украшены вдоль шва скальпами, большее или меньшее число которых свидетельствовало о храбрости их обладателя. Сапоги отличались от тех, что носят индейцы долины; шов был наружный, двойной, без всяких украшений. Уже давно эти краснокожие воины оставили употребление индейского лука, и многие из них так искусно владели ружьями, что могли бы поучить белых; но свой традиционный топорик, томагавк, они сохранили.

Переходя с места на место, Генрих набрел еще на

группу мексиканских горцев; они были небольшого роста, но свирепого вида. Это были так называемые циболеры — пастухи крупного скота; в постоянной борьбе с индейцами они приобрели необычайную для испанцев храбрость. Они усердно курили табак, заворачивая его в листья манса, и на разостланных одеялах играли в карты. Ставкой служил табак; проигравшие громко ругались, а выигравшие насмехались над ними. Разговор шел на грубом испанском наречии, еле понятном.

Кроме этих характерных групп, были и отдельные характерные личности. Были французы, канадские путешественники, беглецы из северо-восточной армии, которых можно было узнать по их белым шинелям, они рассказывали военные песни со свойственным им жаром. Были тут и покоренные индейцы, с которыми обращались как со слугами; наконец мулаты, негры, бежавшие с плантации Луизианы, предпочевшие жизнь полную приключений побоям управителей. Были тут люди в мундирах, покинувшие свою должность где-нибудь на границе. Были даже пришельцы с Сандвичевых островов. Одним словом, лагерь представлял необыкновенную смесь лиц, племен и костюмов. Судьба закинула их сюда из разных мест, и они образовали нечто особенное в своем роде — армию охотников за черепами.

Глава 9

АНГЛО-САКСОНЕЦ И ИНДЕЕЦ

Георих вернулся к дереву, под которым расположился лагерь. В это время он услышал крик журавля, поднял глаза и увидел небольшую голубую птицу, летевшую очень низко по направлению к лагерю; она точно направилась на выстрел. Действительно, какой-то мексиканец выстрелил, но так неумело, что птица продолжала лететь. Англо-саксонцы начали смеяться, а один из них сказал громко:

-- Дурак, тебе и в развешенное одеяло не попасть с твоим негодным ружьем.

Георих обернулся к говорившему. В эту минуту двое охотников одновременно прицеливались в птицу. Одного из них он еще раньше заметил, другой был индеец. Оба выстрела слились в один; птица перевернулась в воздухе и, падая, повисла на дереве. Стрелявшие не видели друг

друга, так как их разделяла палатка, и каждый, таким образом, приписал себе удачный выстрел.

— Хороший выстрел, Гарей! — сказал молодому охотнику его сосед. — Да сохранил Бог всякого от твоего зерного прицела.

Индеец в это время обходил палатку; услышав эти слова и увидав дым от выстрела, он обратился к Гарее: — Сударь, вы стреляли?

Эта короткая фраза была произнесена на чистейшем английском языке. Обстоятельство это само по себе должно было привлечь внимание Генриха, но фигура индейца еще раньше поразила его.

— Кто этот индеец? — спросил он у Годэ, очутившегося рядом с ним.

— Я уже спрашивал о нем. У него такая гордая осанка! Но никто не мог мне сказать, кто он; сказали только, что он недавно приехал, что его никто не знает, но что капитан поздоровался с ним за руку.

Индейцу было около тридцати лет, ростом он был около семи английских футов. Его высокий лоб, орлиный нос и строгие черты лица обличали ум и энергию. На нем была надета охотничья блуза из замши, отлично выделанной, такой, какая идет на перчатки; на груди она была вышита, ворот был обшит горностаем. Горностаевыми же цельными шкурками был обшит подол блузы, что составляло красивое и вместе с тем драгоценное украшение. Но что особенно отличало этого индейца от остальных, так это его головной убор. Черные длинные блестящие волосы падали на плечи и доходили до пояса. Его шапочка была кругом усажена орлиными перьями — это высшее щегольство у индейцев. Высокий головной убор придавал ему еще больше достоинства. Белая буйволовая шкура красиво падала с его плеча. Все вообще напоминало «короля меровингов». Драгоценные камни, служившие украшением для одежды и оружия, были подобраны со вкусом; на древке ружья виднелись серебряные насечки. Это был в полном смысле идеал индейца, в котором, однако, ничто не напоминало дикаря. Он необыкновенно вежливо обратился к охотнику с вопросом; тот, напротив, ответил грубо:

— Стрелял ли я? Да разве ты не слышал выстрела? Не видел, как птица упала? Посмотри, вот она болтается на дереве.

— Должно быть, мы выстрелили одновременно.

— Полюбуйтесь на этого господина! Мне дела нет до

...произошло ли это одновременно или разновременно. Мы знали одно, что я стрелял и попал в цель.

Мне кажется, что и я попал в цель, — скромно возразил индеец.

Как бы не так, — из этого игрушечного ружья! — насмешливо произнес Гарей, взглянув с презрением на блестящую штучку своего соперника и останавливаясь с нежностью на бронзовом стволе своего громадного ружья.

Он тщательно вытер его и снова зарядил.

Игрушка, если хотите, — возразил индеец, — но она не уступит другому ружью в меткости и силе удара. Я ручаюсь, что мой выстрел пробил птицу насквозь.

Видите ли, господин (так как такого нарядного индейца надобно, конечно, величать господином), очень легко узнать, кто попал в птицу. Ваш номер будет, вероятно, около 50, мой номер 90. Остается только посмотреть.

Гарей направился к дереву, на котором висел журавль.

— Как же ты достанешь птицу? Ведь она высоко! — сказал другой охотник, заинтересовавшись спором.

Не отвечая, Гарей спустил курок; раздался выстрел, петка сломалась и повисла, но журавль, прищемленный еще другой веткой, не упал наземь.

Выстрел, хотя и не достиг цели, был весьма удачен и вызвал одобрение присутствующих, вообще не щедрых на похвалы.

Вслед за этим выстрелил индеец, он попал в надломленное место и точно отрезал ветку. Она упала вместе с птицей. Присутствующие еще громче выразили свой восторг.

Начали разглядывать дичь; оказалось, что в ней застряли две пули различного калибра. Оба оставались победителями, но молодой охотник был крайне недоволен. Какой-то неизвестный вдруг сравнился с ним в ловкости, чуть не превзошел его в присутствии других охотников. И что всего обиднее, это был индеец с мишурным ружьем.

Горцы очень недоверчиво относятся к ружьям, имеющим украшения. «Мишурные ружья, как и мишурные бритвы, годны только для легкомысленных людей». Но, очевидно, при изготовлении этого ружья имелась в виду и серьезная цель.

Охотник должен был сделать над собою немалое уси-

лие, чтобы скрыть досаду. Не говоря ни слова, он стал вновь заряжать свое ружье. По-видимому, он не сдавался и хотел продолжить состязание, рискуя быть побежденным. Он тихо сообщил свое намерение одному из товарищей, а потом громко произнес:

— Попасть в ветку дерева вовсе не трудно. Каждый, у кого верный прицел, сделает это. Но я знаю другого рода удар, — тот требует большего самообладания.

Охотник замолк и посмотрел на индейца, который тоже заряжал свое ружье.

Скажите, незнакомец, — продолжал он, — есть ли во всем лагере человек, знающий вас и вполне доверяющий вашей ловкости?

— Да, — с небольшим колебанием ответил индеец. — Но к чему вы это спрашиваете?

— Потому, что я хочу показать вам штуку, которую мы не раз проделывали в форте Бент; так себе, детская забава. Попасть не трудно, но при этом испытываешь некоторое волнение. Ау, Рубе! Где ты, приятель?

— На кой черт я тебе нужен, Гарей?

Последние слова были произнесены таким сердитым тоном, что заставили всех обернуться в сторону говорившего. Сквозь деревья и кусты Генрих увидал какую-то темную фигуру, сидевшую у огня. Только по движениям рук можно было признать в ней живое существо; без того она походила бы скорее на ствол каштанового дерева. Генрих подошел ближе, чтобы разглядеть это странное существо.

Одежда его состояла из чего-то, что прежде могло называться охотничьей блузой, но теперь скорее напоминало кожаный мешок с отверстием наверху и двумя приставками в виде рукавов по бокам. Этот мешок был грязно-коричневого цвета, отвратительный по количеству грязи и сала, пропитавших его насквозь. Ворот был истерзан, штаны и мокасины были не лучше блузы. Шапка на голове была из звериной шкурки, теперь совершенно вылезшей. Казалось, что этот человек не снимал своей одежды с тех пор, как впервые ее надел, а это могло быть только очень давно. Открытая шея казалась бронзовой от загара и дыма.

На вид ему можно было дать лет шестьдесят; лицо было хитрое, в глазах светился ум. Он принадлежал к породе смуглых саксонцев.

Помимо странного костюма было еще нечто очень странное в его внешности: казалось, что ему чего-то не-

остает. Вглядевшись пристальнее, Генрих убедился, что отсутствует у него ушей.

Человек без ушей — это что-то ужасное. Это невольно приводит на мысль о какой-то ужасной мести, рисует воображению кровавую сцену. В голове Генриха созрели масса предположений; наконец, вспомнив слова Сидина, он решил, что это, должно быть, тот самый пленный, который принес последние известия из лагеря навагов.

Откликнувшись так грубо на вопрос Гарей, он продолжил сидеть и грызть кость от жаркого, издавая при этом глухое рычание, точно потревоженный во время еды волк.

— Иди сюда, Рубе, ты мне нужен,— повелительным тоном произнес Гарей.

— Хотя я тебе и нужен, а все-таки Младенец не движется с места, пока не очистит кость; можешь и подождать.

— Экая старая собака! По крайней мере, поторопись со своим глоданием.

Охотник с недовольным видом поставил ружье на землю и стал дожидаться. Рубе (так звали эту машину, одетую в кожаный чехол), наконец, покончил с костью, медленно поднялся и направился к толпе любопытных, ожидавших его.

— Чего тебе нужно, Гарей?

— Мне нужно, чтобы ты подержал эту штуку,— ответил Гарей, подавая ему белую скорлупку, величиною с обыкновенные карманные часы.

Вся земля в этом месте была покрыта такой скорлупой.

— Что это — пари?

— Нет.

Так зачем же ты тратишь порох понапрасну? Разве у тебя его так много?

— Меня перещеголяли,— тихо сказал охотник,— и кто же — индеец!

Рубе обратил взор на индейца, который прямо и величественно стоял невдалеке от них. По выражению лица Рубе можно было заключить, что он уже встречал его где-то. Он зашевелил губами, но из его слов можно было расслышать только одно: «марикопа».

— Ты думаешь, что он марикопа? — с заметным интересом переспросил Гарей.

— Да разве ты ослеп? Посмотри на его обувь,

— Ты прав, но я жил среди этого племени два года и не видал его там.

— Он уходил далеко, в страну, где совсем нет краснокожих. Он, должно быть, хороший стрелок: когда-то он попадал в цель без промаха.

— Ты знал его?

— Да, верный прицел... красивая девушка... молодец... Младенец хорошо их знает... Где мне становиться?

Генрих заметил, что Гарей не прочь еще послушать старика, — упоминание о красивой девушке, видимо, заинтересовало его. Но так как товарищ не собирался продолжать, он указал ему на тропинку и коротко сказал:

— Шестьдесят.

— Не попади только в мои когти, слышншь? И так уж индейцы оторвали мне коготь на одной руке, Младенцу нужны остальные.

Говоря это, старый охотник помахал правой рукой, на которой недоставало пальца. Потом он зашагал в указанном направлении. Отсчитав шестьдесят шагов, он круто повернулся на каблуках и поднял правую руку на уровень плеча; между пальцами вытянутой руки была скорлупа.

— Готово, Гарей, — сказал он, — можешь стрелять.

Кучка зрителей была очень заинтересована происшедшим перед ее глазами. Такие случаи нечасты среди горцев-охотников, как о том свидетельствуют путешественники. Подобный выстрел доказывает не одно искусство охотника, но и самообладание и доверие, питаемое к нему другим. При этом, разумеется, не меньшая заслуга и за тем, кто держит мишень. Многие охотники согласились бы стрелять, но немногие — держать скорлупу.

Генрих дрожал от страха, большинство присутствовавших было взволновано, но никто не осмелился вмешаться. Глубоко вздохнув всей грудью и выставив левую ногу вперед, Гарей стал твердо. сам утвердил ружье и крикнул своему товарищу:

— Эй ты! Не зевай, старый грызун!

После этого он стал тщательно целиться. Кругом царил гробовая тишина. Все взоры были устремлены на цель. Раздался выстрел, и скорлупа разлетелась в мелкие куски. Толпа приветствовала Гарей громким «ура». Старый Рубе нагнулся, чтобы осмотреть осколки и, подняв один из них, крикнул:

— Попал в самую серединку!

Чей-то молодой охотник попал в самый центр ссоры. Все взоры обратились на индейца; до сих пор он оставался немым свидетелем; теперь он опустил глаза в землю и, казалось, чего-то искал. Под ногами он увидел плод выюна, величиною, формой и отчасти цветом напоминающий апельсин.

Индеец поднял его и взвесил на ладони. Все недоумевали, что он хочет сделать с этим плодом. Человек пятьдесят внимательно следили за ним взглядом.

Гарей, хотя и гордился только что одержанной победой, но какое-то предчувствие не давало ему покоя, он подозрительно следил за индейцем. Что касается Рубе, то тот преспокойно вернулся к своему костру и принялся за новую кость.

Индеец, казалось, вполне удовлетворился найденным плодом. Он взял висевшую у него на груди бедренную кость орла, изящно отделанную, с проткнутыми в ней дырочками, наподобие флейты, поднес ее к губам и издал три резкие ноты, делая между ними одинаковые промежутки. Потом он стал глядеть в глубь леса по направлению к западу. Любопытство охотников было сильно возбуждено, они перешептывались между собою. Вдруг те же три ноты повторились в лесу, точно отдаленное эхо. Очевидно, у индейца был товарищ. Для всех, кроме Рубе, это было неожиданностью.

— Вот увидите, — сказал он через плечо, — я готов прозакладывать свою кость, что сейчас явится девушка такой красоты, какой вы и не воображали.

Послышался треск раздвигаемых кустов и шелест сухих листьев под чьей-то легкой походкой. Минуту спустя показалась на опушке девушка, действительно необыкновенной красоты, как предсказал Рубе. Все присутствующие онемели от восхищения.

Одета она была не менее нарядно, чем индеец; на ней была туника (короткая юбка) из павлиньих перьев, чрезвычайно красивых и пестрых. Внизу туника оканчивалась бордюром из мелких морских раковин, издававших при малейшем ее движении шум, подобно кастаньетам. На ногах были красные суконные шаровары, с вышитыми на них узорами, на маленьких ножках — белые мокасины. Красивый пояс обнимал гибкую талию, на шее висели ожерелья. Головной убор был такой же, как у индейца, только более скромных размеров. Роскошные черные волосы окутывали ее точно мантилей, доходя почти до колен.

Внешность этой молодой девушки дышала дикой грацией, невинностью и вместе с тем достоинством. Цвет кожи был, конечно, смуглый, но по щекам разливался нежный румянец. Она подходила все ближе, нисколько не заботясь о впечатлении, произведенном ею на собравшуюся толпу. Она не спускала с индейца своих больших черных глаз, в которых выражались и любовь, и почтение.

Генрих, взглянув на Гарей, был поражен его странным поведением; он страшно взволновался. сжатые губы его побледнели, под глазами образовались черные круги, одной рукой он сжимал рукоятку ножа, другой судорожно ухватился за ствол ружья.

Между тем индеец подал молодой девушке плод и сказал ей что-то на непонятном языке. Она пошла к тому месту, где перед этим стоял Рубе.

До сих пор зрители молча ждали, что будет. Теперь же, когда стало ясно, что сейчас произойдет повторение сцены с Рубе, некоторые стали выражать громко свое мнение.

— Он выбьет из рук девушки плод,— сказал один мексиканец.

— Ба! Да это вовсе не хитро,— прибавил другой и этим выразил как бы общее мнение.

— В таком случае он ничем не будет лучше Гарей,— смеясь прибавил третий, англо-саксонец.

Но каково же было всеобщее удивление, когда молодая девушка сняла свой головной убор, положила плод на голову, скрестила руки на груди и стала неподвижно, словно статуя. В толпе пробежал ропот, индеец поднял ружье для прицела, когда Гарей бросился к нему.

— Нет, вы этого не сделаете... Я не допущу, чтобы женщина, особенно эта, подверглась такой опасности. Нет, как бы я ни желал вам отомстить, я не могу допустить такой жестокой игры.

— Что такое? — крикнул индеец.— Кто смеет мешать мне?

— Я,— сказал Гарей, выпрямляясь во весь рост.— Вероятно, это жена ваша... Она ненавидит бледнолицых, как и все ваши жены, и забыла, верно, старых друзей... Уведите ее отсюда и захватите себе вот это,— сказал он, срывая с шеи вышитый кисет для трубки,— но стрелять в нее я вам не позволю, пока у меня силы есть.

— Э, оставьте нас,— сказал индеец,— сестра вовсе не боится...

Сестра?

Ну да, сестра.

Физиономия Гарей вдруг прояснилась. Он вздохнул с облегчением и почтительно сказал:

Значит, вы Эль-Соль?

— Да, это мое имя.

— Извините меня, но, пожалуйста, не делайте этого.

— Я охотно вас извиняю, но... позвольте мне продолжать.

— Умоляю вас, прекратите состязание. Мне не нужно доказательства вашей ловкости: я много слышал о ней и признаю себя побежденным. Умоляю вас, не рискуйте; вы, верно, любите вашу сестру, не подвергайте же ее опасности.

— Тут нет никакой опасности, я сейчас докажу это.

— Если вы уж непременно хотите стрелять, так пошлите мне стать на ее место,— сказал Гарей умоляющим и прерывающимся голосом.— Я буду держать плод, мне не так страшно будет.

— Что ты волнуешься? — вмешался, наконец, Рубе.— Убирайся, дай нам полюбоваться выстрелом. Не беспокойся, он как ветром смахнет это яблоко.

Старый охотник взял молодого за руку и отвел его в сторону.

Во все это время девушка стояла прислонившись к дереву и, казалось, не понимала причины замедления. Гарей стоял к ней спиной, так что она не могла его видеть.

Пока Рубе оттаскивал Гарей, индеец успел прицелиться и готов был спустить курок.

Теперь уже поздно было препятствовать ему. Такого рода попытка могла бы окончиться дурно. У всех захватило дыхание, все взоры были устремлены на молодую девушку, остававшуюся безучастной.

Последовал выстрел, молния, гром и дым, затем оглушительное «ура», толпа невольно подалась вперед — все это почти мгновенно. Плод, пробитый в середине, исчез с головы молодой девушки, сама она была жива и невредима. Генрих подался также вперед. Дым застелил ему на минуту глаза. В это время раздались резкие звуки свистка индейца. Когда дым рассеялся, молодой девушки уже не было; по треску сучьев в лесу можно было догадаться, куда она скрылась, но никто не посмел за ней следовать.

Индейца тоже не было на прежнем месте, он удалил-

THE
MOUNTAIN
PEOPLE

100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

он, равнодушный к заслуженным похвалам. В стороне он дружески разговаривал с Сэгином. Тут же Генрих заметил, что Гарей усердно ищет что-то на земле, оказалось — свой кисет. Очевидно, подарок этот снова потучил цену в его глазах и занял прежнее место на его груди. Генрих задумался, стараясь дать себе отчет во всем виденном; внезапно голос старого Рубе вывел его из задумчивости.

— Слушайте, ребята! — крикнул безухий. — Младенец тоже не худо стреляет. Пусть мне уши отрежут, если и не перещеголяю индейца.

Эта шутка была встречена всеобщим смехом: Рубе, действительно, ничем не рисковал, так как уши его были срезаны вплотную.

— Как же ты ухитришься перещеголять индейца? — крикнул кто-то. — Разве будешь стрелять в цель, которую положишь себе на голову?

— Подождите — и увидите, — сказал Рубе, берясь за свое тяжелое и длинное ружье и тщательно осматривая его.

Стали рассуждать о том, каким образом можно превзойти великолепный выстрел индейца. Никто не мог представить себе ничего лучшего. Заряжая ружье, Рубе продолжал хвастаться.

— Я его превзойду, вот увидите, даю на отсечение мизинец правой руки.

Новый взрыв хохота, так как все знали, что этого пальца не хватало на руке старого охотника.

— Верно говорю, верно... если мой выстрел будет плоше его, я согласен, чтобы меня скальпировали.

Тут уже все покатались со смеху. Хотя на голове Рубе была меховая шапочка, но все знали, что индейцы уже совершили над ним когда-то жестокую расправу.

Годэ, по-видимому, знал раньше старого охотника, так как сообщил все эти сведения Генриху.

Рубе сорвал маленький плод кактуса, облупил его и, показывая товарищам, сказал:

— Видите вы эту штуку? Ведь она вдвое меньше того плода, что брал индеец, — вы согласны с этим?

— Еще бы, разумеется, кто же не согласится с этим! — кричали все.

— Хорошо, и вот я попаду в эту цель на расстоянии шестидесяти шагов!

— Велика штука, нечего сказать! — возразили некоторые разочарованно. — Посади его на палку, и всякий

попадет в цель. Даже Барней — и тот попал бы со своим казенным ружьем. Не так ли, Барней?

— Конечно, стоит только верно прицелиться, — ответил маленький человек, одетый в изношенный мундир когда-то небесно-голубого цвета.

Генрих еще ранее обратил внимание на этого маленького человека, вследствие его странного костюма и еще более странной прически. Волосы у него когда-то были коротко острижены; теперь они покрывали его маленькую голову густой жесткой щетиной, цвета разваренной моркови. Нельзя было сомневаться в национальности Барнея. Но что привело его в этот лагерь? Несомненно, это был американский солдат. Стоял он, должно быть, с гарнизоном в какой-нибудь пограничной крепости; надоела ему повторявшаяся изо дня в день раздача свинины и свиного сала по порциям, и он бежал или, как говорят, дезертировал.

Каково бы ни было его настоящее имя, но теперь он назывался Барней Окорк.

— Этак всякий может выстрелить. Вся штука в том, что перед собою видишь красивую девушку, которую грешно изувечить по неловкости.

— Это верно, при одной мысли об этом у меня пробегают мурашки по спине, — сказал один из мексиканцев.

— Ах, и какая же она красавица! — сказал Барней, поднимая руки вверх. — У меня непременно задрожала бы рука от страха сделать ей малейший вред. Только брату и можно оставаться при этом хладнокровным.

— Тс... замолчите, бездельники! — прикрикнул на них Рубе, когда зарядил свое ружье. — Я тоже возьму особу женского пола, и она сочтет за честь держать мишень для Младенца. Вот как!

— Что же у тебя жена, что ли, есть? — воскликнул иронически Барней.

— Есть, и такая, что я не променяю ее на двух красавиц. Я также ни за что бы не желал сделать малейшую царапину моей старухе. Постойте, сейчас я вам ее представлю.

С этими словами старый шутник положил ружье на плечо и направился в чащу леса. Генрих и еще некоторые, не знавшие Рубе, предположили, что у него действительно в лесу скрывается жена. В лагере, правда, не было видно женщин, но могло быть, что он соорудил ей хижину в лесу подальше от шумной компании. Но охот-

ники, хорошо знавшие его, понимали, что он готовит какую-то шутку.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появился Рубе, а рядом с ним шла его «жена» в образе старой кобылы, длинной, тощей и костлявой. Между ею и хозяином замечалось некоторое сходство, только уши у нее были необыкновенно длинные, какие бывают у чистокровных мустангов.

Когда-то она была, может быть, гневной масти, но годы и шрамы изменили первоначальный ее цвет,— голова и шея стали совсем серыми. Лошадь была запаленая, спина ее ежеминутно вздрагивала от судорожного сжимания легких, это походило на неудачное брыканье. Крестец был узкий, голова висела ниже плеч.

Лошадь была крива, но единственный сохранившийся глаз ее выражал своим блеском твердое намерение еще долго жить и служить.

Появление этого инвалида встречено было насмешливыми возгласами.

— Смейтесь, сколько вам угодно,— не смущаясь говорил Рубе.— Младенец еще удивит вас, он докажет вам, что не хвастает.

Все знали, что Рубе — один из лучших стрелков в горах, недоумевали только относительно того, какой сюрприз он готовит. Потребовали, наконец, объяснения.

— Во-первых,— начал он,— этот плод вдвое меньше того. Во-вторых, индеец сорвал его с головы, а я сорву с хвоста. Это будет почище.

— Разумеется. Ура, Рубе! — кричали одни, другие покатывались со смеху, всем понравилась затея Рубе.

Лошадь свою он поставил там, где стояла перед тем молодая индианка. Но вместо того, чтобы поставить ее боком и таким образом обезопасить голову и туловище, он выбрал место покатое и поставил ее так, что передние ноги спускались вниз, а задняя часть и хвост выдавались всего выше.

Пошептав что-то на ухо своей лошади, Рубе положил плод на ее круп и вернулся на прежнее место.

Поднятый зад лошади представлял такой смешной вид, что зрители не могли удержаться от смеха.

— Перестанете ли вы хохотать? — закричал на них Рубе, прицеливаясь.

Все кругом замолкло в ожидании выстрела. Никто не сомневался в успехе, но тут случилось нечто неожиданное. В момент выстрела спина лошади изогнулась от су-

дороги, и плод упал на землю. Пуля задела зад лошади и просвистела между ее ушей. Несчастное животное стало брыкаться и метаться по лагерю. Рубе, испугавшись, что сильно ранил бедного товарища своего, издавал ужасные проклятия, а толпа криками выражала свое одобрение. Этим комически-грустным происшествием закончились громкие подвиги индейца и Гарее.

Глава 10

ОБСУЖДЕНИЕ ВОЕННОГО ПЛАНА

Не успел еще прекратиться всеобщий смех над неудачей, постигшей старого Рубе, как раздался звук рожка, и все двинулись в середину лагеря, к палатке капитана. Это Сэгин созывал свою армию. Толпа почтительно остановилась, дожидаясь приказаний.

— Товарищи,— сказал Сэгин,— завтра утром мы выступаем из лагеря, идем на врагов наших. Я созвал вас, чтобы сообщить свое решение и выслушать ваше мнение.

Толпа одобрительно загудела в ответ. Людям, живущим войной, всегда приятно слышать весть о выступлении.

Капитан продолжал:

— Нам не предстоит в скором времени битвы. Самым опасным представляется теперь переход через пустыню, для этого мы запасемся должным образом. Я знаю из достоверного источника, что наши враги отправляются на разграбление городов Соноры и Чигуагуа. Если их не остановит правительственное войско, они проникнут до Дюранго. Забираясь так далеко на юг, они оставляют свой лагерь беззащитным. Пользуясь этим, я хочу проникнуть в самую столицу навагоев.

— Браво! Ура! Отлично!

Такие и подобные возгласы сопровождали предложения капитана.

— Некоторые из вас знают уже, какую я при этом преследую цель. Пусть же знают все, что я хочу...

— Nabрать как можно более скальпов, конечно,— грубо dokonчил его речь один из охотников.

— Нет, Киркер, вовсе нет! — возразил капитан недовольным тоном.— Мы делаем нападение на лагерь, где

будут одни только женщины, и никто из вас под страхом наказания не должен касаться индейских женщин. Я буду платить вам за каждую спасенную женщину, за каждого спасенного ребенка.

— Но какая же нам тогда прибыль будет от похода, — возразил Киркер, — если даже на пленных мы не можем рассчитывать? Из-за чего же, спрашивается, будем мы претерпевать муку в пустыне?

Это замечание показалось справедливым большинству, в толпе послышался ропот.

— Вы ничего не потеряете, — продолжал спокойно Сэгин. — Там на месте будут сосчитаны пленные, и каждый получит соответствующую награду.

— Этак мы согласны.

— Значит, дело решенное. Ни женщинам, ни детям не будет причинено ни малейшего вреда. Добыча будет принадлежать тому, кто ее захватит, это — как всегда. Но ни одной капли крови не должно быть пролито. Мы уже достаточно ее пролили. Кто со мною не согласен, пусть говорит.

Все кругом молчали, послушные воле своего начальника.

— Я рад, что встречаю в вас такое единодушие. Теперь я объясню вам цель похода.

— Посмотрим, что это будет, — сказал Киркер с любопытством. — Что же мы будем там делать, если скальпировать не полагается?

— А вот что: мы идем на поиски наших родных и друзей, которые давно уже томятся в плену у навагоев. Мы идем выручать наших жен, сестер и дочерей.

Жалобные возгласы со стороны мексиканцев подтвердили истину сказанных слов.

— Я тоже из числа пострадавших, — взволнованным голосом продолжал Сэгин. — Немало лет прошло с тех пор, как навагои украли мою дочь. Недавно я узнал, что она жива и находится в их столице со многими другими белыми пленницами. Мы освободим их всех и возвратим их неутешным семьям.

— Bravo! — кричала толпа. — Да здравствует капитан! Мы с радостью последуем за ним.

Когда опять водворилась тишина, Сэгин продолжал:

— Теперь, когда мы все согласны относительно цели похода, я сообщу вам его план, причем охотно выслушаю и ваше мнение... Существуют три дороги, по которым мы

можем вступить на индейскую территорию. Во-первых, дорога через Пуэрко на восток, это — самая прямая дорога.

— По ней и следует идти,— сказал один мексиканский охотник.— Я отлично знаю города, которые лежат на этом пути.

— Но города-то и могут служить нам препятствием. Там наверно есть индейские истоки, и прежде, чем мы дойдем до истока Дель-Норте, навагои будут предупреждены, и мы потерпим неудачу.

— Это верно! Совершенно верно! — закричали со всех сторон.

— По той же причине мы не можем избрать проход Польвидера. К тому же по обеим этим дорогам немного нашли бы мы дичи в эту пору года. Так как запасов у нас мало, то нам нужно, прежде чем вступить в пустыню, идти по такому пути, который изобилует живностью. Итак мы направимся сначала на юг, потом повернем на восток, в долину старой Миссии, оттуда подыдемся на север и вступим на землю апахов. Наше путешествие продолжится довольно долго, но зато будет безопасно. В долинах мы найдем буйволов. Но что всего важнее,— мы можем выждать благоприятный момент для нападения. Из-за гор мы увидим, куда и когда удалится неприятель. Лишь только он скроется на юге, мы переправимся через Гилу и подыдемся к лагерю по реке Азул или Приэто. На обратном пути мы, разумеется, выберем кратчайшую дорогу.

Все приветствовали с восторгом этот план, никто не нашелся что-либо возразить. Особенно же обрадовались охотники при упоминании о реке Приэто. Название этой реки действовало на них магически: в легендах охотников она является каким-то Эльдorado, золотым дном. Все легенды сводятся к тому, что золото в Приэто плавает большими кусками на поверхности реки и покрывает ее дно.

Охотники часто совершали экспедиции в эти неведомые страны, немногие добирались до них, и никто не возвращался назад.

Теперь представлялась возможность проникнуть в такую даль, не подвергаясь большой опасности, и у многих при этой мысли разгоралось воображение. Ведь многие только потому и поступили на службу к Сэгину, что надеялись когда-нибудь под его начальством проникнуть в эту сокровищницу золота. Какова, следовательно,

была их радость, когда они услышали о намерении капитана! Восторг выразился громким «ура».

Завтра на рассвете мы выступаем,— закончил свою речь к подчиненным Сэгин,— будьте же готовы.

Охотники тотчас рассеялись и принялись за приготовления. Солнце скрылось, и наступила темная ночь, так как в этой широте нет сумерек.

В костры подбросили новых деревьев, и пламя ярко осветило весь лагерь. Генрих залюбовался тем поэтическим беспорядком, какой представлял этот пестрый лагерь, то освещенный ярким светом, то уходящий в тьму гропической ночи. Сэгин положил ему руку на плечо и сказал:

Пойдемте, ужин готов, и доктор нас дожидается.

Молодой человек был очень рад этому приглашению, так как долгое пребывание на воздухе возбудило у него сильный аппетит. Они направились к палатке капитана, перед которой также горел огонь. Около очага доктор Рихтер, с помощью Годэ и еще одного мексиканца, заканчивал стряпню ужина. Когда кушанье было подано в палатку, компания разместилась на маленьких тюках вокруг большого тюка, служившего столом.

За ужином Генрих узнал историю доктора. Он также был эльзасец, уроженец Страсбурга, где с успехом занимался медициной. Любовь к ботанике увлекла его в Новый Свет. Сначала он изучал растительность на западе Соединенных Штатов, потом стал углубляться в северо-восточные пределы, тогда еще малоисследованные, с целью изучить тамошнюю флору и классифицировать ее. Он провел несколько лет в долине Миссисипи. Примкнув к каравану, шедшему из Сент-Луи, он дошел с ним через степи и пустыни до оазиса Новой Мексики. Во время своих ученых странствований по берегам Дель-Норте он встретился с охотниками за скальпами и просил у Сэгина позволения примкнуть к ним, чтобы иметь возможность попасть в такие места, которые оставались до сих пор совершенно чуждыми естествоиспытателям. Просьба его была уважена, так как взамен того он, как доктор, мог оказать важные услуги отряду. В продолжение двух лет он не расставался с Сэгином, сделался его лучшим другом и был введен в его семейство. Там он пребывал в промежутках между походами. Доктор вполне оправдал оказанное ему доверие, у него была твердая воля и доброе сердце. Он разделял с Сэгином опасности и умел хранить его тайны; он с удовольствием

руководил образованием Зои и умел успокоить жену Сэгина, когда та допрашивала его об отлучках мужа. Среди такой беспокойной жизни доктор сумел сохранить веселый нрав. Его мечтой был выход в свет обширного труда — описания еще незнакомой ученому миру флоры.

Ужин запили бутылкой вина дель-пазо. Этого вина, а равно и водки в лагере был достаточный запас. Веселый шум, приходивший извне, доказывал, что водки не жалели.

Отряд был готов к выступлению еще до рассвета. При первом звуке рожка двинулись, пересекли вброд речку, затем миновали лес и вступили в песчаные степи, тянувшиеся на восток, к Мимбским высотам. Сыпучий песок был так глубок, что лошади уходили в него чуть не до колен.

Ехали, вытянувшись в длинную нитку, как это делают индейцы; такое расположение всего удобнее и благоразумнее не только в узких проходах и лесных тропинках, но и в степи.

Шли целый день, так как песчаная местность не располагала к остановке. После обеда на горизонте показалась черная линия, к закату солнца добрались до нее. Это был каштановый лес; отряд вступил в него и скоро добрался до светлого ручья, на берегу которого предполагалась ночевка.

Палаток не было. Их оставили на месте и спрятали в лесу, так как нельзя было тащить в поход слишком много багажу. У каждого был плащ, долженствовавший служить ему и одеялом. Огни были зажжены, и мясо зажарено; после ужина все улеглись.

На другой день поднялись рано, опять по первому звуку рожка. Вообще отряд имел военную выpravку и слушался сигналов. Наскоро приготовленный завтрак был скоро проглочен, затем тронулись в дальнейший путь.

Следующие дни не ознаменовались ничем особенным. Ехали по равнине, покрытой шалфеем, кактусами и креозотом, издававшим дурманящий запах. На четвертый день расположились на берегу ручья, под названием «Коровий глаз». Это была граница. На востоке возвышалась высокая гора Пинон, мимо которой пролегла военная дорога апахов.

Сэгин имел намерение спрятаться у подошвы горы в

известном ему одному месте и там выждать, когда индейцы пройдут. Но при выполнении этого плана встретится серьезное затруднение. Чтобы достигнуть горы, необходимо было пересечь тропу индейцев. Как скрыть при этом от зорких индейцев следы целого отряда?

Сэгин воспользовался остановкой, чтобы созвать всех людей на совет.

Рассыплемся по равнине и в разных местах перейдем в одиночку их тропинку. Они не обратят внимания на рассеянные кое-где следы.

— Как бы не так, дожидайся! — сказал другой. — Найди мне, пожалуйста, индейца, который, увидав след лошади, не проследил бы его до конца. Если ты найдешь такое чудо, я готов отдать тебе столько золота, сколько оно будет весить.

— Можно для этого перехода завернуть во что-нибудь копыта лошадей.

— Это еще хуже, — возразил Гарей. — Я пробовал однажды это средство и едва не лишился скальпа. Разве только слепого индейца можно поддеть на такую хитрость.

— Они вовсе не так осторожны, когда отправляются на войну, — сказал еще кто-то, — и я не вижу, почему бы им не прибегнуть к этому средству.

Но большинство охотников было на стороне Гарей. Обилие замаскированных следов непременно наведет индейцев на мысль о засаде. Однако, если не это, то что же предпринять?

Рубе, до сих пор только слушавший других, издал свое обычное восклицание: пш!..

— Ну, говори, что придумал, — сказал ему Гарей.

— Прежде всего скажу, что все вы самые невинные ребята. Я сделаю так, что лошади перейдут тропинку, не оставив никакого следа и не возбудив никакого подозрения у индейцев.

— Как же ты это сделаешь? — спросил Сэгин.

— Сейчас объясню, капитан; но скажите на милость, ищем нам переходить эту дорогу?

— Чтобы спрятаться в горах.

— Но как же мы там проживем без воды?

— У подошвы горы есть источник.

— Знаю, но проходя этим местом, индейцы пойдут к нему, чтобы наполнить свои меха. И вот чего Младенец вовсе не понимает, — как вы скроете следы свои около ручья?

— Вы правы, Рубе, в этом-то и заключается всё затруднение.

— Я ничего другого не могу посоветовать, как идти нашему отряду вперед через равнину и охотиться за бизонами. Полагаю, что достаточно оставить в засаде человек двенадцать, такая кучка будет в безопасности там, где целый эскадрон кавалерии непременно будет открыт.

— Но куда вы направите остальных, Рубе?

— Пускай они идут на северо-запад до высот Мескитов. Там есть удобное место, богатое и водою, и травкою, где они могут оставаться до тех пор, пока не решится дальнейшая судьба.

— Но ведь воды и травы достаточно и здесь, у этого ручья.

— Индейцы захотят, пожалуй, сделать здесь привал, поэтому мне кажется, лучше отсюда убраться.

Убедительность слов Рубе подействовала на всех. Сэгин решил послушаться совета старого охотника. Выбрали людей, которые должны были остаться для наблюдения за индейцами. Все остальные направились к северо-западу. На месте остались: Сэгин, Генрих, Эль-Соль с сестрой, Рубе, Гарей и еще с полдюжины охотников.

Прежде чем отъехать от стоянки, они расковали своих лошадей и наполнили отверстие от гвоздей песком, чтобы след лошади походил на след мустанга. Это была предосторожность необходимая: жизнь всех этих людей зависела, может быть, от оставленного на земле отпечатка железом. Приблизившись к военной тропинке индейцев, они разъехались на широкое пространство так, чтобы их отделяло друг от друга, по крайней мере, по полмили. Съехались только у подошвы Пинона.

Солнце садилось, когда они подъезжали к ручью; но из осторожности они не стали поить своих лошадей и спрятались в горном ущелье.

На другой день, оглядевшись, они заметили маленький горный хребет, скалистый и лесистый, с которого не только видны были ручей и тропинка, но открывался еще и широкий горизонт на три стороны. Это был превосходный наблюдательный пункт.

Нужно было заблаговременно запастись водою, поэтому два охотника отправились к ручью и наполнили водою все бывшие при них емкости для воды. Никакой индеец не показывался.

Приходили к источнику небольшие стада буйволов, оленей и антилоп; напившись, они возвращались на свои пастбища. Для охотников это была очень заманчивая добыча, но никто не посмел стрелять, собаки индейцев непременно бы обратили внимание на пролитую кровь.

Весь следующий день Сэгин напрасно провел в наблюдении; его зрительная труба, охватывавшая пространство в три мили, ничего не открыла. Когда же и на третий день никто не показался, он стал опасаться, не выбрали ли навагои другой путь. Была еще другая причина беспокойства: съестные припасы истощались. Приходилось довольствоваться орехами, которые ели сырыми, так как боялись разложить огонь.

Кто-то предложил поохотиться за антилопами.

Следы их крови нас погубят.

— Я берусь доставить вам дичь, не пролив ни капли крови, — сказал один мексиканец-охотник. — У меня есть мясо, а потом я тщательно уничтожу все следы борьбы со зверем.

— Попробуйте, — сказал капитан.

Мексиканец с товарищем направился к ручью. Со своего возвышенного наблюдательного пункта Сэгин и Генрих могли следить за их действиями.

Через четверть часа показалось стадо антилоп, они подходили к ручью гуськом. Вдруг антилопы остановились и стали обнюхивать воздух. Они почуяли опасность, но было слишком поздно. Петля свистнула в воздухе и стянулась на шею передней антилопы; остальные обратились в бегство. Охотник вышел из засады, навалил животное себе на спину и направился обратно к ущелью; товарищ следовал за ним, уничтожая следы своих и его ног. Антилопу съели в сыром виде. Несмотря на отвращение, Генрих принял участие в этой дикой трагедии.

Ночь, следовавшая за четвертым днем, была светлая, лунная. Стража, поставленная из предосторожности, в полночь разбудила всех. На северной стороне горизонта показались какие-то черные фигуры. То могли быть буйволы. Но вдруг сверкнуло оружие, обрисовался силуэт лошади, это были несомненно индейцы.

— А что если наши лошади заржат! — воскликнул Сэгин.

Охотники поспешно бросились вниз, в чашу леса, где привязаны были лошади. Этот спех был необходим, так как лошади чуют друг друга на расстоянии нескольких

милль, а на высоте малейший звук передается необыкновенно отчетливо. Охотники взяли попоны, которые покрывают обыкновенно спину и зад лошади, и накиннули их им на головы. Сделав это, все вернулись на наблюдательный пункт.

Глава 11

ГОЛОД НА ГОРЕ И ОБЖОРСТВО В ДОЛИНЕ

Пора было укрыться. Слышался явственно топот конских копыт; лошади веселым ржаньем доказывали, что чувствуют близость воды. Скоро можно было разглядеть концы копий и развевающиеся знамена, а равно и полуобнаженные тела индейцев, блестящие при лунном свете словно бронзовые статуи. По мере того, как всадники подъезжали к берегу ручья, они давали напиться своим лошадям, потом рысью отъезжали в середину долины; там, спешившись, пускали лошадей пастись. Очевидно, они намеревались расположиться здесь лагерем на ночь.

Шествие продолжалось около часа, и Генрих насчитал более двухсот индейских воинов. Наблюдатели не боялись быть замеченными: они были скрыты за утесами и деревьями, а сами, между тем, могли все видеть и слышать, что делалось в неприятельском стане.

Индейцы начали с того, что привязали лошадей к кольям, расположенным кругом в том месте долины, где трава была особенно густа. При себе они оставили всю сбрую, уздечки из конского волоса, серые медвежьи шкуры и одеяла из буйволово́й кожи. Лишь у немногих были седла, так как индейцы редко употребляют их в военных походах. Каждый воин воткнул в землю свое копьё и положил около себя щит, лук и стрелы. Воткнутые на равном расстоянии друг от друга копья образовали фронт в несколько сот футов.

Общий вид лагеря по своему порядку мог быть поставлен в пример любому регулярному войску. Он разделялся на две части, так как состоял из индейцев двух племен: апахов и навагоев; последних было меньше, и они расположились дальше от наблюдателей.

Индейцы подошли к подошве горы и начали своими томагавками рубить деревья; наготовив достаточно топ-

лива, они отнесли его в стан, и скоро запылали в нескольких местах громадные костры. Индейцы уселись вокруг и начали готовить себе ужин. При свете огня можно было разглядеть татуировку на лицах и на груди; она совмещала в себе, казалось, всевозможные фигуры и краски. Одни были раскрашены в ярко-красный, другие в черный цвет; у одних были пятна наподобие легиных, у других полосы наподобие зебр. На груди и щеках были изображения зверей: волка, пантеры и других; на сердце у некоторых была нарисована красная рука, другим служила девизом мертвая голова или грудка костей.

Короче говоря, каждый из них присвоил себе тот символ, который всего более соответствовал его характеру, происхождению или вкусам. Тщеславие составляет принадлежность всех наций на всех ступенях цивилизации, поэтому и здесь, как в Европе, замечалась богатая фантазия в выборе гербов.

Многие из индейцев имели на голове медные каски со страусовыми перьями; эти головные украшения достались от убитых ими кирасир.

Более двух часов они смеялись, разговаривали, жестикулировали, точно скоморохи в театре, и сильно шумели. Они совсем не были похожи на индейцев — обитателей лесов, отличающихся важною осанкою и молчаливостью.

Покончив, наконец, с ужином, одни отправились сторожить лошадей, другие завернулись в одеяла и заснули. Огни мало-помалу потухали; собаки доедали ужин и лаяли при малейшем шорохе; иногда слышались оклики сторожей.

Нашему отряду было самое время заняться собой и своим положением. Мысль эта явилась у всех одновременно.

— Ведь индейцы могут остаться здесь для охоты.

— Очень возможно, — серьезно заметил Сэгин. — Они, очевидно, еще не сделали запаса мяса для прохода через пустыню. Местность же эта обильна дичью, люди и лошади могут здесь запастись силами. Меня несколько не удивит, если они расположатся здесь надолго.

— В таком случае мы попали в западню, — сказал один из охотников, указывая на выход из ущелья с одной стороны и отвесную гору с другой. — Как мы выберемся отсюда? Вот что меня крайне интересует.

Все взглянули в ту и другую сторону, куда он пока-

зывает рукой: менее чем во ста футах от выхода, защищенного скалами, находился лагерь индейцев,— нельзя было и думать выйти этим проходом, даже если бы стража заснула, так как собаки непременно подняли бы тревогу; сзади гора поднималась совершенно отвесно. Они и в самом деле очутились как в западне.

— Но ведь мы здесь умрем от голода и жажды, если эти проклятые индейцы не уберутся отсюда! — воскликнул один мексиканец.

— Это может случиться еще ранее, если они вздумают посетить наше убежище,— добавил другой.

Это предположение, хотя и маловероятное, могло все-таки осуществиться. Индейцы, конечно, не выбрали бы этой дороги в горы, так как это и не была собственно дорога, но они могли нарочно зайти в это место, чтобы нарвать кедровых шишек; могли также забежать сюда собаки, преследуя дичь,— все это грозило гибелью отряду.

Сэгин хотел поднять упавший дух своих людей и, обращаясь к ним, сказал:

— Если наше убежище не откроют, то мы два-три дня просуществоем с помощью орехов; потом мы можем заколоть одну из наших лошадей. Много ли у нас воды?

— Наши бутылки почти полны,— ответил Гарей,— и в нашем положении это большое счастье.

— Но нам нечем будет кормить наших бедных коней,— печально заметил Генрих, предвидя те лишения, которые ожидают его милого Моро.

— Они не будут страдать от голода и жажды, пока останется хоть один кактус,— сказал Эль-Соль, указывая на громадные кусты этого растения.

Действительно, кактусы спасают многих людей и животных от голодной смерти в пустыне.

— Друзья,— сказал Сэгин,— бесполезно отчаиваться прежде времени. Кто может спать, пускай отдыхает. Достаточно поставить стражу вот здесь и там. Идите сюда, Санхес.

И начальник указал два места, откуда можно было наблюдать за входом в ущелье.

Остальные сошли вниз, посмотрели на своих лошадей, завернулись в одеяла, улеглись и, наконец, все заснули.

Перед восходом солнца все уже были на ногах и наблюдали за врагом. В лагере индейцев было тихо; это

оначало отдых на сегодняшний день, так как в поход дикари обыкновенно выступают перед зарей.

Когда восток заалел, лагерь проснулся, задвигались черные фигуры. Прежде всего индейцы занялись разведением огня.

Сидевшие в засаде шепотом перебрасывались своими соображениями.

— Интересно знать, сколько времени они продержат нас в западне, точно мух в паутине?

— По малой мере три дня, а то и все шесть.

— На кой черт оставаться им тут так долго? Для них вполне достаточно одного дня, чтобы сделать необходимый запас мяса. Посмотрите, как раз идет громадное стадо буйволов,— вот им и запас готов.

— Так,— сказал один из мексиканцев,— но требуется, по крайней мере, три дня, чтобы дать высохнуть этому мясу, и беда, если солнце спрячется: тогда времени потребуется еще больше.

Генрих Галлер, прислушивавшийся к этому разговору, только теперь ясно уразумел положение, в котором они находились.

Итак, приходилось сидеть на месте, по крайней мере, четыре дня. Не страшен был голод, так как сырого лошадиного мяса было вдоволь, но страшна была жажда! Достаточно ли будет кактусов, чтобы утолить жажду людей и лошадей в продолжение нескольких дней?

Между тем рассвело. Вооружившись, индейцы садятся на своих лошадей и скачут на водопой с несомненным намерением отправиться потом на охоту за буйволами. Оставшиеся в лагере готовят топливо, вбивают кольца и натягивают веревки.

— Вот оно! — воскликнул один из охотников Сэгина.— Вербки протянуты, и мы в силках!

Сомнения нет: индейцы намерены пробыть здесь некоторое время.

Через два часа охотники-индейцы медленно, небольшими группами, возвращаются; каждый везет добычу или крупе лошади. Это глыбы вздымающегося мяса, которое еще испускает из себя пар. Одни везут бока и четверти, другие — горбы, третьи — языки, печенки и другие внутренности. Все это они сбрасывают наземь. Тогда начинается шум и суматоха! Дикари бегают взад и вперед, весело болтая. Они разрезают мясо на пласты и кладут их на раскаленные уголья, вырезают жир и наполняют им кишки; печенку едят в сыром виде, точно

дикие звери; разрубают кости своими томагавками и высасывают из них мозг. Эта дикая сцена, сопровождаемая прыжками, неистовыми восклицаниями и глупыми выходками, продолжается по крайней мере час. Затем другая партия индейцев садится на коней и едет на охоту. Оставшиеся развешивают говядину на протянутых веревках, чтобы она под действием солнца превратилась в тазайо (сушеное мясо).

Небольшая кучка белых знает теперь, что ее ожидает впереди; но эти стойкие люди перенесли в жизни такое количество лишений, что перспектива нескольких голодных дней их не страшит.

— Нечего волноваться, пока нас самих не задела за живое, — сказал один.

Другой в шутку ответил:

— Что же может больше задеть за живое, как не голодное брюхо? А я должен сознаться, что готов был бы живьем съесть целого осленка, если бы только он мне попался.

— Эй, малый! — сказал Рубе. — Не надо быть таким обжорой: живот может заболеть. Наберем орехов и будем питаться ими, как настоящие отшельники.

Но к своему немалому огорчению охотники скоро заметили, что этого драгоценного плода было немного.

— Придется скоро прибегнуть к лошадиному мясу, — заметил Санхес.

На это Рубе ответил сухо:

— Надеюсь, что мы еще прежде погрызем свои ногти.

Приступили к распределению воды: каждый получил по маленькой чашке. Сэгни, желая подать пример другим, начал очищать кактусы, чтобы утолить жажду лошадей, которым и думать нечего было отдать часть воды. Охотники последовали примеру вождя и очистили массу кактусов от коры и колючек. Из отверстий потекла светлая жидкость, лошади с жадностью стали ее пить.

Так прошел первый день заключения. Индейцы улеглись поздно и на другой день встали поздно: для них это был день отдыха и объедения. Даже собаки ни на шаг не отходили от лагеря. Пищи в лагере было изобилие, поэтому нашим охотникам нечего было опасаться, что собаки, пожалуй, забредут в их убежище. Солнце сильно жгло в этот день, и охотники страдали от жары, но не смели жаловаться, так как самый жар этот

предвещал им скорое избавление. Еще такой день, и мясо может высохнуть.

Между тем запас воды истощился, приходилось утолить жажду одними лишь мокрыми листьями кактуса. Орехи также были все поедены; стали всерьез подумывать о конине.

— Подождем до завтра, — сказал Рубе, — дадим бедным тварям маленькую надежду на спасение. Кто знает, что случится завтра.

Это предложение было принято, так как к опытности старого охотника относились вообще с большим уважением; к тому же каждый охотник опасался за участь своей лошади: в степи привязанность хозяина к лошади достигает сильнейшей степени. Люди легли спать голодные и во сне видели обилие всевозможной еды.

На третий день индейцы поднялись также поздно и, напив лошадей у источника, принялись за еду. Запах жареного мяса буйволов и антилоп, доносимый ветром, сильно возбуждал аппетит голодного отряда. Нужно было решиться заколоть одну из лошадей, но которую? Палицо было двенадцать лошадей, по числу охотников, и каждый, понятно, дорожил своею. Решено было кинуть жребий: в пустой горшок бросили одиннадцать белых и один черный камешек; каждый с завязанными глазами должен был подойти и вынуть один камень. Генрих Галлер, вынимая жребий, дрожал так, как будто дело касалось его собственной жизни. Судьба спасла Моро. Жребий выпал на долю уже пожилого мустанга, принадлежавшего одному из мексиканцев.

Стража вернулась на свои места, а остальные приступили к избранной жертве; ее привязали к дереву, связали ей ноги. Один из охотников держал наготове большой нож, другой — ведро, чтобы не дать пролиться ни одной капле драгоценной жидкости.

Необыкновенный шум прервал это грустное жертвоприношение. На опушке показалось большое серое животное, похожее на волка.

— Индейская собака! — воскликнул Рубе. — Нельзя ее упускать, надо как-нибудь тихим манером сжить ее со свету.

Ножи были тотчас вынуты из ножен, и охотники стали приближаться к зверю мерным шагом. Но собака, догадавшись об их враждебном намерении, зарычала и направилась к выходу из ущелья.

В том месте сторожил как раз хозяин обреченной на смерть лошади; он нарочно отпросился, чтобы не быть свидетелем ее гибели. Теперь он выставил свое копьё, готовый с радостью пронзить собаку. Она начала было пятиться, чтобы потом одним скачком миновать опасное место, но раздавшийся вслед затем вой известил всех, что копьё мексиканца пронзило зверя.

Сэгин и Генрих бросились на свой наблюдательный пункт, так как боялись, что вой был услышан индейцами; но там все было тихо.

Собаку разделили на части и съели, прежде чем она успела остыть. Генрих Галлер тоже ел, скрепя сердце, потому что иначе мог умереть с голоду.

Когда через некоторое время опять поднялись на пункт наблюдения, то заметили благоприятные для себя признаки: индейцы, сидя у огня, возобновляли раскраску на теле. Белые знали, что это означает. Мясо успело почернеть и его можно было укладывать. Некоторые обмакивали свои стрелы в ядовитую жидкость.

Пленные наши ободрились, предполагая, что неприятель завтра же выступит. Надежда их осуществилась раньше, чем они ожидали. Перед закатом солнца в долине поднялось большое волнение. Мясо было снято и скатано в свертки, лошади напоены и взнузданы. Воины сели на коней, и длинный ряд их потянулся к югу. Племя апахов шло впереди, навагои сначала следовали за ними, потом отделились и взяли направление на запад, к ручью «Коровий глаз».

Первым побуждением людей Сэгина было броситься к речке, чтобы утолить жажду, и в долину, чтобы заглушить голод остатками мяса, оставленного индейцами.

— Подождите, пока они не скроются окончательно, — остановил их Сэгин. — Может случиться, что кто-нибудь позабыл что-либо в лагере и вернется еще сюда. Пускай один из вас наблюдает за ними и скажет, когда индейцы совсем скроются из виду, а другие пускай готовятся к отъезду.

Все, кроме одного, пошли к лошадям, чтобы их седлать; лошади видимо обрадовались своему освобождению из-под тяжелых одеял, которыми все время были покрыты их головы.

— Меня очень интересует, — сказал Генрих, обращаясь к Сэгину, — почему навагои направились к «Коровьему глазу».

— Я сам пытаюсь найти этому объяснение, — ответил

Сэгин с некоторым беспокойством.— К счастью, наши товарищи не там.

— Они должны сильно скучать в ожидании нас,— заметил Гарей,— разве уж нашли там очень много дичи.

— О! — воскликнул Санхес,— им, конечно, не пришлось стягивать ремня на брюхе, как нам. Посмотрите, и стал настоящим скелетом. Когда доктор увидит меня, он может, если угодно, повторить на мне все кости.

Все было готово к отъезду, и люди обнаруживали сильное нетерпение.

— Стража наша спит,— заметил нетерпеливый Гарей.— К чему индейцам возвращаться, когда они уже так далеко отъехали. Они, вероятно, спешат вперед, их там ожидает богатая добыча.

Видя, что трудно будет удержать в повиновении нетерпеливых, Сэгин, чтобы не дать повода к нарушению дисциплины, спросил стражу. Стража ответила, что видит только головы в отдалении.

— Хорошо,— сказал вождь,— ведите лошадей под уздцы.

Люди поспешно сошли в долину. Слуга Сэгина шел впереди других, так как ему хотелось поскорее напоить коня своего господина. Подойдя к выходу, он с ужасом откинулся.

— Господин! Господин! Они еще там! — бессвязно лепетал он.

— Кто они?

— Индейцы.

— Ты, должно быть, с ума сошел. Где ты их видишь?

— В лагере, посмотрите сами.

Генрих Галлер пошел за Сэгином к выходу. Странное зрелище представилось им тут: лагерь был в том же положении, в каком его оставили индейцы; тут валялись шкуры буйволов, кости в громадном количестве, догорали огни; сотня волков бродила, отыскивая себе лакомый кусочек и преследуя тех из товарищей, которые были посчастливее. Кроме того, пять или шесть человеческих фигур двигались вокруг огней, также отыскивая себе пищу и оспаривая ее у волков, которые отвечали на это глухим рычанием. Другие, подобные им, существа молча грызли доставшиеся им кости. Трудно было признать в них людей. Генрих не мог скрыть своего презрения к этим выродкам. Тело у них было худое, костлявое, кожа в складках, а руки такие длинные, как у

обезьян, голова несоразмерно большая, волосы грязные и сбитые в войлок. На некоторых висели какие-то лохмотья; другие были совершенно голы.

— Племя ямпарикос! — сказал слуга-мексиканец.

— Диггеры, то есть могильщики, — сказал другой, желая этим словом пояснить молодому человеку, что эти индейцы принадлежат к тому тупоумному племени, которое живет за счет других, как паразиты, и у которого животный инстинкт преобладает над человеческим.

— Нечего бояться этих несчастных идиотов, — сказал Сэгин, — подойдем к ним.

— Мы можем даже выиграть, — весело заметил Рубе, — за скальп такого чудовища платят столько же, сколько за вождя апахов.

Сэгин строго возразил:

— Стрелять никто не смеет. Еще последние индейцы не скрылись с глаз.

— Но как же иначе овладеть ими? — спросил Санхес. — Они убегут как лани и скроются между скал.

— Ну и пускай бегут, несчастные! — ответил капитан, не желавший пролития крови.

— Нет, этому не бывать. Мы стрелять не будем, а непременно их догоним. Сюда, товарищи!

Санхес направил было свою лошадь так, чтобы пересечь индейцам дорогу в горы, но это ему не удалось. Эль-Соль с сестрой показались в это время у выхода и своей яркой одеждой обратили внимание индейцев; они тотчас же побежали к горе и стали взбираться на ее вершину.

Санхесу удалось схватить только одного: в то время, как тот карабкался на скалу, лассо обернулось вокруг его шеи и потащило его вниз. Когда он, наконец, очутился внизу, тело его представляло одну бесформенную массу. Увидав приготовления Санхеса к скальпированию, Генрих поспешно удалился.

Люди и лошади спешили к речке, чтобы напиться вволю. Потом стали разгонять волков, бросая в них камнями. В то время, как все были заняты отыскиванием мяса среди покинутого лагеря, раздался возглас Гарея:

— Забытый лук, совсем белый. Очевидно, он принадлежит какому-нибудь видному индейцу.

— Да, — озабоченно проговорил Сэгин, — хозяин его не замедлит явиться, как только заметит свою потерю. А! Да вот и он, скачет сюда галопом через долину.

ОХОТА ЗА ИНДЕЙЦЕМ

На горизонте появилась блестящая звездочка, которая все приближалась. Это была каска, отражавшая солнечные лучи и продвигавшаяся со скоростью галопа к диггерю.

— К ветлам, дети мои! — крикнул Сэгин. — Оставьте лук где нашли, да скорее уводите лошадей. Живо! Живо!

Каждый схватил свою лошадь под уздцы, и все скрылись за деревьями. Там охотники вскочили на лошадей и стали ждать, что будет.

— Капитан, прикажете стрелять, когда он подъедет поближе? — спросил неукротимый Санхес.

— Нет.

— В таком случае, нам легко будет его схватить, когда он нагнется за своим луком.

— Ни за что. Надо дать ему преспокойно уехать.

— Очень жаль. Но позвольте спросить, почему, капитан?

— Вы с ума сошли, Санхес. Разве вы не понимаете, что тогда все племя пустится в погоню за нами и настигнет нас к ночи... Следов наших он не заметит, так как наши лошади не подкованы, а на нас мокасины, — значит, он не догадается о нашем присутствии.

— А если он взглянет в ту сторону, что тогда? — спросил Гарей, указывая на подножие горы, где лежал безобразный труп скальпированного индейца, уже привлекавший внимание нескольких белых волков.

Сэгин бросил укоризненный взгляд на Санхеса, который виновато опустил глаза.

— Придется тогда разделаться с ним с помощью копыя или лассо или схватить его. Стрелять мы не можем. Спрячьте ваши ружья, держите наготове копыя и лассо.

— Когда нам начинать, капитан?

— Я дам знак. Может быть, он спешится, чтобы поднять свой лук, может быть, поведет свою лошадь на подопой после такого усиленного галопа. Тогда мы его окружим. Если он заметит труп диггера и направится к нему, мыотрежем ему обратный путь. Все будет зависеть от обстоятельств. Ждите моего знака.

Пока шли переговоры, индеец приблизился настолько, что его можно было рассмотреть. Лошадь и всадник

одинаково достойны были удивления. Лошадь — мустанг, чернее ночи, со сверкающими глазами, дрожащими ноздрями, у рта пена, бока потные, блестящие. Всадник — до пояса обнаженный, богатый головной убор да ожерелья на шее и руках разнообразили эту наготу древней статуи, вышитая туника спускалась до колен, голые ноги были обуты в мокасины. Вопреки обычаю апахов, он не был татуирован, природный цвет кожи был чудно-бронзовый, черты лица благородные и резкие, взгляд гордый. Роскошная шевелюра доходила до спины лошади. Он ловко сидел на испанском седле, копыё было всунуто в стремя и слегка опиралось на плечо. В левой руке был белый щит, за спиной висел колчан со стрелами.

— А! — удивленно произнес Гарей, — это Дакома, второй вождь навагоев.

Генрих обернулся к Сэгину, чтобы видеть, какое впечатление произведет на него это имя. Он увидел Эль-Соля, нагнувшегося к начальнику и говорившего ему что-то с большим жаром на непонятном языке. Генрих мог уловить только одно слово «Дакома», которое Эль-Соль произносил со страшной ненавистью.

— Хорошо, — ответил Сэгин, видимо соглашаясь с доводами Эль-Соля, — мы не выпустим его из наших рук, если бы он даже и не напал на наш след. Нужно только обойтись без ружья: индейцы от нас не более как в десяти милях за этим откосом. Если нам не удастся его окружить, моя лошадь в состоянии нагнать его. А вот и другой конь, способный на то же, — прибавил он, указывая на Моро и глядя его рукою.

Генрих без слов изъявил готовность служить Эль-Солю, которого успел полюбить. Нельзя было сомневаться в том, что Дакома — его личный враг.

Всадник был уже близко, и по знаку Сэгина все смолкло.

Индеец достиг места бывшей стоянки. Разгоняя на пути волков, он стал описывать круги, а глазами искать свою потерю. Вдруг он высвободил одну ногу из стремени и, не уменьшая хода лошади, нагнулся так, что каской дотронулся до земли, через мгновение с луком в руке он выпрямился на седле.

— Превосходно! — воскликнул Санхес. — Жаль убивать такого молодца.

Охотники переглянулись, молча выражая этим свое восхищение перед ловкостью индейца.

Сделав еще вольт галопом, индеец намеревался уже ускакать, как вдруг внимание его было привлечено трупом диггера. Он так быстро натянул поводья, что лошадь осела на задние ноги и стала как вкопанная.

— Бесподобно! — процедил опять Санхес.

Картина, действительно, была великолепная: мустанг со своим расстилающимся по земле хвостом, взъерошенной гривой и раздутыми ноздрями, всадник — образец индейской красоты. Оба оставались некоторое время неподвижными, затем выражение лица индейца резко изменилось, он стал подозрительно оглядываться, и наконец взор его упал на то место у реки, где только что поили лошадей, вода была мутная.

От нового быстрого движения всадника мустанг вшился и пустился галопом через равнину. В то же мгновение Сэгин дал сигнал, и все охотники бросились в погоню. Нужно было переехать ручеек, лошадь капитана споткнулась и упала в воду. Никто не остановился, чтобы помочь ему, — дело касалось жизни или смерти всего отряда. Генрих пришпорил Моро и скоро опередил других. Индеец находился от него приблизительно в 12 саженьях, но расстояние это не сокращалось, а как будто даже увеличивалось. Охотники забыли, что их лошади оголодали за последнее время и только что перед этим пилились не в меру.

Эль-Соль, не отстававший от Генриха, приготовился уже закинуть лассо, но оно отскочило и ударило по бедрам его собственной лошади. Генрих видел на лице индейца полное отчаяние.

Между тем арабская кровь у Моро разгорячилась. Генрих стал нагонять навагоя и скоро был уже от него в дюжине шагов. В руках Генриха было ружье, и он легко мог бы выстрелить в Дакому сзади, но помнил запрещение Сэгина. Взяться разве за нож или ударить Дакому прикладом?

Пока он решал этот вопрос, Дакома, посмотрев через плечо и убедившись, что имеет дело с одним только противником, быстро повернул лошадь и с копьем в руке бросился на Генриха. Последний едва успел отразить удар, который был направлен ему прямо в грудь, копье ударило его руку, ружье выпало, а неожиданность нападения вместе с ражою так ошеломили Генриха, что прошло несколько секунд, прежде чем он мог повернуть лошадь назад. Дакома, между тем, успел объехать его, и когда Генрих снова очутился лицом к лицу с ним, тот

пустил в него стрелой, которая вонзилась в правую руку молодому человеку. В отчаянии Генрих вытащил пистолет, индеец изготовил свое копье, и они готовы были опять наскочить друг на друга.

В момент столкновения Генрих спустил курок... Произошла осечка, перед ним мелькнуло неприятельское копье и что-то сильно ударило его по лицу — это был ремень от лассо. Петля опустилась над головой индейца и затянулась на локтях. Дакома испустил ужасный крик, копье выпало у него из рук, сам он очутился на земле и остался недвижим. Мустанг его с такой силой наскочил на Моро, что оба покатались наземь.

Все это произошло в мгновение ока. Генрих скоро пришел в себя и встал. Тут он увидал Эль-Соля, стоявшего с ножом в руке около своей жертвы.

— Лошадь! Ловите лошады! — кричал издали Сэгин.

Охотники бросились в погоню за мустангом, который мчался по равнине. Наконец Санхесу удалось поймать его с помощью аркана.

Эль-Соль стоял над распростертым индейцем и торжествовал победу.

Сестра его прискакала с другими и, сойдя с лошади, подбежала к брату.

— Гляди,— сказал ей брат,— вот убийца нашей матери.

Молодая девушка вскрикнула, выхватила свой нож и хотела уже вонзить его в ненавистного убийцу.

— Нет, Лува,— остановил ее брат,— мы не убийцы. К тому же это было бы слишком слабое мщение. Нужно показать его живого женам нашего племени. Пускай они попляшут вокруг великого вождя, взятого в плен без единой раины.

Последние слова, произнесенные с явным презрением, заставили привскочить навагоя.

— Собака из племени марикопя! — воскликнул он.— Собака, связавшаяся с белыми негодьями!

— Значит, ты меня узнаешь, Дакома?

— Собака! — сквозь зубы повторил тот, пронизывая его своим взором.

— Это он! Он! Тот самый индеец, что известен своею свирепостью! — кричал Рубе.— Бейте его, рубите его! Я знаю его, он лучшего не заслуживает.

В это время прискакал Сэгин, первую его заботою был не индеец, а Генрих.

— Вы ранены? — спросил он дрожащим от волнения

голосом.— Великий Боже! Ведь я клялся Севрэну, что верну вас ему здоровым и невредимым!. Вы сильно страдаете? Да, конечно, вы мужественны, я это знаю, но дайте же посмотреть рану... Стрела вонзилась в мякоть. Хорошо. Но что если она ядовита? Эль-Соль, подите скорей сюда и взгляните на стрелу.

— Прежде всего надо ее вынуть,— сказал Марикоппа и сейчас же занялся этой требующей большого искусства операцией.— Не останавливайте кровотечения, пока я не исследую стрелы. По-видимому, это не боевая стрела, но правда и то, что навагои употребляют очень тонкий яд. К счастью, я имею средство в этом убедиться.

Эль-Соль вынул из своего мешка пучок хлопчатой бумаги и вытер им кровь на конце стрелы. Потом открыл небольшую склянку и накапал из нее на металлическое острие, наблюдая за действием жидкости.

Сэгин с нескрываемым страхом ожидал конца опыта. Генриху подумалось, что тяжело покидать этот мир тогда, когда впереди ожидает счастье.

Наконец Эль-Соль радостно оповестил:

— Господин Галлер, поздравляю вас от души: это — охотничья стрела, но я уверен, что у Дакомы были стрелы и посердитее. Интересно посмотреть.

Он приподнял навагоя и вытащил другую стрелу из его колчана, висевшего на спине. Повторив свой опыт, он воскликнул:

— Ну, не прав ли я был? Посмотрите, она позеленела как трава. Но ведь были пущены две стрелы, где же другая?

— Она пронеслась над моей головой,— сказал Генрих.

— Ее надо найти. Нельзя оставить и эту улику без внимания.

Стрела скоро была отыскана и оказалась тоже ядовитой.

— Вы счастливчик, господин Галлер,— вновь сказал индеец, вам повезло, что не эта стрела вас ранила. Тогда пришлось бы прибегнуть к учености доктора и ко всем известным мне противоядиям. Но что это такое? Еще рана? Как видно, индеец ранил вас также копьем. Дайте-ка взглянуть.

— О, это не более как царапина,— ответил Генрих.

— Господин Галлер, здешний климат неумолим. Я знаю по опыту, что подобная царапина может превратиться в смертельную рану, если ею пренебречь. Луна,

подай немного корпии... Я перевяжу вам раны, чтобы предотвратить нагноение. Ведь это мой долг: я так обещал вам; без вас этот индеец непременно ускользнул бы от нас.

— А без вас он наверное убил бы меня,— улыбаясь возразил молодой человек.

— Правда, что без меня вам было бы трудно справиться. Не так-то легко отразить удар копья прикладом ружья, но вы и тут не сплеховали. Не удивительно, что при вторичном нападении вы прибегли к пистолету, я сделал бы то же на вашем месте. Но лучше всего то, что вы счастливо отделались! Дня два только поносите перевязь. Луна, дай-ка твой пояс.

Но Генрих отказался от великолепного шелкового пояса, который молодая девушка начала было развязывать.

— Вот вам платок, господин Галлер,— сказал Гарей, которому, видимо, неприятно было, что Луна лишает себя части убора ради незнакомого человека.

Хотя Генрих отлично понял побуждение Гарей, но, тем не менее, предложил охотнику взамен платка маленький револьвер в подарок.

Это была драгоценная вещь, и Гарей с благодарностью принял ее, хотя улыбка Луны была для него гораздо дороже подарка.

Эль-Соль ничем не обнаружил неудовольствия; он даже сделал вид, будто ничего не заметил и продолжал перевязку.

— Через два дня вы будете молодцом. Что же касается Моро, господин Галлер, то это отличнейший конь, только прибор на нем плох, особенно мундштук. Не удивительно, что вы не захотели его продать.

Разговор этот велся на английском языке, которым Эль-Соль владел в совершенстве. С Сэгином он говорил по-французски как истый француз. Генрих все более и более поражался гибкости его ума и манерам.

После всех пережитых волнений охотники наши вспомнили, что они ужасно голодны. Вернулись к лагерю и надежде найти там остатки мяса, но там их ждало разочарование: волки воспользовались их отсутствием и все подобрали. Не только от буйволов ничего не осталось, но и самый труп диггера представлял один скелет.

ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕОДЕТЫЙ БУЙВОЛОМ

Сэгин собрал свой отряд, чтобы обсудить дальнейшие действия. Он не забыл поставить на скале стражу, которая предупредила бы их в случае появления индейцев.

Положение было незавидное. Исчезновение вождя навагоев не могло пройти незамеченным, его наверняка должны были начать разыскивать. Встреча же с неприятелем, гораздо более многочисленным, была бы гибелью для отряда. Некоторое время Сэгин стоял молча, обдумывая положение дела, охотники почтительно выжидали.

— Товарищи,— начал он,— нехорошо, что мы овладели этим навагоем. Но мы не могли поступить иначе,— дело, кончилось бы, пожалуй, хуже. Нужно тщательно взвесить все обстоятельства. Навагои вернутся,— это очевидно. Мы не можем укрыться от них в горах, не можем также пересечь военную дорогу, по которой они ехали.

— Отчего бы нам не пойти на соединение с нашим отрядом? Мы можем идти в обход, минуя их тропу,— сказал один мексиканец.

— Да,— сказал Гарей,— а потом встретиться лицом к лицу с врагами в виду их города? Немногие потом будут в состоянии рассказать, что они видели.

— Почему же мы должны их встретить? — возразил мексиканец.— Убедившись в исчезновении Дакомы, они вернутся назад, к своим товарищам.

— Это верно,— сказал Сэгин,— они вернутся назад по военной дороге. Но нельзя нам идти в том направлении, которое вы указываете. Я знаю местность. Здесь нет совсем дичи, и прежде чем мы минуем Мимбры, мы помрем с голоду.

— Воды также нет,— прибавил Гарей,— мыши — и той нечем было бы утолить жажду.

— Необходимо,— продолжал Сэгин после минутного размышления,— все-таки пересечь их военную дорогу и идти к Призто, или нам следует отказаться от похода.

Мысль отказаться от похода испугала всех и заставила работать все головы, один за другим предлагались планы, но все были несовершенны и потому отклонялись. Во время этих споров старый Рубе не проронил ни сло-

на, он сидел нагнувшись и чертил на земле какие-то фигуры.

— Что это ты делаешь, кожаный мешок? — спросил его Гарей.

— Плохо стал я слышать теперь, но, кажется, кто-то сказал, что если мы ступим на путь индейцев, то через три дня они уже настигнут нас. А ведь недурно было бы обмануть их.

— Ну, и что ж ты придумал для этого, старый шут? — спросил Санхес.

— Молчи, дурак! У тебя язык точно хвост у бобра.

— Рубе, — сказал Сэгин, — если ты что придумал, так скажи, я, сознаюсь, не вижу исхода.

— С удовольствием, капитан. Можете принять или не принять мое предложение — как угодно. Но если вы примите мой совет, ни апахи, ни навагои по крайней мере поделу не найдут наших следов. Пускай мне уши отрежут, если не так.

Эта любимая шутка старого охотника по обыкновению рассмешила слушателей.

— Прежде всего я утверждаю, что ранее двух дней они не станут искать пропавшего.

— Почему?

— Вы знаете, что он второй вождь, следовательно, могут обойтись и без него. Кроме того, он позабыл свой лук, а это в глазах индейцев очень плохой признак.

— Верно, — прервал его Гарей.

— Ну, так вот, я готов побожиться, что когда он возвращался в лагерь, он никому ничего не сказал, — напротив, постарался скрыть, если возможно, причину.

— Весьма вероятно, — сказал Сэгин. — Продолжай, старый приятель.

— Больше того, я утверждаю, что он запретил им следовать за собою, чтобы они не могли узнать, в чем дело. Если бы там было известно, что он потерял, он мог бы послать кого-нибудь другого. Не подлежит сомнению, что отряд, которым он командует, вернется сюда, но это случится не ранее как через три-четыре дня.

— А на следующий день они уже будут гнаться по нашим следам.

— Да, если мы будем так глупы, что оставим им следы.

— Как же избежать этого?

— Это не труднее, чем дерево срубить.

— Но как же? Как? — спросили все в один голос.

— Должно быть, капитан, неудачный скачок за индейцем повредил ваши мозги. Иначе вы посмеялись бы над этими простаками, как это они не могут догадаться, в чем дело.

— Признаюсь,— улыбаясь сказал Сэгин,— и я недоумеваю, каким образом вы хотите обмануть индейцев.

— Хорошо,— сказал старый охотник, довольный тем, что перещеголял всех в изобретательности.— Младенец скажет вам сейчас, как сбить их с толку. Вы видите колчан индейца. В нем сколько угодно стрел. Нужно кому-нибудь из нас сесть на мустанга Дакомы, перерезать дорогу и разбросать стрелы концом к югу. И если навагои не поедут по этому следу вплоть до соединения с апахами, я готов отдать свой скальп за щепотку самого последнего кентукского табаку.

— Ура старому Рубе! — закричали все.

— Индейцы не будут знать хорошенько, почему он избрал именно этот путь, а все-таки его следов не бросят. А мы тем временем выберемся из этой проклятой засады и вернемся к своим.

— Превосходно! Лучшего и придумать нельзя.

— Товарищам нашим незачем проходить этим местом, они могут пересечь путь индейцев повыше, близ Гилы, и соединиться с нами по ту сторону горы, где мы найдем дичь в изобилии.

— Все это отлично придумано,— сказал Сэгин,— как в общем, так и в частности. Я с вами вполне согласен. Теперь у нас до заката солнца времени часа два,— чем нам заняться?

— По моему мнению, следует прежде всего послать кого-нибудь к нашим товарищам, чтобы известить их о положении дела.

— Санхес, у вас хорошая лошадь,— сказал капитан,— и вы хорошо знаете местность, скачите к нашим. Вы найдете нас на север от горы, если вы будете ехать всю ночь, то к утру присоединитесь к нам.

Санхес, не говоря ни слова, вскочил на лошадь и укачал.

— К счастью,— сказал Сэгин,— индейцы так изрыли всю эту местность, что невозможно заметить следы последней стычки с Дакомой.

— Об этом нечего беспокоиться,— возразил Рубе.— Но вот что: нам необходимо избрать каменистую тропинку, чтобы обогнуть гору. Еще я посоветовал бы уб-

рять тело несчастного диггера, иначе вид его возбудит подозрение.

— Зароем его в землю,— предложил кто-то.

— Вот еще! Взрыть землю, чтоб тут-то и стали искать. Лучше сжечь.

Так и порешили. Уничтожили следы крови на камнях и сожгли то, что осталось от тела на одном из костров.

— А теперь нужно заняться стрелами,— сказал старый охотник.— Мы с Гареем так их рассеем, что непременно собьем с толку индейцев. Нам придется для этого сделать около трех миль, но мы вернемся, капитан, прежде чем вы успеете сделать необходимый запас воды.

— Отлично, вот вам колчан.

— О, нам его не нужно: достаточно четырех стрел,— сказал Рубе.— Остальные пригодятся в охоте за волками, так как лучшей дичи мы не встретим раньше, как за Пиноном. Поймай-ка мне, Гарей, мустанга индейца. Хороший конь! Но из этого вовсе не следует, что я променял бы на него свою старую кобылу. Возьми также страусовое перо со шляпы индейца. Нужно еще одеяло... Да постойте же, не говорите все разом.

— Вот одеяло, бери мое! — закричали со всех сторон охотники.

— Довольно будет и одного, да еще мое и Гарей — вот и все три. Теперь, Гарей, поезжай по военной дороге на 100 сажень вперед, и пусть следы твои будут самые явственные. Нашпоривай лошадь, а временами пускай ее в галоп.

Гарей послушно выполнил все, что ему было приказано, и остановился в ожидании новых приказаний.

Между тем Рубе взял стрелу, прикрепил к ее зубчатому концу пучок страусовых перьев и воткнул стрелу в жердь, оставшуюся после индейцев. Стрела была обращена к югу и должна была непременно поразить внимание индейцев. Затем Рубе пошел вперед, осторожно держась в сторонке, и, дойдя до Гарей, положил на землю вторую стрелу, острием в ту же сторону. Затем он приказал Гарее проскакать еще две или три мили, а сам следовал за ним, держась опять-таки несколько в стороне от дороги. Проехав назначенное расстояние сначала галопом, потом шагом, Гарей остановился.

Рубе дошел до него, разостлал поперек дороги три одеяла и велел Гарее сойти с лошади и вести ее по направлению к востоку, через дорогу, заставляя осторожно

переступить с одного одеяла на другое. Так как лошадь одновременно ступала на два одеяла, то третье было свободно, и Рубе быстро и искусно передвигал его вперед. Таким образом заставили лошадь пройти сотню шагов в глубь долины, после чего Гарей захватил одеяла и поскакал к отряду.

Рубе вернулся на дорогу, положил третью стрелу в том месте, где лошадь свернула в сторону, прошел еще около полумили к югу, положил там четвертую стрелу, и тогда вернулся к своим. Хитрость должна была удасться, так как ложные следы были расположены мастерски.

Со своей стороны, Эль-Соль не остался в бездействии. Он убил несколько волков, которых охотники успели разделать. Все бывшие при них сосуды были наполнены водой, Дакома привязан к спине мула, ждали только возвращения Рубе.

Сэгин решил оставить двух охотников на вершине Пиноа. Один из них должен был смотреть в трубу на линию горизонта, другой должен был заботиться о пропитании товарища и лошадей. При приближении индейцев они должны были спуститься к подножию горы, удостовериться в принятом индейцами направлении и тогда только во всю прыть скакать к отряду.

Когда Гарей и Рубе вернулись, все распоряжения были уже сделаны, отряд двинулся обходом, к подножию горы. Тут была каменистая тропа, на которой копыта лошадей не оставляли никакого следа, по ней и двинулись к северу, почти параллельно военной дороге.

Миль двадцать проехали, прежде чем добрались до места, назначенного для соединения с большим отрядом. Это было на берегу маленького источника; тут была и трава для лошадей и сухие ветки для костра. Большой отряд прибыл только на утро, проведя в пути всю ночь.

Так как ни у того, ни у другого отряда не было запасов провизии, то и нельзя было дать здесь большого отдыха лошадям. Пришлось сейчас же пуститься в дальнейший путь через горный проход, чтобы искать дичи по ту сторону горы.

Около полудня они очутились в долине с густой травой и рощами. Всюду виднелись следы дичи, утопанные тропинки, обломки рогов и так называемое коровье топливо, т. е. остовы животных, которые жгут за неимением другого топлива.

Отряд остановился. Кругом в изобилии находились плоды кактуса, красные и желтые, полевые груши, ягоды и корни, которыми наши охотники с наслаждением поужинали. Но ужин этот, состоявший исключительно из растительных веществ, не мог удовлетворить некоторых желудков, так что после двухчасового отдыха часть охотников отправилась на поиски дичи. Рубе служил проводником и шел во главе этого отряда, час спустя он обернулся к Сэгину со словами:

— Капитан, вот свежий след.

— Можете вы сказать, скольких животных?

— Это целое стадо, штук в пятьдесят по крайней мере. Впереди должна быть поляна, где они теперь пасутся.

— Стойте, господа,— сказал Сэгин,— тише! Рубе, ступайте вперед, я за вами. Мы вдвоем выследим дичь.

— Могу я к вам присоединиться? — спросил Генрих; благодаря медицинской помощи Эль-Соля, он вовсе не чувствовал боли от двух своих ран.

Все трое медленно стали продвигаться вперед, пробираясь сквозь чащу. Наконец они увидели перед собою поляну, довольно обширную, обрамленную густым лесом. В середине возвышалась купа деревьев, а ряд ив доказывал присутствие около них воды.

Буйволы бродили в разных направлениях, иные — мокрые от принятой только что ванны.

— Можно ли будет подойти к ним так, чтобы их поймать? — спросил Сэгин у Рубе.

— Да,— сказал старый охотник,— мы можем подойти к ним совсем близко прячась за кустами.

— И все-таки они уйдут от нас, потому что поляна мала, и при малейшем шуме они успеют скрыться в лесу.

— Совершенно справедливо.

— Как же их добыть в таком случае?

— Надо их окружить.

— Так. В каком направлении дует ветер?

— Ни в каком. Воздух так же неподвижен, как индеец, с которого сняли скальп,— сказал старый охотник, сделав обычный опыт с пером.— Значит, нечего бояться, что буйволы нас учуют, а народу у нас достаточно, чтобы окружить их.

— Живо за дело! — воскликнул Сэгин.— Рубе, вы разместите половину людей, я размещу другую. Генрих, вы можете остаться на своем месте,— оно не хуже всякого другого. Когда я дам сигнал, вы двинетесь вперед,

соблюдая осторожность. Нам ведь нужно беречь себя для предстоящего большого дела. Лучше поэтому лишиться буйвола, нежели получить рану. Итак, берегите себя, милый мой, ради себя и... других.

Последние слова Сэгин произнес с улыбкой и удалился. Молодой человек, оставшись один, предался приятным мечтам. Прошло с четверть часа, он вспомнил, где находится, и вернулся к действительности: осмотрел заряд у ружья и надел новые капсюли. Силы его успели восстановиться, и хотя он решил следовать совету Сэгина, однако и бездеятельным не хотел оставаться. Он стал намечать себе жертву.

Буйволы не чуяли опасности и спокойно паслись на лугу. Только один старый вожак от времени до времени встряхивал густую гриву, нюхал воздух и сердито стучал по земле, выражая этим свое беспокойство.

Генрих думал о том, как хорошо было бы, если бы охота удалась, и как надолго их существование было бы обеспечено. Вдруг он увидел молодого бизона, выходящего из лесу и направлявшегося к стаду. Генрих удивился, как могло молодое животное очутиться так далеко от стада, тогда как обыкновенно телята, из страха пред волками, остаются при матерях.

Бизон двигался медленно, с трудом, точно раненый; это не помешало ему, однако, благополучно миновать волков, сидевших у опушки леса.

«Вот так славная дичь!» — подумал Генрих и посмотрел кругом, не смыкается ли цепь охотников.

Но ничего не было заметно, очевидно, охотники не успели в полчаса объехать поляну. Генрих стал вычислять в уме:

«Поляна имеет в диаметре полторы мили, окружность ее втрое больше; допустим, что это четыре с половиной мили. Ранее часа и не может быть сигнала. Значит, надо еще подождать. Но почему буйволы ложатся? Во всяком случае это хорошо: значит, наша дичь не собирается бежать. Один, два, три... вот уже шесть штук улеглось... теперь восемь. Они странным образом валяются, точно раненые. Еще двое, скоро они все лягут, и тогда нам легко будет напасть на них. Вот подходящий момент для сигнала».

Генрих плохо знал нравы и обычаи диких бизонов, тем не менее он был удивлен тем, как эти бизоны ложились наземь. Высокая трава и кустарник мешали ему наблюдать за животными, он видел только мохнатые

плечи и изредка болтающиеся ноги. Наконец последний бизон повалился, и тотчас же раздался сигнал. Генрих прищипорил коня и помчался вперед. Одновременно с разных концов показалось человек пятьдесят охотников.

Для Генриха было вопросом чести выстрелить первым. Он скакал, держа ружье наготове. Но когда он подъехал ближе, его сильно поразило то обстоятельство, что бывшее перед ним животное лежало совершенно неподвижно. Хотя стрелять при таких условиях не представляло интереса, он все-таки начал целиться. Вдруг он увидал на животном кровь, с ужасом опустил он ружье и хотел сдержать лошадь. Однако Моро послушался не сразу и остановился только тогда, когда въезжал в самую середину неподвижного стада. Всадник был ошеломлен: перед собою, вокруг себя он видел ручьи крови!

Другие подоспевшие охотники тоже недоумевали. Перед ними издыхали бизоны, некоторые бились в предсмертных судорогах. У каждого была рана на шее, из которой текла густая кровь.

Восклицаниям не было конца.

— Ведь это же не может быть делом рук человеческих? — спросил Генрих.

— Конечно, нет, — ответил Рубе, — если не считать краснокожих за людей. Это шутка индейцев, и Младенец ручается... Да вот он! Вот!

Рубе стал целиться. Генрих невольно посмотрел по направлению ружья и увидел что-то двигавшееся по земле.

«Это бизон в судорогах», — подумал Генрих. — Ах, да это теленок, который только что присоединился к стаду».

В то же мгновение животное встало на задние лапы и испустило человеческий крик. Мохнатая оболочка спала, и из нее показался индеец, делавший отчаянные жесты руками.

Генриху стало жаль его, но было поздно склонять к пощаде старого охотника. Раздался выстрел, пуля попала в темную грудь индейца, и он упал замертво.

— Эх, Рубе, — сказал Гарей, — отчего ты не дал ему времени содрать кожу с убитой дичи! Ведь он избавил бы нас от лишнего труда.

— Поищите-ка, молодцы, — сказал Рубе, — за этими деревьями, наверно найдете там другого такого теленка. Я же пока сдеру скальп с этого.

Генрих поспешил удалиться от этой ужасной операции. Проезжая мимо убитого индейца, он увидел у него массу окровавленных стрел, ими были нанесены раны бизонам.

Между тем Рубе, снимая скальп, рассуждал про себя:

— Пятьдесят долларов за скальп! Это выгоднее, чем охота за бобрами. Посмотрим, к какому ты племени принадлежишь. Да никак это апах! Ура, братцы!

— Неужели? — воскликнул кто-то из охотников.

— Верно! Это из тех самых негодяев, что отрезали Младенцу уши. Клянусь, я им жестоко отомщу, чтобы впредь неповадно было. Это шестой, — прибавил он, прикрепляя скальп к поясу.

После этого старик сделал должную зарубку на прикладе ружья, также шестую, но зарубки в этом ряду означали только убитых апахов...

Рассматривая странную запись, Генрих увидел еще несколько рядов насечек и пришел в ужас от этой массы пролитой человеческой крови.

Глава 14

ОБЛАВА НА ЛЮДЕЙ

Треск нового ружейного выстрела привлек внимание Генриха к тому, что происходило на поляне. В течение нескольких минут он отворачивался от жестокой операции, производившейся над только что убитым индейцем; теперь он обернулся. Сначала он увидел только расстилавшийся пороховой дым и не мог понять, во что стреляли. От тридцати до сорока охотников окружили купу деревьев и кустов среди поляны, сидя неподвижно на лошадях и образуя неправильный круг. Они были на таком расстоянии от деревьев, что пущенные оттуда стрелы не могли их достать.

Ясно, что убитый индеец был не один, несколько его товарищей прятались тут же. Во всяком случае их не могло быть много: кусты могли скрыть не более дюжины человеческих тел. Их-то и выслеживали охотники.

Картина эта напоминала Генриху облаву, но к великому его ужасу обложены были люди.

Молодой человек многозначительно взглянул на Сэгина, как бы умоляя его запретить эту ужасную охоту.

Связи с выражением страдания отвернулся и поник головою. Генриху стало ясно, что начальник стыдится того дела, которому так охотно предаются его подчиненные, но роковая необходимость требовала истребления всех оказавшихся здесь индейцев, и было бы совершенно бесполезно со стороны Генриха настаивать на прекращении этой возмутительной травли. А что же до самих охотников, то они только посмеялись бы над чувствами, волновавшими Генриха. Они делали свое дело и делали с удовольствием — охотились за преследуемой дичью. Генрих понял это и молча ждал конца кровавой драмы.

— Что там такое? — спросил один из мексиканцев ирландца Барнея, сделавшего выстрел.

— Краснокожий, — ответил тот.

— Где ты его видишь? Тебе приснилось! — закричал ему соседний охотник.

— Да ты уж не свою ли рожу увидел в ручье да и выстрелил в нее? — заметил кто-то.

— Может быть, он увидел черта!

— А правда, братцы, я видел в кустах что-то очень похожее на черта и выстрелил.

— Слышите, Барней убил черта! Ха-ха-ха!

— Полно врать, никого он не убил и никого там нет, — сказал другой охотник, подвигаясь к опушке. — Готов об заклад побиться...

— Та-та-та, не так поспешно, — возразил Гарей. — Не надо доверять коварным краснокожим. Видел ли кого Барней или нет, — во всяком случае дичь в кустах есть. Надо подходить с осторожностью. Берите пример с меня!..

Говоря это, молодой охотник слез с лошади и, прячась за нее, направил ее зигзагами к опушке. Туловище его было прикрыто лошадью, на седле лежало ружье дулом вперед. Многие последовали его примеру. Мертвая тишина наступала по мере того, как круг делался все уже. Вскоре они вплотную оцепили островок, ни одна стрела не свистнула. Неужели там и впрямь никого не было? Люди смелее вступили в лесок. Послышался треск сухих сучьев. Вдруг раздался возглас:

— Барней, ура! Убитый краснокожий! Ура, старый служака! Поди-ка погляди, кого ты подстрелил.

— Ну, молодец, Барней, ты убил — твоя и добыча; иди, снимай скальп.

— Зачем? — отозвался Барней.

— Как зачем? Глупый, да ведь тебе награда будет, пятьдесят долларов!

— Неужели это стоит таких денег?

— Ну, ну, иди, нечего разговаривать.

— Братцы, не возьмется ли кто из вас сделать это вместо меня? — сказал сконфуженный Барней.

Бедняк не радовался своей удаче. В гарнизоне он, вероятно, во многом был грешен, а вот человеческой кровью все-таки не торговал.

Охотники обыскали лесок и никого более не нашли; однако на земле валялся третий лук, — значит, был и третий индеец, может быть, и еще.

— Ищите в ивняке у берега! — крикнул капитан.

Часть охотников направилась к воде. Это оказалось небольшое болотце. Вода в болоте была мутная, берега испещрены следами буйволов. Впереди других охотников был Рубе, как всегда самый внимательный и расторопный. Оглядываясь во все стороны, он готовился зарядить свой карабин, но вдруг быстро обернулся к находившемуся подле него Барнею и тихо сказал:

— Давай мне свое ружье скорей!

Ирландец тотчас передал ему свое заряженное ружье в обмен на пустой карабин. Рубе сделал вид, что целится поверх болота, затем быстро обернулся и выстрелил в другую сторону в верхушку одного дерева. (Ветви и сучья задвигались, и нечто сбитое с вершины стало падать по ветвям вниз. Это был подстреленный индеец.

Генрих с ужасом закрыл глаза и отвернулся от этой новой жертвы, но вслед за тем раздался возглас Рубе:

— Ах, к черту эти казенные ружья, — ведь промахнулся!

Дикарь бежал со всех ног. Рубе с ножом в руках бросился за ним. Охотники встрепнулись и пустили вдогонку индейцу несколько выстрелов. Несчастный мало выгадывал быстротой своих ног, так как ему приходилось бросаться из стороны в сторону, чтобы не дать верно прицелиться в себя.

Пока еще ни одна пуля не нанесла ему тяжелой раны, но по его бронзовому телу уже во многих местах струилась кровь.

Несколько человек бежало за ним по пятам; другие бросились к лошадям, чтобы пересечь беглецу дорогу. Лошади паслись в лесу, и только старая кобыла Рубе бродила по полю среди убитых бизонов, как раз на пути индейца. Добежав до нее, несчастный выхватил кол, к

которому была привязана лошадь и, прыгнув в седло, пустил лошадь вскачь. Выходка эта не принесла, однако, счастья индейцу. Рубе свистнул как обыкновенно, когда призывал к себе коня, тот услышал призыв, остановился и, несмотря на сопротивление седока, повернул назад и помчал злосчастного индейца к своему хозяину. В это время одна из пуль задела плечо лошади, она икнулась на дыбы, индеец не удержался, свалился на землю, и тут один из мексиканцев пригвоздил его своей длинной пикой.

Рубе разразился бранью и на казенные ружья, и на индейца, и на глупых стрелков, которые целятся во врага и попадают в лошадь друга. Успокоился он только тогда, когда убедился, что рана, нанесенная кобыле, была самая легкая. Так как никаких признаков присутствия других индейцев не было, все принялись за завтрак. Разложили костры и изготовили пищу. Утолив голод, стали совещаться.

На этом совещании было решено направиться к развалинам старой Миссии, расположенной всего в десяти милях. Там удобно было выждать и даже отразить возможное нападение куатеросов, к которым принадлежали трос убитых индейцев. Медлить было нельзя, с убитых буйволов сняли кожу, разрезали туши на куски, живо уложили припасы и тронулись на восток.

К развалинам попали перед закатом солнца. Лагерь расположился среди разрушенных стен; волки и совы, обитатели этих мест, бежали, испуганные людским нашествием. Среди развалин был заглухший сад со зрелыми плодами, а потому и ужин был разнообразнее и обильнее обыкновенного: кроме мяса были яблоки, груши и виноград. Под стеной протекал ручей, и воды было в изобилии.

После ужина все, крайне утомленные, расположились на заслуженный отдых, выставив на всех дорогах и тропинках часовых. Первая ночь прошла спокойно.

В старой Миссии отряд оставался трое суток. Столько времени понадобилось для того, чтобы высушить запасы мяса и сделать их годными для перевозки и хранения. Эта стоянка была очень тяжела для Генриха. Покой и бездействие пробудили дурные инстинкты охотников; грубые шутки, ссоры, скверная ругань и проклятия не сходили у некоторых с языка. Бедный Генрих убежал от них в лес в сопровождении милейшего доктора Рихтера, с которым можно было углубиться в науку или

воспоминания о счастливом времени, проведенном на берегу Дель-Норте.

На утро четвертого дня двое людей, оставленных для наблюдения в Пиноне, вернулись с новостями. Навагон возвращались через два дня к ручью, но были введены в заблуждение направлением стрел, и все триста, состоявшие прежде под командой Дакомы, направились к югу.

Час спустя охотники были на конях и ехали по скалистому берегу Сан-Педро. После длинного дневного перехода они достигли пустынных берегов Гилы; на ночь расположились лагерем подле этой реки, среди знаменитых развалин. Это была вторая стоянка ацтеков во время их выселения.

За исключением капитана, Генриха, доктора и Эль-Соля, никто не заинтересовался этими замечательными древностями. След бурого медведя заинтересовал охотников гораздо более, чем найденные в развалинах старинная посуда и иероглифические надписи. Медведями занялись, двоих убили и съели за ужином.

На четвертый день после того, как отряд покинул Гилу, он дошел до поперечной гряды, под которой река Сан-Карло прорыла себе подземный ход. Идти далее по течению реки оказывалось неудобным, так как для этого предстояло перейти гору, преграждавшую им дорогу. Сэгин объявил людям о своем намерении оставить реку и повернуть на восток.

Охотники встретили это известие радостными криками: «ура!» В их воображении замелькало золото. Как только спал дневной зной, отряд двинулся в путь с намерением уже не останавливаться, пока не дойдет до воды.

Шли всю ночь и наутро вступили в бесплодную пустыню, где ни деревца, ни травы, а, следовательно, и воды не было в помине.

Перед ними виднелась вдаль горная цепь, а за нею другая со снежными вершинами. Не было сомнения, что со снежных вершин должна струиться вода; но какое страшное расстояние отделяло их от подошвы этих гор! Если вода не встретится ранее, отряд может погибнуть от жажды.

Обозревая окружающие горы, Генрих заметил впереди широкое отверстие, как бы проделанное в снеговых горах. Там ему почудилась полоса какого-то желтоватого цвета; чем более вглядывался он в эту полосу,

тем известнее замечал разницу между окружающим видом и панорамой впереди. Там не было соды на земле, воздух был чище, прозрачнее. По мере того как отряд приближался к горам, и местность впереди в глазах Генриха принимала более определенный вид. Вместо белой глянцевитой содовой почвы, он видел зелень, траву и среди зелени — прекрасные деревья.

Хлопчатник! — кричал он.

— Нет, это огромные сосны, — заметил Гарей, — и уж, конечно, там должен быть ручей.

— Да вы посмотрите! — кричал третий. — Вон дом стоит!

— Дом! Скажи: дома! Да это целый город! — кричало несколько голосов. — Ура!

Генрих ехал с Сэгином впереди; восклицания эти заставили его остановиться. Остановился и Сэгин. Они только что обогнули угол скалы и выехали на более открытое место. Что это? Перед ними блеснули стены зданий — целый город! Ряд башен, крыши домов, какое-то громадное здание с куполом, возвышавшимся надо всем городом.

Генрих думал, что это призрак, игра воображения, мираж. Он протирает глаза, опять смотрел и уже совершенно ясно видел очертания домов и башен. Видел окна, двери, трубы, некоторые дома казались укрепленными...

Что же это? Уж не Чиболо ли, — город, про который рассказывают испанские миссионеры, уж не это ли город с золотыми воротами? Генрих видел, что Сэгин разделяет его недоумение. Тот, действительно, был в большом затруднении: существует ли город на самом деле или только в их воображении?

Отряд невольно остановился на подходе к городу, ошеломленный открывшимся видом, но потом, мучимый жаждой, бросился вскачь. Проскакав минуту, всадники опять остановились как вкопанные. У стен города стояли полчища вооруженных людей. Из груди охотников вырвался общий крик:

— Индейцы! Индейцы!

— Конечно, индейцы, — сказал капитан, — белых в этой стороне нет. Но какие индейцы, вот вопрос!.. У краснокожих нет и не было таких громадных лошадей и ружей, да и самые люди... ведь это гиганты... если только не привидения!

А доктор, между тем, тихонько посмеивался над переполохом охотников. Генрих поймал его улыбку, от-

решился, вспомнил описания подобных явлений и, чтобы убедиться окончательно, что перед ним не что иное, как мираж, он поднял руку, всадник, стоявший перед ним, сделал то же. Он поскакал вперед: гигант спешил к нему навстречу. Но тут Генрих, очевидно, выступил из пучка преломленных лучей, и гигант исчез, растаял.

Город тоже растаял. На месте его явились склоны и отроги гор, и к большой радости охотников на месте гигантских деревьев показались кусты ивняка. Под этими кустами извивался крошечный серебристый ручеек. Лошади заржали, почуяв воду, и через несколько минут и люди, и лошади утоляли мучившую их жажду.

Глава 15

ЗОЛОТАЯ ГОРА

После утомительного перехода охотники нуждались и в хорошем отдыхе, поэтому у ручья провели целую ночь и весь следующий день. Но вперед манила река Приэто, сказочная река, несущая будто бы в волнах своих золотой песок. И на следующий день вечером охотники уже расположились на берегу желанной реки.

Приэто протекала в местности пустынной и гористой. Быстрым течением пробивала она себе дорогу, поэтому на всем протяжении берега ее были почти неприступны. Вода в реке была мутная, черная. Где же золотой песок?

Пройдя немного вдоль берега, отряд остановился в таком месте, где течение было медленнее и берега не так круты. Охотники, не отдохнувши, бросились к реке, набрали в горсти песка, начали его растирать и промывать в своих чашках, — ни крупинцы золота.

Топорами стали отбивать от скал куски кварцевой породы, — но и тут полная неудача. Золота — не было и в помине. Где же оно? «Должно быть, севернее», решили охотники.

А между тем вышел приказ идти дальше по берегу. С явным неудовольствием сделали еще по течению целый переход и остановились в таком месте, где спуск к реке был не так крут и лошадей можно было подвести к воде. Охотники опять бросились искать и опять ничего не нашли.

Золотые россыпи, должно быть, остались позади.

Верно, капитан нарочно увел их от реки Сан-Карло, боясь, что поиск и добывание золота задержит людей и замедлит поход. Капитан ведь заботится только о своих выгодах, а что люди его вернутся такими же нищими, какими были, ему и горя мало.

Таков был ропот, раздавшийся в лагере, и страшные проклятия произносились иногда в присутствии самого капитана. Сэгин делал вид, будто ничего не слышит. Это был один из тех сильных характеров, которые могут многое вынести, добываясь своей цели. Как все креолы, он был вспыльчив и раздражителен от природы, но несчастье победило характер и выработало в нем хладнокровие, необходимое вождю такой армии. Когда же он начинал карать, то становился опасным, и охотники за скальпами отлично знали это его свойство. Теперь же он не устаивал даже рассердиться на них.

Задолго до восхода солнца люди уже скакали к крутым берегам Приэто. Невдалеке от ночной стоянки были замечены огни,— по всей вероятности, это было селение апахов. Надо было пройти мимо них незамеченными, следовательно, двигаться без шума и только ночью, а днем пережидать в укромных местах.

Как только взошло солнце, отряд остановился в глубоком овраге. Несколько человек вскарабкались на возвышенное место, откуда хорошо просматривалась местность. Позади оврага, в стороне, виднелись струйки дыма над индейской деревней, а потому отряд после краткого отдыха двинулся дальше по широкой лощине, покрытой шалфеем и кактусами.

Скоро охотники выехали на какую-то индейскую дорогу и тут перебрались через реку, чтобы повернуть на восток. Посредине реки остановились и досыта напоили лошадей и мулов. Несколько охотников опередили других и взобрались на крутой берег. Вдруг оттуда раздались громкие восклицания; люди кричали, махали руками и указывали на север. Что они увидали, уж не индейцев ли?

— Что там такое? — закричал им Сэгин, поднимаясь на гору.

— Золотая гора! Золотая гора! — кричали они.

Остававшиеся позади поспешили взобраться на берег. Глазам их представилась гора, блиставшая ослепительным отражением солнечных лучей. Вершина горы, даже бока ее, освещенные солнцем, отливали чистым золотом.

Охотники обезумели от радости. Вот она, наконец, та золотая гора, о которой они выслушали столько рассказов у бивуачных огней! Это не выдумка, вот она, эта золотая гора, перед ними во всем своем блеске!

Генрих посмотрел на Сэгина, тот сидел на коне, поникнув головой, беспокойство отображалось на его строгом лице. Он, так же как и доктор, Генрих и Эль-Соль, знал настоящую причину этого блеска, знал, что это не более как металлоид селен, а люди принимали его за чистое золото.

Путь их не лежал через эту гору, но Сэгин хорошо сознавал, что разуверить людей ему не удастся и что обойти гору — значит вызвать открытое возмущение. Он попытался, однако, командовать: «Вперед!». Но люди уже повернули коней к золотой горе. Они не могли допустить, что не попадут к ней, и никакие убеждения доктора и Генриха, что это не золото, а селен, не могли образумить несчастных, ослепленных блеском и опоенных алчностью; напрасно Сэгин пугал их, что надо торопиться к селениям навагоев, пока их не нагнал отряд Дакомы. Все было тщетно. Тогда, выведенный из себя, Сэгин закричал:

— Пусть будет по-вашему, безумцы! Лезьте на эту пустую гору, берегитесь только, не пришлось бы вам за эту глупую жадность поплатиться жизнью. Вперед!

И с этими словами Сэгин стал во главе отряда лицом к горе, люди восторженными криками приветствовали принятое решение. Мрачное предсказание Сэгина их несколько не тронуло. Они торжествовали, что капитан сделал им уступку, и благодарили его за это, а он ехал вперед угрюмый, с отчаянием в душе.

После дневного перехода они подошли к подножию... Охотники соскочили наземь и стремительно полезли на гору за блестящими на ней точками. Они отбивали их томагавками, пистолетами, соскабливали ножами. Все это были слюда и селен, разочарованные охотники с яростью бросали эти камни и принимались добывать новые, а новые опять бросали. Потратив попусту несколько часов, они, наконец, бросили работу, сконфуженные возвратились вниз один за другим, сели на коней и молча последовали за капитаном, прочь от обманувшей их горы.

На это путешествие они потеряли целый день, конечно, некоторым утешением могла служить уверенность, что и индейцы по их следам так же отклонятся от прямого пути и, следовательно, тоже потеряют день. Сэгин

направил отряд на юго-запад и, чтобы наверстать потерянное время, дал только небольшой отдых у ручья, стекавшего с гор, мимо которых пролегал их путь

Еще целый день движения уже на юго-восток, и Рубе узнал очертания знакомых гор. Они приближались к столице навагоев. Ночевали на берегу одного из рукавов реки Приэто. Впереди было ущелье между двух гор, служившее ложем для этого рукава. Рубе указал на ущелье Сэгину.

— Город навагоев там, в конце ущелья.

Поздно вечером на следующий день отряд приблизился к устью ущелья. Дальше двигаться по берегу было невозможно, — места были непроходимые. В реке не было брода, оставалось подняться по крутому обрыву на высокий берег и повернуть уже продолжать путь. Когда один за одним охотники, предводимые Рубе, выбрались из ущелья, перед ними открылась цель их похода, предмет вожеланий: город навагоев.

— Слава Богу! Наконец-то! — сказал взволнованным голосом Сэгин — Да поможет нам Господь совершить наше дело!

Великолепная картина открылась глазам удивленных белых. Поселение было видно все как на ладони. Оно занимало западный конец огромной овальной площадки и в несколько миль длиною. Вся площадка утопала в зелени, только река серебристой лентой прорезала ее, а окрестные горы своей дикой наружностью особенно резко оттеняли прелесть зеленого оазиса, расположенного между ними. Мрачные гранитные горы с узкими ущельями и темными кедрами на вершинах, подобно стражам, охраняли город с северной стороны. С южной стороны горы имели иной вид — это были просто нагромождения молочного кварца с отдельными острыми вершинами. Тем, где сходились эти две гряды, северная и южная, стояла темная зелень хвойного леса и синела река. Около леса, на краю оазиса, была масса пирамидальных построек — это и был город навагоев.

Несмотря на расстояние около десяти миль, отделявших их от города, охотники могли различить очертания построек. На крышах некоторых домов были террасы, и на них развевались флаги. Большое строение, стоявшее отдельно, было, вероятно, храмом. При помощи подзорной трубы можно было различить человеческие фигуры, двигавшиеся по двору и террасам храма.

Люди виднелись и в городе, и на поле, они бродили

между домов, пасли скот. Там и сям ходили табуны лошадей. На реке были стаи диких лебедей и гусей, одни плавали, другие отдыхали на берегу. Весь этот мирный пейзаж был мягко позолочен лучами заходящего солнца.

Любуясь этим видом, Генрих с грустью думал, что через несколько часов, этот мир будет нарушен, раздадутся страшные крики, и начнутся все ужасы насилия.

При призыву Сэгина охотники собрались под деревом на совещание. Решался вопрос о том, как приступить к атаке города.

Сэгин решил так: приблизиться к городу ночью, а самое нападение отложить до утра. Таким способом бегство будет предупреждено, зато при дневном свете легче разыскать и узнать пленных.

Приняв окончательное решение, охотники улеглись на землю, чтобы не быть замеченными; поводья они держали в руках и стали ждать ночи.

Ночь томительно тянулась, огни индейцев гасли один за другим, и на равнине наконец воцарилась тихая безлунная ночь. Темные облака облегли небосклон и грозили разразиться ливнем. По временам лебедь издавал нестройные звуки, в лесу завывал волк. Громадные летучие мыши прорезали воздух, шумя своими крыльями, и трава блестела светляки. Охотникам в полудремотном состоянии мерещились сраженья и добыча.

День, давно ожидаемый, наконец настал. Человеческие фигуры движутся по террасам, они завернуты в полосатые одеяла павагоев: белые с черным. По большей части это женщины, молодые и старые, все с распущенными волосами, дети прыгают и резвятся подле них. Появляются также старики с белыми волосами, есть и молодые мужчины, но, очевидно, не принадлежащие к классу воинов. Они ходят взад и вперед, носят воду из колодцев, зажигают костры. Это — рабы, военная добыча индейцев.

Старики направляются к храму, за ними идут женщины и дети. Вскоре все, около ста человек, собираются на верхней террасе. Подле знамени ставят подобие алтаря. Тонкая струя дыма поднимается от зажженного костра. Звуки индейского барабана сливаются с голосами присутствующих. Вслед за пением наступает полная тишина, молящиеся стоят в глубоком молчании, лицом к востоку.

— Что означает эта церемония? — спрашивает Генрих у Рубе.

— Племена эти поклоняются солнцу, они приветствуют его восход.

Любопытство охотников достигло высшей степени, они не спускали глаз с духовной церемонии индейцев. Вдруг на западе заалела оконечность самой высокой вершины. Первый шаг восходящего светила. Яркий свет разливается постепенно по долине и, наконец, освещает фигуры молящихся.

— Посмотрите, капитан,— говорит Рубе,— между ними стоят белые женщины и молодые девушки.

— Господи!— взывает Сэгин из глубины души.— Помогите мне найти ее между ними!

И с этой молитвой он подносит рожок к губам.

Призывный сигнал раздается по равнине, всадники показываются из засад, бешено скачут и вскоре окружают город широким кольцом. Только несколько человек осталось в ущелье с Дакомой и багажом.

Звук рога поразил жителей. Они видят охватывающую их цепь, и если некоторые молодые и неопытные еще могут принять это за военную игру и шутку соседнего дружеского племени, то старики, конечно, сейчас же разуверят их, они-то знают, что это сигнал белых воинов-врагов. Некоторое время от испуга и неожиданности индейцы остаются без движения. Столбняк этот продолжается до тех пор, пока всадники Сэгина не достигают стен города. Тут уж все поняли, в чем дело. Всадники со страшным оружием в руках, на оседланных лошадях,— это враги, это бледнолицые!

Индейцы мечутся из улицы в улицу, те, что несли воду, бросают кувшины и с криком разбегаются по домам. Они влезают на крыши и убирают за собой лестницы. Жены и дети испускают раздирающие душу крики, ужас виден во всех их движениях.

А между тем круг всадников становится все теснее. Команда приближается к воротам города, оставляет тут несколько человек, остальные, с Сэгином, Генрихом и Рубе во главе, смело идут вперед и останавливаются у самого храма.

Старики-индейцы стоят еще на крыше, в ужасе они дрожат как дети.

— Не бойтесь ничего! Мы пришли к вам друзьями!— кричит им Сэгин на их родном языке.

Но голос его не может покрыть раздирающих криков, разносящихся с одной террасы на другую. Сэгин повторяет свои уверения, сопровождая их соответствующими

ними жестами. Старики подходят к краю террасы. Один из них — должно быть старший, его седые волосы падают до пояса, металлические украшения блестят в ушах и на груди. Он подает знак рукой, и все кругом смолкает, затем он наклоняется с террасы и отвечает по-испански:

— Amigos! Amigos! (друзья! друзья!)

— Да, мы ваши друзья,— отвечает на том же, понятном всему отряду, языке Сэгин.— Вам нечего нас бояться. Мы не сделаем вам ни малейшего зла.

— Да и за что могли бы вы нам сделать это? Мы находимся в дружбе со всеми белыми Запада. Мы — дети Монтесумы. Мы — навагои. Что вам нужно от нас?

— Мы пришли за нашими женами и дочерьми, которых вы держите у себя в плену.

— Вы ошибаетесь, у нас нет белых пленниц. Те, которых вы ищете, находятся далеко на юге, у апахов.

— Нет, они здесь. У меня точные сведения на этот счет. Мы совершили трудный поход, чтобы выручить их, и без них отсюда не уйдем.

Старик оборачивается к своим, обменивается с ними знаками и потом говорит с торжественностью в голосе:

— Верь мне, господин вождь, тебе дали ложные указания. У нас в городе нет бледнолицых невольниц.

— Ах, ты старый бесстыжий лгун! — кричит Рубе, снимая с головы волосяной парик.— Посмотри-ка сюда: узнаешь или нет старого Младенца, узнаешь?

Голой череп напомнил индейцам историю о снятом с живого зверолова скальпе. А между тем охотники с угрожающим видом заряжают свои ружья. Этот наглый обман их раздражает, они уверены, что белые женщины находятся тут.

— Старик,— строгим голосом говорит Сэгин,— ничего ты этими увертками не выгадаешь. Если вы хотите спасти ваши головы и ваш город от разорения, выдайте нам наших женщин.

— И как можно скорее,— прибавляет нетерпеливый Гарей, поднимая свой карабин,— или я размозжу твою старую голову.

— Терпение, друзья! Мы покажем наших белых женщин, и вы увидите, что это не пленные. Это наши дочери, дети Монтесумы.

Индеец спустился в другой этаж храма, скрылся в дисри и через минуту появился с пятью женщинами в

индейских костюмах. Черты их лиц явно свидетельствовали о их испанско-мексиканском происхождении.

Три из них тотчас были узнаны некоторыми из охотников. Услышав восклицания: «Пепа, Рафаэла, Иезуита!» они бросились к барьеру, простирая руки к своим мужьям и братьям. Они плакали от радости и благодарили своих избавителей.

— Спускайтесь, спускайтесь к нам! — кричали охотники.

Молодые женщины не могли сами поставить лестницы, они глядели на своих хозяев, а те стояли неподвижно, нахмурив брови, скрежеща зубами и сознавая свое бессилие.

— Поставьте лестницы и дайте спуститься белым женщинам, да поскорее, а то, клянусь, я перебью всех, сколько вас тут есть! — крикнул нетерпеливо Гарей.

Индейцы повиновались, приставили лестницы, и три женщины очутились в объятиях своих родных. Две остались неузнанными; они стояли на верхней террасе. Сэгин не мог совладать со своим нетерпением. Он полез с одной лестницы на другую, за ним последовало несколько охотников. Сэгин подошел к пленницам, они вскрикнули и отшатнулись от него. Сэгин с трепетом вглядывался в их лица. Он вызывал в своей памяти воспоминания далекого прошлого, ждал, что кровь родительская и дочерняя заговорит, но никакой знакомой черты в этих двух лицах не находил. Одна была слишком стара, другая — отталкивающе-дурна собой.

— Боже мой! — восклицал Сэгин. — Неужели я не найду ее? У нее было на руке родимое пятно... Нет, не может быть, чтобы это была моя дочь.

Тем не менее он бросился к молодой девушке, схватил ее за руку, отвернул рукав, посмотрел и, не найдя родимого пятна, подбежал к старому индейцу... Тот в ужасе отступил пред грозным видом Сэгина.

— Здесь не все! — крикнул он громовым голосом. — У тебя где-то спрятаны еще. Веди их сюда сейчас, старик, или я раздавлю тебя.

— У нас здесь нет более бледнолицых, — отвечал с уверенностью старик.

— Ты лжешь и за это заплатишься жизнью. Рубе, сюда! Уличи этого обманщика!

— Ты лжешь, — сказал зверолов, — ты лжешь, старый плут! Если ты не выдашь ее нам, твои белые волосы

недолго останутся на твоей голове. Где она, ваша молодая царица?

На юге, далеко отсюда.

Боже милосердный! — вскричал в отчаянии Сэгин.

Капитан, не верьте ему. Это мошенник и плут. Вы слышали, как он отрицал существование бедных пленниц. Молодая девушка слывет у них царицей тайн, она помогает старому греховоднику в его шарлатанстве при поклонении солнцу. Ему очень не хочется лишиться ее, но она здесь и хорошо спрятана, — в этом я уверен.

Товарищи! — крикнул Сэгин, наклонясь через перила. — Обыщите все дома, шарьте всюду, выведите всех женщин, старых и молодых. Ни одной щели не пропустите. К лестницам! Скорее к лестницам! Разыщите мне мою милую дочь!

Глава 16

РУБЕ СВОДИТ СЧЕТЫ

Охотники завладели всеми лестницами, обежали все дома и вывели оттуда всех жителей. Кое-где старые воины и молодые индейцы-рабы, возмущенные нападением белых, оказывали сопротивление; все они поплатились жизнью и скальпами. Всех жителей привели или, вернее, пригнали к храму. Сэгин внимательно рассматривал женщин. По мере того, как они подходили, он снимал с них покрывала и открывал их смуглые лица; были тут и молодые и красивые, но ни в одной из них он не признал своей Адели. По большей части это были красавицы индейской расы, они с суеверным ужасом смотрели на бледнолицых.

Генрих видел, какое отчаяние изобразилось на лице Сэгина после этих неудачных поисков. В голове молодого человека мелькнула новая мысль, которую он и поспешил сообщить капитану.

— Расспросите освобожденных пленниц, — сказал он.

— Ах, да, вы правы, я совсем потерял голову сегодня, — ответил Сэгин, — именно тогда, когда почти достиг своей цели. После стольких лет труда и мук...

Они оба подошли к лестницам, и Сэгин по возможности подробно описал свою потерянную дочь Адель.

— Это, должно быть, «царица тайн».

— Она в городе?

— Я видела ее сегодня утром перед вашим приходом; старый жрец торопил ее войти. Он, верно, спрятал ее где-нибудь.

— Где же? — вскричал Сэгин с ужасом. — Ведь это моя дочь! Я знаю, что они сделали ее царицей тайн.

— Ах, — сказала одна из женщин, — мне кажется, что он спрятал ее в эстуфе.

— Что это такое? Где это?

— Это такое место, где горит священный огонь, где старый жрец делает свои заклинания и готовится к лекарству. Господин, это место страшное, там, должно быть, и людей сжигают, но мы не знаем, где оно находится. Может, где-нибудь под храмом, в подземелье. Старый жрец знает, он один только имеет право туда входить.

Мысль, что дочь его находится в смертельной опасности, поразила Сэгина. Он воззрился вверх, на старого жреца, с которого и Генрих не спускал глаз, и оба были поражены холодной злобой, изображавшейся на лице его. Все в его фигуре говорило об упорной решимости скорее умереть, чем выдать ту, которую он хотел сохранить себе. Этот старик обладал способностью почти демонической — владеть умами суеверных дикарей.

Обуреваемый страхом за жизнь своей дочери, Сэгин бросился к лестнице и вместе с Генрихом и несколькими охотниками влез на крышу храма. Там он бросился на старика, схватил его за волосы и закричал:

— Веди меня к царице тайн: это дочь моя!

— Твоя дочь — царица тайн? — возразил индеец, трепеща за свою жизнь и все-таки упорствуя в своем отрицании. — Нет, белый, она не вашего роду и племени. Она — дочь солнца, дитя одного вождя навагоев.

— Не искушай меня, старик, не глумись надо мной! Послушай, если моей дочери причинят малейший вред, — знай, я не оставлю ни одного человека в живых во всем вашем городе. Иди же, веди меня к ней в подземелье.

— В подземелье! В подземелье! — кричат за ним охотники.

Сильные руки хватают старика за плечи и за длинные космы. Перед его глазами машут окровавленными ножами и почти спускают его по лестницам вниз. Он не сопротивляется, сознавая, что за малейшее упорство заплатит жизнью.

Достигнув нижнего этажа, он делает знак остано-

нись. Его опускают на землю, он входит в дверь, завешенную буйволовыми шкурами.

Сэгин хватается за длинное платье жреца из боязни, чтобы тот не скрылся, и идет вслед за ним вместе с несколькими охотниками.

Они переходят из одного коридора в другой — целый лабиринт темных переходов, — и, наконец, попадают в слабо освещенную комнату. Фантастические изображения и символы индейской религии поражают белых. Стены покрыты страшными рисунками и шкурами хищных зверей. Тут головы бурого медведя и белого бизона, каркажу и пантеры, пасть волка с оскаленными зубами, там и сям рога разных зверей, и между ними уродливо сделанные из дерева и местной красной глины идолы. На очаге, стоящем посредине, горит слабый синеватый огонь. Это и есть священный огонь — огоиь, тлеющий и не угасающий многие века в честь и во славу бога Кветцалькольта.

Но охотникам не до того теперь, чтобы разглядывать эти диковины. Они бегают по всем углам, ищут и шариют, опрокидывают идолов и священные сосуды. Громкие змеи ползают по земле и обвиваются вокруг их ног. Все эти гады потревожены внезапным нашествием и яростно бросаются на нарушителей своего покоя. Люди давят их ногами, бьют прикладами; крики людей, шипенье змей, удушливый смрад очага, — все вместе представляет страшный хаос.

— Где же капитан? — раздаются возгласы со всех сторон.

— Прислушайтесь, — говорит им Генрих, — там кричат. Голос женщины! Вот Сэгин заговорил! Ребята, за мной!

Охотники поднимают шкуры, закрывающие вход в соседнее помещение, бросаются туда, и глазам их представляется следующая картина: Сэгин в объятиях своих держит прелестную молодую девушку, богато украшенную золотыми побрякушками и перьями. Девушка вырывается. Сэгин одной рукой удерживает ее, другой поднимает рукав на левой руке, ищет и находит родимое пятно. — Да, это она, она! — кричит он дрогнувшим голосом. — Благодарю Тебя, Боже, я нашел ее. Адель! Адель! Ты не узнаешь меня? Я — твой отец!

Девушка продолжает кричать. Она отталкивает Сэгина и протягивает руки к старому индейцу, призывая его на помощь. Отец говорит ей что-то с горячей нежно-

стью, она его не слушает, отворачивается от него, наконец ей удается вырваться из рук отца, и она волочится по земле к старику и обнимает его колени.

— Она не хочет знать меня! Дитя мое, моя дочь!

Сэгин говорит с ней на навагойском наречии, чтобы заставить понять себя и выслушать: родного языка она совсем не понимает.

— Ты? — закричала она. — Ты мне отец? Нет, ты белый, ты враг моего племени! Не трогай меня! Прочь, бледнолицый!

— Дорогая Адель, не отталкивай своего отца, вспомни...

— Мой отец был великий вождь. Он умер. Теперь солнце — мне отец. Я — дочь Монтесумы, царица навагоев!

Произнося свой титул, девушка выпрямилась во весь рост и гордо оглядела своих врагов с видом оскорбленного величия.

— О, Адель, — продолжал Сэгин, — посмотри на меня! Неужели ты совсем забыла и меня, и мою любовь к тебе? Если ты меня не признаешь, быть может признаешь черты твоей матери, твоего ангела-хранителя. Она не перестает оплакивать свою потерю с той минуты, как индейцы похитили тебя!

Сэгин снял с груди своей миниатюрный портрет и показал его дочери. Та с любопытством глядела на портрет, но ни одна черта ее лица не дрогнула и не обнаружила какого бы то ни было волнения. Удивленные глаза ее переходили с портрета на Сэгина, потом вдруг она сделала рукой величественный жест, как бы предлагая белым не осквернять долее храма своим присутствием. Очевидно, она забыла все: родную семью, родной язык и стала совершенной индианкой!

Генрих не мог удержаться от слез, глядя на несчастного своего друга. Сэгин стоял молча, погруженный в глубокую печаль. Голова его упала на грудь. Бледный, безжизненный, он глядел и ничего не видел перед собой. Генрих понимал, как велико должно быть страдание этого человека: вот результат всех его трудов, сражений, подвигов в течение многих, долгих лет.

Несколько времени Сэгин молчал, как бы собирая свои разбитые мысли. Затем резким голосом сказал:

— Уведите ее. Быть может, Господь сжалятся над нами и когда-нибудь вернет ее нам.

Опять пришлось проходить через ужасную залу, чтобы выйти на наружную террасу храма. Но подойдя к перилам, Генрих увидел зрелище, которое навело на него гораздо больший ужас. Не потоки крови испугали его, — к этому он уже успел привыкнуть, — он почуял тут что-то словесное в самой атмосфере, что-то предвещавшее полный разгул и разнузданность страстей.

Перед храмом стояла толпа: женщины, молодые девушки и дети — человек около двухсот. Одеты они были различно, одни были завернуты в полосатые одеяла, на других были туники, покрытые павлиньими перьями, на немногих — европейские платья, добытые у белых. Все это были индианки, были между ними и старухи, но большинство молодые и красивые. Они сидели и стояли группами, но какой-то жалобный ропот пронесся по всей толпе их.

Прежде всего Генриху бросилась в глаза кровь, струившаяся по ушам и по лицу их; то были следы насилия: из ушей у них вырывали драгоценные серьги, не дав себе труда их вынуть.

Охотники за скальпами окружали эту толпу и о чем-то совещались. Из их карманов торчали золотые и другие вещи. Очевидно, они наложили тяжелую свою руку на все виденные ими драгоценности. Но нечто еще более ужасное поразило Генриха. Свежие окровавленные скальпы висели за поясами у многих охотников. Рукоятки ножей были в крови, и вся ватага разбойников имела страшный, отталкивающий вид.

Черные тучи заволокли все небо, молния временами бороздила их. Слышались отдаленные раскаты грома, и его рокотало по окрестным горам и ущельям. Гроза как нельзя более соответствовала тому, что происходило среди людей.

— Приведите багаж! — крикнул Сэгин, выходя из храма с дочерью.

Темного погода, по приказу его, подъехали мулы и весь багаж.

— Соберите по домам все, что найдете съестного, и уложите поскорее.

Что только попало под руку: сушеное мясо — ташио, сушеные плоды, кожи и орехи, — все было собрано и уложено.

— Это все, что у нас есть, и я боюсь — не хватит на обратный путь. Теперь, Рубе, выбери пленных. Всех мы не можем захватить в плен. Возьми человек двадцать,

но выбери таких, которым цена выше и которых обменять будет выгоднее.

Сэгин направился к багажу, чтобы на одном из мулов устроить свою дочь.

Рубе исполнил возложенное на него поручение. Он отобрал двадцать молодых индейцев, девушек и мужчин, одежда которых показывала принадлежность к высшим слоям общества.

— Ах,— воскликнул один из самых свирепых охотников — Киркер,— ведь навагои берут в рабство наших женщин! Оттого бы и нам не взять из их племени несколько молодых? Они бы нам служили на бивуаках. Право, так!

— Эх ты! — возразил ему Гарей.— А чем мы их кормить будем?

— Ну, мяса у нас много запасено,— возразил Киркер,— а если не хватит провизии, мы бросим индейцев,— конечно, сняв с них предварительно то, что поценнее...

При этом он многозначительно провел рукою вокруг головы,— жест для всех понятный, употребляемый при срезании скальпов.

Многие товарищи сочувствовали предложению Киркера и по примеру его хватали на свою долю молодых индианок и привязывали их к своим мулам. Раздался плач и вой похищаемых женщин.

Конечно, среди охотников были и такие, которые не одобряли такого дикого насилия и оставались в стороне. Немало было и таких, которые, не принимая личного участия в разбое, тем не менее добродушно посмеивались, глядя на подвиги своих товарищей.

Сэгин в это время находился с другой стороны храма, где устраивал свою дочь. Но шум, крики и вопли, раздававшиеся по ту сторону, обратили на себя его внимание. Он поручил свою дочь попечению Эль-Соля и Луиы и побежал на шум.

Увидав множество женщин, привязанных к спинам мулов, он понял, что произошло без него. Ему захотелось пристыдить охотников.

— Рубе,— сказал он зверолову,— что же это? Это пленные, которых я приказал тебе отобрать? Их тут как будто слишком много?

— Нет,— ответил Рубе,— вот те, которых выбрал Младенец. Тут ровно двадцать человек, они еще не сиделись.

— В таком случае пусть снимут всех женщин с му-

они и посадят выбранных тобою пленных. Нам предстоит перейти пустыню. Мы едва найдем чем прокормить эти тысячи двадцать ртов.

Не обращая внимания на ропот Киркера и его друзей, Сэгин и Рубе принялись отвязывать индейских женщин, кое кто из охотников стал им помогать, но зато те, которые выдумали это похищение, открыто возмущались против капитана.

Клянусь небом! — вскричал один из них. — Я или унесу мою индианку или сниму с нее скальп!

— В самом деле, — подхватил другой, — зачем нам поиться с этими женщинами? Ведь ни одна из них не стоит больше своего скальпа. Скальпируем их — и все дела.

— Отлично! — прибавил третий.

— На что лучше! — раздались голоса.

Сэгин обратился к бунтовщикам и с твердостью скальп им:

— Товарищи, вспомните ваши обещания. Посчитайте наших невольниц. Я отвечаю и плачу вам за всех.

— Можете вы заплатить нам сейчас? — спросил кто то.

— Вы знаете, что «сейчас» — дело невозможное.

— Платите сейчас, а не то...

— Деньги или скальпы... — вот наше последнее слово...

— И откуда капитан достанет денег, придя домой? — спросил один из мексиканцев. — Он не жид, не банкир, и хотя я денег его не считал, но все-таки не понимаю, откуда он возьмет такую кучу, чтобы заплатить нам за всех невольниц.

— Во всяком случае не из казны, которая платит за скальпы, так как скальпов у него нет: стало быть, ему денег не дадут, как и нам. А если у нас будут в руках скальпы, мы денежки сполна получим.

— И то сказать, очень ему надо заботиться о нас, ведь он уже нашел то, чего искал. Нас он обещаниями кормит — надуть хочет.

— Смеется он над нами, точно над толпой безмозглых негров. Отчего он не хотел вести нас на Прието, где мы могли набрать золота полные карманы? Отчего?

— А теперь хочет нас лишить последнего заработка на скальпах! Не на таковских напал!

Генрих нашел, что пора вмешаться. Деньги — вот

единственный повод к возмущению; по крайней мере, этим они оправдывают свое упорство. Он решил пожертвовать всем своим состоянием, лишь бы помочь Сэгину и выручить его из критического положения.

— Господа! — закричал он так громко, что покрыл все голоса и шум. — Если вы верите моему слову, слушайте, что я хочу вам предложить. Я отправил в Чигуагуа с последним караваном свой товар. Когда мы приедем в Эль-Пазо, мы застанем там возвращающихся купцов. Мне придется получить с них сумму вдвое больше той, какая может следовать всем вам. Если вы верите моему слову, я обещаю всех удовлетворить.

— Все это отлично, да беда в том, что мы не знаем ни вас, ни вашего товара.

— Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки, — заметил один из охотников.

— Ну его к черту! Разве можно верить торгашу? Сейчас давай нам деньги, или — скальпы, вот и весь разговор. Мы можем снять скальпы, можем и не снимать их. Но только верьте мне, товарищи, что это наш единственный верный заработок.

Видно было, что люди эти уже понюхали крови и не могли отрезвиться. Глаза их блестели, лица выражали животную ярость: они жаждали крови. Дисциплина, державшая до сих пор орду в повиновении, исчезла. Власть начальника потеряла свое значение.

Индийские женщины дрожали и жались друг к другу. Они не понимали разговора, но угрозы и свирепые лица охотников приводили их в трепет. На их глазах кинжалы выхватывались из ножен, и заряжались ружья и револьверы.

Все это время Сэгин был занят размещением увозимых пленных. Он с той самой минуты, как дочь отказалась его признать, казался погруженным в какую-то печальную озабоченность и не обращал, по-видимому, внимания на происходившее вокруг него.

Но когда раздалось слова Киркера: «сейчас давай нам деньги, или — скальпы», Сэгин вдруг опомнился, пришел в себя и, сознав настоящее положение дела, вернулся к бунтовщикам, поднял руку с пистолетом и произнес громовым голосом:

— Посмейте только нарушить вашу клятву! Первого, поднявшего нож или ружье на этих женщин, убью!

Наступила минута мертвой тишины.

— Я дал обет, — продолжал он, — что моя рука не

прольет ни одной капли крови после того, как Богу угодно будет возвратить мне дочь. Пусть же никто из вас не принуждает меня сделаться клятвопреступником, иначе сто-то кровь и будет мною пролита!

Глухой ропот носился в толпе, но никто не смел открыто и громко возражать капитану.

А ты, Киркер, не больше как хвостун, грубиян и трус, — сказал Сэгин. — Спрячь свой нож сию минуту, или я пушу тебе пулю в лоб.

Сэгин направил пистолет, в глазах его была неумолимая решимость. Казалось, он вырос, его осанка, взор и нахмуренные брови заставили Киркера попятиться. Он видел, что малейшее ослушание — смерть для него, и со страшным проклятием вложил нож в ножны.

Возмущение, впрочем, нельзя было еще считать подавленным. Раздались насмешки по адресу Киркера; некоторые не желали сдаваться и подбивали друг друга к сопротивлению.

Генрих Галлер стал рядом с Сэгином, готовый защищать его и умереть вместе с ним.

Многие последовали его примеру и группировались подле Сэгина; в числе первых были: Эль-Соль, Рубе, Гарри, Санхес и другие. Что касается доктора, то он переходил от одной партии к другой, стараясь всеми силами примирить их между собой. Обе стороны были почти равны.

В случае схватки вышла бы страшная резня. К счастью, в это самое время показалось на горизонте нечто, сразу отрезвившее всех и охладившее страсти. Доктор указал на запад, оттуда неслись к городу воины в черных плащах. Хотя они были и очень далеко, Сэгин и другие отлично поняли: это были индейские воины, наваго, отряженные для преследования бледнолицых. Они неслись бешеным галопом, пожирая пространство, как гонимые, преследующие дичь.

— Вот вам, — сказал спокойно Сэгин, — сколько хотите скальпов. Сумейте только защитить свои собственные. Итак на коней, ребята! Вперед! Еще раз повторяю свое обещание. Будьте благоразумны и верьте мне. А теперь вперед! Пора!

Слова капитана произвели на этот раз свое действие, и правда — медлить было нечего. Близкая опасность воодушевила охотников. Конечно, они могли бы, засев в домах, отбить нападение передового отряда, но остаться в городе и дожидаться прибытия новых сил ин-

дейской армии было бы безумием. В мгновение ока и самые несговорчивые были в седле; обоз с запасами и пленными двинулся к лесу. Сэгин надеялся пройти через ущелье, находившееся на востоке, так как отступление было отрезано с тыла.

Он ехал впереди, держа за повод мула, на котором сидела его дочь. Остальные следовали за ним в полнейшем беспорядке,— все торопились. Генрих оставался в городе последним. Сделал он это для того, чтобы помешать охотникам учинить какое-либо зверство над беззащитными женщинами и стариками, оставшимися в городе. Он решил, рискуя своей жизнью, предупредить бессмысленное пролитие крови.

— Слава Тебе, Боже! — воскликнул он, выезжая вслед за последними охотниками, покидавшими город.

Но он ошибся: он не был последним. Вскоре его догнал Рубе на своей старой кобыле. На поясе его красовался новый скальп — старого жреца. Рубе все еще мстил.

Глава 17

СРАЖЕНИЕ В УЩЕЛЬЕ

Достигнув соснового леса, охотники по индейской дороге направились вверх по реке; шли они так скоро, как только поспевал обоз. Пройдя миль пять, достигли восточной оконечности долины. Тут гряды гор сближались, образуя ущелье, в глубине которого протекала река. Эти гигантские ворота походили на те, которыми охотники вошли в долину с западной стороны, только были гораздо неприступнее. Ни по правому, ни по левому берегу реки дороги не было; надо было идти по самой реке, то есть по воде. По счастью, вода была неглубока: она значительно прибывала только после ливней и бурь.

Отряд, обойдя выдающиеся скалы, вошел наконец в ущелье. Над головами охотников возвышались на тысячу футов не только отвесные, но даже нависшие над потоком скалы. Сосны с узловатыми корнями торчали из расселин берегов; сами расселины эти были покрыты кактусами. Темная зелень как нельзя более гармонировала с дикой горной природой. В ущелье царил постоянный полумрак. К тому же небо было покрыто грозными тучами, будто нависшими на скалах. По временам

отражалась молния и отражалась в темной воде потока под ногами дрожавших лошадей. Удары грома, краткие и сильные, раскатывались несмолкаемым эхом в ущелье, дождя еще не было.

Отряд, предводимый Сэгином, спешил насколько возможно. Иногда на поворотах поток становился глубже и быстрее, лошади глубже уходили в воду, порой они ныряли вплавь. Но другой дороги не было, и худо ли, хорошо ли, надо было двигаться. Пройдя таким образом несколько верст, достигли наконец выхода из ущелья и стали выбирать на берег.

Сэгин выбрал двадцать человек из тех, у которых лошади были поплоче. Эль-Солю было поручено начальство над обозом; ему же поручил Сэгин и Адель, при которой, впрочем, безотлучно находилась Луна.

Оставшиеся расположились защищать ущелье. Лошади были спрятаны за уступами скалы; всадники засели таким образом, чтобы ружья направить как раз в устье ущелья, и в безмолвии стали ожидать появления неприятеля.

Не слышно было никакого воинского шума, а между тем неприятель не мог быть далеко. Место для наблюдения было выбрано удачно.

В долине река текла по мелкому ложу, и только входила в ущелье, как бы в грандиозные ворота, сдавленная с двух сторон скалистыми стенами, она делалась быстрее и уже, а потому и гораздо глубже. После этих ворот она опять немного расширялась и затем уже входила в самое узкое место ущелья, как в тиски; здесь по одну ее могли с трудом двигаться двое в ряд. Далее, по выходе из ущелья в Навагойскую долину, она опять становилась шире, и течение ее делалось спокойнее.

Место, избранное Сэгином для засады, находилось при входе потока в ущелье, так сказать, у ворот его, на скалах, в расщелинах которых росли деревья; с этого места удобно и защищать устье ущелья, и в случае надобности броситься в бегство из ущелья на равнину. Надо было только не дать объехать себя с тылу; но этого, по соображениям Рубе, пока можно было не опасаться.

Если неприятель окажется в большом числе, решено удерживать его столько времени, сколько нужно, чтобы дать возможность обозу отойти на значительное расстояние вперед. Сэгин предвидел, что долго держаться в ущелье будет невозможно уже потому, что у отряда не хватит запасов провизии и пороху.

Итак охотники расположились за скалами под командой своего капитана. Гром гремел не переставая, тучи, пронизываемые молнией, ползли по вершинам скал. Крупные капли дождя изредка падали на землю.

Гроза — явление довольно редкое в этой полосе, но уж если она разразится, то принимает характер тропической бури. Электричество, накопившееся в течение долгого времени, кажется, хочет показать всю свою силу, хочет низвести хаос на место существующего в природе порядка.

Характер местности прямо свидетельствовал об испытанном ею не раз насилии от подобных атмосферных явлений: глубокий овраг, или балка, узкое ложе реки, крутые неприступные берега, причудливые выступы скал, — все ясно показывало, что страна эта подвержена внезапным наводнениям.

Далеко на западе гроза уже бушевала во всем своем диком величии. Горы были покрыты завесой сплошного ливня. Слышно было падение воды и рокотание вздымавшегося от притока воды ручья. А индейцы, между тем, все еще не показывались. Это промедление было непонятно.

Вдруг до слуха их донесся какой-то другой шум, как будто целый обоз ехал по дороге, усыпанной крупным песком. Это и был, действительно, топот лошадиных ног по каменистому дну реки. Навагои приближались... Вдруг шум прекратился. Неприятель, должно быть, остановился, чтобы осмотреть местность. Это предположение не замедлило оправдаться. Спустя несколько минут над дальней скалой показалось что-то красное. Это был раскрашенный лоб индейца, он был недосыгаем для ружейного выстрела. Охотники, затаив дыхание и направив ружья, смотрели в ту сторону; вот показался еще один индеец, за ним еще и еще. Множество черных фигур появилось на горизонте, они прятались за скалами и продвигались с большой осторожностью.

Охотников закрывали кусты, и индейцы не могли догадаться о засаде. Авангард их видимо хотел убедиться, прошли ли этим местом белые. Первый и самый смелый из индейцев, перебегая от одного прикрытия к другому, добрался до такого места, где голова его показалась поверх этой скалы, раздался залп нескольких ружей, индеец мгновенно опрокинулся, рука судорожно поднялась и тоже упала: пули сразили его.

Потеряв своего передового, индейцы убедились в при-

существо белых и отозвали свой авангард назад. Охотники вновь зарядили ружья и опять стали наблюдать. Прошло много времени, и никакого движения со стороны индейцев не было заметно. Без сомнения, они обдумывали план атаки. В сущности, у них был только один способ выбить белых из засады,— это пройти под выстрелами по ущелью, выпустить тучу стрел, вынести, пожалуй, еще один ружейный залп и, нагнав бледнолицых, скватиться с ними в рукопашную. Имея численное преимущество, они имели и шансы на удачу.

Охотники сознавали преимущество индейцев и весь свой успех полагали в том, что краснокожие, встретившие залпом ружей, непременно остановятся и, таким образом, дадут им возможность приготовить второй или. Кроме того, Сэгин предполагал стрелять не всем вдруг, а по частям, чтобы хотя некоторое время огонь казался непрерывным.

В таком выжидательном положении охотники пробыли целый час под страшным дождем, укрывая по возможности ружья. Между тем вода прибывала, с шумом надвигаясь на берега и напором своим срывая и унося прибрежные камни; вода бурлила у расщелин скал и с каждой минутой поднималась все выше и выше, особенно в узких местах ущелья. Местность, где была устроена засада, окуталась почти ночным мраком, и только изредка молния озаряла эту чудесную по своей дикости картину разбушевавшихся стихий.

— Может быть, они пошли в обход,— сказал кто-то.

— Нет, они атакуют нас не раньше ночи.

— Ну, пускай они ждут ночи,— ворчал Рубе.— Еще полчаса такого проливного дождя,— и все будет благополучно, или Младенец уже ничего не понимает.

— Тс! Тс! — раздалось в толпе.— Вот они!

Все взоры устремились к проходу. Показались концы индейцы в таком количестве, что заполнили весь поток. Они приготовили свои луки, чтобы, прежде чем ринуться в атаку, выпустить массу отравленных стрел.

— Ну, берегитесь, молодцы! — закричал Рубе.— Цельтесь хорошенько и стреляйте наверняка.

Не успел докончить своих слов старик Рубе, как со стороны индейцев раздался военный клич двухсот глоток. Охотники ответили тоже громкими криками.

Навагон приостановились перед выходом из ущелья, чтобы теснее сомкнуться для первого натиска, и с новым кличем бросились в ворота. Это было сделано так бы-

стро, что нескольким индейцам удалось проскочить из ущелья на равнину, прежде чем раздался первый ружейный залп. Минуту спустя уже сыпался град пуль, выпущенных из ружей, винтовок и карабинов. Навстречу пулям летела масса ядовитых стрел, и все это сопровождалось воинственными криками и стоном раненых.

При каждом выстреле какой-нибудь индеец падал в воду; но масса надвигалась и вновь наступала, желая выбраться из ущелья. Убитые люди и лошади загораживали реку своими трупами, но индейцы через них бросались вперед. После первого залпа, когда охотники стали вновь заряжать ружья, наступил опасный промежуток, которым и хотели воспользоваться нападавшие индейцы.

Сэгин понял опасность минуты и с заряженным револьвером бросился вперед, вызвав за собою тех, у кого тоже были револьверы.

Толпа человек в пятьдесят бросилась за Сэгином. С одной стороны раздался призыв навагоев к новому приступу, с другой — команда Сэгина:

— Пли!

Пятьдесят пуль влетело в массу навагоев и привело их в неопишуемый беспорядок. Подстреленные валились с лошадей и вместе с лошадьми падали под ноги направивших сзади; по трупам убитых несколько индейцев все-таки выбрались из ущелья и бросились на охотников. Началась рукопашная. С одной стороны пущены были в ход длинные пики и томагавки, с другой — приклады ружей и ручки револьверов.

Ручей, как бы запруженный трупами, вздымался с пеной все выше и выше. С новой силой загрохотал гром, засверкала ослепительно молния. Казалось, сами стихии приняли участие в этой борьбе не на живот, а на смерть.

А вода все прибывала; трупы людей и лошадей всплывали и еще более затрудняли движение по реке. Индейцы оправились и с новой силою готовились ринуться на охотников, ружья последних были пусты.

Люди Сэгина видели, что спасения нет, и решились возможно дороже продать свою жизнь,— во всяком случае, скорее умереть, чем живьем достаться в руки краснокожих.

Вдруг раздается какой-то страшный гул. Это зловещий шум вышедшего из берегов горного потока. Масса воды прорывает все преграды и вместе с деревьями, вы-

рваными с корнем, несетя прямо на людей, готовясь затопить всю местность со всем, что на ней находится.

Рубе в испуге кричит:

Бегите на берег, кому жизнь дорога! Скорее на берег!

Генрих обернулся и увидел, как перепуганные охотники взбирались по единственному доступному откосу на берег. Едва он успел вскочить на ближайший уступ, как показалась целая гора воды, с ревом и пеной стремившаяся в ущелье. Вся эта масса нахлынула на узкий проход, ударилась, отступила, но как бы для того только, чтобы вслед за тем с новой силой затопить и ущелье, и выход из него.

Генрих слышал крики индейцев, они повернули лошадей и старались удрать от набегавшей воды. Тщетно,— поток бежал на них с ревом, пенясь и крутясь, подхватывал и уносил их с собою. Они тонули, всплывали и вновь погружались.

— Трое наших погибло! — грустно произнес Гарей, стоявший подле Генриха на таком месте, откуда была видна отчаянная борьба и гибель людей, застигнутых потоком.

— Кто погиб? — осведомился Сэгин, оглядывая окружавшие его лица и с радостью пожимая руку Генриху.

— Погибли: один делавар, толстяк Джим Гаррис и еще...

— Кого же еще недостает?

— Капитан, — ответил Санхес, — не видать Киркера. Бедняга! Ему так хотелось скальпировать индейских жен и детей, а теперь его собственный скальп достанется индейцам, если только тело его всплывет на поверхность.

— Ну, им впору только спасать себя и своих, — сказал Гарей, — поток почти всех их опрокинул, и те, которые не успеют ускакать от напора воды, тоже потонут.

Между тем трупы людей и лошадей всплыли на поверхность, и быстрое течение унесло их далеко от ущелья. Вода так сильно прибыла, что отряд Сэгина, стоявший на возвышенном берегу, был в безопасности от какого бы то ни было нападения со стороны реки. Капитан приказал развести костры, чтобы дать обсушиться людям, промокшим до костей. Нападение могло произойти или после обходного движения индейцев за горами, или после значительной убыли воды; во всяком случае, на это нужно было время, а между тем дождь не прекращался.

Вскоре запыдали костры под прикрытием скал; стали

жарить сушеное мясо. Охотники окружили костры и поочередно подставляли огню то один, то другой бок, от мокрой одежды валил пар. Были тут и раненые. За отсутствием доктора, уехавшего вперед с обозом, перевязка была сделана кое-как на скорую руку.

В таком положении провели несколько часов. Буря не унялась еще, вода не убыла. Рубе уверял, что если и перестанет гроза, то пройдет еще несколько часов, прежде чем вода спадет до обычного уровня. Около полуночи охотники сели на лошадей. Дождь почти уничтожил на песчаной дороге следы мулов, шедших в обозе. Проблески молнии изредка освещали один какой-нибудь след копыта да снежную вершину впереди; но и этого было достаточно для такого опытного проводника, каким был Рубе, и он уверенно на рысях вел отряд вперед. Шли всю ночь. Час спустя после восхода солнца, окончательно рассеявшего следы бури, отряд догнал обоз и товарищей, бывших под командой Эль-Соля.

В течение нескольких дней охотники шли местностью, покрытой шалфейным кустарником, прошли шестьдесят миль и не встретили капли воды. За недостатком дерева разводили огонь для варки пищи из кустов артемизии. Тут им пришлось испытать все лишения и трудности, сопряженные с переходом по бесплодной и безводной пустыне. Запасы были истощены, принялись за скот: лошади и мулы один за другим падали под ножом мучимых голодом и жаждою охотников. Последние ночи боялись даже разводить огонь. Неприятель не показывался еще, но появления его ждали с минуты на минуту.

Трое суток Сэгин шел к юго-востоку. Вечером, на третий день, на восточной окраине пустыни показались Мимбрские горы. Вершины этих гор были хорошо знакомы охотникам, — они часто служили им маяком.

Отряд направился к этим горам не напрямую, а в обход, Сэгину хотелось перейти хребет по дороге к старым рудникам, — прежнему его поселению, разоренному индейцами. К закату солнца подошли к так называемой «Золотой яме» — глубокой рывтине, в которой видны были еще следы заложенных и заброшенных шахт. Эта впадина, произведенная, быть может, каким-нибудь давним землетрясением, простирается в длину миль на двадцать.

Около полуночи с великим трудом добрались, наконец, до ручья. Лошадей расседлали и пустили пастись вокруг бивуака. Сэгин решил простоять тут подольше, что-

бы дать отдохнуть измученным людям и животным; он чувствовал себя как будто в большей безопасности, потому что местность была знакомая.

Среди ив и хлопчатника разложили костры; дичи никакой не было, и потому закололи еще одного мула. Поев с большим аппетитом, этого грубого мяса, охотники растянулись на земле, закутались в свои плащи и одеяла и сейчас же заснули. Остался один часовой, облокотившийся на свой длинный карабин. Молодые мексиканки и пленные индианки расположились среди лагеря; они тоже улеглись, закутанные в свои бурнусы, и, казалось, спали.

Что касается Генриха, то он долго не мог заснуть и все бродил вокруг бивуака, стараясь разогнать тяжелые мысли и угнетавшие его видения; наконец обессиленный опустился на землю, и тяжелый сон сковал его утомленные члены.

Глава 18

ПЕРЕМИРИЕ

Свежий утренний ветерок разбудил молодого человека. Луна сошла с горизонта, рассвет еще не наступал, но уже сквозь утренний туман можно было разглядеть окружающую местность. Узенькая полоска света обозначилась на востоке. Наступало утро. Генрих вспомнил, что Сэгин хотел тронуться в путь очень рано; но в ту минуту, как он собрался встать, до ушей его долетели какие-то голоса; он услышал несколько возгласов и топот лошадей по каменистой почве.

«Охотники уже встали и едут», — подумал он.

Предположение это заставило его вскочить и побежать к бивуаку; однако, сделав шагов десять, он убедился, что шум идет с противоположной стороны. Он остановился, прислушался — да, действительно так. Первую мыслью его было, что отряд ушел, потом хватилась его, и Сэгин послал за ним несколько человек. Допустив такое объяснение, Генрих закричал, чтобы дать о себе знать искавшим его людям. Последовало минутное молчание, затем опять лошадиный топот. Велико было удивление Генриха, когда он разглядел, что всадники находились не на этом, а на другом берегу пропасти.

Не успел Генрих прийти в себя от изумления, как

всадники поравнялись с ним и остановились. Их разделял овраг в сто саженей ширины; туман был настолько редок, что не мешал им видеть друг друга. Всадников было около ста; по длинным пикам, по убранным перьями гбловам, по полуобнаженным фигурам легко было узнать индейцев.

Генрих не стал их разглядывать; со всех ног он бросился предупредить своих. Всадники двинулись в ту же сторону. Генрих застал охотников в большом переполохе, они седлали лошадей. Сэгин с несколькими помощниками подъехал к краю обрыва и осматривал противоположный берег. Об отступлении нечего было и думать: их уже увидели с той стороны н, благодаря наступившему расцвету, узнали численность и силу их.

Хотя оба отряда были друг от друга на расстоянии не более ста саженей, пропасть разделяла их, и нужно было проехать по крайней мере двадцать миль для того, чтобы встретиться.

По этим соображениям Сэгин решил оставаться у ручья до тех пор, пока не обнаружится, какие индейцы явились и с какой целью. Индейцы тоже остановились и расположились на привал прямо против бивуака охотников. Очевидно, и они ждали света, чтобы узнать, кто их противники. Удивленные непредвиденной встречей, индейцы громко кричали и жестикулировали с большим одушевлением.

Наконец совсем рассвело. Индейцы увидели одежды, обоз и узнали охотников за скальпами. Дикая, торжествующий крик навагоев пронесся над пропастью.

— Это отряд Дакомы! — кричал один охотник. — Они, вероятно, заблудились.

— Нет, — возразил другой, — не может быть: отряд Дакомы не так мал.

— Ну вот еще, это они самые; а что мало их, так половина, верно, утонула при наводнении.

— Да как же они могли потерять такой заметный след, как наш?

— Это отряд главного вождя навагоев, — сказал Рубе. — Смотрите, вот он и сам, старый негодяй, на пегой лошади.

— Ты думаешь, Рубе, что это они? — спросил Сэгин.

— Наверное.

— Но где же другая часть войска? Они не все тут.

— Да, но я уже слышу их приближение. Посмотрите, что за туча надвигается.

Из тумана, действительно, выплывала целая масса черных всадников; они громко кричали, как будто гнали целое стадо. И правда: в середине было огромное стадо лошадей, рогатого скота и овец, и своими длинными пиками индейцы заставляли их двигаться вперед.

— Вот так добыча! — воскликнул один из охотников. — Молодцы, совершили удачный поход, не то что мы — возвращаемся с пустыми руками.

Генрих поджидал своего Моро, которого седлал Годэ. Влюбившись в седло, он устремил взоры на индейцев, — не на их богатую добычу: все его внимание было поглощено той кучкой, по-видимому пленных женщин, которая двигалась на лошадях под конвоем нескольких индейцев. Сердце его забилося; он думал о Зое, но дальность расстояния не давала возможности разглядеть лиц. Генрих обернулся к Сэгину. Глаза капитана были прикованы к подзорной трубе. Вдруг он вздрогнул, лицо его побледнело, потом потемнело, труба выпала из рук, и он с воплем, обессиленный, опустился на землю.

— Боже мой, Боже мой! Еще удар судьбы!

Генрих бросился к капитану, но, увидя его на руках Эль-Соля и доктора, поспешно поднял трубу и направил ее на стан индейцев. Прежде всего он увидел на другом берегу своего Альпа; собака радостно лаяла, узнав своего хозяина. Альп, которого Генрих поручил Зое, — здесь; нет сомнения, что и Зоя в числе пленных!

Генрих не замедлил убедиться в этом; он увидел ее собственными глазами. Она была бледна, с заплаканными глазами; ее прелестные светлые косы рассыпались по платью. И госпожа Сэгин была тоже в числе пленных, только в другой группе. Конвой с пленными и добычей присоединился к главному отряду. По-прежнему охотники и индейцы стояли друг против друга по разным сторонам разделявшей их пропасти.

Странное совпадение: две враждующие армии, каждая из них возвращается после нападения и грабежа в неприятельской стране с добычей и жертвами, захваченными в плен. Враги стояли друг от друга на расстоянии немногим более ружейного выстрела и все-таки схватиться не могли. Для этого надо было той или другой стороне совершить утомительный переход в несколько дней. И те и другие в пленных на противоположной стороне узнавали близких сердцу жен и дочерей.

Враги бросали свирепые взоры, дышавшие мстостью. Если бы они могли броситься друг на друга, то это был

бы страшный, смертный бой. Казалось, само Провидение положило пропасть между ними.

Генрих в отчаянии придумал план и хотел сообщить его Сэгину. Тот понемногу приходил в себя от поразившего его удара. Охотники, узнав о новом несчастии своего начальника, окружили его и клялись все до одного умереть, но выручить из плена его жену и дочь. А Генрих шел именно с тем, чтобы предложить им все свое состояние, только бы добиться освобождения пленных, это оказалось излишним.

Сэгин был глубоко тронут преданностью своих товарищей. Одолев волнение, он призвал охотников на совет.

Во время этого совещания на другом берегу происходило то же самое. Индейцы окружили своего вождя и тоже совещались. Увидев в отряде охотников своих пленных, они пришли в ужас. Возвращаясь из счастливого похода с пленными и богатой добычей, они вдруг догадываются, что враги их, охотники за скальпами, в свою очередь побывали в их поселении, — стало быть, разграбили, сожгли жилища их и убили всех беззащитных женщин и детей. «Иначе враги поступить не могли», рассуждали они, вспоминая то опустошение, которое они сами произвели в поселении белых. Сверх того, перед индейцами стояло очень значительное войско; небольшой перевес индейцев в численности уравнивался преимуществом огнестрельного оружия белых. Итак беспокойство их равнялось беспокойству белых.

Между тем охотники решили, не вступая в сражение, предложить индейцам обмен пленных. Для этого был выкинут белый флаг и выведены пленники на показ на вагоям.

У Дакомы на голове был его блестящий шлем, «лицу тайн» нетрудно было узнать по ее драгоценным украшениям и тунике, убранный перьями.

Неистовый крик раздался по ту сторону обрыва. Индейские воины с негодованием и яростью потрясали своими пиками, некоторые выхватили из-за поясов скальпы и грозно махали ими в воздухе. Индейцы вообразили, что войско Дакомы все перебито и столица их разорена и уничтожена. В их диких криках слышались угроза и жажда мести. Вожди их тут же начали совещаться. Через несколько минут некоторые из совещавшихся поскакали к тому месту, где были белые пленные.

— Боже великий! — вскричал Генрих. — Они хотят их убить. Скорей белый флаг, скорей!

Прежде нежели успели выкинуть белый флаг, белые пленные были подведены к краю пропасти. Индейцы хотели и со своей стороны похвастаться добычей.

До сих пор пленные не могли признать своих в отряде белых. Загорелые лица, порванные в долгом и трудном походе платья делали их неузнаваемыми, да и расстояние, пока пленных не подвели к берегу, было настолько велико, что распознать дорожные черты было невозможно; но тут Зоя узнала своего отца и жениха; несчастная протянула к ним руки и, потрясенная, с воплем упала без чувств на землю. Госпожа Сэгин громко обещала мужу не падать духом и надеяться. И прочие пленные узнали своих близких, братьев и мужей, и умоляли их прийти скорей на помощь. Сцена была в высшей степени трогательная.

Сэгин взял, наконец, в руки белый флаг и высоко поднял его, охотники окружили его с опущенными ружьями. В стане индейцев произошло некоторое движение, затем один из главных вождей, красивой наружности, подошел к берегу с пикой в руке, на конце которой развевалась дубленая шкурка оленя молочно-белого цвета. Это служило ответом на поднятое знамя мира. Сэгин приказал своим охотникам молчать и, когда водворилась тишина, говорил громко по-индейски:

— Навагои! Вы знаете нас. Мы прошли всю вашу страну и побывали в вашей столице. Цель наша состояла в том, чтобы освободить белых, которых вы держали в неволе. Мы отыскали нескольких из них, но есть у вас такие, которых мы разыскать не могли. Для того, чтобы вы отдали нам этих остальных, мы взяли у вас заложников. Конечно, мы могли бы захватить гораздо больше, но мы этого не захотели. Вашего города мы не сожгли и не ризорили. Ваши жены и дочери остались целы и невредимы. За исключением вот этих, взятых в залог, всех остальных вы найдете в сохранности.

Одобрительный шепот пронесся в толпе индейцев. Они точно поздравляли друг друга с этим известием. Сэгин продолжал:

— Мы видим, что вы побывали в нашей стране и тоже схватили пленных. Но вы любите ваших родных, как и мы своих, поэтому-то и поднял я знамя мира. Мы можем измениться пленными. Это будет угодно Великому Духу, будет приятно вам и нам. Воины, я сказал и жду вашего ответа.

Вонны окружили своего вождя, и между ними поднял-

ся оживленный спор. Очевидно, голоса разделились на две партии, мнения были несогласны.

Сэгин понял, что в лагере есть партия молодых воинов, которая стоит за сражение, им хочется попытаться в бою. Глава этой молодежи — индеец, одетый гусаром, сын великого вождя, как пояснил Рубе. Если бы старый вождь не был заинтересован в благополучном исходе переговоров, то, без сомнения, увлекся бы требованиями воинственной молодежи и соображением, что навагоям стыдно возвращаться без пленных, но тут мнение старших, более зрелых людей, одержало верх, и индейский оратор сказал Сэгину:

— Навагои обсудили дело и согласны на размен пленных. Для того, чтобы все обошлось по правде, они предлагают выбрать с каждой стороны по двадцати воинов. Эти воины на виду у всех сложат с себя всякое оружие. Затем пускай они ведут пленных на конец оврага к старому руднику; там они переговоят и совершат обмен. Остальные воины с обеих сторон пусть остаются на местах до возвращения с разменными пленными. Тогда белые флаги опустятся, перемирие кончится, и оба лагеря будут свободны делать что хотят. Такова речь воинов.

Сэгин, прежде чем согласиться, задумался над сделанным ему предложением. Условия были как будто удобные, а между тем в самих выражениях было что-то подозрительное. В последней фразе сквозило намерение после размена отобрать уступленных пленников. Впрочем, Сэгин мало заботился об этом: он знал храбрость своих охотников и вполне на них надеялся. Требование, чтобы пленных свели на указанное место обезоруженные воины, казалось справедливым. Но Сэгин подозревал, что слово «безоружный» понимается индейцами не совсем точно, и потому шепотом приказал своим уйти в кусты и там незаметно под плащами спрятать ножи и револьверы, то же самое совершали индейцы на другом берегу пропасти, они припрятавали свои томагавки. И так как время было дорого, то Сэгин поспешил принять предложенные условия.

Как только он объявил свое согласие, двадцать индейцев, наперед избранных, вышли на поляну и побросали свои пики, луки, стрелы и колчаны. Конвой этот состоял из людей рослых и сильных. Сэгин сделал соответственный выбор: Эль-Соль, Гарей, Рубе, Санхес были в числе конвоя. Генрих сам захотел сопровождать капитана.

И они, подобно навагоям, вышли вперед и на глазах

у всех сложили свои карабины. Пленных и той и другой стороны посадили на лошадей. Королева и пять молодых мексиканских девушек были присоединены к пленным. Это была тактика Сэгина: он знал, что у него достаточно пленных для размена, не считая этих четырех белых девушек, но он сознавал, что если оставить сейчас «царицу тайн», то все переговоры не поведут ни к чему. Он решил приложить затем все свое дипломатическое искусство, чтобы добиться желаемого. В случае неудачи никогда не поздно прибегнуть к оружию.

Оба отряда двигались параллельно по берегам пропасти. Главные силы остались в наблюдательном положении, бросая время от времени друг на друга взгляды, полные ненависти и вражды. Но малейшее движение не могло остаться незамеченным: отряды стояли в открытой местности и не могли дать никакого подкрепления своим удалявшимся товарищам. Знамена мира развевались на обоих берегах, но воины держали лошадей оседланными и взнузданными, готовые скакать при первом подозрительном движении противника. Обе стороны с недоверием ждали, что будет.

Глава 19

БИТВА В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Заброшенный рудник находился в самом овраге; шахты, вероятно с большим трудом выдолбленные когда-то среди скал, походили на погребца или пещеры. Небольшой ручей протекал по дну оврага. По берегу ручья виднелись закоптелые хижины и другие постройки, наполовину развалившиеся. Вокруг них росли кактусы и другие колючие кусты. К руднику с обоих берегов шли вниз крутые тропинки, сходящиеся среди развалин.

Оба отряда остановились в виду хижин и обменялись сигналами. После коротких переговоров навагои предложили оставить пленных на береговых вершинах под охраной двух человек с каждой стороны. Остальные восемнадцать человек индейцев и столько же охотников должны сойти вниз к рудокопным постройкам, там выбрать место для совещаний, а перед началом их выкурить вместе «трубку мира». Это предложение Сэгину не улыбалось, он понимал, что в случае разрыва, битва и даже победа над восемнадцатью индейцами не принесет ему при таких ус-

ловиях никакой пользы. Прежде нежели охотники после победы успеют добраться до белых пленниц, два навагоя, к ним приставленные, угонят их назад, а то (страшно подумать!), пожалуй, и перебьют беззащитных женщин.

Сверх того он понимал, что церемония с «трубкой мира» есть только проволочка времени, желательная для индейцев и опасная для них. Всякую минуту мог подоспеть отряд Дакомы. Но неприятель настаивал на своих предложениях: пришлось уступить.

Охотники слезли с лошадей, спустились к ручью и там очутились лицом к лицу с навагоями. Несколько минут прошло в молчаливом рассматривании друг друга. Условие насчет «разоружения» было в одинаковой степени приведено в исполнение обеими сторонами: ручки томагавков у одних и пистолетов и ножей у других торчали самым невинным образом из-под плащей.

Наконец взаимный осмотр кончился, и приступили к делу. Тщетно искали удобного места, чтобы все могли усестя в кружок и приступить к «трубке мира».

Сэгин предложил устроиться в одной хижине, лучше других сохранившейся. Ее рассмотрели, это оказалась старая кухня-плавильня, разные принадлежности ее и сейчас валялись на полу. Хижина состояла из одной большой горницы, с очагом посредине, на котором лежали уголья, остывшие много лет тому назад. Двое затопили очаг, остальные уселись на камнях и на полу вокруг очага.

Генрих, опускаясь на землю, услышал визг и обернулся: к нему на грудь радостно бросился Альп, изъявлениям восторга не предвиделось конца. Но вот, наконец, все уселись в два полукруга.

Тяжелая дверь еще висела на заржавленных петлях, окон в хижине не было, и для света дверь была оставлена отворенной. На очаге запылал огонь, и трубка, закуренная крайним навагоем, стала медленно переходить от одного к другому. Сэгин заметил, что навагои вместо того, чтобы пыхнуть раза два из трубки, курили долго, помногу и вообще тянули время. Когда очередь курить дошла до охотников, трубка быстро пошла из рук в руки. Предварительный, так называемый «обряд миролюбия» был кончен, начались переговоры.

С первых же слов капитан почуял опасность. Навагои, молодые в особенности, приняли какой-то вызывающий тон, которого охотники не могли терпеливо выносить, они не вынесли бы его и одной минуты, если бы не

были проникнуты горестными обстоятельствами, в которых находился их предводитель. Из уважения к нему они хотя с трудом, но сдерживали себя, однако малейшая искра могла породить всеобщий пожар.

Первый вопрос, предложенный на разрешение, был — число пленных. У навагоев их было девятнадцать, у белых — двадцать один, не считая королевы и пяти мексиканок. Перевес был на стороне Сэгина, но индейцы не замедлили заявить претензию получить двух краснокожих и одну белую, объясняя это тем, что большая часть пленных, взятых в их поселении, почти дети. Сэгин объявил, что на такое бессмысленное требование он согласиться не может, но что, не желая удерживать у себя пленных, готов отдать за девятнадцать белых всех своих, числом двадцать один.

— Двадцать один! — вскричал молодой навагой. — Я насчитал их двадцать семь!

— Шесть из общего числа принадлежат нам, это — мексиканки.

— Шесть белых! — вскричал индеец. — Их там было только пять. Где же шестая? Может наша королева? У нее белое лицо, и капитан по ошибке принял ее за бледнолицую.

— Ха-ха-ха, — раздался смех навагоев, — нашу королеву принять за бледнолицую. Вот так новости!

— Ваша королева, если вы ее так хотите называть, — сказал Сэгин, — моя дочь.

— Как бы не так! — захохотали презрительно индейцы.

— Да, она моя дочь, — возразил Сэгин громким и трогнувшим от волнения голосом.

— Не может этого быть, — ответил тогда один из индейцев. — Твоя дочь находится в числе наших пленных, мы знаем. Она бела, как снег горных вершин, волосы ее золотистого цвета, как браслеты на руках. А у нашей королевы черные волосы и темное лицо. Среди нашего племени есть много женщин с такой же белой кожей, как у нее, а главное, волосы-то у нее черны, как вороново крыло. У нас дети одной семьи всегда похожи между собой. И думаю, то же самое бывает и у белых. Если наша королева, как ты говоришь, твоя дочь, то девушка, находящаяся у нас в плену, тебе не дочь. Ты не можешь быть отцом их обеих, — так мало они друг на друга похожи. Но будет толковать об этом. Королева — нашего племени. Это дитя Монтесумы, королева навагоев.

— Королева должна быть нам возвращена, она — наша, мы ее требуем!

Тщетно Сэгин выставлял свои отцовские права, тщетно объяснял им время и подробности похищения его ребенка, — навагои упорно продолжали кричать:

— Это наша королева, отдай ее нам!

С трогательным и убедительным красноречием Сэгин стал объяснять старому вождю, дочь которого находилась в одинаковом с Аделью положении, свои права на найденную дочь; молодые воины отвечали на его горячую речь насмешками. Один прямо сказал: «Белый вождь бредит». Индейцы заявили, что не согласны ни на какие условия обмена, если им не будет возвращена королева. Ясно было, что суеверные индейцы придавали какое-то таинственное значение обладанию королевой. Даже между нею и Дакомой выбор был у них заранее решен. Требование свое они предъявляли в такой дерзкой форме, что охотники чуяли приближение роковой развязки. Карабинов налицо не было, а их только и боялись краснокожие. При нынешних условиях сражения они не сомневались в победе.

Да и охотники со своей стороны горели нетерпением схватиться в рукопашную: они тоже были уверены в успехе и ждали только знака своего командира. Сэгин повернулся к ним, но, против их ожидания, с убеждением вооружиться хладнокровием и терпением. Затем, закрыв лицо руками, погрузился в размышление.

— Братья, — сказал наконец Сэгин после некоторого молчания, — вы отказываетесь верить, что я отец вашей королевы. Две из ваших пленниц — ее мать и сестра. Если вы искренни в своих уверениях, то не можете не принять моего предложения. Приведите этих двух пленниц, и я прикажу привести молодую королеву. Если она не признает своей матери и сестры, то вольна будет вернуться к навагоям.

Охотники были изумлены, услышав речь капитана; ведь они все были свидетелями того, как все усилия Сэгина заставить узнать себя разбивались о холодную отчужденность дочери, и потому не понимали, на что рассчитывает он, предлагая такой опыт.

Генрих после некоторого размышления понял, что Сэгина на эту меру могли подвигнуть лишь горькие, хотя и основательные соображения. Очевидно, он понял, что возвращение королевы — такое неизменное условие, без которого никакой размен состояться не может, иначе

жена и дочь его будут уведены в плен, где их ожидает страшная участь, тогда как королеву ожидает восторженной встрече со стороны навагоев. Он жертвовал одной или спасения двух.

Да, но у Сэгина, сверх того, была и другая тайная мысль. Он надеялся, что раз жена и Зоя будут подле исто, достаточно минутной свалки, чтобы завладеть дорожными пленницами, может быть, даже не отдавая Адели, — попытка рискованная, вызванная безвыходностью положения. Сэгин не замедлил сообщить этот план своим товарищам, внушая им прежде всего благоразумие и хладнокровие.

Индейцы, выслушав предложение, отошли в глубь хижины для совещания. По выражению их лиц видно было, что они не прочь принять его. Они еще раньше знаками переговаривались с королевой, стоявшей на берегу, должно быть, она сообщила им об ожидаемом прибытии отряда Дакомы. Чтобы выиграть время, лукавые навагон целый час употребили на совещание, и наконец объявили, что принимают предложение.

С каждой стороны отрядили по два человека за пленницами. Когда их привели, произошло трогательное свидание между Сэгином и его семьей, но радостные крики матери, нашедшей наконец свою давно потерянную дочь, не нашли отклика в сердце Адели. Молодая королева оставалась безучастной и только с удивлением смотрела на объятия, слезы и ласки этой белой женщины, называвшей ее дочерью. Зоя, между тем, обнимала отца, а жених поцелуями и слезами покрывал протянутую ему руку.

Индейцы торжествовали, — они были настолько жестоки, что не дали продлиться радостному свиданию и ответили пленным назад. Переговоры возобновились.

Индейцы настаивали на своем: они соглашались разменять взрослых женщин одну на одну, за Дакому давали двух, а за остальных несовершеннолетних индейцев давали по одной белой за двоих. Таким образом охотники могли выкупить своих только двенадцать.

Видя, что индейцы решились не уступать, Сэгин, изменил свое согласие, требуя только, чтобы ему был предоставлен выбор освобождаемых пленниц. Это вполне естественное требование было также отвергнуто. С этой минуты не оставалось сомнения в исходе затянувшихся переговоров.

Воздух был, можно сказать, переполнен электричеством. Индейцы смотрели на охотников с насмешкой и пре-

зрением. Они торжествовали, убежденные в своем превосходстве. Охотники со своей стороны дрожали от негодования и злобы. Еще никогда им не приходилось играть такой унижительной роли перед индейцами; они привыкли считать их во всем ниже себя,— тем чувствительнее была для них настоящая обида. Охотники испытывали нечто похожее на то, что испытывает начальник в виду возмущившегося подчиненного: удивление, обиду, негодование. Выражение лиц выдавало их внутреннее состояние: побелевшие губы, стиснутые зубы, воспаленные глаза, готовые, казалось, выскочить из орбит. Они сжимали под плащами рукоятки своего оружия и ходили скорее на пантер, присевших для того, чтобы сильнее и ловче прыгнуть. Настала минута тяжелого зловещего молчания — предвестник бури. Вдруг раздался крик, это был голос белоголового орла.

Охотники не обратили бы на этот крик особенного внимания (орлы довольно обыкновенны в этих местах), но они заметили, что крик этот произвел особое впечатление на индейцев.

Что это? Уж не сигнал ли? Крик повторился, и хотя он был поразительно похож на крик орла, охотники почувствовали беспокойство.

Молодой вождь, одетый гусаром, встал. Он был самый несговорчивый из всех. Сэгин слышал от Рубе, что это — человек, хотя и не заслуживающий уважения, но пользующийся большим влиянием среди индейцев.

— Почему,— спросил он,— вождь бледнолицых хочет сам выбирать освобождаемых пленниц? Уж не собирается ли он взять молодую девушку с золотыми волосами?

Сэгин молчал, пораженный этой дерзостью, и ждал, до чего дойдет, наконец, наглость молодого индейца.

— Если бледный вождь думает, что наша королева его дочь, то отчего сестре не остаться при ней у нас?

Опять последовало молчание. Сэгин был нем по-прежнему.

— Отчего золотоволосой девушке не остаться среди нас? Я хочу взять ее себе в жены, а ведь я — вождь у навагов, потомок Монтесумы, сын короля.

Дикий с гордостью обвел всех глазами, перечисляя свои титулы. Генрих взглянул на Сэгина: у того глаза горели зловещим блеском, который предшествовал у него обыкновенно взрыву гнева, жилы на шее вздулись, вся фигура, казалось, выросла. Приближался кризис. В это вре-

ми вновь раздался крик орла, и в нем молодой индеец как бы почерпнул новый прилив наглости.

- А что такое эта девушка, которую я хочу сделать своей женой? Дочь ничтожного человека, которого и своито не слишком уважают. Но она мне нравится, и сегодня и повезу ее в землю навагоев и...

Окончить фразу ему не было суждено: пуля Сэгина ударила ему в лоб. Индеец упал с кровавым кружком на лбу и синевой от пороха вокруг. Индейцы и охотники вскочили моментально. Из каждой груди раздался крик, призыв к мщению. Еще минута, и произошла общая ссалка.

Стоны, проклятия раздавались в хижине. Слышались удары, наносимые по чем попало, и затем тяжелое падение смертельно раненых. Остававшиеся в живых задыхались от порохового дыма.

С самого начала сражения Генрих, вооруженный револьвером, выстрелил в близ стоявшего индейца и затем уже почти не целясь выпустил остальные заряды. Заткнув револьвер за пояс, он бросился к двери, но дверь перед ним захлопнулась; он обернулся и очутился лицом к лицу с индейцем, у которого в руке был поднятый томагавк.

Генрих бросился на него, но не успел выхватить своего ножа, как уже почувствовал прикосновение к плечу холодного железа. Рана была легкая; противники схватились, и между ними завязалась рукопашная. Оружием они действовать не могли и только барахтались, поднимались, вновь падали и при одном из таких падений толкнули полуразрушенную стену, которая, не выдержав удара, рухнула. Сражавшиеся очутились на открытом месте.

В момент этого падения Генриху наконец удалось выхватить свой нож, но действовать им он не мог, так как руку его держала рука индейца. Оба упали, индеец, очутившийся внизу, вдруг захрипел, руки, сжимавшие Генриха, стали ослабевать, глаза закрылись, он был мертв. Генрих не сразу понял, как это случилось. Оказалось, что индеец упал прямо на его нож, всей тяжестью навалился на него и от этого умер.

Первая мысль Генриха после освобождения от врага была — бежать на помощь Зое. Между тем, вследствие падения стены, крыша рухнула прямо на огонь, и скоро вся хижина была охвачена пламенем. Материал был настолько горюч, что хижина занялась как коробка спичек. Среди огня и удушливого дыма продолжалась ожесточенная борьба.

Генрих не стал рассматривать сражающихся: он искал Зою и госпожу Сэгин. Вдруг он увидел на подъеме горы развевавшиеся платья женщин, которые в сопровождении двух индейцев удалялись к лагерю навагоев. Он узнал их. Генрих бросился было на выручку к ним, но в это время на горе появился отряд из 50 индейцев для сопровождения пленниц. Сделать какую-либо попытку при таких условиях было бы непросчительным безрассудством.

Генрих бросился назад, туда, где находились лошади и пленные навагои. Когда он переходил через ров, подле него просвистали две пули. Он взглянул наверх и увидел охотников, летевших галопом от массы преследовавших их конных индейцев. Это был отряд Дакомы. Не зная, на что решиться, Генрих спрятался за куст кактуса и стал наблюдать.

Достигнув построек, охотники миновали их и продолжали свое бегство, отстреливаясь на ходу. Большая часть индейцев последовала за ними; другие остановились около пожарища и стали шарить вокруг. Генрих пополз вперед, нашел выход в ккуаю-то подземную галерею и там притаился.

Вероятно, во время подземных работ тут была заложена шахта, ее провели на несколько сажень, потом признали неудобною и бросили. Генрих добрался до глухой стены, откуда, усевшись на земле, мог в отверстие наблюдать за клочком равнины, видневшимся из щели. Не успел он успокоиться, как увидал две человеческие фигуры, ползком пробиравшиеся к тому же месту.

За ними показалось с полдюжины индейцев, они шарили в кустах и, видимо, искали скрывшихся от них бледнолицых. В преследуемых Генрих признал Годэ и Рихтера. Они были уже почти вне опасности, как на беду свою доктор ощупал под рукою какую-то ящерицу, приподнял ее, стал рассматривать и, видя в этой находке нечто новое для натуралиста, стал прятать ее в свою сумку. Но миру не суждено было воспользоваться открытием самоотверженного ученого: подскакавшие индейцы пиками уложили обоих беглецов с их ящерицей. Генриху пришлось оплакивать добрейшего доктора и веселого канадца, своего верного слугу.

Бедный, бедный Рихтер! С головы его слетела докторская шапочка, и кровавое скальпирование было наградой за верную службу науке. Другой навагой стоял на коленях подле лежавшего Годэ с ножом в руке; он долго любовался завитыми кудрями бледнолицего и вперед восхи-

щался эффектом, какой произведет его великолепное украшение на его боевом поясе. Дикарю хотелось, очевидно, сохранить в целости этот скальп, не потеряв из него ни одного волоса, поэтому он очертил по воздуху широкий круг ножом, затем одной рукой схватил за волосы, а другой... но прежде чем нож дотронулся до кожи, к великому изумлению и испугу его, скальп снялся без всякого усилия и без капли крови; в руках его остался парик, а голова Годэ блеснула перед ним голая и гладкая, как мрамор.

Индеец испустил крик ужаса и, выронив из рук парик, откинулся назад и упал на труп доктора. На крик этот сбежались индейцы и по очереди стали рассматривать это никогда не виданное чудо.

Один из них, более храбрый, взял в руки парик, и все с любопытством стали его рассматривать. Один за другим они подходили, трогали голый череп Годэ и удивлялись. Затем храбрец скинул свой головной убор из перьев, надел парик задом наперед и пошел, гордо подбоченясь, нисколько не смущаясь тем, что кудри парика падали ему на нос.

Но Генриху было не до смеха; он был подавлен картиной смерти двух близких людей. Думалось ему: жив ли Сэгин? Что с Зоей? Уведут ее в плен и сделают рабой какого-нибудь жестокого дикаря!.. Наконец, его собственное положение было не менее ужасно: не предвиделось выхода из него. Впрочем, если он и дорожил жизнью, то только для того, чтобы спасти Зою. О, если ему удастся выбраться на свободу, он употребит все свои силы и средства для достижения этой цели; он организует отряд и не покинет дела, пока не выручит Зою, в любовь ее он свято верит.

Несчастный Сэгин! Теперь Генриху стало понятным, как человек может сделаться охотником за скальпами; он чувствовал, как в душе его закипала ненависть против индейцев.

Все эти мысли молнией пронеслись в голове Генриха. Он стал оглядывать свое убежище, желая убедиться в том, насколько оно безопасно. Ведь индейцам могло придти в голову пошарить и в шахтах. Оглядев пещеру, Генрих увидел в глубине две светящиеся точки. Точки эти блеснули не мигая; сомнения не было — это была пара глаз! Генрих не мог оторваться от них. Он не раз слышал, что дикого зверя можно зачаровать устремленным на него пристальным взором; он должен был испро-

боять теперь силу своих глаз и не мигая вперил их в неведомого зверя. Думая об обороне, он пришел к тому заключению, что нож не много поможет ему в борьбе, лучше зарядить револьвер.

Не отрывая глаз от неведомого врага, он нащупал пороховницу и зарядил пистолет. В то время, как он, насаживая пистон, произвел едва заметный стук пистолетного курка, глаза дикого зверя мигнули, дрогнули, — он, конечно, собирался броситься. С быстротою молнии Генрих поднял револьвер, но прежде чем успел выстрелить, услышал человеческий голос:

— Погодите, черт возьми! А ведь я думал, что против меня сидит каналья-индеец. Кто вы? Биль Гарей? Нет?

— Нет, — сказал Генрих, — я не Биль Гарей.

— Да, Биль узнал бы меня раньше, он узнал бы Младенца по глазам, а старик узнал бы, в свою очередь, Биля. Боюсь, что бедного Гарей уж и на свете нет! Ах, проклятая история! Вот что значит очутиться без ружья! С моим карабином мне не пришлось бы прятаться в этой яме, как какому-нибудь трусливому зверю. Да, пропал мой чудный карабин, пропала и моя бедная кобыла. И я безоружен и беззащитен. Проклятая судьба... Вы молодой друг капитана?

— Да.

— Я не видал, как вы вошли сюда, а то, конечно, заговорил бы раньше. Я ранен в руку и, должно быть, осматривал рану в то время, как вы вошли. За кого же вы меня приняли, что хотели стрелять?

— Да по меньшей мере за бурого медведя.

— Ха-ха-ха! вот так штука! Ну, если я увижусь с Гареем, посмеется он над тем, как старого Рубе приняли за бурого медведя... Ха-ха-ха!

И старый зверолов так искренне засмеялся, как будто он был в веселом обществе, за тысячу верст от всякой опасности.

Глава 20

ПРАЗДНЕСТВА

Зверолов уселся рядом с Генрихом, чтобы разговаривать потише и вместе наблюдать за тем, что происходит снаружи. Новая толпа индейцев остановилась у трупов, как прежние, они с недоумением разглядывали полиро-

ванный череп лысого Годэ. Генрих сообщил Рубе свои опасения, как бы не открыли их убежища.

— Мало вероятно,— шепнул Рубе в ответ.— Не станут же они осматривать все шахты, ведь их по обеим сторонам наберется до сотни. Почти все наши попрятались в них. Я скорее думаю, что индейцы бросятся в другую сторону... Батюшки, собака бежит! Ах, проклятая, ведь она нас выдаст!

Генриху сообщили ужас старого зверолова; он видел, как Альп бегал по оврагу, обнюхивая и отыскивая след своего хозяина. Почувяв его, наконец, он наткнулся дорогой на трупы убитых, на минуту остановился перед ними, потом одним прыжком очутился в пещере и бросился к своему господину. Раздавшийся в то же время радостный крик индейцев возвестил несчастным узникам, что убежище их открыто. Напрасно Рубе отгонял и отталкивал Альпа ногой: выгнанный из пещеры, он стал жалобно выть у входа, а там уже собралась кучка навагоев, заслонившая собою свет и громко шумевшая.

— Вот когда надо пустить в дело револьвер,— сказал Рубе: — заряжайте скорее его на шесть выстрелов.

— Успею ли? — спросил Генрих.

— Успеете! Они сейчас пойдут в шалаш за светом. Готовьтесь же ухлопать побольше.

Едва Генрих кончил заряжать, как у входа появился индеец с горящей головней, которую он собирался бросить в пещеру, чтобы осветить ее.

Генрих выстрелил: индеец упал мертвый на головню. Раздался яростный крик индейцев; они отскочили от входа.

Немного спустя протянулись чьи-то руки и оттащили труп от пещеры, а еще через несколько времени индейцы натащили хворосту, разложили костер у входа в пещеру и зажгли.

Острый удушливый дым под напором наружного воздуха стал наполнять пещеру. Генрих почти задыхался, когда Рубе сказал:

— Теперь пора, вперед!..

С храбростью отчаяния Генрих бросился вперед, выстрелил раз, другой... Вокруг него мелькнули томагавки, ножи... еще выстрел и...

Когда он пришел в себя, то лежал распростертым на земле.

Альп лизал ему лицо. Обморок был непродолжитель-

ний, индейцы стояли тут же вокруг и горячо разговаривали между собой, жестикулируя. Один из них оттолкнул других, стоявших подле. Это был Дакома.

Сильная боль в голове беспокоила Генриха. Он испугался, уж не содрали ли с него скальп; ощупал волосы, и убедился, что ранен в голову ударом томагавка.

Рана была неопасная. Он вспомнил о товарище, стал оглядываться по сторонам, но нигде не видел Рубе. Неужели тому удалось бежать?

Генриху не дали долго задумываться по этому поводу. Двое индейцев взяли его, подвели к обгорелому шалашу и связали руки и ноги. Тут же находилось еще несколько охотников, тоже связанных. Между ними были: Санхес — бывший наездник, Барней — ирландец с рыжими волосами, и еще трое, которых Генрих не знал по именам. Все эти пленные сидели и стояли перед шалашом, откуда индейцы выбирали трупы своих и белых. Между последними Генрих со страхом ждал увидеть Сэгина; к счастью, его тут не было. Вокруг обгорелых трупов индейцы во все горло вопили и грозили мщением бледнолицым.

После этой церемонии они усадили или, лучше сказать, положили пленных на мулов таким образом: ноги их связали на груди мула, руки под брюхом, подбородок упирался в круп, — положение крайне неудобное. Мулы, не привыкшие к такого рода всадникам, ржали и брыкались, что причиняло новое страдание привязанным пленникам и доставляло большую радость диким мучителям.

Назагон разделились на два отряда и пошли по разным сторонам оврага. Один отряд повел пленных мексиканок и детей своего племени; другой, под командой Дакомы, взял Генриха и других охотников. Все двинулись в одном направлении — на запад, через степь.

После четырех суток пути и четырех суток мучений для связанных пленников, они пришли в долину навагосв. Пленницы, приведенные первым отрядом, уже были тут, награбленный скот пасся врассыпную по равнине.

Толпа женщин и детей вышла навстречу своим воинам. Народу было много, вероятно, и соседние племена пришли для торжественной встречи победителей.

Между женщинами Генрих заметил многих испанского типа. Это были пленницы, повышедшие замуж за индейцев или взятые в плен детьми, которые забыли свой народ и свой язык, как это случилось со старшей дочерью

Сэгина. И эти женщины принимали участие в общей радости.

Пленных провели по улицам и вывели из города на запад, все время их преследовали насмешки и ругательства. Остановились на берегу реки, саженях в тридцати от домов.

Тщетно Генрих оглядывался по сторонам, ища пленниц,— он не видел ни одной. Где же они могли быть? Вероятно, в храме. Храм находился на другом конце селения, за домами, не было никакой возможности увидеть Зою и госпожу Сэгин!

Наконец развязали пленных, положили их на землю, привязав руки и ноги к воткнутым кольям, уложили попарно так, что голова одного приходилась в коленях другого. Никакого движения ни рукой ни ногой сделать нельзя было, можно было только ворочать головой и видеть впереди себя и в обе стороны.

С Генрихом в паре был рыжий Барней. Как только уложили пленных, их тотчас окружили женщины и с пением и смехом стали плясать вокруг них. Особенное внимание обращала на себя пара Генриха. Долго не мог он объяснить себе этого предпочтения. Оказалось, что ирландец потерял свою шапочку, и его золотистые огненные волосы привлекли внимание веселой толпы.

Пленные очень хорошо понимали, что если их не убили там, где взяли, в овраге, то единственно с целью помучить и принести в жертву своему богу Кветцалькольту, тем более, что индейцы никогда не оставляли в живых пленных воинов. Рубе был редким исключением.

— Это бог огня у них,— объявил Санхес,— большой любитель человеческого мяса, в особенности жареного, как полагают его поклонники. Вот посмотрите; воины уже начали раскрашивать свои тела и вообще приводить в порядок свой туалет: «Маманчи» вероятно скоро начнется. Я не любопытен, но за недостатком развлечений хотел бы посмотреть и на это. Негодяи могли бы нас хоть этим потешить.

Желание Санхеса исполнилось: индейцы, видимо, задались мыслью показать пленным племя навагоев во всем блеске и славе. Их отвели на площадь прямо перед храмом, оставили связанными, но ремни отпустили настолько, чтобы можно было сесть. Облегчение это было им, конечно, дороже, чем ожидаемое зрелище.

Танец исполнялся, как предсказал Санхес, одними женщинами. Вереница молодых девушек в ярких

платьях, с венками цветов на голове, двигалась по кругу и выделывала разные фигуры. На возвышении стояли: один молодой воин и молодая девушка, изображавшие собою короля Монтесуму и королеву. Вокруг них-то и ходил и кружился хоровод с плясками и песнями.

Кончилось дело тем, что все, принимавшие участие в пении и пляске, полукругом пали ниц перед тронем, на котором восседали Дакома и Адель. Царица тайн казалась грустной; быть может, в душу ее закралось сожаление об отце, которого она оттолкнула и который вырвал было ее из власти ненавистного вождя, а может быть, она вспомнила старого жреца, убитого на ее глазах.

Большую часть следующей ночи дикари пировали. Пленным дали очень скромную порцию, чтобы только утолить голод. Они мучились жаждою: часовые были слишком ленивы и бесчеловечны, не хотели принести им воды, хотя река протекала тут же.

Праздник возобновился с утренней зарей. Громадные куски мяса жарились над кострами. Пленных вывели на зрелище и на этот раз поместили несколько ближе к храму.

Генрих едва взглянул на карусели индейцев. Там происходили состязания в умении владеть оружием и ездить на коне. Дикари скакали галопом, стоя на лошади на одной ноге, и при этом пускали стрелы в намеченную цель. Другие на бешеном скаку двух лошадей прыгали с одной на другую. Наконец, показывали ловкость в бросании лассо. Затем происходили бои всадников, где один старался выбить другого из седла,— нечто похожее на турниры средневековых рыцарей. В сущности это было интересное зрелище — цирк среди пустыни.

Санхес глядел с большим удовольствием, чем Генрих, на эти упражнения. Вдруг лицо его оживилось, и он обратился к одному из часовых на навагойском наречии:

— Скажи своим воинам, что я умею такие штуки делать, каких не сможет и самый искусный из ваших наездников, и что я могу их научить, как надо выезжать лошадей.

Дикарь передал слова пленного вождям. Тотчас несколько навагоев, из тех, что принимали участие в состязании, подошли к Санхесу.

— Ты,— сказали они,— жалкий белый невольник, думаешь тягаться с воинами-навагоями?

— А ну, скажите: умеет кто-нибудь из вас проехаться на лошади, стоя на голове? — спросил Санхес, не смущаясь.

— На голове? Как это...

— Да, стоя на голове, когда лошадь скачет галопом.

— Ни ты, ни кто другой этого не может. Мы — лучшие наездники в округе — и то не можем этого сделать.

— А я могу! — торжествующим тоном заявил Санхес.

— Врет он! хвастается! сумасшедший! — раздалось в толпе индейцев.

— Пускай попробует, покажет,— сказал один из вождей.— Бояться нечего, от нас не убежит.

— Дайте мне мою лошадь, и вы увидите мое искусство. Стоит посмотреть.

— Которая твоя лошадь?

— Вон тот мустанг в яблоках, там на лугу. Дайте мне место и увидите.

Глядя в указанном направлении, Генрих среди пасшихся лошадей узнал и своего Моро.

Индейцы после короткого совещания решили исполнить просьбу пленного. Ведь и в самом деле нечего опасаться, что он ускользнет. Любая индейская лошадь догонит этого мустанга в яблоках; к тому же у всех выходов из долины стоят часовые, так что вся равнина, строго говоря, одна тюрьма.

Санхес, освобожденный от ремней, стал делать свои приготовления. Он крепко привязал буйволовую кожу на спину мустанга, затем повел его под уздцы и заставил сделать несколько кругов по одному и тому же следу. Когда лошадь освоилась с местом, наездник выпустил повод и как-то особенно гикнул. Мустанг тотчас пустился вскачь и ровным коротким галопом проскакал несколько раз по намеченному кругу. После двух или трех кругов Санхес вспрыгнул на лошадь и, встав на голову, держась руками, проехал таким образом перед индейцами.

Навагон впервые видели такую штуку, восторгу их не было конца. Они заставляли повторять фокус до тех пор, пока лошадь не покрылась пеной, а Санхес не покраснел как петух.

Несмотря на усталость, он не прежде сошел с арены,

как показав индейцам все свое искусство, и удивил их шлоше.

По окончании карусели пленников опять отвели к реке. Санхеса между ними уже не было. Его искусство спасло ему жизнь. Навагон возвели его в сан учителя верховой езды, но запретили ему водиться с другими пленными. Прощаясь и пожимая им руки, Санхес сказал:

— Бедные друзья! завтрашний день страшит меня за нас. Постараюсь придумать что-нибудь для вашего спасения. Не унывайте, соображайте и взвешивайте обстоятельства. Ах, только бы нам выиграть время!

И бравый наездник, уходя от них, пытливо смотрел на окружающие горы и леса, как бы отыскивая в них точку, откуда могла явиться помощь несчастным пленным.

Глава 21

БИТВА НА КРАЮ ПРОПАСТИ

На следующее утро, перед солнечным восходом, навагон отправились в лес, нарезали там прутьев и, возвратясь, стали наряжаться к празднику. Часовые отвели пленных к храму. На этот раз несчастный Генрих мог видеть свою Зою довольно близко. Бедная девушка с террасы протягивала к нему руки и, как бы потеряв представление о расстоянии, готова была ринуться к нему вниз; руки подруг удерживали ее на месте.

Зоя узнала своего жениха, несмотря на пороховую копоть, покрывавшую его лицо, на всклокоченные волосы, на грязь и кровь, которыми была запачкана его одежда. Волнение обоих выразилось в воплях и неудержимых порывах друг к другу. Несмотря на связывавшие его веревки, Генрих два раза вставал на ноги и пытался бежать к храму, но оба раза падал. В отчаянии, сознавая свое бессилие, он лежал распростертый на земле и видел, как Зоя упала, наконец, без чувств на руки своей матери.

Сам Генрих тоже потерял сознание на некоторое время, по крайней мере, он не понимал того, что происходило вокруг, все чувства и ощущения притупились, как бы замерли в нем. Когда, наконец, он пришел в себя, все приготовления к жестокой забаве были сделаны. Индейцы

встали в два ряда друг против друга, образовав живую аллею на протяжении нескольких сот метров; ширина аллеи была три шага; каждый индеец был вооружен прутом. Пленные должны были пробежать по этой аллее под градом ударов. Тому, кто пробежит через всю аллею и благополучно достигнет горы, было обещано помилование.

Генрих решил, что будет защищать свою жизнь до последней крайности. Не раз за эти дни, когда он обдумывал план бегства, ему вспоминалось то время, когда он так тяготился своей ни для кого не нужной жизнью, так искренне желал умереть, вспоминался Севрэн, вырвавший его из этой мрачной апатии. Да, тогда было совсем другое: он был один, теперь не то. Ценою всевозможных страданий и усилий он хотел жить во что бы то ни стало, чтобы свидеться с Севрэном и Сэгином, чтобы общими силами потрудиться для освобождения дорогих пленниц и теперешних своих товарищей по несчастью. В душе его теперь было столько новых чувств, новых привязанностей, жажда жизни пробудилась в нем. Он весь погрузился в мысли о побеге. Успех Санхеса подал и ему некоторую надежду. Но прежде всего надо было раздобыть оружие. Он был очень искусен на бегу и мог бы спастись даже безоружный, благодаря одной быстроте своих ног. Но что если между навагоями найдется такой же быстроногий? Чем оборониться? Его могут убить, это он знает, но такую скорую смерть он предпочитает тем мучениям, которые ожидают его завтра. Итак, с оружием или без него, он решил попытать счастья, хотя бы за эту попытку пришлось заплатить жизнью.

Барнея развязали, он должен был бежать первым. На том месте, откуда начинался бег, стояла кучка навагоев. Старики, дети, больные, — все пришли, чтобы насладиться зрелищем.

И уж, конечно, никому из присутствовавших краснокожих не приходило в голову, что один из пленных замысливает в эту минуту бегство, — бегство с равнины, покрытой сотнями людей, где все входы и выходы заняты часовыми, где пасется стадо мустангов, готовое пуститься в погоню.

Бедняга Барней тронулся в путь. Он был плохой бегун, не дошел и до середины шеренги, как упал под ударами палок. Его, окровавленного и без чувств, вынесли под смех толпы. Второго, а за ним и третьего пленного постигла та же участь. Очередь была за Генрихом

Его развязывают. Он потягивается и разминает застывшие руки и ноги, собирается с силами, призывает всю свою энергию и бодрость для предстоящего дела. Сигнал подан. Индейцы становятся на места и потрясают своими палками в ожидании начала бега и начала истязаний.

Дакома все еще стоит позади Генриха.

Одним взглядом Генрих определяет расстояние, отделяющее его от Дакомы, отступает назад на несколько шагов, как бы для разбега и, поравнявшись с навагойским вождем, быстро оборачивается к нему, мгновенно вырывает у него томагавк из-за пояса и заносит его над головой Дакомы, но тот успевает уклониться от удара. Ударить во второй раз уже нет времени: Генрих как бешеный, бросается бежать... но не вдоль шеренги, где стоят в два ряда молодые воины, а в сторону стариков; те выхватывают ножи, чтобы преградить дорогу беглецу и уложить его на месте, но Генрих делает необыкновенно высокий прыжок через головы некоторых, других отталкивает в сторону и бежит,— бежит стремительно по равнине к лесу. Через минуту все летят уже за ним в погоню.

Генрих бежал по наперед избранному направлению, к тому месту, где паслись лошади. Пробежав милю, он обернулся: лучшие бегуны отстали и были шагов на триста позади, но Генрих к ужасу увидел, что некоторые уже садятся на лошадей. До табуна оставалась еще миля; если свистнуть, услышит ли его Моро на таком расстоянии? Генрих решился попробовать, он пронзительно свистнул и закричал:

— Моро! Моро!

И вот от стада уже отделяется какая-то лошадь — это Моро! — оглядывается в его сторону, весело ржет и как молния бросается к хозяину. Генрих вскакивает на него и без седла, без узды несется на своем арабском коне к западной окраине долины. За ним раздаются крики и проклятия индейцев. Генрих оглядывается, видит десяток скачущих всадников, но теперь он не боится их: он слишком хорошо знает превосходство своего Моро. И когда Генрих, проскакав двенадцать миль по долине, добрался до горного хребта, он увидел, что преследовавшие его краснокожие находились далеко позади.

Несколько дней отдыха на хорошем пастбище вполне восстановили силы Моро, и он без труда стал взбираться на гору...

Дорога шла лесом между кедрами, делала изгибы и, наконец, обратившись в узкую тропинку, выходила на берег пропасти. У обрыва Генрих как раз должен был очутиться в виду наблюдательного поста с вершины.

Он не ошибся: пост сторожевой был, но состоял по счастью только из одного индейца. Индеец сидел на вершине холма, темнокрасная фигура отчетливо обрисовывалась на голубом фоне неба. Расстояние между ним и Генрихом было в двести метров, а по тропинке надо было проехать на виду почти третью часть этого расстояния. До сей поры индеец ничего не слышал. Он сидел, повернувшись к беглецу спиной и устремив взор на долину. Пика его была воткнута в землю, тут же лежал лук и колчан со стрелами. На нем были только томагавк и нож.

В одно мгновение Генрих решил добраться до ущелья, прежде чем индеец успеет спуститься и загородить путь. Он стал подвигаться медленно, со всеми предосторожностями, надеясь пройти незаметно. Поток ревел внизу и заглушал топот копыт Моро. И вот, глядя то на опасную дорогу, то на часового, Генрих пробирался по карнизу. Шагов через двадцать он выехал на небольшую площадку и тут к ужасу своему увидел, что индейский часовой не один, инстинктивно Генрих ухватился за гриву Моро. Это было знаком коню остановиться.

Впереди, заграждая путь, стоял еще индеец и с ним две лошади в поводу. На мустангах были седла, к одному из них привязано лассо, конец его индеец держал в руке и, казалось, дремал. Подле него были лук, стрелы и пика.

Идти далее необходимо, но как пройти незамеченным? Вернуться назад невозможно: тропинка так узка, что повернуть лошадь негде... Генрих уже подумал было слезть с лошади, подобраться тихонько к индейцу и раскроить ему череп томагавком. Моро лишил его возможности привести жестокий план в исполнение. Горя нетерпением покончить это опасное путешествие и наскучив стоять на месте, Моро фыркнул и стал бить копытом. Мустанги тотчас отозвались ржанием... Навагой проснулся, схватил лук, вскочил на лошадь, товарищ его закричал что-то с холма и стал быстро спускаться к ним.

Головы двух лошадей встретились, они остановились, раздувая ноздри. Встреча произошла как раз на самом узком месте тропинки. Ни та ни другая лошадь не могла ни отступить, ни повернуться. Одна из них должна была

очистить дорогу и слететь в пропасть — падение с высоты тысячи футов и бешеный поток внизу!

В эту критическую минуту три плана мелькнуло в голове Генриха: заставить Моро двинуться вперед и своим инертом столкнуть мустанга в пропасть... Но на Моро не было узды, а у Генриха не было шпор, чтобы заставить его сделать это, успех был невероятен. Затем Генрих думал запустить в голову индейцу томагавком... Ну, а если он промахнется... Наконец, он решил соскочить с коня и проситься на лошадь индейца. Пока он слезал, стрела чуть не задела его по щеке, она просвистела мимо только благодаря быстроте его движений.

Генрих протиснулся подле Моро и встал перед мустангом. Животное с фырканьем поднялось на дыбы, но конечно, сейчас же опустилось. Индеец готовился пустить вторую стрелу, но ей не суждено было лететь. В тот момент, когда лошадь опускала передние ноги на землю, Генрих со всего размаху ударил ее по голове; мустанг осел и, потеряв равновесие, сорвался, полетел в пропасть, унося с собою всадника, тщетно пытавшегося высвободиться из седла. Оба летели вниз, раздался глухой шум падения — они достигли потока.

Когда Генрих приподнялся с колена, на которое опустился, чтобы сильнее ударить мустанга, он увидел, что другой навагой мчится к нему с пикой в руке. Он отшатнулся, чтобы не быть проткнутым насквозь, и отпарировал удар томагавком. Враги сшиблись с такой силой, что оба упали на землю у самого края пропасти.

Поднялись, и началась борьба. Индеец бросил пику и действовал только томагавком. Они дрались молча, дрались с ожесточением, нанося друг другу страшные удары, и, оба израненные, все-таки продолжали отражать удары. Наконец Генриху удалось отбросить врага от края пропасти на площадку. Тут свалка продолжалась, одновременно поднятые томагавки ударились друг о друга так сильно, что выскользнули из рук сражавшихся. Враги сцепились врукопашную и опять свалились на землю. Генрих вскоре почувствовал, что индеец сильнее его. Мускулистые руки навагоя так сжимали его, что у него трещали кости. Тем не менее и Генриху удавалось иногда быть наверху и давить индейца. Катаясь по земле, борцы приблизились снова к краю обрыва. Генрих ослабевал, он уже чувствовал, что сильная рука индейца сдавила ему горло... Он задышался, перестал сопротивляться... пред-

чувствуя близость смерти, стал вспоминать тех, кого любил... в глазах его мутилось, сознание терялось... видно, конец!..

Когда он пришел в себя, то увидел, что лежит все на том же месте... Обморок был непродолжителен, так как Генрих ощущал еще боль от последних ударов врага. Он весь изранен, в крови, на лбу застывший пот... Но где же индеец? куда он делся? Почему не воспользовался этим обмороком, чтобы столкнуть Генриха в пропасть?.. Генрих поднялся на локти и осмотрелся кругом. На площадке были только Моро и мустанг в отчаянной борьбе между собой, они били друг друга копытами и кусались.

Вдруг Генрих услышал шум ожесточенной борьбы, вой собаки, терзавшей врага, и стоны ослабевшей жертвы. Звуки эти выходили из расщелины скалы, недалеке от площадки. Генрих встал на ослабевшие ноги, подошел к расщелине и в глубине ее увидел Альпа, рвавшего на клочки мясо истерзанного, еле живого навагоя.

Вдруг Генрих услышал другие крики позади себя. Индейцы, гнавшиеся за ним, были уже на горе и торопили лошадей к ущелью. Генрих вскочил поскорей на Моро, направил его к выходу, завернул за скалу и спустился с горы. Когда он был у подножия, к нему выскочил Альп. Весь в крови, запыхавшийся, он радостно бросился к своему хозяину, которому только что спас жизнь. Генрих не мог дать себе ясного отчета, как все это произошло... Не время было предаваться догадкам: он был не более как на полмили впереди индейцев, они уже начали спускаться с горы. И Генрих поскакал по направлению к снежной вершине, единственно заметному пункту на всей равнине.

Снеговая вершина виднелась впереди на расстоянии около тридцати миль; вплоть до нее равнина была совершенно открытая, голая: ни дерева, ни ручья, ни холмика, только — кое-где кусты артемизии. Полдень еще не наступал. Успеет ли Генрих до ночи доскакать до снежной вершины? Если ему удастся, он поедет далее по старой рудниковой дороге и достигнет Дель-Норте по берегу одного из ее притоков.

Весь день Генрих оставался на виду у индейцев; он видел их оружие, мог их сосчитать, Их было всего чело-

век двадцать. Более слабые повернули назад, и в погоне остались только всадники с лучшими конями.

Приближаясь к снежной горе, Генрих вспомнил, что на месте старого становища охотников была вода. Он припустил коня, чтобы поскорее напоить его и самому напиться. Подле ручья была отличная густая трава, и Генриху хотелось также пищей подкрепить своего скакуна. Ведь спасение зависело от него, надо было позаботиться о сохранении его сил.

Солнце уже близилось к закату, когда Генрих подъезжал к ущелью. Прежде чем вступить туда, он оглянулся назад... За последний час он значительно опередил погоню. Индейцы были милях в трех позади; лошади их, видимо, устали.

Почувствовав себя вне близкой опасности, Генрих вздохнул свободнее, теперь он мог заняться планом своих дальнейших действий.

Избавившись от индейцев, он доедет по знакомой дороге до Эль-Пазо, там немедленно наберет отряд больше того, какой был под командой Сэгина, людей наwerbует из каравана Севрэна и по всем углам и закоулкам, где есть охотники и звероловы, воззовет к помощи правительства и выпросит себе войска. Что касается материальных средств, Генрих отдаст все свое состояние этим людям. Наконец, он будет просить помощи у пограничных поселений, он...

— Святой Иосиф! Смотрите, что это за кавалер скачет без седла и узды!

Пять или шесть человек, вооруженных карабинами, вышли из-за скал и окружили беглеца.

— Чтоб меня индейцы съели, если это не наш молодой человек, который принял меня за бурого медведя! Право он!

— Рубе! Гарей! — вскричал, задыхаясь, Генрих.

Но третий охотник встретил его еще горячее: он бросился к нему, и так стремительно, что Генрих свалился бы с лошади, если бы не попал прямо в крепкие объятия. Его восторженно обнимали и целовали, на лице своем он чувствовал чьи-то слезы.

— Севрэн! — воскликнул он.

— Господи! Неужели это ты, Генрих? — повторял тот, сжимая руку брата и не будучи в силах сдержаться от охвативших его рыданий. — Каким чудом, мой дорогой, спасся ты от этих извергов-индейцев?

— Скажи мне прежде,— возразил Генрих,— как ты сам очутился здесь и с нашими?

— Он еще спрашивает об этом! Каков! Но прежде всего, не ранен ли ты?

— Пустяки. Что же вы тут делаете? Много ли вас?

— Мы составляем передовой пост, а армия за нами.

— Какая армия.

— Мы ее так называем, потому что в ней до шестисот человек, а это по-здешнему — целая армия.

— Что же это за люди?

— А тут есть всех сортов и всех цветов: жители Чингуагуа и Эль-Пазо, негры, охотники, звероловы, все погонщики из нашего каравана, потому что, суди сам, не мог же я собирать барыши и бездельничать, когда узнал, что ты принял участие в такой опасной экспедиции. Я кликнул клич, собрал кого мог и составил отряд. Да наконец, с нами и отряд Сэгина.

— Сэгин жив и здоров! — вскричал Генрих.— Ведите меня скорее к нему!

— Сейчас, сейчас,— сказал Севрэн.— Да, он жив и здоров. Мы сделали его своим главнокомандующим. Лагерь там у ручья. Тебе нужно хорошенько оправиться, поесть и отдохнуть, мой бедный друг. За это я берусь и уж больше не покину тебя.

— Пойдите, да ведь за мной погоня!

— Погоня! — вскричали охотники, хватаясь за ружья и оглядываясь.— Как она велика?

— Человек двадцать, кажется.

— Далеко они?

— Пожалуй, что мили на три я их опередил, да и лошади их измучились. Вот судите по Моро. Лежит и не может отдышаться, а на траву и не глядит.

— Значит, через три четверти часа, самое раннее через полчаса... Господин Севрэн, вы успеете дойти до капитана и предупредить его, а он уж распорядится.

Генрих последовал за Севрэном к ручью. Там он увидел огромный лагерь и в нем, действительно, можно сказать «армию», так как триста человек даже одеты были по одному образцу: это были волонтеры из Эль-Пазо и Чингуагуа.

Последний жестокий набег индейцев, привел пограничных поселенцев в такое отчаяние и озлобление, что они решились вооружиться поголовно и проучить краснокожих хищников. Севрэн присоединился к ним и словом

своим и примером много содействовал осуществлению похода. Надо же было избавить страну от слишком смелых и дерзких нападений индейцев. По дороге ополчение это встретило отряд Сэгина, и вот соединенные отряды образовали одну «армию», которую Сэгин и повел по следам навагоев на выручку пленных. Большая часть охотников Сэгина спаслась в битве при овраге. Генрих с радостью увидел Эль-Соля и Луну в палатке капитана, а Сэгин, обнимая его, с трепетом расспрашивал об участи пленниц.

— Пока они живы и здоровы,— вот все, что мог сказать ему Генрих.

Время было слишком дорого, и терять его на рассуждения было безрассудно. Сто человек сели на коней и поскакали ко входу в ущелье. Там они устроили засаду в скалах. Приказ был взять всех индейцев живыми или мертвыми. Сначала надо было пропустить их мимо засады, а потом, когда они будут в виду армии, ударить с тылу и поставить между двух огней.

Почва была каменистая, и охотники не оставляли следа на земле. К тому же индейцы, увлекшись преследованием беглеца, едва ли обратят внимание на могущий где-либо оказаться след; они слишком далеки от мысли встретить здесь целый отряд бледнолицых. С той минуты, как они вступят в ущелье, им нет надежды спастись. Ущелье узкое, с обеих его сторон почти отвесные скалы, а сзади и спереди вооруженный неприятель.

Едва успела другая сотня охотников расположиться у выхода на противоположном конце ущелья, как на повороте показался передовой индеец, все они уже миновали засаду. Увидав массу вооруженных людей, индеец остановился пораженный, потом быстро повернул коня и крикнул товарищам, те последовали его примеру, поспешно обратились назад и прямо наткнулись на сотню, вышедшую из засады. Запертые с двух сторон в узком ущелье, индейцы не могли даже сопротивляться. Их взяли живыми в плен, связали и повели к ставке Сэгина.

Старшины собрались к Сэгину на совет, чтобы решить, как и когда атаковать поселение навагоев. Следует ли тотчас же ночью тронуться в путь? Спросили мнение Генриха, тот настаивал на необходимости неотложного, быстрого нападения. Надо как можно скорее выручить пленных. Сэгин был тоже против всякой отсрочки. Плен-

ных своих навагои хотели казнить завтра, если поторопятся, можно еще поспеть вовремя и спасти их.

Затем надо было решить самый способ атаки. Отряд, хотя и довольно многочисленный, не мог открыто идти на поселение навагоев. Расставленные по всем путям часовые предупредят своих о приближении врага, все меры для охраны будут приняты, и тогда нелегко будет овладеть городом, потери будут большие.

— Сделаем вот как: разделимся на две части,— сказал один из старых охотников,— и нападём на них с двух сторон, индейцы очутятся у нас как в ловушке...

— Нет, это неудобно,— возразил другой.— Не забудьте, что там на десять миль лесу. Индейцы рассыплются по лесу, ищи их там...

Эти веские соображения заставили совершенно отказаться от мысли об открытом нападении, и на совет был призван доморощенный стратег, старый зверолов без ушей и скальпа.

— Капитан,— сказал Рубе,— нам нет надобности обижать себя прежде, чем мы овладеем ущельем.

— Да как же это сделать?

— Очень просто. Надо с двадцати пленных индейцев снять платье и оружие и нарядить во все это наших двадцать молодцов. Переодетые, мы как будто поведем пойманного нами беглеца, господина Галлера, который, между прочим, принял меня за бурого медведя, как вам это нравится? Меня, Младенца, за медведя! Так вот мы и поведем его, как пленного.

— Значит, эти двадцать человек будут нашим авангардом и подождут прибытия главных сил?

— Так именно и думает Младенец.

— Ну, если господин Галлер достаточно отдохнул...

Слова эти Сэгин произнес, с сожалением глядя на бедного Генриха.

Генрих заявил, что он готов в дорогу хоть сию минуту. Его легкие раны были уже перевязаны, он аппетитно поел и даже часок вздремнул и теперь горел нетерпением действовать как можно скорее.

Сэгин приказал снять с индейцев платье, это были по большей части вещи, украденные у мексиканцев за последние набеги. Тут были одеяния всех видов и всех цветов.

— Капитан,— сказал Рубе Сэгину, набиравшему команду,— советую вам назначить в отряд побольше де-

лаваров. Ведь эти навагои очень хитрый народ, их нелегко провести. Они и при луне узнают бледнолицых. Те из нас, которые поступят в отряд, должны выкраситься на индейский манер, иначе вся наша затея пропадет даром.

Сэгин послушался Рубе и назначил в передовой отряд большинство из делаваров и шавниев.

Прежде чем догорели последние лучи солнца, отряд был готов и выступил. Главные силы армии, под командой Севрэна, должны были следовать за ним на расстоянии одного часа пути. Несколько мексиканцев было оставлено у ручья сторожить пленных навагоев.

Глава 22

ВТОРЖЕНИЕ В ГОРОД

Авангард перешел равнину и подошел к навагойскому ущелью с восточной стороны, часа за два до восхода солнца. Тут был сторожевой пост, состоявший из пяти навагоев. Они доверчиво подпустили к себе переодетый отряд и, оторопелые, были взяты в плен без сопротивления и без выстрела. Дело было сделано. Вскоре прибыл и главный отряд и, предшествуемый авангардом, прошел ущелье. Остановились в лесу у реки для отдыха.

В долине царил полная тишина, луна освещала спящий город. Две-три черные тени стояли у реки, Генрих узнал в них сторожей, приставленных к пленникам. Стало быть, бедняги еще живы и не подозревают, конечно, что помощь и освобождение так близки.

Атаку отложили до утра. Дело было потруднее, чем в первый раз: теперь для защиты города было в нем шестьсот воинов, и битва грозила быть кровопролитной; Сэгин со своей стороны был почти уверен в победе, он трепетал только при мысли, что навагои из мести умертвят во время нападения всех своих белых пленников. Они поймут, что главная цель нападения — освобождение пленных, и из жестокости назло перебьют их. Предположение очень вероятное. Утешительно только то, что все пленные находятся в одном месте, в храме, а с ними царица тайн.

Решено было, что с первым проблеском утренней зари отряд переодетых охотников, с «пойманным» Геирихом,

подскачет прямо к храму и овладеет им. Этим будет открыт доступ индейцам к пленным. По сигналу Сэгина или, в случае сопротивления, по первому выстрелу вся армия галопом ворвется в город.

Заря, так нетерпеливо ожидаемая Генрихом и Сэгином, наконец занялась...

Идва молочно-кварцевые горы покрылись румянцем, как передовой отряд подскакал к городу. Генрих, будто бы связанный, ехал между двух делаваров.

Подъезжая к жилищам, они увидели нескольких индейцев на террасах. Те, приняв их за своих, вернувшихся с удачной погони, стали перебегать из одного дома в другой и сзывать народ. По улицам раздавались радостные восклицания. Отряд, избегая улиц, стороной пробирался к храму.

Добравшись до него, все двадцать человек соскочили с лошадей и бросились к лестницам. На террасах храма уже стояли женщины и с любопытством смотрели на это шествие. Сэгин узнал между ними Адель; он схватил ее и запер в одну из внутренних комнат. Минуту спустя госпожа Сэгин и Зоя были в объятиях капитана; Генриху достался поцелуй от матери невесты, а сама она счастливо улыбалась ему сквозь обильные слезы. Другие пленницы были тут же. Не теряя времени на рассуждения, Сэгин всех их запер и к дверям приставил людей с револьверами в руках. Все это совершилось очень быстро. Вдруг дикий крик, раздавшийся снизу, дал знать, что хитрость их открыта. Вопли ярости и отчаяния раздавались повсюду. Воины со всех сторон стекались к храму, свистели стрелы, но тут среди шума и гама раздался призывный сигнал рожка.

Армия выступила из леса и галопом понеслась к городу. Она разделилась на два отряда, чтобы произвести нападение с двух сторон. Несмотря на град стрел, поразивший немало народу, охотники ворвались на улицы, и тут началась ожесточенная схватка. Сражались во всех концах города. Отряд, предводительствуемый Эль Содем и Севрэном, направился к храму. Убедившись, что пленницы в полной безопасности, охотники спешили и бросились в дома, выбивая оттуда защищавших их воинов. Терраса каждого дома делалась местом ожесточенной схватки. Женщины с распущенными волосами и дикими плясками бегали по улицам или укрывались в лесу. Испуганные лошади кидались из улицы в улицу и, волоча рем-

ни и повода, скакали в поле. Те, что были заперты, ржали, бились и вырывались на волю, проломив плетни и загородки. Всюду было невообразимое смятение.

Генрих был немым зрителем этой кровавой драмы. Он охранял дверь, за которой находились пленные. С его высокого поста ему видны были все подробности битвы. Много людей падало с той и другой стороны, навагон защищались отчаянно. Генрих, однако, не сомневался в исходе борьбы: у белых слишком много накопилось обид, воспоминания о претерпенных страданиях удваивали их храбрость. На их стороне был и перевес оружия, так как длинные индейские пики, столь опасные в открытом поле, при данной обстановке, в тесноте, теряли свои преимущества.

В то время, как взор Генриха скользил с одного дома на другой, он увидел на террасе соседнего дома страшную сцену, поглотившую его внимание.

Двое людей сцепились на крыше в ожесточенной борьбе,— в борьбе не на живот, а на смерть. Это были Дакома и Эль-Соль. Генрих узнал их по одежде. У навагоя была пика, у марикопы — ружье, прикладом которого он действовал как дубиной. В ту минуту, как Генрих взглянул на них, Дакома отступил на шаг, направил пику и, прежде чем Эль-Соль успел парировать, вонзил ее ему в плечо. Генрих вскрикнул, он ждал, что друг его тотчас падет мертвым. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что Эль-Соль, не взирая на пику, с поднятым томагавком бросился на Дакому, раздробил ему голову и поверг к своим ногам. Но тут уже и сам он с пикой в плече упал на труп врага. Через несколько мгновений Эль-Соль с большим усилием приподнялся, высвободил пику и, наклонясь через перила, закричал ослабевшим, но все-таки торжествующим голосом:

— Сюда, Луна! Смотри, я отомстил за смерть нашей матери!

Генрих видел, как молодая девушка поднялась на крышу, вслед за нею Гарей, как тот взял на руки раненого марикопу, потерявшего сознание от последнего сделанного усилия. Рубе, Севрэн и еще некоторые подоспели на помощь и осмотрели раненого. Генрих не смел покинуть пост, ему вверенный, он следил с тревогой за осмотром раненого, за выражением лиц своих друзей. Слава Богу, марикопы был ранен хотя и тяжело, но не смертельно. Это утешительное известие принес своему брату Севрэн.

Сражение кончилось. Оставшиеся в живых навагон бежали в лес.

Цель похода достигнута: большое число пленных, которых родные считали давно погибшими, освобождены. Усно, что после такого урока навагон надолго потеряют охоту к набегам. На другой день, на восходе солнца, армия прошла ущелье и направилась к снежным горам.

Этот переход по степи вознаградил Генриха за все перенесенные труды. Он выполнил задачу, на него возложенную, исполнил данный обет и заслужил руку Зои. Он неустанно оберегал свою невесту, несмотря на подшучиванья Севрэна, который говорил, что излечение Генриха от мизантропии обошлось ему довольно дорого, и спрашивал, не чувствует ли он опять приступов этой болезни.

Воспоминание о недавних опасностях и лишениях возвышало цену нынешнего благополучия, которым так заслуженно наслаждался теперь молодой человек. Он покидал Зою разве только для того, чтобы взглянуть на Эль-Соля, которого несли на нарочно устроенных носилках, несмотря на упорно выражаемое им желание ехать на лошади. И каждый раз Генрих видел по обеим сторонам носилок Луну и Гарей. Эль-Соль быстро поправлялся. Страдания от раны не уменьшили его обычной прозорливости, и он отлично подметил раз улыбку Генриха, когда тот смотрел на Луну и Гарей в то время, как они усердно хлопотали около носилок маркиопы.

— Отчего бы и нет? — сказал Эль-Соль, как бы в ответ на невысказанную мысль Генриха. — Не лучше ли нам слиться с белыми, чем враждовать с ними? Любовь не выше ли ненависти? Людские племена разве не сродни между собой и не созданы для того, чтобы восполнять друг друга? Или вы скажете мне, что это рассуждение краснокожего?..

Генрих взял Эль-Соля за руки и, крепко пожимая их, выразил ему при этом удобном случае всю любовь и уважение, которые к нему питал.

Луна и Гарей отошли, между тем, в сторону. Марикона, сконфуженный похвалами Генриха, продолжал:

— Сестра моя во многих отношениях совершенная дикарка, но у нее благородная душа, и я очень рад, что она, наконец, оценила преданность и любовь этого славного малого, который любит ее уже два года. Что касается меня, то я только наполовину индеец и не могу уже предводительствовать своим племенем, то есть не могу жить

с ним. И вот сестра, с помощью моих советов, возьмет в руки власть, и я уверен, что муж ее, такой храбрый и великодушный, как Гарей, скоро будет принять марикопами в свою среду и сделается их повелителем.

— А вы, Эль-Соль,— в Генрихе заговорил счастливый жених, готовый всякого женить,— вы сами отчего не последуете примеру Луны? Вы также можете применить вашу теорию о слиянии племен на практике. Не одна бледнолицая охотно сделается вашей женою.

Марикопы вздохнул и при этом невольно взглянул в ту сторону, где была палатка Сэгина...

Пусть совершался без препятствий. Преследования не было, вероятно, индейцам не удалось набрать достаточно войска. Тем не менее армия двигалась так быстро, как только позволяло положение раненых.

На пятый день подошли к злосчастному оврагу Дель-Оро, прошли мимо старых копей, где в кровопролитной схватке был взят в плен Генрих и были убиты многие товарищи. Тут становились для погребения останков доктора Рихтера, Годэ и других охотников, убитых в хижине, в которой происходили мирные переговоры. Госпожа Сэгин и Зоя пролили немало слез над могилой своего старого друга.

Несколько дней спустя армия торжественно вступает в город Эль-Пазо. Все население города высыпало навстречу победителей с радостными приветствиями. Многие шли только из одного любопытства, большая часть была лично заинтересована в успехе похода. Женщины встречали отцов, братьев и мужей, благополучно вернувшихся из опасного и трудного предприятия.

На следующий день Сэгин собрался уже ехать к себе домой на Дель-Норте. Он узнал, что усадьба его уцелела, так как навагои, испугавшись ополчения, не успели ни ограбить, ни поджечь постройки и ограничились тем, что увели двух пленниц. Сэгин увозил с собой Севрэна и Генриха; Эль-Соль, само собой, ехал туда же до своего выздоровления, с ним сестра его Луна. Сэгин понимал, что для полной всеобщей радости надо пригласить и молодого Гарей, что и сделал очень охотно.

Сначала Эль-Соль из скромности отказывался от приглашения, но в конце концов должен был уступить настояниям и просьбам капитана. Старшая дочь Сэгина

по-прежнему пребывала в суровом молчании. Все время пути она упорно отталкивала ласки матери и сестры и только к одной Луне выказывала некоторое расположение. С ней она могла говорить на том языке, который все еще считала родным. Уверенность ее в индейском своем происхождении была, вероятно, также причиной дружеского отношения и к Эль-Солю. Она часто помогала Луне в уходе за раненым братом и все убеждала их вернуться на родину, увезти ее от этих бледнолицых, которые обманом хотят выманить у нее любовь. Напрасно Луна тратила свое красноречие, уверяя Адель, что Сэгин действительно ее отец. Только через Луну знали родные о печальном настроении бедной девушки. Поэтому Сэгин просил как услуги, чтобы марикопы побыли у него в доме некоторое время ради старшей его дочери.

Спустя неделю по возвращении друзей наших в Дель-Норме все собрались на террасе дома. Счастливые Генрих и Зоя приходили и уходили, казалось, все им улыбалось, и прежде всего их совместное будущее. Сэгин, сложив руки на груди, с низко опущенной головой ходил по террасе взад и вперед, невеселые думы омрачали его чело.

Госпожа Сэгин, с лицом, также отуманенным грустью, глядела на свою старшую дочь, которая продолжала дичиться ее, как и всех прочих.

Адель не носила уже индейского костюма, но видимо тяготилась надетым на нее городским платьем, в припадке детской дикой злобы она мяла юбки, рвала кружева и вообще выказывала полное отвращение к новому костюму. Забившись в угол террасы, сидя на полу, она глядела вдалеке на снежные вершины Мимбрских гор, заграждавших выход из долины. Там, за этими горами, была ее родина... она в этом ни минуты не сомневалась.

Изредка, когда Луна подходила к ней и дружески клала ей руку на плечо, Адель поднимала на нее глаза, полные слез. Если с нею подходил и Эль-Соль, поддерживаемый сестрой, Адель краснела. Марикопа, верный обычаям своего племени, редко заговаривал с девушкой, и если обращался к ней, то почти всегда со словами.

— Какое горе вы причиняете любящим вас! Зачем вы избегаете их?

Молодая девушка, не убежденная, но как бы покоренная этими словами, вставала, подходила к госпоже

Сэгин, садилась у ее ног, и, обращая свой грустный взор к Эль-Солю, как бы спрашивала его:

— Довольны вы мною?

Севрэн видел эту необыкновенную покорность Адели, видел вообще, какое влияние Эль-Соль имеет на нее. Он подошел к Сэгину, продолжавшему свою монотонную прогулку и, рассказал ему о своих наблюдениях.

— Давай Бог, я буду счастлив, если, благодаря Эль-Солю, обрету любовь моей дочери. Да и могу ли желать для Адели, выросшей в чуждой нам среде, лучшего мужа, чем Эль-Соль? Если они полюбят друг друга, то можно будет сказать, что он, индеец по рождению, она — по воспитанию, как бы предназначены друг для друга. Ведь никто другой не отнесется так снисходительно к странностям бедной девушки, никто с большим рвением не займется ее образованием, никто не пожелает так искренно, как он, возратить нам потерянную дочь... Но в ту минуту, как вы заговорили со мной, я обдумывал еще одну попытку. Меня ужасно тяготит настоящее положение. Оставайтесь тут и наблюдайте за Аделью. Я боюсь увлечься надеждой на успех, а вы это дело лучше и беспристрастнее рассудите.

После того, как Сэгин обменялся несколькими фразами с женой, госпожа Сэгин, впервые за многие годы взяла в руки мандолину и стала ее тихонько настраивать, потом сыграла танец — фаиданго. Севрэн, Генрих, Эль-Соль, Зоя и Луна окружили музыкантку и смотрели на Адель, сидевшую у ее ног. Что касается до Сэгина, то его волнение было так сильно и мучительно, что он закрыл лицо руками, чтобы скрыть его от окружающих.

При первых звуках музыки Адель вздрогнула, удивленные глаза ее переходили с инструмента на госпожу Сэгин, она слушала, как очарованная, и, не двигаясь, смотрела каким-то блуждающим взором.

— Адель,— сказал Сэгин жене,— спой ту песню, которой ты баюкала ее в детстве. Ты, конечно, помнишь, ведь она так часто просила тебя спеть ее.

С искусством истинной артистки госпожа Сэгин несколькими аккордами перешла с веселого темпа танца к томной мелодии колыбельной песни, и Ген-

рих услышал испанскую кантилену «Мать» и дочь»:

«Ты спишь, любезное дитя, ты мирно спишь,
И ангелы с небес тебя оберегают,
Тебя хранят, мою любимую малютку».

Вдруг пение это прервал пронзительный крик. Адель поднялась на ноги и, вся дрожа, как-то напряженно поглядывалась в госпожу Сэгии. Минуту спустя, она бросилась к ней на шею со словами:

— Мама! мама!

Трудно описать происшедшую затем сцену, то были рыдания и слезы, слезы счастья, конечно и объятия... Адель перестала быть царицей тайн, воспоминания детства, как струны давно не игравшего инструмента, прозвучали и зазвучали в душе ее. Она обнимала отца,— для него это была высшая награда за жизнь, посвященную поискам пропавшей дочери. Она любила теперь и сестру и ее жениха.

Все в доме ликовало. Друзья принимали участие в торжестве. Но вечером Эль-Соль сказал Сэгину:

— Я выздоровел и полагаю, что завтра же могу пуститься в путь. Луна здесь тоже более не нужна.

— Разве она соскучилась у нас?

— Нет,— ответила Луна,— это не я, а он хочет уйти, и между тем...

Эль-Соль взглянул на сестру, и та смолкла, бросив с улыбкой взгляд на стоявших подле Генриха и Зою.

— Эль-Соль,— сказал Генрих,— нам будет неоставать вас на свадьбе. Оставайтесь, мой друг, право, оставайтесь! Ведь вам теперь как раз представляется случай применить вашу теорию на практике.

Все подошли ближе, окружили Эль-Соля и смотрели на него в ожидании ответа.

— Да, оставайтесь,— сказала госпожа Сэгин,— и у нас поучитесь надеяться. Может быть, вам, Эль-Соль, не придется искать жены себе так долго, как мы искали дочь.

Эль-Соль с благодарностью поцеловал руку госпожи Сэгин. Очень скоро осуществились мечты Эль-Соля о слиянии краснокожего племени с бледнолицым,—мечты, о которых он сообщил когда-то Генриху.

Золотой Браслет, ВОЖДЬ ИНДЕЙЦЕВ

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Беннета

Глава 1

СМЕНА КАРАУЛА

Прелестное июньское утро. На плацу перед зданием военной школы в Вест-Пойнте* происходит смена караула.

Воспитанники, или кадеты, в серых мундирах стоят рядами и молча, по уставу, смотрят вперед на пятнадцать шагов перед собой; в это время офицер, худой и длинный как оса, производит смотр.

По мере того, как подвигается инспектор, кадеты один за другим, отдавая честь, подают ему свои ружья. Тот хватая ружье, свирепо оглядывает и ружье и кадета, а потом, отдавая ружье, замахивается им так, как будто хочет ударить бедного юношу.

На первый взгляд, все эти вытянутые кадетские фигуры, с блестящими на солнце пуговицами, представляются совершенно одинаковыми. Неподвижные и бесстрастные, эти безбородые лица кажутся сосредоточенными только на том, чтобы скрыть индивидуальность их владельцев. А между тем, присмотревшись внимательнее, нельзя не заметить, насколько они разные, эти «завтрашние» офицеры.

У одних волосы темные, у других светлые. Этот мал

* В Северо-Американских Соединенных Штатах.

ростом, тот велик; глаза одного светятся умом, глаза другого тусклы и совершенно лишены выражения.

По временам случается, что какой-нибудь кадет, забыв уставные «пятнадцать шагов перед собой», вскинет глаза на группу молодых девушек, присутствующих на параде и стоящих немного позади инспектирующего офицера. Голова же кадета остается в прежнем положении, одни только глаза нарушают строгую дисциплину.

— Ну посмотри, Жюльета,— говорит одна из милых зрительниц своей соседке,— какие они смешные: точно каждый из них проглотил аршин — не пошевеливаются. Ну кто бы, глядя на них, подумал, что это те самые, которых мы видели на последнем балу у генерала!

— Какое ты еще дитя, моя милая! Они всегда такие на параде,— отвечает Жюльета с видом некоторого превосходства.

Самоуверенность барышни объясняется тем, что она живет уже три недели в Вест-Поинте, а подруга ее прибыла туда только вчера — и прямо из пансиона.

— А что он такое говорит? — спрашивает та же неискушенная зрительница в то время, как офицер остановился перед одним из кадетов и что-то грубо сказал.

Жюльета схватила за руку подругу.

— Прислушаемся, Нетти.

— Это что такое? — гремит офицер, указывая место на мундире, где недостает одной пуговицы.

Кадет, к которому офицер обратился с грозным вопросом,— стройный юноша с белокурыми волосами, с открытым и умным лицом. Он краснеет до ушей, глядит на указанное место мундира и,— о, ужас! — убеждается, что одной пуговицы, действительно, нет.

— Я, должно быть, потерял ее,— говорит он страшно конфузясь.

— И в таком виде вы осмелились явиться на развод?!. Отправляйтесь тотчас под арест и скажите фельдфебелю, чтобы прислал кого-нибудь на ваше место.

Не возражая, преступник берет ружье на плечо и делает три шага назад, выходя из рядов. Потом, повернувшись на каблуках, делает пол-оборота направо и марширует к казарме, так же отчетливо, как будто находится все еще в строю.

А офицер, с гордым сознанием исполненного долга, продолжает смотреть.

— В чем дело, Жюльета? Что сделал этот молодой

человек, и за что его услали? — спросила все та же любопытная, не расслышав ни единого слова.

Жюльете очень хотелось показать, что она отлично все понимает, на самом же деле она понимала не более своей подружки.

— Вероятно, офицер дал какое-нибудь поручение этому кадету, — ответила она уклончиво.

Но стоящий подле нее большой и плотный господин с красным лицом, улыбается, слушая их разговор, и берет-ся разъяснить дело.

— Этого кадета отправили под арест за то, что он явился на смену караула, т. е. на развод, в мундире с оторванной пуговицей.

— Оторванная пуговица! — вскричала Нетти. — Как, их наказывают за такие пустяки? Но, Корнелиус, вы, должно быть, ошибаетесь... ведь эти кадеты обыкновенно подносят дамам свои пуговицы, как подносят букеты... У Жюльеты этих пуговиц, я думаю, целая дюжина.

Корнелиус Ван Дик сделался еще краснее и бросил сердитый взгляд на свою кузину Жюльету.

— Целая дюжина! — воскликнул он. — А ведь она здесь всего каких-нибудь три недели...

— Экая важность! И у меня уже есть одна пуговица, а я здесь только со вчерашнего дня.

— Все вы на один покров, — сказал разгоряченный молодой человек, — все, сколько вас ни есть; вы готовы видеть героя в каждом балбесе. Слава Богу, мне не нужно испытывать четыре года подобного рабства, чтобы попасть в армию.

Нетти сделала маленькую гримаску, может быть неприличную для взрослой барышни, но она ведь только что вышла из пансиона, и к тому же Корнелиус и ей приходился двоюродным братом.

— Охо-хо, — сказала она, — смотрите, чтобы виноград не оказался слишком зелен... Еще неизвестно, выдержите ли вы ваши экзамены!..

— Очень благодарен за такое лестное обо мне мнение. Но я уже сдал экзамены и не далее как вчера. Конечно, вам было бы приятнее, если бы я провалился...

— Вы выдержали экзамен? Неужели? Ах, хотела бы я послушать вас на экзамене!

По тону, которым были сказаны эти слова, можно было заключить, что между кузиной и кузеном объявлена война.

— Выдержал... вот и все, — ответил Корнелиус тор-

жествующим тоном.— Ну, скажите, пожалуйста, зачем я буду себя мучить в Вест-Поинте, когда можно поступить в армию помимо этого? Хорошая пригоршня долларов — и вся недолга! С долларами в руках можно купить лошадь, карету, место в конгрессе, да все, что хотите.

— За исключением уважения и ума, во всяком случае.

Эти слова задела Корнелиуса за живое, и он, насвистывая, отвернулся. Что касается Нетти, то она, очень довольная собой, обратилась с очередным вопросом к Жюльете:

— Что значит «под арест»?

— Видишь ли, вот это — военная тюрьма, нечто вроде погреба, ямы, в которую сажают этих бедных кадетов в наказание. Ну, да они не очень-то боятся этого!

Несмотря на последнее соображение подруги, Нетти смущена такими объяснениями, и нетрудно заметить по ее лицу, что она чувствует некоторые угрызения совести.

Следующий день — суббота; после обеда бывает короткий отдых у кадетов военной академии, плац, на котором обыкновенно производится ученье, теперь пуст. Наказанный вчера кадет уныло несет свою службу у входных дверей. Сегодня одежда его в порядке: утраченная пуговица заменена другой, мундир без пятнышка, и белые панталоны сверкают на солнце.

Время — три часа пополудни. Термометр показывает около 30° в тени. Бедняга кадет тем не менее застегнут на все пуговицы, и на шее у него высокий волосяной галстук. Он ходит взад и вперед в ослепительно-светлой полосе, под палящим солнцем; на плацу ни души. Нетрудно догадаться, что часовой поставлен здесь в наказание, лишенный права погулять на свободе в отпуску целые полдня.

Жара изнуряющая, и только по необходимости можно быть на воздухе. Молодой преступник невольно останавливается на минуту каждый раз, когда попадает в полосу тени от деревьев, стоящих подле академии.

Он очень удивлен при виде показавшейся в аллее молодой девушки, в белом платье и с голубым зонтиком; она идет ему навстречу.

Продолжая свое движение маятника, кадет ворчит сквозь зубы:

— Однако большая нужна охота к прогулкам, чтобы жариться на таком солнце!

И он продолжает маршировать мимо библиотеки, сегодня пустой и молчаливой, потом мимо окна дежурного офицера; окно раскрыто, и видно, что и этот почтенный господин ушел отдохнуть. Дойдя до конца своего маршрута, несчастный часовой убеждается, что девица приближается к нему.

Он уменьшает шаг, останавливается на минуту, поворачивается на каблуках, не теряя своей официальной важности, и уходит обратно, как бы не замечая приближающегося к нему грациозного создания.

Барышня продолжает свой путь уже по следам часового и, видя, как тот мерно выбивает такт, невольно шепчет:

— Бедный мальчик, ну можно ли заставлять иести подобную службу... это просто жестоко.

Часовой опять дошел до конца и повернулся прямо лицом к девушке. Глаза его устремлены на «пятнадцать шагов вперед» и тщательно избегают ее сострадательного взгляда и дружеской улыбки.

«Он сердит,— говорит она про себя,— и, конечно, он прав. Но я должна перед ним извиниться».

И вслед за этим раздается ее тихий голосок:

— Господин Армстронг, господин Армстронг!

Кадет вздрогнул. На минуту он забывает роль часового и, как простой смертный, делает к ней несколько шагов. Но вдруг приходит в себя и начинает маршировать.

— Запрещено разговаривать под ружьем,— говорит он.— А! Да это вы, мисс Нетти Дашвуд... Извините меня, ради Бога, но я не имею права останавливаться.

В его голосе можно было подметить некоторое смущение и как бы разочарование. Может быть, он ожидал встретить некое другое лицо. Но девушка не заметила этих тонкостей.

— Я, право, в отчаянии,— говорит она,— что вы из-за меня подверглись наказанию... Вот, возьмите вашу пуговицу... Простите ли вы меня за то, что я причинила вам эту неприятность?

Говоря это, она протягивает ему пуговицу — ту злополучную мундирную пуговицу, за которую кадету пришлось стоять на часах не в очередь.

Воспитанник Армстронг, кадет третьего класса, смотрит на нее с удивлением.

— Как! разве я ее вам?..— говорит он.— А я думал... нет, нет, действительно я вам отдал эту пуговицу

— Конечно, мне. Уверяю вас, что, прося пуговицу, я

THE
LADY
AND
THE
GARDEN
BY
A. J. W. [unclear]

не думала, что вам за нее придется так дорого заплатить. Мне казалось, что у всех кадетов очень много пуговиц, которые они раздадут в танцах своим дамам. У моей кузины Жюльеты их пропасть, и она мне сказала, что девицы хвастают одна перед другой числом собранных пуговиц. Я никак не предполагала, что вам нечем будет заплатить отданную мне, и что вас за нее накажут.

Во время этого объяснения молодой часовой, чувствовавший себя неловко из страха быть пойманным каким-нибудь офицером, не переставал как маятник ходить взад и вперед. Тем не менее он не мог удержаться от улыбки, слушая наивную речь девушки и, повернувшись к ней и показывая борт своего мундира, он сказал:

— Вы видите, теперь все пуговицы налицо. Моя оплошность подвергла меня взысканию, а вашей вины тут вовсе нет. Да притом лишний раз постоять на часах не велика важность, и это не должно вас беспокоить. Пожалуйста, посидите минутку, пока я пройду до конца линии и обратно. Присядьте на скамейке; мне никак нельзя стоять долго на месте.

Прежде чем девушка сообразила, что ей говорил кадет, тот уже маршировал далее; и как раз в это самое время показался офицер с веером в руке. Офицер принадлежал к комиссариату и потому не обратил внимания на не совсем правильную маршировку часового, а страдания от жары помешали ему заметить юную девушку, сидевшую на скамье.

Как только белая спина офицера скрылась за дверью трактира, кадет быстро вернулся к оставленному посту у скамейки и, убедившись, что никого подле нет, сказал:

— Вы, пожалуйста, простите меня, мисс Нетти, что я так внезапно отошел от вас. Но нам строжайше запрещено говорить, стоя на часах... Ваша кузина Жюльета Брэнтон здорова?

Он сильно покраснел, произнося эти слова; но девушка не обратила внимания на это обстоятельство.

— Она здорова, благодарю вас... Но скажите мне, пожалуйста, господин Армстронг, правда ли, что когда отправляют кадета под арест, его держат в темной яме на хлебе и на воде?

Он засмеялся.

— Конечно, нет. Кто рассказал вам такие глупости?

— Мой кузен Корнелиус. Вот поэтому-то я и каюсь так в своем безрассудстве... Так вы позволите мне сохранить эту пуговицу?

— Конечно, мисс Нетти, и я прошу вас ни одной минуты более не думать о моем наказании. А вы, в свою очередь, не сделаете ли мне большое одолжение?

— От всей души,— сказала всхищенная девушка.

— Дело в том, видите ли...— тут молодой человек вновь сильно покраснел.— Не попросите ли вы мисс Брэнтон, если она будет на балу в школе, подарить мне первый тур вальса? Вы не откажетесь исполнить мою просьбу, мисс Нетти? ведь я за вас все-таки наказан.

Ну как отказать в просьбе, так трогательно выраженной? Нетти Дашвуд была слишком великодушна.

— Конечно, я исполню вашу просьбу,— сказала она.— А в свою очередь и я вас попрошу вот о чем: прикажите вырезать ваше имя на этой пуговице, раз уж вы позволили мне ее сохранить.

— С большим удовольствием. Дайте мне ее теперь же, а на балу я вам ее возвращу.

— И отлично... Бедный господин Армстронг! я не могу выразить, как мне вас жалко...

Армстронг, взяв пуговицу, быстро повернулся и зашагал от скамейки. Не успела девушка опомниться от этого быстрого движения своего кавалера, как послышались шаги, бряцание оружия, и смена часовых, под командой высокого кадета в галунах, показалась из-за угла здания.

— Стой! Армстронг, вперед! — командовал ефрейтор.

Молодой человек подходит, передает на ухо новому часовому «пароль» и становится в заднем ряду смены; и смена, оставив нового часового, уходит далее. Девушка, сидя на скамейке, присутствовала при этой сцене.

Когда она подняла глаза на проходившую мимо нее смену, то встретила устремленный на нее взгляд старшего кадета. Два блестящих глаза, бронзовый цвет лица, приближающийся к индейскому, и курчавые черные волосы...

«Как он хорош! — сказала про себя девушка,— но в лице есть что-то дикое».

В то время, как она входила в дом своей кузины и рассказывала о своей проделке, Армстронг был уже в казарме, снимал свою амуницию и говорил товарищу с бронзовым лицом:

— Вот славная девушка! знаешь, мой милый Мак, ведь она взялась попросить у мисс Брэнтон для меня первый вальс. Что ты скажешь на это?

Кадет Мак Дайармид, погрузившийся было в тригонометрию, поднял голову и в ответ сказал:

— Я уже решил, что в день распределения по классам отправлюсь на бал в Бенни-Бар.

Армстронг задумался.

— Заешь что, Мак: послушайся меня хоть один раз и откажись от этого публичного бала. А то схлопочешь из-за него лишнюю дурную отметку и будешь сожалеть. Подумай, сколько будет потеряно труда и времени напрасно, если ты не получишь при выходе из академии того чина, который ты вполне заслуживаешь.

— Да! — сказал Мак Дайармид с горькой усмешкой. — Каждый забавляется как умеет, не правда ли? Ну, что я буду делать на ваших балах? В Бенни-Баре все равны; вот почему я туда хожу и буду ходить до тех пор, пока не сделаю...

Он остановился, как бы испугавшись, что сказал слишком много.

— Не сделаю... чего? — спросил Армстронг.

— Да... сделаю... рано или поздно, а сделаю... ты увидишь, — сказал Мак Дайармид со странным движением головы и вновь принялся за книгу.

— Ну, ну, — ответил Армстронг, — когда при новом распределении тебя наградят чином, ты забудешь и думать об этом.

Глава 2

СПУСТЯ ДВА ГОДА

Минуло два года, и в академии наступил день выпуска. Экзамены кончились; вновь произведенные офицеры получили назначения и навсегда оставили ружье, будку и стояние на часах.

Праздник в полном разгаре; на блестящем паркете бальной залы военной школы кружатся пары вальсирующих под звуки «Девы Дуная». Так, по крайней мере, называл вальс поручик армии Мерилл, только что вернувшийся из шестимесячного отпуска в Европу.

Офицеры в полной парадной форме и кадеты толкуются подле роя прелестных барышень с белыми крылышками; их оживленные взоры и возбужденные разговоры ясно говорят о жгучем интересе, который они питают к эполетам и золотому шитью.

У входной двери террасы столпились бедные кадеты первого курса, которым не позволено даже входить в

шлу, и они, стоя у дверей, напоминают дежурных пожарных в кулисах театра.

Среди этих кадетов, в той же кулисе, с удивлением можно узнать при свете июньской луны нашего старого знакомого, красавца Мак Дайармида; он в штатском платье, потому что вышел сегодня из академии без офицерского чина.

Он в припадке бешенства грызет потухшую сигару и, произнося угрозы, кажется, готов на какую-нибудь крайнюю выходку.

Но вот музыка замолкла, танцы прекратились; все спешат покинуть душную залу и подышать свежим воздухом на террасе и у цветников. Кадеты, как спугнутые птицы, рассыпались; Мак Дайармид остался в числе немногих и смотрел на выходящих из залы.

Молодой кавалерийский офицер, покручивая светлые усики, выходит из залы под руку со своей дамой; он грустно удивлен при виде Мак Дайармида и обменивается с ним хотя быстрым, но в то же время очень дружеским поклоном.

— Какая прелесть этот офицер! — говорит кто-то в толпе.

— Да, этого никто не может отрицать, — подтвердил с живостью Мак Дайармид. — Армстронг работяга и джентльмен. Жаль, нельзя того же сказать обо всех его товарищах. Между ними вообще есть один... да вот он, налицо!

Мак Дайармид замолчал на полуслове, увидав двух офицеров, спустившихся по ступенькам в сопровождении пожилого господина в штатском платье; судя по походке и фигуре, надо было полагать, что этот штатский — важная особа. Все трое направлялись к зданию штаба. Не было сомнения в том, что Мак Дайармид в этой группе увидел человека, которого искал, так как лицо его приняло свирепое выражение, и с языка сорвалось проклятие.

Все трое повернули за угол дома; Мак Дайармид бросился было за ними, но кто-то удержал его за руку.

— Куда ты так спешишь? — слышался вопрос.

Мак Дайармид гневно обернулся и очутился лицом к лицу с маленьким коренастым господином; из-под соломенной шляпы виднелась некрасивое лицо с выдающимися скулами, глубокими глазными впадинами и рыжей бородой.

— Это ты, Эван Рой? — сказал молодой человек, пы-

таясь вырваться из державших его рук.— Пустите меня... Мне нужно отомстить за мою честь!.. Негодяй, который сделал подлый донос на меня, разрушил мою карьеру и погубил все надежды... здесь, передо мной... Пустите меня!

— Не пущу... скорее сам пойду с тобой!..— И, говоря это, он взял под руку Мак Дайармида и тот волей-неволей должен был идти с ним.

Из немногих слов, произнесенных с неподражаемым акцентом, легко можно было узнать в том человеке шотландца. Идя под руку, он продолжал уговаривать Мак Дайармида, вставляя в свою речь выражения не столько глубокомысленные, сколько энергичные.

— Нет сомнения, что когда Мак Дайармид говорит об отмщении поруганной чести, то все родные должны следовать за ним. И это, конечно, сделает Эван Рой, пока ноги его носят... Но в чем дело?.. Что именно возбуждает такой гнев главы нашего рода?..

Теперь они тоже завернули за угол и могли видеть впереди на дороге тех трех господ, которых преследовал Мак Дайармид.

— Ты знаешь за что, из-за каких пустяков я был выгнан из школы, Эван Рой? — спросил Мак Дайармид своего родственника, с трудом сдерживая бешенство.

— О, это нетрудно угадать! Вероятно, эти пентюхи-профессора не хотели и не умели понять характера настоящего джентльмена, благородного главы рода,— произнес Эван с презрением.— А между тем, позвольте узнать, где была эта академия Вест-Поинта в то время, когда Мак Дайармиды пришли из Трои с Брутом Старшим и обосновались на берегах Альбиона? А дело в том, что многое на свете переменялось, и ваша хваленая Америка — совсем не место для джентльмена.

Мак Дайармид грустно улыбнулся.

— Да я не на Америку и жалуюсь, мой милый Эван Рой. Ты забываешь, что это мое настоящее отечество,— отечество, которое я люблю всеми силами души моей. Я ненавижу только вот этого человека, который идет там перед нами, среди двух других, который, как я уже сказал, и есть причина гибели всех моих мечтаний, всех усилий, работы четырех лет! Ты, Эван Рой, знаешь, что в моих честолюбивых замыслах личность моя была ни при чем. Достигнуть освобождения индейского племени,— племени, к которому принадлежит моя мать,— от проклятия, тяготеющего над ним; избавить его от унижения, на которое оно обречено бессердечной политикой, преследую-

ней одну цель — известить его; сделаться его защитником, уполномоченным ходатаем перед белыми, — вот задача моей жизни. Чтобы слово мое имело вес и было выслушано, я старался составить себе имя среди белых. Я уже подходил если не к самой цели, то по крайней мере к той ступени, которая могла меня приблизить к цели, так как, по мнению всех моих учителей, я имел право рассчитывать на одну из первых вакансий по производству. И вот, Эван, этот человек, этот поручик Корнелиус Ван Дик, как мне сказали, который никогда перед тем меня не видел, погубил все; ему достаточно было сказать несколько слов, чтобы разбить мою будущность, раздавить в зародыше все мои надежды. Чужой для школы, он не имел повода вмешиваться в то, что происходило в ней. Но ему захотелось проявить свое усердие, и он, не будучи к тому призыван, а лишь из любви к искусству сделал донос на меня и одного моего товарища, когда мы незначительно нарушили дисциплину. Но так как полундеецу ничего не прощается, меня выгнали из школы. О! я отомщу ему!..

— Мак Дайармид, будь рассудителен. Изменник не один; подожди лучшей okazji.

— Не думай, Эван, что гнев затемняет мой рассудок. Я знаю, что сегодня вечером он уезжает из Вест-Пойнта! Я буду сторожить его, хотя бы всю ночь! Смотри!

Группа перед ними повернула с дороги и вошла в сад, расположенный перед красивой виллой. Они приостановились, любуясь сиянием луны.

В то время как Мак Дайармид с товарищем проходили подле решетки сада, один из офицеров говорил:

— Не правда ли, господин Брэнтон, какая великолепная ночь?

— Именно великолепная! — произнес серьезный голос. — Почти так же хороша, как в Неаполе, где я провел последнее лето с моей семьей. Вашей экспедиции на границу будет сопутствовать прекрасная погода, господин полковник, и я несказанно рад, что и мой племянник Корнелиус примет участие в походе. И надолго вы едете?

— А я, право, и сам хорошенько не знаю. Делая топографические съемки на востоке, трудно заранее определить, сколько времени они займут.

— Однако, я вижу, что деятельную службу вы предпочитаете занятиям в экзаменационной комиссии.

— Без сомнения. Знаете ли, идя на границу, нельзя сказать, когда и как оттуда вернуться!.. Там индейцы, которые могут причинить много хлопот, хотя в настоящую

минуту они спокойны. Что касается вашего племянника, то, кажется, мне не придется долго наслаждаться его обществом, так как он назначен в форт Ларрами, а я назначен комендантом в форт Лукут.

Тут Мак Дайармид и горец миновали решетку сада и уже не могли разобрать доходивших до них голосов.

— Я тебе говорю, Эван, гнев нисколько не затемняет моего рассудка! Теперь я знаю, что могу себе наметить заранее час расправы. Запомни, что я тебе скажу: Корнелиус Ван Дик едет в равнины, в войска под командованием полковника Сент-Ора,—оттуда он не вернется!

Шотландец одобрительно усмехнулся в свою рыжую бороду.

— В добрый час! Вот это речь истинного храбреца! Благородная кровь не выдаст себя. Это настоящий Мак Дайармид, который во времена первых шотландских королей, содрал с живого врага кожу, повесил ее у дверей своей палатки.

Лицо молодого человека приняло свирепое выражение.

— Участь моего врага будет ничуть не лучше, за это я отвечаю,— сказал он сквозь зубы.

На этот раз Эван ничего не возразил, и они молча направились к пристани, где в это время стоял пароход, готовый сняться с якоря. В такой поздний час пассажиров просто не могло быть, и они оказались на палубе одни.

С реки, по которой плыл пароход, виднелись окна военной школы, чудесно освещенные полной луной. Этот вид вывел Мак Дайармида из его мрачной задумчивости. Он вдруг погрозил кулаком зданию и произнес вполголоса:

— Горе вам всем от первого и до последнего. Клянусь, что заставлю вас в свою очередь проклясть тот день, в который вы, прогнав меня, дали мне в руки оружие против себя.

Эван Рой поглядел на него на этот раз с улыбкой сожаления.

— Угрозы еще никому костей не ломали,— сказал он презрительным тоном.— Впивается сильнее зубами та собака, которая не лает.

— Ты прав,— сказал на это Мак Дайармид,— и скоро ты увидишь, хорошо ли я сжимаю челюсти, когда вцеплюсь в кого-нибудь.

Сад Костюшки служил в тот вечер местом для прогулки гостям военной школы. Этот сад идет уступами к реке и тянется вдоль поля, где проходят маневры, отделяя его от реки Гудзон. Кусты, осыпанные цветами, мраморный фонтан, каменные скамейки, с которых при лунном свете можно любоваться поверхностью величественной реки и темными холмами на другом берегу, представляют восхитительную декорацию.

В то время, как пароход поравнялся с террасой, разговор, совершенно иной, чем разговор Мак Дайармида с Эваном, происходил между подпоручиком Армстронгом и красавицей Жюльетой Брэнтон.

— Вам не жаль покидать Вест-Пойнта? — спрашивала она.

— Бог знает, — отвечал он задумчиво. — Конечно, здесь были у меня приятные часы, но их так мало, — на перечет.

— На перечет? Вы меня удивляете. Мне всегда приходилось слышать, что офицеры с большим удовольствием вспоминают годы, проведенные в школе. Ведь там все счастливы? Ведь это место всеобщего равенства?

Армстронг горько улыбнулся.

— Там равенства менее, чем где-либо. Вест-Пойнт, собственно говоря, та же гимназия, только с более строгим уставом. Превосходство способностей, физической силы, конечно, имеет значение, и это логично; но менее логично то, что общественное положение играет здесь роль, как и повсюду.

Девушка почувствовала, что это тема опасная для разговора. Она поспешила переменить ее.

— Скажите, пожалуйста, — перебила она, — кто был тот мрачный господин, с которым вы раскланялись, выходя с бала? Я никогда не видала более странной фигуры. Он мне напоминает Байроновского Люцифера.

— Это Мак Дайармид, — ответил Армстронг, — честный и очень способный человек. В настоящее время он достоин сожаления, и его несчастье меня сильно огорчает. Это был мой лучший друг в школе; впрочем, его история не может вас интересовать.

— Напротив, я буду очень рада ее узнать. Его необыкновенное лицо носит признаки какого-то дикого гения.

— Оценка довольно верная, особенно когда она сделана после одной встречи. Но тому, кто прожил в школе четыре года с Мак Дайармидом...

— Отчего же он не в мундире?

— Потому что он был исключен из школы как раз накануне экзаменов, из-за гнусного на него доноса... к несчастью, доносчик не открыт. Строгое наказание глубоко возмутило всех нас, его товарищей. Это был один из самых замечательных воспитанников школы.

— Да за что же его исключили?

— Дело вот в чем: его поведение не всегда было безупречно; дисциплина его угнетала. Он часто попадался в легких проступках, и дурные отметки накапливались. И вот в тот вечер, когда прибыла экзаменационная комиссия, он пришел ко мне в комнату, мы беседовали и курили; это было уже после того, как огни были потушены. Это противно правилам, но установилось обычаем, и наши офицеры смотрели на это сквозь пальцы, лишь бы беспорядок не бил в глаза. Какой-то мерзавец выдал нас комиссарам в то время, как они собирались делать обход. Кто учинил эту подлость — не знаю. Должно быть, кто-нибудь чужой школе, так как между воспитанниками не могло быть человека, способного на это. Итак, дверь наша внезапно отворилась, и нас застали курящими. За это каждому из нас поставили дурные отметки. Для меня это ничего не означало, так как у меня был перевес хороших баллов. Для бедного Мак Дайармида дело приняло дурной оборот, у него число хороших баллов равнялось числу дурных, и лишний дурной балл мог его погубить. Он горяч, вспылил, наговорил дерзостей членам комиссии, намекнул на шпионство. Короче говоря, начальство тут же открыло заседание совета и наказало его — исключением из школы. Бедный малый! Вся школа была в отчаянии от этой жестокости, так как, несмотря на неровный характер, Мак Дайармида все любили. Это был настоящий рыцарь и лучший боец между нами. Для меня лично это было истинное горе; я не только удивлялся его способностям, но и выучился у него работать; ему же я обязан не только тем, что я есть и чем могу сделаться, но и жизнью, которую он мне спас, рискуя своей собственной.

— В самом деле? — вскричала мисс Жюльета.

— Да, это было прошлой зимой на реке; мы весело катались на коньках, как вдруг лед проломился, и я очутился под водой. Падая, я ушибся об острый край проруби. Я был без памяти. Мак Дайармид, не думая об опасности, бросился в прорубь, нашел меня под водой, схватил за волосы и вытащил на поверхность. Он сам

при этом ооченел от холода. Другие товарищи подали нам веревки и жерди и помогли выбраться на берег. Тем не менее мы оба пролежали в лазарете целый месяц! Судите же о моей привязанности к нему. Я глубоко огорчен случившимся с ним. А главное, меня беспокоит его будущность. Падение такого человека — не только потеря для государства: оно может быть и опасно для него.

— А что, он небогат? — спросила мисс Брэнтон.

— О, напротив! Его отец был очень богатый торговец мехами и, я знаю наверно, оставил сыну крупное наследство. Но это его не утешает. Мотивы, которые я не вправе объяснять, заставили его усиленно желать окончить курс и выйти с чином.

— Бедный молодой человек! я жалею его от всей души! — вздохнула мисс Брэнтон.— Ну, а вы, господин Армстронг, были счастливее его и вышли из школы со всеми почестями...

Девушка, боясь выказать слишком горячее участие, покраснела и замолкла.

— Не находите ли вы, что становится свежо? — сказала она, вздрагивая.— Не вернуться ли нам в залу? Боясь, отец беспокоится, не видя меня так долго...

— К вашим услугам,— произнес молодой человек с поклоном.

И, идя с нею рядом, он прибавил:

— Да, я предчувствовал, что это должно скоро кончиться. Мне было здесь хорошо... Теперь все кончено, так как я завтра отправляюсь на восток.

— Я думала, все кадеты, выходя из школы, пользуются отпуском,— заметила мисс Жюльета Брэнтон.

— Без сомнения, и я собираюсь провести этот отпуск со своей семьей.

Мисс Брэнтон казалась как будто обиженной.

— Кажется, было условлено, что вы побываете вместе с моим кузеном Корнелиусом у нас в Бише?

Франк Армстронг колебался, прежде чем ответить.

— Я не смею туда ехать,— произнес он медленно.— Опасность для меня слишком велика, а солдат не должен без нужды искать опасности.

— Опасность! — вскрикнула девушка.— Какая, в чем, скажите, пожалуйста?

— Опасность — лелеять мечту,— сказал он сдержанным тоном,— осуществление которой немисливо для бедного подпоручика, как я...

Он внезапно замолк и потом живо прибавил:

— Вы знаете, что я недолюбливаю Корнелиуса, и нам лучше избегать взаимных встреч.

Неловкое молчание наступило за этими словами; неизвестно, как возобновилась бы прерванная беседа, если бы они не наткнулись на девушку и офицера, которые, как оказалось, их разыскивали.

— Вот они, Корнелиус! — произнес свежий голосок мисс Нетти Дашвуд. — Жюльета! надо ехать... дядя тебя всюду ищет... Господин Армстронг, мой кузен получил формальный приказ привезти вас завтра в Биш. Это дело конченное, решенное, и дядя мой не допускает отказа и извинений.

— Тем не менее он будет вынужден принять мой отказ и извинение, — ответил церемонно Армстронг. — Мне необходимо завтра же ехать в Иллинойс.

— Вот как! И вы посмеете утверждать, что никак не можете ради нас отложить свою поездку на неделю? — возразила девушка, несмотря на его извинения.

Со своими воздушными белокурыми локонами, большими темносиними глазами, нежным цветом лица и подвижным выражением, она была столь же блистательна, сколько кузина ее Жюльета была величественна под диадемой своих черных волос.

— Право же, господин Армстронг, не будьте жестоки. Подумайте только, если вы откажетесь, нам не хватит одного кавалера и нельзя будет даже составить домашней кадрили. А я решила и назначила себе танцевать каждый вечер.

— Конечно, такая программа для меня большое искушение, — сказал он с улыбкой немного деланной, — но я все-таки уверяю вас, мисс, что мне невозможно, положительно невозможно принять лестное приглашение, так любезно вами переданное.

Нетти смотрела на него с глубоким недоверием.

— Да наконец, что все это значит? — вскричала она. — Вы только недавно восхищались этим планом... Корнелиус, — сказала она серьезным тоном, — дайте вашу руку Жюльете, мне нужно поговорить с господином Армстронгом.

Прежде чем Франк успел опомниться, он уже очутился под руку с Нетти Дашвуд, немного позади Ван Дика, ведшего Жюльету Брэнтон.

— Что значит этот каприз и упорство? — спросила тотчас Нетти своего кавалера таким тоном, каким мать бранит своего ребенка. — Целых два часа я изощряюсь в

разных уловках, чтобы доставить вам приглашение к моему дяде,— мне достоверно известно, что вы этого желали,— и когда я, наконец, в этом успела, так-то вы принимаете результат моих усилий? Так-то благодарите меня за мои старания приблизить вас к Жюльете, а?

— Да, я чувствую, насколько мое поведение должно вам показаться глупым,— сказал молодой человек.— Я не умею выразить, как я вам благодарен за то, что вы для меня сделали. Но все это только сильнее дает мне почувствовать мой долг и мою обязанность... Мне не следует быть в Бише... Ни за какие блага не следует допускать, чтобы это продолжалось

Нетти Дашвуд своенравно встряхнула своими кудрями.

— Вот уже этого я никак от вас не ожидала: отступить перед трудностями. А это недостойно увенчанного лаврами выпускника Вест-Пойнта!

— Это не потому, чтобы я боялся, поверьте,— ответил Франк, краснея.— Но я должен вам признаться, что все это меня ужасно тяготит. Будем откровенны, я не хочу быть замешанным в этом заговоре... Ну, пожалуйста, не сердитесь, не отнимайте так скоро вашей руки. Я знаю и чувствую, что могу рассчитывать на вашу дружбу, и я высоко ее ценю, поверьте, мисс Нетти! Так подумайте же одну минуту об этом. Может ли судья Брэнтон принять меня в зятья? Нет, не так ли? Ну-с, так скажите, честно ли будет с моей стороны пользоваться его гостеприимством для того, чтобы так или иначе повлиять на его решение? Я знаю, что вы ни одной минуты не задумаетесь и согласитесь со мной.

— Об этом надо было думать, сударь, раньше,— возразила Нетти со смехом.— Что же, вы хотите предоставить Жюльету этому олуху Корнелиусу?

— Мисс Жюльета, я уверен, сделает достойный выбор,— серьезно ответил Армстронг.— Я отдал бы жизнь, чтобы быть тем, на кого падет этот жребий; но согласитесь, что без самоунижения я не могу с этой минуты записаться в ряды искателей. Она богата, красива, единственная дочь... тогда как все мое состояние — эта шпага, носить которую я приобрел право только три дня тому назад. Предоставьте меня, мисс Нетти, моей судьбе. Если труд и жажда отличиться значат что-нибудь в той карьере, которую я избрал, то клянусь, что я добуду хоть немножко славы и вместо большого состояния сложу ее у ног той, которая согласится назвать меня своим мужем.

Между тем они приблизились ко входу в школу. Нетти молчала и казалась убежденною доводами своего кавалера.

— Вы хороший человек, и одно это уже имеет цену в глазах женщины,— сказала Нетти так серьезно, что тронула Армстронга.

В эту минуту Жюльета, шедшая впереди, прежде чем переступить порог, обернулась и спросила Франка с грациозной улыбкой:

— Ну, что же, убедила вас Нетти? Будете вы в числе наших гостей?

— Нет, я решительно не могу,— произнес он с видимым усилием.— Благоволите, мисс Брэнтон, передать вашему почтенному батюшке мою благодарность и мои сожаления.

— В таком случае прощайте! — сказала Жюльета.

И, несмотря на свое неудовольствие, она все-таки протянула ему руку.

Тут же раздался и другой голос:

— Прощайте, господин Армстронг,— сказала в свою очередь Нетти молодому человеку.— Помните, что у вас в Бише есть преданный друг.

Армстронг удалился, но сердце его сжималось и ныло под его блестящим мундиром.

Глава 3

СТРАННЫЙ ДОМ

Эта ночь, столь тихая и свежая в Вест-Пойнте, была убийственно тяжела в Нью-Йорке. Луна, наполовину закрытая темными облаками, освещает пятую авеню, по которой бродят люди, вышедшие из душных домов на улицу подышать свежим воздухом. На подъездах, на тротуарах — всюду виднеется народ: мужчины с сигарамы во рту и женщины с веерами в руках. В центральном парке двигается густая толпа гуляющих, высматривая местечко на скамейке или на лугу. На улицах лежат собаки, высунув языки и тяжело дыша; они уверены, что по такой жаре их не будут беспокоить проезжающие. Изредка разве прогремыхает запоздавший извозчик, едущий на ночлег.

По берегам Гудзона лодки и шлюпки стоят неподвижно на якорях, и только легкая зыбь у носовой части

их напоминает, что под гладкой как зеркало поверхностью быстрое течение несет потоки воды. Сотни портовых рабочих отдыхают, растянувшись на берегу.

Одним словом, это одна из тех редких летних ночей, в Нью-Йорке, когда можно вообразить себя где-нибудь в Каире или Калькутте.

И вот среди этой подавляющей тишины ночной поезд врывается с шумом в город, летит по мосту, изрыгает целые тучи дыма и искр, раздается пронзительный свисток, и среди шума колес, шипения выпускаемого пара, неумолкающих звонков поезд подкатывает к дебаркадеру центрального депо.

Человек двенадцать пассажиров вышло из вагона; в числе их были Мак Дайармид и Эван Рой; не обращая внимания на зазывания кучеров, они пешком направились к авеню Лексингтон и остановились перед большим каменным домом, подъезд которого был освещен и выделялся среди соседних темных домов.

Эван Рой позвонил, и в дверях тотчас показалась голова старого слуги-негра с белыми волосами; на лице его расплылась широкая улыбка, как только он узнал Мак Дайармида.

— Входите, масса *, входите, наш повелитель, — говорил он, вращая белками своих больших глаз, блестящих от радости.

— Как поживает матушка? — были первые слова молодого человека.

— Барыня здорова, но барышня не смогла ее уговорить выйти на улицу. Она предпочитает пройтись по саду и говорит что один вид городской улицы уже делает ее больною.

Мак Дайармид горько улыбнулся в ответ.

— И она права, мой старый Жоэ! — воскликнул он. — Цивилизация этой несчастной страны... какое благо она принесла ей или ее исконным жителям?

Старый негр не отвечал. Он с поклоном пропустил своего молодого господина и Эвана Роя в соседнюю комнату, причем последний обменялся с Жоэ грустным взглядом.

Эта комната была бальная зала, богато меблированная, но великолепие ее было наполовину дикое. Образчики оружия всех стран были повешены между двумя картинами Труайона; над мраморной Психеей растянута

* Хозяин, господин.

пятнистая шкура тигра. Головы антилоп и оленей с рогами висели на стенах рядом с японской бронзой или какой-нибудь старинной китайской вазой. На столе, на парчевой скатерти, валялись: ружье самой обыкновенной конструкции и отделки, пояс с пистолетами, коробка с патронами, поднос со стаканами и бутылки.

Мак Дайармид вошел, и взор его прежде всего обратился на поднос. Он захохотал и, хлопнув дружески Жозе по плечу, сказал:

— Ура! Цивилизация все-таки имеет в себе и кое-что хорошее. Она изобрела виски. Выпьем же за цивилизацию!

Он схватил бутылку и поднял ее вровень с глазами.

— Я, Джон Логан Мак Дайармид, наследник двух поколений вождей и состояния, которым никому постороннему не обязан, объявляю, что сегодня оказываю честь цивилизации — напиваюсь пьяным ради нее! К черту Вест-Пойнт и академию, к черту армию! Они отказались дать мне шпагу, которая могла бы им служить. Тем хуже для них. Призываю небо в свидетели! Я покажу им, нужен ли Джону Логану Мак Дайармиду диплом для того, чтобы драться! Эван Рой, голубчик, стаканчик за твое здоровье!

Он уже без церемоний подносил бутылку к губам, как вдруг Эван Рой бросился к нему и обняв сзади, схватил за обе руки.

— Жозе, возьми у него бутылку из рук! — скомандовал он.

Минуту спустя между двумя обнявшимися родственниками началась молчаливая, но ожесточенная борьба. Мак Дайармид пытался освободиться, наклонялся, чтобы поднять и перебросить Эвана через голову, но шотландец бесспорно был сильнее, и позиция его была выгоднее; он сжимал Дайармида точно тисками, упираясь коленом в спину, он кружил вместе с ним, но не выпускал его из рук.

Мак Дайармид тщетно пытался стряхнуть с себя противника, грозил задушить его, но все усилия и угрозы были напрасны.

Между тем, Жозе, не теряя времени, убрал бутылки в буфет, запер его и ключ положил в карман.

— Теперь, мистер Рой, вы можете его отпустить, опасаться нечего.

Эван навалился всею тяжестью и, быстро отпустив руки, так сильно толкнул Мак Дайармида, что тот упал

плашмя на ковер. Рой встал подле него, а Жоэ благо­разумно скрылся.

Наступила гробовая тишина. Мак Дайармид, ошелом­ленный падением, оставался неподвижен; Эван Рой тя­жело переводил дух. Но вдруг побежденный точно осоз­нал свое унижение: черты лица его исказились, дикий огонь загорелся в глазах, и одним движением, доказы­вавшим изумительную способность к гимнастическим упраж­нениям, он вскочил на ноги.

Без слов, бледный как полотно, он ринулся к столу, чтобы схватить оружие.

Но Эван Рой с ловкостью леопарда опередил его и своей огромной ладонью отбросил на другой конец ком­наты ружье и револьвер.

Мак Дайармид не произнес ни слова, но глаза его ме­тали молнии.

Эван Рой смотрел на него молча. Гнев горца сменил­ся выражением необыкновенной нежности. Дабы явст­веннее выказать эту нежность он прибегул к присущей шотландцам манере объясняться.

— Нет стыда для львенка, если его укротит старый лев, готовый всю кровь до последней капли отдать за того же львенка, потому что видит в нем главу рода. Если Мак Дайармид раздражен против своего благодетеля, против того, кто научил его владеть оружием... тогда это очень просто: пусть он отомстит.

И с этими словами Эван расстегнул жилет и, обнажив грудь, подал молодому человеку шотландский кинжал.

Рука Мак Дайармида сжала рукоятку кинжала. Он смотрел на спокойно стоявшего перед ним Эвана Роя.

— Коли! — крикнул Эван. — Глава рода имеет право жизни и смерти над членами своего рода!

Молодой человек выпрямился; все тело его нервиче­ски дрожало. Он колебался. Наконец, бросив кинжал, он глубоко вздохнул.

— Нет мужчины, которому я уступил бы, но ты, Эван Рой, для меня не мужчина. Дай мне стакан виски. Уве­рю тебя, что мне это не окажет вреда.

— Нет, я не дам виски, — ответил решительно шотлан­дец. — В роду твоего отца умеют пить и не терять рассу­дка; но в тебе много от матери, а люди ее племени никогда не могли оставаться джентльменами в сообществе бу­тылки.

— Да, но я обещаю тебе не пить лишнего, — протесто­вал молодой человек.

— Слышали мы эту песню. Ведь вот точно такие же обещания давал Большой Орел, обращаясь к твоему отцу, когда мы вели с ним торговлю мехами. А как выпьет, бывало, так за лишний стакан виски готов отдать своих жен, детей, оружие, лошадей,— одним словом, все! Что же случилось с этим грозным вождем, знаменитым военачальником?.. Он умер как собака в бедном шалаше, всеми брошенный, и никто не пожалел его... кроме дочери, сделавшейся впоследствии почтенной супругой Мак Дайармида...

— И моей уважаемой матерью,— с живостью сказал молодой человек.— Не забывай этого, Эван Рой! Вы так гордитесь нашей европейской кровью, что кровь индейца не ставите ни во что. А между тем, дом, землю, состояние,— разве не от племени моей матери я все это получил?.. Разве не индейцы отдавали все эти сокровища в обмен на яд, которым наделял их мой отец? За бочонок виски давали от двухсот до трехсот буйволовых шкур, и тот, кого ты называешь главою дворянского рода, для них был не что иное как разоритель и торгаш. Я повторяю: все, что находится здесь, досталось мне от матери, и если проклятие моего племени тяготеет надо мною — я тоже буду пить... Жоэ, виски!..

Голос его принял какое-то особенное дикое выражение и гулко раздался по безмолвному дому.

Жоэ и не думал идти на грозный зов, но тут послышалось шуршание шелкового платья, и на пороге появилась прелестная девушка.

— Милый брат, наконец ты здесь! — воскликнула она, бросаясь на шею Мак Дайармиду.

Гнев молодого человека мгновенно исчез. Он горячо поцеловал сестру и, немного отступя, долго любовался ею.

Эта была худенькая бледная девушка с большими черными глазами и черными как уголь волосами, при этом очень красивая. Округлость фигуры и выдающиеся скулы делали ее моложе, чем она была, а блеск зубов и матовая белизна кожи придавали лицу какое-то особенное выражение кротости и доброты. Подчиняясь капризам моды, девушка была одета в платье из богатой лионской материи, но покрой платья напоминал национальный индейский, а на голове, по индейскому обычаю, был яркий шелковый фуляр, прикрепленный золотым обручем.

— Дочь Утра,— сказал ей молодой человек глухим

голосом,— все кончено, сестра: Мак Дайармид никогда не поведет белых воинов в сражение. Они обесчестили твоего брата, они разбили безвозвратно все надежды, которые он питал относительно улучшения судьбы своего племени... Мы покинем этот город... Напрасно мы когда-то променяли родные шалаши на эти каменные палаты. Белые люди и красные люди не могут жить друг подле друга!.. Вернемся в пустыню... на нашу настоящую родину... там нет, по крайней мере, обмана!..

Дочь Утра сложила руки на груди с покорностью, свойственной индейским девушкам.

— Мой брат, ты вождь племени эшипетов,— сказала она, опустив глаза.— Долг женщины исполнять приказания вождя. Я готова.

— А мать? — спросил он.

— Она ждет тебя у себя,— ответила девушка и пошла впереди брата.

Они шли по коридору, убранному пиками и, как весь дом, ярко освещенному, несмотря на поздний час. Дойдя до запертой двери, они услышали глухие и монотонные звуки, будто колыбельной песни.

Мак Дайармид с сестрой остановились и прислушались.

— Бедная мать! — прошептал он.— Она напевает «песню вождя» в честь моего возвращения. Подожди меня здесь...

И он один вошел в комнату.

Глава 4

ФОРТ ЛУКУТ

— Уверяю вас, мой друг, что военный дух слабнет! И это началось уже давно. Даю сроку не более десяти лет, и у Союза не будет армии, т. е. армии, достойной этого названия!

Так говорил старый, толстый широкоплечий офицер с красным как сырой ростбиф лицом и седыми, торчащими как щетина усами.

Глядя на капитана Адольфа Штрикера, нельзя было сомневаться в том, что он совершил столько же походов, сколько лет был на службе. Все в нем: манера держать голову, пронзительный взгляд маленьких серых глаз под

густыми бровями, складки на лице и даже толстый короткий нос,— показывало опытного и бывалого человека.

На нем был надет сюртук... На дальнем востоке офицеры вообще одеваются небрежно, но и там такой сюртук был редкостью: он до того выцвел и вылинял, что невозможно было определить первоначальный вид материи. Шерстяная сорочка без галстука, солдатские панталоны, заправленные в громадные сапоги, и белая фуражка — вот наряд, в котором появлялся обыкновенно капитан.

Капитан и еще несколько таких как он составляли в Лукуте кружок старых холостяков, недружелюбно смотревших на щеголеватых женатых офицеров. Члены кружка потягивали виски и дымили из своих коротеньких трубок.

В этот день товарищами Штрикера были: доктор Слоккум, старший хирург в крепости, капитан Буркэ и два или три поручика.

— Вы правы, капитан,— согласился доктор (за недоверие, с которым он относился к их жалобам, солдаты называли его татаринном),— армия уже не та, какую была во время мексиканской войны!

— Однако,— заметил один из поручиков,— чем же именно так изменилась армия? Разве она хуже исполняет свои обязанности? Разве солдаты разучились драться?

— Вот что, милый мой: если вы будете тянуть ляжку 30 лет, побываете в пятнадцати походах да еще в разных командировках, то по-другому запоете.

Эту речь, не без выражения, произнес капитан, поглядев на доктора, который при этом издал одобрительный звук.

— О, эти молодые люди ни в чем не сомневаются! — прибавил ветеран между двумя затяжками.

Разговор зашел о различных достоинствах офицеров, произведенных из рядовых, и так как тема эта была неисчерпаема, то и спор затянулся бы до обеда, если бы прибытие нового лица не прекратило его.

Вновь пришедший был молодой человек, одетый в белую фланелевую блузу, большие сапоги до колен и с соломенной шляпой на голове. Он ворвался как ураган, потрясая над головой пачкой писем и журналов.

— Господа, честь имею кланяться,— сказал он.— Я из Сант-Антонио с Чарлеем Колорадо и почтовой сумкой... Поручик, вот депеши коменданту... Письмо вам, Штрикер... Майор, вам, уйма газет... Колет!.. Кинслей... это вам. А теперь, господа, поговорим. Что новенького?

— Прежде всего, милый Мэггер,— ответил доктор,— скажу, что мы вам так же рады, как розам в мае!..

И в самом деле, в минуту общее настроение совершенно переменилось. Люди, только что печальные и недовольные, озабоченные и даже готовые повздорить и поссориться с первым встречным, стали неузнаваемы.

Удаленные от обжитых мест, городов, соединенные часто против воли и желания, офицеры, стоящие гарнизоном в пограничных укреплениях дальнего востока, вообще склонны на все смотреть враждебно, придирчивыми глазами. От безделья они собираются в дежурной комнате; там, встречая одни и те же лица, начинают бесконечные споры и ссоры. Вражда и даже дуэли — вещь нередкая. Если к этому прибавить, что Лукут был далеко от железной дороги, курьер и почта приходили редко, а окрестности кишели индейцами и разбойниками, отчего дороги не были безопасны,— станет понятным, какое приятное оживление приносили курьер и его почта.

Но странная вещь: никто из офицеров не поинтересовался узнать, каким способом удалось пришедшему доставить и доставить им так долго ожидаемую почту.

Мэггер не торопился рассказывать. Преспокойно обмахиваясь от жары своей широкополой шляпой, он улыбался, наблюдая ту радость, которую он, так сказать, принес этим людям в своей сумке.

Не было ничего солдатского во всей его фигуре, хотя и кожаным желтым поясом и висела пара револьверов. Характерной особенностью его физиономии была смесь независимости, свободы и холодной неустрашимости. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что этот человек ничего и ни у кого не просил и ничего не ждал.

Прочитав свои письма, капитан Штрикер подошел к нему.

— Расскажите-ка нам, любезный Марк, как это вы ухитрились пройти мимо этих проклятых индейцев?

— Ну, это не Бог знает какая трудность! Не даром же я три года состою специальным корреспондентом... Когда Чарлей и я находим невозможным ехать днем, мы едем ночью,— вот и все!.. У нас вышла только маленькая стычка у самого форта с двумя или тремя из краснокожих, но когда они увидели, с кем имеют дело, то бежали.

— Говорят, что газетчики, как кошки, всегда становятся при падении прямо на ноги,— промычал доктор с явным намерением сказать любезность.— Мне приходи-

лось препарировать кошек, и хотя уверяют, что они крайне живучи, тем не менее они умирали под моим ножом... Мой милый Мэггер, вы дурно кончите, и если вас схватят и скальпируют, ни я и ни какой другой хирург не будем в состоянии возвратить вам кожу с вашей головы.

— Ха! — пренебрежительно сказал на это Мэггер, помахивая хлыстом.

Со своим большим носом, желтыми, очень короткими волосами, голубыми глазами и лукавой улыбкой, таившейся в уголках губ, он всегда имел вид, будто над кем-то или над чем-то смеялся.

— Пока еще краснокожие не добрались до моих волос, — да и трудно же им будет снять их: я позаботился перед отъездом из дому поостричься как пудель.

По этому поводу Чарлей сказал, что это самообман, так как в случае нападения индейцы, конечно, займутся его гривой, какой бы она ни была.

— Не радуйтесь, — вмешался капитан Буркэ, — когда однажды индейцам попался в плен совсем плешивый белый офицер, они решили в животе у него кипятить воду, чтобы как-то возместить недостачу.

Марк Мэггер неудержимо хохотал.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Разве подобные вещи могут случиться с настоящими газетчиками? Мы всегда сумеем выпутаться из беды. Припомните Мак Гахну, вступившего в Хиву за два дня до появления русских казаков, Станлея, прошедшего Африку насквозь... Что касается меня, то я берусь проникнуть, — днем или ночью, это все равно, — в лагерь индейцев и выйти оттуда здоровым и невредимым. Мне уже это удавалось, и я хочу попробовать еще раз.

— Что же это вы ничего не пьете, любезный Марк! Что вы предпочитаете?

— Покорно благодарю, я ничего, кроме воды, немного подкрашенной, и то за едой, не пью, — ответил корреспондент.

— Пожалуйста, не церемоньтесь с нами.

В это время вошел лейтенант Пейтон и сказал:

— Комендант желает побеседовать с вами, милостивый государи!

Мэггер встал и последовал за офицером.

— Должно быть, есть что-нибудь новенькое, — сказал молодой офицер, провожая корреспондента к коменданту.

— Да, — ответил тот, — моя газета имела кое-какую

информацию, и меня послали получше разузнать об этом деле на месте. Правительство намерено занять территорию Черный Рог, и на этой неделе 12-й полк будет послан в Дакоту.

— Не хотите ли сигаретку? — предложил офицер. — Мы успеем выкурить, пока дойдем до коменданта.

— Нет, благодарю, я не курю. Табак ослабляет зрение и возбуждает нервную систему, а я следующей ночью должен хорошо владеть собой.

— Как! Вы думаете этой же ночью выехать, несмотря на передвижение краснокожих, о котором у нас имеются известия?

— Ах, Боже мой, да ведь я за этим-то и приехал! Все полученные мною сведения дают повод предполагать, что готовится крупное возмущение. Индейцы в огромном числе покинули свои становища на севере под предлогом охоты; пунктом соединения, кажется, избраны высоты Желтые Камни. Говорят о каком-то белом, который их смущает и старается взбунтовать. Наконец, по разным приметам я заключаю, что у них собирается большой совет где-то неподалеку, и я намерен присутствовать на этом совете.

Лейтенант внезапно остановился и воззрился на галстучика.

— Вы говорите серьезно? — воскликнул он. — Ведь в целой армии не найдется офицера, который рискнул бы на такое предприятие. Что же, в специальных корреспондентах бес сидит, что ли?..

— Да нет же, нет... — спокойно ответил Мэггер. — Все дело в том, чтобы первому получить эти новости. Если бы я смог дать в моей газете подробный отчет о совете, это увеличило бы розничную продажу на несколько тысяч экземпляров, так как, сами понимаете, другие газеты вряд ли будут располагать информацией об этом сборище!

— Действительно, это так, — согласился поручик, внутренне спрашивая себя, не с сумасшедшим ли он имеет дело.

Комендант Сент-Ор квартировал отдельно от других, в очень приличном доме. Со своей большой швейцарской крышей и широким балконом дом этот имел даже претензию на архитектурные достоинства, отличавшие его не только от казарм, погребов и цейхгаузов, но даже и от офицерских домиков. Все упомянутые постройки были из сосновых бревен, квадратно отесанных, под соло-

менной крышей; стены и крыши ослепительно блеснули под палящими лучами солнца. На вершине высокой мачты, поставленной в середине большого двора, развевался государственный флаг. Между постройками возвышались земляные валы, мелькали часовые на постах, а дальше во все стороны виднелась бесплодная и пустынная равнина. Таков был форт Лукут.

В то время, как Мэггер приехал в форт, в первом этаже дома с балконом, перед рабочим столом, сидел молодой еще человек с энергичным и выразительным лицом; на погонах его офицерской блузы был значок, говоривший о звании старшего офицера — это и был сам комендант.

В широкое окно, перед которым стоял стол, был виден весь форт как на ладони. Стены комнат были увешаны охотничьими трофеями: головами бизонов и антилоп вперемежку с рогами горного барана, разного рода оружием и портретами. Если к этому прибавить, что вся мебель была покрыта шкурами различных животных, то легко будет заключить, что обладатель этого жилья, полковник Сент-Ор, комендант форта Лукута — страстный охотник, и такое заключение будет правильным.

Он занят в настоящую минуту приведением в порядок своих дневных записей. Жена Сент-Ора сидит подле и молча вышивает. Это молодая женщина 27—28 лет с чрезвычайно кроткими чертами лица, темными волосами, приподнятыми по-испански на высоком гребне и сзади наполовину покрытыми черной кружевной мантилей.

— Ты говорил мне как-то, — вдруг сказала она, — что у нас в этом месяце будут визиты. А потом уже об этом и речи не было.

— Да, душа моя, — сказал комендант, подняв голову. — Судья Брэнтон и семья его собирались к нам. По крайней мере, они мне это обещали. Ты знаешь, как они были любезны со мной, когда я был призван в комиссию в Вест-Пойнте. Они вполне официально дали обещание провести у нас в форте целую неделю во время своей летней поездки. Тебе будет очень приятно, я полагаю, познакомиться с мисс Жюльетой Брэнтон и ее кузиной, мисс Нетти Дашвуд...

Едва комендант принялся опять за свои занятия, как в дверь постучали.

— Войдите! — сказал он.

THE MAN WITH THE PACK ON HIS SHOULDER
AND THE MAN IN THE BOOTH
THE MAN WITH THE PACK ON HIS SHOULDER
AND THE MAN IN THE BOOTH
THE MAN WITH THE PACK ON HIS SHOULDER
AND THE MAN IN THE BOOTH

Это был поручик Чарльз Пейтон, адъютант коменданта форта.

— Дешеш, господин полковник, только что привезенные господином Мэггером, корреспондентом газеты «Геральд».

Комендант Сент-Ор немедленно вскрыл большой конверт с казенной печатью, а адъютант стоял, ожидая приказаний.

— Сочту себя счастливым увидеть господина Марка Мэггера,— произнес полковник, пробежав полученную депешу.— Не потрудитесь ли вы, любезный Пейтон, привести мне его сюда?

Офицер собрался уходить.

— Минутку,— сказал отрывисто полковник.— Сегодня утром при рапорте вы мне сказали, что дежурный офицер отсутствовал при чистке лошадей?

— Да, господин полковник.

— Кто этот офицер?

— Капитан Сент-Ор.

— Узнали вы, есть ли у него законное оправдание неявки?

— Да, полковник, я спрашивал. Он говорит, что не слышал сигнальной трубы.

— Хорошо-с. Прикажите ему идти под арест.

— Господин полковник, капитан Сент-Ор уже под арестом.

— Прибавить еще восемь дней... Двух таких, как мой брат, офицеров достаточно, чтобы разрушить всякую дисциплину в полку.

Поручик поклонился. Госпожа Сент-Ор сочла необходимым вступиться.

— Как, мой друг, ты еще продолжил арест бедного Джима? — заговорила она умоляющим голосом.

Но комендант, не отвечая ей прямо, сказал:

— Поручик, вы слышали мои приказания?

Офицер по-военному повернул налево кругом и вышел.

Госпожа Сент-Ор с глубоким вздохом опустила голову к вышиванию.

— А у нас, милая Эльси, новости,— сказал нежным голосом полковник, как только они остались вдвоем.— Правительство думает, как и я, что среди индейцев бродит желание взбунтоваться. Поговаривают о каком-то белом, который, по непонятному заблуждению, задумал соединить все племена против нас, и мне дают знать о

скором прибытии колонны в подкрепление. Наш форт будет местом соединения войск.

Госпожа Сент-Ор ничего не отвечала. Новость, очевидно, не заключала в себе ничего для нее приятного, и вместе с тем ей хотелось показать, что она сердится на мужа за строгость его к брату.

Несколько минут длилось молчание. Комендант прохаживался взад и вперед по кабинету, глубоко погруженный в свои думы; затем, подойдя к жене, сказал:

— Не сердись на меня, Эльси. Я приведу твоего милочку Джима вечером к обеду.

Кроткое лицо госпожи Сент-Ор тотчас просияло.

— О, я знаю, что ты не можешь быть жестоким.

— Я только выйду и сейчас вернусь; если в это время придет господин Мэггер, попроси его подождать.

Взяв свою большую белую шляпу, полковник немедленно пошел к офицерским квартирам. Он шел быстро, поспысивая, по-видимому, очень озабоченный, что, впрочем, не мешало ему отдавать честь всем попадавшимся ему часовым.

У порога одного из домиков он остановился и спросил солдата, чистившего сапоги:

— Капитан Сент-Ор у себя?

— Так точно, — ответил ординарец, оставив работу и вытянувшись в струнку перед начальством.

— Под арестом?

— Так точно, господин полковник.

— Как случилось, что он прозевал чистку лошадей?

— Это моя вина, господин полковник, — сказал солдат, моргнув, — я забыл доложить.

— Плохой же ты солдат. Я прикажу поставить тебя снаружи на часы и посмотрю, что индейцы сделают из твоей кожи на голове.

Бедный малый испугался и съежился, как бы желая провалиться сквозь землю. А полковник поднялся на три ступени и отворил дверь в скромную комнату, где молодой офицер в домашнем халате покачивался в низком кресле со страшно скучающим видом и с сигарой в зубах.

— Джим, друг мой, Эльси просит тебя прийти к обеду сегодня, — сказал полковник. — Коменданта не будет; но я слышал, что он отдаст приказ в шесть часов выпустить капитана Сент-Ора из-под ареста.

— Комендант — старая тряпка, — сказал молодой че-

ловек, слегка улыбаясь.— Уверю вас, мой милый, что я сегодня же вечером буду просить о переводе.

— А я тебе говорю, что ничего из этого не выйдет, и ты никуда не уедешь. Так в 6 часов, решено, слышишь? И он поспешно вышел.

Через две минуты Пейтон ввел Марка Мэггера к коменданту и оставил их вдвоем совещаться.

Глава 5

ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Комендант, полковник Сент-Ор, в своей большой белой шляпе и при шпаге, стоит в воротах форта и глядит вдаль на равнину, покрытую короткой, выжженной солнцем травой. Сигнальный рожок дал знать о приближении ожидаемого подкрепления. Адъютант Пейтон держит на поводу большого вороного коня, а полковник направляет лорнет на приближающуюся кавалерийскую колонну. Оружие блестит на солнце; за всадниками тянется вереница белых повозок военного обоза.

Неподалеку, справа от форта, виднеются два индейских шалаша, или вигвама, покрытых буйволовыми шкурами. Подле шалашей играют с полдюжины ребятишек, совершенно голых, с большими животами и длинными волосами, почти закрывающими лицо. Две безобразные старухи, истые колдуньи, болтают, усевшись перед шкурой буйвола, с которой они соскребают остатки мяса; рослый индеец, завернувшийся в грязное одеяло, спит или притворяется спящим,— и все это шагах в пятидесяти от крепости.

По правде сказать, нет решительно ничего занимательного или интересного в картине, которую представляют из себя эти «дети безбрежных равнин». Это просто несчастные существа, неопрятные, нечто вроде нищих, снующие всегда у ворот поселений европейцев, готовые за водку на все что угодно; последние представители несчастного племени, которое скоро исчезнет с лица земли.

Комендант Сент-Ор обращал на них так же мало внимания, как на мух, да и солдаты его так привыкли к этому зрелищу, что как будто не замечали их.

— Это, должно быть, колонна Вестбрука! — сказал комендант адъютанту, опустив лорнет.— Сколько человек указано в депеше?

— Пять эскадронов 12-го драгунского, полковник Чарлтин приведет два из форта Ларами и три роты 44-го линейного.

— Да, совершенно верно,— сказал полковник, снова лорнируя колонну.— Да где же этот разбойник Ильяс? Кончит ли он, наконец, седлать мою лошадь?

— Вот он, ведет ее,— произнес молодой подпоручик, выступая вперед.— Не позволите ли мне, господин полковник, быть вашим ординарцем?

— Охотно, мой милый Гевит, если у вас нет дела более серьезного.

Гевит только что прибыл из Вест-Пойнта и находился еще в пылу первого энтузиазма.

В эту минуту вестовой подвел прекрасного коня, оседланного по-парадному. У коменданта была страсть к хорошим лошадям. Подведенный конь был не из особенно смирных и поартачился, прежде чем дал седоку устроиться в седле; но узда была в опытных и умелых руках, и ретивый конь минуты через две-три признал себя побежденным. Полковник был из числа тех немногих, которые умеют не только хорошо ездить верхом, но и грациозно держаться в седле. Он казался пришитым к седлу, и когда лошадь танцевала под ним и поднималась на дыбы — он так изгибал свой красивый стан, что, казалось, составлял с лошадью одно целое.

Пейтон и Гевит тоже сели на коней, и все трое, отпустив поводья, пустились марш-маршем по полям. Колонна приостановилась, и по данному сигналу всадники выровнялись рядами. В ту минуту, когда полковник с двумя адъютантами подскакал к ним, солдаты представляли плотную и неподвижную массу в облаках пыли. Перед колонной стоял майор Вестбрук с саблей наголо.

Едва полковник остановился в двадцати шагах, как раздалась короткая команда:

— Слушай! На-плечо!

Раздался шум вынимаемого из ножен оружия, мелькнули лезвия, и настала мертвая тишина, между тем как весь ряд сабель сверкал под лучами заходящего солнца.

Майор Вестбрук отсалютовал шпагой и громко сказал:

— Господин полковник, имею честь ожидать ваших приказаний. Угодно вам сделать смотр колонн?

— Я затем и приехал,— сказал комендант, ответив на приветствие.

— Слушай! На-кра-ул!

Майор присоединился к свите коменданта, и тот медленно поехал вдоль строя.

Драгуны по большей части имели хороший вид, но загорелые и решительные лица мало отвечали, по крайней мере внешне, понятию европейца о солдате вообще.

Люди одного эскадрона были в черных шляпах, другого — в серых, третьего — в соломенных и, наконец, последнего — в полотняных фуражках. Голубые блузы были почти у всех форменные, но зато обувь была так же разнообразна, как и головные уборы. На одних были обыкновенные сапоги, на других — ботфорты, а у иных холщевые брюки были заправлены в какие-то полуботинки.

Лошади были навьючены довольно легко, но все-таки заметно утомлены огромным переходом в 450 миль за три недели. Длинная вереница обоза составляла арьергард.

Что касается офицеров, то они были одеты, кажется, хуже солдат. Капитан Грюнтея, например, был одет во фланелевый китель когда-то голубого цвета, обратившийся теперь в рыжий; впрочем, под ним был прекрасный гнедой конь. Направо от Грюнтея высилась толстая фигура поручика Корнелиуса Ван Дика, с трудом державшегося в седле. На фоне серой блузы резко выделялось широкое, налитое кровью лицо, опухшее от чересчур усердных возлияний на последнем отдыхе.

Подпоручик Франк Армстронг, стоявший на левом фланге, был единственный офицер из всего отряда, одетый в походную форму по уставу.

Комендант одобрительно улыбнулся, проезжая подле него, и насупился, увидя странную фигуру Ван Дика.

— Господин майор, — сказал он строгим тоном, — надеюсь, ваши офицеры примут к сведению, что так вести себя в укреплении Лукут нельзя.

— Капитан, — сказал он, обращаясь к Грюнтею, — придя на место, тотчас посадить под арест этого офицера...

Лицо капитана вытянулось, когда он отвечал:

— Слушаю, господин полковник!

Комендант продолжал смотреть под неприятным впечатлением от увиденного. Объехав весь строй, он холодно поклонился майору Вестбруку и сказал:

— Расположите ваших людей по северной стене, майор. Вы найдете там воду и дрова, приготовленные в достаточном количестве по моему приказанию. Обоз я ос-

мотрю после. Прощайте, майор. Сабли сдадите на склад, прежде чем пойдете на рекогносцировку.

После этих слов комендант пустил лошадь рысью и удалился вместе с адъютантами, оставив майора впереди колонны.

Но проехав с четверть версты, он вернулся явно пережившись.

— Майор, на пару слов! — закричал он улыбаясь.

Драгунский майор выступил вперед, явно не готовый улыбнуться в ответ. Комендант, как бы не замечая его надутого вида, сказал:

— Я надеюсь, вы и ваши офицеры сегодня же вечером познакомитесь с миссис Сент-Ор.

— Мы не позволим себе уклониться от этой приятной обязанности, — отвечал сдержанным тоном майор.

— Надеюсь, что эта обязанность обратится в удовольствие, — сердечно произнес капитан. — Ну, полноте, майор, мы слишком хорошо знакомы и слишком уважаем друг друга, чтобы сердиться за выговор по службе. Вестбрук — мой старый товарищ. Я не забыл того капитана 12-го драгунского, который в сражении под Буль-Руком своим примером преподавал мне первый урок на поле битвы. Я не забуду, что всем вам обязан, несмотря на то, что ко мне судьба была благосклоннее, чем к вам.

Майор, видимо тронутый этой сердечной речью, протянул коменданту руку, а тот ее крепко пожал и уехал.

В сопровождении своих адъютантов полковник скакал по дороге к форту, как вдруг индеец, лежавший на самой дороге, быстро вскочил и с криком ужаса бросился в сторону. На него наскочила лошадь подпоручика Гевита и не раздавила его только потому, что краснокожий из чувства самосохранения накиннул на голову лошади бывшее в его руках одеяло. Лошадь метнулась в сторону и чуть не вышибла седока из седла.

Справившись с лошастью, Гевит бросился в погоню за индейцем и осыпал его ударами хлыста.

— Подлая собака! — кричал он. — Я тебе покажу, как пугать лошадей!

Несчастный дикарь бежал с воем в свой шалаш, а Гевит, отсчитав в азарте еще несколько ударов, вернулся к своим и смеясь сказал:

— Вот уж этот в другой раз не отважится пугать чью-нибудь лошадь, ручаюсь.

Комендант, скакавший впереди, был уже в форте и не видел этой сцены; но Пейтон, видевший все, остано-

вился и, не будучи в состоянии удержаться, сказал товарищу:

— Вы были чересчур жестоки к этому несчастному, Гевит! Я не допускаю мысли, что он бросил одеяло с целью испугать лошадь.

— Ничего,— ответил Гевит,— этим проклятым краснокожим не мешает время от времени преподать урок, а несколько ударов хлыста укрощают их темперамент. Что до меня, то я испытываю истинное удовольствие, укрощая их; терпеть не могу этого разрисованного нечадия!

— Что вам сделали эти бедные существа? — спросил адъютант.— Несчастные быстро исчезают, жизнь их и без того тяжела, нет надобности делать ее еще тяжелее. Этот человек, которого вы избили, был в свое время храбрым воином...

— Полноте, Пейтон, перестаньте их защищать. И я верил в благородство индейцев, когда зачитывался Фенимором Купером; но с тех пор, как я узнал их близко, скажу вам откровенно, что все они: мужчины, женщины и дети,— одинаково внушают мне отвращение.

— Вы не правы, говоря так,— сказал грустно Пейтон,— кто сказал вам, что вы были бы лучше, находясь в таком же как они несчастном положении?

Неизвестно, удалось ли адъютанту возбудить раскаяние и чувство человечности в сердце товарища.

Очень может быть, так как подпоручик не вымолвил больше ни слова и со сконфуженным видом въехал в ворота крепости.

Два дня спустя после вступления колонны в Луку полковник Сент-Ор, будучи не из тех начальников, которые оставляют войска в бездействии, назначил каждому эскадрону занятия, и таким образом поручик Корнелиус Ван Дик и подпоручик Армстронг очутились в одном отряде, назначенном в ночную экспедицию.

Надо было провести разведку на определенном расстоянии от крепости. Ван Дик, имевший трехлетний опыт военной службы, должен был руководить действиями отряда, в помощь которому в качестве проводников были приданы двенадцать индейцев из племени павниев.

Комендант Сент-Ор завел прекрасный обычай не выпускать из крепости даже самого маленького отряда без

строгого осмотра; предосторожность эта имела особенно важное значение с войском, ему почти незнакомым.

Было около 11 часов вечера, когда он для этой цели вышел на плац.

Все в укреплении было темно и тихо, огни давно погашены, а луна еще не светила маленькому отряду, выстроенному на плацу и готовому в поход.

Всего-навсего тут было не более тридцати драгун. Перед этой неподвижной массой ординарец нес большой фонарь, и свет от него вместе с другим огоньком — от сигары в зубах полковника — медленно переходил от одного ряда к другому, так как полковник останавливался перед каждым человеком и внимательно его осматривал. Он не говорил ни слова и только изредка, по свойственной ему привычке, хрустел пальцами.

Позади него, на приличном расстоянии, двигались Ван Дик и Армстронг; последний — с длинным палахом, а прочие драгуны — с карабинами и парой револьверов за поясом, по-американски. Благодаря отсутствию сабель, в отряде не было лязга и шума, и это придавало людям вид призраков.

Окончив осмотр, комендант приблизился к офицерам и сказал Армстронгу:

— Вы хорошо сделаете, если оставите вашу саблю в крепости. Она делает много шума и мало пригодна для ночных разведок.

И когда сконфуженный молодой человек повернулся, чтобы исполнить данное ему приказание, полковник добросердечно прибавил:

— Это, видите ли, моя мания. Не все одного со мною мнения, но я убежден, что мое мнение справедливо. Отправляйтесь же, вы успеете вернуться прежде, чем будет дан сигнал к выступлению.

Он знал, что каждый из них должен был быть готов проявить и отвагу и великодушную готовность жертвовать собой, но он не высказал своей мысли.

Комендант обратился к Ван Дику:

— Господин поручик,— сказал он,— помните: Красная Стрела, индеец, который стоит последним на правом фланге, самый ловкий из всех ищеек. Прошу вас: как можно больше благоразумия в сношениях с этими людьми. Они ужасно чувствительны к малейшим обидам и в то же время способны пользоваться слабостями других. Именно к ним можно применить правило: управлять нужно железной рукой в бархатной перчатке. Впрочем,

я уверен, что все пойдет как по маслу и что вы не встретите серьезных затруднений. Прощайте, господа, и дай Бог успеха. По моему расчету, в воскресенье утром вы должны быть на берегах Антилопы.

Ван Дик поклонился и пошел к своей лошади. Комендант обернулся к Армстронгу:

— В добрый час, дитя мое! — сказал он нежным голосом, протягивая ему руку. — Вверьтесь вашей звезде, и вы сделаете честь — я в том уверен — нашей старой школе в Вест-Пойнте. Прощайте...

Франк Армстронг был так тронут этим напутствием, что слезы подступили к горлу, и он растроганно произнес:

— Прощайте, господин комендант! Благодарю вас, благодарю...

Тут раздался голос Ван Дика: он командовал сдвоить ряды. Последовал топот лошадиных копыт по высохшей траве, затем пауза, затем новая команда: «вперед! шагом марш!» — и маленький отряд тихо направился к воротам форта и пропал во мраке. Комендант остался на месте и провожал уходивших. И только когда последний солдат исчез в темноте, он повернул к дому. Идя домой, он хрустел пальцами и говорил про себя:

«Этот юноша кажется мне с каким-то необычным выражением в глазах. Ну, а что касается Ван Дика, похоже, если кожа с его головы и останется в руках индейцев, это может случиться только, когда лошадь не успеет вынести его с поля битвы; если только краснокожие не застанут его отуманенным винными парами. Ах, это вино, вино, проклятое вино!»

Глава 6

ВЕЧЕР У КОМЕНДАНТА

В следующую субботу, около десяти часов вечера, был праздник в главной квартире коменданта, и обе запы миссис Сент-Ор были полны гостей.

По правде сказать, мужчины — и главным образом офицеры — преобладали, впрочем, было около двадцати дам: одни — постоянные обитательницы форта, другие — их знакомые, с мужьями и братьями.

Весь этот люд явился сюда, преследуя различные цели: одних пленяла обещанная большая охота, других —

возможность купить выгодно участки окрестных лугов; наконец, многих — просто любопытство.

— Миссис Пейтон,— говорил подпоручик Гевит молодой женщине, входившей в залу,— обращаюсь к вам и нищу вашего содействия: мисс Брэнт не верит мне, что дамы вместе с нами отправляются на охоту с борзыми.

— Так и есть,— ответила улыбаясь миссис Пейтон.— Что касается меня, то я всегда сопровождаю мужа на охоту, правда, не беру с собой ружья. Но некоторые дамы являются с оружием и не далее как в прошлом месяце одна девушка из Кентукки, бывшая с нами, убила трех буйволов.

Жюльета Брэнтон была возмущена подобным подвигом, а ее кузина Нетти воскликнула:

— Правда? Трех буйволов, своими руками? Воображаю, как она этим гордилась! Надо мне попробовать убить хотя бы одного на большой охоте, которую нам обещает комендант.

— Если только вы возьмете проводником меня, то убьете двух,— уверял ее Гевит.

— А я,— возразил весело поручик Пейтон,— советую вам заручиться покровительством такого старого проныры, как я, если не хотите вернуться с охоты с пустыми руками.

В эту минуту миссис Сент-Ор подошла к разговаривавшим.

— Мисс Жюльета, я право в отчаянии,— сказала она,— но комендант говорит, что он вынужден немного отложить охоту... всего на несколько дней, до тех пор, пока одна или две рекогносцировки очистят местность от появляющихся там и сям индейцев, а в ожидании вы должны довольствоваться охотой с борзыми на зайцев в окрестностях форта. Принимали ли вы когда-нибудь участие в такой охоте?

— Никогда еще!

— Это очень интересно, и у мужа моего превосходные собаки. Но, вероятно, мисс Нетти Дашвуд трудно будет довольствоваться такой смиренной дичью.

— Что же делать,— со вздохом сказала Нетти.— Я надеюсь все-таки, что эти несносные индейцы уберутся и очистят для нас место.

— Будьте уверены, что и мы надеемся на это,— произнесла миссис Сент-Ор с некоторой грустью в голосе.— А что, если мы оставим охоту и займемся немного

музыкой? Мисс Жюльета, не споете ли вы нам что-нибудь?..

Жюльета не заставила себя просить, встала и подошла к роялю, а за ней целый рой поклонников.

Капитан Джим Сент-Ор, стоявший до этого в стороне, перешел залу и устроился рядом с Нетти Дашвуд.

— Ну-с, дитя мое, что скажете вы о жизни в крепости?

Хотя он был гораздо моложе своего брата коменданта, капитан имел особую манеру, полуотеческую, подбратскую, при общении с молодежью. Не мешая к тому же заметить, что он был почти вдвое старше Нетти.

— По мне это — прекрасная жизнь! — воскликнула мисс Нетти Дашвуд с увлечением. — Все эти господа так внимательны и любезны!

— Вы слишком добры, отзываясь о них так, — скромно ответил капитан. — Но позвольте мне предложить вам один вопрос, мисс Нетти. Не знаете ли вы человека по имени Франк Армстронг?

Губки Нетти задрожали, когда она промолвила в ответ:

— Конечно, я знаю господина Франка Армстронга и даже думала, что он здесь, в форте. Отчего он так долго не показывается в зале?

Голос капитана сделался серьезным:

— Способны ли вы хранить тайны?

— Конечно.

Губы ее все еще дрожали.

— Вот в чем дело: Армстронг уехал на неделю или на две, и он вручил мне письмо к вам, мисс Нетти.

— Письмо, ко мне! — вскричала девушка вне себя от удивления. — Уверены ли вы в том, что это письмо мне, а не другой?

— Совершенно уверен. Да разве вы не из числа его друзей?

— Еще бы! — сказала она с выражением полной искренности.

— Ну, тогда это совершенно естественно. Армстронг отправился в свою первую экспедицию. Как и всякий молодой офицер на его месте, он решил, что может не возвратиться. Ну, вот вы и испугались... Ему ничто не угрожает, и он преблагополучно вернется через восемь или десять дней.

Нетти вдруг побледнела, и лицо ее выразило страдание.

Капитан изменил тон и притворился очень недовольным ею.

— Я так и думал,— сказал он как бы про себя,— храбрости ни на грош... Полноте, постарайтесь быть благодарнее и храбрее, а то я не решусь выполнить поручение вашего друга.

Она подняла на него свои чудные голубые глаза, полные благодарности, и проговорила:

— Да, браните меня. Мне это полезно. Но только говорите скорее. Это письмо, где же оно? — спросила Нетти нетерпеливо.

— Вот,— сказал капитан Джим, вынимая из кармана конверт.— Пожалуйста, не обращайтесь к нему, что написано на конверте... Эти молодые офицеры всегда пишут завещание, отправляясь в экспедицию, которая не имеет и не может иметь никаких дурных последствий.

— Ради Бога, что же написано на конверте, господин капитан? Скажите мне, прошу вас! Я не смею взглянуть на конверт на глазах у всех.

— Там написано: «Вскрыть только в случае, если я буду убит или взят в плен индейцами». Всегдашняя манера этих молокососов... Когда он вернется, ему будет ужасно стыдно за эти строки...

— Да, когда он вернется... Но вернется ли? И, в всяком случае, когда он может вернуться?

— Трудно определить. Цель экспедиции — узнать, есть ли индейцы в окрестностях, и в каком числе. Но Армстронг в хорошей компании, он в отряде со своим другом лейтенантом Ван Диком, да с ними человек тридцать драгун и превосходные проводники-индейцы. Ван Дик уже года три служит в равнинах и знает свое дело.

— Гм! если бы только с Ван Диком, я не была бы очень спокойна,— возразила мисс Нетти.— Ведь он не из школы. Вы знаете?

Капитан Джим рассмеялся.

— Так же, как я, дорогое дитя, и как три четверти наших лучших офицеров.

— А я думала, что школа необходима, чтобы сделаться хорошим солдатом,— сказала необдуманно девушка,— или, по крайней мере... Ради Бога простите, капитан. Я не хотела... я совсем не то хотела сказать...

— Не извиняйтесь. Ведь это вообще очень распространенное мнение. Но тем не менее оно несправедливо. Вест-Пойнт никогда еще не воспитывал солдата. Воспи-

тание в этой школе дает все средства сделаться хорошим солдатом,— это правда. Пожалуйста, не подумайте, что я отзываюсь так о школе из зависти. Мой брат — воспитанник этой школы, и лучшего офицера я не знаю. Но можно быть отличным офицером и не окончив школы.

— А к какой категории офицеров вы причисляете Ван Дика? — спросила вдруг девушка.

Капитан тотчас умолк. В семье Сент-Ор был обычай никогда не говорить дурного о товарище.

— Мисс Брэнтон, кажется, начинает петь; мы лучше сделаем, если помолчим, — сказал он, обрадованный возможностью не отвечать на предложенный ему вопрос.

Жюльета пропела романс, пропела верно, чистым голосом, но без надлежащего выражения; ее благодарили, хотя пение, видимо, никого не тронуло. Вслед за романсом миссис Сент-Ор заиграла прелестный вальс Шуберта.

В ту же минуту поручик Гевит пригласил на тур вальса Нетти Дашвуд, и капитан был избавлен от презнесения приговора над Ван Диком.

Вальс сменила полька, затем кадрили; одни танцы следовали за другими; танцевали даже виргинский «криль».

Комендант, полковник Сент-Ор, в парадном мундире, с эполетами и золотыми кистями на груди, был не из последних танцоров. Он пользовался возможностью развлечься и забыться от ежедневных забот, и в этом увлечении поспорил бы с любым из своих безбородых подпоручиков.

Этот юношеский пыл полковника возбуждал нелестную критику в устах старых ворчунов, капитанов Штрикера, Грюнтея и других, в качестве завязанных холостяков презиравших танцы.

— Нечего сказать, хорош комендант! — ворчали они главным образом из-за того, что этот бал лишил их возможности просидеть в своей холостяцкой кампании за трубкой и пуншем.

Полковник не обращал внимания на их ворчание и не пропускал ни одного вальса.

Уже было за полночь; котильон был в полном разгаре, как вдруг блеснула молния и раздался оглушительный удар грома. Все бросились к окнам. Но в ту же минуту в открытое окно ворвался порыв ветра с крупными каплями дождя; окна и двери были поспешно

скрыты. Затем танцы возобновились среди гула и шума непогоды.

Нетти Дашвуд была бледна; ее кавалер Гевит старался ее успокоить.

— Ведь это скоропроходящая гроза,— сказал он.— Конечно, в такое время лучше быть на балу, чем в поле. По счастью, мы только что получили подкрепление, и, конечно, на них сейчас же обрушилась служба потяжелее; без их прибытия, пожалуй, мне как раз пришлось бы теперь быть в разведке.

— А эти бури опасны на равнинах? — спросила девушка.— Не бывает ли смертельных случаев от ударов молнии?

— Мне не случалось этого видеть. Там страшен только дождь. Случается так, что люди расположатся лагерем в долине или в ложе высохшего ручья; начинается ливень, вода прибывает и сносит палатки. Один из наших отрядов месяца два-три тому назад попал как раз в такую передрагу, и несколько лошадей погибло. Но на этот раз в отряде есть Красная Стрела, один из самых искусных и сведущих проводников.

— В самом деле? Как я рада слышать, что они с хорошими проводниками.

— Как вы добры, мисс Нетти, что интересуетесь нашими молодцами. А они, уверяю вас, очень мало обращают внимания на такой дождь. Однако, позвольте, какой же я недогадливый... Вы, вероятно, знаете кого-нибудь из наших офицеров, ушедших в разведку?

— Да, там мой двоюродный брат,— ответила девушка, краснея до самого корня своих белокурых волос.— Итак, вы уверены, что им не угрожает никакой опасности?

— Решительно никакой,— произнес он, немного задетый за живое тем чересчур сильным участием, которое его дама принимала в отсутствующих.

В это время раздался оглушительный удар грома. Котильон приостановился; дам развели по местам, и бальная зала обратилась в залу ожидания. Разговаривали вполголоса. Никто не смеялся, все стали серьезны, все чувствовали неволью какой-то гнет.

По счастью, это продолжалось недолго. Гроза пронеслась, и, когда отворили окна, в чистом небе светила луна.

Подпоручик Гевит, решительно разобиженный тем, что не сумел произвести желаемого впечатления на мисс Нетти Дашвуд, воспользовался первой возможностью ос-

тавить бал и пошел по дорожке, ведущей к офицерским квартирам.

«Должно быть, этот пьяница Ван Дик ее сильно интересуется. Удивительно, что она в нем нашла...»

Эти размышления помешали молодому офицеру заметить черную фигуру, которая, отделившись от стены и тихо крадучись как кошка, скользила за ним. Это был полуголый индеец; в руках у него был натянутый лук.

Вдруг в темноте ночи раздался крик:

— Берегитесь, Гевит!

Инстинктивно молодой человек бросился в сторону. В ту же минуту послышалось дрожание натянутой струны, свист стрелы и вслед за этим крик боли.

Капитан Джим, стоявший на крыльце комендантского дома и так вовремя предупредивший подпоручика, бросился на крик. Черная фигура уже исчезла.

— Вы ранены?..—спросил он молодого человека.— А, вижу, по счастью—в руку. Не пугайте дам, бегите к себе и пошлите за доктором. Я попробую поймать мерзавца.

Не разбирая дороги, капитан бросился к караульному помещению.

— Сержант, выведите всех солдат! — закричал он.— Кто-то ранил стрелой подпоручика Гевита. Хватайте всех краснокожих, какие вам попадутся и приведите их в крепость. Ну, слышали вы, что я сказал?..

— Извините меня, господин капитан, но без дежурного по караулам я...

— Я всю ответственность беру на себя. Идите!

Без дальнейших рассуждений люди взяли ружья и весь караул направился к тому месту, где еще вечером на заходе солнца видели шалаши индейцев.

Шалашей не осталось и следа; огни погашены, ни одного краснокожего не было видно на триста шагов вокруг.

Едва только убедились в этом, как послышался выстрел у противоположной стены крепости, и вскоре от одного часового к другому передавался крик:

— Караульного, номер восемь!..

«За конюшнями!.. Разбойник ушел в другую сторону. Не поймать! — сказал про себя капитан Джим.— Хорошо, нечего сказать! Надо было взять погоню на себя и распоряжаться за дежурного офицера».

— Кто дежурный эту ночь, сержант?

— Господин Грогам... Вот и он!

— Что вы там делаете, сержант? — кричал тот. — Разве вы не слышали выстрела за конюшнями? На кой черт караул ушел за ограду? И кто позволил себе распорядиться и отдавать приказания в мое отсутствие?

— Это я, — сказал, подходя, капитан Джим. — Нельзя было терять времени, и сержант не виноват, если...

Поручик умолк, увидя, с кем имеет дело, и караул возвратился на место. Через пять минут капрал рапортовал старшему:

— Какой-то индеец прошел за ограду у № 8; часовой выстрелил, но промахнулся.

В это время подошел адъютант Пейтон; он услышал выстрел и спешил узнать, что случилось.

Не дослушав до конца рассказ о происшедшем, он сказал:

— Я готов пари держать, что это Татука пустил стрелу. В день вступления отряда Гевит до крови исполосовал его хлыстом, и Татука хотел ему отомстить.

— Пока мы не изведем этих негодяев до последнего, — сказал господин Грогам, — мира у нас не будет.

— Легко сказать, — смеясь, возразил капитан Джим. — Но так как мы не можем сейчас начать преследование Татуки, то уж лучше пойдемте навестим беднягу Гевита. Он должен благодарить судьбу, что я случайно оказался на крыльце и успел его предупредить, а то стрела угодила бы ему в грудь.

— У меня предчувствие, что этой осенью не обойдется без крупной передряги, — заметил адъютант Пейтон, — и я буду очень удивлен, если этот разбойник не наделает нам хлопот.

Разговаривая, офицеры подошли к квартире Гевита и застали его на попечении доктора Слокума, уже сделавшего раненому перевязку.

Если верить уважаемому «татарину», это была просто «царапина», хотя стрела преисправно прошла руку навывлет.

Глава 7

ПО СЛЕДУ

По безграничной равнине, с кое-где разбросанными островками выжженной травы, отряд драгун под командой Корнелиуса Ван Дика строем направляется к северо-востоку.

Лошади заметно похудели и идут понуря головы; люди, усталые и угрюмые, грустно озираются в безбрежной пустыне.

На расстоянии, какое только можно окинуть глазом, не видно нигде ни людского жилья, ни живого существа; всюду лишь выжженная трава желто-красного цвета и синева неба. Ни одного пригорка, и только кое-где бугорки величиною с муравейник.

Немного впереди отряда трусят трое индейцев-проводников на некотором расстоянии один от другого.

Отряд двигается по следу, оставленному на песке мачтой индейского шалаша: когда индейцы перекочевывают и увозят все составные части своего вигвама, они волочат за собой и срединный шест, или мачту.

После пяти или шести часов марша отряд вступил в долину между двух стен из разных каменных наслоений. Цвета все те же: желтый и красный, да сверх того горизонтальные пласты чего-то черного.

— Можно подумать, что это уголь;— заметил Армстронг, ехавший впереди колонны рядом с начальником своим, поручиком Ван Диком.

— Отчего же нет?— ответил тот сердитым голосом.— Теперь мы приближаемся к гребню гор на два склона, как говорит Красная Стрела. Ах черт бы побрал их, эти склоны гор! Как бы мне хотелось очутиться дома, в крепости. Видите, мой милый, я боюсь, что мы слишком рискуем, идя по этому следу, и боюсь— не пришлоеь бы нам об этом пожалеть.

— Ба,— весело возразил Армстронг.— Беда невелика. По крайней мере, приятно сознавать, что идешь по местам, куда не проникал еще, быть может, ни один белый, и что надо рассчитывать только на самого себя, защищая свою шкуру от этих ужасных сиуксов. Уверяю вас, дорогой Ван Дик, что я не променяю теперешнего положения на бездеятельность оставшихся в форте товарищей. Подумайте только: ведь мы можем узнать, наконец, куда ведут эти следы.

— Да, но забравшись сюда мы отклонились от данной нам инструкции,— заметил уныло Ван Дик,— и я сильно побаиваюсь, что получу за это от нашего начальства строгий выговор. И зачем это я вас послушал!

— Хорошо, я не буду просить вас идти хотя бы на один шаг далее, если сегодня к вечеру мы ничего не откроем,— сказал внушительно Армстронг.— Но скажите, пожалуйста, какая может произойти опасность от

того, что мы идем по следу, оставленному мачтой индейского шалаша? О! Смотрите, уж нет ли чего новенького?

И Армстронг указал на одного из проводников, который, наклонившись к земле, что-то внимательно рассматривал.

Почти в тот же момент проводник повернул свою лошадь и поскакал навстречу офицерам, махая своим одеялом.

Этот маневр индейца немедленно произвел впечатление на весь отряд. Люди, дремавшие в седлах, выпрямились и с любопытством ждали приближения индейца. Он быстро подскакал к голове колонны и остановил свою лошадь.

Этот проводник был здоровый и статный детина в костюме полудиком, полуевропейском. На голове у него была остроконечная шляпа, какую прежде нашивали пуритане, с тремя перьями и медными украшениями, падавшими ему на лоб. Его бронзовое тело было обнажено до пояса; на ногах — грубые солдатские штаны и мокасины; поверх седла наброшено было богатое разноцветное одеяло. Вооружение состояло из ружья и целого арсенала заржавленных револьверов, которыми он был увешан.

— Что случилось, Красная Стрела? — спросил Ван Дик, выехав немного вперед. — Увидел ты что-нибудь новое?

— Новые следы: американская лошадь, мулы, белые люди! — прокричал горловым голосом индеец, пользуясь знанием немногих английских слов, которым он научился, живя поблизости от форта; при этом глаголы он заменял жестами и мимикой.

— Белые, здесь? — вскричал удивленный поручик. — Как это ты узнал?

Бронзовое лицо приняло выражение снисходительно-го презрения, и он лаконически ответил:

— След... кованая лошадь...

Ван Дик был ошеломлен; повернувшись к своему товарищу и передавая ему слова индейца, он произнес:

— Ну, что же теперь делать? Идти по следам или вернуться и уйти от них?

Франк Армстронг, глядя на него, едва мог скрыть улыбку. Ван Дик был его начальником, за ним был опыт трехлетнего знакомства с равниной; но на походе, в степи, скоро обнаруживаются характеры, и немного времени нужно было Армстронгу, чтобы вполне раску-

сильно несложный и непривлекательный характер своего товарища. Ван Дик, можно сказать, вертелся, куда подует ветер, и стоило только с некоторою твердостью отстаивать свое мнение, чтобы заставить его уступить.

— Мне кажется очевидным, что мы должны идти по новому следу и настичь этих всадников,— возразил после короткого молчания Армстронг. Быть может, это просто купцы какие-нибудь, если только не...— он что-то шептал про себя,— разве только...

Мысленно он договорил свою фразу.

Вместо того чтобы успокоить Ван Дика, поведение Франка совсем его расстроило.

— Купцы?.. Ну, это не находка,— живо возразил он.— Купцы, ведущие торговлю с индейцами, терпеть не могут, чтобы мешались в их дела, и готовы на все, чтобы сохранить их в секрете. Да наконец у нас в инструкции не говорится о том, чтобы вдаваться в опасные и бесполезные предприятия. И так как ответственным лицом состою я, то я официально отвергаю этот план преследования.

Подпоручик не возразил ни слова и только спросил индейца:

— А что, люди, оставившие этот след, далеко? Сколько времени займет, чтобы их догнать, если ехать доброй рысью?

Красная Стрела взглянул на солнце, затем перевел взгляд на горизонт. Он размышлял и, казалось, приискивал в уме слова для выражения своего мнения; потом он начал бормотать, произнося, казалось, без всякой связи и смысла какие-то числа:

— Два, три, сорок, одиннадцать,— говорил он и при этом делал необычайные, но и бесплодные усилия, чтобы передать свою мысль.

Франк догадался, что неправильно задал вопрос.

— Можем ли мы догнать их до заката солнца? — спросил он еще раз, медленно и отчетливо выговаривая слова.

Лицо индейца прояснилось.

— Да, солнце еще высоко будет...— принялся он объяснять, показывая на западе ту высоту, на которой солнце должно быть через три-четыре часа.

— Господин поручик,— заговорил Армстронг официальным тоном, обращаясь к своему начальнику,— не угодно ли будет вам разрешить мне отправиться одному, но с проводником, по этому новому следу, раз уж вы

не хотите предпринять эту экспедицию всем отрядом? С помощью Красной Стрелы, я считаю, легко можно разгадать эту загадку, о чем я и доложу вам.

С облегченным вздохом и с легким сердцем Ван Дик сказал:

— Очень хорошо; это предложение делает вам честь, я даю вам такое разрешение. Что касается меня, то я полагаю, что уже и так увел свой отряд слишком далеко, и так как я отвечаю за всех и каждого, то отведу их назад к реке и дам время на роздых лошадям. А вы, если непременно хотите продвигаться вперед еще на несколько миль с одним провожатым, поезжайте.

Франк был в восторге от мысли, что наконец-то у него развязаны руки. А то Корнелиус до тех пор беспрепятственно накидывал узду на молодецкие проекты своего подчиненного.

— Вот и чудесно! — воскликнул он. — Я с Красной Стрелой отправлюсь по новому следу и не далее как через три дня, если позволите, нагоню вас у старой плотины, близ устья речки Бомини.

— Прекрасно, — сказал Ван Дик. — Я буду вас ожидать три дня, мой милый. Но предупреждаю, что по истечении этого срока вы уже не рассчитывайте на меня: я поведу отряд обратно в форт. Я не могу рисковать безопасностью целого отряда ради ваших фантазий.

Подпоручик посмотрел на Ван Дика очень серьезно и сухо произнес:

— Не знаю, милостивый государь, что вы подразумеваете под словом фантазия. Мне кажется, тут речь идет об исполнении долга, а не о фантазии... Если вы меня не будете ожидать на указанном вами месте, мне, конечно, придется возвратиться в форт одному. Но смею вас уверить, что ни это соображение, ни ваша угроза не остановят меня, если представится возможность добыть какие-нибудь важные сведения.

Ван Дик принужден был отвернуться от холодного и пристального взгляда молодого офицера.

— Дело решенное, любезный Армстронг, — ответил он. — Я не могу стеснять вас слишком узкими рамками. Но, повторяю, я не останусь более трех дней на назначенном пункте и на четвертый день уйду к форту. Я сочту себя счастливым, если удастся привести отряд целым и невредимым после глупейшей экспедиции по этой постылой пустыне.

— Я не вижу, что тут такого глупого, — ответил пре-

арительным тоном Армстронг.— Но все равно; действуйте, как знаете, Ван Дик. Конечно, я мог бы ожидать нашей любезности и даже внимания от товарища, офицера одного со мной полка...

— И прибавьте: от дурака, с которым имеешь общих друзей,— перебил его с насмешкой Корнелиус.— Намотайте себе это на ус, господин Армстронг, я не так прост, как вы полагаете, и мне надоело смотреть, как другие моими руками жар загребают. Идите, идите; будьте покойны, я не стану ломать голову, как избавить вас от беды и охранить вам череп и ваши волосы от рук индейцев, раз вы сами лезете в опасность очертя голову.

В пустыне, вдали от светских условий, грубые натуры легко сбрасывают с себя маску приличия и показываются в своем настоящем неприглядном свете. Впервые Ван Дик намекнул на соперничество, которое существовало между ними и которое оба они давно сознавали. И Армстронг, глубоко оскорбленный, сказал:

— А, так вот в чем дело! Отлично. Что касается меня, то я предпочитаю даже лишиться головы, чем вовсе не подвергать себя опасности. Надеюсь, об этом будет упомянуто в приказе по полку.

— Желаю вам этого отличия,— иронически заметил Ван Дик.

И они расстались: Ван Дик вернулся к отряду, Франк собрался в путь с тремя индейцами.

— Ступай за твоим господином,— сказал Ван Дик вестовому Армстронга,— и веди мула с багажом.

Ординарец, простоватый ирландец, хотя и удивился такому приказанию, тем не менее без возражений схватил мула за повод и отправился вдогонку за Армстронгом.

Тот, увидя его, сказал:

— Патрик, можешь вернуться: ты мне не нужен.

— Как же это? Кто же будет вам готовить завтрак и обед? Кто будет седлать лошадь?

— Я сам, мой добрый Патрик; а если господин не сумеет сам себе приготовить обед и ужин, он останется без них.

Патрик больше не настаивал; отдав по-военному честь своему офицеру, он повернул лошадь и мула и поехал обратно к отряду. Армстронг, несмотря на всю свою решимость, тяжело вздохнул, глядя на удалявшегося вестового. Но тотчас, обратившись к проводнику, сказал:

— Ну, Красная Стрела, показывай теперь дорогу.

Полковник Сент-Ор сказал мне, что я вполне могу довериться тебе, и вот я весь в твоей власти.

Павний, польщенный, приподнялся в седле и заговорил с гордостью...

— Полковник... комендант — великий вождь, ужасно великий... и всегда берет с собою Красную Стрелу! Красная Стрела тоже великий начальник... Очень великий...

Франк Армстронг уже имел некоторый опыт общения с индейцами.

— Комендант говорил, что он никогда не встречая проводника лучше Красной Стрелы. Еще в последний вечер он мне говорил, что с Красной Стрелой он не побоятся броситься в гущу ста тысяч снюксов или черноногих — все равно.

Бронзовое лицо павния сияло от удовольствия, пока он слушал эту похвалу. Он протянул руку и издал победный клич:

— Гуг-гуг! Пожмите эту руку, поручик, пожмите!

Молодой человек сердечно пожал протянутую ему темную ручищу, очень довольный тем, что сумел задеть чувствительную струну и приобрести дружбу и доверие индейца.

— Не сомневаюсь в том, что ты приведешь нас невредимыми в крепость. Полагаю, возвратившись, мы не застанем Ван Дика на указанном месте. Но скажи мне откровенно: решишься ли ты проникнуть со мной в лагерь снюксов, если это окажется необходимым?

Проводник принялся хохотать.

— Снюксы — глупцы... Красная Стрела идет... средина... священный шатер... дать приказание...

Между тем отряд уже скрылся из глаз; местность была низкая, и следы, по которым они шли, делались особенно явственными, благодаря свойству грунта. Было ясно, что по этой дороге прошло несколько индейских племен со своими пожитками. Несмотря на малую опытность Армстронг отлично заметил борозды, оставленные на песке длинными жердями от палаток, которыми обыкновенно краснокожие нагружают своих маленьких лошадок.

— Ведь это не тот след, о котором ты мне сейчас говорил? — спросил Армстронг.

— Нет, тот след рядом, по нему идет мой товарищ.

Армстронг подъехал к другому проводнику и тотчас разглядел следы двух свежеподкованных лошадей и рядом двух мулов.

— Кто мог оставить эти следы?

— Не знаю,— ответил индеец, апах, на ломаном испанском.

— А что думает Красная Стрела?

— Может быть... скоро... знать,— ответил индеец.

Не говоря более ни слова, всадники пустились по свежему следу.

Местность заметно менялась. На горизонте показался голубоватый гребень целой цепи холмов, с которыми сливалась незаметно поднимавшаяся степь; на ее песчаной поверхности кое-где возвышались купы кактусов. На расстоянии, как казалось на глаз, нескольких миль виднелся легкий туман меж двух темных линий; вероятно, это был какой-нибудь ручей.

Всадники не замедлили догнать третьего проводника, который остановился, поджидая их, и между ним и Красной Стрелой завязался очень оживленный разговор на их наречии.

Разговаривая и жестикулируя, они все указывали на что-то рукой по направлению к упомянутому туману.

Наконец Красная Стрела заговорил, обращаясь к Франку:

— Белые... там... белые, лагерь, вода... дрова... огонь... все, все! — И, указывая рукой все в том же направлении, прокричал: — Гуг, дым!..

Несмотря на свой бинокль, Армстронг дыма никак не мог разглядеть, хотя опытный глаз Красной Стрелы безошибочно видел белую струйку на горизонте. И только после долгого пристального взглядывания Армстронг различил, наконец, тонкую беловатую струю, которая выходила из-за вершины деревьев, разрасталась и исчезала в вышине.

— Вы думаете, это дым от огня, разложенного белыми?

Павний жестом ответил, что не сомневается в этом.

— В таком случае, мы и поедем прямо на этот огонь,— сказал офицер решительным тоном.— Если это порядочные люди, им нечего нас бояться; если же это какие-нибудь разбойники, то, судя по следу, нас столько же, сколько и их. Ну и посмотрим, кто одолеет! Вперед!

Говоря это, он пришпорил лошадь и поскакал, сопровождаемый на этот раз всеми тремя проводниками.

Глава 8

В ПОГОНЕ ЗА НОВОСТЯМИ

Дым, привлечший внимание проводников, поднимался от бивуака, расположенного на опушке кедрового леса, подле которого мирно паслись в густой траве две лошади и два мула; это их следы обнаружил Красная Стрела. Лошади эти были прекрасные образчики породы средней между индейским пони и большой американской лошастью. Мулы были хорошего роста, сильные и молодые. Но и те и другие прошли длинный путь, что подтверждалось их худобой и тою жадностью, с которой они щипали траву.

Протекавшая вблизи река Желтый Камень, шириною в тысячу футов, несла свои воды меж зеленых берегов роскошной травы, выросшей на черноземной почве. Эта луговина тянулась на северо-восток вплоть до цепи холмов, и по обе стороны береговых лугов стояли высокие кедровые леса.

В двадцати шагах от пасшихся животных весело трещал костер из сухих сучьев, а вокруг огня сидели три человека, которые собирались завтракать. Подле них были сложены в кучу два мексиканских вьюка, два широких калифорнийских седла, одеяла, мешки и карабины.

Один из этих людей был Марк Мэггер, корреспондент газеты «Геральд», пустившийся разузнать о предполагаемом заседании военного совета индейцев. Но даже самому близкому его приятелю было бы трудно признать Марка Мэггера: так за эти дни изменились и костюм и лицо корреспондента.

Во-первых, лицо его, обыкновенно чистое, гладко выбритое, с веснушками, теперь стало бронзовым от загара, а небритая борода делала его неузнаваемым. Голубая фланелевая блуза с ремнем заменена была длиннополым черным сюртуком, застегнутым на пуговицы сверху донизу. Вместо широкополой соломенной шляпы на голове была черная фетровая. Короче говоря, Мэггер преобразился в скромного служителя американской церкви.

Что касается его товарищей, то не было сомнения в том, что это «люди равнины», как их называют на дальнем востоке, то есть белые, для которых степь стала второй родиной.

Один из них был здоровенный детина с огромной го-

шой, казавшейся еще больше от массы черных как уголь волос, и такой же бороды. Этот гигант смотрел на всех добрыми глазами; в чертах лица выражались открытый характер и безграничная отвага. Одет он был в красную рубашку и красные штаны, заправленные в высокие сапоги; на голове едва держалась белая шляпа: до того она была со всех сторон продырявлена. Его единственное оружие — ружье — лежало подле него. Этот человек был известен под именем Чарлея из Колорадо, и известность его простиралась на пятьсот миль вокруг. Что касается последнего члена этого маленького отряда — его звали Красавец Билль, — вероятно, из-за его безобразия.

Его настоящее имя было Вильям Фэрд; он был француз-метис, маленький, коротенький человек, сильный как буйвол, с темным цветом лица, толстыми губами и выдающимися скулами. Война и болезнь, казалось, одна перед другой старались обезобразить лицо Красавца Билля: все оно было испещрено оспинами; глубокий сабельный шрам шел наискось от лба к нижней челюсти; нос был едва заметен, и ко всему этому уцелел только левый глаз; передних зубов не было. В одну из его многочисленных экспедиций добирались и до единственного глаза Билля, но Чарлей из Колорадо подоспел вовремя на помощь и уложил на месте нападавшего. Это обстоятельство породило между Чарлеем и Биллем тесную дружбу, и с той поры они были неразлучны. Физические недостатки Билля не мешали ему быть одним из самых замечательных следопытов.

— Ну, Чарлей, — сказал корреспондент «Геральда», снимая свой долгополый кафтан и бережно складывая его, — скоро узнаем, по настоящей ли дороге мы идем. Как вы думаете?

Чарлей собирался насадить кусок мяса на палочку и поджарить его на углях, и потому не тотчас ответил:

— Красавец Билль и я решили довести дело до конца, господин Мигюр, и мы сдержим наше слово, только бы кожа на наших головах осталась цела. Не так ли, Билль?

Билль в это время подносил ко рту приготовленный лакомый кусочек и просто ответил:

— Вы знаете, я всюду с вами, и господин Мэгр может положиться на нас.

— Неужели вы — ни тот, ни другой — не в состоянии называть меня моим настоящим именем? — спросил кор-

респондент смеясь.— Полагаю, что сказать Мэгер ничуть не труднее, чем говорить Мигюр и Мэгр.

— Очень благодарен за урок, господин Мигюр,— сказал Чарлей с величественным видом.— Конечно, я не обучен особенным тонкостям, а все-таки и я кой-чему научился в Кентукки лет тридцать тому назад, и пусть я подавлюсь этим бифштексом, если Мегер произносится в любой цивилизованной стране иначе нежели Мигюр.

— Если таково ваше личное мнение, я настаивать не могу,— сказал Марк смеясь.

— Да, это мое мнение, и я буду его отстаивать перед целым светом... Но что с тобой, Билль?

Билль испустил какой-то свойственный только ему звук и пальцем указал на дорогу, по которой они приехали. Деревья в том месте, где они сидели, образовали над ними шатер; между ветвями видна была равнина, а вдаль можно было различить группу всадников.

— Индейцы, честное слово! — вскричал Чарлей, бросаясь к своему ружью.

Что касается Мэггера, то он встал и не торопясь взглядывался вдаль. Это были несомненно верховые на расстоянии в несколько миль; направлялись они к бивуаку по тому же следу, который привел на это место и Мэггера с товарищами.

Дети равнины не теряли времени на разглядывание приближавшихся к ним людей. Они побежали к лошадям и мулам, чтобы привести их поближе к бивуаку.

Между тем наш бесстрашный корреспондент вынул подозрную трубу и внимательно рассматривал скачущих; довольный результатом, он обратился к товарищам, не успевшим еще подвести лошадей, и закричал:

— Все отлично, Чарлей! Это казенные проводники и с ними драгунский офицер!

— В таком случае, нам придется бежать или заставить их убраться,— ответил тот очень серьезно.

— Почему? Ведь мы не делаем ничего незаконного.

— Разве можно когда-нибудь знать, что военные считают законным и что незаконным? — возразил человек равнины.— Эти военные только и думают о том, как бы помешать честным людям заработать кусок хлеба. У них всегда за пазухой какой-нибудь лист бумаги, повелевающий вам покинуть индейскую землю, особенно если у вас есть дела с краснокожими.

— А ведь можно подумать, что вы занимаетесь немножко контрабандой, а?

... — Что же из этого? Во всю мою жизнь я не сделал ни малейшего вреда ни белому, ни краснокожему; не всякий правительственный агент может этим похвастаться... Я никогда не торговал гнилой мукой или тухлой свиной... А что касается виски, то я, ей Богу, продавал лишь те, которые пил сам. А ведь больше этого я никак не мог сделать! И вот неожиданно-негаданно является какой-то фронт-подпоручик со своими двумя рядами медных пуговиц и говорит: мой милый, надо покинуть это место, мы не можем позволить вам оставаться здесь... Еще бы, черт возьми! Ох, уж эти военные! Где они поиняты, туда порядочный человек лучше и не показывайся.

И Чарлей энергично сплюнул, как бы желая этим удостоверить свое презрение к цивилизованным жителям Америки.

Между тем Марк Мэггер снова уставил свою трубу на приближавшихся всадников.

— Кто бы ни были эти люди,— заметил он спокойно, обращаясь через минуту к Чарлею,— мне кажется, что будет гораздо лучше оставить ваши ружья в стороне. Во-первых, если сопровождающие офицера индейцы из племени сиуксов, нам не следует с ними ссориться, так как мы хотим проникнуть в их лагерь. Ведь вы знаете, каковы наши условия.

— Я не забываю, что мы поступили к вам в услужение, господин Мигюр,— почтительно ответил житель равнины,— но поистине, когда нас трое против четверых, и мы при этом отлично укрыты и защищены, не унижительно ли отказываться от сражения?

— Если бы, друг мой, в мои намерения входило вести с кем бы то ни было сражения, я не допустил бы, чтобы вы оставили ваши револьверы в крепости, где я оставил и свой. Я сказал вам, что дело надо вести тонко и осторожно... вы увидите, я добьюсь своего... Итак, положите ваши ружья на землю, прикройте их одеялом и отведите лошадей и мулов на траву, откуда вы их привели... как будто ничего не произошло.

Чарлей послушался, но был видимо огорчен. Что до Билля, то, не говоря ни слова, он помогал товарищу придать всему прежний вид.

Корреспондент не переставал наблюдать в трубу за всадниками, заметно приближавшимися, и когда они были на расстоянии около мили от бивуака, он надел свой черный длиннополый сюртук и уселся у огня.

Между тем Франк Армстронг и проводники его подъезжали; лошади их, почуяв прекрасный корм на пастбище, без понукания неслись все быстрее и вскоре очутились у самого бивуака. Индейцы уже давно разглядели, что у огня было всего трое белых, мирно расположившихся как бы на отдыхе, а потому, считая всякую предосторожность излишнею, въехали прямо в лесную чащу.

Молодой подпоручик был ужасно изумлен, когда, подъехав ближе, увидел пастора в длинном сюртуке и белом галстуке, погруженного в чтение церковного требника.

— Здравствуйте, отче! — вежливо сказал он, пока индейцы почитательно разглядывали сидевшего у огня священника.

Тот быстро поднял голову, как бы удивившись тому, что кто-то с ним заговаривает, и, оставив книгу, произнес:

— Вот диво! путешественники в этих местах! Добро пожаловать...

— Ваше преподобие, — сказал Франк, — не позволите ли вы нам остановиться в вашем бивуаке?

— Лицо земли принадлежит всем детям мира сего, — уклончиво ответил пастор. — Вода, пастбище, хворост и даже дичь, которая здесь обретается, принадлежат столько же вам, господин офицер, сколько и нам.

— Итак, с вашего позволения, мы остановимся и расположимся здесь, — сказал молодой человек и в ту же минуту слез с лошади и начал ее расседлывать. — Почтенный отец, — продолжал он с изысканной вежливостью, — благоволите сказать мне, с кем я имею честь говорить? Мое имя Армстронг — подпоручик 12-го драгунского, к вашим услугам.

Пастор уже опять было углубился в свое чтение. Он снова, как бы удивленный, поднял голову и произнес:

— Извините, вы, кажется, о чем-то меня спрашивали, господин офицер?

— Да, да, — слегка нахмурившись, ответил Армстронг. — Я просил вас сказать мне ваше имя. Я офицер федеральной армии, достопочтенный отец, и не только мое право, но мой долг — осведомиться об имени и роде занятий всякого белого, которого я встречаю на индейской земле.

— О, вы, конечно, извините мое незнание военных обычаев, господин офицер! Очень рад объявить вам и мое имя, и род моих занятий. Я — пастор Смитфилд, ба-

калавр богословия из Каенны, и направляюсь в лагерь снуков, где, быть может, мне удастся кого-нибудь обратить в христианскую веру.

— В самом деле! — воскликнул Франк. — Я тоже, почтенный отец, на дороге в лагерь снуков: мы можем идти вместе!

На этот раз пастор отложил в сторону молитвенник и с минуту молча смотрел в глаза молодому офицеру.

— Вы это серьезно говорите? — спросил он. — Понимаете ли вы, что я отправляюсь к вождю, который поклялся в непримиримой ненависти к американскому правительству, и что, если вы вздумаете там показаться, тысяча воинов, жаждущих крови, растерзает вас?

— Знаю, но отчего же не попробовать солдату того, на что решается пастор?

— Вы забываете одну деталь, одну особенность моего положения, а именно: самые дикие краснокожие уважают лиц духовного звания. Они знают, что я прихожу к ним не за землями, не за мехами, и что за убежище я им заплачу. Вот почему я без опасения могу пойти к снукам, тогда как вы рискуете жизнью, и можно спорить сто против одного, что вы поплатитесь ею.

— Ваши рассуждения не лишены справедливости, но тем не менее я решил или следовать за вами в лагерь снуков или отвести вас пленником в форт Лукут.

— Как то, так и другое будет недостаточно великодушно, — ответил мнимый Смитфилд. — Если я не ошибаюсь, вам хочется, чтобы я ввел вас к индейцам?

— Именно, вы как нельзя лучше поняли мою мысль.

— Но подумайте только: ведь я и по своему сану и по личному убеждению должен оставаться нейтральным. Выходит, что я, посланник мира, берусь ввести в лагерь Медведя-на-задних-лапах — великого вождя племени снуков — человека, мне совсем незнакомого, который в конце концов, может быть, не что иное как шпион, и у которого, конечно, готов какой-нибудь план для истребления племени...

Франк Армстронг живо почувствовал всю справедливость этого возражения и поник головой.

— Почем вы знаете, — заговорил он наконец, — может быть, наперекор вашему мнению, я несу предложение мира вождю снуков. Послушайте, почтенный отец, мне надо вам объяснить мои намерения, иначе они вам могут показаться просто фантазией. Уверяют, что там появился вождь... белый... т. е. смешанной крови: напо-

ловину индеец и наполовину американец,— что недоразумения, жертвою которых он сделался, отвратили его от белых и бросили на сторону индейцев... На основании того, что о нем рассказывают, о его гении, отваге, о военных познаниях, о возвышенности взглядов, мне кажется, что это один из моих друзей... самый дорогой товарищ молодости... и мне хочется спасти его от безумного предприятия, задуманного им, убедить его бросить дальнейшее восстание, которое может кончиться только бедой для краснокожих... Вот почему мне хочется проникнуть в лагерь сиуксов, а там — что Бог даст! Если вы, отче, откажетесь мне в этом помочь, мне останется одно: просить вас сопровождать меня в форт Лукут.

Мнимый священник пожал плечами.

— Нет, сударь мой, в Лукут вас провожать я не буду. Мне лучше исполнить ваше желание. Но помните, какой опасности и какому риску вы подвергаетесь... Индейцев ваших вести с нами немислимо. В роли своего слуги могу я вас провести в лагерь. Само собой разумеется, что моя свита может иметь при себе только по одному ружью, необходимому для добывания дичи на пропитание.

— Нет, — возразил Армстронг, — вы меня возьмете таким, как я есть. К вождю племени сиуксов поедет поручик 12-го драгунского полка, а не слуга пастора. Что касается моих индейцев, то, если вы находите нужным, я их отошлю, — ничего нет проще.

Почти с восхищением Смитфилд смотрел на Франка Армстронга, меряя его с ног до головы.

— Ну, пусть будет по-вашему. Это — сумасшествие, но оно меня восхищает.

Выражение лица и вся фигура говорившего так поразили Армстронга, что он воскликнул:

— Простите меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что вы не тот, за кого себя выдаете, — одним словом, вы — не пастор!

— Вы правы, — сказал Мэггер, решительно сбрасывая маску, — я специальный корреспондент «Геральда», к вашим услугам, и искренний поклонник вашей отваги. Когда вы только захотите, господин Армстронг, если вы владеете пером так же искусно, как шпагой, вы можете поступить в редакцию нашей газеты, так как, я полагаю, во всей вашей засидевшейся в казармах армии не найдется и двух офицеров, которые осмелились бы на то, что вы предпринимаете!

Говоря это, он протянул руку молодому офицеру, и тот искренно пожал ее.

— Скажите, пожалуйста, имели ли вы хотя малейшее подозрение относительно того, кто я, до того времени, как я выдал себя?

— Право, нет. Вы отлично исполняете свою роль.

— Ничего не поделаешь! Надо быть на все способным, когда хочешь разжиться свежими новостями. Это, пожалуй, скажете вы, уж слишком; но мне взбрело в голову представить подробный отчет о том, что произойдет на большом совете сиуксов, и я или попаду к ним, или сложу голову.

— А вот увидите,— с жаром сказал Армстронг,— мы добьемся своего и ничем за это не поплатимся!

— Да, мы добьемся, я это чувствую, а мои предчувствия меня никогда не обманывали... Полагаю, кусочек жареного мяса вам будет нелишним, не так ли?

Чарлей и Красавец Билль принялись немедленно за работу, и через четверть часа между молодыми людьми была заключена дружба, и они уселись за великолепный бифштекс.

Глава 9

ОХОТА НА БУЙВОЛОВ

Внутри форта Лукут в тот день все было в движении, слышались веселые голоса и звуки музыки.

Оркестр 12-го драгунского полка исполнял свои лучшие номера; у ворот стояли шарабаны и фургоны, а на плацу толпились всадники и амазонки. В числе всадников большая половина была офицеров, но были и приглашенные штатские; последние, вооруженные с головы до ног ружьями и револьверами, восседали на индейских пони. Бывший между ними судья Брэнтон, одетый в серый костюм и высокие сапоги, имел вид завязтого охотника.

Комендант полковник Сент-Ор, сменивший свой военный мундир на замшевую куртку, отдавал последние приказания и распоряжения относительно участников охоты.

— Господин Брэнтон, я оставил вам место в шарабане с моей женой и госпожой Пейтон. Пожалуйста, займите ваше место: пора выезжать. Нам предстоит про-

ехать четырнадцать миль, прежде чем доберемся до буйволов. А где же господин Гевит?

Подпоручик Гевит подъехал на лошади; он был бледен и с рукой на перевязи. Его враг Татука не найден, хотя поиски велись вплоть до Малого Миссури.

— Господин Гевит, я поручаю вам сопровождать фургоны с провизией. Поймите, вам нужно себя беречь, не утомляться, не то вы огорчите доктора Слокума, если привезете с охоты лихорадку. Вы поедете шагом, — вот вам мой приказ. А теперь — на коней и марш!

И все тронулись из форта.

Через полчаса компания достигла границы зеленых лугов, начинающихся в двух-трех милях от форта Лукут и продолжающихся вплоть до голой степи.

Воздух был сух, чист и так прозрачен, что все предметы казались ближе, чем на самом деле; но в то же время было довольно свежо — это была середина октября, и прошло уже три недели после выступления отряда под командой Ваи Дика из форта Лукут в степь. Во все это время на сто миль в окружности никто не видел ни одного индейца, хотя разведка делалась каждый день. Вот почему комендант и счел возможным устроить эту грандиозную охоту на буйволов.

Соседи, узнав об отсутствии индейцев в округе, старались друг перед другом получить приглашение на эту охоту. Все дамы и почти все офицеры форта приняли участие в празднике. В форте с временным комендантом капитаном Штрикером остались только несколько офицеров для прохождения гарнизонной службы.

Немногие были в экипажах, остальные разжились верховыми лошадьми.

Жюльета Брэнтон, единственная дочь богатого отца, восседала на великолепном чистокровном коне, приведенном с большими хлопотами и издержками из Омахи собственно для этого дня. Что же касается Нетти Дашвуд, то ее имущество заключалось только в седле и длинной амазонке, и ей пришлось бы удовольствоваться фронтовой драгунской лошадью, если бы на выручку не подоспел капитан Джим.

— Милая барышня, — сказал он, — у меня есть пони, хотя не очень красивый, но быстрый на ходу; я предоставляю его в ваше полное распоряжение. Попробуйте, а я вам ручаюсь, что уж позади других вы на нем не останетесь.

Нетти Дашвуд, которой не очень-то улыбалась перспектива карабкаться на высокую солдатскую лошадь, приняла предложение капитана Джима с благодарностью, и, таким образом, очутилась на прелестном белом пони, полном жару и огня.

Себе капитан Джим оставил красивую гнедую лошадь, купленную в Южной Каролине у одного разорившегося плантатора. Брат Джима, полковник, сидел на своем великолепном жеребце; поручик Пейтон выглядел недурно на своем вороном. Вообще, все было прилично, а у некоторых гостей были и прекрасные лошади и красивые костюмы.

Все общество весело двигалось по зеленому лугу, болтая и пересмеиваясь; иногда пускали лошадей в галоп; в арьергарде величественно тащились фуры с багажом и провизией.

Переход в четырнадцать миль совершился почти незаметно, и не прошло и двух часов, как раздался сигнал остановиться на привале. Место выбрано было очень красивое: тут была свежая зелень и несколько водоемов, исполненных последними дождями.

Вся окружающая местность была именно такую, какой представляется воображению европейца «американская равнина». Это, насколько хватает глаз, океан зеленой густой травы, перелнвающейся разными тенями, которая колышется от тихого ветерка как морские волны.

— Вот это настоящая равнина! — вскричала Нетти Дашвуд.

— Что же, разве мы здесь остановимся? — спросила Жюльета.

— Да, сударыня, — сказал адъютант Пейтон. — Фургонам отдано приказание остановиться у того озерка, и там будет приготовлен завтрак. Нам остается не более одной милн до большой дороги, по которой ходят буйволы.

— О, как бы мне хотелось поскорее их увидеть! — сказала Нетти. — Разве мы не успеем доехать туда, пока готовят кушанье?

— Пожалуй, — согласился Джим, — это займет не более получаса времени. Мисс Жюльета и вы, Пейтон, хотите принять участие в нашей экспедиции?

Получив утвердительный ответ, капитан поехал вперед, чтобы показывать дорогу, девушки в сопровождении Пейтона следовали за ним. Кавалькада направилась к линии холмов, которые замыкали равнину с северной

стороны. Вскоре они потеряли из виду оставшихся на месте охотников.

— А что, если я вдруг брошу вас,— спросил Джим у Нетти Дашвуд,— найдете вы одна дорогу назад?

Она оглянулась во все стороны: зеленая равнина не представляла ни одной сколько-нибудь выдающейся примет.

— Попробую,— сказала она уверенным тоном.

— А какое же направление вы возьмете?

— На запад, конечно, так как по выезде из форта мы шли на восток, если я не ошибаюсь.

— Ну, а как вы определите, где восток?

— По солнцу, конечно.

— А если солнце будет за тучами?

— Ну, в таком случае я прибегну к помощи моего компаса.

— Как, у вас есть компас?

— А вот видите, на часовой цепочке.— И она показала крошечный компас, величиною не более монетки.

— Ну, признаюсь, вы одно из чудес нашего времени. Ведь вот кухне вашей такая предосторожность и в голову не придет.

Жюльета Брэнтон с Пейтоном немного отстали; вот почему Джим позволил себе такой бесцеремонный отзыв.

— Вы очень ошибаетесь насчет моей кухни: она совсем, совсем не глупа; она говорит на трех языках.

— Да я и не сомневаюсь в том, что она говорит на трех языках, исполняет сонаты Бетховена, поет модные романсы и сумеет нарисовать букет роз на веере. Сомневаюсь только в одном, что она, раз заблудившись здесь, сумеет найти дорогу.

— Ну, об этом ей, как и нам, нечего беспокоиться. Полагаю, что мы здесь не потеряемся.

В это время лошади начали подниматься на довольно крутой пригорок, и капитан, внезапно остановившись, сказал девушке:

— На том склоне горы могут быть буйволы. Пустите меня одного подняться, а вы подержите мою лошадь.

— Давайте.

Джим Сент-Ор слез с лошади, передал поводья своей спутнице и с подозрительной трубой в руках взобрал на вершину горы. Там он осторожно улегся в траве и, направляя трубу в разные стороны, принялся осматривать

окрестность. Вдруг он быстро собрал трубу, повернулся и поспешно стал спускаться с горы.

— Надо как можно скорее вернуться в лагерь,— сказал он своим спутникам,— там индейцы.

При этом неожиданном известии Жюльета Брэнтон так побледнела, что казалось — она сейчас лишится чувств. Что касается Нетти, то у нее от радости заблестели глаза, и она воскликнула:

— Какое счастье, как интересно! Ведь я никогда не видала диких, то есть настоящих диких...

Оба офицера в недоумении переглянулись. Их поразила эта безотчетная отвага слабенькой на вид девушки, какой казалась мисс Дашвуд рядом с величественной Жюльетой Брэнтон.

— Успокойтесь, мисс Жюльета,— сказал Джим,— нет никакой опасности: индейцы от нас в пяти милях, если не больше, и притом они нас не заметили.

— Все равно я боюсь! — вскричала Жюльета с неопишемым ужасом.— Поедьте, поедьте отсюда! Господин Пейтон, ради Бога, проводите нас скорее в лагерь.

— В самом деле, уезжайте-ка по добру, по здорovu. Я поеду позади вас, чтобы понаблюдать за передвижением этих разбойников и вообще узнать, в чем дело.

— Позвольте мне остаться с вами, капитан,— взмолилась Нетти Дашвуд, как бы желая этим окончательно успокоить Жюльету.

— С большим удовольствием, тем более что в сущности никакой опасности не предвидится.

Несмотря на это уверение, Жюльета Брэнтон пустила свою лошадь в галоп и поскакала к лагерю в сопровождении Пейтона. Вскоре оба скрылись за холмами.

— Вы, мисс Нетти, просто храбрый солдатик,— сказал капитан, когда они остались вдвоем.— Но вы сильно ошибаетесь, если предполагаете в индейцах рыцарские чувства и ожидаете какого бы то ни было снисхождения к девушке. Ведь это просто дьяволы: они не различают ни пола, ни возраста, и, откровенно говоря вам, если бы нам грозила опасность быть захваченными здесь, то прежде чем попасть к ним в руки, я взял бы револьвер и застрелил сначала вас, потом себя. На этом условии вы не откажетесь от своего желания подняться на вершину, чтобы посмотреть на индейцев?

Нетти чуть-чуть побледнела, и рука, державшая повод, задрожала, но она быстро овладела собой и сказала:

— Да, капитан, я иду с вами! К тому же я вооружена! — И она вынула из-за пояса маленький пистолет, отделанный слоновой костью, и показала его Джиму.

— Что это такое? — спросил он, надевая лорнет, как будто оружие было слишком мало, чтобы его разглядеть.

— Это очень хороший пистолет, уверяю вас, — сказала Нетти, немножко обиженная. — Я из него попадаю в шляпу с двенадцати шагов семь раз из десяти.

— Мисс Нетти, вы напомнили мне слова, сказанные неким Чарлеем Колорадо, когда противник направил на него такое же точно оружие...

— Чарлей Колорадо?.. Это кто ж такой?

— Житель равнины, один из наших друзей. «Слушай, друг, — говорил он, — если я услышу малейший шум от этой игрушки (показывая на пистолет), я заставлю тебя проглотить ее как пилюлю».

Нетти расхохоталась и, видя, что капитан садится на лошадь и едет на гору, последовала за ним не колеблясь.

Они сразу же разглядели вдаль группу людей, направившихся прямо к ним.

— Почему вы думаете, что это индейцы? — спросила Нетти.

— Возьмите трубу и посмотрите сами.

Она взяла трубу, направила ее в указанную сторону и после нескольких минут наблюдения воскликнула:

— Конечно нет, капитан! Это вовсе не индейцы. Разве индейцы носят шляпы?

— Позвольте-ка мне еще раз поглядеть в трубу. Конечно, я мог ошибиться... Но мне кажется, что...

На этот раз он смотрел долго и внимательно и вдруг разразился хохотом.

— Ваша правда, мисс Нетти! Я-то хорош: принял белых за краснокожих, да еще каких белых — своих собственных драгун. Ведь это поручик Ван Дик и его команда!

Девушка побледнела как полотно, потом вспыхнула, но смолчала...

— Ну, ну, успокойтесь, — сказал отеческим тоном капитан. — Вам не придется распечатывать знаменитого письма, чему я очень рад. Ваш друг, конечно, цел и невредим, как я и предсказывал вам.

— Но разве вы видите его? — спросила она вдруг.

— Ах, в самом деле, нет, его я еще не видел; но как

же вы хотите на таком расстоянии разобрать лица? Надо хорошенько взглядеться.

— Ах, пожалуйста, взглядитесь, прошу вас,— сказала Нетти.— Не знаю почему, но я не могу теперь справиться с подозрительной трубой. А вы, дорогой капитан, попробуйте, постарайтесь разглядеть...

Он исполнил ее просьбу и уставился вооруженным глазом в отряд, быстро приближавшийся к ним. Без сомнения, это Ван Дик качается в седле во главе колонны; усталые и исхудавшие лошади; люди, покрытые слоем пыли, обросшие за три недели, в течение которых к их лицам не прикасалась бритва... Вот и проводники Красной Стрелы, но самого Красной Стрелы, так же как и подпоручика Армстронга, что-то не видно.

Капитан все продолжал смотреть; у него возникло печальное предчувствие, и он задал себе вопрос: что сказать бедной девушке, которая ждет его ответа как приговора?

Наконец он опустил трубу, но прежде чем он открыл рот — девушка сама обо всем догадалась:

— Я так и знала! — вскричала она. — Я была уверена, что Корнелиус выдаст его, изменит ему... подлец... О, капитан Сент-Ор... Какой негодяй этот Корнелиус! Он цел, он не умер, он не подвергался никакой опасности... О, как я ненавижу его! Я убила бы его охотно собственной рукой, несмотря на то, что он мне двоюродный брат.

Она задыхалась от рыданий и от охватившего ее негодования.

— Полноте, перестаньте, мисс Нетти,— сказал капитан твердо,— вы сами не знаете, что говорите! Надо образовываться с фактами, а не предположениями... Армстронга, кажется, нет при отряде,— это возможно; но в то же время я не вижу и Красной Стрелы, самого искусного из всех проводников и следопытов по всей равнине. Отчего не предположить, что они просто остались позади? Во всяком случае, мы узнаем истину, если поедем навстречу Ван Дику.

— Навстречу этому чудовищу?.. Никогда!.. Нет, прошу вас, капитан, вернемся лучше в лагерь. Никто не посмеет сказать, что я, единственный — да, единственный — друг Армстронга, пошла приветствовать того, кто его предал, покинул его, я в этом уверена... Когда я считаюсь другом кого-нибудь, то это всецело и на всю жизнь.

— Я это вижу,— ответил Сент-Ор.— В таком случае, поедем в лагерь, а не то они нас застигнут здесь.

Нетти не заставила себя уговаривать, она повернула лошадь и пустила ее в галоп; за нею вслед поскакал и капитан Сент-Ор.

Они застали в лагере страшный переполох: комендант был на лошади, фургоны образовали каре, в котором люди готовились к отпору ожидаемого нападения.

Само собой разумеется, что известия, привезенные капитаном Джимом, положили конец этой тревоге. Комендант поехал навстречу отряду, а Нетти удалилась в палатку миссис Сент-Ор и там, на груди Жюльеты, плакала и высказывала свои опасения, которых не могла скрыть.

Глава 10

ДОНЕСЕНИЕ ПОРУЧИКА ВАН ДИКА

Комендант, отъехав от лагеря, вскоре увидел приближавшийся отряд и с напряженным вниманием стал разглядывать его.

Прежде всего бросался в глаза Ван Дик, ехавший во главе колонны; в арьергарде виднелось несколько лошадей и мулов в поводу,— признак того, что отряд понес потери; люди имели утомленный и унылый вид; все говорило о дурном исходе экспедиции.

Комендант, впрочем, воздержался от того, чтобы высказать новоприбывшим свое неприятное впечатление. Он холодно ответил на отданную ему честь; Ван Дик скомандовал солдатам остановиться и подъехал с рапортом.

— Господин полковник, имею честь представить вам отряд, вверенный мне; мы были на расстоянии десяти верст от Желтой реки, шли по замеченным нами следам, встретили и рассеяли шайку снуксов, убили при этом трех человек и отобрали несколько лошадей. Зато, в свою очередь, мы понесли чувствительную потерю: я должен, к сожалению, объявить, что из отряда выбыл подпоручик Армстронг и проводник Красная Стрела. Они оба в плену у индейцев.

— При каких обстоятельствах это произошло? — спросил полковник, впиваясь глазами в Ван Дика.

Молодой офицер потупился и, помедлив несколько, заговорил своим слащавым голосом:

— Господин Армстронг отделился от нас. Он просил моего разрешения пуститься по новому следу; с ним поехали проводники: Красная Стрела, Ловкая Лисица и Вольшая Собака. Было условлено, что они не позже трех дней возвратятся к отряду, который будет ожидать их в устье ручья Бомини, на том самом месте, где генерал Молей во время своей последней экспедиции оставался лагерем.

— Хорошо-с, опустите эти подробности,— сказал полковник, заметив, что поручик тянет.

— Мы ожидали три дня; это дало нам возможность немножко поправить лошадей; на третий день двое из проводников, взятых господином Армстронгом, вернулись. И так как от них я узнал, что по соседству бродит шайка сиуков, то и счел необходимым разогнать эту сволочь, и в ту же ночь мы их настигли... Подо мной ранена лошадь...

— Но позвольте, что же случилось с господином Армстронгом? где он? — перебил рассказчика полковник с тревогой в голосе.— Подробности вашего подвига вы расскажете после... Проводники, вы сказали, вернулись...

— Безо всякого поручения ко мне от Армстронга, господин полковник. Из их рассказов я понял, что он встретил какого-то контрабандиста, торговца мехами или что-то в этом роде, и в его сообществе поехал прямо в лагерь сиуков.

Комендант сделал удивленный жест и погрузился в раздумье.

— Изо всего этого каким путем пришли вы к заключению, что Армстронг в плену?

— Не могло быть иначе в местности, где индейцы буквально кишмя кишат, тем более, что он отправился один... Мы сами, если бы не разогнали шайки сиуков, вероятно были бы окружены ими и...

— Окружены? вы? Да сколько же их было, этих сиуков?..

— Три больших шалаша, господин полковник, и штук пятьдесят лошадей... Конечно, после этой стычки мы поспешили обратно в крепость.

— Это и видно,— возразил комендант.— Но скажите, пожалуйста, как решились вы позволить Армстронгу покинуть отряд и идти в опасный, бесполезный для дела поход...

— Поверьте мне, господин полковник, я сделал это не без колебания... но он настаивал... с ним было трое

проводников... к тому же до той поры мы не встретили ни одного краснокожего. Он не хотел возвращаться, не получив новых сведений... Наконец, данные ему мною приказания были очень точны. Он обещал вернуться к отряду через три дня, чтобы вместе с нами идти в форт. Желая сделать все по-своему, он — я несколько не хочу, господин полковник, обвинять бедного юношу — нарушил мое приказание. За это он дорого поплатится, и едва ли мы его когда-нибудь увидим.

— Хорошо-с, — очень холодно сказал полковник. — Мы об этом еще поговорим. Вы можете продолжить ваш путь и вступить с отрядом в форт. Мы здесь на охоте; но придется, должно быть, ее прервать... Ах, бедный Армстронг!..

Говоря это, полковник повернул коня и, пришпорив, поскакал к лагерю.

Там все были в ожидании, ходили беспокойно взад и вперед, спрашивали друг друга и не знали, что делать. Сначала всех встревожило ложное известие о приближении индейцев, привезенное мисс Брэнтон и Пейтоном; затем пришло известие о возвращении Ван Дика; узнав, что одного офицера и одного проводника нет в отряде, и, как водится, посыпались самые противоречивые предположения; выросшие на почве этих смутных известий. А в лагере, как правило, неясные речи и слухи превращаются в определенные точные факты. Так было и теперь. Солдаты, обыкновенно почтительные и скромные в присутствии начальства, в сущности, самые искусные сочинители новостей по тем немногим словам, которые им удастся подслушать. И ко времени возвращения полковника легенда была готова: Ван Дик был атакован полчищами индейцев; половина отряда перебита; в том числе погиб и подпоручик Армстронг.

Большая часть приглашенных на охоту штатских принимала эти рассказы за чистую монету, раскаивалась в том, что променяла спокойную жизнь в горах на какую-то охоту за буйволами. Можно было представить, что вид скачущего во весь опор полковника со свитой не способствовал водворению спокойствия. Напротив, произошла паника; все бросились к лошадям и мулам.

Миссис Сент-Ор, обеспокоенная шумом, показалась на пороге своей палатки.

— Ничего, Эльси, — успокаивал ее полковник, круто осаживая коня у самой палатки. — Никакой опасности нет! Только маленькая помеха: мы вынуждены отло-

Vol. 10
No. 12
1862
Published by
the
American
Anti-Slavery Society

Monthly Tracts
No. 12
1862
Published by
the
American
Anti-Slavery Society

of the
the
the
the

жить охоту до другого раза... Я получил давно ожидаемые известия... и надо ехать в форт... Трубач, играй сигнал: седлать лошадей!

Полковник отдал приказ громким голосом, чтобы все могли его слышать, и прежде чем трубач успел проиграть сигнал, лошади были приведены, все бросились их седлать и усаживаться; только солдаты, более привычные и ловкие, делали свое дело не спеша и не волнуясь.

— Надеюсь, дорогой комендант,— сказал, подбегая, раскрасневшийся и запыхавшийся судья Брэнтон,— ничего серьезного нет?

— Решительно ничего. Разведчики, отправленные мною в земли индейцев, принесли мне ожидаемые известия, и эти известия предвещают войну. Нам предстоит поход, и вот почему я вынужден отложить охоту и вернуться в форт. Мне очень жаль, дорогой мой, что вы и все наши гости лишаетесь удовольствия, которого ожидали. Но тут уж виновата стихийная сила. Война — это одно из таких дел, которые нельзя откладывать.

— Еще бы, без сомнения,— сказал значительно успокоенный судья.— Мы, полковник, ни в коем случае не хотим стеснять вас и завтра же утром покинем форт и уедем на запад.

— Зачем так торопиться, дорогой судья,— у нас вам решительно нечего бояться, поверьте мне. Вот только дамам будет немного скучно оставаться в крепости, когда все офицеры отправятся в поход...

Судья догадался, куда метит комендант, и поспешил прекратить разговор. Перспектива быть утешителем скучающих в опустевшей крепости дам ему вовсе не улыбалась.

— Да, конечно, я был бы очень рад быть вам и им полезным... но не вижу, как это устроить... Извините, я пойду посмотрю, где лошадь моей дочери... Надеюсь, ваша экспедиция увенчается полным успехом,— и он скрылся в палатке.

— Где же моя дочь? — спросил он у слуги, собиравшего чемоданы.

— Барышня с мисс Дашвуд, кажется, находятся у госпожи Сеит-Ор.

Судья повернулся и собирался уже войти в указанную ему палатку, как позади него раздался голос:

— Здравствуйте, дядя! Как поживаете? Слава Богу, я вернулся здоров и невредим!

— Это ты, Корнелиус?..— сказал судья, увидев племянника, слезавшего с лошади.— Но как ты сюда попал?

— А я сделал маленький крюк, чтобы пожелать вам доброго утра. Я еще успею нагнать моих людей, прежде чем они войдут в крепость. Кузины здоровы?

— Они у миссис Сент-Ор... Но верно ли то, что говорят о бедном Армстронге?

— Слишком верно, дядя. Вы уже больше никогда не увидите этого молодчика,— ответил поручик звонким, почти веселым голосом...— Он попал в плен к индейцам и в настоящую минуту уж наверно изжарен живьем...

В этот момент в дверях палатки показалась легкая тень и, чистым, звонким голосом послав поручнику односложное приветствие: «Подлец!», исчезла.

Все это совершилось скорее, чем можно рассказать.

Корнелиус слегка побледнел, но затем с обычной самоуверенностью спросил:

— Где же Жюльета?

— Она у миссис Сент-Ор,— повторил судья.— Бедняжка так испугалась близости индейцев... И, конечно, было чего испугаться!.. Пойдем к ней, посмотрим, как она себя чувствует.

Но Корнелиус, выражавший только что страстное желание видеть кузину, казалось, переменял свое намерение, и когда судья, приподняв полотно у входа в палатку, жестом пригласил его войти, он заговорил:

— Нет, дядя... я боюсь опоздать... бегу к отряду. Прощайте, дядя; скажите Жюльете, чтобы она не беспокоилась обо мне!

И, сев на коня, он пустился во всю прыть, как будто шайка сиуксов гналась за ним по пятам.

Глава II

ПИСЬМО

Жюльета и Нетти, по возвращении в крепость, расположились в назначенной для них комнате второго этажа комендантского дома. Жюльета обливалась слезами; Нетти, напротив, с сухими глазами была спокойна и смертельно бледна.

— Ах, милая Нетти,— всхлипывала Жюльета,— не могу поверить, чтобы это была правда. Нет, это невозможно!.. Бедный Франк Армстронг! Такой веселый, та-

кой добрый и потом он так любил меня! Как подумаю, что уже больше его не увижу!.. Бедного Корнелиуса мне тоже очень жалко. Они были друзьями, и он ни за что на свете не бы не выдал его.

— Это, однако же, не помешало Корнелиусу бросить его на верную смерть, а самому вернуться целым и невредимым, чтобы ухаживать за тобой!..

— Что же ему было делать? — возразила Жюльета, принимаясь плакать навзрыд.— Я знаю, что Армстронг питал ко мне нежное чувство. Но Корнелиус тоже влюблен в меня. и я не знаю, почему ты так резко о нем отзываешься. Да наконец, чем он виноват, что остался в живых?

И мисс Брэнтон продолжала плакать, качаясь в своем кресле.

Нетти встала. Молния сверкнула в ее глазах

— Короче сказать, Армстронга нет, и вы не прочь выйти теперь замуж за Ван Дика.

— Как можешь ты, Нетти, так говорить! Ведь бедный Франк еще даже не похоронен! Ты — дитя и ничего в этом не понимаешь... видно, что ты не любила... иначе твое сердце тебе многое бы разъяснило...

— Что ж, это правда... Я не более как дитя. . и, по-моему, ничего не понимаю в любовных страданиях.. Ты права. А все-таки я была другом Армстронга и я не могу забыть, что однажды он дал мне... и это единственная вещь, которую я получила от него...

Нетти произнесла последние слова вполголоса, как бы разговаривая сама с собой. Затем она смолкла и погружилась в грустные раздумья...

Кузина ее молча плакала, раскачиваясь в кресле

— Меня всего более возмущает, что ты готова так скоро отречься от всякого воспоминания о доблестном льве и привязаться к трусливому оленю. Послушай, Жюльета, обещай мне не выходить замуж за Корнелиуса по крайней мере до тех пор, пока смерть Армстронга не будет удостоверена. Подожди хоть один год,— ну, хотя полгода в память его.

— Как бы не так! Это чтобы сказали, что я ношу по нему траур,— сказала Жюльета, уже забыв и о платке и о слезах.— Милая Нетти, это невозможно, и если отец потребует, я должна буду послушаться, несмотря на всю мою печаль...

Милое личико Нетти при этих словах еще более поbledнело.

— Ну, в таком случае я тебе должна открыть секрет... Когда господин Армстронг уезжал в поход, он оставил мне письмо. Хочешь узнать, что он говорит в этом письме?..

— Письмо!.. от Франка! К тебе? Как он смел!

— О, не будь, пожалуйста, ревнива,— возразила со слабой улыбкой Нетти.— Бог свидетель, что Франк был более привязан к тебе, чем ты к его памяти. Письмо адресовано мне, но оно без сомнения обращено к тебе. Хочешь, я тебе его прочту? Распечатывать?

— Увы, делать нечего! — отвечала Жюльета, снова закрывая платком глаза.— Это новый удар моему сердцу... Но я должна принести себя в жертву. Нетти, не обращай внимания на меня и на мое горе.

Нетти взглянула на нее с полным участием; ей стало известно за сделанные кузине упреки, и она сказала:

— Полно, Жюльета, не плачь, быть может, лучше не читать письма? Я сберегу его у себя, если ты позволишь... Однако должна же я узнать его последнюю волю, чтобы исполнить ее. Как бы он огорчился, если бы узнал, что я хочу уклониться от этого тяжелого долга. Как подумаю, что теперь труп его, может быть, валяется где-нибудь в степи... он, может быть, оттуда смотрит на нас и в эту самую минуту...

Жюльета вздрогнула и оглянулась кругом.

— Ты меня приводишь в ужас,— сказала она.— Распечатывай же письмо, читай, наконец! Ты ведь видишь, я страдаю. Зачем же ты томишь и мучишь меня...

Нетти более не колебалась. Вынув из-за корсета сложенный конверт, она прочитала две строки, написанные на конверте: «Открыть только в том случае, если я буду убит или взят в плен индейцами. Нетти Дашвуд, самому лучшему и вернейшему другу моему».

— Вы слышите, он называет меня лучшим и вернейшим другом. Да благословит его Бог! Бедный юноша!

И Нетти, устремив взор к небу, осталась на минуту безмолвною.

— Прошу тебя, не заставляй меня ждать! — вскричала нетерпеливо Жюльета.— Ты, право, не ставишь ни во что мое горе.

Нетти поспешно распечатала конверт и вынула письмо; оттуда выпал локон волос...

— О, это мне, Жюльета! Ты ведь не станешь оспаривать этого, не так ли? Это он посылает, чтобы показать, что не забывал и меня в то время, как писал...

Тут Жюльета перестала плакать.

— На твоём месте я прежде всего прочтала бы письмо, — заметила она сухо. — Иначе как узнать, кому предназначается этот локон?

— Как бы то ни было... ты мне их оставишь?.. Ведь у меня от него ничего нет...

— Да читай же, наконец, письмо или давай мне, я прочитаю!

Тут уж Нетти не заставила себя более просить.

«Форт Лукут. 13 сентября.

Я отправляюсь в опасную экспедицию, откуда поклялся вернуться не иначе как с тем, чтобы о моих похождениях было сказано в приказе по армии. Если бы я мог предположить, что кто-нибудь прочтёт это при моей жизни, я бы не стал этого писать. Вы знаете, как я чужд всякого хвастовства. Но вы также знаете, зачем я так стремлюсь отличиться: излишне вам и говорить, дорогая Нетти, что это в надежде, быть может безумной, приблизиться, благодаря славе, к вашей кузине Жюльете, светозарной звезде моей жизни...

(Улыбка тщеславия заиграла тут на розовых губках Жюльеты).

Я решил пробраться в лагерь индейцев. И если я оттуда вырвусь, то, конечно, со славой. Если же в течение месяца я не вернусь, это будет значить, что мы уже более не увидимся. Ван Дик — добрый малый, но я не думаю, чтобы он рискнул идти со мной; да я и не позволю себе осуждать его за это. Если бы я был богат, как он, и был бы кузеном Жюльеты Брэнтон, — не знаю, дорогая Нетти, долго ли бы армия имела удовольствие считать меня в своих списках. Но я должен составить себе имя, а дорога, ведущая к этому, полна опасностей. Никакой риск мне не страшен, когда впереди такая награда! Я верю в свою судьбу, и я достигну своего или сложу голову.

Я вам пишу это, Нетти Дашвуд, полагаясь на вашу честность и верность вашей дружбы. Когда меня уже не будет, скажите Жюльете, как сильно я ее любил. Она так прекрасна и блестяща, что в окружавшей ее толпе поклонников, может быть, и не заметила меня, самого робкого. Но вы, маленький друг мой, вы знаете все; вы знаете, что я стал сам не свой с того знаменитого бала, вы помните — того бала, когда вы, подражая большим, просили у меня и я дал вам пуговицу с мундира. Ми-

лая Нетти, тогда вы были еще ребенком, но я и теперь с удовольствием вспоминаю ваше обращение со мной. Отчего вы не мальчик! Как жаль: мы были бы с вами неразлучны.

(Эта часть письма, надо сознаться, очень мало понравилась Жюльете. Она даже бросала какие-то особенно недружелюбные взгляды на кузину во время этого чтения).

Но к чему я заговорил о прошлом, когда должен думать теперь только о приведении своих дел в порядок перед смертью! Я оставил свое завещание капитану Сент-Ору, который взялся исполнить мою последнюю волю. Мою шагу я прошу отослать моей матери, некоторые мелочи — моим родным. Вам, дорогая Нетти, я доверяю исполнить самое дорогое и священное для меня поручение... В письме вы найдете локон волос... Возьмите на себя труд передать его Жюльете. Скажите ей, что моя последняя мысль принадлежала ей, и последнее мое слово — было ее имя. Еще скажите ей, прочитав это письмо, что более никогда... никогда она не услышит имени —

Франка Армстронга.

Упавшим голосом окончила Нетти чтение письма, замолкла и неподвижно уставилась на клочок голубого неба, видневшегося в окно, а слезы невольно струились по бледному лицу; но видно было, что к ее горю примешивалась какая-то отрадная мысль, так как что-то похожее на улыбку виднелось на ее губах.

Вдруг раздраженный голос кузины привел ее в сознание.

— Что же ты не отдаешь мне его локон? Ведь тебе поручили передать локон мне, а ты, кажется, не прочь его присвоить?

Нетти встала вся бледная и выпрямилась.

Жюльета сделала то же, и обе девушки очутились одна против другой, как бы меряя друг друга взглядом.

— Ну что же, отдашь ты мне локон? Ты ведь знаешь, что это подарено мне, а не тебе, потому что ты для него была ничто!

— Ничто! И ты решаешься говорить, что я была для него ничто? Разве не на меня он возложил самое важное поручение? Он хотел именно меня и никого другого иметь посредником между ним и тобой. А такое доверие не безделица, Жюльета, и ты это понимаешь и созна-

ешь, иначе ты не была бы так раздражена. Франк, когда писал эти строки, мне верил более, чем тебе.

Вместо ответа Жюльета, взбешенная, протянула было уже руку, схватила драгоценный сувенир; и вдруг, к ее удивлению и ужасу, Нетти как подкошенная упала без чувств к ее ногам.

Мисс Брэнтон бросилась к двери и стала звать на помощь.

Комендант, его жена, весь дом — поспешили на эти крики. Послали тотчас за доктором Слокумом.

Когда он, после долгого осмотра больной, поднял голову, лицо его было крайне озабочено.

— Тут нужен отдых, тишина, полное спокойствие, темнота... — сказал он вполголоса. — Напряжение нервов и высшей степени... Я сильно опасаюсь воспаления мозга, — добавил он, наклоняясь к уху коменданта.

— Вот беда! — невольно воскликнул тот. — Завтра чуть свет мы выступаем в поход, а судью Брэнтона вызывают на запад...

— Скажите, что же, бедное дитя серьезно и опасно больна? — спросила госпожа Сент-Ор.

— Боюсь, что да, — ответил доктор. — А между тем ей необходимы абсолютный отдых и покой. Отпустить в дорогу в подобном состоянии — значит убить ее.

— В таком случае, она останется здесь, вот и все, — сказала миссис Сент-Ор решительным тоном. — Я буду ходить за ней как за своей дочерью.

Комендант бросил на жену беспокойный взгляд.

— Друг мой, — сказала она, — не беспокойся обо мне. Ты знаешь, как я бываю одинока, когда вы все уходите в экспедицию. Дитя это послано небом, чтобы меня развлечь, быть моей подругой в одиночестве; надеюсь, что ее болезнь, как она ни серьезна, не так опасна, и что мои попечения помогут ей. Решено, иди-ка лучше к господину Брэнтону и убеди его ехать по своим делам, а больную оставить на моем попечении.

— Если так, — сказал доктор, видимо ободренный, — я за нее отвечаю. С такой сиделкой, как миссис Сент-Ор, мы отлично обойдемся и без господина судьи и без ее королевского высочества девицы, его дочери...

На следующее утро, когда трубачи играли зорю, судья, немного озабоченный, и Жюльета, немного сконфуженная тем, что покидает Нетти, которая в таких обстоятельствах наверное не покинула бы ее, уселись в по-

данный шарабан, который и умчал их на ближайшую станцию железной дороги. В это время миссис Сент-Ор расположилась у изголовья маленькой страдальицы.

Глава 12

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ, ВОЖДЬ ИНДЕЙЦЕВ

Местность, где речка Желтый Камень под острым углом впадает в реку Твин, представляет широкую и богатую долину, расположенную между высокими берегами соединившихся рек.

На вершине крутого берега, образующего северную границу долины, стоит человек высокого роста, одетый в богатый индейский национальный костюм, и любуется прелестной картиной. Богатство наряда говорит о знатном происхождении индейца.

Головной военный убор его украшен длинными орлиными перьями; к волосам привешен конский хвост, развевающийся по ветру; одеяло, накинутое на плечи, вышито золотым галуном; мокасины застегнуты драгоценными пуговицами; обнаженные руки покрыты множеством серебряных браслетов, и между ними блестит и сверкает великолепный золотой браслет с крупными бриллиантами.

Все в этом человеке указывает на индейское происхождение: орлиный нос, выдающиеся скулы, пронизательные глаза, бронзовый оттенок кожи, спокойная твердость в лице и почти кошачья гибкость всех его движений, невольно напоминающих тигра.

А между тем его фигура не лишена изящества; красота движений и отсутствие ярких цветов, даже в индейском костюме, показывали, что человек этот не чужд образованности.

Подле него стоял человек в обыкновенном костюме жителя Канады, французского уроженца, занимающегося торговлей у Гудзонова залива по реке Орегон; на нем был длинный шерстяной плащ с капюшоном.

Но лицо, скрывавшееся под этим капюшоном, не имело в себе ничего французского; это был не кто иной как горец Эван Рой. А вождь в индейском костюме был Мак Дайармид, человек смешанной крови, бывший кадет Вест-Пойнтской академии.

Взоры обоих были устремлены на реку, которая на

протяжении тридцати миль извивалась по открытой местности между изумрудными лугами и темными береговыми соснами.

Спокойное великолепие и роскошь этого вида навели на мысль о мире и безмятежном счастье. Со всех сторон паслись стада буйволов, не стесняясь соседством человека, как будто бы они были все ручные. На расстоянии не более двух миль от стада растянулся огромный стан индейцев, расставивших в каком-то поэтическом беспорядке свои шалаши, вокруг которых бродили лошади.

Как вид окружающей природы, так и вид этого лагеря представлял картину глубокого мира. Изредка показывалась человеческая фигура, переходившая от одного шалаша к другому, да виднелись дети, резвившиеся на солнце.

— Ведь это просто глазам праздник, такое зрелище! — воскликнул Эван Рой под влиянием охватившего его впечатления. — А еще бы лучше было, если бы у этих бедняков были настоящие жилища и домашний скот для существования зимой.

— Какое благо дала им цивилизация, чтобы они приняли ее законы? — спросил молодой вождь, возвращаясь к своим привычным размышлениям. — Тебе хотелось бы, чтобы у них были дома и стада. Ну, а надолго ли янки оставили бы все это в их владении? Нет, уж лучше им оставаться в бродячей бедности — это их последняя защита.

— Да, это хорошо в теплое время года. А что бывает с ними, когда наступает зима? Если бы они могли, как степные звери, менять убежище со сменой времени года!

— А почему они не могут этого сделать? — спросил с гневом молодой человек. — Бывало, они так и делали: каждый год с наступлением холодов уходили к озерам до устья Симморона. Никто им в этом не мешал. Они жили свободно, как жили их отцы, дрались храбро, когда это требовалось, и были счастливы. Нужно же было прийти белым для того, чтобы вытеснить индейцев, украсть у них их родовую собственность. Да, да, Эван Рой, украсть! О, я не стану выбирать выражения. Отец мой, не правда ли, думал, что он поступил хорошо, дав моей матери титул и права белой женщины. Он мечтал спасти нас от жизни дикарей, воспитывая в городе. Что принесло нам это воспитание? Какое благо? Помешало оно тому, чтобы меня за ничтожную провинность исклю-

чили и выгнали из академии и лишили назначения и чина? Защищает ли оно сестру мою от взоров, полных презрения? В ней видят только дочь пария, и от нес отворачиваются набитые белые дуры, недостойные нести подол ее платья. И все это только потому, что она смешанной крови! Эван, я тысячу раз задавал себе этот вопрос, и совесть моя произнесла, наконец, окончательный приговор. Племя моего отца причинило разорение племени моей матери. Я возвращаю угнетенным беднякам их достояние; я отомщу за них, говорю тебе, или погибну, преследуя свою цель!

— Зачем ты хочешь впутаться в эту кровавую историю? К тому же твоя мать была из племени чернокожих; зачем же ты пришел к племени дакота?

— Ты прав, Эван. Дакота для меня чужое племя, но я признаю свое родство с ними по происхождению. Племя моей матери исчезло из-за беспощадной войны, которую они объявили белым, а те, что уцелели, бежали в Канаду под защиту английского флага. Я решил быть мстителем за все индейские племена и я поклялся моей матери собрать всех краснокожих и повести их против бесстыдных грабителей, отнявших все их достояние.

— А ведь ты учился истории, Мак Дайармид, и не мог забыть, какой участи подверглись король Филипп и Понтиок *. Они потерпели постыдное поражение, какое терпят всякий раз дикие в борьбе с цивилизацией. Что же касается тебя, то одно из двух: или тебе не удастся создать такой союз, о каком ты мечтаешь, или, если в этом ты и успеешь, он будет разбит при первой встрече с врагом.

— Отчего же мы должны терпеть поражение? Кто поручится за то, что при виде громадного союза всех индейских племен и их правильно организованных полчищ белые не призадумаются и не найдут для себя более удобным предоставить индейцам часть земли, необходи-

* Король Филипп, вождь индейцев Северной Америки (настоящее его имя было Матох), был начальник племени вампануг в Род-Айленде. С 1662 по 1696 гг. он воевал с англичанами и проявил такую храбрость и такой военный гений, что по справедливости история ставит его в ряду лучших полководцев. За голову его англичане назначили большое вознаграждение, и голова эта была им принесена одним из его солдат.

Понтиок, знаменитый вождь племени аттова, боролся с необыкновенной энергией с англичанами, сначала в Канаде, в качестве союзника французам, под командой маркиза Монкалома, а потом один. Он был убит в 1765 году одним английским шпионом.

мую им для их естественной жизни, чем продолжать безжалостное уничтожение, которое возмущает даже тех, кто его проводит. Да наконец, не в результате дело,— цель прекрасна и заманчива. И я во что бы то ни стало попытаюсь ее достигнуть.

Последовало молчание, и собеседники погрузились каждый в свои размышления.

— Время идет,— заметил Мак Дайармид, взглянув на солнце.— Надо вернуться в лагерь и посмотреть, что делает Большой Змей со своими танцорами...

— Какое несчастье,— воскликнул Эван Рой, продолжая свою мысль,— какое несчастье, что в вашей семье только отец твой поступал умно! Вместо того, чтобы лелеять несбыточные мечты о восстании и о каком-то будущем великом примирении с белыми, не лучше ли было бы тебе, по примеру отца, продолжать торговлю мехами, удвоить состояние, сделаться таким богачом, чтобы все окружающие преклонились пред тобой.

— Есть кроме золота другой путь к почестям,— сказал бывший кадет, поднимая надменно голову.— Не все же мне терпеть одни неудачи, Эван!.. Но пойдем!

Они спустились по откосу и подошли к реке. По дороге пасшиеся на лугах стада буйволов не поднимали даже голов при их приближении и продолжали щипать траву, несколько не смущаясь.

— Ну, вот тебе еще один образчик благодеяний твоей цивилизации,— сказал насмешливо Мак Дайармид.— Представь себе, что лагерь, к которому мы идем, лагерь солдат белой армии: не думаю, чтобы буйволы в этом случае вели себя так же, как теперь. Да и долго ли они могли бы здесь оставаться? Ни одного часа. Они были бы отогнаны ими и умерщвлены без всякой пользы, для потехи какого-нибудь глупого офицера, который захотел бы показать свою ловкость и приобрести новый трофей в свою охотничью коллекцию. Тогда как мы, столь презираемые дикие, мы имеем достаточно смысла, чтобы беречь нашу дичь и убивать лишь столько, сколько необходимо для нашего пропитания.

— Я не отрицаю у них некоторой доли хитрости,— сказал Рой.— У бедняков только и есть одно средство к жизни — охота за дичью; и если бы они опытом не научились беречь эту дичь, Бог знает, могли ли бы они существовать. Но тебе, Мак Дайармид, я предсказываю, что рано или поздно ты вернешься в большие города.

— Во всяком случае не раньше того, как жизнь дикаря и степь будут закрыты для меня.

Они вышли на берег реки; там стояло удивительное индейское судно, построенное из камышей, обтянутых кожей буйвола.

Мак Дайармид прыгнул на это подобие плота, поднял лежавшую на нем белую волчью шкуру, накинул ее на плечи и, как только Эван Рой уселся, взял длинный шест в руки и с его помощью стал править к другому берегу реки.

Богатая натура Мак Дайармида сказывалась, между прочим, и в том, как он умел говорить с образованными людьми и со своими индейцами: там речь его блистала цветами красноречия, тут она дышала краткостью, силой и простотой.

Отец его, сын разорившегося шотландского дворянина, в молодости покинул родные горы и уехал в Канаду. Тут, на берегах Гудзонова залива, он сделался торговцем мехами, но воспоминания детства и далекой родины он берег в себе как отраду и луч поэзии среди хлопотливой и прозаической жизни торговца. Вдали от образованного мира проводил он свое время в скучной торговой конторе, общаясь лишь с индейцами, у которых покупал меха. Среди этих краснокожих он выбрал себе и подругу жизни и с нею вместе мечтал о лучшей и более счастливой жизни для своих детей. И вот со всеми своими денежными сбережениями, накопленными за долгие годы, он, наконец, покинул степи и поселился с женой и детьми в Нью-Йорке.

Счастливая случайность и коммерческое чутье натолкнули его на мысль обратить капитал на покупку земель подле Большого Канала, близ Нью-Йорка, в то время не заселенных и малоценных. Вместе с тем связи с индейцами позволили ему и тут завести, а потом и расширить торговлю мехами, которая очень быстро стала давать приличный доход.

Вскоре население временной американской столицы, возрастая с поражающей быстротой, бросилось заселять те земли, которые прежде были в большом небрежении. Канал стал мало-помалу застраиваться, обратился в предместье, затем попал в черту города и, наконец, сделался центральным кварталом.

Таким образом скромный торговец сделался крупным капиталистом. В этой обстановке он без большого труда нашел сговорчивого члена конгресса, который помог оп-

ределить сына в военную школу. Старик умер, мечтая до конца дней о потомстве, которое восстановит величие предков и будет наслаждаться могуществом, благодаря своему происхождению, богатству, военному званию и тому влиянию на коренное население страны, которое он оставлял в наследство сыну. Надо заметить, что дед Мак Дайармида был женат на уроженке Канады; присутствием французской крови можно объяснить, должно быть, пылкость, с которой Мак Дайармид с юности предавался своим бесчисленным фантазиям.

Как бы там ни было, но молодой Мак Дайармид, чуждый света, воспитанный учителями в тиши родительского дома, вдруг очутился в военной академии Вест-Пойнта среди толпы в пятьсот человек, очутился в ней с инстинктами шотландской, французской и индейской пород, с бронзовым лицом, предрассудками горца и дикаря, непомерной гордостью и честолюбивыми детскими замыслами.

Он говорил уже на четырех языках, знал отлично древнюю историю и историю Европы. Но истории Америки он не знал и только здесь принялся с жаром изучать историю того народа и той страны, которые были ему родными по матери. Он узнал, какой сердечный прием оказали индейцы тем первым набожным пришельцам, потомки которых за последующие пятьдесят лет отняли все достояние у коренных жителей страны и постоянно преследовали и изводили их без всякой жалости. Он изучил карту Северной Америки, всю покрытую туземными названиями, и узнал, что из природных жителей, бывших всего сто лет тому назад счастливыми обладателями всего пространства между рекой Миссисипи и Атлантикой, не осталось ни одного племени. Он умилился, читая о том, как племя деминогов долгое время в уголке Флориды боролось против могущественной державы белых. Он узнал, что это сопротивление кончилось плачевно только благодаря поступку одного из белых офицеров. Поступок этот, прославленный как образец «высшей политики», заключался в том, что офицер, пригласив сорок старейших индейцев этого племени к себе якобы на совещание, изменнически захватил их в плен. Мак Дайармид узнал также, что этот офицер за «мастерскую выходку» был награжден правительством. Наконец, он перелистал всю летопись этой отчаянной борьбы и всюду он видел со стороны белых нарушение мирных договоров, жестокость, вероломство и беспощадное

уничтожение племен, единственная вина которых заключалась в том, что они существовали.

И тогда он воспылал сочувствием к этим несчастным «змеям равнин», как называли индейцев их соседи. Все существо его было возмущено, и он спрашивал себя, не лежит ли на нем обязанность и долг исправить эту ужасную несправедливость.

Однажды во время каникул, которые он проводил дома, ему попала в руки история Канады, и он узнал, что французы были гораздо справедливее и человечнее по отношению к туземным народам, что они их цивилизовывали, а не истребляли. Он узнал также, что и англичане, овладев этой страной, следовали в ней миролюбивой тактике своих предшественников, и что там индейцы и белые живут в добром согласии, в ожидании полного слияния своего в одно племя. «Отчего же не то в Соединенных Штатах?» — спрашивал он себя.

Эти грустные размышления бросили в его душу первые зерна великого проекта, над которым он теперь работал. Обида и несправедливость, лично ему причиненные, дали делу последний толчок.

Образовать один великий союз из всех туземцев, рассеянных по северу Соединенных Штатов, вовлечь их в войну за независимость и в виде награды добиться, наконец, их полного освобождения — вот была его мечта.

О познакомился с некоторыми из степных вождей. Это были все храбрые люди, верные данному слову, беззаветно дорожащие своей честью, — одним словом, они были гораздо выше и нравственнее многих белых...

Перед глазами Мак Дайармиды стоял пример Александра Македонского, Ганнибала и других полководцев, делавших чудеса с горсткой храбрецов.

Короче, он видел свое призвание в том, чтобы стать во главе движения и восстания, и бросился в эту опасную игру очертя голову.

Кто, признающий вечную правду и справедливость, осудит его!

Глава 13

В ЛАГЕРЕ СИУКСОВ

По мере того, как Мак Дайармид и Эван Рой приближались к правому берегу реки, до них доходили более и более отчетливо глухой шум и движение в лагере

индейцев, и, наконец, этот шум превратился в ясный и громкий говор и восклицания человеческих голосов.

Деревня, до того времени тихая и спокойная, сделалась вдруг центром какой-то оживленной сцены. Сотни людей выходили из шалашей, и некоторые из них, увидев приближающуюся лодку, вышли на берег навстречу пождю.

Индейцы эти выглядели очень благополучно. Не было между ними забитых и приниженных, не было и оборванцев, какие встречались подле форта Лукут. Индейские женщины в этом селении были прилично одеты в платья из замши; их блестящие когы висели по обеим сторонам лица. Мужчины в охотничьих куртках, на голове — убор с перьями и галуном, на ногах штилеты и мокасины с кистями.

Ступив на берег, Мак Дайармид жестом, полным величия, запахнул свой плащ и направился в сопровождении Эвана в лагерь.

Индейцы встретили его с тем почтительным любопытством, которое само по себе уже доказывало, какой авторитет он приобрел между ними.

Лагерь занимал несколько десятин земли. Посередине возвышалась палатка со свободным пространством вокруг: это напоминало больше странствующий цирк, чем залу, предназначенную для заседаний совета старейшин. Вся разница состояла в том, что стены палатки вместо полотна были из буйволовых кож, сшитых шерстью внутрь; наружная сторона была выкрашена белой краской, и на ней художник-индеец намалевал разные фантастические сцены: тут были вперемежку и баснословные чудовища, и люди, и птицы, и звери.

Палатка эта, лишенная всякого убранства внутри, что было видно из-за широко открытого полога, была священным местом у племени дакота: там происходили различные предварительные церемонии, в настоящую минуту, например, — большая религиозная пляска, как необходимое приготовление к назначенному на тот день чрезвычайному совету.

Чтобы избежать участия в этом грубом торжестве, противном вкусу развитого человека, Мак Дайармид медлил с возвращением с прогулки, предпринятой вместе с Эваном Роем.

Он верно рассчитал время: на свободном месте, перед входом в священную палатку, в 20 шагах от нее был уже

разложен костер, и вокруг него собралась порядочная толпа.

Толпу составляли, так сказать, депутаты, то есть выборные из соседних племен, созванные в лагерь дакотов для обсуждения тех предложений, которые им хотели сделать. Усевшись полукругом у костра, они молча покуривали свои трубки с тем важным и сосредоточенным видом, который всегда принимают индейцы в серьезных случаях и в ожидании важных сообщений.

Вокруг была тоже толпа индейцев, но менее сосредоточенных; они стояли и вполголоса обменивались замечаниями. Как только возвестили о приближении Мак Дайармида, из круга поднялся высокий старик с белыми волосами, с накинутым на плечи дорогим одеялом, и пошел ему навстречу.

Это был Великий Змей, уважаемый вождь многочисленного племени.

— Привет вождю, пришедшему с земли Белой Матери *,— сказал он, взяв Мак Дайармида за руку.— Добро пожаловать! Мы рады его приходу, мы называем себя его братьями.

Потом, введя его за руку в круг, среди расступившейся с почтением толпы, он, как бы представляя своего гостя, прибавил:

— Друзья, вот вождь — Золотой Браслет. Он принес нам слова мира и дружбы от снуксов Белого моря. Все, сколько нас тут есть, послушаем, что он нам скажет.

Шепот одобрения раздался в толпе.

Индейцы как дети любят все блестящее и таинственное. Мак Дайармид прибыл к ним всего несколько дней тому назад через английские владения. Он привез много подарков старейшинам и вождям, главным образом оружие и патроны, до которых они так падки и жадны. Поэтому он был принят как друг и сделался популярным в целом округе.

И нарядился он в блестящий костюм не без цели: богатство наряда давало ему какое-то преимущество над другими вождями и увеличивало власть над толпой. Он лелеял надежду, что ему удастся привести к благополучному концу задуманное — соединить в один союз все народы племени снуксов и остатки племени черноногих.

* Так индейцы называют Канаду по той причине, что страна эта зимой покрывается снегом, и в знак дружбы к французам, первым обладателям этой страны,

Он встал перед костром лицом к собравшимся и после нескольких минут молчаливого раздумья, как это принято в подобных случаях, начал говорить серьезным и тучным голосом:

— Братья племени сиуксов,— сказал он,— не чужой стою перед вами, а друг, брат, сын могущественного племени, которое когда-то владело всей землей на севере... Я, как вы знаете, вождь черноногих, а черноногие с незапамятных времен враги бледнолицых. Чтобы избавиться от белых, мое племя вынуждено было удалиться к Белому морю в Канаду, и вот что оно поручило мне передать вам: люди племени сиуксов, хотите ли знать, почему солдаты вероломного короля белых всегда были сильнее, брали верх над нами и умели отнять наше достояние?.. Потому, что мы не хотели соединиться и восстать единодушно против них; потому, что мы сопротивлялись им порознь, вместо того, чтобы противопоставить им сильный и могущественный союз.

Старшины слушали с напряженным вниманием, и при последних словах раздался одобрительный шепот.

— Чего не сумели сделать наши отцы,— продолжал вождь Золотой Браслет,— попробуем сделать мы. Нам много, и мы храбры. Если мы соединимся, то составим такой могущественный союз, что вероломному королю белых, несмотря на его армию, придется считаться с нами. Тот, кто говорит теперь с вами, провел большую часть жизни своей с белыми и изучил все, чему от них можно научиться. Он знает особенности их ружей и пушек и обучит этому сиуксов и черноногих... Только бы нам соединиться, примириться друг с другом, выждать удобное время, и тогда, начав свои действия с земли Белой Матери, мы можем разбить короля белых, прогнать его с мест, нам принадлежащих и необходимых для нашей жизни, или, по крайней мере, заставим его уважать наши права, возвратит нам часть земли, чтобы стада буйволов могли свободно плодиться, и чтобы потомство наше стало так многочисленно, как звезды небесные. Вот что черноногие монхи устами предлагают своим собратьям дакотам и всем племенам сиуксов. Я сказал.

Едва замолк Золотой Браслет, как снова раздался среди собравшихся одобрительный шепот. Но никто не решался заговорить; все ждали, чтобы Великий Змей высказал свое мнение.

Он заговорил после продолжительного молчания:

— Вождь Золотой Браслет говорит так хорошо, как

будто восемьдесят снежных зим прошло над его головой. Золотой Браслет — великий воин; он вождь черноногих. Союз всех сиуксов с черноногими обозначен в книге премудрости. И он должен состояться, тогда вероломный король белых узнает, какова сила единых индейцев. Я кончил.

Удовольствие, вызванное предложением Мак Дайармида, усилилось после этих похвальных слов главного вождя.

Последовало новое молчание, затем поднялся человек исполинского роста с руками, обросшими волосами. Это был Медведь-на-задних-лапах, старейшина племени дакотов, стоявший всегда за войну.

Без сомнения, он не мог без зависти смотреть на влияние, обретенное так быстро Золотым Браслетом, и ему хотелось помешать принятию окончательного решения. С этой-то целью он прибегнул к хитрости, всегда ему удававшейся, и так начал свою речь:

— Мудрость наших отцов гласит: «Поверни язык три раза, прежде чем начнешь говорить!» — проговорил он громовым басом, похожим на рычание зверя. — Черноногие — великий народ. Союз с ними желательное дело. Но прежде чем принять этот союз, я предлагаю, по завету отцов наших, подумать и взвесить, — ведь только детям простительно нетерпение, — а потому я предлагаю, по примеру предков, разойтись по своим шалашам и сосредоточить свои мысли, а собрание совета отложить до заката солнца. Я кончил.

Прошло несколько минут; никто не возражал против предложения Медведя, и оно оказалось принятым.

Старейшины захлопали в ладоши. Воины запахнули свои покрывала и молча разошлись в разные стороны.

Мак Дайармид, понимая, как важно соблюдение обычая и подчинение ему, тоже направился в свой шалаш. Эван Рой собирался уже последовать за ним, как вдруг внимание его было привлечено появившимися недалеко от лагеря всадниками.

И в самом деле, у крайнего шалаша группа индейцев окружила четырех всадников; приглядевшись, Эван Рой увидел, что это были белые.

Он не особенно удивился этому: он знал, что индейцы, хотя и признанные правительством враждебными, часто принимали у себя английских купцов, с которыми и поддерживали добрые отношения. Но, приблизившись, он узнал, что это были не купцы. Один из них был в

платье священника, двое, казалось, были просто обитатели равнины, а четвертый — Эван Рой едва верил своим глазам — был в мундире драгунского подпоручика.

Индейцы, толпившиеся вокруг вновь прибывших, отнеслись к ним не особенно дружелюбно; вид белого офицера привел их в негодование. Только что прошедший совет освежил в их памяти все обиды, причиненные белыми индейцам, и это усилило враждебное настроение толпы.

Вот почему священник очень обрадовался приближению Эвана Роя.

— Милостивый государь,— закричал миссионер,— желаю вам здравствовать! Я — смиренный Смитфилд из Шейкама... Меня уверяли, что даже самые дикие племена примут меня благосклонно. А между тем, смотрите: я целиком в вашей власти, и никто еще не сказал мне приветливого слова.

— Вы должны были предупредить о вашем прибытии,— холодно возразил Эван Рой.— Вы знаете, что в степи каждого бледнолицего встречают как врага... А что за господа вас сопровождают?

— Как видите, офицер,— он желает переговорить с вождем племени черноногих,— и наши два проводника... Мы будем очень вам благодарны, сударь, если вы примете нас под свое покровительство.

— Вы привезли подарки вождям и старейшинам племен? — спросил Эван.

— Конечно, подарки сложены и навьючены вот на этого мула.

— А знаете ли вы язык нашего племени?..

— Несколько слов. В этом нам придется положиться на господина Фардо, одного из наших проводников.— При этом он любезным жестом указал в сторону Красавца Билля.

Горец подозрительно посмотрел на него. Надо признать, что наружность Красавца Билля говорила сама за себя и не в его пользу, и индейцы уже стали посмеиваться над ним, обмениваясь нелестными замечаниями.

Эван через пятое на десятое понимал, о чем говорили индейцы, понимали индейскую речь и люди равнины. Что касается священника, то, чем больше он всматривался в окружающие его лица, тем меньше он чувствовал себя в безопасности.

— Милостивый государь,— сказал он, обращаясь к

Эвану,— не будете ли вы так добры перевести мне, что говорят эти люди про нас?

— Пока они лишь смеются над вами,— озабоченно сказал Эван,— но я не удивлюсь, если спустя немного нам, к примеру, запустят в голову камнем. Они говорят, что вы приехали с вражеской стороны, а это, предупреждаю вас, может дурно кончиться.

В эту минуту проводники, стоявшие до сих пор неподвижно и спокойно, бросились к лошадям и вскочили в седла.

— Эти негодяи собираются наброситься на нас, господин Мигюр!— сказал Чарлей Колорадо.— Нам следует укрыться в их священную палатку, или мы погибли. Нельзя терять ни минуты. Эти дикари нас растерзают...

И в самом деле, со всех сторон к ним сбегались женщины с угрожающими криками. Мэггер и двое его проводников не мешкая прищипорили лошадей и поскакали к священной палатке, а Франк Армстронг медленно приблизился к горцу и сказал ему:

— Я узнал вас, Эван Рой. Мак Дайармид должен быть здесь— проводите меня к нему, это мой лучший друг.

Удивленный Рой отстранил женщин, готовых напасть на чужака и взял под уздцы его лошадь.

— Кто бы вы ни были— мне все равно,— сказал он.— Для меня довольно знать, что вы друг Мак Дайармида, и я провожу вас к нему хоть через ад, коли вам нужно его видеть.

Толпа расступилась, видя, что они направились к шалашу Мак Дайармида. Только один индеец по прозвищу Рубленый, с огромным шрамом на лице, встал им поперек дороги.

— Кто ты такой,— спросил он горца,— что берешься провожать чужого человека в наш лагерь? Это наш враг. Он принадлежит нашим женщинам, и они имеют право побить его камнями...

— Уйди, Рубленый, с дороги,— спокойно сказал Эван Рой.— Этот человек друг вождя Золотой Браслет.

— Золотой Браслет не из наших, он не принадлежит к племени суксов. Отдай нам бледнолицего!..

На этот раз горец не ответил; схватив индейца за шиворот и в то же время подставив ему ногу, он бросил его наземь; такое обращение ошеломило Рубленого, и прежде, чем он успел опомниться, Эван и Армстронг были уже в палатке.

— Армстронг! — вскричал в высшей степени изумленный Мак Дайармид. — Как вы сюда попали?

— Я приехал к вам, Мак Дайармид! Я хочу попытаться спасти, если еще есть время, вас и ваших друзей от верной гибели, к которой вы стремитесь закрыв глаза. Что-то мне говорило, что я найду вас среди сиуксов, что этот белый воин, о котором толкуют по всей равнине, — вы. Мне хотелось в этом удостовериться и предотвратить, если можно, ужасную войну.

Мак Дайармид сжимал руку друга в своей руке и был глубоко тронут.

— Увы, — сказал он, — боюсь, дорогой Франк, что вы рискнули без всякой пользы, и тут — не скрою от вас — дело идет не более и не менее как о вашей жизни, и ничто не помешает сиуксам усмотреть в вашем появлении в лагере нарушение их прав. А что касается войны, то о ней никто и не думает; я здесь как раз для того, чтобы передать сиуксам волю племени черноногих.

— Друг, — перебил его Франк Армстронг, — я не хочу знать ваших тайн. Но позвольте мне высказать вам, что, каковы бы ни были ваши намерения, правительство признало их враждебными. Оно не могло оставаться равнодушным в виду полученных сведений об организуемом союзе всех индейских племен севера. Вам не дадут времени устроить этот союз вам помешают непременно; затем, хотите вы или нет, как только через месяц государственные войска соберутся и дойдут до этих мест, война станет неизбежной. Я хотел видеть вас, чтобы отворотить это несчастье. Я хотел поговорить с вождями индейцев.

Мак Дайармид иронически улыбнулся.

— Бедные люди были уже много раз обмануты и слышали много лживых обещаний, — сказал он. — Что они выиграют, выслушав ваши речи?

— Как это что? Прежде всего мир и благодеяния цивилизации! Ах, Мак Дайармид, мой друг! Ведь я знаю ваши взгляды. Но согласитесь, если бы дакоты вместо кочевой жизни захотели удовольствоваться достаточною для их поселения землею, на что цивилизованные их соседи вполне согласны, они зажили бы на новых местах в тысячу раз счастливее, чем здесь, где им приходится прозябать и кочевать, подвергаясь всем бедствиям подобной жизни.

— Да чего же вы, наконец, хотите от них? Есть ли

у вас полномочия от правительства? Ведь без них ваши слова не имеют никакой цены.

— Нет, никаких полномочий я не имею. Я говорю только от себя. Меня привели сюда дружба к вам, желание помочь вам и успокоить этих несчастных, надежда повремена остановить ваше безумное предприятие. Мне хотелось повидаться с вами до начала военной кампании, результатом которой будет уничтожение целого племени.

— Ну, пока еще никому не известно, чем все это может кончиться. Да какое же у вас есть средство помочь нам?

— Очень простое. Пусть двое или трое из старейшин отправятся со мной к полковнику Сент-Ору. Я уверен, что они между собой столкнутся и положат основания для будущего полюбовного соглашения. Что касается их безопасности, то за нее я отвечаю, и хотя начальник отряда не я, а поручик Ван Дик, тем не менее я могу сказать...

Армстронг был оглушен криком ярости, вырвавшимся из груди Мак Дайармида.

— Ван Дик!.. Корнелиус Ван Дик здесь, близко! — вскричал он.

Уж конечно Франк Армстронг не подозревал, что, произнеся имя своего отрядного начальника, он навредит всему делу.

Он был изумлен переменой в лице Мак Дайармида: холодное и немного насмешливое внимание, с которым тот слушал речь Армстронга, сменилось свирепым выражением, как только было произнесено злосчастное имя Ван Дика.

Впрочем, некогда было ждать разъяснения этой загадки. Дикие крики раздавались уже подле самой палатки.

— Слышите, они уже требуют свою добычу. Вы увидите, насколько они расположены слушать вас и объясниться с вами. Прежде всего надо вас укрыть, хоть на время, и единственное убежище — это священная палатка. Ступайте со мной, Армстронг; со мной вам нечего бояться — я по крайней мере так думаю — и во всяком случае уж лучше показаться этим горлопанам, чем позволить им предположить, что мы хотим запереться здесь.

Не колеблясь ни минуты, Армстронг последовал за своим другом, поднявшим уже полу своей палатки, и оба они направились к священному шалашу.

ДО ЧЕГО МОЖЕТ ДОВЕСТИ СТРАСТЬ К СВЕЖИМ НОВОСТЯМ

Лагерь дакотов находился в состоянии чрезвычайно го волнения.

Одни бегали от одного шалаша к другому, оповещая о приезде чужаков, представляя это посещение кровной обидой, будили ненависть, разжигали страсти. Другие присоединились к женщинам, окружавшим палатку Мак Дайармида, и громкими криками требовали выдачи бледнолицего офицера. Всюду собирались толпы раздраженных и угрожающих индейцев.

Однако авторитет Золотого Браслета был уже настолько силен, что никто не осмеливался поднять руку на человека, бывшего под его покровительством. При виде Мак Дайармида, державшего руку на плече шедшего рядом с ним Армстронга, крики утихли. Толпа перед ними расступилась и с любопытством провожала их до священной палатки.

Мак Дайармид был очень удивлен, найдя в палатке еще трех белых. Армстронг представил их, назвав Маггера его настоящим именем; при этом Золотой Браслет дал понять, что численность их запутывает дело и увеличивает опасность.

— Я попробую сделать невозможное, чтобы спасти вас; но не скрою, что имею очень мало надежды на успех...

Четверо белых, находясь в священной палатке, были на время в безопасности, как это и предвидел Чарлей. Ни один индеец не решится поднять руку на людей, находящихся в этом уважаемом всеми убежище. Но в то же время вокруг палатки уже стояла цепь бдительных караульных с целью, конечно, никого оттуда не выпустить. Ясно было, что индейцы решили уморить их голодом или заставить сдаться.

Искатель приключений, предприимчивый корреспондент «Геральда», не зная ни слова по-индейски, тем не менее очень хорошо понимал, какое решение принято индейцами. Он бегал по палатке, тщетно придумывая средство выйти из этого, по-видимому, безвыходного положения.

Чарлей и Красавец Билль с присущим им хладнокро-

ним уселись на земле с трубками в зубах. Армстронг остался у полуоткрытого полога и следил взглядом за Мак Дайармидом, который направился к шалашу более высокому, чем прочие, принадлежавшему, вероятно, старейшине.

Прошел час в томительном ожидании. Наступила ночь; пленники видели, как индейцы собрались у костра, зажженного на площадке, и составили один круг. Затем один за другим стали подходить краснокожие, высокий головной убор которых указывал на то, что это были старейшины разных племен.

— Они открывают совет, — вскричал Мэггер, который по приглашению Армстронга подошел к двери. — Вот бы заняться отчетом да представить его в редакцию! Вот так штука была бы!

Чарлей Колорадо вынул изо рта трубку, казавшуюся неотъемлемой частью его самого, и сказал:

— Составить отчет, пожалуй, еще можно, а вот доставить его в редакцию — это будет труднее: нас, похоже, отсюда не собираются выпускать.

— Ба! — сказал весело корреспондент. — Счастливая звезда «Геральда» нас привела сюда, она же нас и выведет. А теперь главное, чтобы вы послушали, что там говорят, и перевели мне!

— Вы этого желаете, господин Мигюр, — хорошо, — ответил решительным тоном Чарлей. — Во всяком случае бумага останется, и когда-нибудь ее найдут; но нас-то уже не будет на свете.

— Именно так, мой храбрый друг; вы говорите очень умно; вам бы еще немножко поучиться правописанию, и из вас вышел бы замечательный корреспондент.

— Не в обиду вам будет сказано, я уж лучше остаюсь при прежнем своем ремесле: ваше слишком хлопотно.

Марк Мэггер не возражал. Его внимание, как и внимание Армстронга, было поглощено тем зрелищем, которое развertyвалось у них перед глазами, и, несмотря на угрожавшую им опасность, оба не могли налюбоваться дикой прелестью картины.

Среди темной ночи вокруг пылающего костра уселись на земле полукругом индейцы со своими трубками; пламя освещало полуобнаженные бронзовые тела; позади этого полукружия стояла густая молчаливая толпа, на заднем плане виднелись палатки, как белые привидения. Ночная тишина нарушалась то треском ярко вспыхивав-

шего костра, то отдаленными раскатами грома. Корреспондент жадно впитывал в немом изумлении эту своеобразную картину.

Жара была удушливая; один за другим индейские старейшины, разогретые костром, сбрасывали к ногам свои покрывала и оставались полунагими, как и все прочие индейцы.

Вдруг пронесся какой-то шум. Мак Дайармид выступил в круг в сопровождении старого вождя. Казалось, величавость его манер и ослепительность наряда были несколько нарочиты. Он заговорил.

— Братья племени снуков, — сказал он отрывисто, — обмана нет ни в сердцах, ни в устах наших. Я жил с белыми, знаю мудрость их, знаю также и безумие их. И вот потому-то я хочу поговорить с вами о тех, которые находятся в священной палатке. Один из них — друг мой, и обмана нет в его устах. Он пришел повидаться со мной и принесть вам слово мира от великого Белого вождя. Хотите вы его выслушать?..

Последовало молчание. Индейцы, неподвижные, безмолвные выражали свирепыми взглядами и гримасами то отвращение, которое внушали им белолитые.

Видя, что старый вождь молчит и, против обещания, не поддерживает высказанного предложения, Мак Дайармид продолжал:

— Молодой белый воин пришел в качестве посланника к дакотам. Это звание священно. Белый воин не скрывался под одеянием какого-нибудь купца. Он не хитрил, не говорил, что пришел из Канады. Он пришел как истинный воин, подняв голову и протянув нам руку. Он гость у дакотов. Дакоты должны его выслушать...

Снова последовало молчание; Великий Змей не прерывал его, хотя он должен был высказать свое мнение.

Тогда встал Медведь-на-задних-лапах.

— Вождь Золотой Браслет — наш друг, — сказал он. — Кровь краснокожего течет в его жилах. Он в безопасности среди нас. А все белые, приходящие к нам с востока, — обманщики. Тот, например, о котором говорит вождь, прямо говорит, что он послан Белым Вождем, — следовательно, он наш враг. Он вошел в наш лагерь без позволения и должен умереть.

Не оставалось сомнения в том, что оратор высказал то, что решили в уме все его слушатели.

В это время один снук поднялся на ноги.

— Смотрите на меня, — сказал он, — я — Татука. Я

был другом бледнолицых. Я жил с детьми на отведенной им земле. Белые говорили, что мы будем счастливы, спокойны и богаты. Вскоре они предложили нам муки, кофе, сахару и лошадей в обмен за нашу землю. Многие из нас ответили на это отказом. «Они уже раз обманули нас и теперь, без сомнения, лгут. Сохраним наши земли». Но белые продолжали: «Приходите к нам завтра, и вы убедитесь, что мы говорим правду». На другое утро мы пошли на свидание, и внезапно были окружены солдатами; они сказали нам: «Надо уступить». Мы поняли, что попали в западню, и согласились снять лагерь и уйти дальше. И что же? Около месяца они доставляли нам провизию; затем не хватило муки, и начальник белых сказал нам: «Подождите». Мы ждали. Муки все не было. Тогда я начал опять охотиться, чтобы избавить себя и детей от голодной смерти. Я поселился подле форта, где жили солдаты: они иногда бросали мне как собаке разные отбросы и кости, и сердце мое переполнялось унижением и стыдом. Тем не менее я оставался там, так как белые давали мне виски за шкуры буйволов. Но однажды белый офицер ударил меня по лицу хлыстом и бил по спине за то, что я не дал его лошади раздавить себя. Тогда мое сердце переполнилось, и я сказал себе: теперь конечно, я возвращаюсь к людям моего племени. Белый, если обнимет краснокожего, то разве для того только, чтобы задушить его, и с ним лучше война, чем мир. Я покинул форт с детьми, но перед уходом сразил моего белого врага перед дверью его собственной палатки. Вот как нужно обращаться с бледнолицыми. Их надо убивать как волков. Я все сказал.

Речь Татуки, произнесенная глухим и сдержанным тоном, произвела такое глубокое впечатление на индейцев, что единый крик вырвался из уст толпы:

— Смерть, смерть им!..

Мак Дайармид сделал еще одну попытку.

— Старейшины племени сиуксов говорят, что все белые — обманщики, — сказал он. — Значит, они забыли о белом, нашем давнишнем друге. — И он указал на Эвана Роя, только что приблизившегося к собранию.

Но Медведь-на-задних-лапах снова выступил вперед.

— Будет с нас разговоров, — сказал он. — Нам нет надобности знать, чего от нас хочет воин с белым лицом. Он храбр, спору нет: трус не посмеет придти так, как пришел он, но и он не может принести ничего кроме обмана. Белый Вождь — великий воин, но тоже лжец, и мы

не хотим слышать того, что он нам предлагает. Если его посланник не хочет быть убитым, как волк в западне, под большим шатром, который мы обрушим на него, и если он на самом деле храбрый, пусть изъяснит готовность умереть на костре как воин, который не боится и презирает своих врагов.

Эти слова вызвали такое единодушное одобрение всего собрания, что Мак Дайармид осознал бесполезность дальнейших попыток.

Он направился к священному шатру и, остановившись на пороге, молча пожал руку Армстронга.

— Что же, наконец, они говорят? — спросил молодой человек.

— Они пришли к единогласному заключению предать вас смерти, предложив на выбор: умереть под шатром или взойти на костер.

В это время из группы старейшин выступил новый оратор. Его медно-красное лицо и белые перья убора были так ярко освещены огнем, что Франк Армстронг видел его как бы среди белого дня.

— Красная Стрела!.. — прошептал он в изумлении.

Это был действительно павний в костюме снукса. Все это время он сидел среди других депутатов, а теперь собрался говорить.

Глава 15

КРАСНАЯ СТРЕЛА

Красная Стрела так вошел в роль оратора, имел такой спокойный и торжественный вид, будто всю жизнь занимался тем, что держал речи на подобных сборищах,

— Братья племени дакотов, — говорил он, — я ваш друг и потому осмеливаюсь высказать вам некоторые замечания. Татука прав, называя белых волками. Мудрость Медведя-на-задних-лапах, равная его храбрости, советует без милосердия избивать бледнолицых. Все это так; но я, ваш гость, обращаю взоры на последствия ваших законных действий и спрашиваю себя: не слишком ли поспешно дакоты возбуждают гнев Белого Вождя? Не благоразумнее ли притвориться, будто мы слушаем его предложения, а тем временем готовиться к войне? Заколоть пленников мы всегда успеем, надо выждать удобное для этого время.

При этих словах, произнесенных ясным и отчетливым голосом, Мак Дайармид повернулся к говорившему. Он мог заметить, что эти слова произвели сильное впечатление на все собрание. Павний, видимо, тронул самую чувствительную струну у дакотов, взывая к их политической мудрости.

Золотой Браслет уцепился за эту слабую надежду и вновь вышел вперед, желая поддержать замечание лжедопутата.

— Вождь с белыми перьями говорит как истинный брат наш! — вскричал он. — Я имею верные известия. Я знаю, что белые ждут с нетерпением, что выйдет из поручения, данного молодому воину. Если их посланный будет предан смерти, то прежде чем листья на этих деревьях успеют покраснеть от приближающейся осени, Белый Вождь будет здесь со своими полками. Их придут тысячи, а мы не успеем договориться, не успеем обучиться, получить оружие и патроны, которые я вам обещал... Вот что нужно сообразить и над чем следует призадуматься...

Теперь собрание разделилось на две противные партии. Какой-то молодой воин вскочил и с жаром воскликнул:

— Я думал, что Золотой Браслет — великий вождь и поведет нас в сражение!

— Да, — возразил спокойно Мак Дайармид, — но я хочу вести вас к победе! А победу надо готовить. Сиуксы храбры. Если война разразится слишком скоро, они, конечно, побьют первых белых, которые на них нападут; но за этими первыми придут другие, потом еще и еще; кончится тем, что сиуксы должны будут искать убежища в Канаде, если не захотят остаться на отведенной им земле, где они будут работать как рабы и голодать как волки!.. Вот почему я советую им не принимать быстрого решения, обеспечить себя союзом с племенами севера и ждать удобного случая для проявлений ненависти, которую они питают к бледнолицым.

Большая часть индейцев, казалось, одобрила эти слова, и Медведь-на-задних-лапах, не желая прямо восстать против высказанного мнения, выслал вместо себя на борьбу одного из своих подручных.

Это был молодой человек, худой и тонкий; все тело его было покрыто рубцами. Звали его Красная Луна по причине ярко-рыжих волос; он отличался храбростью и умением заметать за собой следы.

— Кто это говорит, что дакоты могут отступить хотя бы на один шаг перед белыми? — вскричал он с гневом. — Я хотел бы, чтобы белые были уже здесь и узнали бы, что называется храбростью. Наши дети будут в безопасности на землях Белой Матери, и их надо послать туда с нашими женами, а мы, воины, пойдем навстречу Белому Вождю. В жизни моей я уже снял скальп не с одного черепа, но мне хочется такой работы еще и еще. Я сказал.

— Да, да! — вскричали многие из воинов, отвергая более благоразумные мнения из боязни прослыть трусами.

Целый хор грозных восклицаний поднялся в окружающей собравшейся толпе; к ней присоединились женщины с распущенными волосами и злобно блестевшими глазами; они хором произносили какое-то гневное причитание, качаясь в такт из стороны в сторону. Гнев, как зараза, переходя от одного к другому с быстротою огня в сухой соломе охватывал всю толпу.

Пленники со жгучим интересом следили за всеми подробностями этой сцены.

Одно время, после речи павния, они думали, что все обойдется благополучно, по крайней мере на какое-то время, но теперь стало ясно, что надежда на спасение уменьшалась с каждой минутой.

Красавец Билль передавал им все, что говорилось, а Марк Мэггер заносил в свою записную книжку все достойное быть отмеченным: — «Свой собственный смертный приговор», — шутя сказал он.

Вдруг какой-то краснокожий бросился на середину площадки и пустился в пляс, припевая:

— Я — Американская Лошадь. Я сумел завладеть целым отрядом лошадей, убив всех белых солдат за исключением только одного, которому удалось спастись!.. Найдется ли другой такой храбрец, как я?

— Честное слово, господин Мигюр, разбойник этот не врет! — вскричал Чарлей Колорадо. — Это верно, он увел всех лошадей из отряда, которым командовал какой-то молокосос поручик, вот такой же, как господин Армстронг, — я этим не хочу его обидеть, — а я — тот единственный человек из отряда, которому удалось спастись... Но посмотрите на этих чертей... Они обезумели, о совете и помину нет; это резня...

И в самом деле, собрание было самое бурное. Все встали, жестикулируя, танцуя; при этом каждый кричал о своих подвигах, не слушая соседа.

— Я не вижу Красной Стрелы,— заметил Армстронг.— Не дай Бог ему попасть в руки сиуксов. Известно, что если сиуксы кого ненавидят — то именно павниев, точно так, как и павнии всегда готовы навредить сиукам.

Шум между тем с минуты на минуту возрастал. Танцующие с воплями отходили от костра и придвигались все ближе и ближе к священному шатру, изрыгая страшные угрозы пленникам.

Среди толпы внимательный глаз Армстронга скоро отыскал самозванца-депутата с белыми перьями. Он один шумел более, чем десятки окружавших его людей; он прыгал, рычал, скакал и незаметно приблизился ко входу в священный шатер. Извиваясь и кувыркаясь, он произнес несколько английских слов, вполне понятных тем, для кого они говорились:

— Сиуксы глупы! Красная Стрела... освободить... белые люди... две-три минуты!

Как бы подтверждая эти обещания, страшная молния прорезала небосклон и на несколько секунд осветила фосфорическим светом всю внутренность шатра. Вслед за этим раздался оглушительный удар грома, раскаты его понеслись по всему лагерю и, казалось, за ними должны были последовать страшные разрушения. В это время павний прорвал человеческую цепь, окружавшую кольцом шатер. Прежде чем нашелся кто-либо, чтобы оттолкнуть его или вообще дать себе отчет в происшедшем, павний был уже в шатре; за ним тяжело опустился дверной полог. За новой молнией наступил полный мрак и оглушительный раскат грома; люди в суеверном страхе попадали наземь и лежали, не издавая ни единого звука. Затем среди наступившей тишины раздался продолжительный свист, как отдаленный вой, поднялся страшный ветер, и целый столб пыли и песка ворвался в лагерь...

— Это ураган,— шептал Чарлей,— я узнал его голос...

— Да,— сказал Красная Стрела,— большой ураган... чертовски большой ураган... Опрокинуть земля... шатер... люди, все... мы бежать скоро... река... прыгать вода... плавать айда, айда...

И в самом деле, буря ревела; полы шатра подымались и неистово хлопали на ветру, весь шатер дрожал...

Чарлей приподнял полог.

Темень страшная, звезды и луна скрыты за тучами,

воздух полон песку, костер разнесло. Люди разбежались по своим шалашам, даже часовых не видно.

— Вот наша минута! Или теперь или никогда! — вскричал Чарлей, бросаясь из палатки. — За мной, к реке!..

Все бросились за ним.

В ту минуту, как они выбежали из шатра, слышался голос:

— Держитесь левее!

Это был голос Золотого Браслета.

— Прощай, друг! — крикнул ему Армстронг.

И они побежали, направляясь наудачу к реке, держась за руки, чтобы легче противостоять степному ветру; их слепили и молния, и град, и тучи песку; они спотыкались, падали, подымались и снова бежали, бежали..

Час спустя они уже вплавь переправлялись через реку и по звездам, показавшимся из-за туч, быстро пошли на юго-запад безграничной равнины.

Индейцев бояться было нечего. Если даже допустить, что они удостоверились в бегстве пленников, то пока еще соберутся, пока отыщут разбежавшихся лошадей, да и вряд ли они решатся на погоню в такую бурную ночь..

— А ведь, видно, на этот раз, господни Мигюр, мы спасли наши головы! — сказал Чарлей смеясь.

— Да, — ответил корреспондент, — и этим мы обязаны нашему другу Красной Стреле. Мы в большом долгу перед ним.

Глава 16

НА БИВУАКЕ

Несколько дней спустя после описанных происшествий, в звездную, но безлунную ночь, комендант Сент-Ор, с отросшей за неделю бородой, лежал на буйволовой шкуре в своей палатке. Почти у его ног трещал костер, разложенный на земле; у того же огня капитан Джим Сент-Ор, сидя на бревне и покуривая трубку, тербил за уши одну из двух борзых, сопровождавших коменданта во всех его походах.

Со всех сторон виднелись такие же огни, вокруг которых расположились в свободных позах, кто лежа, кто сидя, усталые солдаты и, тоже покуривая трубки, вели свои беседы. За кострами был ряд белевших в темноте па-

латок, потом темная масса лошадей у коновязи и ряд обозных фур.

Вдруг среди ночной тишины раздались тревожные окрики: «Кто идет?» Послышалось какое-то суетливое движение, переговоры; часовые вызвали дежурных, и адъютант Пейтон отправился разузнать, в чем дело.

Он вернулся почти бегом и с радостным лицом влетел в палатку коменданта.

— Вот так новость! — вскричал он. — Молодой Армстронг вернулся с Марком Мэггером и двумя проводниками... Они в караульном доме, полунагие и полумертвые от голода, прямо из лагеря сиуксов.

— Армстронг! — воскликнул радостно полковник, вскочив на ноги. — Счастливую новость вы мне принесли. Как я рад буду пожать руку этому прекрасному юноше!

Но затем вдруг, как бы очнувшись, он вспомнил свое официальное положение и заговорил как комендант:

— Отправьте его под арест и воспретите ему всякое общение с кем бы то ни было. Прежде всего, разумеется, распорядитесь доставить ему и товарищам его все необходимое, а затем придите мне сказать, когда они будут в состоянии явиться на допрос.

Адъютант повернулся на каблуках и вместе с капитаном Джимом Сент-Ором направился к тому месту, где оставил прибывших беглецов.

Они уже были окружены толпой; каждый предлагал свои услуги: кто нес бутылку с вином, кто плащ, тот предлагал трубку; все суетились с тем участием, которое всегда возбуждает вид пострадавших товарищей.

Адъютанту Пейтону не очень-то нравилось возложенное на него поручение. Он знал, что это была простая формальность, вопрос дисциплины, и потому постарался, насколько умел, позолотить подносимую им пиллюлю.

— Дорогой Армстронг, — сказал он на ухо молодому человеку, — у меня есть приказ держать вас под арестом; само собой разумеется, что я лично весь к вашим услугам; только скажите, что вам нужно...

— А это очень легко сказать, — ответил смеясь Франк. — Во-первых, обедать: пятнадцать часов у нас не было ни крохи во рту. Еще счастье, что мы заметили ваши огни. Кусок жареного мяса и восьмичасовой сон — и тогда, ручаюсь вам, никакой арест меня не огорчит.

Новость быстро разносилась по лагерю, и со всех сторон офицеры и солдаты сбегались смотреть на призрак. Но они вынуждены были ограничиться тем, что смотре-

ли, как этот призрак и его товарищи уплетали обильный обед, о котором главным образом позаботился капитан Джим Сент-Ор.

Час спустя подпоручик Армстронг, подкрепленный обедом с достаточными возлияниями, одетый в чистое платье с головы до ног и такой свежий, как будто успел отлично выспаться, был введен к коменданту Сент-Ору, ожидавшему его в своей палатке.

— Ну-с, господин поручик, вы закончили, наконец, ваши веселые похождения?

— Точно так, господин полковник,— ответил Фраик скромным, но твердым голосом.

— Вы покинули отряд для того, чтобы ехать по замеченному вами следу?

— Точно так, господин полковник.

— Из донесений вашего отрядного начальника я узнал, что вам была разрешена отлучка только на трое суток. По какой причине вы нарушили этот срок?

— Потому что видел возможность добыть очень важные сведения!

— И эти сведения вы добыли? — спросил полковник, не спуская с него глаз.

— Точно так, господин полковник.

— Я вас слушаю.

— Сведения таковы, господин полковник: дакоты собираются заключить с соседними племенами и даже, может быть, с черноногими обширный и опасный союз. Во главе этого предприятия стоит образованный вождь, храбрый, могущественный по богатству и способностям; его идеи, конечно, более здравы и практичны, чем идеи рядовых индейцев. Этот вождь пробовал вразумить их, что нужно время для того, чтобы приучить толпы к дисциплине, к прочному единству и через то сделать их сильными и непобедимыми. Его намерения и виды — я, кажется, могу это утверждать — скорее миролюбивы, чем воинственны; он предпочел бы вести с правительством переговоры на мало-мальски выгодных основаниях, нежели возбуждать открытое восстание. Но его не послушали, и партия, стоящая за немедленную войну, взяла верх. Во всяком случае, так как вождь этот бесспорно превосходит всех других индейских воинов знаниями, хладнокровием и храбростью, я не сомневаюсь, что силою обстоятельств он вынужден будет принять командование над ними и, уступая более многочисленной партии, начать войну; таким противником пренебрегать

нельзя. Вы поймете мои слова, полковник, если я добавлю, что несколько недель тому назад дакотам отправили из Канады пушки, скорострельные ружья и достаточно боевых припасов к ним. В настоящую минуту они еще плохо вооружены, не успели соединиться, не успели приготовиться. Немедленный поход мог бы, я уверен, захватить их врасплох и задушить в зародыше готовящееся восстание...

Полковник встал и прошелся раза три по палатке.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил он тихим голосом, вперив внимательный и пристальный взгляд в молодого человека.

— Я был у них в лагере, — скромно ответил Армстронг.

— Неужели вы были там? Так вот куда привели вас замеченные вами следы! — вскричал комендант и, будучи не в силах сохранять долее официальную холодность, он схватил молодого человека за руки и горячо пожал их. — Расскажите же мне все подробно, дорогое дитя мое.

И усадив Франка рядом с собой на буйволовой шкуре, он предложил ему сигару и затем сосредоточенно выслушал подробности его походов. Армстронг рассказал все, скрыв только имя Мак Дайармида. Он полагал, и не без оснований, что не вправе выдавать того, кто сделал все возможное для спасения его жизни и жизни его товарищей.

Затем начались расспросы о приблизительной численности дакотов, о силе их, об их вооружении. И только когда все вопросы были исчерпаны, полковник решился, наконец, отпустить подпоручика.

— Теперь идите, мой дорогой, — сказал он ему, сердечно пожимая руку. — Мой брат примет вас у себя... Выспитесь хорошенько: вам нужны будут все ваши силы, чтобы довершить услугу, оказанную вами государству.

Затем полковник приказал пригласить к себе Марка Мэггера, который подтвердил все рассказанное Армстронгом. По настоянию последнего корреспондент тоже умолчал об имени Золотого Браслета. Взамен этой маленькой недомолвки он был неисчерпаем в похвалах усердию, хладнокровию и спокойному героизму своего товарища.

Франк Армстронг весело шел в отведенную ему неподалеку палатку; поравнявшись с офицерскими квартирами, он натолкнулся на группу, состоящую, между прочим, из капитана Грюнтея, Корнелиуса Ван Дика и дру-

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

гих. Офицеры все уже знали о счастливом возвращении Франка и шумно, по-товарищески приветствовали его. Только Ван Дику, пораженному неожиданностью этого возвращения, было не по себе; он заметно сторонился Армстронга, а это увеличивало неловкость его положения.

Наконец он решился заговорить.

— Ну, вот вы и вернулись,— с кислой миной произнес он, не решаясь, впрочем, протянуть руку Франку.

— Да, вернулся и притом сохранил в целости и голову и волосы, несмотря на то, что вы так любезно предсказывали мне потерю их,— ответил Франк с явным презрением.

Корнелиусу нечего было ответить. С той поры молодые люди никогда более не заговаривали друг с другом.

Полковник Сент-Ор, оставшись один, глубоко задумался и несколько минут ходил взад и вперед по палатке. Потом присел к своему походному складному столу, быстро написал несколько строк на листе бумаги и приказал позвать к себе адъютанта Пейтона.

Несколько минут спустя трубач играл сбор, и следующий приказ был прочитан командирами перед строем своих солдат.

«Завтра утром в три часа снятие с лагеря. В четыре часа седлать лошадей. Обоз остается позади. Людям иметь при себе провианту на восемь дней. Сегодня вечером огни погасить часом ранее обыкновенного».

По прочтении приказа офицеры собрались вокруг коменданта, чтобы узнать полученные им новости.

— Господа,— сказал он им,— нам предстоит работа. Индейцы близко и с большими силами. Решаюсь вступить в бой, не дождавшись колонны, идущей к нам из Ларами на подмогу; мы ставим многое на карту, мы рискуем,— этого нельзя отрицать, но, надеюсь, мы победим! Пусть только каждый честно исполнит свой долг, на что я и рассчитываю!

Глава 17

В КРЕПОСТИ

Миссис Сент-Ор сидела в кресле в кабинете своего мужа и молча вязала шерстяные чулки, предназначавшиеся для бедных индейцев, недавно приютившихся в

форте Лукут. Неподалеку от нее Нетти Дашвуд, бледная и сильно похудевшая, с кудряшками белокурых волос на почти прозрачных висках, полулежала в большом вольтеровском кресле.

Приближалась осень. Ярко горели дрова в большом камине. На дворе был печальный серый день. Плац, где производилось учение, всегда оживленный, теперь был пуст. Трава, обыкновенно ровно подстриженная, торчала кое-где кустиками; цветы на маленьких клумбах посохли и пожелтели. Сами казармы имели вид чего-то запыленного и унылого. Часовые стояли только у входа в крепость и у штаба. Все носило печать заброшенности и запустения.

Мисс Дашвуд, особенно грустная от этого зрелища и жалобных завываний ветра в трубе, не имела сил говорить. Всего два или три дня как она встала с постели. Вдруг миссис Сент-Ор услышала глубокий вздох своей молчальницы и с удивлением увидела ее в слезах.

Полковница бросила шитье, быстро подошла к больной и горячо обняла ее, осыпая самыми нежными, материнскими ласками.

— Полно, милая, это безрассудство. Не надо плакать... ведь слезы не помогут...

Говоря это, она так растрогалась, что и сама заплакала.

— Ах,— сказала маленькая больная, всхлипывая,— как ужасно это бесконечное ожидание!.. Ниоткуда никакого известия... Я не могу свыкнуться с мыслью, что он умер... не могу... а между тем...

Миссис Сент-Ор, вытирая слезы, старалась, как умела, успокоить бедную девушку: известия не замедлят явиться; без сомнения, отряд скоро возвратится, так как не может остаться зимовать в открытой местности.

— И вы думаете, он может вернуться вместе с ними?

— Конечно, тем более что никаких точных известий о его смерти нет и не было. Известно только, что он предпринял очень опасную экспедицию... Мой муж делал в своей жизни не раз такие вещи и, как видите, остался жив и невредим...

— Какая я эгоистка! — вскричала Нетти.— Как дурно с моей стороны надоедать вам моими горестями, тогда как у вас и своих тревог много, дорогая миссис Сент-Ор! Простите меня. Я постараюсь во что бы то ни стало быть рассудительнее... Господи! сколько забот я вам причиняю!..

— Да нет же, дитя мое, никаких особенных забот вы мне не причиняете. Напротив, я вам откровенно скажу: не будь вас при мне, я вдвое сильнее чувствовала бы свое одиночество. Ах, Нетти, вы не можете понять, что значит быть женою солдата, проводить недели и месяцы с мыслью, что ему угрожает постоянная опасность, ждать известий и бояться их, ожидать приезда курьера и бояться распечатать привезенный им пакет!

— Дорогая миссис Сент-Ор! — возразила Нетти, поднося руку ее к своим губам, — простите мои детские выходки. Дело в том, что я очень слаба после болезни и потому не могу удержать своих слез, и вы на меня за это не сердитесь.

— Ну, вот еще! Довольно, не будем об этом говорить, — сказала миссис Сент-Ор, вставая и заставляя себя принять веселый вид. — Мы обе неразумны и тревожимся без причины.

С этими словами она машинально приблизилась к окну и рассеянно смотрела на двор крепости.

— Ох, посмотрите, что это с миссис Пейтон: она бежит сюда без шляпы, с растрепанными волосами... похоже, что-то случилось...

Она пошла ей навстречу и отворила дверь. В ту же минуту на лестнице раздался голос миссис Пейтон:

— Эльси, милая, наши возвращаются!.. уже близко! — кричала она.

И молодая женщина запыхавшись вбежала в комнату.

— Смотрите сами, — сказала она, подходя к окну и указывая куда-то вдаль.

Миссис Сент-Ор долго всматривалась в указанном направлении и, наконец, увидела две распластанные тени, стремительно приближавшиеся к крепости. Она скоро узнала двух борзых своего мужа, которых он всегда почти брал с собой в походы. Радостный крик вырвался из ее груди.

— Свежие вести, свежие вести! — сказала она, бросаясь на шею Нетти.

— Вести?.. откуда?.. — недоумевая, спросила бедная девушка.

— Друг мой! наши борзые бегут! Муж всегда посылает их вперед с письмом ко мне, если решено вскоре вернуться в крепость.

А между тем борзые уже преодолели крепостной вал.

Они точно стлались по земле, пересекая плац, и вскорь были уже на дворе. Миссис Сент-Ор открыла окно.

— Цитен, Браун, сюда! — закричала она.

Благородные животные взвизгнули от радости, одним прыжком взлетели на лестницу и, как бешеные, задыхаясь, ворвались в залу. Движения их были так порывисты, их желание лизнуть руки миссис Сент-Ор так бурно, что она не вдруг смогла овладеть бумагой, привязанной к ошейнику Цитена.

Наконец она добыла письмо и прочла его вслух.

«Миссис Сент-Ор в форт Лукут.

С поля сражения. Малый Миссури, 12 октября.

Все идет хорошо. Сиуксов встретили в 6 милях от Эстакада, по указаниям Армстронга. Он явил чудеса храбрости, ему удалось вырваться из лагеря Медведя-на-вадных-лапах, куда он имел смелость и дерзость проникнуть...»

— Нетти, голубушка, что с вами? вам дурно? — спросила миссис Пейтон, схватив за руку больную, которая вскрикнула и побелела как полотно.

— Нет... это ничего... читайте... это от радости,— ответила она, жестом и голосом умоляя миссис Сент-Ор продолжать чтение.

«...Мы воспользовались счастливым случаем, не дождавшись колонны, обещанной нам из Ларами. Сиуксы разбиты. Наши потери — тридцать восемь человек, в том числе двое офицеров: поручик Грогам и подпоручик Гевит. Пейтон жив и здоров; Армстронг ранен стрелой в руку. Будем в форте примерно 18-го, если постоит хорошая погода.

В. Ст.-Ор».

— 18-го, а у нас сегодня 15-ое, значит, через три дня! — радостно сказала миссис Пейтон.

— Он ранен,— шептала дрожащим голосом Нетти Дашвуд,— и может быть...

— Да нет же, упрямец, ведь вам говорят, он ранен только в руку.

Вдруг миссис Пейтон вскрикнула:

— У Брауна тоже письмо!.. Посмотрите, Эльси!

В самом деле, и у другой борзой к ошейнику оказалась привязанной сложенная бумажка. Ее отвязали, развернули и прочитали:

«Мисс Нетти Дашвуд в форте Лукут».

— Пожалуйста, прочитайте; я не в состоянии разобрать ни одной буквы.

Это была записка в десять строк:

«Юноша вел себя героем. Рана легкая и неопасная. Я считал себя, может быть напрасно, обязанным хранить вашу тайну и должен признаться, что бедный малый и не подозревает своего счастья. Он продолжает думать, что ваша кузина Жюльета и теперь, как и прежде, для него все. Если бы я мог говорить, его сердце узнало бы настоящий путь к счастью. Но я обещал вам молчать, и если он еще не догадывается, то вина в том право ваша, а не его. Тем не менее я в смущении, как это сердце его само собою не обратится к вам. Право, нельзя ли ему помочь в этом?»

Джим Сент-Ор».

Дамы принялись болтать о полученных новостях и перечитывать письмо коменданта; отдавшись всецело радости по поводу того, что их мужья живы и здоровы и скоро возвратятся в форт, они не вдруг заметили быструю перемену, происшедшую в Нетти Дашвуд.

Маленькая больная поднялась; на щеках занграл румянец, глаза как-то особенно блестели.

Как только миссис Пейтон ушла, Нетти подошла к госпоже Сент-Ор, обняла ее и твердо проговорила:

— Взвесив все обстоятельства, я пришла к выводу, что мой долг — немедленно покинуть форт.

Молодая женщина глядела на нее с изумлением.

— Покинуть форт, моя крошка!.. в таком состоянии! да и зачем это, скажите ради Бога?

— Так надо. Я не должна быть здесь, когда они возвратятся, — произнесла она, пряча свое пылающее лицо на груди миссис Сент-Ор.

— Да это безумие!.. Вы не должны даже и говорить об этом, Нетти.

— Нет, это необходимо, — сказала она решительно, —

и если вы меня любите, вы должны помочь мне уехать не откладывая. С одной стороны, я не желаю возбуждать в ком бы то ни было сострадания; с другой стороны, и ничего не сделаю сама и не потерплю, чтобы другие сделали что-либо, на что Жюльета могла бы обидеться.

— Жюльета! — вскричала миссис Сент-Ор. — Так вы хотите себя принести в жертву Жюльете? Ах, дитя, дитя! Вы сильно заблуждаетесь, если предполагаете, что Жюльета могла серьезно думать о подпоручике Армстронге!

— Все равно, она не думает... но он, он до сих пор о ней думает.

Миссис Сент-Ор мысленно упрекала Джима за то, что он не догадался открыть истину Франку; но она сознавала, что оспаривать решение Нетти было излишне.

— А я-то готовила себе праздник, хотела удержать вас до Рождества и затем проводить в Нью-Йорк. Значит, вы хотите уехать одна?

Нетти утвердительно кивнула.

— Когда же?

— Завтра; даже сегодня, если это возможно.

— Мне следовало бы отказать вам, моя крошка, но я не считаю себя вправе. Лучшее средство доказать друзьям свою любовь — это действовать согласно их желаниям... Я иду не без сожаления дать распоряжения к вашему отъезду, а завтра я и миссис Пейтон поедем проводить вас до станции. Сегодня уже поздно. Вы знаете, что семичасовой переезд... Надо еще похлопотать, чтобы временный комендант дал нам конвой.

Вместо ответа Нетти горячо обняла госпожу Сент-Ор, и все было улажено.

Когда спустя три дня 12-й драгунский полк, покрытый пылью и грязью, сопровождаемый обозом, пленными индейцами и запаленными лошадьми, вступал в форт Лукут, Нетти Дашвуд была уже за сотни миль. Поезд, который шел по тихоокеанской железной дороге, стремительно уносил ее в шумно раскачивавшемся вагоне, где она сидела в обществе двух дам, с которыми ее познакомил начальник станции. Нетти с чувством удовлетворенной гордости и с грустным отчаянием следила за убегающими в окне бесконечными темными лесами однообразно бесконечной равнины.

СРАЖЕНИЕ НА БЕРЕГУ МАЛОГО МИССУРИ

Войска из форта Лукут и две тысячи индейцев, предводимых Золотым Браслетом, сразились в открытом поле, у берегов Малого Миссури; битва была горячая, упорная и в высшей степени кровопролитная.

Как только передовой отряд индейцев показался на левом берегу Миссури, полковник Сент-Ор приказал седлать лошадей; отряд двинулся вперед и занял позицию на холмах, с высоты которых равнина была как на ладони.

Со своей стороны краснокожие, заметив это движение неприятеля, тоже сели на коней и бросились вперед с ужасными криками.

Как и предвидел Армстронг, Мак Дайармид счел себя обязанным принять командование над войском индейцев в предприятии, безумие которого он понимал лучше всех. Уведомленный своими лазутчиками о приближении правительственной армии, спустя неделю после бегства Армстронга и Мэггера, он едва успел удалить из лагеря жен и детей, отправив их в Канаду.

Он не мог сомневаться в исходе схватки: ему не дали времени ни избежать ее, ни подготовиться к ней. Но жребий был брошен, и Мак Дайармид был не из числа тех, которые отступают в минуту опасности. У индейцев не было пушек, их не удалось еще подвезти; ружей было очень немного, а пороху и совсем мало... Но решимость их была непоколебима, и во всем стане Медведя-на-задних-лапах не раздавалось ни одного голоса в пользу отступления или бегства. Только один Мак Дайармид, удивленный быстротой продвижения обеих сторон, понимал опасные последствия, грозившие индейцам в случае неудачи. Союз племен, о котором он мечтал, требовал для осуществления своего нескольких недель, а у него не было и нескольких часов, чтобы подготовиться к бою; но чувствуя на себе ответственность за неминуемый разгром, он уже и не думал уклоняться от участия в этом обреченном на поражение предприятии.

Во всяком случае, его поддерживали безусловное доверие индейцев к нему, уверенность в личной храбрости каждого из них и слабая надежда на то, что какая-ни

будь непредвиденная случайность если не отвратит, то по крайней мере ослабит удар, готовый обрушиться на его храбрую, но не подготовленную к бою орду.

Он поспешил отправить гонцов к соседним племенам, призывая их на помощь, а сам встал во главе сиуксов.

Верхом на чудном чистокровном коне темно-серой масти, приведенном из Канады, в своем боевом наряде, с лицом, по обычаю индейцев, раскрашенным в честь сражения в желтый и зеленый цвета, Мак Дайармид сознавал свою безграничную власть над этими слепо преданными ему храбрецами, и в сердце его невольно закрадывалась надежда, что, может быть, победа не так уж невозможна.

Ему хотелось остаться в обороне, пользуясь для прикрытия самой местностью, с ее кустами и пригорками. Выждать приближения врага на такое близкое расстояние, чтобы можно было с ним сцепиться врукопашную,— вот в чем он видел спасение. Но подобный образ действий противоречил понятиям индейцев о храбрости. Они не могли понять его и предпочли геройски броситься вперед как безумные.

Уже через десять минут расстояние между двумя армиями не превышало трех верст.

На открытой равнине, с торчащим кое-где кустарником, все происходившее было видно как на ладони.

В это время полковник Сент-Ор приказал подкатить оба орудия, находившиеся до того в аррьергарде, и дать залп.

Действие этого залпа было убийственное. Как только индейцы увидели две упавшие среди них бомбы, пущенные на таком расстоянии, на котором их стрелы не могли достать врага, увидели тут же людей, убитых этими снарядами наповал,— они остановились и готовы были броситься назад.

Но тут правительственные войска заметили, как в этот момент среди испуганных индейцев появился всадник на темно-сером коне в плаще, который блестел на солнце ослепительно золотым блеском; как этот всадник стал смыкать расстроенные ряды, удерживать бегущих, как он наконец собрал их и вновь повел в наступление.

Прошло несколько минут, пока снова зарядили пушки. Враги сошлись еще ближе. Последовал новый залп, вызвавший новое смятение в рядах индейцев.

Но этот залп вождь уже предвидел. В момент, когда показался дымок перед выстрелом, он приподнялся в

стременах, издал дикий военный клич и, вонзив шпоры в коня, ринулся вперед, увлекая всех за собой.

Ясно было, что индейцы быстро освоились с грохотом пушечных залпов, и пять выстрелов, следовавших один за другим, несмотря на сотни жертв, уже не смогли остановить их движения вперед.

Комендант Сент-Ор, находившийся во главе колонны своего отряда, не мог не любоваться геройской неустрашимостью врагов и, главным образом, их вождя; он видел, что индейцы вот-вот обрушатся на его левый фланг. Тем не менее он жестом сдерживал горячность своих солдат, кипевших нетерпением и жаждой броситься вперед; требовал, чтобы они оставались неподвижны как стена, с ружьями на перевес... А людская волна продвигалась все ближе и ближе.

На зеленой траве равнины это движение массы людей было зрелищем и устрашающим, и завораживающим. Людская масса неотвратимо приближалась к стоявшим на месте людям.

Краснокожие были не далее полуверсты. Их стрелы уже долетали до солдат и падали у их ног.

И тут комендант поднял свою шпагу.

Это был условленный сигнал, по которому левое крыло, состоявшее исключительно из кавалерии под командой майора Вестбрука, ринулось с глухим топотом копыт на фланг индейцев.

В то же время послышался короткий повелительный и всем обитателям крепости знакомый голос:

— Слушай!.. Пальба рядами... первая шеренга... Пли!

Раздался зловещий треск. В надвигавшейся колонне индейцев падали люди, становились на дыбы раненые лошади; все смешалось и перепуталось.

Новый грохот выстрелов — и индейцы, оглушенные, смятые, остановились. Они сделали несколько выстрелов и выпустили целую тучу стрел. Несколько солдат были ранены.

С той минуты, как краснокожие остановились, их гибель была неминуема. Еще четыре ружейных залпа один за другим произвели страшное опустошение в их рядах. Затем правое крыло армии на марше врезалось в колонну, люди стреляли почти в упор. Этой минуты дождался полковник Сент-Ор. С остатками свежих сил он бросился в гуцу индейцев.

Тут начался страшный рукопашный бой. Драгуны со своими револьверами смогли добиться перевеса, так как

индейцы сражались стрелами вместо пик: невероятная скученность не позволяла им действовать длинными пиками. Некоторые, как, например, Красная Луна и Американская Лошадь, обладавшие исполинской силой, крошили драгун вокруг себя. В этой свалке происходили возмутительные по своему зверству сцены. Так, например, Татука очутился под лошадью, на которой сидел подпоручик Гевит; схватив за ногу несчастного молодого человека, Татука стащил его наземь и по рукоятку вонзил в грудь его нож, которым обыкновенно индейцы скальпируют врагов; сам Татука был тут же застрелен; он умер, но умер отмщенный.

Были также и странные случаи, например, выходка Ван Дика: он опрометью бросился из рядов сражавшихся, когда неожиданно увидел недалеко от себя Золотого Браслета. Мак Дайармид узнал своего ненавистного доносчика и бросился с поднятой саблей на него; но шальная пуля раздробила ногу его серому коню, и удар не состоялся. Корнелиус же улепетывал так быстро, что оставался только там, куда выстрелы уже не долетали.

Франк Армстронг во главе своей части был из первых, врубившихся в гущу индейцев; он очутился один на один со страшным Медведем-на-задних-лапах и спасся лишь каким-то чудом от угрожавшего ему удара. Он был уже ранен стрелой в руку и вынужден был сражаться только правой рукой; но, управляя лошадью без рук, он сумел парировать нацеленный на него удар и так удачно разрядил в противника свой револьвер, что вождь дакотов свалился как сноп и уже более не вставал.

Все внимание Франка было поглощено Золотым Браслетом, стойко державшимся в 50 саженях от него. В душе он желал ему умереть с оружием в руках. Франка страшила участь, грозившая Мак Дайармиду, если бы он попался в плен.

Чарлей Колорадо сразился с Красной Луной и убил его из карабина; Американская Лошадь пал под ударами четырех драгун, окруживших его. Наконец, с падением Медведя-на-задних-лапах стало ясно, что поражение индейцев неминуемо. Лишившись половины людей, теснимые с двух сторон, они перестали сопротивляться, и одни бросали оружие, другие — немногие — повернув лошадей на север, спасались бегством.

Только небольшая кучка безумцев продолжала с остервенением обороняться, безо всякой надежды на успех. Среди этих отчаянных был и Золотой Браслет. Эти

люди были вооружены на европейский манер и задали драгунам чувствительный урок; но число их все убывало; они теснее жались к своему вождю, который, потеряв много крови из-за двух полученных ран, едва держался в седле. Люди его заметно уступали много превосходившему их числом неприятелю, драгуны все теснее сжимали в кольцо кучку храбрецов, и недалеко казалась та минута, когда сопротивление их будет сломлено и все они будут захвачены в плен. Но вот в самый критический момент в плотном кольце сражающихся вдруг оказался всадник в костюме шотландского горца, который схватил обессилевшего вождя, бросил его, словно мешок, поперек седла и, как молния, исчез в северном направлении.

Армстронг все видел. Он понял сцену, разыгравшуюся на его глазах: доблестный Эван Рой с отчаянной храбростью избавил Мак Дайармида от угрожавшего ему плена.

Это был последний акт сражения. Остаток индейцев обратился в бегство. Стычка продолжалась не более двух часов, но была в высшей степени смертоносна. С обеих сторон были обезображенные трупы, стонущие раненые, изуродованные лошади и потоки крови.

Комендант Сент-Ор не позволил войскам преследовать бегущих. Он знал, что главная цель достигнута, что союз племен, которого они опасались, теперь не вдруг оправится от полученного удара. Поэтому полковник, как только убедился, что позиция осталась за ними, приказал прекратить пальбу и дал сигнал к отбою.

Когда войска выстроились, произвели перекличку и сосчитали выбывших из строя,— их оказалось шестьдесят: двадцать два человека более или менее опасно раненых и тридцать восемь убитых. Сначала полагали, что Ван Дик был в числе последних: в течение последнего получаса его никто не видел, и его имя думали уже занести в печальный список, как вдруг он появился, очень сконфуженный и бледный.

Лошадь его, как объяснил он, была под ним убита и сам он чуть-чуть не был скальпирован.

Однако правдивость его рассказа вызвала сильные сомнения после того, как лошадь Ван Дика была действительно найдена убитой, но на значительном расстоянии от места сражения, и убита она была выстрелом из револьвера в голову.

Эта история окончательно погубила Ван Дика во мнении полка. И без того уже многие офицеры перестали говорить с ним после давшей истории с Армстронгом. Теперь же только двое или трое решились подойти к нему — с предложением подать в отставку.

— Знаете что, мой милый, — говорил ему в тот же вечер капитан Грюнтей за стаканом пунша, — вам будет нелегко удержаться в полку. Может быть, тут и нет вашей вины, но обстоятельства сложились против вас, и все приняли сторону этого маленького интригана Армстронга. Не лезьте на рожон, — лучше уступить сразу.

Когда после этого Корнелиус пробирался в темноте к себе, он, проходя мимо палатки Армстронга, услышав вдруг свое имя и, следуя давней подлой привычке, остановился и стал подслушивать.

Марк Мэггер как раз беседовал с раненым Армстронгом. Он целый день торчал подле коменданта и наполнял себя впечатлениями, а свою книжку заметками. Как только кончилось сражение, он тут же, не сходя с места, написал чудесный рассказ о происшедшем, снабдив его разными чертежами и набросками, а Чарлей Колорадо в тот же час поскакал с этой драгоценной корреспонденцией на ближайшую станцию для отсылки ее в редакцию «Геральда».

Исполнив свой долг, Мэггер поспешил навестить своего раненого приятеля.

— Хорошо, — говорил Армстронг в ту минуту, как Корнелиус остановился у палатки, — оставим этот разговор. Что сделал или чего не сделал Ван Дик, нам какое дело?

— Видели вы этого черта Мак Дайармида, как он сражался?

— Да, как лев. Знаете, одно время я уже думал, что его возьмут-таки в плен.

— О, нет, этого бояться было нечего! Он скорее дал бы себя изрубить в куски. Ведь он хорошо знал, что его ожидает.

— Да, я очень рад, что он не попал в плен; но, быть может, Эван Рой увез не более как труп Мак Дайармида, — вот чего я боюсь. А впрочем, смерть солдата на поле битвы — для него самая завидная. Он не мог бы ни прозябать среди снуксов, ни возвратиться в нашу среду... Какая жалость, что этот прекрасный малый, такой храбрый, такой способный... пошел по ложной дороге...

— Да, несколько бы таких, как он, офицеров, и на-

ша армия стала бы лучшей в мире. Как вы полагаете: его никто не узнал?

— Никто, я в этом уверен. Во-первых, боевая окраска изменила его лицо, а во-вторых, ведь только мы двое и знаем его. Кто может вообразить, что вождь индейцев Золотой Браслет — бывший кадет Вест-Пойнта?

— Это, в самом деле, очень неожиданно; а кстати: вы непременно должны позволить мне рассказать его историю в «Геральде».

— Нет, любезный Мэггер, пожалуйста, не говорите мне об этом. Ведь кому же, как не ему да Красной Стреле обязаны мы тем, что остались в живых? Без его вмешательства с нами тогда покончили бы задолго до урагана, который помог нам скрыться. Если бы мы были уверены, что он умер, ну, тогда другое дело, но это вовсе не достоверно. Эвану Рою, быть может, удалось вернуть его к жизни. Надо сохранить его тайну. Для нас это долг чести.

— Согласен с вами, но и вы сознайтесь же, что большей услуги Мак Дайармиду и вам не может оказать ни один завзятый журналист; как-то: сохранить втайне такую любопытную новость.

— Ценю жертву по достоинству, будьте в том уверены, — сказал улыбаясь Армстронг.

— Вот что, постарайтесь-ка хорошенько отдохнуть за эту ночь, — сказал Мэггер, поднимаясь. — Доктор говорил, что рана ваша не опасна, а полковник готовит вам самую чудодейственную перевязку: о подвигах ваших дать в приказе по отряду.

Корнелиус поторопился уйти, чтобы не быть застигнутым.

— Да, отличные новости! — говорил он сам с собой в своей палатке. — Вот так история! Армстронг и Мэггер знают вождя Золотой Браслет. Надо бы их вывести на чистую воду.

Глава 19

ПАРТИЯ НА БИЛЬЯРДЕ

Наступил канун Рождества. Прошло уже два месяца с тех пор, как Корнелиус Ван Дик, из-за единодушного осуждения, произнесенного обществом офицеров, принужден был подать в отставку. Желая сколько-нибудь уте-

шить себя, он бросился во все тяжкие и наслаждался всеми удовольствиями, какие только представлял Нью-Йорк человеку со средствами и без определенных занятий.

В этот вечер Ван Дик был в итальянской опере и, не успев сесть на своем обычном месте в партере, как увидел во втором ряду полковника Сент-Ора, прибывшего с женой в Нью-Йорк. Голова полковника испугала отставного поручика более чем голова медузы Горгоны, и он поспешил скрыться. Его всюду преследовала краткая надпись, сделанная полковником на прощание Ван Дика об отставке. Эта надпись гласила: «Настоятельно прошу министра: армия много выиграет от немедленного увольнения этого офицера. Сент-Ор». Достаточно было увидеть полковника, чтобы приведенные выше слова так явственно привиделись Ван Дику, словно были начертаны на театральном занавесе.

Покидая оперу, он говорил про себя:

«Делать нечего, в ближайшем кафе можно сыграть партию на бильярде».

Он стал искать партнера, как вдруг слух его был поражен звуками знакомого голоса, говорившего:

— Дорогой Мэггер, вы должны дать мне по крайней мере двадцать пять очков вперед. Вы знаете, что у нас в крепости нет бильярда, и у меня не было возможности набить себе руку.

Толстяк, произносивший эти слова, был не кто иной, как капитан Штрнкер. Он знал историю Корнелиуса,— значит, надо было поспешить и отсюда. К тому же специальный корреспондент пристально и не особенно любезно смотрел ему в глаза. Корнелиус знал Марка Мэггера в лицо; он читал его знаменитую заметку в три столбца под заманчивым заголовком: «Медведь-на-задних-лапах. Военный совет в лагере сиуксов. Подробный отчет специального корреспондента «Геральда». Он читал также повествование о подвигах Армстронга и своих двусмысленных похождениях, и, конечно, не имел ни малейшего желания вспоминать теперь свои неприятности.

Итак, он собрался еще раз улизнуть, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему на плечо руку и тихо и серьезно сказал:

— Наконец-то я встретил вас, господин Ван Дик...

Бывший поручик быстро повернулся и очутился перед высоким молодым человеком, которого он, казалось, где-то видел, но узнать обладателя этих черных глаз и

бледного лица с иронической улыбкой на тонких губах он не мог.

Незнакомец был щегольски одет, без той пестроты, которая всегда выдает человека смешанной крови, каким он несомненно был: ни массивной цепочки на жилете, ни брильянта на галстуке, ни колец на пальцах, — прекрасно сшитый сюртук, безукоризненные перчатки, — так что Корнелнус, несмотря на все желание, не имел бы к чему придраться.

Было, между тем, что-то такое в лице незнакомца, что сильно не понравилось Ван Дику и исключало желание с его стороны побеседовать с ним, и он решился прибежать к средству, не раз ему удававшемуся.

— Я не имею чести вас знать, милостивый государь, — сказал он, поворачиваясь к выходу.

Но в ту же минуту Ван Дик почувствовал, что его держат.

— Однако коротка же у вас память, господин Ван Дик! — сказал Мак Дайармид.

Наконец-то он встретил человека, которого ненавидел и искал уже три года.

— Я-то вас знаю! — прибавил он многозначительно.

Он говорил хладнокровно, и улыбка не сходила с его уст; тем не менее отставной поручик почуял в воздухе грозу.

Впрочем, надо заметить, что в этот раз недоумение Ван Дика было искренним. Ведь он всего два раза в жизни встречался с Мак Дайармидом: первый раз — в Вест-Пойнте, когда увидел его кадетом с запретной сигарой во рту, и второй раз — в боевом костюме вождя в тот несчастный момент, когда он, Корнелнус, улепetyвал во все лопатки от Золотого Браслета и, конечно, был лишен возможности как следует его разглядеть.

А потому не совсем твердым голосом он произнес:

— Должно быть, я позабыл... С кем имею честь?..

— Милостивый государь, — начал тот, не отвечая на вопрос, — однажды мне привелось быть в обществе молодых людей, только что выпущенных из Вест-Пойнта, и они рассказали мне, как один из кадетов был только что исключен и лишен производства вследствие доноса одного офицера, подлого негодяя, который даже не состоял на службе в академии, и которому никакого дела до всего этого не было. Ему вовсе незачем было совать туда свой нос... но он... он записался в шпионы из любви к искусству.

Ван Дик начинал понимать, что происходит, но не подал и вида...

— Не понимаю... каким образом все, что вы говорите, может касаться меня?

— А вот каким образом,— ответил незнакомец,— меня зовут Мак Дайармид. Поняли? А подлый негодяй, шпион, постаравшийся лишить Мак Дайармида производства, подлец, изменивший впоследствии и долгу своей службы,— прозывается Корнелиусом Ван Диком.

Уже за минуту перед тем Ван Дик опустил руку в карман, где, по обычаю американцев, носил револьвер.

Что касается Мак Дайармида, то он говорил, не повышая голоса, отчеканивая слова и в такт ударяя хлыстом по сапогу. Хоть беседа их велась тихо, не выходя из пределов обычного разговора, тем не менее в выражении их лиц, в позе, было что-то особенное, и люди, всегда жадные до зрелищ, уже обступили их.

Как только Мак Дайармид произнес рядом с именем собеседника слово «подлец», Ван Дик вынул руку из кармана; в ней был пистолет. Он поднял его и выстрелил почти в упор в своего противника.

Но одновременно с выстрелом послышался свист хлыста. Мак Дайармид ударил по руке Ван Дика и вышиб револьвер. Парируя по правилам фехтования руку Ван Дика, он полоснул его хлыстом дважды по лицу, по правой и по левой щеке, оставив на них синеватые полосы.

Все это произошло в мгновение ока. Некоторые из толпы бросились к Ван Дику и оттащили его подальше. Но никто не посмел коснуться Мак Дайармида.

Корнелиус воспользовался своим положением и начал осыпать своего противника самыми оскорбительными прозвищами; Мак Дайармид стоял безмолвно и только оглядывал с явным презрением врага.

В это время из толпы вышел широкоплечий господин с рыжей бородой — это был Эван Рой; он поднял с пола револьвер и вынул из него патроны.

Ван Дик, высвободившись из державших его рук, с лицом, на котором сияли две синие полосы, особенно заметные на багровых щеках, как безумный озирался вокруг... Ему казалось, что весь форт Лукут неожиданно очутился в Нью-Йорке, чтобы быть свидетелем его позора. Перед его глазами мелькнули капитан Сент-Ор, капитан Штрикер, капитан Бюрке, поручик Армстронг — все изумленные смелостью Мак Дайармида. Наконец, тут же очутился и Марк Мэггер.

А Мак Дайармид все улыбался.

Между тем Эван Рой, покончив с револьвером, подошел к злополучному Ван Дику и, протягивая оружие, громко сказал с изысканной вежливостью:

— Вот ваша игрушка, сударь. Я вынул патроны, чтобы вы как-нибудь нечаянно не поранили себя. А то, чего доброго, и до беды недалеко.

Зрители расхохотались и, так как, по всему судя, зрелище не должно было иметь продолжения, многие повернулись, чтобы разойтись по своим углам, как вдруг Корнелиус, выведенный из себя, закричал с азартом:

— Хорошо смеяться, когда вас семь против одного!.. Но если бы здесь нашелся порядочный человек, готовый быть моим секундантом...

Он посмотрел на своих прежних товарищей по оружию. Капитан Бюрке, сошедшийся с ним во время совместного проживания в форте Лукут, не мог остаться равнодушным к его призыву.

— Я готов служить вам, любезный Ван Дик,— сказал он, выходя вперед.— И пусть никто не скажет, будто ни один из старых товарищей не откликнулся на ваш призыв.

Несчастный ухватился за протянутую ему руку, как утопающий хватается за поданный ему шест.

— Вот, смотрите: человек, которого я совсем не знаю, меня оскорбил. Прошу вас, дорогой капитан, разъясните это дело... Меня вы найдете на пятой авеню.

— Хорошо. Я берусь за это.

И Ван Дик поторопился уйти, чтобы скрыть в ночной темноте свое великое унижение.

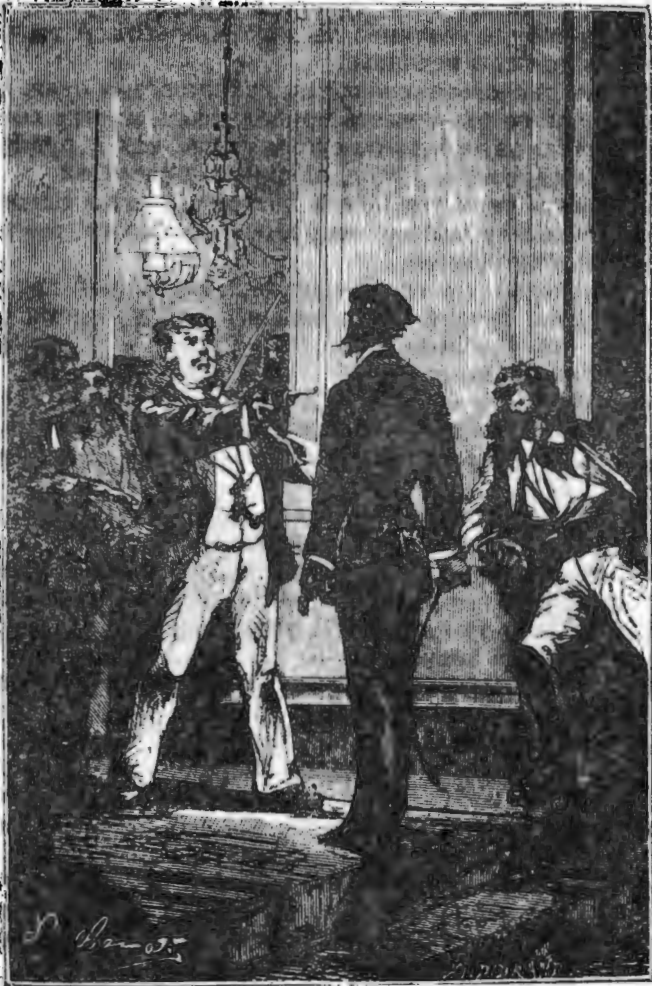
Капитан Бюрке, как и большая часть офицеров армии, был ирландец и хвастался знанием всех тонкостей по ведению так называемых «дел чести». Подойдя к Мак Дайармиду и Эвану Рою, он изысканно вежливо поклонился и повел такую речь:

— Господа, я не имею чести быть с вами знакомым, но я полагаю, что церемонии взаимного представления будут излишни, если я объявлю, что обращаюсь к вам от имени моего друга Ван Дика.

Говоря это, он протянул Мак Дайармиду свою визитную карточку.

Тот взял ее с легким наклоном головы, потом вынул из кармана и вручил капитану в обмен свою карточку со своим именем и адресом.

— Очень рад с вами познакомиться,— сказал с жо-

ным поклоном капитан.—Угодно вам предоставить мне вести переговоры с кем-нибудь из ваших друзей?

— Вот мой родственник, господин Эван Рой, вы можете вести переговоры с ним.

И, поклонившись, он ушел. Ирландец и горец остались вдвоем.

Эван Рой тотчас почувствовал потребность поставить себя на высоту положения данной минуты, и так как приемы высшей дипломатии и любезности соединялись в его мыслях с представлением о бутылке хорошего вина, то он и начал с церемонного заявления:

— Не находите ли вы, капитан, что говорить об этом щекотливом деле всего лучше сидя в отдельном кабинете за стаканом доброго вина?

— Прекрасная мысль! — воскликнул офицер.— Я к вашим услугам.

И оба секунданта направились вместе по лестнице, ведущей в верхний этаж.

Между тем Армстронг быстро подошел к Мак Дайармиду.

— Вы с ума сошли, — сказал он тихо, горячо пожимая его руку, — мало того, что вы объявились в Нью-Йорке, вы еще затеваете целый скандал, и это после того, как вы только что... Вы знаете, на что я намекаю... Вы что же, хотите себя погубить?

— Мой милый Франк! В награду за смелость мне удалось увидеть вас, и этого довольно, чтобы вознаградить меня за некоторые неудобные последствия моего появления здесь. Но у меня были серьезные дела, с которыми надо было покончить. Надо было обеспечить мать и сестру и, наконец, наказать этого подлого мерзавца...

— Да какие у вас счета с Ван Диком? Я не знал, что вы с ним знакомы.

— Какие у меня с ним счета? — переспросил Мак Дайармид глухим голосом.— Так знайте же, что Ван Дик разрушил мою карьеру и исковеркал мою жизнь; он сделал меня бунтовщиком и бросил на ту дорогу, с которой нет выхода, кроме смерти или изгнания. И все это из-за нарушения пустого правила, до которого ему и дела никакого не было. Вы помните ту дурную отметку, которую мне поставили и которая решила мою участь? В течение многих дней я разузнавал, расспрашивал и, наконец, убедился, что этот донос сделан был Ван Диком. Он проходил по коридору, идя к генералу, приложил глаз к замочной скважине и увидел нас курящими. Он поторопил-

ся так громко заявить об этом, что комиссия не могла оставаться глуха к его заявлению, отправилась в дортуар и застала нас с поличным, то есть с сигарою в зубах. Я узнал это от одного из офицеров-очевидцев. Вы удивляетесь, что до сих пор я вам не говорил об этом ни слова? Это потому, что мне хотелось одному казнить мерзавца. Теперь вы понимаете, почему я явился сюда поговорить с ним; ведь на поле битвы это мне не удалось, он сбежал.

— Да, я вас понимаю,— сказал Армстронг,— но это не извиняет вашего безрассудства. В данную минуту вам следовало бы быть в Канаде, в Европе, где угодно, только не в Нью-Йорке, мой милый...

— А какое мне дело до того, что может случиться? — возразил мрачно Мак Дайармид.— Дела свои я устроил. Остается только всадить пулю в этого мерзавца — и будь что будет!.. Моя жизнь кончена. Я потерял то, что давало ей смысл: мне хотелось обеспечить индейским племенам сносное существование. А об остальном я беспокоюсь столько же, сколько о прошлогоднем снеге,— прибавил он, беззаботно щелкнув пальцами.— Но довольно обо мне... Как ваша рана, мой милый Франк? Я слышал, вы были ранены в руку. Да вы и теперь еще носите повязку?

— Рука моя почти совсем поправилась, благодарю. Но вы сами, мне казалось, были в тяжелом состоянии, когда вас подхватил Эван Рой.

— А вы знали об этом? — спросил Мак Дайармид с доброй усмешкой.— Да, меня порядочно помяли. Но индейцы умеют как никто в мире заживлять раны. В шесть недель старейшина поставил меня на ноги.

— Ради Бога, потише! — сказал Армстронг.— Не улыхали бы вас!..

— Да кто же здесь может меня узнать? Эти господа там — ваши друзья?

— Да, это офицеры моего полка и с ними кое-кто, вам тоже не совсем незнакомый: Мак Мэггер, корреспондент «Геральда».

— В самом деле? — сказал Мак Дайармид и взглянул в указанную сторону, где был Мэггер, поглощенный партией на бильярде с капитаном Штрикером.— Пожалуйста, Армстронг, представьте меня ему. Мне занятно, узнает ли он меня.

Франк вынужден был исполнить эту странную просьбу, и несколько минут спустя у бильярда завязалась ожи-

вленная беседа между теми, которые три месяца тому назад отчаянно сражались на берегах Малого Миссури. Мак Дайармида очень занимало, что никто его не узнавал.

— Я прочитал с большим интересом ваш репортаж о посещении лагеря Медведя-на-задних-лапах,— говорил он Марку Мэггеру.— Полагаю, вам пришлось вынести очень сильные ощущения, и что размышления ваши в священном шатре были не из веселых.

Корреспондент, полулежа на бильярде, примеривался, как лучше осуществить довольно спорный удар карамболом. Сделав шар, он привстал и оглядел вопрошавшего.

— Вы спрашиваете,— ответил он,— каковы были мои размышления? А вот какие: до тех пор я думал, что во всех Соединенных Штатах нет человека смелее меня... Ну, а в ту минуту мне пришлось признать, что я встретил человека еще более смелого.

Затем он вернулся к бильярду и удар за ударом сделал чуть ли не пять карамболов.

Когда наступила очередь Штрикера играть, Мэггер снова повернулся к Мак Дайармиду и сказал:

— Вы знаете, мне первому нужно получить сведения о вашей будущей дуэли с Ван Диком. Я рассчитываю на них для «Геральда»,— и при этом посмотрел на него так, как смотрит человек, видящий своего собеседника насквозь.

Мак Дайармид, готовый было рассердиться, расхохотался и сказал:

— Ох, уж эти журналисты! Никогда не знаешь, серьезно они говорят или нет.

Внимание его скоро было отвлечено судьей Брэнтоном, который, поболтав со старыми знакомыми офицерами крепости, изъявил свою радость при виде Мак Дайармида. Само собой разумеется, о происшествии с его племянником Корнелиусом он ничего не знал.

Кажется, дела почтенного негоцианта и судьи не были в прежнем блестящем положении, несмотря на его неустанную погоню за наживой! Сейчас, при виде богача Мак Дайармида, ему пришло в голову сбыть ему кое-какие акции, которые должны были вот-вот обесцениться. Мак Дайармид не обманывался на счет сделанного ему предложения, но он дорожил влиянием Брэнтона на общество, его, полуиндейца в это общество всегда влекло; поэтому он, не соглашаясь и не отказываясь, обе-

шал подумать. Судья же с самым сердечным радушием сказал:

— Что бы вам выбраться к нам на рождественские праздники? Мы почти соседи: ваш деревенский дом не далее двадцати миль от моего. Завтра я жду полковника Сент-Ора с женой, еще кое-кого из друзей и был бы счастлив представить им вас.

Мак Дайармид не решался отвечать, не зная, чем кончится совещание Эвана Роя с капитаном; как раз в это время Эван Рой спустился по лестнице из отдельного кабинета, где проходили предварительные переговоры.

— Ну что?—спросил молодой человек, увлекая его в сторону.

— Еще ничего не решено. Капитан просит время для переговоров со своим другом.

— Значит, во всяком случае не завтра?

— Нет, вероятнее всего — послезавтра.

— Я счастлив, что завтра могу воспользоваться вашим любезным приглашением,— сказал Мак Дайармид, возвратившись к судье.

Глава 20

НА БЕРЕГУ ГУДЗОНА

На следующее утро скорый поезд остановился у маленькой станции Брэнтонвиль на Гудзоне.

Замерзшая река и берега ее покрыты толстым слоем снега; вдоль реки скользят по льду санки на парусах, подгоняемые северным ветром, и оспаривают друг у друга первенство в быстроте. Над платформой, переполненной пассажирами, виднеются горы с гирляндами хвойной зелени, а дальнейший пейзаж пропадает в снежной пелене.

На вершине ближайшей возвышенности можно все-таки различить бедную деревушку, а не доходя до нее, на склоне, возле дороги, извивающейся вверх по горе,— стоит большой каменный дом, желтоватый цвет которого выделяется на белизне снега.

— Вот, должно быть, дом Брэнтона,— сказал капитан Джим, выходя из вагона со своим братом, его женой и подпоручиком Армстронгом.

В ту же минуту к ним подошел со шляпой в руке лакей и спросил:

— Не вы ли, господа, гости, ожидаемые господином Брэнтоном? Если да, то смею доложить, что здесь приготовлены вам сани. Позвольте мне билеты, чтобы получить ваш багаж.

— Вот и прекрасно, нас ждали и позаботились о наших удобствах; мне это нравится,— говорил Джим Армстронгу в то время, как полковник Сент-Ор усаживал жену в легкие сани.— Это я называю широким гостеприимством!

Через две минуты пассажиры уселись, укрылись меховыми полостями и быстро помчались в гору, к дому судьи.

Мисс Жюльета Брэнтон сама встретила их на крыльце. Надо признать, что роль хозяйки отлично удалась ей. Все качества, необходимые для этой роли, были налицо. Недаром она, как и все богатые американские девушки, побывала в Европе в самых модных местах, насмотрелась на самых изящных леди и мисс, усвоив их умение быть утонченно-вежливой с каждым так, что каждый, испытывая на себе прелесть ее обхождения, воображал, что любезность расточается только перед ним одним.

С госпожою Сент-Ор она была нежно-приветлива, к полковнику исполнена внимания, а с капитаном была совсем на дружеской ноге. Что касается Армстронга, то и тут она показала себя очаровательной, хоть и держала его на известном расстоянии от себя, с холодным достоинством; сначала это интриговало его, но потом он стал чувствовать себя оскорбленным.

Но всех любезнее был с ним хозяин дома, судья Брэнтон, как будто Армстронг был лично нужен и приятен ему, а не был, на самом-то деле, приглашен из внимания к полковнику.

Несмотря на любезности судьи, бедный юноша, удалившись в назначенную ему комнату, с грустью отметил про себя, что ни отец, ни дочь ни единым словом не вспомнили о его недавних подвигах и даже не поинтересовались полученной им раной. Тут был повод и для удивления и для обиды: ведь «Геральд» разнес во все концы света рассказ о его неустрашимости, и слава отданного о нем приказа по армии была еще так свежа.

«Должно быть, мне придется здесь разыгрывать довольно глупую роль»,— грустно раздумывал юноша, прислонившись к холодному стеклу окна и глядя на расстилавшийся перед ним зимний пейзаж.

«Если бы меня наградили чином, а то ничего, только

рука на перевязи, — с этим далеко не уйдешь! Одного этого недостаточно, чтобы она взглянула на меня любезнее... Вот Нетти не так бы отнеслась ко мне... Славная девушка!.. Мне совсем не следовало приезжать сюда, — восклицал он про себя в печальном раздумье, — особенно после этого глупого письма!.. И где только был мой разум, когда я решился его написать... Если Нетти прочитала ей мое письмо и отдала локон моих волос, должна же она быть мне благодарна, по крайней мере...»

И, задумавшись, он прибавил:

«Бедная Нетти, такая милая, такая чистая, и я решился дать ей это поручение!..»

Он долго стоял у окна, ничего не видя пред собой, — не видя картины чудесного заката солнца на прозрачном небе, обрамлявшем снеговую поляну.

Вдруг послышался колокольчик, и у крыльца остановились сани; из них вылез Ван Дик, укутанный в широкую шубу, отчего казался еще толще.

— Вот тебе и раз! — сказал Франк. — Да, видно судьба Брэнтон не мастер подбирать гостей. Ван Дик встретится со мной; мало того, встретится с полковником, который спровадил его в отставку. Ну, это хозяйское дело. Однако, пора одеваться к обеду.

Обыкновенно Франк не особенно занимался своим туалетом, но тут провел перед зеркалом несколько лишних минут.

Надевая впервые штатское платье, он испытывал такое же удовольствие, какое доставляет первый мундир вновь произведенному офицеру. При всей скромности Армстронг, поглядевшись в зеркало, не мог не улыбнуться своей красивой наружностью; черная перевязь, поддерживавшая раненую руку, никак не портила общего впечатления.

Зала была еще пуста, когда он вошел. От нечего делать он принялся перелистывать книги и газеты, лежавшие на столе; потом взял альбом с фотографиями, отошел в светлую нишу комнаты и там уселся.

Это была коллекция портретов разных государей и знаменитостей: Линкольна и Вашингтона, генерала Скотта и Виктории, Виктора Эммануила и Патти, президента Гранта и Ирвинга; потом фамильные портреты: самого Брэнтона, Корнелиуса и целого ряда разных тетушек с сердитыми и подозрительными лицами...

«Они точно злятся на меня, эти барыни, за то, что я гонюсь за приданным их племянницы, — подумал про се-

бя бедный малый.— А что же, ведь они, пожалуй, и правы. Подпоручик, у которого кроме жалованья ни гроша за душой, смеет мечтать о такой богачке, как мисс Брэнтон!»

Он глубоко вздохнул и перевернул страницу; перед ним были два портрета — Жюльетты и Нетти, один против другого. Жюльета, холодная, улыбающаяся и ясная как прекрасный летний день, торжествующая сознанием безупречной правильности каждой черты своего лица. Ее темно-голубые глаза встречали спокойной иронией того, кто хотел бы прочесть в них что-нибудь. И в первый раз в жизни Франку пришло на ум, что этому лицу и этим глазам недостает... души! Ему вспомнились те богини, которых Тициан изображал сколь прекрасными, столь же безразличными.

Вот Нетти — совсем другое дело! Милое живое личико, похудевшее и побледневшее за последнее время, эти голубые глаза, этот ротик со сжатыми губками, как бы с затаенным страданием, эти белокурые локоны на высоком и чистом лбу,— какое чудное выражение во всем ее облике.

Франк долго смотрел на оба портрета. Он все сравнивал, и невольно вынужден был признать, что сравнение было невыгодно для той, которой он так долго отдавал предпочтение.

«Эти две фотографии, как неумолимое зеркало, показывают характеры оригиналов»,— сказал себе Армстронг.

Легкий шум заставил его поднять голову. Капитан Джим Сент-Ор стоял подле него и глядел через его плечо в открытый альбом.

— Говорите, что хотите,— сказал он,— я предпочел бы малютку. Вот это настоящее лицо! Сколько силы и отваги! Именно такую жену надо солдату! Впрочем, я знаю одного малого, которого не пришлось бы тянуть за ухо в ряды ее поклонников, если бы только он имел надежду на успех. Право, так.

Франк принял очень серьезный вид.

— Что с вами, капитан? Разве можно говорить так фамильярно о девушке...

— Скажите, пожалуйста... фамильярно! Давно ли ухаживание порядочного человека стало считаться обидным? Целых шесть месяцев мисс Дашвуд и я провели вместе и достаточно узнали друг друга. Немного надо было времени, чтобы вполне оценить ее. И если бы я мог

предполагать, что и она со своей стороны... Хорошо вам, Армстронг, говорить... вы не подвергались, как я, опасности видеть ее каждый день: ведь вас не было с нами и форте. Вы в это время бродили вокруг лагеря Медведи-на-задних-лапах и ставили на карту свою голову ради чести попасть на страницы дневного приказа по армии. Конечно, это прекрасно; ну, а на мою долю досталось быть в форте меж двух огней, меж двух кузин, и, право, я, кажется, не ошибся в выборе. Вам-то что до этого, ведь я не ухаживал за вашей дамой. Разумеется, об этом никто ничего не знает. Но я не прочь довести дело до победного конца. Вам — богатая невеста, мне — е маленькая кузина!

Армстронгу казалось, что он слышит все это во сне. Никогда еще не видел он капитана Джима в таком восторженном состоянии. Казалось, прежде не было на свете человека, более рыцарски и в то же время более скромно отзывавшегося о женщинах. Неужели это он, Джим, так говорит?

— Капитан,— сказал Армстронг сухо, захлопнув альбом,— вы меня извините, но я крайне изумлен, слыша от вас ваши шутки в адрес девушки, другом которой я имею честь считать себя.

— Шутки? Да с чего вы взяли, что я шучу? Я говорю очень серьезно, уверяю вас. Никто кроме меня не сможет воздать должного мисс Нетти Дашвуд; никто не оценит ее так высоко, как она того заслуживает. По-вашему, Франк, она только дитя; но мне удалось узнать ее сердце, ее возвышенную душу. Какая в том беда, что я говорю об этом? Никак не могу объяснить себе, что вы находите тут обидного. Прежде я, действительно, думал,— сознаюсь в этом,— что между вами и Нетти существуют некоторые отношения. С ее стороны — я в этом убедился — было глубокое и исключительное чувство к вам,— ведь она заболела и едва не умерла при одном известии о вашей смерти.

— Вы правду говорите? — вскричал Армстронг пораженный.

— Конечно, правду,— ответил капитан Джим равнодушным тоном.— Только мы двое, я и жена моего брата, знали этот великий секрет. Но все это, слава Богу, давно миновало. Вы думали о блистательной Жюльете, а не о бедной Нетти. Дитя увидело свою ошибку и постаралось забыть вас, сделав над собой громадное усилие. Ведь вы, пренебрегши ею, полагаю, не могли бы требо-

вать, чтобы она вечно носила траур по вас вследствие ошибки ее собственного сердца? Что касается меня, то, признаюсь вам, питая к ней глубокую привязанность, и не придаю особого значения ее увлечению, и, если только Нетти захочет, я с восторгом назову ее своей женой!

Подпоручик, будучи не в состоянии объяснить себе овладевшее им раздражение, побледнел от досады; а приятель его Джим, делая вид, что ничего не замечает, был, по-видимому, очень доволен собой.

Приход судьи, коменданта, а вслед за ними и дам, положил конец этой сцене, грозившей из-за состояния, и в котором находился Армстронг, принять более горячий характер.

Мисс Жюльета вошла под руку с госпожой Сент-Ор. Но, странное дело, впервые в ее присутствии глаза Франка искали не ее, а кого-то другого. Он беспокоился, отчего не идет Нетти Дашвуд.

Наконец она показалась.

Под напором волновавших его чувств молодой офицер в один миг очутился подле нее.

— Дорогая мисс Нетти, как я счастлив видеть вас! — сказал он громко, взяв ее за обе руки.

К его глубокому удивлению, он услышал холодный ответ:

— Здравствуйте, господин Армстронг.

— Я был в отчаянии, узнав, что вы в мое отсутствие посетили Лукут и заболели там, — продолжал Франк тем же дружеским тоном.

— Да, мы очень беспокоились о судьбе нашего кузена Корнелиуса, — ответила девушка с самым серьезным видом.

Затем, слегка поклонившись, она отошла в сторону, оставив его сконфуженного посреди залы.

У нее тоже не нашлось ласкового приветия для него, она не проявила ни малейшего интереса к его судьбе. Он был ошеломлен и имел вид человека, которого окатили ведром холодной воды. В утешение он мог только потешаться, глядя на глупую фигуру Корнелиуса Ван Дика.

С тех пор как у последнего стала затеваться дуэль, он вообразил себя героем, и это придавало ему храбрости встретиться лицом к лицу с бывшим командиром. Но вся его храбрость исчезла как дым, когда слуга провозгласил имя Мак Дайармида.

Молодой индеец вошел в щегольском фраке и тотчас по всей форме был представлен Брэнтоном всему обще-

ству, не исключая и Корнелиуса, причем оба притворились, будто видят друг друга в первый раз.

— Вы меня простите, если я уеду тотчас же после обеда,— сказал Мак Дайармид судье, когда они отошли немного в сторону.— Мне очень хотелось сдержать обещание и быть у вас на вечере, но важные дела призывают меня сегодня же домой.

— Дело прежде всего,— сказал убежденным тоном судья.— А кстати, подумали вы о нашем деле?

— Да, я почти готов приобрести ваши акции. Вы можете рассчитывать, что завтра получите от меня решительный и, полагаю, утвердительный ответ.

Должно быть, это известие было очень по сердцу Брэнтону, судя по прекрасному расположению духа, в котором он пребывал весь тот вечер.

Мак Дайармид очень понравился полковнику Сент-Ору; между ними завязалась длинная беседа, причем полковник счел возможным выразить сожаление, что маленькое недоразумение лишило правительство полезных услуг храброго молодого человека.

— Что делать, полковник, прошлого не воротишь,— ответил Мак Дайармид.— Удар был жесток, но я не хочу о нем вспоминать. Видно, судьба моя такова; а с неизбежным и самый твердый характер не может бороться...

Полковник, пораженный тем, как грустно звучали последние его слова, с чувством пожал ему руку.

Корнелиус с угрюмым и сердитым лицом прислушивался к этому разговору, делая вид, будто просматривает иллюстрированный журнал. Целый ряд происшествий, связь которых была ему до сих пор непонятна, вдруг представился ему очень ясно. Горькое разочарование Мак Дайармида, его намек на злую судьбу, вызванное этим воспоминание о Вест-Пойнте,— все это вместе взятое он соединил теперь с разговором Мэггера и Армстронга, подслушанным им в лагере после сражения. Удаление из полка и личные дела на время заставили было забыть этот разговор. Теперь его точно осенило. В индейских чертах лица этого высокого господина, так спокойно беседовавшего с полковником Сент-Ором, он искал и находил черты Золотого Браслета, который в своем боевом одеянии нагнал на него тогда такого страху... Мак Дайармид!.. Ну конечно же, именно так Армстронг и Мэггер называли вождя... Но в таком случае это бунтовщик, человек вне закона... и с ним-то предстоит ему дуэль! Низкая и подлая душа Корнелиуса узрела в этом

обстоятельстве средство избавиться от угрожавшей ему опасности. Он соображал, как лучше воспользоваться своим открытием, когда раздалось приглашение к обеду.

Франк питал некоторую надежду, что ему удастся за столом сесть подле Нетти Дашвуд и добиться объяснения ее странного поведения. Но это ему не удалось. Нетти оказалась как раз на противоположном конце стола.

Нечего и говорить, что обед был для него чистым наказанием. Странно: его нисколько не трогало то обстоятельство, что сидевшая против него Жюльета расточала любезности своему соседу Мак Дайармиду. В былое время это привело бы его в отчаяние, но тут он и бровью не повел. Он только и думал о том, как бы объясниться с Нетти. И он пустил в ход свое военное искусство.

Как только дамы встали из-за стола, оставив по американскому обычаю мужчин за вином, он тоже встал и последовал за ними. Когда он выходил из столовой, в дверях появился слуга с двумя визитными карточками на подносе и подал их Корнелиусу.

— Попросите этих господ в маленькую зеленую залу,—сказал Ван Дик.—Вы извините, дорогой дядя, что я распоряжаюсь у вас так бесцеремонно. Это очень спешное дело. Двое моих друзей сошли на этой станции, чтобы повидаться со мной, и должны возможно скорее вернуться к себе.

Корнелиус вышел. Армстронг, проходя по коридору, видел, как он разговаривал с рыжебородым Эваном Ро-ем и офицером 12-го драгунского полка капитаном Бюрке. Причина их посещения была ясна, и Франк тут же понял, какого рода разговор происходил между ними.

«Итак, в конце концов, довольно плутовать. Жаль мне его. Не сдобровать ему под пулей Мак Дайармида»,—размышлял он про себя.

В зале Армстронг, к своему удивлению, застал Нетти Дашвуд за карточным столом, углубленную в партию виста. А сколько раз он слышал, как она, бывало, выражала свое отвращение к картам!

Со вздохом подсел он к мисс Брэйтон, сидевшей одиноко у камина. Много бы он дал полгода тому назад за пять минут такой беседы с глазу на глаз! Она была все так же прекрасна, как и прежде, и любезна как никогда.

— Мак Дайармид,—сказала она,—во время обеда говорил мне о вас с увлечением.

Франк был очень тронут похвалой Дайармида, но ему было бы приятнее слышать это сообщение из уст другой...

А другая сидела как ни в чем не бывало за картами и, поглощенная ими, время от времени произносила:

— Три оне́ра... два левэ... партия наша!..

Пока мешали карты, она небрежно оглянулась через плечо и бросила равнодушный взгляд на бедного подпоручика.

Он был и удивлен и опечален, а, сообразив, покраснел как ребенок. Не было сомнения: в этом взгляде выражалось... презрение, и только.

«Что я сделал? Чем заслужил такое обращение?» спрашивал он себя с тоской.

В эту минуту судья подошел к своим гостям в сопровождении Джима Сент-Ора и Корнелиуса, явно расстроенного беседой. Что касается Мак Дайармида, то он, как и предупреджал, исчез через час после десерта.

Глава 21

ДВОЙНОЙ УДАР

На другой день Франк Армстронг не успел еще хорошенько проснуться и, лениво потягиваясь, вспомнил происшествия минувшего дня, как вдруг робкий стук в дверь вернул его к действительности.

— Войдите, — сказал он.

Это был слуга судьи Брэнтона.

— Какой-то господни находится внизу и желает вас видеть. Он, кажется, очень спешит и не стал слушать, когда я сказал ему, что вы еще почиваете. Вот его карточка.

«Капитан Бюркэ! — сказал про себя Армстронг, взглянув на карточку. — Что ему нужно от меня? Верно, какое-нибудь новое недоразумение между Мак Дайармидом и Ван Диком».

— Попросите капитана подождать пять минут, — сказал он слуге, — я оденусь и сойду вниз.

Когда Армстронг вошел в маленькую зеленую залу, он был поражен печальным выражением лица своего боевого товарища.

— Дурные вести, любезный Франк, — сказал тот. — Я являюсь вестником несчастья, и мне так трудно справиться с моей задачей, что в помощь себе и господину Брэнтону я и пригласил вас сюда.

Как раз при этих словах показался сам судья.

— Милостивый государь,— сказал капитан, делая шаг к нему навстречу,— мне предстоит печальный долг сообщить вам, что племянник ваш Корнелиус Ван Дик... умер в честном бою...

— Корнелиус?.. умер?.. Не может быть! — вскричал судья ошеломленный, как будто он еще не вполне очнулся от сна.— Еще в два часа ночи мы с ним сидели вместе за бутылкой вина!

— Тем не менее, это — печальная истина,— сказал капитан, глядя на часы.— Три четверти часа тому назад Корнелиус испустил дух на моих глазах, сраженный пулею, попавшей ему прямо в сердце; он пал на дуэли.

— Да полноте, вы смеетесь,— бормотал потерявший судья.— Корнелиус убит на дуэли?! Да разве дерутся когда-нибудь на дуэли те, у кого за душой полмиллиона долларов и совсем нет долгов... Могу вас уверить, сударь, что пуля, которая убьет Ван Дика, еще не вылита...

— Извините меня, что я настаиваю,— произнес капитан, сбитый с толку этим недоверием,— но я могу удостоверить, что сам лично был в качестве секунданта вашего племянника, и что он действительно убит наповал своим противником!

— Кто этот противник? — спросил судья, несколько поколебленный.

— Господин Мак Дайармид.

— Мак Дайармид! возможно ли? Да ведь не далее как вчера он уверял меня в своей дружбе.

— Больше вы его уверений не услышите, так как он тоже скончался...

— Скончался! Мак Дайармид? Вы должны сознаться, что ваши известия очень сомнительного свойства! — Вскричал судья на этот раз с искренним участием, явно тронутый за живое.— Ведь у меня с ним назначено свидание, деловое свидание... и... очень важное!..

— Он не явится на это свидание потому что его, как и вашего племянника, я видел распростертым на снегу бездыханным трупом... Я могу в двух словах передать вам эту трагическую историю... У Мак Дайармида с Ван Диком была какая-то старинная ссора и вражда; подлинной причины я не знаю, да это меня и не касается. Когда товарищ приходит ко мне и говорит: «Я должен драться», — не в моих правилах спрашивать о причинах. Видным поводом было публичное оскорбление — удар хлыстом в присутствии ста человек, — одним словом, такая обида, которая не может кончиться мировой. Ваш пле-

мянник просил меня быть его секундантом. И я, его бывший начальник, мог сделать только одно,— не правда ли? — исполнить его желание... Господин Мак Дайармид поручил войти со мной в переговоры своему родственнику Эвану Рою, шотландцу, по правде сказать — настоящему дикарю; впрочем, это меня не касается... Сегодня утром в восемь часов произошла встреча на реке... вон там, у поворота.

Капитан в окно указал на снежной равнине то место, где река огибает холм Брэнтонвиль, и продолжил:

— Условия дуэли были следующие: на шестистольных револьверах, с пятнадцати шагов, первый выстрел по команде, остальные произвольно. Напрасно я старался сколько-нибудь смягчить эти суровые условия. Проклятый шотландец ни в чем не уступал. Я должен сознаться, что когда увидел этих двух людей, выделявшихся с поразительной отчетливостью на белом снегу своими черными фигурами и приближавшихся друг к другу, я понял, что бедный Ван Дик погиб. Несчастный провел ночь за бутылкой и едва стоял на ногах. Эван Рой подал сигнал. К моему крайнему изумлению первый же выстрел Корнелиуса совершенно случайно (так как бедняга целиться не мог) поразил противника в живот, и Мак Дайармид как подкошенный свалился на снег. Корнелиус с поднятым пистолетом стоял, сам изумленный своей меткостью. Вместе с другим секундантом я бросился к раненому; тот с трудом приподнялся, оперся на левую руку и крикнул нам, имея на то полное право, чтобы мы не трогали его и оставили в покое. Медленно и спокойно он прицелился в неподвижно стоявшего Корнелиуса. Раздался выстрел, и Корнелиус упал ничком. «Поплывем вместе! так-то справедливее!» — сказал Мак Дайармид. Ослабев от своего страшного усилия, он испустил последний вздох. Противник его был уже мертв. Люди с соседней станции, привлеченные выстрелами, прибежали и помогли нам поднять трупы... Враги лежат теперь рядом, бок о бок в железнодорожном сарае. Эван Рой повез роковое известие родным своего друга, а мне выпал жребий принести печальную новость вам.

Судья Брэнтон казался более раздосадованным, чем опечаленным. По мере того, как он слушал рассказ капитана, лицо его меняло цвет: из красного оно сделалось кирпичным, потом фиолетовым. Армстронг, и без того в ужасе от услышанного, видел, что им чуть ли не угрожает третий смертельный случай. По счастью, завязанный

впопыхах галстук не мешал судье дышать, и, быть может, только благодаря этому с ним не случился апоплексический удар.

— Двойной удар... двойной удар,— повторял судья, казалось, сам не понимая смысла произносимых им слов.— Такие вещи только со мной и случаются. Ну, скажите пожалуйста, не дурак ли Корнелиус: вместо того, чтобы жениться на моей дочери, он идет стреляться? А Мак Дайармид, а? надуть меня так жестоко! Вот видите, милый мой,— сказал он, обращаясь к Армстронгу,— никогда нельзя рассчитывать на этих иудейцев. Их слово не стоит медного гроша, ни одного гроша!..

Вот все, чем Брэнтон помянул двух покойников. Корнелиус так бесцветно прожил на свете, что, действительно, и помянуть его было нечем. Иное дело Мак Дайармид. Не говоря уже о матери и сестре, о преданном Эване Рое, горько оплакивавшем погибшего, сердца Армстронга и Мэггера долго сжимались от боли при мысли, как рано увяла жизнь, столь много обещавшая впереди.

Прошло не более четверти часа после отъезда Бюркэ; Франк и Брэнтон оставались еще в зеленой комнате, как вдруг вбежал испуганный лакей и объявил, что прибыл агент общественной безопасности с полицейскими и желает видеть хозяина дома.

Господин Брэнтон направился в прихожую, где и застал агента.

— Господин судья, я в отчаянии, что вынужден беспокоить вас в рождественский праздник,— сказал тот,— но я имею предписание арестовать одного из ваших гостей...

— Одного из моих гостей?..— повторил судья в крайнем изумлении.

Агент вынул из-за пазухи гербовый лист с печатью и прочел:

«Приказываем и повелеваем всем агентам общественной безопасности арестовать и содержать под караулом человека, именуемого Мак Дайармидом».

Франк и Брэнтон выслушали молча. Полицейский офицер предположил, что они собираются отрицать присутствие того, кого ищут, тем самым дав ему время скрыться.

— Бесполезно отрицать его присутствие в этом доме,— сказал он.— Мы были извещены вчера вечером телеграммой со станции Брэнтонвилль.

И он показал телеграмму следующего содержания:

«Вождь Золотой Браслет, организовавший последнее возмущение снюксов, настоящее имя которого Мак Дайармид, в настоящую минуту гостит в Брэнтонвиле у судьи Брэнтона. Постарайтесь арестовать до семи часов утра, иначе можно упустить его». Подпись: «Корнелиус Ван Дик».

«Этого и следовало ожидать,— сказал себе Франк.— Нельзя было предположить, чтобы человек, не умевший честно жить, сумел честно умереть. Негодяй ухитрился обесчестить самую смерть свою. Он рассчитывал таким способом избежать дуэли...»

— Арестовать его до семи часов,— сказал агент,— было невозможно, так как у нас еще не было необходимого на то разрешения, но мы торопились и времени не теряли...

Судья все молчал под гнетом тяжелого раздумья. Тогда Франк взял на себя рассказ о трагическом конце всей этой драмы.

— Как! — вскричал агент.— Один из этих убитых дуэлянтов...

— Мак Дайармид,— договорил Франк.

— Об этой дуэли нам рассказали на станции, как только мы приехали; но мы так торопились, да мы и предположить не могли, что один из убитых и есть обвиняемый, которого мы ищем.

Служебное положение судьи Брэнтона и Франка Армстронга, назвавшего себя, исключало всякое сомнение в правдивости их объяснений. А потому, записав все в протокол и заполучив подписи обоих свидетелей, полицейский офицер удалился со своими людьми.

А тем временем печальная новость распространилась по всему дому: из передней перешла в столовую, из столовой через прислугу стала известна в спальнях.

Сказать, что новость произвела особенно сильное впечатление, было бы преувеличением. Жюльета быстро осознала, какую потерю понесла, но так же быстро она сообразила, что не следует этого слишком обнаруживать. Что касается Нетти, то, по ее словам, последнее время она принимала участие в судьбе Корнелиуса, и можно было ожидать, что она будет переживать. На самом же деле она почти не огорчилась, узнав о его трагической кончине.

Всех более казался огорченным судья; он оплакивал одновременно и жениха своей дочери и покупателя своих акций. Но по натуре своей он не был склонен долго

предаваться горю. Можно смело сказать, что когда спустя некоторое время он восседал за вкусным завтраком, мысли его были уже далеки ото всей этой истории.

Тем не менее происшествие положило конец всяким приготовлениям к праздникам,— не до рождественских развлечений в доме, где есть покойник. Особенно неловко себя чувствовали полковник Сент-Ор и Франк Армстронг в виду их сложных отношений с умершим, и их немедленный отъезд был делом решенным.

В полдень уложили вещи, простились, и скорый поезд умчал гостей из этого печального места, куда еще вчера они приехали с намерением весело провести рождественские святки.

Супруги Сент-Ор поехали в Филадельфию; Франк Армстронг, вместе с Мэггером, сказав другу последнее «прости», посетил осиротевших мать и сестру его, стойко переносивших постигшее их горе; они собирались покинуть эти печальные места и поселиться в Канаде.

Затем, простившись со своим новым другом Мэггером, Армстронг поехал в Иллинойс, где жили его родные, с которыми он еще не виделся после летней экспедиции.

Мэггер обещал в течение двух месяцев молчать об истинных приключениях Мак Дайармида. Он был уверен, что и Армстронг сохранит втайне эту только им двоим известную историю, которая впоследствии станет достоянием его газеты.

Глава 22

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло шесть недель, как Армстронг, предоставленный своей тоске, находился в родном своем городе; ему уже начали надоедать приторные похвалы и восторги, которые расточали ему земляки, прославляя на все лады его подвиги, описанные в разных журналах и газетах.

И вот однажды с почты принесли два внушительного объема пакета на его имя. Первое письмо— официальное извещение от господина Смита, нью-йоркского нотариуса, о том, что в подлинном собственноручном завещании Мак Дайармида, составленном накануне дуэли и вскрытом после его смерти, в отношении Франка Армстронга есть следующий параграф:

«Завещаю моему дорогому другу Франку Армстрон-

гу, подпоручику 12 драгунского полка, который был всегда честным и добрым товарищем, 60 000 долларов из личных капиталов, сверх того двуствольное ружье системы Вирсмана, висящее над моим рабочим столом, и золотой браслет, — его найдут во втором ящике правой стороны того же стола. Я прошу моего старого товарища по школе в память наших отношений в Вест-Пойнте и неизменной при всех обстоятельствах жизни дружбы — принять мой дар. Прошу принять без всяких отговорок и излишней щепетильности, так как личное состояние сестры моей более чем обеспечивает всю ее будущность, и то, что останется от моего состояния после выполнения завещания, будет для нее уже излишком. Прошу Франка передать господину Мэггеру в память нашей встречи, которой он, вероятно, никогда не забудет, хронометр парижского мастера Леруа, никогда меня не покидавший».

В конце своего завещания Мак Дайармид в трагических выражениях обращался к правительству Соединенных Штатов и просил пощадить остаток индейских племен. «Только человеколюбие может сделать их вашими друзьями. Истребление индейцев останется темным пятном в вашей истории. Во имя вашей чести, ваших собственных выгод, сумейте их образовать вместо того, чтобы уничтожать и принижать их».

Франк был растроган до слез.

— Бедный юноша! — воскликнул он. — Так вот зачем он так поспешно уехал тогда из Брэнтонвиля: чтобы написать завещание...

К состоянию, упавшему ему точно с неба, Франк отнесся довольно равнодушно. Он был в том унылом состоянии духа, когда не ждешь ни от кого ничего хорошего. Воспоминание о потерянном друге — ружье и его золотой браслет — были ему теперь дороже всего на свете.

Добрых полчаса прошло в размышлениях о невозвратном, о годах, проведенных в Вест-Пойнте, о долгих беседах, в которых Мак Дайармид раскрывал перед ним и свои дарования, и свою пылкую душу, и неукротимые инстинкты...

Вдруг он вспомнил о другом, еще не распечатанном пакете. В конверте оказалось два письма: первое — служебного содержания, уведомление о производстве Армстронга в следующий чин с приглашением явиться в штаб к начальнику дивизии для получения дальнейших приказаний. Другое письмо — от полковника Сент-Ора; он поздравлял с повышением и просил непременно посетить

Faded, illegible text caption located below the photograph.

его в Нью-Йорке, в отеле 5-й авеню, тотчас по приезде.

К этому второму письму была сделана небольшая приписка; пробежав ее, Армстронг преобразился: встряхнулся, ожил и забыл все остальное, даже лестные поздравления с наградой за военные заслуги. А между тем, казалось, ничего особенного в этой приписке не было; заключала она в себе лишь следующее: «С нами в настоящее время мисс Нетти Дашвуд, согласившаяся доставить нам удовольствие своим присутствием до нашего отъезда в Лукут. Брэнтоны, отец и дочь, по случаю траура остались в деревне».

Никогда еще приказы, даже военного министра, не исполнялись с такой быстротой; едва Армстронг прочитал письмо, главным образом приписку, он тотчас же приступил к исполнению полученного предписания. В девять часов он прочел письмо, а в десять его уже увозил на запад поезд «молния».

Буквально через четверть часа по приезде в Нью-Йорк он был в конторе отеля 5-й авеню и справлялся, можно ли видеть полковника Сент-Ора.

— Полковник вышел,—сказал молодой нарядный конторщик,—но если вы—господин Армстронг, то я имею приказание проводить вас в комнаты полковника и просить подождать его.

Пройдя за проводником своим целый ряд коридоров и поворотов, Армстронг вошел, наконец, в комнаты, занимаемые полковником.

Вечерело, комната, наполовину окутанная сумерками, едва освещалась тлеющим в камине огоньком. Поручик устроился в кресле перед камином и принялся щипцами ворошить тлеющие угли; в это время позади него потихоньку отворилась дверь, и шелест шелкового платья заставил его повернуть голову.

— А! — раздался приятный голос.— Вы здесь, любезный капитан Джим? Миссис Сент-Ор и я ждем вас уже десять минут для прогулки в санях. Вы не раздумали?

В эту минуту пламя в камине вспыхнуло и осветило лицо поручика. Говорившая вскрикнула от удивления.

— Ах, простите!.. Я было приняла вас за...

— Любезного капитана Джима...— докончил Армстронг не без горечи в голосе.— Поверьте мне, мисс Нетти Дашвуд,—сказал он,—я в отчаянии, что причинил вам такое разочарование... Но я удаляюсь и ни за что на свете не хотел бы...

Говоря это, он взял шляпу и направился к двери. Но девушка его удержала.

— Останьтесь, прошу вас. Я здесь такой же гость, как и вы... а выводит, будто я вас гоню... Вам, вероятно, нужно переговорить с полковником?

— Я явился сюда по его приказанию, — довольно сухо пояснил поручик. — Впрочем, раз мы встретились, я бы желал объясниться с вами, — прибавил он решительно.

С этими словами он встал перед дверью, как бы загромождавая в свою очередь ей путь к отступлению.

Этот тон и движение, его сопровождавшее, произвели сильное впечатление на мисс Нетти; она побледнела и с оттенком неудовольствия сказала:

— В таком случае постарайтесь быть кратким. Меня ждут внизу мои друзья...

— Ваши друзья! — воскликнул он с горечью. — Было время, мисс Дашвуд, когда вы считали и меня в числе своих друзей, а я со своей стороны считал вас самым лучшим, самым верным своим другом. А теперь... — и он остановился.

— Ну, что же теперь? — спросила она, топнув ножкой в каком-то детском нетерпении.

— Я не знаю, что и думать. Вы, кажется, сделались моим врагом. Во всяком случае вы стали ко мне так равнодушны, что меня это... это... приводит в отчаяние. Можно подумать, что какая-то пропасть разверзлась между нами. Неужели с моей стороны нескромно пытаться узнать причину такой перемены?

Камин разгорелся, и пламя его освещало серьезное лицо молодого офицера, говорившего сдержанно и в то же время грустно.

Мисс Дашвуд задумалась и, как бы защищаясь, проговорила:

— Вы ошибаетесь, господин Франк, уверяю вас. На мой взгляд, ничего между нами не изменилось. Да и с какой стати между нами что-либо вообще могло произойти?

— Я хотел бы знать... За собой я решительно не знаю вины... Клянусь вам, Нетти, не знаю: ни словом ни делом и никогда не изменял той искренней дружбе, которую когда-то, помните, мы заключили, и я еще скрепил эту дружбу таким забавным маленьким залогом.

— Залогом, говорите? — сказала она, недоверчиво покачав головой. — Какой же это был залог?

— Ах, мне не хочется верить, что вы все позабыли!.. Она ответила не сразу. Быстро подойдя к камину, она

грациозно уселась на маленьком стуле напротив большого кресла и смеясь заговорила:

— Тут какое-то недоразумение...

— Да, конечно, одно недоразумение! — вскричал он с живостью изменившимся голосом; куда девались строгость и горечь: черты лица прояснились, и в голосе звучали нежность и любовь. — Да, и я скажу вам, мисс Дашвуд, что породило это печальное недоразумение. Глупец прельстился обманчивой внешностью и думал, что красивая наружность скрывает за собой такую же прекрасную душу; глупец предпочел особу без сердца и не оценил дружбы и искренней привязанности. А когда глаза его открылись, было уже поздно... Он потерял и ту, которую украшал воображаемыми добродетелями, и другую — истинного и дорогого друга.

И он вперил в сидевшую перед ним Нетти пристальный, вопрошающий взгляд.

— Вы говорите загадками, — сконфуженно ответила она, — а я, право, не искусная разгадчица.

Говоря это она держала висевшую на ее шее цепочку и своей маленькой ручкой, затянутой в перчатку, пересбирала какой-то брелок.

— Скажите, этот господин, о котором вы говорите, был очень огорчен, потеряв друга? — спросила она после некоторого молчания.

— Как было ему не огорчиться? Оставив друга почти девочкой, он встретил ее уже совершенно взрослою, но легкомысленной и безжалостной к нему.

— В самом деле, легкомысленной и безжалостной? — переспросила она с оттенком равнодушия.

— Да, — ответил он с плохо скрываемой досадой, — легкомысленной и безжалостной! Так как вместо того, чтобы извиниться, она и сейчас шутит, глумится над чувством истинным и глубоким. С чувством, которое наполнило все мое сердце, она играет, как с какой-то безделушкой на своей цепочке!

— Что делать? — медленно сказала она. — Я очень дорожу этой, как вам угодно назвать ее, безделушкой, потому что она досталась мне от друга.

Франк вздрогнул, как будто стрела снукса пронзила его. Внезапная догадка произвела в нем мгновенную перемену.

— Мисс Дашвуд, — вскричал он, — не будет ли нескромностью с моей стороны спросить, что у вас в руке?

— Ах, несколько! — сказала она и при этом сжала

брелок в кулачке.— Это — вещица, не имеющая никакой цены, не стоящая даже оторванной медной пуговицы.

Последние слова она произнесла с таким веселым замесом, что Армстронг стал смелее.

— Мне, однако, очень любопытно увидеть эту безделушку,— сказал он, наклоняясь к ее руке.— Позвольте мне во имя старой... дружбы...— пробормотал он.

Слово «дружба» казалось ему слишком слабым в эту минуту... Окончить фразу не пришлось: он уже завладел ее рукой и без большого усилия разжал ладонь...

В брелке лежала блестящая медная пуговица с его именем, вырезанным когда-то по его указанию для нее.

Как выразить ту массу ощущений, которые заставили сильно забиться сердце Армстронга: тут были и угрызения совести, и негодование на самого себя и радость, радость без конца.

— Как! — воскликнул он дрогнувшим голосом.— Вы хранили эту память обо мне, и так долго?..

Она, не отвечая, склонила к нему свою белокурую головку, и молчание ее было красноречивее всяких слов. Маленькая ручка ее осталась в руках Армстронга.

— Милая Нетти,— сказал он,— это более, чем я заслужил, да! Но клянусь вам, и вы должны мне поверить, что вся моя любовь принадлежит вам безраздельно. Простите ли вы мне мое ослепление... согласитесь ли вы принять мое имя и мою жизнь?

— Увы,— сказала она сквозь слезы, блестевшие на ее прекрасных глазах,— поневоле надо согласиться, так как я не могу заставить себя сказать «нет»... Помните, я предлагала вам взять обратно эту пуговицу, и вы отказались? Я ее сохранила. Вот и все!

Как раз при этих словах дверь отворилась, и комендант вошел в комнату; за ним шли миссис Сент-Ор и капитан Джим.

Франк не выпускал руки Нетти из своей.

Он быстро подвел ее к вошедшим.

— Господин полковник, сударыня, поздравьте меня! — сказал он дрожащим голосом.— Имею счастье представить вам будущую госпожу Армстронг!..

— Ну, так и есть! — вскричал Джим.— Я знал, что этим кончится.

— А я,— сказал полковник, весело смеясь,— разве я не говорил всегда, что эта милая барышня рано или поздно одержит верх!

— Оно так-то так, а все-таки, согласитесь,— возразил

капитан Джим,— что без моей военной хитрости эта капитанша долго бы еще тянулась!

Изумлению Армстронга, слушавшего эти речи, не было границ, и он пришел в себя и успокоился только тогда, когда убедился, что ревновать ему не придется. Бравый капитан прежде всех начал его поздравлять, пожал горячо руку и сказал:

— Я в восторге, мой милый друг, что вы вернулись. Да и пора уже, а то, сознаюсь, я пытался подставить вам ножку... Ну, да все к лучшему, и мне останется только радоваться, глядя на вас... А когда же свадьба? Если вам нужен шафер, имейте в виду, что капитан Джим всегда к вашим услугам.

Капитан, как видим, вел дело по-военному, «по барабану», впрочем, он и не ошибся. Когда через месяц полковник Сент-Ор и поручик Армстронг были вызваны в форт Лукут, гарнизон с удовольствием зачислил в свои списки прелестную молодую барыню, которая прежде значилась только в числе временно проживающих гостей.

Красавица Жюльета все еще на выданьи, и хотя она недолго носила траур по Корнелиусу, вакансия его до сих пор не замещена. Ходят какие-то зловещие слухи о финансовых операциях судьи Брэнтона, и, может быть, как раз эти слухи и сдерживают ретивых искателей богатых невест.

Дева Утра, сестра несчастного Мак Дайармида вместе с матерью поселилась в Квебеке, где и основала госпиталь для индейцев имени своего брата. Госпиталем этим с замечательным усердием она занимается сама.

Эван Рой вернулся в Шотландию, живет в старой полуразрушенной башне, как и подобает последнему отпрыску знатного рода, прославившего себя еще во времена Брута Троянца.

Капитан Сент-Ор остался холостяком. Он выразил желание вместе с миссис Пейтон быть приемником второго ребенка Франка и Нетти Армстронг; первого ребенка по полковому обычаю крестили командир и его жена.

Что касается Марка Мэггера, то он давно уже представил в редакцию «Геральда» истинный и полный рассказ о своем путешествии в лагерь сиуксов и истиннику, хотя и невероятную, историю Мак Дайармида.

ОХОТНИК НА ТИГРОВ

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Глава 1

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Великая революционная волна залила в конце XVIII столетия не только одну Европу, но докатилась через Атлантический океан и до Нового Света, расшевелив и там народы, которые в течение трех веков беспомощно замирали под игом испанцев. Пользуясь примером английских колоний на севере Америки, народы эти под шумок свропейской сумятицы смело объявили о своем намерении сделаться так же независимыми.

Из областей, входивших в состав испано-американского вице-королевства, последней подняла знамя восстания Новая Испания, т. е. Мексика. Если бы испанское правительство утвердило мероприятия, предложенные благоразумным вице-королем Итурригараем, то революция была бы предупреждена надолго, быть может даже навсегда.

Итурригарай высказался перед Мадридом в том смысле, что белому туземному населению — креолам, лишенным многих гражданских прав, нужно дать эти права. Сделай Испания эту необходимую уступку, креолы были бы вполне довольны и, пожалуй, сохранили бы свою прежнюю лояльность. Мексика, подобно Кубе, до сих пор оставалась бы «драгоценною жемчужиною» в испанской короне, если бы предложения Итурригарая не вызвали не-

довольствия среди местных чистых испанцев-гачупиносов, переселившихся из Старой Испании и крепко осевших в Новой. Они-то вот до того времени и управляли страной, совершенно отстранив креолов от всякого участия в управлении.

Эти узкосердечные себялюбцы, которым проекты Итурригарая угрожали их привилегиям и интересам, схватили его и отправили его в Испанию с наговором на него. В Мадриде поверили им. Благоразумные проекты Итурригарая были отвергнуты, и Мексика почувствовала, что вокруг нее еще крепче стягиваются узы, от которых она так страдала со времени завоевания ее Кортесом.

Итурригарай попал в немилость и был вынужден покинуть свой пост.

Отставка Итурригарая произошла в 1808 году. Гачупиносы вполне основательно опасались мятежа против них, но так как целых два года прошло совершенно спокойно, то местные властители и перестали верить в возможность такого прискорбного для них события.

Однако они сильно ошиблись. В 1808 г. их словно громовым ударом с ясного неба поразила весть о восстании Гидальго в одной из северных провинций.

Странно, что священник явился вождем в деле освобождения: ведь именно благодаря влиянию духовенства так долго и была угнетаема Мексика. Но Гидальго и другие священники, участвовавшие в борьбе за независимость страны, были людьми совершенно иного склада, нежели те высокие духовные лица, которые вели государственные дела в столице и в других крупных городах. Гидальго был простым сельским священником, вышедшим из народной гущи; такими же были и большинство остальных лиц духовного звания, выступивших на защиту народных прав.

В октябре 1810 года под знамя Гидальго собралась почти стотысячная армия, хотя и плохо одетая и слабо вооруженная, зато сильная своим героическим духом. Эта армия, состоявшая почти исключительно из туземных индейцев, бурным потоком залила всю страну и привела в ужас и трепет всех гачупиносов.

Событие это вызвало недоумение и смятение в среде даже самих креолов, происходивших от испанцев и потому связанных с ними узами крови и племенной солидарности. Очень естественно, поэтому, что часть креолов считала своим священным долгом принять сторону правительства против инсургентов, между тем как другая

часть была проникнута более благородною идеей о не- и интересами ради избавления страны от иноземного ига.

Собственно говоря, такая рознь существовала лишь среди представителей высших и самостоятельных классов креольского населения. В массе же, независимо от окраски кожи, проявлялось полное единодушие: она все страстно желала избавления от испанского владычества. Вполне едиными с нею оказались и чистокровные индейцы, еще более поработанные, чем туземные белокожие и метисы. Некоторые из индейцев даже предавались праздной мечте о возможном, по их мнению, восстановлении прежнего блеска ацтекской расы; и это было для них лишним побуждением к героической борьбе с поработителями-испанцами.

Глава 2

СТУДЕНТ И ОФИЦЕР

В одно октябрьское утро по широкой равнине, простирающейся от границ провинции Вера-Крус до пределов Оахаки, пробирался одинокий всадник. В стране царил смута; на каждом шагу можно было ожидать неприятной встречи с политическим противником или с одной из тех разбойничьих шаек, которые шныряли повсюду и грабили кого попало, не разбирая партий. Несмотря на это, всадник не имел при себе никакого оружия, кроме старой иззубренной и сильно изогнутой сабли, до такой степени проржавленной, что при первой же попытке нанести удар она должна была изломаться в куски. Не лучшего качества была и его лошадь, очевидно, судя по многочисленным рубцам, покрывавшим ее худые бока, некогда служившая какому-нибудь пикадору, а теперь силоватая разве лишь на то, чтобы мирно, в полном покое, доживать свои последние дни в стойле.

Самому всаднику было на вид лет около двадцати трех. Небольшого роста, стройный, в меру худощавый, с приятным лицом, красиво очерченным ртом и живыми умными глазами, он производил хорошее впечатление. Бледность щек, беспокойный взгляд и облако грусти на его лице показывали, что он чем-то сильно огорчен и встревожен. Одет он был в белый камзол из толстой бумажной ткани и в плисовые панталоны оливкового цвета. На голове у него была широкополая шляпа, сплетенная

ния из пальмовых волокон, а ноги были обуты в короткие сапоги из козлиной шкуры, отделанной под кордуанскую кожу. Все эти предметы хотя и были уж довольно поношены, но находились в полном порядке, а фасон их свидетельствовал, что их собственник принадлежит к классу повыше простого.

Местность, по которой шагом проезжал всадник, была не из тех, которые могли бы бодрить путешественника, в особенности одинокого. Во все стороны ширилась бесплодная равнина, коричневая почва которой была покрыта скудной, хилой, желтоватой травой, перемешанной с диким кактусом и алоэ. Временами по этой песчаной, унылой, наводящей жуть, пустыне проносились круглые ветром столбы пыли. Ряды хижин, в некоторых местах разделенных большими промежутками, окаймлявшие с обеих сторон дорогу, все были пусты,—очевидно, брошенные своими бывшими обитателями. Это обстоятельство, в связи с томиящим тропическим зноем, совершившим отсутствием воды и хорошей растительности, все более и более угнетающе действовало на молодого путника, волею судеб занесенного в эти безжизненные степи.

В порыве нетерпения, граничавшего с отчаянием, всадник иногда давал своей кляче шпоры. Это заставляло ее в течение нескольких минут бежать вприпрыжку, а затем она снова переходила на прежний, единственно свойственный ей по ее почтенному возрасту, медленный шаг. Успехи молодого человека искусственно вернуть ей навсегда утраченные силы приводили лишь к тому, что он сам начинал обливаться потом и обессиливать.

— Экая негодная лошаденка! — негодовал он, подхлестывая хлыстом клячу. — Уморить, что ли, ты задумала меня здесь?

Но донельзя изморенное животное оставалось совершенно равнодушным как к упрекам, так и к ударам своего хозяина. Оно бы и радо было служить ему более добросовестно, но не могло.

Чем дальше, тем все медленнее и медленнее тащилась несчастная кляча. Наступил уже полдень. Отвесные лучи солнца, ослепительно сиявшего на совершенно безоблачном небе, пекли немилосердно. Легкий утренний ветерок давно уже затих, и в раскаленном воздухе было так тихо, что не шевелился ни один засохший листок на изредка попадавшихся чахлах деревьях.

Увидев в одном месте группу нопалов, всадник сошел с лошади, предоставляя ей самой идти, куда хочет, зная,

что она не злоупотребит свободой, и направился к деревьям. Его влекла смутная надежда отыскать под листвою несколько плодов, соком которых он мог бы хоть немного утолить мучившую его жажду. Он не ошибся. Нопалы — эта индейская смква — были полны плодом, ожидавших первого сильного ветра, чтобы свалиться на землю. Нарвав этих плодов, сколько мог достать, молодой человек тотчас же освободил их от усеинной колючки оболочки и с наслаждением принялся глотать сочную мякоть, а другую часть рассовал по карманам про запас. Это немножко освежило его. Увидев свою клячу, в некотором отдалении щипавшую сухую траву, он поспешил к своему утомленному четвероногому спутнику и, снова водворившись на его многострадальной спине, продолжал тяжелый путь.

Часа через два попало большое селение, и наш путник уже обрадовался было, предвкушая сладость приюта в тени и возможности вполне утолить голод и жажду. Но и тут его постигло полное разочарование: и это селение оказалось совершенно пустым, а имевшиеся там колодцы — высохшими до дна. Нигде и следа не было ни одного живого существа. В довершение этой странности, с деревьев примыкавшему к мертвому селению леса свисали подвешенные к ним лодки и индейские пироги. Что означали эти обезлюдевшие селения? К чему в лесу, вдали от реки или озера, эта декорация из лодок и пирогов? Глядя на все это, молодой человек терялся в самых фантастических догадках.

Миновав лес, он очутился среди новой голой равнины. Немного спустя его чуткий слух уловил звуки лошадиного топота, доносившиеся сзади. Это вновь обнадежило и обрадовало его. Обернувшись, он через несколько минут увидел догонявшего его другого всадника, который вскоре и поравнялся с ним.

— Свят Господь Бог! — приветствовал его новый всадник, дотрагиваясь до своей шляпы.

— Свят Господь Бог! — ответил первый всадник, так же касаясь рукою своего головного убора.

Второй незнакомец, ехавший на прекрасном молодом коне восточной породы, был не намного старше первого. Выше среднего роста, пропорционально сложенный, очень смуглый, с черными огненными глазами, блестящими черными волосами и шелковистыми усами, с правильными чертами красивого лица, изящный, видимо сильный и ловкий, — этот человек всею своею наружностью

свидетельствовал о том, что он принадлежал к тем испаномексиканским семействам, часть предков которых были выходцами из Аравии.

Костюм этого красавца отличался богатством и вкусом. Легкий камзол из белого кембрика вполне соответствовал местному знойному климату. Широкие панталоны были из ярко-красного шелкового бархата, длинные сапоги из буйволовой кожи были снабжены серебряными шпорами. Легкая светлосерая мягкая шляпа, увитая золотыми шнурами, довершала полугражданский, полувоенный костюм всадника. Военный характер костюма подчеркивался наличием рапиры в кожаных ножнах, прикрепленных к широкому, богато вышитому бархатному кушаку, и карабина, лежавшего поперек седельной луки.

— Позвольте спросить вас, молодой друг, далеко ли вы намерены проехать на вашей лошади? — участливым тоном спросил этот всадник первого, стараясь ехать с ним нога в ногу, что было очень трудно для его горячего коня.

— Нет, слава Богу, только до гациенды Сан-Сальвадор, до которой отсюда, мне думается, не больше шести лиг, — ответил первый.

— Сан-Сальвадор? Знакомое что-то... А не знаете, далеко это от гациенды Лас-Пальмас?

— Около двух лиг.

— Да? В таком случае нам с вами по пути, — сказал второй всадник. Боюсь только, что вы быстро отстанете от меня. Ваша лошадь, кажется, не из проворных, — с улыбкой заметил он.

— Вы правы, сеньор, — добродушно согласился первый всадник. — Это все ошибочная экономия моего отца. Вместо того, чтобы снабдить меня подходящим для длинного переезда конем, он дал мне эту почтенную клячу. Когда-то в молодости она имела очень неприятные столкновения со всеми быками вальядолидского цирка и, хотя чудесным образом уцелела от них, однако до такой степени напугана ими, что с тех пор без панического ужаса видеть не может даже простой мирной коровы. Стоит ей увидеть где-нибудь в отдалении корову, как она, не помня себя, несется в противоположную сторону, до тех пор, пока не упадет от усталости. Это единственный случай, когда она проявляет известную прыть, да и то не на пользу для всадника.

— Да, это не совсем приятно. И неужели же вы все-таки добрались сюда из самой Вальядолиды?

— Да, сеньор, именно оттуда, зато и еду уже без малого два месяца.

Совершенно неожиданно цирковая Россинанта, видимо возбужденная присутствием другой лошади, подтянулась и напрягала свои последние силы, чтобы идти с той нога в ногу. Это давало всадникам возможность продолжать начатую беседу.

— Вы были так откровенны, что сообщили мне, откуда едете,— снова начал второй всадник.— Так позвольте же мне, в свою очередь, сказать вам, что я — из Мексики и состою в драгунах королевы, в чине капитана, а имя мое — Рафаэль Трэс-Виллас. Могу ли я узнать вашу фамилию?

— Очень приятно, дон Рафаэль,— отозвался первый всадник.— Конечно, можете. Я — Корнелио Лантехас, студент вальядолидского университета, к вашим услугам.

— Очень рад познакомиться с вами, дон Корнелио,— с подкупающей вежливостью произнес всадник, назвавшийся Рафаэлем Трэс-Вилласом.— Скажите, пожалуйста, не можете ли вы мне объяснить одну странность, вот уже второй день поражающую меня в этих местах? Что значит полное опустошение здешних поселений и подвешанная к деревьям целая флотилия лодок, совершенно неуместная в краю, где можно пройти или проехать десятки лиг, не встретив ни капли воды?

— Я и сам не могу понять этой загадки, дон Рафаэль,— ответил студент.— И не только крайне удивлен всем этим, но, должен откровенно сознаться, даже несколько испуган.

— Что же собственно вы видите в этом пугающего, дон Корнелио? — спросил драгун.

— Уже такая у меня скверная привычка, что я больше боюсь тех опасностей, которых не знаю, нежели уже известных мне,— продолжал студент.— Меня уверили, что в этой провинции пока еще тихо, но очевидное бегство здешнего населения указывает на то, что и здесь далеко не все благополучно. Быть может инсургенты уже где-нибудь близко отсюда, что и побудило местных жителей бежать.

— О, нет, беднота не имеет обыкновения бояться мигродеров,— возразил с усмешкой драгун.— Во всяком случае сельскому населению не может угрожать никакой опасности со стороны идущих под знаменем освобождения. Потом: не для плавания же по здешним пескам приготовлены тут, в лесу, пироги и лодки. Очевидно, сон

сем другая причина согнала с родных пепелищ здешнее население. Но какая именно — никак не могу понять.

Некоторое время молодые люди ехали молча, погруженные в раздумье об окружавшей их загадке. Первым заговорил снова драгун:

— Так как вы прямо из Вальядолиды, то, наверное, знаете более меня о движении Гидальго с его армией. Мне давно уже ничего об этом неизвестно.

— Едва ли мне более известно, чем вам, сеньор дон Рафаэль, — заметил студент. — Вы забываете, что, благодаря тихому шагу моей лошади, я уже без малого два месяца в пути. Сам я узнал кое-что уже в дороге, по слухам; а эти слухи держатся в границах, охраняемых святой инквизицией. Если верить словам оахакского епископа, то вооруженное восстание не найдет себе поддержки в его епархии.

— Какими же доводами подкрепляет епископ свое мнение? — спросил капитан с некоторой резкостью в голосе, по которой можно было догадаться, что он сочувствует делу восстания.

— Его преосвященство просто-напросто подкрепляет свое убеждение своим же намерением подвергнуть отлучению от церкви всех членов своей паствы, которым вздумалось бы примкнуть к повстанцам, — пояснил дон Корнелио. — Кроме того, он объявил, что каждый инсургент дьявольскою силою будет отмечен рогами на лбу и раздвоенными копытами на ногах.

Следовало бы ожидать, что драгун рассмеется над ребяческим легковерием студента, но вместо этого он только передернул плечами и в его больших глазах загорелся огонь негодования.

— Да, — проговорил он как бы про себя, — такими вот нелепостями наше духовенство и смущает умы креолов, прививая им самое дикое суеверие и слепой фанатизм... Наверное и вы, сеньор Латехас, — обратился он к студенту, — никогда не решились бы вступить в ряды инсургантов, из опасения, что у вас могут явиться предвещанные епископом украшения?

— Разумеется, я не желаю попасть во власть дьявола, которую так красноречиво описывает епископ, потому и удостоенный своего высокого сана, что он лучше других знает то, что верно и что ложно. К тому же, — приспешил добавить студент, заметив негодующий тон своего спутника, — я человек мирного характера и сам готов-

люсь вступить в духовный сан. Чью бы сторону я ни принял, мое желание помочь ее торжеству ограничилось бы только силою молитв. Церковь ужасается крови.

Пока студент высказывался, драгун бросал на него сбоку взгляды, ясно говорившие: «Ну, милый друг, как жется, ни та ни другая сторона ровно ничего не выиграла бы от твоего участия в ней».

— Значит, вы едете в Оахаку, чтобы защитить вашу диссертацию? — спросил он после некоторого молчания.

— Нет, дело, которое привело меня в этот край, совсем другого рода, — ответил студент. — Меня послал сюда, к своему брату, владельцу поместья Сан-Сальвадор, мой отец. Он желает, чтобы я напомнил дяде, что дядя — бездетный вдовец и вместо детей Господь послал ему полдюжины племянников, о которых он обязан позаботиться. Мне вовсе не хотелось брать на себя такого щекотливого поручения, но как мог я противоречить воле отца? Отец придает излишнюю цену мирским благам. Я это вижу и внутренне не одобряю. Но все-таки я очень люблю его. Вот эта-то любовь и загнала меня сюда, в безотрадную пустыню, за двести лиг от моего родного дома, чтобы узнать намерения дяди по отношению к нам, своим племянникам, — с невольной горечью заключил студент.

— Вместе с тем вам, наверное, поручено произвести и надлежащую оценку имущества дяди? — довольно нескромно заметил дон Рафаэль, начиная думать, что с этим наивным юнцом нечего особенно церемониться.

К чести драгуна следует сказать, что он тут же внутренне раскаялся в своей нескромности.

— О, что касается этого, то мы вполне осведомлены, хотя никто из нас никогда не бывал в Сан-Сальвадоре, — полугрустно, полунасмешливо сказал студент. — Но вот что интересно, — со смехом продолжал он: — вряд ли когда-либо бедняк племянник являлся к богатому дяде в таком плачевном состоянии, в каком приходится являться мне. Благодаря непонятному исчезновению всех местных жителей, заботливо утащивших с собою все свои припасы, голоднее меня в настоящее время нет во всей Мексике ни одного шакала.

Драгун сам был не в лучшем положении. Путешествуя третьи сутки по безлюдной местности, он тоже не находил ничего для утоления голода, кроме ягод и диких плодов. Сочувствие к товарищу по страданию подавило раздражение, закипавшее в нем под влиянием своего по-

литического разномыслия с ним, и между случайными спутниками восстановилось полное согласие.

Отец дона Рафаэля, испанский дворянин, служивший под начальством Итурригарая, после падения последнего был вынужден уединиться в свое родовое поместье Дел-Валле, куда его сын теперь и ехал. Дону Рафаэлю только один раз в детстве пришлось побывать в Деле-Валле, но он помнил, что это поместье должно находиться где-то поблизости упомянутой им гацienды Лас-Пальмас. Менее откровенный, чем студент, драгун не посвятил его в то, что не одно желание видеть отца потянуло его к цели его путешествия, а нечто более заманчивое.

Прошло еще несколько часов. Солнце начинало приближаться к западному горизонту. Тени всадников все более и более удлинялись на фоне пыльной дороги, а красные кардиналы и пестрые попугаи, раскачивавшиеся на вершинах пальмовых деревьев, под которыми теперь пролегалa эта дорога, уже запевали свой вечерний гимн.

Лошадь дона Корнелио снова впала в прежнюю апатию и от изнурения еле плелась. Напрасно боролся с мучительными ощущениями голода, жажды и усталости и ее хозяин. Бодрее были драгун с его конем, от самой природы одаренные большей силою и менее утомленные. Однако и они начинали терять терпение.

Долго крепился дон Рафаэль, наконец, после довольно продолжительных подготовительных рассуждений, впустил студенту мысль, что будет всего благоразумнее, если он, дон Рафаэль, пользуясь большей свежестью и выносливостью своего коня, поедет вперед и достигнув отцовского поместья, пошлет оттуда кого-нибудь на помощь дону Корнелио.

Студент был вполне согласен с мнением своего спутника. Он сам поннмал, что тем черепашым шагом, каким идет его лошадь, и какого поневоле должен был придерживаться дон Рафаэль, им и до утра не добраться до вожаделенного приюта.

— Сеньор Лантехас,— сказал драгун, протягивая студенту руку,— мы расстаемся здесь друзьями. Будем надеяться, что нам никогда не придется встретиться врагами. Насколько я мог понять, вы смотрите отрицательно на попытки к освобождению страны, триста лет томящейся под тяжелым игом порабощения. Что же касается меня, то я готов, в случае нужды, посвятить делу освобождения не только свое оружие, но и самую жизнь... Пока —

до свидания. Как только доберусь до Дель-Валле, тотчас же вышлю вам помощь.

— Счастливый путь, дон Рафаэль! — сердечно произнес студент, крепко пожимая протянутую ему руку. — Если не забудете обо мне — спасибо вам, а забудете или почему-либо вам не удастся помочь мне, — значит, на то будет воля Божия.

Еще раз прикоснувшись к шляпе, дон Рафаэль дал своему коню шпоры и вскоре исчез из глаз своего спутника, долгое время уныло смотревшего ему вслед.

Некоторое время спустя дон Корнелио, продолжая путь, увидел перед собою, в красном зареве знойного заката, индейца, гнавшего с пастбища двух коров с полными вымями. Надеясь получить от этого индейца чего-нибудь для утоления голода и жажды, или, по крайней мере, сведений, молодой человек окликнул краснокожего. Тот испуганно оглянулся. Разглядев мирного путешественника, он хотел поспешить к нему навстречу, но в это время цирковая кляча студента, в свою очередь, заметила коров, и в тот же миг, словно наэлектризованная, задрав хвост, круто повернулась и вскачь понеслась назад по прежней дороге. Тщетно стараясь удержать лошадь, дон Корнелио не переставал кричать индейцу, чтобы тот остановился. Но индеец, почуяв что-то недоброе в человеке, который зовет его к себе, а сам от него удирает, счел за лучшее как можно поспешнее продолжать свой путь и вскоре скрылся в лесу.

— Святая Матерь Божия! Да что же это такое случилось с здешним населением? — вслух удивлялся студент, кое-как остановив и успокоив, наконец, лошадь. Должно быть, оно поголовно взбесилось и не сознает, что делает.

Повернув лошадь по прежнему направлению, он продолжал подвигаться вперед еще более голодный, усталый и разочарованный.

Наконец дон Корнелио достиг десятка хижин, расположенных на песчаном берегу небольшой речки. Эти хижины были так же пусты, как все встреченные им раньше за последние дни. Но при виде их лошадь решительно отказалась двинуться хоть на шаг дальше, и ее хозяин, не менее измученный, чем она, решил остановиться здесь в ожидании обещанной доном Рафаэлем помощи.

Перед одной из хижин высилось два тамариндовых

дерева, к которым был подвешен гамак, футов на семь-восемь от земли. Гамак был просторный и прочный, сплеченный из крепких манговых волокон. Ложе это манило усталого путешественника к покою и было словно нарочно для него приготовлено.

Напившись вдоволь речной воды, которую зачерпывал ладонями, и пустив к ней разнузданную им лошадь, он по стволу одной из тамаринд взобрался в гамак. С наслаждением растянувшись в эластичной качалке, он некоторое время внимательно прислушивался к каждому звуку, надеясь услышать приближение людей, высланных ему на помощь.

Наступила темная ночь. Вся природа погрузилась в сон. Ничего похожего на лошадиный топот не было слышно. Зато до напряженного слуха молодого человека стали доноситься звуки, поражавшие его своей загадочностью, как и все, что он видел в этой провинции. Где-то издали что-то шумело и гудело. Было это похоже и на непрерывные раскаты сильнейшей грозы и на рев океана, бичуемого ураганом. Хотя кругом воздух был совершенно тих, но дону Корнелио казалось, что он слышит порывы бури, а сквозь них — смешанный гул отчаянных человеческих воплей.

Ужасаемый этими необъяснимыми звуками, напоминавшими приближение страшной бури, студент долго прислушивался к ним. Однако усталость взяла верх над его душевным напряжением, и он крепко заснул.

Глава 3

КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ

За час до захода солнца, в описываемый нами вечер, на берегу той речки, где остановился дон Корнелио, на полпути между местом его остановки и гациендой Лас-Пальмас, появились два человека. Там, где показались эти люди, река спокойно текла среди низких берегов, покрытых густой зеленой травой. Немного дальше росли большие дубы и виргинские тополя, сучья и ветви которых были густо переплетены лианами. Дальше река иступала в область с еще более богатою и пышною растительностью и ее берега становились все выше и круче.

Упомянутые люди были представителями двух противоположных рас — красной и черной, индейской и не-

гритянской. Индеец был высокого роста и крепкого, мускулистого телосложения. В противоположность поработанному мексиканским индейцам, лица и вид которых выражают тупую покорность, этот индеец, очевидно, принадлежавший к свободным сынам родных лесов и степей, смотрел и держался смело и независимо.

На нем была длинная, серая с черными полосками, шерстяная блуза с короткими, доходящими лишь до локтя, рукавами, подпоясанная широким кожаным кушаком. Бурого цвета, широкие, но такие же короткие, до колен, панталоны были из дубленой козьей шкуры. На ногах были красновато-желтые кожаные полусапожки, стянутые тонкими ремешками. Тростниковая плетеная шляпа с широкими полями покрывала голову, с которой ниспадали на плечи длинные и густые пряди черных как вороново крыло волос, по одной с каждой стороны. Из-за его плеча выглядывало дуло короткой, массивной винтовки, а за кушаком было воткнуто излюбленное местное холодное оружие, нечто среднее между большим ножом и саблей, так называемое мачетэ.

Спутник индейца, типичный негр, был замечательен разве только удивительными лохмотьями, которыми он прикрывал или, скорее, подчеркивал свою наготу, для крайним легковерием, с которым он слушал слова индейца. Временами по его черному лоснящемуся лицу пробегало выражение сильного страха.

Индеец, сопровождаемый по пятам негром, медленно подвигался вдоль реки, у самого края воды, там, где почва была мягкая и зыбкая. Он шел с наклоненной вперед головой и внимательно всматривался в почву, как бы отыскивая на ней какие-то следы. Наконец он остановился.

— Вот! — воскликнул он, обращаясь к негру, — не говорил я тебе, что найду тут их следы? Видишь?

В голосе индейца звучало торжество. Но негр вовсе не был склонен разделять это торжество, судя по испугу, выразившемуся в его широко открытых глазах. И, надо правду сказать, то, на что указывал ему индеец, могло не напугать разве только охотника на диких зверей. На мягком влажном песке были ясно отпечатаны десятка два следов, в которых знаток сразу мог узнать очертания когтистых лап свирепого ягуара, называемого испано-американцами тигром.

— Они прошли здесь не более получаса тому назад, — продолжал индеец. — Нет, — поправился он, взгля-

нув на воду,— вода еще взбаламучена, стало быть нет еще и десяти минут, как они перешли.

— Уйдем и мы скорее отсюда! — взмолился негр, весь посеревший от ужаса.— Зачем нам тут оставаться? Вон сколько следов, и все разной величины... Господи помилуй! Тут этих тигров, должно быть, было видимо-невидимо... И не сочтешь...

— Вздор! — перебил индеец.— Их отлично можно счесть... Вот: раз, два, три, четыре. Самец, самка и два детеныша. Всего четыре штуки. Вот раздолье-то для хорошего охотника на тигров!

— Да, только для охотника,— уныло вымолвил негр.

— Ну, сегодня мы, пожалуй, оставим их в покое,— сказал индеец.— Сейчас у нас с тобой есть более важное дело.

— А не лучше ли оставить и это дело до завтра и вернуться в гацпенду? Хоть мне и очень хотелось бы видеть те чудеса, о которых ты столько наговорил. Косталь, но я, право...

— Да разве можно откладывать такое дело до другого дня? — прервал негра индеец, которого тот назвал Косталем.— Нет, друг Клара, этого никак нельзя. Возможность видеть и делать то, о чем я тебе говорил, бывает только один раз в месяц, а через месяц нас уже здесь не будет и мы все потеряем... Нет, нет! — продолжал он, видя нерешительность негра,— задуманное мною должно быть сделано в эту же ночь и на этом самом месте. Садись и слушайся меня.

С этими словами индеец первый уселся на густой траве, на некотором расстоянии от воды. Негр волей-неволей последовал его примеру.

Невзирая на привычное подчинение авторитету индейца, Клара — так звали негра — не переставал терзаться страхом. Сжавшись в комок, он тревожно крутил головой во все стороны, видимо ожидая, что вот-вот откуда-нибудь появятся тигры и набросятся на него.

— Напрасно ты так трусишь, дружище — пробовал успокоить его индеец.— К услугам тигров вся река, и им ни к чему сейчас возвращаться сюда.

— Но они могут быть голодны, а я слышал, что они более всего любят мясо чернокожих,— робко возражал негр.

— Ха-ха-ха! — звонким смехом залился индеец.— Ты можешь этим гордиться. Но, по правде сказать, едва ли во всей стране найдется хоть один тигр, который был

бы настолько глуп, чтобы предпочесть твое тело, положим, очень черное, зато тощее и жесткое, мясу молодой телки или козы. Думаю, если бы ягуары услышали твои слова, они лопнули бы со смеху!

— Тебе хорошо смеяться насчет меня и тигров: ведь ты их не боишься, а я страшно боюсь,— ребяческим тоном говорил негр.

— Еще бы мне-то, цапотеку, бояться кого или чего-нибудь на свете! — гордо произнес индеец, выпрямляясь и любуясь на обнаженные части своих мускулистых бронзовых рук и ног. — Руки и ноги мои крепки, как те стальные пружины, которые продаются в больших городах. Зрение мое остро, прицел мой верен, а дух не знает страха,— словом я — цапотек, и этим все сказано!.. Что же касается тигров, то, повторяю, не будем думать о них до завтра. В эту ночь, когда будет светить новый месяц, мы должны дожидаться сирены с распущенными волосами. Она показывается в пене водопада и на поверхности пустынного озера...

— И она может указать, где есть золото? — встретился негр, с жадностью ловивший теперь каждое слово индейца.

— Не только может, но и действительно указывает золотоискателям самые лучшие залежи золота, а водолазам — самые крупные жемчужины на дне океана, убежденно пояснял индеец.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил с легким оттенком неверия негр.

— От моих отцов, цапотек, — торжественным тоном ответил индеец. — А они узнали это от Тлалоки и его супруги Матлакуэцки, богов, которые так же сильны, как силен Бог бледнолицых. Как было моим отцам их знать всего...

— Ой, не говори так громко, друг Косталь — бояливо прошептал негр, снова оглядываясь: — христианские монахи везде имеют уши и могут счесть твои слова за богохульство, а их святая инквизиция, ты знаешь, не щадит ни черных, ни красных, ни белых.

Напоминание об инквизиции заставило и смелого индейца понизить свой звучный голос, так чтобы его могли слышать один его собеседник, и он продолжал:

— Отцы мои говорили мне, что сирена никогда не является человеку одинокому. Необходимо, чтобы было двое, и они оба должны быть людьми мужественными потому что водяное божество иногда бывает очень ри...

гневано вызовом, и тогда оно страшно в своих действиях. Нуждаясь в товарище, я выбрал тебя. Неужели ты этим не польщен, Клара?

— Мм? — промычал негр, с видом сомнения покачивая своей курчавой головой. — Могу сказать, положив руку на сердце, что человека я не боюсь, тигра, признаться, побаиваюсь, а твоя сирена, которая, судя по всему, что ты о ней рассказываешь, в близком родстве с дьяволом, начинает сильно меня пугать.

— А чего пугаться хотя бы и самого дьявола, если через него можно сделаться богатым, иметь сколько хочешь золота и быть важным господином? — соблазнял своего товарища индеец.

— А это можно и негру? — осведомился чернокожий.

— Можно и негру, — подтвердил индеец.

— Эх, не ошибаешься ли, Косталь? — продолжал негр, все еще не решавшийся вполне верить тому, что казалось ему чудеснейшим уж большим счастьем. — Мне кажется, золото не может помочь ни тебе ни мне, потому что мы оба — рабы, и наши господа тотчас же отнимут его у нас.

— Ну, что касается меня, то моему рабству... вообще рабству всех индейцев скоро будет конец — сказал Косталь. — Разве ты не слышал, что на севере явился священник, который провозгласил свободу и равенство всех племен?

— Нет, не слышал, — откровенно обнаружил негр свое полное невежество в политических делах страны.

— Ну, так узнай, что скоро наступит день, когда негр и индеец будут равны беллицемцу, креол — испанцу, а индеец-цапотек, как я, сделается господином и тех и других, — говорил Косталь, в своем увлечении вновь возвышая голос. — Да, — продолжал он, — скоро вновь вернутся дни нашей славы. Это так же верно, как то, что мы с тобою сидим тут. Ради этого великого будущего я и хочу добыть как можно больше золота. До сих пор я не старался иметь его, потому что понимал, что хуже твоего, что его у меня, жалкого раба, сейчас же отнимут. Теперь же, когда мне улыбается свобода, я знаю, что золото останется при мне, и с его помощью мне удастся восстановить былую славу моих отцов.

Клара смотрел на своего товарища, разинув рот и отаращив глаза. Его поражала дикая величавость, кивывавшаяся в ту минуту во всей фигуре охотника на игров, бывшего таким же рабом на гациенде Лас-Паль-

мас, как и он сам, негр; поражала его и претенциозная манера, с какою индеец говорил о восстановлении былой славы своих предков.

Заметив произведенное им впечатление, Косталь сadowolно ухмыльнулся и снова заговорил:

— Друг Клара, слушай, что я хочу раскрыть тебе, как единственному человеку, которого я считаю преданным себе. Я открою тебе тайну, которую скрывал от всех в течение долгих лет, настолько долгих, что в них попеременно сменялись пятьдесят сухих времен с пятьюдесятью дождливыми...

— Неужели ты видел по пятидесяти таких перемен? — с изумлением спрашивал негр, предполагавший, по наружному виду товарища, что ему не более тридцати лет. — Может ли это быть? Ты не шутишь?

— Нет, не шучу, — ответил серьезным тоном индеец. — Не шучу и говорю, что увижу и еще в несколько раз больше. Знаю по знаменю, бывшему при моем рождении, что мне жить столько же, сколько живет ворон.

Негр положительно застыл в изумлении перед откровениями товарища, а тот продолжал:

— Слушай же, друг Клара, что я еще скажу тебе. Во всем этом простор — он очертил рукою круг по всем четырем сторонам, — с севера до юга и с востока до запада, нет ни одной пяди земли, которая некогда не была бы занята моими предками, цапотеками. До появления бледнолицых на наших берегах цапотекки были властителями всей страны, от океана до океана. Одни эти океаны были границами их владений. Тысячи воинов стекались под их знамя на защиту страны. Им, славным цапотеккам, принадлежало все золото, покоящееся в недрах земли и, весь жемчуг, дремлющий в своих раковинах на дне океана.

Золото сверкало на их одежде, на оружии и даже на мокасинах, покрывавших их ноги. У цапотекков было столько золота, что они прямо не знали, что с ним делать. Где теперь некогда могущественные кацки Тегуантепека? Большинство из их подданных было убито бледнолицыми или погребено в темных рудниках, где они должны были добывать золото уже для победителей; а уцелевшая их часть была превращена в рабов для других работ. Какие-нибудь сотни негодных искателей приключений, явившихся из-за моря, поделили между собою все наши земли и сделались нашими господами. И вот я, последний потомок благородных кацкиков,

тяну свое жалкое существование, в качестве раба обязан молча выносить тиранию бледнолицего, ежедневно рисковать собою в борьбе с дикими зверями, чтобы они не опустошали стада моего порабитителя; и на всех этих обширных равнинах, по которым с утра до вечера гонит меня моя опасная обязанность, нет ни одного местечка, которое я бы мог назвать своим; даже тот едва заметный клочок, на котором стоит моя убогая хижина,— даже и он не мой...

С выражением отчаяния махнув рукой, индеец вдруг оборвал свою возбужденную речь и, опустив голову на грудь, погрузился в грустные размышления. Негр теперь смотрел на него почти с благоговением. До сих пор этому чернокожему не было известно, что его краснокожий товарищ по рабству, этот полуязычник, полухристианин, был потомком древних властителей Тегуантепека, и это открытие произвело на него глубокое впечатление.

Глава 4

СЕМЬЯ ЯГУАРОВ

Незадолго до исчезновения солнца за горизонтом, когда большая часть неба горела пурпуром и золотом, до слуха собеседников донесся протяжный вой, закончившийся хриплым ревом. Звуки эти, исходившие из густой кустарниковой поросли, видневшейся на довольно далеком расстоянии от наших друзей, вверх по течению реки, заставили негра вновь посереть от ужаса, задрожать с головы до ног и вскочить с места.

— Иисус-Мария! Да ведь это ягуар! — взвизгнул он на своим голосом.

— Ну, так что же? — спокойно произнес индеец, да же не пошевелившийся и не моргнувший глазом.

— Как что? Говорю — ягуар! — вопил негр, не зная, куда броситься от страха.

— Ягуар? — повторил индеец. — Врешь, это не ягуар.

— Дай-то Бог, чтобы я врал! — продолжал спокойнее негр, начиная надеяться, что он ошибся в характере слышанных им звуков. Невозмутимое спокойствие товарища успокоительно подействовало и на него.

— Конечно, врешь, — продолжал индеец: — тут не один ягуар, а целых четыре, считая двух детенышей, тоже имеющих острые зубы и когти.

Услыхав объяснение, совершенно противоположное тому, какое ожидал, негр так и присел, всем своим видом выражая полнейший ужас. Затем он снова вскочил и рванулся было бежать по направлению к гациенде.

— Э, друг, напрасно ты хочешь спастись бегством! — увещевал его индеец, скрыв мелькнувшую на его тонких губах насмешливую улыбку: — ведь ягуары всякому другому мясу предпочитают мясо чернокожих и непременно догонят тебя.

— Ну, вот, а давеча ты говорил обо мне совсем другое! — произнес негр, остановившись и обернувшись назад. — Что же ты путаешь?

— Может быть, насчет тебя я и ошибся, — с прежней невозмутимостью продолжал индеец. — Но вот в чем я никак не могу ошибиться, потому что наблюдал это сотни раз: когда самец и самка ягуаров вместе, они редко так воют, в особенности, если чувствуют присутствие человека. Вернее всего они сейчас разошлись в разные стороны и перекликаются между собою, и если ты побежишь назад в гациедну, то можешь попасть в зубы кому-нибудь из них.

— Ну, этого я вовсе не желаю! — заявил негр. — Что же мне тогда делать?

— Оставаться здесь, со мною; для меня все ягуары, вместе взятые — пустое дело! — отрезал индеец.

Новый вой и рев, донесшиеся теперь с совсем другой стороны, чем раньше, убедили негра в справедливости высказанного индейцем предположения и заставили его покорно вернуться на старое место.

— Ага! Понял-таки, в чем твое спасение, дружище! — подсмеивался охотник, видя, как крепко прижимается к нему полуживой от страха товарищ. — Как только дошло до дела, перестал гордиться тем, что ягуар находит мясо чернокожих самым приятным для себя лакомством. Хвалю за это.

Про себя же Косталь подумал, что с таким трусом едва ли ему удастся заставить сирену показать золото, необходимое для возрождения цапотек. Не лучше ли отложить это предприятие до отыскания более подходящего сотоварища? Потом, направив свою мысль в прежнее русло, он продолжал мечтать уже вслух.

— Да, плох тот краснокожий или чернокожий, который откажется вступить в ряды бойцов, скликаемых со всех сторон славным священником, поднявшим знамя восстания против угнетателей всех цапотек, ацтеков

и креолов: Разве испанцы не оказались свирепее самих тигров?

— Ну, испанцев-то я вовсе не боюсь,— заметил негр.

— Вот и отлично, товарищ! — воскликнул индеец.— Раз это так, то я завтра же заявлю дону Мариано де-Сильва, что он может искать себе другого охотника на тигров. А мы с тобой отправимся на запад и присоединимся к повстанцам.

Едва он замолк, как из ближайшего прибрежного кустарника послышался новый протяжный рев. Охотник принял это за вызов. Его глаза загорелись огнем непреодолимого желания схватиться с вызывающим.

— Клянусь духом кациков Тегуантепека, что это уж слишком для моего терпения! — вскричал он, вскакивая на ноги.— Я отучу этих двух хвастунов так громко беспокоить меня! Готовься, друг Клара, к близкому знакомству с господами ягуарами!

— А зачем мне с ними знакомиться? Я вовсе этого не желаю,— почти плаксиво возразил негр.— Я лучше уйду куда-нибудь подальше. Оружия у меня нет, и не принесу тебе никакой...

— Глупости, Клара,— прервал его индеец. Тот ягуар, который подает голос,— самец. Он сидит там, в кустах, направо. Я сейчас поговорю с ним. А так как во всем этом крае нет ни одной реки и ни одного потока, где бы не было у меня в запасе пироги или простой лодки, то...

— Неужели и здесь есть? — перебил, в свою очередь, негр.

— Есть и здесь небольшая лодка. Этого требует мое занятие,— отвечал индеец.— Мы сядем в нее, и ты в ней будешь в полной безопасности. У меня уже составлен план, как поудобнее подобраться к ягуару.

— Ах, Пресвятая Дева Мария! Да ведь я слышал, ягуары плавают не хуже рыб, и они нас...— снова начал было негр, но индеец с нетерпением прервал его:

— Так что же, пусть их плавают. Это ничему не помешает. Пойдем за лодкой.

С этими словами он двинулся по направлению к маленькой бухточке, где, действительно, нашлась лодка, привязанная к вбитой в землю свае. Лодка была небольшая, как раз только для двоих седоков. На дне ее лежало весло, прикрытое легкой циновкой, служившей в случаях нужды парусом. Эту циновку индеец выбросил на берег, за неимением в ней пока надобности.

Чувствуя, что ему все-таки лучше в обществе смелого и ловкого охотника, чем одному, негр поплелся за ним. Охотник усадил его в заднюю часть лодки, а сам поместился в передней, чтобы управлять лодкой. Сильным толчком отбросив лодку от берега чуть не на середину реки, Косталь направил ее вверх по течению.

Последние лучи солнца еще освещали поверхность воды, в которой дрожали тени ив и аламосов, росших на берегу. В ветвях этих деревьев веял легкий, пропитанный ароматами тысячи цветов, степной ветерок, и аромат его казался индейцу возбуждающим лучшие надежды свободы. Вообще он, этот сын степей, наслаждался окружающей природой, между тем как негр, весь уходящий в свои личные ощущения, был к ней совершенно равнодушен.

Некоторое время лодка держалась близ береговой полосы, следуя за извилинами реки. В тех местах, где растительность нависла над водой, негр с ужасом всматривался в ее гущу, ожидая встретить свирепый взгляд кровожадного тигра.

— Друг Косталь, держись, ради Бога, подальше от берега! — каждый раз вопил он, сжимаясь в комок. — Вдруг ягуар подкарауливает нас здесь и прыгнет к нам в лодку.

— Очень может быть, — спокойно поддакнул индеец, работая веслом. — Я все думаю о том, как нам лучше сделать, если придется возиться сразу со всем тем ягуарьим семейством, следы которого мы видели на водопое. Я решил так: с тигрятами будешь управляться ты. Возьмешь каждой рукой одного из них за шиворот и станешь стучать их друг о друга черепами, пока эти черепа не треснут. Это дело самое пустяковое...

— А по мне очень трудное, друг Косталь, — возразил негр. — Как же я схвачу их за шиворот, если они не дадутся?

— Да, это правда, наверное не дадутся, — согласился индеец. — Поэтому тебе нечего и бояться их, — немножко нелогично заключил он. — Как бы там ни было, но я уверен, что не пройдет и четверти часа, как все четыре ягуара окажутся от нас на протяженной руке...

— Все четыре?! — повторил негр, от страха сделав такое порывистое движение, что лодка чуть было не опрокинулась. Только благодаря своей ловкости индеец удалось удержать ее в равновесии.

— Насколько я мог понять, — продолжал он, — одним

ягуар находится на этом берегу, другой — на том. Оба ищут добычи. Мы на виду у них, и они, того и гляди, набросятся на нас каждый с своей стороны. Сейчас мы обогнем вон тот крутой поворот реки, и ты смотри в оба. Наверное увидишь кое-что очень интересное.

Индеец сидел спиной к тому, что было впереди лодки, и каждый раз должен был поворачивать голову, чтобы видеть это «интересное». Но так как лицо негра было зеркалом, в котором отражалось окружающее, то охотнику достаточно было только смотреть в это зеркало, не трудясь то и дело оборачиваться. И вот, когда живое черное зеркало вдруг стало изображать крайнюю степень ужаса, Косталь понял, что ему надо быть остороже.

Опустив весло, он обернулся всем телом. Перед ним расстилалась безграничная равнина, сливавшаяся с горизонтом. Полноводная река равнялась своей поверхностью с берегами, покрытыми густой муравой, без признака какого-либо дерева. Почти у самого изгиба реки начиналось ее разветвление, образовавшее зеленеющую дельту, вокруг оконечности которой пролегалла дорога в гацценду Лас-Пальмас.

Лучи заходящего солнца покрывали всю равнину прозрачно золотистой дымкою, нависавшею и над серебристою, пронизанною пурпуром лентою реки, среди которой плыла лодка. Впереди лодки, на расстоянии двух выстрелов, было нечто, заставившее охотника восторженно воскликнуть:

— Какая красота! Видишь, Клара, эту картину?

Крепко вцепившись своими длинными и крепкими, как железо, когтями в тело жеребенка, которое он терзал зубами, навстречу лодке плыл огромный ягуар-самец. Действительно, прекрасную картину для любителя представлял собою этот царственный хищник американских джунглей. Его вытянутая голова сгибалась над передними лапами, задние оконечности были спрятаны под брюхом, бока своими волнообразными движениями свидетельствовали о силе и ловкости этого могучего организма. Угасающие лучи солнца выставляли во всем блеске великолепную бархатистую, ярко-желтую с черными пятнами шкуру, покрывавшую красавца зверя.

Заставив растерявшегося негра, на которого эта картина произвела только устрашающее впечатление, взять в руки весло, охотник схватил ружье и, присев на корточки на дне лодки, приготовился стрелять. Негр, пови-

нуясь сильной воле товарища, кое-как греб веслом. Заметив своих врагов, ягуар издал громоподобный рев, далеко прокатившийся по тихой равнине. Индеец, ответил на этот грозный вызов не менее диким, хотя и более слабым полуревом, полувоем. Зверь и человек поняли друг друга.

— Самец! — с видимым удовольствием заметил охотник, обращаясь к своему спутнику.

— Стреляй же скорее! — умолял негр.

— Нет, еще рано, — возразил охотник. — Пусть подплывет поближе. К тому времени, наверное, подоспеет и самка с детенышами.

— Ох, спаси Господи! Довольно нам и одного этого кровопийцы! — тоскливо шептал негр, мысленно проклиная себя за то, что послушался охотника и пришел с ним сюда, соблазненный обещанием не только услышать, но и увидеть воочию благодетельную сирену.

В это время послышался пронзительный визг, и вслед затем на ровной плоскости левого берега показалась фигура несшейся огромными скачками самки ягуара, спешившей на помощь к своему супругу. Быстрота и легкость ее движений были прямо изумительные. Шагах в двухстах от реки ягуариха вдруг остановилась, подняла нос и принялась обнюхивать воздух. Бока ее дрожали, словно тетива сильно натянутого лука перед спуском стрелы. Вдогонку за матерью бежали вприпрыжку маленькие ягуарчики. Лодка, предоставленная самой себе, кружилась на одном месте, в одинаковом расстоянии от того ягуара, который плыл со своей добычей. Ягуариха стояла как раз против лодки.

— Клара, гони лодку вперед, иначе мне нельзя стрелять! — крикнул охотник. — Не робей, друг, если не хочешь беды. Держи лодку прямее. Необходимо, чтобы я с первого же выстрела мог уложить этого красавца. Если мне этого не удастся сделать, то один из нас пропал, а то и оба погибнем. Раненый тигр вдвое опаснее здорового. А тут еще и его самка с детенышами.

Расстояние между лодкой и плывшим тигром постепенно уменьшалось. Зверь страшно ворочал огненными глазами, оглушительно рычал и бешено колотил себя по бокам своим длинным хвостом.

Охотник только что было взял верный прицел, как лодка вдруг так сильно заколебалась из стороны в сторону, точно ее подбрасывала буря.

— Какого черта ты там балуешься, Клара? — сердит-

то кричал охотник.— Перестань же! Если ты так будешь вести лодку, то появишься перед нами хоть целая стая тигров, мне не попасть ни в одного!

Но обезумевший от страха негр нарочно или бессознательно еще сильнее закачал лодкой.

— Ах, чтоб тебя побрали черти! — яростно взревел охотник.— С тобой, дураком, и в самом деле пропадешь ни за что ни про что!

Бережно положив ружье на дно лодки, индеец схватил из трясущихся рук негра весло и несколькими его взмахами привел лодку в нужное положение. Ягуар понял, что этот момент для него благоприятен и воспользовался им. Издав резкий крик, он своими сильными зубами вырвал из бока своей жертвы огромный кусок мяса и вместе с ним в один огромный прыжок перенесся на левый берег, к своей семье. Очутившись вместе, ягуары в нерешительности смотрели на лодку: очевидно, они и желали и опасались напасть на сидевших в ней. Но, вероятно, опасение взяло верх, потому что четвероногая чета хищников вдруг повернула в другую сторону и помчалась через равнину к своим родным джунглям. Тигрята также бросились за ними, стараясь не отставать от них.

Излив свою досаду и разочарование в потоке красноречивых восклицаний, индеец повернул лодку назад, к месту ее обычной стоянки.

Негр обрадовался было этому обороту дела, но тут же был разочарован пояснением охотника, что ягуары — звери хитрые и отлично умеют применять разного рода военную тактику. Бегство их в сторону, противоположную реке, могло быть только отводом глаз. Где-нибудь они остановятся посмотреть, что делают их враги, и заметив, что лодка повернула вниз по течению, ягуары встретят их там, в более удобном месте.

— Неужели они могут выкинуть такую штуку? — изумлялся и вместе с тем ужасался негр.— Разве они так умны?

— Да, они гораздо умнее некоторых людей,— не без ехидства ответил индеец.— Я уверен, что мы сегодня увидим их еще раз по ту сторону водопада. Жеребенок, каким запасся было господин тигр, попадаетеся им не каждый день, и они не захотят упустить такое лакомство. Они знают, что течение перенесет им добычу через водопад, и будут там поджидать ее. Но получают ли они ее в целости, я сильно сомневаюсь, мне не раз приходи-

лось видеть, как самые крепкие деревья превращались в щепки, когда попадали в водопад... Но пока оставим думать о тиграх. Пора начать то дело, ради которого мы пришли сюда. Скоро покажется месяц, и нам не надо упускать время.

Вернувшись в бухточку, охотник снова привязал лодку к дереву и сказал:

— Ну, ты пока оставайся здесь, а я пойду подготовлюсь. Не бойся, далеко не уйду и, пожалуй, оставлю тебе на всякий случай ружье.

— С одной пулей против четырех тигров — хорошая оборона! — ворчал негр, безнадежно опускаясь на край лодки.

В нескольких шагах от лодки охотник влез на большое дерево, густые и длинные ветви которого местами опускались в воду. Застыв среди этих ветвей, индеец простер свои руки над водой и мерным голосом затянул какое-то заклинание.

К дикому напеву индейца временами примешивался отдаленный, но постепенно приближавшийся рев ягуаров. Казалось, что это перекликаются между собою сами демоны. Так, по крайней мере, чудилось несчастному негру, который едва успевал немного успокоиться от одного страха, как его тут же бросало в другой.

Кончив заклинание, индеец вернулся к негру, взял свое ружье на плечо и сказал:

— Пойдем.

— Куда? — спросил негр.

— К водопаду, чтобы вызвать там сирену с распущенными волосами и просить ее показать нам золото.

— Да ты же говорил, что там спать будут тигры! Зачем же нам снова лезть к ним в пасть? — протестовал негр.

— Не мы полезем к ним, а скорее они полезут к нам под пулю, — утешал индеец. — Пойдем, друг Клара. Сирена даст нам много, очень много золота, и мы оба будем богачами.

— Ладно, иду! — вскричал чернокожий, вновь подаваясь жадности. — Пусть только добрая сирена покажет, нам где достать золото, и я до конца дней моих буду ее верным рабом. Все сделаю, чего бы она ни захотела.

— Давно бы так! — одобрил индеец, и они направились вдоль берега, вниз по течению реки.

Глава 5

НЕОКОНЧЕННЫЙ ВЫЗОВ

Дон Рафаэль был плохо знаком с местностью, по которой ехал. Хотя он и жил здесь, когда был мальчиком, но с тех пор ему не пришлось ни разу побывать здесь. Пока главный путь шел прямо, молодой человек спокойно следовал по этому пути, вполне уверенный, что он выведет его именно туда, куда ему было нужно. Но когда он достиг того места, где дорога расходилась в две противоположные стороны, то стал втупик. Он никак не мог припомнить, в какой стороне была расположена отцовская гациенда Дель-Валле или хотя бы другая знакомая ему гациенда Лас-Пальмас, находившаяся недалеко от отцовской.

Не видя вокруг никого, к кому можно было бы обратиться с просьбой указать дорогу, дон Рафаэль предоставил выбор своей лошади. Та, страдавшая больше от жажды, чем от голода, усиленно втягивала в себя расширенными ноздрями воздух и, почуяв воду, обрадованно направилась в ту сторону. Таким образом она взяла вправо, между тем, как обе упомянутые гациенды находились слева.

Проехав не более четверти часа по дороге, избранной лошастью, дон Рафаэль заметил, что очутился в густом перелеске, за которым шумел водопад. В этом месте дорога круто обрывалась. Молодой человек хотел было вернуться назад к перекрестку, но подумал, что, чего доброго, и противоположная дорога заведет его куда-нибудь в глушь, поэтому лучше ехать по прямой. Ему смутно помнилось, что с какого-то места нужно было **сворачивать** в сторону, но с какого именно — он никак не мог припомнить.

Желая посмотреть, нет ли где поблизости каких-нибудь жилищ с живыми обитателями, у которых бы можно справиться, путник сошел с лошади, привязал ее к дереву, так чтобы она была в состоянии свободно щипать росшую вокруг сочную траву, и стал пробираться сквозь чащу к тому месту, откуда слышался шум воды. Он сообразил, что, где шумит вода, там должен быть какой-нибудь источник, а возле него, быть может, живут и люди.

Его предположение отчасти оправдалось. Правда, никаких жилищ в этой пустынной местности не было, но

люди оказались. С трудом пробравшись через густо переплетенный лианами перелесок, дон Рафаэль увидел себя на берегу узкой, стремительно текущей реки, посреди которой высилось нагромождение из огромных каменных глыб, неизвестно откуда взявшихся в этой однообразной равнине, а через это нагромождение, с громким плеском и гулом, низвергался роскошный каскад воды, весь покрытый узорчатой белоснежной пеной. В стороне от водопада, близ берега, на котором остановился наш путник, из воды торчал черный камень с совершенно ровной и гладкой поверхностью. На этом камне пылал костер, сложенный из сухого валежника; возле костра копошилась фигура негра, хлопотливо подбрасывавшего в огонь новые порции горючего материала. В отблеске этого костра каскад казался алмазным, а его жемчужная пена местами окрашивалась в нежно-красный цвет, и все вместе представляло поистине волшебное зрелище, от которого трудно было оторвать глаза.

В довершение фантастичности этой картины, у подножия камня с костром, в воде, вертелся в дикой пляске индеец. Временами он подносил ко рту длинную морскую раковину, на которой наигрывал какую-то жалобную, хватающую за душу мелодию. Временами плясун останавливался и, повернувшись лицом к водопаду, простирая к нему руки и что-то вскрикивал на непонятном языке. Потом он возобновлял пение и пляску. Движения его были так порывисты, что его длинные волосы хлестали его по плечам, а вода, которую он вздымал ногами, окатывала его всего сверху до низу.

Дон Рафаэль понял, что тут произносится какое-то заклинание. Он еще более убедился в этом, когда, нечаянно взглянув на чистое темносинее небо, увидел на нем тонкий золотистый серп молодой луны и вспомнил, что слышал в детстве о связанных с таким положением луны странных поверьях местных индийцев. В своем нетерпении воспользоваться случаем узнать дорогу, он совершенно упустил из виду, как опасно давать знать о себе людям, совершающим такие мистерии, и громкими криками старался привлечь на себя внимание заклинателей. Но шум водопада заглушал его голос. Тогда молодой человек поднял горсть мелких камешков и бросил прямо в лицо негра. Чернокожий с воплем ужаса вскочил и заметался, а индеец схватил свою винтовку и ее прикладом мгновенно разметал весь костер в во-

ду,— горевшие головешки там сразу с шипением погасли. На камне, где только что горел и ярко пылал костер, и вокруг него все затихло. В наступившем сумраке серебрились только струи водопада и слышался его шум. Сами заклинатели точно провалились в бездну.

Страшно раздосадованный этим, дон Рафаэль махнул рукой и вернулся к своей лошади, мирно щипавшей сочную траву. Усевшись на пень, молодой человек закурил сигару и принялся обдумывать, что теперь ему предпринять. Не просидел он и пяти минут, как слух его был поражен новыми странными звуками. Это был уже не шум водопада,— к этому шуму молодой человек уже успел привыкнуть, а нечто, напоминавшее рев крупного дикого зверя,— такого зверя, голоса которого дон Рафаэль раньше никогда не слышал, хотя и был знаком с голосами всех лесных хищников страны. Это заставило молодого офицера подозревать существование поблизости какой-то особенной опасности, которой нужно было остерегаться.

Через небольшой промежуток времени сквозь шум водопада снова послышался тот же грозный рев, словно исходивший от какого-нибудь сверхъестественного чудовища. Взглянув на свою лошадь, дон Рафаэль заметил, что она, насторожившись, вся дрожит. Это побудило его отвязать ее, снова взобраться к ней на спину и вернуться назад к большой дороге. Но лишь только он хотел пустить лошадь в ход, как раздавшиеся вдруг вблизи голоса людей вынудили его помедлить. Отодвинувшись только поглубже под тень деревьев, он, крепко придерживая лошадь под уздцы, замер на месте, внимательно прислушиваясь к голосам, которые все приближались. Вскоре он ясно мог расслышать следующий разговор:

— Разве сирена показывается только в первый день новолуния? — спрашивал один голос.

— То-то и есть, что только в первый, иначе нам и горевать было бы не о чем,— отвечал другой.— Но она и тогда не всегда показывается. Это бывает, когда она знает, что где-нибудь поблизости присутствует кто-нибудь посторонний, в особенности бледнолицый...

— Должно быть, она боится святой инквизиции? — заметил первый голос.

— Какую ты плетешь ерунду, Клара — с негодованием отозвался второй.— С чего ты взял, что могущественное водяное божество станет бояться каких-то длиннополых монахов? Совсем наоборот, дружище: при виде

этого божества сами монахи в ужасе и трепете должны преклониться перед ним.

Читатель, конечно, догадался, что эта беседа происходила между индейцем и его спутником негром, вынужденными покинуть место вызова сирены, не дождавшись ее появления.

— Эх, друг Косталь, не заблуждаешься ли ты сам? — возражал негр. — Раз сирена, как ты говоришь, боится одного бледнолицего, то разве не может нагнать на нее еще более страха целая орава монахов? Они хоть кого напугают...

— Ну, они в этих местах не шляют, — возразил охотник. — Вернее всего тут был кто-нибудь не из духовных, а из светских бледнолицых и помешал нам... Чтоб его черти побрали! Или чтоб ему самому пригрелась сирена да обманула бы его хорошенько! Еще бы немного времени, и она появилась бы перед нами...

— Напрасно ты поспешил потушить огонь, — прервал негр. — Быть может, она все-таки явилась бы... Давай, посидим немного здесь. Я страшно измучился, взбираясь на такую крутизну... А знаешь что, Косталь, перед тем, как на меня посыпались камешки... Кстати сказать, я теперь вполне уверен, что это были вовсе не камни, а настоящее золото. Мне следовало бы скорее подхватывать их на лету, а не пугаться и не бежать. Да и ты хорош: вместо того, чтобы остановить меня, сам пустился вслед за мной, а еще считаешь себя таким храбрым и умным... Ну, что же ты стоишь столбом, Косталь? О чем задумался? Уж не хочешь ли возобновить вызов сирены? Так я с удовольствием...

В визгливом голосе негра слышались нотки алчности

— Нет, теперь нам уж не до того, — серьезно возразил индеец.

— Почему же, Косталь? — разочарованно спросил негр.

— А потому, — продолжал индеец тем же серьезным тоном и даже с оттенком несвойственной ему тревоги, — что я слышу отдаленный гул. А этот гул предвещает приближающееся наводнение. Того и гляди, вода зальет всю эту местность. Нам нужно поскорее убраться отсюда, пока наводнение не захватило нас.

Негр взвизгнул от нового припадка ужаса. Быстро вскочив на ноги, он стал метаться из стороны в сторону, натываясь в наступившем полумраке на деревья.

— Господи, Боже мой! Да как же тут побежишь,

когда, куда ни сунешься, везде мешают эти проклятые деревья? — голосил он на всю окрестность, потирая уши и бленные о деревья места на теле.

Индеец невольно рассмеялся и проговорил:

— Эх, ты, младенец! Ну, давай руку, я выведу тебя отсюда на дорогу, а там уж, авось, ты сумеешь пойти и без посторонней помощи.

Через минуту дон Рафаэль, приготовивший на всякий случай свое оружие, увидел выходящих к нему из чащи деревьев тех самых двух людей, которые незадолго перед тем копошились внизу на реке перед костром и которых, он, по-видимому, заставил поспешно уйти оттуда.

— Ай-ай-ай, да вот она, сирена-то! — вне себя завизжал снова негр, одною рукою судорожно цепляясь за своего спутника, а другою указывая на смутно обрисовывавшуюся впереди неподвижную фигуру всадника. — Смотри, смотри, Косталь: она сидит на чем-то высоком, вокруг нее сияние, а на голове золотой венец...

Индеец своими орлиными глазами пристально вгляделся в то, на что ему указывал трусливый и наивный негр, и строго оборвал его:

— Ну, как тебе не стыдно молоть такую чушь, Клара! Раз сирена живет в воде, то с какой же стати она будет выходить на землю? Это выходит вроде тех камешков, которые, по-твоему, были золотыми... Нет, — понизив голос, продолжал индеец, — это, кажется, тот самый бледнолицый, который швырял в тебя камни, а вовсе не сирена. Он сидит на лошади и курит сигару, от которой и исходит сияние, а на шляпе у него толстый золотой шнур, принятый тобой за венец. По всей вероятности, это испанский офицер... Эй! Кабальеро! — крикнул он по-испански, подходя к всаднику: — что это вы бродите здесь в такое время?

— Положим, в данную минуту я не брожу, а стою на месте, потому что потерял дорогу и заблудился, — с улыбкою ответил дон Рафаэль. — Кажется, я совершенно неумышленно в чем-то помешал вам? Очень сожалею об этом и прошу извинения. Я хотел просить вас указать мне дорогу и, чтобы привлечь ваше внимание, бросил к вам несколько мелких камешков, которые, во всяком случае, не могли бы принести вам никакого вреда и только разве немного испугали вас. Вот за этот испуг и за то, что я невольно помешал вам, прошу вас принять от меня маленькое вознаграждение.

С этими словами дон Рафаэль достал из кармана и протянул индейцу на ладони два блестящих доллара.

— Благодарю вас, кабальеро,— с достоинством ответил индеец, отклоняя от себя подарок.

Молодой человек с удивлением посмотрел на индейца и, заметив алчный взгляд, брошенный на блестящие монеты негром, также подошедшим в это время к разговаривавшим, сказал, протягивая ладонь с монетами негру:

— Ну, в таком случае не возьмет ли ваш товарищ?

Негр с жадностью подхватил монеты и тотчас же сунул их в карман.

— А теперь позвольте узнать, далеко ли отсюда до гациенды Лас-Пальмас? — снова обратился дон Рафаэль к индейцу, который сразу произвел на него хорошее впечатление тем достоинством, с каким он отказался от подачки, и вообще всем его видом.

— Это зависит от дороги, по которой вы поедете, кабальеро,— ответил индеец.

— Разумеется, я желал бы проехать по самой кратчайшей,— продолжал дон Рафаэль.— Мне надоело плутать здесь.

— Верю, кабальеро, но должен предупредить вас, что кратчайший путь может вам показаться не совсем удобным,— проговорил индеец каким-то загадочным тоном.— Наиболее безопасный путь в Лас-Пальмас ведет вдоль берега вот этой реки; но так как река тут очень извилиста, то и путь по ее берегу длинен. Ближайший же путь к желаемой вами гациенде находится вон там,— прибавил он, указав рукою в противоположную сторону.

В душе индейцу очень хотелось бы сбить с пути человека, который в самый интересный момент на целый месяц, а может быть, и более, отодвинул осуществление его заветной мечты. Но охотник хорошо понимал, что такая проделка не пройдет ему даром: ведь офицер ехал как раз в ту самую гациенду, где он, охотник, находился в услужении.

Пока индеец делал свои указания, с той стороны, где, по его словам, пролегал кратчайший путь к гациенде, вдруг донесся взрыв какого-то дикого воя.

— Это еще что такое? — спросил молодой офицер, невольно содрогнувшись.

— Возглас голодного ягуара, ищущего добычи,— хладнокровно объяснил индеец.

— А! Ну, это не так страшно,— с таким же хладнокровием произнес офицер.— Поеду ближайшим путем. Благодарю за указание.

Дон Рафаэль поудобнее уселся в седле, натянул поводья и, дотронувшись до шляпы, направил своего коня в сторону от реки.

— Позвольте, кабальеро, дать вам еще один добрый совет,— более сердечным тоном проговорил индеец, почему-то почувствовав внезапную симпатию к молодому офицеру.— Старайтесь ехать так, чтобы луна все время была у вас по левую руку, а ваша тень от луны — по правую. У вас добрая лошадь, поэтому поезжайте как можно скорее и нигде не останавливайтесь, пока не доберетесь до гацienды дона Мариано де-Сильва. Если вам попадутся по дороге овраг, рытвина или кустарник, старайтесь переправиться через них напрямиком, а не объезжайте этих небольших препятствий...

— Судя по этому действительно доброму совету, за который я также весьма признателен, и по твоему серьезному виду, друг, меня ожидает на пути какая-то особенная опасность? — догадался молодой офицер.

— Да,— подтвердил индеец,— и даже очень большая. Не пройдет и часа, как весь этот край будет залит наводнением, несущимся сюда с быстротой урагана. Оно снесет все, что встретит на своем пути; даже самые быстроногие звери будут не в состоянии спастись от его страшной силы.

Дон Рафаэль еще раз поблагодарил индейца за это предупреждение и только что хотел было пустить вскачь своего коня, как вдруг с содроганием вспомнил о своем бывшем спутнике, молодом студенте, оставшемся на пути в ожидании помощи. Он поспешил сообщить о нем индейцу.

— Хорошо, кабальеро,— ответил тот,— мы постараемся отыскать его, если он еще жив, и проводим его до гацienды. Вам же еще раз советую думать теперь только о собственном спасении. Если встретитесь с ягуарами, не бойтесь их. Постарайтесь сначала успокоить свою лошадь, а на них только погромче прикрикните, и они тотчас же удерут от вас. Человеческий голос имеет силу устрашать даже самых диких зверей. Белые люди этого не знают... Они, вообще, не знают многого, что хорошо известно нам, краснокожим. Я мог бы кое-что порассказать об этом, но теперь не время. Желаю вам благополучного пути, кабальеро!

Дон Рафаэль еще раз дотронулся рукой до полей своей шляпы и поскакал по указанному ему направлению.

— Какой щедрый! Вот это настоящий господин! — бросил ему вслед молчавший до сих пор негр, весело побрякивая в кармане полученными долларами. — Разумеется, это не то, что дала бы нам сирена, а все же лучше, чем ничего, — прибавил он со вздохом.

— Да, славный кабалльеро! — подхватил и индеец, прислушиваясь к топоту быстро удалявшейся лошади. — Было бы жаль, если бы с ним дорогой случилась какая-нибудь беда. Сначала мне было очень досадно за помеху нашему делу, но когда я увидел его и поговорил с ним, у меня отхлынула от сердца всякая досада, и я теперь, кроме добра, ничего не желаю ему. Вызовом же сирены мы можем заняться и завтрашней ночью. Я вспомнил, что сирену можно вызывать и звуками морской раковины, среди желтых волн наводнения, прямо с лодки...

— А лодку-то ведь мы оставили внизу! — воскликнул негр, внимательно прислушивавшийся к приятным для него словам своего спутника. — Как же теперь нам быть, Косталь?

— Как быть? — с легким раздражением произнес индеец. — Надо будет опять спуститься к реке, взять лодку и перенести ее на Столовую гору. Туда никакое наводнение не достанет. Там у меня есть шалаш, и мы спокойно можем провести в нем ночь... Это все ты с своей трусостью! Бросился бежать, как сумасшедший, а я сдуру последовал за тобой, совершенно забыв о том, что лодка может нам понадобиться. Пойдем скорее опять к водопаду.

С этими словами он поспешно направился вниз к реке. Скрепя сердце последовал за ним и его трусливый спутник, находившийся в двойственном настроении: с одной стороны, ему очень хотелось добыть лодку, чтобы не застрять на горе и следующей ночью опять заняться вызовом сирены, и всласть выспаться, а с другой — он страшно опасался вернуться на то место, где могли сидеть в засаде ягуары. В таком настроении он и следовал за своим бесстрашным товарищем, испуганно прислушиваясь к малейшему шуму и дрожа всем телом.

В небольшом расстоянии от известного уже читателю водопада находилась другая Столовая гора, на вершине которой, по преданию, некогда был храм, посвященный культуре цапотек. Косталь хотя и значился хри

стианином, но в душе оставался верен культуре своих предков. Поэтому он особенно уважал место, где, по его убеждению, был когда-то храм предков, и всегда проводил здесь ночь, когда почему-либо запаздывал домой. Для этой надобности он устроил себе там шалаш и покрыл его банановыми листьями.

Лодка индейца оказалась довольно тяжелой, и негр, помогавший ему тащить ее на гору, всю дорогу страшно охал, стонал, пыхтел и кряхтел, между тем, индеец, не чувствовавший, по-видимому, почти никакой усталости, только подтрунивал над ним.

Наконец лодка была внесена на гору, где находился шалаш Косталя, и положена вверх дном возле шалаша.

— Уф! — произнес, отдуваясь, негр, с наслаждением присаживаясь на лодку и утирая рукавом рубашки обильно струившийся с лица пот. — Слава Богу, уцелел!.. Думал — совсем задохнусь!..

— Руки, ноги отвалятся, спина треснет, голова лопнет, последние мозги выскочат из нее! — насмешливо договорил индеец, присаживаясь на другой конец лодки. — Знаю я твои песни, которые ты тянешь при каждом небольшом усилии.

— А ты разве совсем не устал? — спросил негр, лениво потягиваясь.

— Так. слегка. Я не из таких неженков, как ты, — ответил индеец. — Для меня почти все равно, что по ровному месту идти, что на гору взбираться, даже с ношей. Видишь, и дышу я почти так же ровно, как если бы мы не спеша шли по ровному месту и налегке... Но оставим эти пустяки. Давай-ка лучше теперь поужинаем да и спать. В моем «дворце» найдется кое-что. Пойдем туда, — шутливо проговорил он, кивнув на свой шалаш.

Голодный негр с видимым удовольствием принял это приглашение и поспешил последовать за товарищем, направившимся в шалаш.

Плотно поужинав, хозяин и гость растянулись на полу на мягкой и душистой траве и вскоре заснули под однообразный шум все ближе и ближе надвигавшегося наводнения. Впрочем, раньше заснул хозяин. Этот беспрерывный грозный шум совсем не беспокоил индейца,ознававшего себя в полной безопасности. Что же касается гостя, то тот довольно долго переворачивался с боку на бок: ему все казалось, что сквозь этот гул он слышит рев и вой ягуаров; это сильно пугало его. Но, в конце-концов, успокоенный беззаботным храпом слад-

ко спавшего хозяина, погрузился в сон и его гость. Между тем, ягуары и в самом деле были близко. Спасаясь от наводнения, они также забрались было на вершину горы, но, учуяв там присутствие страшного для них охотника, трусливо сбежали с горы и мимоходом громогласно выразили свою досаду.

Глава 6

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Между тем дон Рафаэль быстро мчался по указанному ему кратчайшему пути к гациенде Лас-Пальмас.

Миля две он ехал по местности, кое-где поросшей стройными пальмами, тянувшимися к небу своими пышными вершинами, и великолепными гуавами, распространявшими сильный аромат. От мерцания звезд, густо усыпавших все небо и еще не затемненных только что показавшейся луною, было достаточно светло, так что конь и всадник свободно могли различать дорогу и все встречавшееся на ней.

Ночь была тихая, и в этой тишине с особенной резкостью разносился сильный шум точно разбушевавшегося моря. Сначала этот зловещий шум доносился издалека и как бы отдельными порывами, теперь же он превратился в сплошной грохот, с каждою минутой все более и более усиливавшийся, и доносился оттуда, куда направлялся всадник.

Индеец предупреждал, что на этой дороге может угрожать опасность наводнения, все сметающего на своем пути. Ожиданием этого наводнения, вероятно обычного в здешней местности, и объяснялись замеченные доном Рафаэлем странности: полное обезлюдение целой области и подвешенные в лесу на деревьях лодки. Очевидно, эти лодки были оставлены и так остроумно размещены на высоких деревьях для злополучных путников, которых могло захватить наводнение.

Дон Рафаэль ехал с востока на запад, то есть как раз навстречу наводнению. Лошадь всадника, судя по охватившему ее трепету, чуяла надвигавшуюся грозную опасность лучше своего хозяина и неслась во всю мочь. Молодой путник надеялся, что ему удастся добраться до гациенды Лас-Пальмас раньше, чем его настигнет наводнение. Но вдруг, как на грех, его сильная лошадь

стала замедлять свой быстрый до сих пор бег, бока ее раздуло и судорожно поводило, дыхание сделалось хриплым. Казалось, еще немного — и бедное животное совсем остановится и упадет.

Как ни был отважен молодой офицер, но и у него невольно дрогнуло сердце, когда он понял весь ужас своего положения, если он лишится лошади. Пока он обдумывал, что тогда ему предпринять, лошадь совсем остановилась и, дрожа всем телом, видимо, готовилась упасть. Точно заявляя, к собственному огорчению, что не в силах более исполнять свою обязанность и прося в этом прощения, она повернула к хозяину голову с умными глазами и жалобно заржала. В это время послышались звуки большого колокола. Это был колокол гациенды Лас-Пальмас, призывавший под свой спасительный кров путников, застигнутых наводнением.

— Что это вы остановились тут и почему сошли с лошади, кабалльеро? Уж не сбились ли вы с пути или не случилось ли чего с вашей лошадью? — вдруг раздался за спиною молодого человека мягкий мужской голос.

Соскочивший с лошади дон Рафаэль поспешил оглянуться. Он увидел перед собою средних лет человека, судя по одежде, погонщика мулов, но сидевшего на хорошей лошади. Погруженный в свои горестные мысли, а отчасти и из-за шума приближавшегося наводнения, офицер не слышал топота этой лошади, поэтому был сильно удивлен внезапным появлением незнакомца. Приятное, умное и вместе с тем открытое лицо этого человека сразу понравилось дону Рафаэлю, и он доверчиво ответил:

— Я остановился потому, что с моей лошадью, действительно, что-то случилось. Должно быть, надорвалась от долгого и быстрого бега. Не знаю, что мне теперь делать?

— Позвольте взглянуть на нее, — проговорил незнакомец, поспешно соскочив с своей лошади. — Я простой погонщик мулов, — продолжал он, — но хорошо знаю и лошадей и других домашних животных и, между прочим, довольно успешно занимаюсь их лечением.

— Пожалуйста! — поспешил изъявить свое согласие молодой офицер.

Погонщик подошел к его лошади, внимательно осмотрел ее, ощупал ее бока, прислушался к ее тяжелому хриплому дыханию и уверенно сказал:

— Да, как я думал, так и есть: скопление застоявшейся крови в одном месте. Это я сейчас улажу и освобожу ее от ненужной ей сгущенной крови. Подержите ее покрепче под уздцы и накройте ей глаза платком. Через минуту все будет в порядке.

Когда дон Рафаэль сделал, что ему было сказано, погонщик достал из кармана небольшой складной нож с острым, как бритва, лезвием. Этим ножом он одним ловким движением руки разрезал тонкую перепонку между ноздрями лошади. Испуганное животное с силою мотнуло головою и, громко взвизгнув от боли, взвилось было на дыбы, но, сдерживаемое сильною рукою своего хозяина и его ласковыми словами, тут же успокоилось, вероятно, поняв, что ничего худого ему не сделают, — напротив, даже принесут пользу.

— Ну, теперь ваша лошадь спасена и безостановочно пробежит во весь карьер еще несколько часов, — проговорил погонщик довольным тоном, вытирая о траву свой нож и снова пряча его в карман. — Позвольте узнать, куда вы едете, кабалльеро?

— В гацпенду Лас-Пальмас, — ответил офицер и, в свою очередь спросил: — Скажите мне ваше имя, чтобы я знал, кого мне благодарить за спасение моей лошади и, быть может, меня самого?

— Меня зовут Валерио Трухано, — скромно ответил погонщик и продолжал: — Человек я маленький и не совсем удачливый в жизни. Но я утешаю себя тем, что по мере сил и возможности исполняю свой человеческий долг, а все остальное предоставляю на волю Божию.. Мне с вами по пути, кабалльеро. Поедьте вместе. Но сначала позвольте попросить милосердного Бога избавить нас от надвигающейся опасности потому что теперь только Он один и может помочь нам.

Пока дон Рафаэль, не решившийся даже предложить вознаграждение этому славному человеку за его помощь, усаживался на совершенно уже оправившегося своего коня и готовился снова пуститься в опасный путь, Трухано опустился на колени, снял с головы свою широкополюю, сильно поношенную шляпу, поднял глаза к ярко сверкавшим на безоблачном небе звездам и громким, проникновенным голосом прочитал псалом, начинающийся словами: «Из бездны взываю к Тебе, Господи! Господи, услыши глас мой!».

Затем он также вскочил на свою лошадь, и оба всадника быстро поскакали прямо навстречу грозной опас

ности. Сквозь зловещий шум и рев разнуздавшейся стихии продолжали слабо прорываться призывные звуки колокола, торопившие запоздалых путников.

Глава 7

ДВЕ СИЛЬФИДЫ

Как известно, зима в южных широтах заменяется периодом ливней. Этот период там начинается в июне и кончается в октябре. В течение этого времени реки все более и более выступают из берегов, а к концу его, в октябре, все эти реки соединяются и, разлившись по обширным равнинам, образуют необозримые озера. И, разумеется, пока желтые, насыщенные песком и илом, воды не успокоятся в этих озерах, они в бешеном натиске на встречающиеся препятствия все уничтожают на своем пути.

Такие озера, из которых местами выглядывают вершины затопленных деревьев, усеяны островками, то есть высокими плоскогорьями, так называемыми «Столовыми горами». Население деревень и гацienд, расположенных на этих безопасных высотах, спокойно остается на месте, предварительно запасшись всем необходимым для своего существования. По самим озерам по вечерам шныряют во всех направлениях разукрашенные флагами всевозможные лодки и барки. В этих судах катается нарядная, веселая молодежь, оглашающая окрестности смехом, музыкою и пением.

На одной из таких высот стояла и гацienда дона Мариано де-Сильва, Лас-Пальмас. Это была обширная, богатая, образцово устроенная усадьба, обведенная довольно высокою и массивною белою каменною оградой.

Господский дом своим фасадом с множеством окон, защищенных красивыми зелеными шторами-ставнями, смотрел на равнину, раскидывавшуюся во все стороны. Из равнины на гору вела широкая и отлогая, хорошо шоссированная дорога, также замкнутая с обеих сторон белою каменною оградой. Сверху эта дорога упиралась в монументальные ворота, а внизу — в другие, более легкие, но двойные, которые вели во внутренний двор гацienды. Вообще вся усадьба представляла собою настоящую крепость, которая, в случае надобности, могла вы-

держат какую угодно осаду. К гациенде принадлежали обширные плодоносные земли и леса, примыкавшие к ней. Свое название она получила от целого леса окружавших ее роскошных пальм.

В одной из богато убранных комнат второго этажа гациенды одевались к ужину обе хозяйские дочери: семнадцатилетняя Гертруда и шестнадцатилетняя Марианита. Обе девушки были одарены той исключительной красотой, которою отличаются креолки, и их недаром называли лас-пальмасскими сильфидами.

Приколотив к лифу палевого платья ярко-красный бант и этим довершив свой туалет, Марианита подошла к открытому окну и стала смотреть на равнину. Между тем, как ее старшая сестра, вся покрытая точно мантией своими только что распущенными длинными, густыми черными волосами, полулежала в легком плетеном кресле, ожидая, когда волосы «отдохнут» и их можно будет укладывать под гребенки.

— Все еще никого не видно: ни дона Фернандо ни дона Рафаэля, между тем скоро уж будет совсем темно! — досадливым тоном проговорила Марианита. — Кажется, я совсем напрасно так вырядилась.

— Не горюй, твой Фернандо наверное не замедлит приехать, — утешала старшая сестра младшую.

— Ты говоришь это так спокойно потому, что не ожидаешь жениха, как ожидаю я! — с живостью возразила Марианита. — Ты, должно быть, и понятия не имеешь о том, что значит любить? Я от нетерпения скорее увидеть своего жениха готова прийти в полное отчаяние, а ты ведешь себя точно деревянная кукла, и даже не спешишь одеваться. Хороша невеста!.. Ах, вот, наконец, и всадник! — быстро перешла она на другой тон и указала рукой в окно.

— А на какой он лошади? — спросила Гертруда, и больших темных глазах которой мелькнул огонек.

— Увы! Этот всадник не на лошади, а на муле! — разочарованно воскликнула Марианита. — Да, это не красивый рыцарь, который разогнал бы нашу скуку, и какой-то священник... Впрочем, был же у нас недавно молодой падре. Он не хуже кого другого играл на мандолине и красиво пел разные песенки. Может быть, и этот... Едет прямо к нам... несется вскачь... Вот увидел меня, кланяется... Придется, пожалуй, сойти вниз и поцеловать его руку, — с легкой гримаской добавила девушка.

— А не едет ли вслед за ним и еще кто, вроде твоего Фернандо? — процедила сквозь зубы Гертруда тоном, в котором слышались скука и разочарование.

— Еще?.. Да и в самом деле кто-то едет и тоже очень спешит,— ответила Марианита, снова выглянув в окно, от которого уже отвернулась.— Ну, это какой-то погонщик с целым десятком нагруженных мулов. Он погоняет их изо всех сил и также направляется сюда. Что бы это значило? Уж не случилось ли чего особенного? Эти люди точно спасаются от какой-то опасности... Да, наверное, что-то случилось,— с все возрастающей тревогою продолжала девушка.— Слышишь, Гертруда, какой шум поднялся на дворе? Как только священник въехал во двор, вся наша челядь взбудоражилась и загалдела. Должно быть, священник привез какую-нибудь дурную весть... Господи! уж не готовятся ли напасть на нашу гациенду эти разбойники-повстанцы? Говорят, они...

— Как тебе не стыдно, Марианита, называть разбойниками людей, которые поднялись на защиту своей свободы и во главе которых идут лучшие люди?! — с негодованием прервала сестру Гертруда.

— Да как же они не разбойники? — возразила Марианита.— Ведь они ненавидят испанцев, а в наших с тобой жилах течет испанская кровь, притом и наши женихи испанцы. Я так люблю своего...

— Мне кажется, ты только воображаешь, что любишь его,— снова перебила Гертруда.— Истинная любовь выражается совсем не так, как у тебя.

— Ну, уж позволь мне самой знать, люблю я его или нет! — горячо возразила Марианита.— Во всяком случае я готовлюсь сделаться его женою и не хочу быть с ним разных убеждений. Да и наш отец...

Вдруг раздавшиеся на дворе звуки набатного колокола положили конец опасной беседе сестер,— опасной потому, что она коснулась темы, которая тогда в Мексике часто превращала самых близких людей во врагов и поселяла раздор в семьях, разделяя их на два противоположных лагеря.

Услыхав звуки колокола, Марианита бросилась было к дверям, чтобы спуститься вниз и узнать, что случилось, но была остановлена внезапным появлением горничной, которая, вся запыхавшись, испуганно вскричала, едва успев переступить порог комнаты:

— Спаси нас, Пресвятая Дева Мария!.. На нас на-

двигается наводнение!.. Вода уже подступает.. она совсем близко!..

— Наводнение?! — в один голос испуганно воскликнули сестры.

Марианита в ужасе крестилась, а Гертруда, вдруг изменив своей напускной сдержанности, вскочила с кресла и, подбирая на ходу обеими руками свои роскошные волосы, подбежала к окну. Выглянув в него, она невольно воскликнула:

— Спаси, Господи, Рафаэля!

— Спаси, Господи, Фернандо! — вторила ей с дрожью в голосе младшая сестра.

— Спаси, Господи, всех, кого застигнет в пути на воднение! — воскликнула, в свою очередь, горничная и в утешение своей младшей госпожи, поспешила сказать ей. — Насчет дона Фернандо не беспокойтесь, сеньорита: он прислал одного из своих вакеров к дону Мариано с известием, что прибудет сюда завтра в лодке... Ну, теперь мне нужно бежать опять вниз: я там нужна, — прибавила она и поспешно вышла из комнаты.

— Приедет в лодке! — радостно повторила вся приснявшая Марианита. — Слышишь, Гертрудочка: Фернандо приедет в лодке? Ах, как это будет весело! Мы отправимся ему навстречу в нашей парадной барке, убранной пестрыми флагами и цветами. Я непременно упрошу папу...

Но, взглянув нечаянно на сестру, она невольно прикусила язык и устыдилась своей эгоистичной радости. Гертруда, полуприкрытая волнами своих роскошных волос, лежала распростертая на полу перед изображением Мадонны.

— Прости меня, моя дорогая Гертрудочка! — сквозь вдруг нахлынувшие слезы виновато проговорила она, опускаясь на колени рядом с сестрой и целуя ее в низко склоненную голову. — Прости мне, что я в своей себялюбивой радости не заметила, что творится с тобой... Так ты, значит, любишь дона Рафаэля?

— Не знаю... Могу сказать только то, что если бы он умер, — умерла бы и я, — произнесла еле слышным голосом Гертруда, подняв голову и повернув к сестре свое прекрасное, но теперь смертельно бледное лицо.

Марианита бросила взгляд на лицо сестры и продолжала самым нежным тоном:

— Вижу, вижу, что любишь. Не бойся, дорогая Гертрудочка, Пресвятая Дева Мария помилует и спасет его.

Я вместе с тобой помолюсь за него,— в порыве жалости и непоколебимой детской веры прибавила девушка и также молитвенно распростерлась у подножия Мадонны.

— Взгляни, пожалуйста, Марианточка, опять в окно: не едет ли еще кто... Может быть, и Рафаэль... Я чувствую, что он... Но сама не могу,— попросила через некоторое время прерывистым голосом Гертруда, не меняя своего коленапоклоненного положения перед священным изображением.

Марианита тотчас послушно поднялась, утерла платком заплаканные глаза и снова подошла к окну. Золотистая дымка, покрывавшая до сих пор равнину, сменилась пурпурно-фиолетовой. Но не было видно больше ни одного живого существа.

— Никого больше нет,— заявила Марианита.— Вернее всего, дон Рафаэль был заранее предупрежден о грозящей опасности и явится потом в лодке,— добавила она, чтобы успокоить сестру.

— Нет, нет, этого быть не может! — возразила Гертруда с несвойственной ей страстностью.— Я чувствую... я уверена, что он должен быть непременно сегодня вечером... даже ночью. Он пренебрежет всеми опасностями, лишь бы... Наверное он уж близко... Смотри хорошенько, милая Марианточка, во все стороны... Мои глаза застилаются слезами, и я сама ничего не могу разглядеть. Смотри как можно внимательнее. Он должен быть на своем любимом коне... Ах, как я люблю этого благородного боевого коня, который столько раз выносил своего господина целым и невредимым из самых жарких схваток с врагами! Сколько раз я снимала с своей головы цветы, чтобы украсить ими прекрасную гриву этого чудного коня... О, Пресвятая Дева Мария! О, сладчайший Иисусе! Спасите моего дорогого Рафаэля...

Пока происходила эта беседа между сестрами, наводнение продолжало свое пагубное дело. К частым и резким ударам набатного колокола стал примешиваться громоподобный гул быстро надвигавшейся воды, которая уже начала заливать равнину. В воде эффектно отражались двойные отблески: золотистого серпа луны, только что появившейся на безоблачном небе, и красноватых сигнальных огней, зажженных по распоряжению дона Мариано на плоской кровле гацненды и на ее вышке, чтобы указать путь тем, которые, быть может, еще бродили по равнине и искали спасения от воды. Таким

образом, слух и зрение злополучных путников были предупреждены о грозной опасности, и путники, находившиеся еще в отдалении, могли вовремя вернуться назад; тех же, которые уже находились вблизи гацпенды, звуки колокола и блеск огней должны были ободрить.

Марианита, продолжавшая наблюдать в окно, сообщила сестре все, что замечала снаружи. Когда наводнение уже захватило все пространство, которое молодая наблюдательница могла охватить глазом, и волны с страшным шумом стали яростно разбиваться о подошву горы, увенчанной гацпендой, перед ними показались два всадника, несшиеся во весь карьер.

Наблюдательница тотчас же заметила их и испуганно вскричала:

— Гертруда, Гертруда, сюда, прямо наперерез воды, вихрем несутся два всадника!.. О, Господи, вдруг, они опоздают?.. Наши с вышки машут им руками... А вот несколько наших вакеро также понеслись верхом вниз по шоссе, навстречу им... У каждого из них в руках лассо, чтобы, вероятно, бросить его, если кто из всадников будет тонуть... Да лучше подойди сама к окну, Гертруда. Я не знаю, кто эти всадники. Может быть, один из них дон Рафаэль. Крикни ему погромче... твой голос сразу ободрит бы его, и оп...

— Ах, нет, мне не вынести такого ужасного зрелища! — со стоном отозвалась старшая сестра. — Я могу только молиться о спасении... Смотри лучше ты одна, Марианита, и говори мне, что увидишь.

— Оба всадника на карих лошадях, — продолжала передавать свои наблюдения младшая сестра, сама трясясь, как в злейшей лихорадке. — Один из них невысокого роста и одет, как погонщик мулов...

— А другой? — нетерпеливо прервала сестру Гертруда.

— Другой — гораздо выше и сидит на лошади совсем прямо, точно едет на прогулку...

— А какой он видом?.. Лицо его? — снова перебила Гертруда умоляющим голосом.

— Лицо?.. — запнулась было Марианита, но тотчас же продолжала: — Впрочем, теперь я вижу и его лицо. Он очень красивый, с черными усами и благородными чертами лица. На его черной шляпе блестит золотой шнур... Он совсем спокоен, точно не видит никакой опасности. По-видимому, это очень храбрый...

— Это он, он! — голосом, полным радости и отчаяния воскликнула Гертруда.

И быстро вскочив на ноги, она бросилась было к окну, но в двух шагах от него лишилась сил и беспомощно упала на пол.

Марианита кинулась к ней на помощь, но Гертруда отстранила от себя сестру и сказала ей слабым голосом:

— Продолжай, пожалуйста, свои наблюдения, Марианита, и говори мне... О, Господи, спаси его!

— Спаси их, Пресвятая Дева Мария! — прошептала и Марианита; подойдя затем к окну, снова принялась смотреть в него.— Вот они барахтаются в воде,— продолжала она задыхающимся от волнения голосом.— Но пока вода еще не так глубока, едва доходит до колен лошадям... Они бегут по ней... еще несколько скачков и они будут у наших нижних ворот... Ах, нет, нет, не успевают: вода становится все глубже и глубже!.. Вот они уж поплыли... кони и всадники держатся по-прежнему спокойно... Тот, который поменьше ростом, даже что-то запел, но что именно, никак не разберу. (Девушка высунула из окна голову и прислушалась). Ах, теперь слышу, слышу! — воскликнула она.— Он поет: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!..» Иисус Мария! — вдруг пронзительно вскрикнула она: — я их больше не вижу... вода совсем покрыла их!

На несколько мгновений в комнате наступило мертвое молчание, нарушаемое лишь доносившимися снаружи грохотом вод и криками людей, желавших оказать помощь борющимся с грозной стихией.

Старшая сестра, почти вся покрытая мантией из водос, лежала ничком на полу, лишенная движения и голоса, а младшая стояла около нее на коленях и, содрогаясь всем телом, тихо шептала молитвы.

Но вот младшая поднялась, подошла к окну и снова ныглянула в него.

— А, теперь я опять вижу их! — радостно воскликнула она.— Но в седле остался только один... тот, высокий, с черными усами, а другой, поменьше, несется по воде без лошади... Вот высокий поймал его, поднял и положил поперек своей лошади... Какая, однако, у него сила: поднял взрослого человека, как ребенка!.. Да и конь его, должно быть, такой же сильный: борется с волнами и несет на себе сразу двоих... Вот он приближается с ними к ограде и... О, Пресвятая Дева Мария, неужели Ты дашь

погибнуть этому храброму кабальеро, который так мужественно борется не только за собственную жизнь, но и за чужую?

— Это он, он, Рафаэль! — с гордостью воскликнула Гертруда, начиная, наконец, приходить в себя и приподнимаясь. — Кто же еще в состоянии совершать такие подвиги?

Но появившаяся было у нее надежда снова исчезла, когда Марианита, задыхаясь от волнения, вдруг крикнула:

— Господи, какой ужас! На них несется огромное дерево... оно налетит на них, и тогда они...

— Святой архангел, имя которого носит он, защити его! — воскликнула Гертруда, опускаясь на колени и простирая кверху дрожавшие руки. — Матерь Божия, утиши ярость вод и спаси моего Рафаэля от гибели... Я пожертвую Тебе за его спасение свои волосы.

Креолки больше всего гордятся своими роскошными волосами и дорожат ими, как сокровищем. Поэтому Гертруда не могла принести за спасение своего возлюбленного большей жертвы. И эта жертва точно была принята, и мольба жертвовательницы услышана, потому что наблюдательница продолжала уже другим тоном:

— Но, слава Богу, теперь они, наверное, будут спасены! Наши молодцы-вакеры остановили своими лассо дерево и крепко держат его. Храбрый кабальеро мог бы перебраться на это дерево, и вакеры тотчас подхватили бы его, но он, по-видимому, этого не хочет, потому что, должно быть, не желает покидать в такой опасности ни своего коня ни спутника. Умный конь, вероятно, хорошо понимает своего хозяина. Он напрягает все свои силы и старается плыть вокруг дерева. Вот он уж и под стеною. Вакеры подхватывают его и всадников... Конь не отбивается, значит понимает в чем дело... Ну, вот, и слава Богу, Пресвятой Деве и всем святым... Милая Гертрудочка, успокойся: все спасены! Не даром ты обещаешь отдать свои чудные волосы... Неужели тебе не будет жаль их? Ведь они стоят...

— Чего бы они ни стоили, я с радостью отдам их за спасение Рафаэля! — воскликнула в экстазе Гертруда. Он сам своими руками и снимет их с моей головы! восторженно прибавила она сквозь радостные уже теперь слезы.

МЕЖДУ ДВУМЯ ОПАСНОСТЯМИ

Спасаясь от страшного охотника, ягуары, как мы видели, покинули Столовую гору. Прыгнув в воду, они направились к ближайшим деревьям с целью забраться на какое-нибудь из них. Вскоре звери очутились как раз на одном из тех двух тамариндов, между которыми, в гамаке, крепко спал студент богословия, дон Корнелио Лантехас.

Среди ночи сладкий сон его внезапно был прерван. Молодой человек вдруг проснулся под влиянием какого-то внутреннего побуждения. Очнувшись, он увидел себя повисшим над огромным озером, мутные волны которого яростно шумели всего в нескольких дюймах под ним. При этом неожиданном зрелище студент невольно испустил громкий крик ужаса. Точно в ответ, над его головой тотчас же раздалось какое-то злобное фыркание и шипенье. Взглянув наверх, молодой человек не мог сразу понять в чем дело; страшно испуганный, он неподвижным взором продолжал смотреть на бурлившие вокруг него воды.

Когда к нему явилась, наконец, способность рассуждать, он догадался, что попал в полосу наводнения, понял теперь и причину отсутствия населения и значение подвешенных к деревьям лодок.

Положение было очень незавидное. Плавать дон Корнелио не умел, да если бы и умел, то едва ли решился бы на попытку переплыть озеро, которое, как ему казалось, простиралось от одного горизонта до другого.

В довершение всего молодой человек вскоре почувствовал, что не только под ним и вокруг него, но и над ним витает грозная опасность. Подняв инстинктивно голову, он увидел несколько огненных точек, похожих на горячие уголья. Вглядевшись в огненные точки, студент понял, что это должны быть глаза каких-нибудь хищных зверей, вернее всего ягуаров; вряд ли другое животное могло взобраться на дерево по совершенно гладкому стволу.

Положение злосчастливого студента оказывалось не только отчаянным, но прямо безвыходным: вниз — вода, по всей вероятности, еще не достигшая наивысшего

уровня и ежеминутно готовая добраться до гамака; сверху — кровожадные звери, которые, быть может, из боязни не решатся напасть на него сами, зато и его не допустят подняться к ним.

В таком положении молодой человек был осужден провести остаток ночи, и немудрено, если этот остаток показался ему целой вечностью. Разумеется, он ни на одну минуту не мог сомкнуть глаз.

Наконец наступило утро, которого с таким нетерпением и с такой тоскою ожидал несчастный богослов. Но и утро не принесло ему никакого утешения. Напротив, оно указало еще на одну опасность, которой в ночной темноте он не мог видеть. Оказалось, что на вершине дерева сидели не только ягуары, но и другие не менее страшные живые существа — огромные змеи, обвивавшие своими длинными хвостами ствол дерева и свешивавшие вниз свои отвратительные головы с разинутыми пастьми в каждой из которых, среди острых зубов, сверлилось смертоносное жало.

Совершенно подавленный этой новой опасностью, дон Корнелио опять обвел полными отчаяния глазами безграничную водную поверхность в слабой надежде найти выход из ужасного положения, в котором он очутился. Но вокруг ничего не было видно, кроме крутившихся мутных вод, по которым там и сям неслись вырванные с корнями деревья с цеплявшимися за них, полумертвыми от страха, волками, лисицами и другими крупными и мелкими дикими животными. Высоко в воздухе парили орлы-стервятники, коршуны и другие пернатые хищники, испускавшие при виде близкой добычи пронзительные крики алчности.

Отвернувшись от этой безотрадной картины, дон Корнелио взглянул на ягуаров, притаившихся в листве тимариндов. Ясно было, что эти звери борются между страстным желанием наброситься на лежавшего под ними человека, чтобы полакомиться им, и трепетом за собственную жизнь. Временами голодные звери даже зажмуривали глаза, чтобы не видеть находившегося у них под носом лакомства, которое может оказаться для них роковым. Змеи же, отвратительные головы которых продолжали раскачиваться над молодым человеком, беспокойно то сжимали вокруг дерева свои кольца, то снова разжимали их; должно быть, и эти пресмыкающиеся чувствовали себя не совсем хорошо среди зверей и человека и тоже не знали, что им предпринять.

Машинально стянув над собою складки широкого гамака и крепко поддерживая их обеими руками, богослов старался лежать совсем неподвижно. Он боялся пошевелиться или крикнуть, чтобы его движение или звук голоса не побудили зверей и гадов наброситься на него.

Так прошло более часа, как вдруг над поверхностью темного успокоившихся вод разнеслись звуки, походившие на рожковые, но более грубые, глухие и хрипловатые. Эти звуки испускал Косталь из своей раковины. Индеец вместе с негром плыл в лодке по желтым волнам разлива и этими звуками желал дать знать о себе студенту, которого разыскивал.

Дон Корнелио, обративший внимание на эти звуки, поспешил взглянуть в ту сторону, откуда они исходили. Он вскоре увидел подплывавшую лодку с двумя людьми, гребцом и кормчим. Гребец по временам опускал весла и подносил ко рту раковину, после чего и раздавались звуки, поразившие молодого человека своей странностью.

При виде пловцов дон Корнелио не мог больше терпеть и крикнул им, призывая их на помощь.

— А, подает голос! Значит, еще жив! — заметил Косталь, тонкий слух которого сразу уловил этот крик, хотя до дерева, на котором сидел тот, кто кричал, было еще довольно далеко. — Надо поспешить! — добавил индеец, сильнее налегая на весла. — Но где он тут?.. А, вижу, вижу: он в том вон гамаке, который висит над водою, и над ним звери и гады. Вот так положение!

Индеец невольно расхохотался, и этот хохот, также донесшийся до дона Корнелио, несмотря на всю его неуместность, показался студенту приятнее всякой музыки. Негр тоже хотел было рассмеяться, но тут же осекся, услышав страшный рев ягуаров, возбужденных криком молодого человека и приближением лодки, в которой они увидели своих вчерашних преследователей.

— Косталь, смотри, смотри, никак и тут опять эти проклятые ягуары?! — испуганно вскричал негр с искаженным от страха лицом.

— Разве? — удивился индеец. — Значит они вместе со студентом? Вот так штука!.. Эй, сеньор! — крикнул он, приближаясь к тамариндам: — С кем вы там в компании?

— Со мною четыре ягуара и несколько змей! — во всю мочь своих легких крикнул в ответ дон Корнелио.

— Назад! Назад, Косталь! — взвизгнул негр. — Слышишь, там ягуары и змеи?!

— Тем скорее мы должны выручить человека, — спокойно проговорил индеец и еще сильнее заработал веслами, несмотря на отчаянные протесты негра.

Несколько минут спустя лодка очутилась возле гамака, в котором лежал дон Корнелио, повиснув между водою, ягуарами и зверями.

— Потерпите еще немного, сеньор. Сейчас мы избавим вас от ваших приятных соседей! — крикнул богослову индеец.

— Отойти бы нам, Косталь, немножко в сторону да там и обсудить, что делать, — лукаво посоветовал негр в тайной надежде, что, быть может, им удастся совсем ускользнуть от опасности.

— Тут нечего и обсуждать, — возразил индеец, стараясь удерживать лодку возле гамака.

— Вот и я говорю то же самое! — обрадованно подхватил негр. — Надо скорей отойти отсюда да и...

— Ну, я сказал не в том смысле, — разочаровался охотник и, схватив свой карабин, прибавил: — Старайтесь удерживать лодку на месте, Клара.

— А ты что хочешь делать, Косталь? — тревожно спросил негр, взявшись за весло.

— Хочу попробовать уговорить одного из этих красавцев... вот того, который больше всех будоражится. Не бойтесь, сеньор! — обратился он к студенту: — охотник на тигров и стреляю без промаха! Лежите спокойно и не высовывайтесь из гамака!

Между тем, ягуар-самец, вероятно, почуяв для себя опасность, принялся испускать такой страшный рев и с такой яростью сдирал своими железными когтями кору с дерева, что негр совсем помертвел от страха. Но тут раздался выстрел охотника; зверь с предсмертным топотом свалился с дерева в воду и скрылся под ней.

— Отводи скорее отсюда лодку, Клара! — командовал охотник. — Скорей! Скорей! Иначе самка прыгнет в нее!

С этими словами он приготовил свой длинный охотничий нож, готовясь встретить врага. Между тем негр,

в страхе и впоыхах, никак не мог справиться с веслами, и лодка вертелась на одном месте.

Огорченная и взбешенная гибелью супруга, ягуариха с диким воем бросилась было на ближайшую к ней жертву — неподвижно лежавшего в гамаке студента, но движение сильно заколебавшегося под ее тяжестью гамака принудило ее сделать второй прыжок прямо в лодку. Лодка от этого грузного толчка сразу перевернулась вверх дном, все ее седуки попадали в воду и скрылись в ней.

Но через мгновение они появились на поверхности. Негр вопил душераздирающим голосом и, лишившись последних остатков сообразительности, стремился в обратную сторону от индейца, которого сам же звал на помощь. Тем временем индеец, — сильный, ловкий, превосходный пловец и никогда ни перед какой опасностью не терявшийся, — заметил, что его трусливого товарища начинает настигать ягуариха. Сжав рукоятку ножа в зубах, охотник несколькими могучими взмахами рук мгновенно очутился между негром и хищницей, лицом к последней. Взгляды противников встретились. Глаза человека смотрели холодно и спокойно, а глаза зверя — яростно и дико.

Вдруг охотник нырнул в воду. Пораженная его внезапным исчезновением, ягуариха с минуту неподвижно оставалась на месте, потом, вероятно, воображая, что ее противник утонул, бросилась назад к дереву, на котором продолжал сидеть ее детеныши. Но в некотором расстоянии от дерева она вдруг пронзительно взвизгнула и, барахтаясь, стала тонуть, точно ее втягивала водяная воронка. Немного спустя ягуариха снова показалась на поверхности, но уже брюхом вверх, т. е. мертвою, и тихо понеслась вниз по течению, вслед за своим супругом, труп которого, вскоре после погружения в воду, также всплыл на поверхность. Из ее распоротого бока потоками лилась алая кровь, окрашивая вокруг нее желтые волны.

В свою очередь вновь появился на поверхности и охотник. Он был цел и невредим и даже ухитрился опять вложить свой нож в висевшие у него на поясе кожаные ножны. Быстро догнав отнесенную в сторону лодку, он снова перевернул ее дном вниз и, придерживаясь за ее край, направил ее в ту сторону, где плавали вывалившиеся из нее весла. Он выловил их, взобрался потом в

лодку и направился к барахтавшемуся в воде негру, которому также помог влезть в лодку. После этого он снова направил лодку к гамаку на помощь студенту, который, забыв о своем опасном положении, с изумлением и восхищением смотрел на подвиги индейца.

Когда студент, при помощи того же индейца, был благополучно перемещен из гамака в лодку, и она стала отходить от этого места, негр вдруг обратился к индейцу с вопросом:

— Косталь, что ж, мы так и бросим шкуры ягуаров? Ведь за них дадут, по крайней мере, двадцать долларов!

— Ну, лови их и получай за них хоть вдвое больше! — ответил охотник.

— Да я не умею с ними обращаться, — жалобно произнес негр. — Да и как их выловишь? Может быть, звери еще живы. Ведь тогда они меня...

— А не умеешь и боишься, так сиди и молчи — перебил охотник и, обратившись к дону Корнелио, спросил: — Куда прикажете доставить вас, сеньор?

Молодой человек, выразив индейцу свое восхищение его подвигами и благодарность за свое спасение, назвал себя и своего дядю, в гациенду которого ему и хотелось бы попасть.

— Ну, это довольно далеко отсюда и нам пришлось бы слишком долго плыть туда, — сказал охотник. — Пожалуйста лучше отвезти вас, сеньор, в гациенду Лас-Пальмас. Она гораздо ближе и ее хозяин, дон Мариано де Сильва, никому не отказывает в приюте. Вы у него отдохнете, а потом и отправитесь к вашему дяде.

Дон Корнелио оценил всю разумность предложения индейца и поспешил согласиться с ним. Косталь заставил негра взяться за весла, а сам стал управлять рулем, ловко лавируя между деревьями и другими предметами, плывшими по воде. Молодой человек сидел против него, и они вступили в беседу.

— Скажите, пожалуйста, кто вы такой? — начал дон Корнелио.

— Что я индеец — это вы и сами можете видеть, ответил охотник, — и мне остается только добавить, что я происхожу по прямой линии от кациков, когда-то могущественного племени цапотек. Раньше служил охотником на тигров у вашего дяди, дона Матиаса де-Цинки, а в настоящее время нахожусь на службе у донна

Мариано де-Сильвы, в гациенду которого вас везу. Там, повторяю, вы найдете приют, поуспокойтесь от пережитых вами волнений и... Кстати: ведь вы, вероятно, ехали сюда на лошади, где же она?

— Наверное погибла в воде,— сказал молодой человек.— Но я не особенно тужу о потере: она была уж слишком стара и не могла скоро бежать. Вот почему я и не успел вовремя добраться до гациенды дяди.

— А, вот оно что! — произнес сочувственным тоном охотник.— Да, ваше положение было не из завидных. Но вы не беспокойтесь: у дона Мариано много лошадей, и он вам даст любую из них. На ней вы потом и доберетесь до гациенды дона Матиаса. Она находится в горах, довольно далеко, так что совершить туда путь пешком будет очень утомительно... Ах, да! — вдруг прервал он сам себя; — мне еще нужно отыскать свой карабин. Он должен быть вот в том месте... Клара, держи правее. Еще... еще! Ну, теперь довольно.

Индец встал на нос лодки, поднял вверх руки и, соединив их над головой, бросился в воду. Несколько времени его совсем не было видно, и только водяные пузыри, там и тут появлявшиеся на воде, показывали, где он отыскивает свой карабин.

Наконец, в некотором расстоянии от лодки, сначала показалась над водою голова индейца, потом и он сам. В одной руке он держал высоко над головою свой карабин, а другою греб по направлению к лодке. Взобравшись снова в лодку, он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы набрать в легкие воздуху, потом, бережно уложив на дно лодки драгоценное для него оружие, приказал негру направить лодку к гациенде Лас-Пальмас.

Глава 9

ДВА ГОРЯЧИХ СЕРДЦА

Мы уже знаем, что отец Рафаэля, дон Луис Трэс-Виллас, был испанцем, но одним из тех умных испанцев, которые раньше других поняли необходимость политических уступок креолам, вроде хотя бы таких, какие им сделал дон Хозе Итурригарай. Такие уступки были даже в интересах самих испанцев.

Дон Луис, состоявший офицером вице-королевской гвардии, был одним из самых убежденных сторонников Итурригарая, и когда последний был арестован, отправлен в узах в Испанию, дон Луис понял, что такое насилие должно послужить к полному разрыву между испанцами и креолами.

Получив известие о восстании Гидальго, дон Луис послал нарочного к своему сыну с приглашением, немедленно приехать домой. Следуя этому приглашению, молодой капитан королевских драгун тотчас же исходатайствовал у начальства отпуск и отправился к отцу.

Нужно сказать, что за год перед тем дон Рафаэль на одном из блестящих столичных балов встретился с Гертрудой де-Сильва, которую ее родители в первый раз вывезли в свет. Увидеть прелестную креолку и влюбиться в нее — было для молодого человека делом одного мгновения. Раньше, хотя он и бывал в доме де-Сильва, но ему не приходилось видеть этой девушки, потому что она воспитывалась в монастыре. Увидев же ее на бале, дон Рафаэль попросил ее родителей представить его ей и получил от них приглашение бывать у них запросто.

Вскоре все заметили, что молодая парочка без ума друг от друга. Никто против этого ничего не имел; наоборот, все находили это в порядке вещей. Происхождение, состояние, лета, наружность, даже основные черты характера этой парочки вполне подходили, чтобы составить образцовую во всех отношениях партию. Ожидалась скорая свадьба, но молодой офицер вдруг получил дальнюю командировку, семья де-Сильвы вернулась в свою гаудиенду, и все оборвалось.

В разлуке с молодой девушкой дон Рафаэль стал терзаться злейшими сомнениями в ее взаимности. В сущности им не пришлось даже объясниться друг с другом. Дон Рафаэль, по юношеской робости, все откладывал это объяснение со дня на день; когда же, наконец, он твердо решился сделать признание, явилась командировка, и в последнее, прощальное, свидание, происшедшее на глазах у всех, он не решился высказать девушке того, что у него было на сердце.

Сомнения молодого человека все росли и росли, и, в конце концов, он внушил себе мысль, что совершенно недостоен такой прелестной во всех отношениях девушки, как Гертруда де-Сильва, что он только вообразил,

будто и она отвечает ему взаимностью, и что, поэтому, лучше всего постараться забыть ее.

В это время священник-воин, Гидальго, поднял знамя восстания против владычества испанцев. Дон Рафаэль, с детства пропитанный либеральными идеями своего отца, а также и тем, что дон Мариано с дочерью тоже страстно мечтали об освобождении своей страны, решил стать под знамя Гидальго. Кстати молодой человек надеялся, что это великое дело отвлечет его от любовной тоски или славная смерть на поле брани навсегда избавит его от сердечных страданий.

Но в это время он получил приглашение отца немедленно приехать к нему. Дон Рафаэль понял, что отец призывает его с целью уговорить примкнуть к делу Гидальго. Это, а главное вновь вспыхнувшая надежда опять увидеть Гертруду и узнать свою судьбу, заставило молодого человека лететь сломя голову из столицы Мексики, где он в то время находился, в отдаленную Оахаку.

Нарочный отца должен был вернуться к своему хозяину на несколько дней раньше, чем мог прибыть сам дон Рафаэль; последнему нужно было еще хлопотать об отпуске и перед отъездом побывать кое у кого в столице. Нарочный привез дону Луису письмо от его сына, в котором тот, извещая о своем скором приезде, просил отца послать сказать дону Мариано де-Сильва, что он, Рафаэль, надеется, по пути к родному дому, побывать в гациденде Лас-Пальмас.

Эта весточка наполнила невыразимую радостью сердце Гертруды и подняла упавший было дух девушки. В продолжительной разлуке с тем, на кого девушка уже смотрела, как на своего будущего мужа, она вся истерзалась, думая, что ошиблась в нем, тем более, что от него столько времени не было никаких вестей. Только взглянув друг другу в глаза, снова увидевшиеся молодые люди поняли, что они ошибались не тогда, когда верили в свою взаимную любовь, а в то время, когда стали сомневаться в ней.

Прибытие молодого человека, на которого в доме дон Мариано смотрели, как на будущего члена его семьи, и чудесное его спасение, были отпразднованы в тот же вечер веселым ужином, обильно орошенным старыми испанскими винами. А на другой день, в честь того же радостного события, перед обедом было устроено ве-

селое катанье по новообразовавшемуся мутно-желтому озеру. Роскошно убранною, раззолоченной баркой, под красным шелковым наметом, управляли сами сестры де-Сильва. Нежные и нарядные девушки, украшенные живыми цветами, и сами точно цветы, оказались отличными гребцами. На корме, у руля, для управления баркой, сидел один из служащих гациенды, а седоками были сам дон Мариано и его молодой гость.

Эту барку сопровождала другая, попроще, в которой, кроме обыкновенных гребцов, находился средних лет человек в дорожной одежде полудуховного покроя и оседланый мул. Это был тот самый священник, которого Марианита накануне видела спасающимся от наводнения и который переночевал в гациенде.

Обе барки шли по направлению к Сиерре. Достигнув ее, вторая барка пристала в удобном месте к горам. Из нее вышел священник, которому тотчас же вывели мула. Взобравшись на спину мула, священник снял шляпу, поклонился тем, которые сидели в первой барке, стал подниматься на гору. Это был знаменитый Морелос.

Повернув в сторону от гор, первая барка встретилась с лодкой, в которой индеец и негр везли в гациенду нового гостя, также только чудом спасенного от гибели, дона Корнелио Лантехаса.

И этот исстрадавшийся путник был радушно принят под гостеприимный кров гациенды Лас-Пальмас.

В этот же день дон Мариано, которому младшая дочь сообщила что-то по секрету, дал возможность старшей дочери и дону Рафаэлю несколько времени пробыть наедине, где и произошла следующая трогательная сцена.

Склонявшееся к вечеру солнце золотило вершины гранатовых деревьев, ярко красными цветами которых Гертруда и Марианита любили украшать свои черные волосы и на ветвях которых раскачивались пестрые попугаи; в открытые окна несли из сада смешанный аромат всевозможных цветов.

Гертруда, трепетавшая от счастья видеть своего возлюбленного наедине и в ожидании того, что он скажет ей, делала вид, что углублена в вышивание белого шелкового шарфа. Но сильная дрожь в руках выдавала волнение девушки, и она, отложив работу в сторону, стала молча смотреть в окно. Это была последняя вспышка девичьей гордости, последнее усилие отстоять свою по-

зицию перед тем, как сдать ее. Молчал и дон Рафаэль, не зная, как извлечь на свет то, что он чувствовал в душе и сердце.

— Гертруда,— набравшись, наконец, смелости и стараясь сдерживать бурное биение своего сердца, начал он,— я только что говорил с вашим отцом... Я сказал ему, что не мог дождаться того момента, когда опять увижу вас, что я пренебрег многими опасностями и что...

Он замолчал, чтобы перевести дух и собраться с мыслями.

— И что же ответил вам мой отец? — спросила трепетавшая девушка, пряча покрасневшее лицо за распущенным веером, которым она обмахивалась точно от жары, между тем, как в комнате было довольно прохладно.

— Он ответил,— продолжал молодой человек, когда снова обрел дар слова,— что лично сочувствует мне, но предоставляет решение вопроса вам. И вот я со страхом и трепетом ожидаю вашего приговора,— заключил он, опускаясь на колени перед девушкой и склоняя свою красивую голову.

В ожидании этого приговора молодой человек весь трепетал. Этот трепет того, кто бесстрашно шел на всякую опасность, был так сладок для девушки, что она, замерев от блаженства, несколько мгновений безмолвствовала. Наконец из-за веера послышался ее тихий, нежный голос:

— Как-то раз — не очень давно — одна девушка молила Пресвятую Деву спасти знакомого ей человека от угрожавшей ему опасности и за исполнение своей горячей мольбы дала обет, что если тот человек будет спасен, она пожертвует Пресвятой Деве самое драгоценное из того, что имеет,— свои волосы... Как вы думаете, дон Рафаэль, не доказывает ли этот обет ее любви к тому человеку? И потом: если тот человек отвечает ей взаимностью,— на что она втайне надеется,— то не повредит ли ей в его глазах исполнение ею этого обета? Ведь, быть может, именно только из-за ее волос он и обратил на нее внимание, а без них она потеряет в его глазах всякую привлекательность, и он...

— О, нет, совсем напротив! — с жаром прервал молодой человек.— Во-первых, прекрасную женщину любят не за одни ее волосы, а во-вторых, после такой жерт-

вы любимая женщина делается любящему ее человеку еще дороже.

— В таком случае,— продолжала девушка,— отрежьте собственными руками мои волосы.

С этими словами она сняла с головы гранатовые цветы и вынула из волос высокую черепаховую гребенку вместе с золотыми шпильками. Роскошные волосы тотчас же свободными волнами окутали всю фигуру молодой девушки. Взяв затем со стола небольшие золотые ножницы, девушка подала их молодому человеку.

— О, Гертруда, Гертруда! — воскликнул он, прижимаясь пылающими губами к ее руке,— разве я в состоянии буду сделать это да еще такими маленькими ножницами?

— Если вы любите меня, то должны помочь мне исполнить мой обет,— твердо проговорила девушка.— Ножницы я сейчас принесу другие. Эти, действительно, малы, и с ними вам пришлось бы слишком долго трудиться.

Она с живостью сорвалась с места, перекинула всю массу волос на одну руку и бросилась в соседнюю комнату. Через минуту она вернулась с большими стальными ножницами, и жертвоприношение началось.

Глава 10

СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

Пока только что описанное происходило в гостиной, Марианита сидела на вышке. Не желая мешать старшей сестре, судьба которой решалась в эту минуту, младшая в то же время пользовалась случаем потихоньку высмотреть сверху, не покажется ли лодка с доном Фернандо, которого с таким нетерпением ожидала девушка.

А в кабинете хозяина шла следующая беседа между доном Мариано и погонщиком мулов, Валерио Трухано, оказавшим в пути такую большую услугу дону Рафаэлю и в свою очередь спасенному последним от гибели в водах разлива.

Погонщику мулов, впоследствии так прославившемуся в войне за освобождение Мексики, было лет сорок, но, благодаря тонким чертам и приятному выражению

лица, он казался моложе. Среднего роста, плотный, пропорционально сложенный, он казался здоровым и сильным человеком с уравновешенным характером.

Трухано уже давно был знаком с доном Мариано и всегда имел доступ в его дом. Все любили и уважали этого замечательного человека за его щепетильную честность, кротость, скромность, истинную религиозность и человеколюбие; пример последнего прекрасного свойства он показал по отношению к тому же дону Рафаэлю, с которым накануне встретился в первый раз, и не мог думать, что тот на другой же день оплатит ему за его услугу. Так относился он и ко всякому, с кем ему приходилось сталкиваться; хорошо обращался он и с животными. Ни у кого так спокойно и сытно не жилось мулам, как у Валерио Трухано.

Тот караван навьюченных мулов, который успел благополучно избежать гибели в воде и нашел приют в гацциеде дона Мариано, принадлежал именно Валерио Трухано. Последний сначала лично провожал своих мулов, но дорогой задержался в одном месте так же из-за какого-то доброго дела и потому отстал от них.

— Так и вы решили посвятить себя делу освобождения родины? — спросил дон Мариано, предлагая гостью обычную в Мексике послеобеденную сигару.

Последний с видимым удовольствием принял сигару, сначала понюхал ее, потом ловко откусил своими крепкими зубами у нее кончик и, тщательно раскурив с другого конца, сделал несколько сильных затяжек, и только после всего этого ответил на заданный ему вопрос:

— Да, решился и я, несмотря на то, что это святое дело сильно запачкано теми, которые во имя его пролили столько крови совершенно невинных испанцев. Самый жестокий из этих негодяев Антонио Вальдец...

— Антонио Вальдец?! — с удивлением воскликнул дон Мариано. — Да ведь это, если не ошибаюсь один из вакеро дона Луиса Трэс-Вилласа, отца дона Рафаэля.

— Он и есть, — подтвердил Валерио. — Дону Рафаэлю еще ничего неизвестно о злых подвигах этого человека, и я не хотел тревожить его, а потому ничего и не сообщил ему.

— А если дону Луису будет угрожать серьезная опасность от этого человека? — спросил дон Мариано.

— Не думаю, — поспешил ответить погонщик. — Не

может же быть, чтобы слуга решился причинить какую-либо неприятность бывшему хозяину, от которого ничего, кроме хорошего, не видал. Я слышал, что, уйдя от дон Луиса, он набрал себе шайку самых отчаянных головорезов, человек в пятьдесят, и свирепствует где-то в стороне... Вот кого я желал бы видеть повешенным вместо захваченных испанцами и казненных Лопеца и Арменты, честно боровшихся с действительными угнетателями... Но Вальдец человек очень ловкий, и, быть может, скорее моя собственная голова очутится среди них, нежели голова этого негодяя,— с полною покорностью Провидению грустно добавил он.

— Будем надеяться, что Бог не допустит этого,— возразил дон Мариано.— Очень жаль, что вы решили продать мулов и совсем прекратить свое дело. Вы говорите, что ваш старший помощник довольно надежный человек. Почему бы вам не поручить ему продолжать без вас ваше дело, а потом, по возвращении домой, вы опять сами занялись бы им?

— Я не могу сделать этого,— ответил погонщик.— Мне необходимо продать всех мулов для того, чтобы иметь возможность удовлетворить своих доверителей. Меня сильно подвели некоторые люди, злоупотребившие моим доверием, и я, благодаря этому, был вынужден войти в долги...

— А, вот что! — с живостью прервал дон Мариано.— Ну, это мы устроим. Скажите, сколько нужно, и я с удовольствием дам вам эту сумму. А потом, когда вы возвратитесь и устроите свои дела, мы сочтемся.

— Благодарю вас, дон Мариано,— с чувством произнес погонщик.— Но я не знаю, когда вернусь, да и останусь ли еще жив, поэтому не могу, ради покрытия одних долгов, брать на свою совесть другие.

— Да я не стал бы считать это и долгом,— возразил де-Сильва,— а просто как бы лептою в пользу нашего общего дела.

— Нет, дон Мариано, лично я и в таком виде не могу принять вашей помощи,— с твердостью сказал погонщик.— Еще раз очень признателен вам; но, повторяю... Однако у вас на дворе что-то случилось! — вдруг прервал он сам себя и поспешил выглянуть в окно, возле которого сидел.

Действительно, на дворе гацненды происходило нечто, всполошившее весь дом. Из гацненды Дель-Валле

через прилегавшие с севера горы прискакал один из старейших слуг дон Луиса Трэс-Вилласа, бывший когда-то дядькою дон Рафаэля. Он оказался смертельно раненым. Слуги де-Сильвы сняли его с измученной лошади еле живым и осторожно положили на лужайку посреди двора.

— Дона... Рафаэля... скорее... ко мне! — прохрипел умирающий.

— Дона Рафаэля!.. дон Рафаэля!.. Где дон Рафаэль? — раздались взволнованные голоса.

Этот зов и поднявшаяся одновременно суматоха вызвали из дома не только того, кого было нужно, но и всех его мужских обитателей, за исключением дон Корнелио Лантехаса, который после перенесенных потрясений впал в состояние, близкое к горячечному, и лежал в постели.

— Боже мой, что это значит, Родригез? — с нескрываемою тревогой спросил дон Рафаэль, наклоняясь над умирающим.— Что с тобой? Почему ты здесь в таком виде?

— Меня послал дон Луис,— ответил слабым голосом старый слуга,— звать вас на помощь... Антонио Вальдец... с шайкой разбойников... напал на гациенду... умираю... Прощайте... Молитесь за мою душу!

Поток хлынувшей изо рта крови унес с собой последнюю искру жизни преданного слуги.

— Боже, какая ужасная весть! — воскликнул дон Рафаэль, сам бледный, как смерть.— Я должен проститься с вами, дон Мариано, и поспешить на помощь к отцу.

— Да, действительно, ужасно,— согласился де-Сильва.— Жаль, что, как нарочно, сегодня ушел от меня индеец Косталь. Он был бы для вас очень полезен, как человек редкой храбрости и сметливости, хотя и порядочно гордый, потому что происходит, по его убеждению, от кациков племени цапотек, владевших когда-то чуть не всей Мексикой... Впрочем, у меня найдутся и еще дельные люди, которых я могу послать с вами.

Дон Мариано позвонил и приказал явившемуся на звонок слуге позвать управляющего гациендой. Когда тот явился, де-Сильва сказал ему:

— Прикажите нашим вакерам, Аройо и Бокардо, немедленно оседлать своих лошадей, чтобы проводить дон Рафаэля до гациенды Дель-Валле и вообще оставь-

ся в его распоряжении до тех пор, пока у него будет в них надобность.

— К сожалению, я не могу исполнить вашего приказа, сеньор: оба эти вакеро вот уже несколько дней, как исчезли из гацпенды,— ответил управляющий.— Я все время собирался доложить вам об их исчезновении, но думал, что они скоро вернуться. Они и раньше пропадали на день, на два и потом возвращались. Я полагал, что они и в этот раз...

— А, и эти тоже... Ну, в таком случае пусть Санхец...

— Санхец лежит в постели, сеньор,— продолжал докладывать управляющий.— Его сбросила с себя дикая лошадь, которую он поймал и хотел объездить. При падении он повредил себе ногу, так что никак не может...

— Жаль, это тоже очень дельный человек! — с недовольным видом проговорил дон Мариано и, отпустив управляющего, обратился к гостю: — Вот, видите, мой дорогой друг, недавно у меня было четверо людей, которых я мог бы предложить вам, а теперь не осталось ни одного. Есть, правда, еще разные слуги, но из них ни один не годится для вас. Мне очень совестно, что я не в состоянии...

— Не беспокойтесь, пожалуйста, дон Мариано, с оттенком нетерпения прервал молодой человек.— До дому я доберусь и один, а у отца, наверное, найдутся люди, которым не достаёт только руководителя... Мне нужно скорее отправиться в путь. Позвольте только сначала проститься с сеньоритами.

— Идите, идите к ним! — с невольной улыбкой решил де-Сильва и, крепко пожав молодому человеку руку, отпустил его.

Сестры теперь сидели вместе в гостиной и, обнявшись, плакали. Они уже знали все, что произошло на дворе, и оплакивали смерть верного слуги дон Рафаэля и привезенную им дурную вест. В особенности горевала Гертруда. Только что начавший было распускаться перед нею бутон счастья теперь снова закрылся под ядовитым дыханием беспощадной действительности. А Марианита оплакивала горе сестры, которой так сочувствовала.

Когда дон Рафаэль пришел в гостиную проститься с своей невестой и ее сестрой, Марианита хотела ости

вить их вдвоем, но Гертруда удержала ее, сказав, что не имеет больше от нее тайн и может проститься с женихом при ней.

Прощание жениха и невесты было не только трогательное, но даже торжественное.

— Злая судьба,— говорила, между прочим, Гертруда стоявшему перед ней на коленях жениху,— едва соединив нас, снова разлучает на неопределенное время. Возьмите, дорогой мой, одну из этих прядей моих волос и носите ее при себе, как талисман, который будет охранять вас от всех опасностей. Другую такую же я оставляю у себя. Теперь поклянитесь мне, что если вы когда-либо, где-либо и при каких бы то ни было обстоятельствах получите от меня эту вторую прядь, то это будет означать следующее: «Та, которая посылает вам эти волосы, знает, что вы разлюбили ее, но, несмотря на это, она сама не в силах изменить своих чувств и желает еще раз видеть вас». Это странные и, пожалуй, даже страшные слова, дорогой Рафаэль, но я должна была их высказать,— заключила молодая девушка.

— Клянусь вам,— пылко произнес молодой человек,— исполнить ваше желание при каких бы то ни было обстоятельствах! Как только я получу эту драгоценную для меня прядь, я брошу все и тотчас же прилечу к вам на крыльях любви, чтобы на коленях уверить вас в неизменности моих чувств.

— Ваша клятва будет записана на небесах, Рафаэль! — торжественным тоном убежденно проговорила Гертруда и грустно прибавила: — Но время бежит. Я не хочу больше задерживать вас. Идите и исполните свой долг. Возьмите вот еще этот шарф. Я вышила его для вас в то время, когда мы были в городе, и я каждый день ожидала того, что произошло только сегодня. Каждый стежок этой вышивки будет напоминать вам мысль, вздох, молитву о вас вашей Гертруды. Прощайте или до свидания, если это будет угодно Богу, мой дорогой Рафаэль.

— Да, мне пора... Я должен ехать,— говорил как в бреду молодой человек, не поднимаясь, однако, с колен и покрывая руки невесты пламенными поцелуями.

Наконец Гертруда заставила его встать и убрать в грудной карман камзола шарф, в который она сама тщательно завернула прядь своих волос.

— Идите же, идите, мой дорогой, возлюбленный же-

них: — настаивала она, отнимая у него свои руки, которые он не переставал покрывать поцелуями.— Помните, что ваш отец нуждается в вашей помощи. Идите и исполните свой долг.

Она обеими руками обхватила его голову и крепко поцеловала в лоб, потом слегка подтолкнула его к двери. Молодой человек, как безумный, вылетел из комнаты, забыв даже проститься с сестрой своей невесты.

Глава 11

ДОЛГ И ЛЮБОВЬ

Последние лучи заходившего солнца окрашивали в яркие переливчатые цвета небосклон, когда дон Рафаэль выехал из горного ущелья, по которому пролегалла дорога от гацienты Лас-Пальмас до гацienды Дель-Валле, принадлежавшей отцу молодого человека.

Приближаясь к родной усадьбе, дон Рафаэль был удивлен мертвым, зловещим безмолвием, царившим вокруг. Чувствуя что-то недоброе, молодой человек приготовил свою винтовку и выехал на вымощенную аллею, которая вела к господскому дому и с обеих сторон были окаймлена американскими кипарисами. В конце аллеи высилась каменная ограда. Тяжелые ворота посредине ограды были полуоткрыты, но с обширного двора гацienды не доносилось ни малейшего звука и там не замечалось никакого движения.

Перед самыми воротами конь молодого всадника вдруг с громким ржанием метнулся в сторону. В сгушавшихся сумерках всадник не сразу мог разглядеть, что испугавший его коня предмет был человеческим телом, распростертым на земле, поперек въезда, и это тело было без головы.

Когда дон Рафаэль наклонился с седла, чтобы рассмотреть, чье могло быть это тело, из груди молодого человека тотчас же вырвался крик ужаса, горя, отчаяния и бешенства, не встретивший никакого отклика, кроме глухих отголосков. Это тело принадлежало его отцу, а отделенная от него голова оказалась подвешенной на волосы к перекладине ворот... Сын опоздал! Все было уже кончено!

Молодой человек пламенеющим взором впился в вздувшееся лицо этой головы. Да, это было знакомое, дорогое лицо отца, только сильно искаженное насильственной смертью!

Было ясно, что испанец дон Луис Трэс-Виллас пал жертвой разбойничьей шайки; жестоких рук этих «освободителей» не могли остановить ни либеральные политические убеждения старика, ни его всем известная доброта, ни его почтенные годы. Виновники этого злодеяния даже хвастались совершенным ими подвигом, судя по тому, что на одном из столбов ворот, под головой убитого, они начертали углем свои имена — Аройо и Антонио Вальдец.

Долгое время нравственно убитый сын оставался совершенно неподвижным перед этим ужасным зрелищем, тоскливо спрашивая себя:

«Где и когда я разыщу этих злодеев?.. А разыскать их я должен во что бы ни стало!.. Буду всюду выслеживать их, день и ночь, без остановки, без отдыха, пока и их головы не будут висеть здесь же... Но,— являлся новый мучительный вопрос,— как я могу после такого злодеяния принимать участие в возникшей борьбе?.. Нельзя же мне становиться под одно знамя с убийцами моего отца!..»

Молодой человек заключил свои мучительные размышления громким возгласом:

— Иду вместе с Испанией! Так предписывает мне сыновний долг. Да здравствует Испания! Да погибнут все ее враги! Страшная смерть убийцам моего дорогого отца!

Сойдя затем с коня, сын благоговейно опустился на колени перед телом отца и торжественно произнес:

— Клянусь тебе, дорогой отец, твоей священной для меня памятью, твоими седыми волосами, омоченными в твоей собственной крови, что я всеми способами, находящимися в моей власти, мечом и огнем, попытаюсь остановить в самом начале это преступное движение, устроители которого называют его восстанием за свободу Мексики, сопровождая свои подвиги бесцельными злодеяниями и лишая жизни таких людей, как ты, отец, ни сделавший им ни малейшего зла! Молю Бога, да поможет Он мне сдержать мою клятву!

В этот момент словно что-то невидимый повторил те

слова, которые дон Рафаэль накануне слышал из уст Гертруды:

«Пусть все, поднимающие руку в пользу Испании, будут покрыты вечным позором! Да не окажется для них ни приюта, где они могли бы укрыться, ни женщины, которая улыбнулась бы им! Пусть каждый, изменивший своей родине, встретит со стороны той, которую любит, одно презрение!».

Но вместе с тем послышался и другой голос, говоривший:

«Исполни свой долг, чего бы это ни стоило тебе!»

Глядя на изуродованные останки своего отца, сын внял лишь второму голосу и повторил клятву.

Один, в ночной тиши, он собственными руками вырыл в саду опустевшей гациенды могилу, бережно уложил в нее тело отца, приставив к нему голову и положив на грудь покойного шарф Гертруды с прядью ее волос, затем тщательно зарыл могилу. После этого, проклонив колени перед могилой, он еще раз повторил свою клятву, потом сел на коня и, даже не заглянув в дом, направился в Оахаку, главный город провинции того же наименования.

По прибытии туда, дон Рафаэль поспешил явиться к губернатору этой провинции, дону Бернардино Бонавиа. Он хотел выпросить у него отряд солдат, чтобы с этим отрядом разыскать убийц отца и наказать их. К несчастью для молодого капитана, губернатор, при всем своем желании, не мог исполнить его просьбы. Вся провинция уже находилась в сильном брожении, начинала волноваться и сама столица, гарнизон же ее был не велик и ослаблять его было бы очень рискованно.

Выслушав доводы губернатора, дон Рафаэль поневоле должен был согласиться с их разумностью и уйти от него ни с чем. Остановившись в гостинице, он стал наводить справки, нельзя ли как-нибудь обойтись и без содействия губернатора, и узнал, что в окрестностях города один из испанских офицеров, капитан дон Хуан Вальделас, набирает добровольцев, которых и набрал уже около сотни.

Не долго думая, молодой человек поскакал к этому офицеру и в нескольких словах изложил ему свое дело. Вальделас отнесся к нему с полным сочувствием и тут же согласился отдать в его распоряжение не только свой отряд, но и самого себя.

Оба офицера, во главе хорошо вооруженного отряда добровольцев, в тот же день пустились на поиски разбойников.

Посланные вперед разведчики, которым дон Рафаэль обещал хорошую награду, донесли, что Антонио Вальдец со своей шайкой засел на одной горе, недалеко от гацienды Дель-Валле. Разыскав там Вальдеца, дон Рафаэль и Вальделас заставили его принять бой. При первой же стычке разбойничья шайка дрогнула и была рассеяна, но сам Вальдец успел скрыться и его нигде не могли найти.

Дон Рафаэль, несколько не обескураженный этой неудачей, дал себе слово во что бы то ни стало поймать и наказать убийцу своего отца и энергично продолжал его преследование.

* * *

Целые две недели дон Рафаэль со своим сослуживцем и его отрядом гонялись за разбойником и попутно имели немало стычек с бродившими повсюду бандами инсургентов, но Вальдеца, казалось, и след пропал.

Вдруг в один туманный вечер он совершенно неожиданно снова появился перед роялистами во главе новой, довольно многочисленной и лучше вооруженной шайки. Произошла горячая кровавая схватка, кончившаяся опять победой испанцев.

Сам Вальдец снова бежал с поля битвы. Вероятно, он уже считал себя в безопасности, как вдруг его догнал всадник, в котором он, к своему ужасу, тотчас узнал смертельного личного врага, капитана Трэс-Вилласа, грозного мстителя за своего отца.

Вальдец обернулся и выстрелил из пистолета, но промахнулся. В следующее затем мгновение мститель набросил на него лассо, которым умел пользоваться не хуже любого вакеро, стащил его с лошади и, разогнав своего коня, поволок полузадушенного врага за собой по земле.

В ту же ночь голова Антонио Вальдеца появилась подвешенной за волосы на воротах гацienды Дель-Валле, на том самом месте, где за две недели перед тем висела голова владельца этой гацienды. Дон Рафаэль оставил на этих воротах надпись, свидетельствующую о

том, что клятва сына, данная на могиле отца, была исполнена.

Эта первая жертва мести, принесенная в память отца, несколько утолила у молодого человека жажду дальнейшей мести, и он стал поспокойнее. Зато в его сердце снова пробудились задремавшие было на время другие чувства. Он чувствовал необходимость оправдать в глазах семьи де-Сильвы свое поведение, которое должно было сильно смущать эту семью. Ведь как-никак, а Гертруда, хотя и не объявленная официально его невестой, все же была ею перед Богом и перед совестью самого Рафаэля. И он решил повидаться и объясниться с девушкой, которую продолжал искренно любить. Но разные непредвиденные препятствия все не позволяли ему исполнить это решение. Между тем Гертруда, не видя его самого и не имея от него никаких известий, сильно страдала.

Глава 12

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Оба капитана, Трэс-Виллас и Вальделас, сделали из гациенды Дель-Валле нечто вроде крепости, для которой они выпросили у губернатора три старых, но еще годных пушки и достаточное количество зарядов, и устроили в этой крепости свою, так сказать, главную квартиру. К ним отовсюду стали стекаться добровольцы, и это давало им возможность вести серьезную борьбу с инсургентами.

Дон Рафаэль узнал, что, кроме уже известного ему второго убийцы его отца, Аройо, был и третий, не такой лучший товарищ последнего, — Бокардо. Они оба служили в качестве вакеры у дона Мариано де-Сильвы и скрылись от него, как докладывал дону Мариано его управляющий, за несколько дней до прибытия дона Рафаэля в гациенду Лас-Пальмас.

Покончив с Вальдецом, дон Рафаэль начал разыскивать его пособников. Находясь со своим отрядом в окрестностях гациенды Лас-Пальмас, он не раз порывался заехать туда, чтобы, наконец, откровенно высказаться перед доном Мариано и Гертрудою, но его все оставила ложная гордость.

Так прошло два месяца со времени смерти дон Луиса. Остальные двое его убийц продолжали ускользать от мстительной руки его сына. Но вот распространился слух, что они покинули провинцию Оахаку и со всей своей шайкой отправились на север, чтобы примкнуть к армии Гидальго. Узнав об этом, дон Рафаэль вернулся в свою крепость, где во время его отсутствия начальствовал капитан Вальделас, и нашел там приказ главного командующего вице-королевской армией, предписывавший капитану Трэс-Вилласу немедленно возвратиться в его полк.

Прежде чем, во исполнение этого приказа, отправиться в такой дальний путь, молодому человеку сначала страстно захотелось побывать в гациденде Лас-Пальмас и открыть там свою душу. Но и на этот раз злая судьба не пожелала, чтобы он переступил порог этого гостеприимного дома с мирными намерениями. Вышла новая печальная неожиданность.

Когда дон Рафаэль на своем неизменном карем коне и во главе небольшого отряда подъезжал к воротам гациденды Лас-Пальмас, на него вдруг налетела целая шайка всадников разбойничьего вида, вождь которой крикнул:

— Смерть изменнику!

В то же время выстрелом из пистолета он так сильно ранил лошадь молодого капитана, что та упала на месте. Благодаря своей храбрости и ловкости, дон Рафаэль не растерялся. Мгновенно высвободившись из стремян упавшей лошади, он вскочил в седло оказавшейся рядом с ним лошади одного из своих рядовых, который, будучи тяжело ранен, свалился с нее. Отбиваясь саблей от нападавших, часть которых уложил на месте, и распорядившись подобрать раненого рядового, храбрый капитан стал быстро отступать в горы, куда разбойники не решились последовать за ним.

Вот какая была сделана ему встреча перед гацидендой Лас-Пальмас, в которую он стремился с самыми мирными намерениями! Эта встреча и потеря любимого коня острой болью отозвались в его сердце. Он счел это как бы предзнаменованием, что нужно действовать иначе, чтобы попасть в гаценду.

Узнав, что во главе напавших на него находились Аройо и Бокардо, дон Рафаэль тут же отправил одного из своих людей в свою гаценду к капитану Вальделасу с просьбой немедленно прислать ему полсотни хорошо

вооруженных людей и одну из пушек для того, чтобы силою войти в гациенду Лас-Пальмас. Сам же он со своими восемью солдатами, в ожидании просимого отряда, остался в одном из горных проходов, защищенных самою природой от внезапного нападения.

По мере того, как проходило время, бурлившая в доне Рафаэле кровь все более и более успокаивалась, и ему сделалось неловко при мысли, что он готовится к акту насилия по отношению к отцу любимой девушки. В нем снова началась борьба между двумя противоположными чувствами — любовью и долгом.

Настоят ли он на своем требовании о немедленной выдаче ему убийц его отца или, в случае отказа в этом требовании, ворвется в гациенду силою, и сам захватит их, или же откажется от такого намерения, — все это будет одинаково дурно. Голос долга и голос любви говорили одинаково убедительно. Кого же слушаться?

Эта мучительная борьба еще не кончилась в душе молодого человека, когда к нему явилось потребованное им подкрепление. Появление этого подкрепления заставило его принять окончательное решение. Он обнажил саблю, и, приказав трубачу протрубить сигнал выступления, двинулся к гациенде Лас-Пальмас.

Приблизившись на известное расстояние к воротам гациенды, дон Рафаэль выслал вперед трубача, который, протрубив установленный сигнал для переговоров, громкогласно предложил от имени капитана королевской армии, Трэс-Вилласа, дону Мариано де-Сильва немедленно выдать живыми или мертвыми бунтовщиков Аройо и Бокардо.

Бледный, как привидение, с бурно бьющимся сердцем, ожидал дон Рафаэль ответа. Но вокруг царило полное молчание: вызов остался как бы незамеченным.

Между тем в гостиной дома де-Сильва происходила следующая сцена. Дон Мариано и обе его дочери сидели под окном, выходящим к воротам и защищенным железною решеткой. Перед ними, с кинжалами в руках и с угрожающим видом, стояли Аройо и Бокардо.

— Так, значит, дон Мариано де-Сильва, постоянно хвастающийся своей дворянской честью и своим гостеприимством, теперь хотите нарушить то и другое и вы-

дать нас головою? — насмешливо говорил Аройо, вертя кинжалом перед своим бывшим хозяином.

— Вовсе нет,— проговорил дон Мариано.— Но ведь...

— Вы хотите сказать, что этот дьявол в капитанском мундире может ворваться в гаудиенду и взять нас силою? — грубо прервал его бандит.— Но против этого есть сильное средство, и это средство у вас в руках.

— Какое же? — не без удивления спросил дон Мариано.

— А, какое? — с циничным смешком повторил разбойничий атаман.— Вы притворяетесь, что не знаете! Ну, хорошо, я открою вам его. Ведь всем известно, что этот предатель влюблен в вашу дочь, донью Гертруду, и хоть он и изменник, но едва ли допустит ее гибель, которая угрожает ей.

— Моей дочери угрожает гибель! — снова удивился дон Мариано.— Но от чего же? — не без тревоги спросил он.

— Да вот хоть бы от этого! — с новым циничным смехом ответил Аройо, указывая на свой кинжал.— Как только этот предатель ворвется сюда, чтобы схватить нас, ваша дочь тотчас же познакомится с этой игрушкой. Да не сдобровать и вам самому вместе с другой дочерью. Поняли теперь, уважаемый дон Мариано?

Трепетавшие девушки с испугом прижались к отцу. Дон Мариано тоже невольно вздрогнул и стал придумывать выход из создавшегося положения. В это время вторично раздались звуки трубы и голос глашатая. Дон Мариано, ничего не придумав, не знал, что ему делать.

— Тысяча чертей вам на голову! — крикнул бандит, подступая еще ближе к бывшему хозяину.— Что же вы медлите? Подойдите к окну и крикните этому нетерпеливому черту то, что я вам сказал. Идите же, иначе я!.. и он с угрожающим видом взмахнул кинжалом.

Дон Мариано понял, что бандит не шутит. Встав с своего места и нежно отстранив от себя крепко прижавшихся к нему дочерей, он подошел к окну, открыл железную решетку и крикнул в окно твердым голосом:

— Где начальник вашего отряда? Мне нужно сказать ему несколько слов.

— Я здесь! — ответил дон Рафаэль, выехав вперед.

— Ах, это вы, капитан? — голосом горькой иронии

проговорил дон Мариано.— До сих пор я знал дону Рафаэля Трэс-Вилласа как близкого друга, но не мог узнать его в человеке, который собирается разгромить дом, где его всегда так радушно принимали!

Бледное лицо молодого человека густо покраснело. Он собрал всю силу своей воли и ответил, с напускной резкостью отчеканивая слово:

— А я вижу теперь в вас только человека, поддерживающего смуту и укрывающего в своем доме бандитов. В силу данного мне законным правительством права, я требую выдачи мне этих людей.

— Никогда, ни в каком случае, я не выдал бы добровольно никого из тех, кто доверился бы мне! — с твердостью ответил дон Мариано.— А в настоящую минуту я даже и не могу сделать этого, потому что лишен самостоятельности действий. Люди, находящиеся под защитой моего крова, поручили мне объявить вам, что они убьют меня и моих дочерей, прежде чем вы переступите порог этого дома, чтобы захватить их. Наша жизнь находится в ваших руках, капитан Трэс-Виллас. Имейте это в виду, и пусть ваша совесть решит, как вам поступить.

Последние слова были произнесены уже таким грустным тоном, что сердце дон Рафаэля сразу смягчилось, а мысль о любимой девушке, находившейся под такую страшною угрозой, заставила молодого человека искать другого выхода из затруднительного положения, в котором он очутился.

— Хорошо,— проговорил он после некоторого раздумья,— скажите бандиту Аройо, что мне нужно видеть его. Пусть он покажется. Даю честное слово, что ему нечего опасаться...

— Вот и я! Что вам нужно от меня? — с нахальным видом спросил Аройо, показавшись в окне рядом с дон Мариано.— Но свое честное слово вы можете оставить при себе; оно для меня не стоит и простого плевка. Лучшей порукой в моей безопасности служат мои заложники.

С неописуемым гневом взглянул дон Рафаэль на убийцу своего отца. Наконец-то этот злодей находился на протяжении руки, но все-таки он не мог схватить и уничтожить его! Огромным усилием воли поборов кипевшее в нем бурное чувство, он произнес резким голосом:

— Мне нужно было только запечатлеть в моей памяти черты бандита Аройо, чтобы я мог узнать его, когда произойдет моя встреча с ним при других обстоятельствах. Тогда я поволоку его преступную голову по земле за своим конем и повешу ее на воротах гациенды Дель-Валле, рядом с головой его достойного соучастника, Антонио Вальдеца...

— Ну, такие любезности мне от вас вовсе неинтересно слушать! — прервал Аройо. — Я лучше поговорю с другими при помощи вот этого! — прибавил он, указав на свой кинжал и повернувшись от окна.

— Стой! — остановил его дон Рафаэль, вот что я предлагаю тебе, если в твоём черном сердце осталась хоть искра — не чести, — ты с ней не знаком, — а хотя бы храбрости: садись на лошадь, возьми какое хочешь оружие и выходи на поединок со мной.

— Те-те-те, ловко придумали! — воскликнул бандит с гаденьким смешком. — Да что я за дурак, чтобы лезть прямо в пасть всей вашей своры!

— Как дворянин, ручаюсь своей честью и, как христианин, — призываю в Свидетели Самого Господа Бога, что ты будешь иметь дело только со мной, — продолжал дон Рафаэль.

На одно мгновение Аройо призадумался, и казалось, что он примет этот рыцарский вызов. Но слава капитана Трэс-Вилласа, как одного из лучших бойцов, заставила его отказаться от вызова.

— Не согласен! — крикнул он.

— А, презренный трус! — прогремел негодующий голос молодого рыцаря. — Запомни же ты теперь мои слова: клянусь памятью моего отца, погибшего от твоей руки, что если ты хотя одним пальцем дотронешься до сеньора Мариано де-Сильвы или до его дочерей, то я отыщу тебя, где бы ты ни скрывался, и твоя казнь будет такова, что заставит ужаснуться даже таких злодеев, как ты! Не забывай этого! Я никогда не бросаю на ветер своих клятв!

Раздался трубный сигнал к отступлению, и через минуту отряд капитана Трэс-Вилласа стал отходить от гациенды.

Через два дня разведчики дона Рафаэля донесли ему, что Аройо и Бокардо покинули гациенду Лас-Пальмас. Они унесли с собой много дорогих вещей, но из хозяев никого не тронули, и куда скрылись, — никто не знал.

Это донесение заставило дона Рафаэля вздохнуть свободнее: все еще любимая им девушка, ее отец и сестра были избавлены от власти разбойников. С облегченным сердцем он отправился в столицу Мексики, где стоял его полк.

Глава 13

ВОИН ПОНЕВОЛЕ

Читатель помнит, что студент богословия, дон Корнелио Лантехас, нашедший приют в гостеприимной гацценде Лас-Пальмас, заболел после всего перенесенного им в пути. Проболел он более двух недель. Первоначальная лихорадка перешла в горячку с бредом, и молодая жизнь юноши не прервалась только благодаря заботливому уходу сестер де-Сильва и тому, что среди служащих в гацценде был человек, имевший некоторые сведения в медицине.

Когда богослов достаточно оправился, дон Мариано подарил ему одну из своих лошадей, которых у этого богатого гаццендатора было несколько тысяч. На этой лошади, сердечно распростившись со своими новыми друзьями, дон Корнелио и продолжал прерванный путь к дяде, гацценда которого находилась не особенно далеко от владения дона Мариано. Побыв у дяди и исполнив поручение отца, студент поехал домой.

Обратный путь он совершил вдвое скорее, чем первоначальный, так как теперь ехал не на старой разбитой кляче, а на молодой, сильной и быстроногой лошади.

Дон Корнелио окончил курс учения, и ему оставалось только сдать экзамен на получение ученой степени по богословским наукам. Когда наступило время, он, основательно подготовившись, отправился в вальядолидскую коллегию сдавать экзамен. На этот раз он ехал на старом муле, данном ему его отцом в обмен на молодую лошадь дона Мариано, которую скупой старик предпочел оставить у себя. Он внушил сыну, что будущему духовному лицу неприлично ездить на быстроногих конях, и сын, никогда ни в чем не перечивший отцу, согласился с этим. Вместе с мулом старик вручил сыну небольшое количество звонких долларов и дал целый ряд наставлений, как обращаться с мулом и долларами.

На третий день своего нового путешествия, на полпути в Вальядолиду, подъезжая к одному небольшому селению, он увидел продвигавшихся ему навстречу трех всадников, сидевших на лошадях. Ему не следовало бы забывать наставления отца, что его старый мул почему-то страшно боится всадников на лошадях, и нужно бы было его успокоить. Но богослов так был углублен в мысленную репетицию своих знаний для предстоявшего экзамена, что совсем упустил это из виду. И вот случилось то, что, помимо воли и желания молодого человека, направило русло его жизни совершенно в другую сторону. Не сдерживаемый рукою своего хозяина, мул, при виде верховых, с такой стремительною быстротою шарахнулся в сторону, что всадник тут же слетел с него на землю и, ударившись головою о камень, лишился чувств.

Очнувшись, богослов увидел себя в полусидячем положении, прислоненным спиною к дереву, а возле себя — встреченных им всадников. Из числа последних один, по-видимому, был высшего сословия, потому что остальные двое относились к нему с особенной почтительностью. Мула не было, он с испугу поспешил удрать.

— Сын мой, — мягким, сострадательным голосом сказал этот всадник студенту, — голова ваша сильно ушиблена, вы нуждаетесь в помощи и уходе, а здесь, в этом сельце, вы их не найдете. Садитесь на лошадь к одному из моих слуг, и мы вас доставим в гацпенду Санв-Диего; она недалеко отсюда. Там живут мои добрые друзья. У них вы найдете приют и уход. А о муле не беспокойтесь. Он едва ли далеко ушел. Я попрошу тамошних вакеро поймать его и доставить в гацпенду... Но скажите, — кто вы и куда направляетесь?

Дон Корнелио назвал себя и сказал, куда и зачем едет.

— А, так и вы готовитесь к тому же званию, к которому принадлежу я! — проговорил с видимым удовольствием всадник. — Позвольте и мне рекомендоваться. Я — недостойный служитель алтаря в церкви селения Карамуаро, Хозе-Мария Моренос, — имя, полагаю, вам совершенно неизвестное?

Дон Корнелио с изумлением смотрел на человека, назвавшего себя священником, одетого в штатское платье и вооруженного старой двустволкой и заржавленной

саблей. В таком невзрачном виде появился перед ним тот самый человек, имя которого впоследствии покрылось неувядаемою славой.

— А смею спросить, куда направляетесь вы, сеньор патер? — решился осведомиться, в свою очередь, студент.

— Пока в гациенду Сан-Диего, а потом — к городу Акапулько, который мне приказано взять, — ответил Морелос.

Этот ответ окончательно смутил дона Корнелио. Голова его сильно болела, в мозгу все стало путаться, и молодой человек подумал, что неверно понял своего собеседника.

— Как взять?! — воскликнул он. — Да разве вы инсургент?

— Именно инсургент, и не с первого уже дня, — добродушно рассмеявшись, подтвердил Морелос.

Так как ни на священнике ни на его спутниках не было тех дьявольских украшений, о которых говорил оахакский епископ, то студенту пришло на ум смелое соображение, что, должно быть, не все мятежники обречены сатане. Это соображение побудило его принять предложение Морелоса и позволить отвезти себя в указанную гациенду. Дальше он с ним, конечно, не поедет, да и в доме его друзей постарается пробыть недолго, следовательно, эти подозрительные люди не успеют повредить его душе.

Этими доводами дон Корнелио успокоил свою совесть и забившую было в ней тревогу. Однако быстрая езда и жаркие лучи полуденного солнца сделали так, что молодой человек снова впал в беспамятство и в таком состоянии был доставлен в гациенду Сан-Диего.

Второй раз уже он пострадал в пути и каждый раз попадал под чужой кров совершенно больной. Хорошо еще, что тогда повсюду находились сострадательные люди, принимавшие бескорыстное участие в каждом страждущем.

К числу таких людей принадлежал и Морелос. Скажем несколько слов об этом замечательном человеке. Морелосу в то время было лет около сорока. Он родился в одном небольшом селении, в штате Вальядолиде, близ городка Апатцингама. Селение это называлось Тальмехо, но впоследствии было переименовано, в честь его знаменитого уроженца, в Морелию. Отец Морелоса

был простым погонщиком мулов, ничего не оставившим сыну, кроме убогой хижины да десятков двух мулов.

В течение нескольких лет сын продолжал дело покойного отца, потом вдруг, неизвестно по какому побуждению, вздумал поступить в духовное звание. Продав мулов, он со свойственным ему упорством засел за латынь и богословие. Осилив эти предметы и блестяще сдав экзамен, он был удостоен священнического сана, но долго не мог найти вакантного места и кое-как влачил свое существование. Наконец ему был предложен приход в Каракуаро. Селение это находилось в глухом захолустье и туда никто не шел. У Морелоса не было ни средств, ни протекции, и он вынужден был принять хоть это место.

Там он и прозябал в нужде и безвестности, пока до него не донесся слух о начавшемся освободительном движении, во главе которого стал Гидальго, бывший тоже священником. Под предлогом поездки к своему епископу, Морелос отправился к Гидальго. По дороге туда его настигло наводнение, и он был вынужден укрыться в гациенде Лас-Пальмас.

Гидальго, которому Морелос предложил свои услуги в качестве полкового священника, в шутку сказал, что для этого сначала нужно взять у испанцев хорошо укрепленный город Акапулько, и Морелос согласился.

В это-то вот время и произошла его встреча с доном Корнелио, который почему-то сразу понравился священнику-воину.

Но вернемся к нашему злополучному студенту и расскажем о том, что с ним произошло и будет происходить. Когда к нему вновь возвратилось сознание, он увидел себя лежавшим в постели, в незнакомой, довольно скудной обстановке в сравнении с обстановкой в гациенде Лас-Пальмас. Возле него не было ни души, но снаружи доносился смешанный шум. Дон Корнелио с трудом поднялся с постели, и шатаясь, добрал до окна, выходящего во двор.

Он выглянул в окно и увидел, что весь двор был наполнен конными и пешими людьми. В лучах яркого солнца режущим глаза блеском сверкало всевозможное оружие: пики с пестрыми значками, сабли, ружья, пистолеты. Была даже пушка. Лошади фыркали, ржали и били копытами о землю, отмахиваясь хвостами от надоедливых насекомых. Люди громко разговаривали

между собою. Словом, перед доном Корнелио открылась полная картина военного лагеря.

Молодой человек не мог долго держаться на ногах и был вынужден снова лечь в постель. Голова у него болела и кружилась, вместе с тем мучило любопытство узнать, где он находится.

Наконец в комнату вошел человек, в котором дон Корнелио, напрягши свою память, узнал одного из слуг Морелоса.

— Где я? — поспешил он спросить у слуги.

— В гациенде Сан-Луис, — ответил тот.

Больной снова напряг все силы памяти и вспомнил, что его обещали доставить в гациенду Сан-Диего.

— А не в гациенде Сан-Диего? — задал он новый вопрос.

— Нет, — последовал ответ слуги. — В гациенде Сан-Диего мы пробыли только один день и вчера покинули ее. Мы должны были убраться оттуда из-за вас, сеньор...

— Из-за меня? — изумился студент.

— Да, из-за вас. Там вокруг шныряли роялисты и чуть было не забрали нас в то время, когда вы во все горло кричали в открытое окно, что идете походом на самый Мадрид...

— Я?! На Мадрид?! — с еще большим изумлением вскричал огорошенный студент, вытаращив глаза и приподнимаясь на постели. — Значит, это был бред?

— Очень может быть, сеньор. Но, тем не менее, для нас это было крайне неудобно. Вы еще кричали, что уничтожите в Мадриде всех тиранов и при этом называли свое полное имя, а нашего генерала Морелоса величали... как это? погодите... Ах, да! — генералиссимусом всей инсургентской армии. Там у нас не было достаточного числа людей, ну, вот, и пришлось перебраться в эту гациенду, где находится наша главная квартира. Генерал, разумеется, не мог оставить там такого ярого сторонника нашего дела, как вы, и приказал нам перенести вас сюда на носилках. Благодарите за это Бога, сеньор, потому что иначе вам не слобровать бы: роялисты наверно уколошили бы вас. Они уже оценили вашу голову в порядочную сумму, забыл только в какую.

Дон Корнелио едва верил своим ушам, — до такой степени все слышанное им от болтливой слуги противоречило его характеру, взглядам и убеждениям. Ему казалось, что все это он видит во сне, но, ущипнув себя,

тут же убедился, что это самая реальная действительность.

— По случаю громко высказанных вами слов и желания доказать их на деле,— продолжал, между тем, слуга,— генерал произвел вас в чин поручика и назначил своим личным адъютантом. Патент на это звание уже написан и находится у вас под изголовьем. Генерал сам положил его туда. Ну, теперь позвольте мне удалиться, чтобы доложить генералу, в каком состоянии я вас нашел. Генерал сам навел бы вас, но у него сейчас важный военный совет, поэтому он и приказал сделать это мне.

С этими словами слуга удалился, оставив дону Корнелию совершенно ошеломленным всем, что он узнал. Машинально сунув под изголовье руку, он действительно нашел там форменный патент, подписанный командующим местной инсургентской армией, доном Хозе-Мариа Морелосом, о назначении его, Корнелию Лантехаса, поручиком этой армии.

Студента-богослова охватило полное отчаяние. В сильнейшем возбуждении он снова вскочил с постели и бросился к окну с твердым намерением во всеуслышание отречься от всякой солидарности с врагами Испании. Но судьба-насмешница и в этот раз сделала по-своему. Лишь только он открыл рот, у него в голове снова все спуталось и помутилось и он бессознательно крикнул совсем не то, что хотел.

— Да здравствует свободная Мексика! Смерть тиранам! — громко раздалось из его уст в открытое окно и разнеслось по всему двору.

Сделанное усилие заставило его снова лишиться чувств, и он упал на пол. Когда через несколько часов он пришел в сознание, то нашел себя опять на постели. На этот раз его окружали вооруженные люди, смотревшие на него с большим участием. Среди них он узнал самого Морелоса.

Один из этих людей дал ему что-то выпить, после чего больной тотчас же заснул крепким и более спокойным сном.

* * *

К Морелосу примыкали все новые и новые отряды партизан. Вскоре у него образовалась небольшая армия. С этой армией он делал удачные набеги на окрестные

городки с правительственными складами оружия, амуниции, провизии и прочими необходимыми предметами, так что его армия ни в чем не нуждалась.

Через два месяца после описанного нами священниковоин, еще ранее произведенный главнокомандующим над всеми партизанскими войсками сразу в генералы, очутился в виду города Акапулько, расположенного на побережье Тихого океана. Гидальго шутя предложил Морелосу взять этот укрепленный город с довольно значительным гарнизоном. Морелос, как человек с железной волей, никогда ни перед чем не отступавший, серьезно приготовился совершить подвиг, казавшийся невозможным самому Гидальго.

Бывший студент богословия, а теперь офицер партизанских войск, Корнелио Лантехас, также находился вместе с Морелосом, как его адъютант. За эти два месяца он совсем оправился от своей болезни и успел «обвоениться», по его собственному выражению, мало того, — даже прослыть храбрецом, хотя, в сущности, вовсе не был воинственным и в минуты опасности всегда старался избежать ее.

Странность эта объясняется тем, что при первой стычке с неприятелем Лантехас находился рядом с доном Герменегильдо Галеаной, одним из храбрейших партизанских вождей. Галеана сразу подчинил нового офицера своей нравственной силе и своими пронизывающими насквозь взглядами, которых тот страшился пуще вражеского оружия, заставляя его трепетать. Как всегда, Галеана бился в первом ряду, прокладывая своей тяжелой саблей в гуще противников широкий путь. Лантехас следовал за ним по пятам и ему нечего было делать своим оружием. Поняв выгоду быть как бы тенью страшного Галеаны, Лантехас во время стычек и настоящих сражений старался не отходить от него. И это ему всегда удавалось, так что часть действительной храбрости Галеаны падала и на него.

В армии Морелоса находились и наши старые знакомцы: индеец Косталь и негр Клара. Первый был старшим сигнальщиком, извлекавшим из своей морской риквины особенные, устрашавшие врагов «адские» звуки. Второго приставили к единственной имевшейся в армии Морелоса пушке и научили, как обращаться с ней. После нескольких уроков негр, к удивлению индейца, оки-

* Малютка.

зался отличным артиллеристом. Кстати сказать, эта пушка, названная «Эль-Ниньо» *, впоследствии также была прославлена в истории мексиканской революции.

Косталь, кроме измучительной находчивости, проявлять такую же храбрость, как Галеана, и почти всегда сражался тоже рядом с ним. Таким образом дон Корнелио находился как бы под защитой двух храбрецов, и их боевая слава отражалась и на нем. Но к чести этого подневольного воина нужно сказать, что такая случайная, незаслуженная слава сильно тяготила его, и он не знал, как отделаться от нее. Бежать из инсургентской армии он не решался из опасения попасть в руки роялистов, уже оценивших его голову и, конечно, всюду выслеживавших его.

Лантехас в нескольких пространных письмах описал отцу все свои приключения. Старик долго не отвечал. Наконец от него пришло коротенькое письмо, в котором он поздравлял сына с совершенными последними подвигами и уведомлял, что он испросил ему у вице-короля полное прощение, но с тем, чтобы сын немедленно покинул мятежников и поступил в ряды испанских войск.

Это сообщение заставило молодого человека сильно призадуматься. С одной стороны, ему очень хотелось бы покинуть бунтовщиков и перейти на сторону законного правительства, а с другой — он боялся этого: ведь в правительственных войсках может не найтись для него таких защитников, как Галеана и Косталь, поддерживавших славу о его мнимой храбрости, и, что еще хуже, состоя в этих войсках, он в один несчастный день мог очутиться лицом к лицу с страшным Галеаной. От одной мысли об этом в жилах подневольного воина стыла кровь.

Долго думал Лантехас прежде чем прийти к какому-нибудь решению. В конце концов он остановился на мысли испросить хотя бы непродолжительный отпуск, чтобы навестить больного отца. Этот отпуск он надеялся потом продлить до бесконечности. Но Морелос наотрез отказал ему в отпуске, мотивируя свой отказ тем, что такой храбрый офицер, как Лантехас, необходим в его армии и что общественные обязанности выше семейных. А чтобы утешить его в этом отказе и поощрить к дальнейшей деятельности на пользу святого дела осво-

бождения родины от испанского ига, он произвел храброго поручика в капитаны.

Таким образом новоиспеченный капитан, на которого это быстрое повышение в чине произвело самое тягостное впечатление, был вынужден до поры до времени остаться в рядах бунтовщиков, как он продолжал называть Морелоса и его сподвижников.

Глава 14

ОБМАНЩИК

На следующий день после этого Морелосу доложили, что его желает видеть один человек, имеющий сообщить ему нечто очень важное. Морелос приказал позвать его, и когда тот явился, он увидел перед собою человека средних лет с холодным, неприятным лицом, в штатской, но довольно приличной одежде.

— Кто вы и что вам нужно от меня? — резко спросил Морелос у незнакомца, вид которого сразу не понравился ему.

Незнакомец осмотрелся вокруг, потом заговорил холодным, сдержанным тоном:

— Мое имя Пепе Таго. Я не испанец, но состою на службе у Испании и, в качестве артиллерийского офицера, заведу батарею в акапульской крепости... Эту крепость, как я слышал, ваше превосходительство желает взять?

— Да, я намерен доставить себе это удовольствие, — ответил с улыбкой Морелос.

— Быть может, ваше превосходительство путает крепость с городом? — продолжал посетитель. — Город вам нетрудно будет взять, когда угодно, но крепость...

— Нет, — прервал Морелос, — я нисколько не путаю и знаю, что город всегда в моей власти.

— Да, взять его вам ничего не будет стоить, но удержать его за собой вы надолго не сможете, пока крепость в руках испанцев.

— Знаю и это, а потому и не хочу брать города раньше крепости. Но я все-таки не понимаю, что вам угодно от меня?

По лицу посетителя скользнула нехорошая улыбка, и он продолжал каким-то особенным тоном.

— А вот я и явился к вашему превосходительству, чтобы предложить... не говорю продать, а именно предложить, потому что я буду согласен на всякое вознаграждение... Кстати, ваше превосходительство имеет в своем распоряжении денежные средства?

Морелос уже хотел было выгнать этого приятного человека, но зайдя в разговор с ним так далеко, нашел нужным окончить начатое.

— А разве вы не слышали,— сказал он,— что на днях я отнял у вашего генерала Париса, кроме восьмисот пленных, тысячи ста ружей и пяти пушек, десять тысяч долларов золотом? Как видите, у меня достаточно средств, чтобы купить хоть десять таких крепостей, как ваша. Вы же, вероятно, уже нуждаетесь...

— Нет, ваше превосходительство, у нас нет да и не может быть ни в чем недостатка. Остров Рокета...

— Тоже скоро будет в моих руках.

— Может быть. Но пока он в руках испанцев и служит им вспомогательным портом, в который корабли постоянно доставляют все необходимое. Но перейдем к сути. Если я верно понял намек вашего превосходительства, вы согласны выдать мне тысячу долларов золотом за то, что я помогу вам овладеть крепостью?

Морелос на минуту задумался, но возможность взять так легко сильную крепость прельстила его, и он ответил:

— Да, я согласен на эту сумму. Вы желаете получить ее целиком вперед? Так это...

— Нет, ваше превосходительство,— поспешил возразить предатель.— Я понимаю, что вам нужна гарантия в верности моего предложения, и попрошу теперь только половину, а другую после занятия вами крепости.

— Хорошо, я согласен на эти условия,— сказал Морелос.— Теперь сеньор Таго, скажите, как вы думаете устроить сдачу мне крепости?

— Сегодня ночью, от двух до пяти часов, я буду на дежурстве у решётки крепостных ворот. Помещенный на мосту фонарь послужит сигналом к вашему наступлению. Уговоримся теперь о пароле... Во главе наступления, конечно, вы будете сами, ваше превосходительство?

— Разумеется. Вот пароль...

Морелос быстро написал на клочке бумаги два слова и вместе с пятьюстами долларов вручил предателю,

который, раскланявшись, собрался было уходить. Вдруг к нему подошел Косталь, все время присутствовавший при переговорах в качестве телохранителя Морелоса. Остановившись перед предателем, и пронизывая его насквозь своими черными глазами, индеец выразительно проговорил:

— Теперь, сеньор, выслушайте меня. Клянусь духом тегуантепекских кациков, от которых я имею счастье происходить, что если вы вздумаете нас предать, вам придется иметь дело со мной. И хотя бы вы, подобно акулам, нырнули на дно морское, или, подобно ягуарам, укрылись в самых густых лесных зарослях,— я всюду найду вас, и вы получите должное возмездие от моей руки. Запомните это, сеньор!

Предатель вздрогнул и смутился, но тут же оправился и воскликнул с искусственным смехом:

— Не беспокойтесь, ни в акулы ни в ягуары я не паду!

Бросив эти слова, он поспешил удалиться.

— Почему тебе вздумалось сказать ему это, Косталь? — спросил Морелос, когда остался наедине с индейцем.

— Я подозреваю в нем обманщика! — тоном полной уверенности ответил последний.

* * *

Укрепленный замок Акапулько расположен в небольшом расстоянии от города и господствует над ним. Самый замок возведен на вершине одного из утесов, окаймляющих Акапульский залив, волны которого заливают глубокие пропасти, сияющие с обеих сторон этого утеса, так что последний образует как бы мыс полуострова. Через пропасть с правой стороны переброшен высокий, узкий мост. Утес носит название Горнос, его именем назван и сам мост.

В указанную испанским офицером ночь, часа за два до рассвета, когда город и крепость были еще погружены в глубокий сон и царившее вокруг безмолвие нарушалось лишь плеском волн, разбивавшихся о подножия утесов вдоль берега, по направлению к крепости, тихо скользили две мужские фигуры; это были капитан Лантехас и трубач Косталь. Добравшись до утеса, на кото-

ром высилась крепость, они по его скользким уступам стали карабкаться наверх, пока не достигли моста.

Очутившись на мосту, Косталь открыл дверцу в принесенном им фонаре, зажег при помощи огнива находившуюся в фонаре смоляную свечу и потом поместил фонарь на мосту так, чтобы свет падал на крепость. После этого офицер и трубач уселись в углу моста в ожидании появления Морелоса с войском.

— Надвигается буря,— заметил индеец, бросив взгляд на залив.— Смотрите, как светятся акулы — это всегда перед бурей.

В заливе, почти у самого берега, действительно шныряло с десяток акул,— в поисках добычи, освещая вокруг себя воду.— Не дай Бог неопытному человеку попасть в эту прожорливую компанию! — продолжал он после некоторого молчания.— Не боюсь их только я, потому что знаю, как справляться с ними. Когда я был искателем жемчуга, мне не раз приходилось бывать в их компании... Что могут сделать акулы и тигры человеку, которому предназначено прожить век ворона!

— Уж не в этом ли заключается тайна твоей удивительной храбрости, Косталь? — любопытствовал Лантехас.

— Может быть,— ответил индеец с задумчивым видом.— Всякая опасность так же сильно привлекает меня, как акул — добыча. Это у меня врожденное. Но та храбрость, которую видели вы, капитан, происходит от моей неутомимой ненависти к испанцам, поработившим мою родную страну... Но теперь не время рассуждать об этом. Давайте лучше наблюдать за тем, что делается в воде. Вон, например, поглядите туда: не кажется ли вам, что к берегу подплывает человек?

Взглянув по указанному направлению, Лантехас действительно увидел рассекавшую руками волны фигуру с густой челкой низко нависших на лоб волос. Цепляясь обеими руками за неровности берега, фигура понемногу перебралась на берег и улеглась на нем, словно уставший пловец.

— А разве это не человек? — спросил Лантехас, с любопытством рассматривая очертания фигуры на песке.— Это очень похоже на женщину... Погоди, она кажется плачет?

— Нет,— возразил индеец,— это не человек. Но так как это существо действительно имеет женскую грудь,

челку и почти человеческое лицо, остальные же части его тела — рыбы, то его называют «женщиной-рыбой», которая в самом деле издает звуки похожие на плач.

Воспользовавшись случаем, индеец завел разговор о «сирене с распущенными волосами, указательнице сокровищ», и стал выведывать, как отнесся бы капитан к такому явлению, если бы увидел его. Лантехас откровенно сознался, что страшно бы испугался и поспешил бы скрыться.

— Ну, значит, и с вами ничего не выйдет! — с видом глубокого разочарования произнес индеец и замолк, погружившись в свои думы.

Не решался продолжать беседу и офицер, смущенный последними словами индейца, и принялся молча следить за быстрыми движениями светившихся в воде чудовищ и за распростертой на прибрежном песке человеческой фигурой.

Штурм крепости должен был произойти со стороны, противоположной мосту, и оба наблюдателя напряженно прислушивались, не раздастся ли оттуда шума, похожего на наступление. Вдруг вся окрестность дрогнула от звука грянувшего пушечного выстрела, и женщина — рыба с громким визгом бросилась назад в воду.

— Ого! — радостно вскричал Лантехас, быстро вскакивая на ноги. — Значит крепость уже взята?

— Вовсе нет! — возразил индеец.

— Но этот выстрел?..

— Этот выстрел означает, что тот предатель обманул генерала... Боюсь, как бы сам генерал не попал в ловушку?!

Последовало еще несколько пушечных выстрелов, подтвердивших предположение индейца.

— Что же нам теперь делать? — растерянно спросил Лантехас.

— Прежде всего уйти отсюда, — ответил индеец.

Оба поспешно спустились с моста и укрылись в ущелье. Оттуда они увидели, как их солдаты в беспорядке бегут обратно в лагерь, и слышали, как Морелос, стоя с обнаженной саблей в руке посреди дороги, гремит всю силу своего боевого голоса:

— Назад, жалкие трусы!.. Вы хотите перейти через тело вашего генерала? Так вот он! Убейте его и идите! Испугавшись и устыдившись голоса любимого вождя.

дя, часть солдат вернулась и вновь бросилась на бастионы, охранявшие крепостные ворота, но картечный огонь, встретивший их со стен, часть уложил на месте, а остальных заставил обратиться в бегство.

Окончательно убедившись, что обманут, Морелос приказал трубить отбой. Эта была первая неудача, постигшая священника-воина в его многомесячной славной боевой деятельности.

Глава 15

В ИСПАНСКОМ ЛАГЕРЕ

Было жаркое июньское утро, как раз перед началом дождевого периода, когда в Южной Мексике особенно сильно печет солнце. Отвесные лучи его нагревали до степени тлеющей золы густую пыль Гуахапамской равнины, раскинувшейся в виде обширного амфитеатра среди обступающих ее гор.

В описываемое нами время эта равнина представляла безотрадную картину разрушения. Пылали дома селений и среди пожарнища всюду лежали груды всякого имущества, наскоро вытащенного погорельцами из горевших жилищ. Там и сям валялись мертвые тела людей и лошадей, над которыми вились стаи прожорливых пернатых хищников. Из лесов выглядывали не менее жадные четвероногие хищники, также привлекаемые надеждою на обильную добычу. Но те и другие, опасаясь близости людей, не отваживались приступить к пиру.

В одной стороне равнины высоко развевался в воздухе испанский штандарт, указывая место расположения лагеря испанских войск. Далее, в том же направлении, за простым земляным валом, высились колокольни и купола нескольких церквей, испещренных пробоннами от пушечных ядер. Эти церкви находились в городе Гуапахаме, который четвертый уже месяц, с горстью защитников, стойко выдерживал осаду более многочисленного неприятеля. Осаждавших было полторы тысячи, а защитников — не более трехсот. Но эти триста воодушевлялись героическим духом полковника Валерио Трухано.

Читатель, быть может, не забыл того честного и благородного погонщика мулов, который оказал дону Рафаэлю помощь, вылечив его лошадь, и который, в мину-

ты опасности, всегда громогласно обращался за помощью к Богу. Такое же благочестие он сумел внушить и защитникам города, судя по тому, что из-за земляных укреплений до испанцев часто доносилось хоровое пение псалмов и гимнов.

На городских валах стояло несколько пушек с обращенными к испанскому лагерю жерлами. Все пространство между городом и лагерем было усеяно убитыми людьми и лошадьми, тела которых не успели еще убрать.

Заглянем сначала в испанский лагерь, где главнокомандующим был оахакский губернатор Бонавиа со своими помощниками, генералами Кальделасом и Регулесом.

Рано утром описываемого дня в лагерь возвратились из разведки двое верховых драгун. Они сопровождали третьего всадника в одежде вакеро. Последний вел в поводу великолепного карего коня.

Вакеро просил провести его к полковнику Трэс-Вилласу, к которому имел поручение. Драгуны привели его к одному из лучших шатров. Перед этим шатром стоял грум и усердно чистил верховую лошадь.

— А как ваше имя? — спросил грум у вакеро, когда тот попросил доложить о нем полковнику.

— Хулиан, — ответил тот. — Я один из служащих в гациенде Дель-Валле и у меня есть важнее поручение к полковнику Трэс-Вилласу.

— Хорошо. Сейчас доложу полковнику, — проговорил грум и исчез за пологом шатра.

В этот день испанское войско готовилось сделать пятнадцатый по счету приступ к осажденному городу, и полковник Трэс-Виллас собирался на военный совет по этому поводу. Когда грум доложил ему о прибытии посланного из гациенды Дель-Валле, он приказал позвать его. Во все время своей разлуки с Гертрудой он питал тайную надежду на то, что девушка придет, наконец, ему всточку со словом любви и прощения. Поэтому прибытие человека с той стороны всегда сильно волновало его.

— В чем дело, Хулиан? — поспешно спросил он гонца. — Надеюсь, в нашей гациенде все благополучно?

— Пока все слава Богу, сеньор, — ответил вакеро. — Только солдаты на гациенде жалуются, что им нечего делать. Впрочем, известие, которое я привез вашей чести, быть может, даст им и дело...

— Значит, ты привез мне известие о наших врагах?

Тон глубокого разочарования, звучавший в этом вопросе, произвел впечатление даже на грубоватую душу вакери.

— Да, есть и это, сеньор,— поспешил сказать он.— Но у меня имеется кое-что и другое. Наверное вам будет приятно узнать, что я привел с собой Ронкадора?..

— Как... Ронкадора?!

— Да, вашего любимого коня, сеньор. Вы сочли его убитым под вами, но он оказался только раненым. Его выносили и вернули в нашу гацтенду.

— Кто же сделал это?

— Дон Мариано или, вернее, сеньорита Гертруда. Слуга дона Мариано, который привел Ронкадора, передал кстати и письмо вам...

— Письмо?! Почему же ты молчал о нем до сих пор?

— А потому что до него дошла очередь только сейчас,— пояснил вакери.— Вот оно, извольте получить, сеньор.

Достав из бокового кармана своей куртки небольшой пакетик, завернутый для сохранности в пальмовый лист, вакери вручил его своему господину. Рука дона Рафаэля сильно дрожала, когда он принимал пакетик и нераспечатанным положил его на стол. Под напускным равнодушием молодой человек едва мог скрыть охватившую его радость. Сердце его замирало от блаженства. Он живо представлял себе, с каким наслаждением прочтет это дорогое письмо, когда останется один.

— А о чем ты еще хотел сообщить мне, Хулиан? — оведомился он. Говори скорее. Мне некогда.

— Да вот насчет Аройо и Бокардо. Они со всей своей шайкой шныряют около нас, и сеньор Верегуи приказал мне передать вашей милости...

— А, так эти бандиты еще целы и снова подбираются к нам! — воскликнул дон Рафаэль.— передай поручику Верегуи, что я на днях приеду сам, и тогда мы займемся этими разбойниками. А теперь можешь уходить. Отдохни и отправляйся в обратный путь.

Лишь только посланный скрылся за пологом, дон Рафаэль с лихорадочной поспешностью схватил со стола письмо, но некоторое время продержал его в руке, не решаясь распечатать. Сердце молодого человека то уси-

ленно билось, то замирало. Наконец он решился вскрыть пакетик. Из него выпал небольшой листок почтовой бумаги с несколькими строками, написанными тонким женским почерком. Строки эти содержали следующее:

«Обитатели гациенды Лос-Пальмас не забыли любезности дона Рафаэля, оказанной им в весьма критических для них обстоятельствах, и надеются, что полковник Трэс-Виллас сочтет за знак их слабой признательности восстановление здоровья благородного коня, который был любимцем капитана Трэс-Вилласа и которого они имеют удовольствием препроводить ему».

— «Любезность!» — с горечью воскликнул молодой человек, прочитав это коротенькое послание. — Они называют это любезностью! Хороша любезность, которая основывалась на нарушении долга службы и клятвы, данной мною над оскверненным телом моего отца!.. Нет, нужно забыть этих людей! Они совершенно не понимают меня...

Однако, как ни был дон Рафаэль огорчен письмом, давшим ему совсем не то, чего он так страстно ожидал, он не разорвал и не бросил его, а положил в нагрудный карман мундира, как раз над сердцем. Может быть, это письмо писала и не сама Гертруда — он не знал ее почерка, — но все же оно написано, по всей вероятности, не без ее участия. Кроме того, кто, как не она, позаботился о Ронкадоре?..

Утешая себя такими приятными мыслями, дон Рафаэль поспешно направился в шатер главнокомандующего. По дороге молодой человек потрепал по крутой шее своего любимца, стоявшего около входа в шатер, и с удовольствием убедился, что конь по-прежнему вполне здоров и крепок. В ответ на эту ласку Ронкадор весело заржал и потерся мордой о рукав мундира своего любимого хозяина.

Дон Рафаэль явился на военный совет последним. Там с нетерпением ожидали его и удивлялись, почему, всегда такой аккуратный, он так запоздал на этот раз.

— А, вот и полковник! — вскричал Бонавиа, увидев входившего молодого человека. — Я слышал, к вам прибыл откуда-то посланец. Он-то, вероятно, и задержал вас? Быть может, он привез вам вести, касающиеся нашего общего дела?

— Да, генерал, — ответил молодой человек, поздоровавшись с Бонавиа и с остальными. — Поручик Верегуи,

командующий в крепости Дель-Валле, сообщил мне, что те двое опаснейших бандитов, Аройо и Бокардо, о которых я уже имел честь докладывать вашему превосходительству раньше, возвратились вместе со своей шайкой головорезов в Оахаку и производят там разные бесчинства. В виду этого я прошу вас разрешить мне, после окончания нашего здешнего дела, заняться уничтожением этих разбойников.

— Хорошо, полковник, я с удовольствием дам вам это разрешение и от души пожелаю вам полного успеха,— любезно ответил Бонавиа.

Дон Рафаэль поблагодарил, после чего все приступили к обсуждению вопроса о Гуахапаме.

— Господа,— начал Бонавиа,— наступил сто четырнадцатый день нашей осады этого жалкого городишки. Не считая мелких схваток во время неприятельских вылазок, мы, как вам известно, сделали к нему четырнадцать правильных приступов. И, несмотря на это, мы так же далеки от нашей цели, как были в первый день...

— Даже дальше! — перебил генерал Регулес.— Продолжительный успех упорного сопротивления осажденных укрепил их самоуверенность в своих силах. Кроме того, когда мы начали осаду, у них была только одна пушка, а теперь откуда-то появилось еще две...

— Уж не хотите ли вы, генерал, сказать этим, что нам следует снять осаду и бежать отсюда?

Это замечание, брошенное генералом Кальделасом ироничным тоном, ясно указывало на неприязнь, существовавшую между ним и Регулесом. И действительно, оба генерала были между собою не в особенных ладах вследствие большой разницы в их характерах. Кальделас отличался энергией, прямою и храбростью, а Регулес — излишней требовательностью и строгостью к подчиненным при сомнительном мужестве.

— Вот этот именно вопрос я и хочу обсудить,— подхватил Бонавиа, не давая Регулесу ответить на замечание Кальделаса.— Полковник Трэс-Виллас, предлагаю вам, как младшему, высказать свое мнение первым.

— Мое мнение следующее,— начал Трэс-Виллас.— Когда полуторатысячная армия осаждает такой слабый, сравнительно, пункт, как город Гуахапама, защищаемый силою в пять раз малочисленнее, то необходимо или взять этот пункт или же всем погибнуть на его валах.

Поступить иначе — значит не только запятнать свою честь, но и унижить дело, которому мы служим.

— А ваше мнение, генерал? — обратился Бонавиа к Кальделасу.

— Я вполне согласен с полковником! — воскликнул тот. — Снять осаду — значит дать дурной пример нашему войску и ободрить неприятеля. И чтобы сказал на это блестящий главнокомандующий нашей армии, дон Феликс Каллеха? Он тоже в течение целых ста дней осаждал Куаутлу-Амильпас, защищаясь человеком более искусным, чем какой-то Трухано, — самим Морелосом, и все-таки в конце концов, взял этот город.

— Морелос сам очистил тот город, — заметил Регулес.

— Ну, что ж такое? — возразил Кальделас. — Этим самым он и признал себя побежденным.

Настала очередь высказаться и Регулесу. Он подробно изложил все перенесенные испанцами во время осады Гуахапамы лишения, затруднения и потери и заключил свои доводы тем, что, по его мнению, не имеет никакого смысла держаться на мертвой точке понятия о чести и ради этого жертвовать жизнью тысячи человек в то время, как Морелос подступает к самой Оахаке.

В душе Бонавиа был согласен с некоторыми доводами Регулеса, но сочувствовал и мнению противников последнего. Поэтому он выбрал среднее между двумя противоположностями и предложил в следующее утро сделать последний усиленный приступ, в случае же новой неудачи — снять осаду.

Пока Бонавиа излагал это мнение, со стороны города стал доноситься какой-то особенный шум. Прислушавшись, все убедились, что хор многочисленных голосов поет что-то духовное под аккомпанемент военных труб и рожков. Ко всему этому присоединялся и треск ракет, высоко поднимавшихся вверх. Очевидно, осажденные праздновали какое-нибудь радостное для них событие.

— Это ликование — для нас плохой признак, — поспешил сказать Регулес. — Поэтому не завтра, а сейчас же нужно снять осаду и...

— И бежать от страха перед простым фейерверком! — с иронией договорил Кальделас.

— Или, подобно стенам Иерихона, пасть от трубных звуков! — воскликнул Трэс-Виллас.

— Смейтесь, смейтесь, господа! Посмотрим, как вы

будете смеяться, когда я окажусь прав! — обидчиво произнес Регулес.

Наперекор ему совет большинством голосов решил на другой день рано утром приступить к штурму города. Обсудив план и способы штурма, Бонавиа закрыл заседание, и участвовавшие в совете разошлись по своим шатрам.

Дон Рафаэль особенно спешил остаться наедине, чтобы основательно обсудить скрытый смысл полученного из гацценды Лас-Пальмас загадочного послания. Перечитав несколько раз это послание, молодой человек почувствовал, что в его истомленное сердце проник луч радости, который ему хотелось взлелеять и дополнить утешительными мечтами.

Глава 16

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Заглянем теперь в самый город и посмотрим, что делается там.

Случайности партизанской войны сделали простого погонщика мулов распорядителем целого города. Когда Валерио Трухано, преследуемый по пятам испанцами, укрылся со своим отрядом в Гуахапаму, этот небольшой городок ничем не был защищен и не мог бы оказать ему никакого сопротивления, если бы даже и хотел. Но население городка сочувствовало партизанам и приняло их с распростертыми объятиями.

Вступив в Гуахапаму, Трухано тотчас же энергично приступил к делу. К счастью, город был обильно снабжен провиантом, но не имел никаких укреплений. Трухано прежде всего окружил его земляными валами, поставил на одном из них свою единственную пушку и позаботился присоединить к ней еще две, захватив их во время экскурсий по окрестным испанским гаццендам. В обывательскую жизнь города он внес образцовый порядок, за что население было ему очень признательно.

Желая во что бы ни стало покопчить с Трухано, сильно беспокоившего испанцев своими внезапными налетами, они решили взять его вместе с Гуахапамой, но все их усилия до сих пор были тщетны. Трухано не только позаботился о практических мерах борьбы с неприятелем, но примером своего нелицемерного благочестия

поднял дух населения. Ради этого он ежедневно устраивал на площади публичные молебствия с духовными песнопениями. В чрезвычайных случаях эти молебствия носили особенно торжественный характер.

Такой именно случай выпал в тот самый день, когда в испанском лагере происходил военный совет. Трухано какими-то путями узнал о намерении испанцев сделать решительный нажим на город. Опасаясь на этот раз не устоять, в виду малочисленности гарнизона, сильно поредевшего при последнем штурме, Трухано отправил к Морелосу гонца с просьбою о подкреплении. Морелос в это время находился довольно далеко от Гуахапамы и добраться до него было не особенно легко: гонец (наш знакомец, индеец Косталь), несмотря на всю его ловкость, ежеминутно мог быть захвачен испанцами, отряды которых сновали по всей стране. Гонец должен был бы уже вернуться, но его все еще не было: в городе стали уже сильно беспокоиться о нем.

О благополучном возвращении гонца и об успехе возложенного на него поручения Трухано назначил торжественное молебствие, которое и совершалось вечером, на городской площади, среди развалин сгоревших при осаде домов и перед полуразрушенным старинным собором, в присутствии всех жителей. Вокруг площади пылали смоляные факелы, хотя на небе сияла полная луна. Молебствие, руководимое самим Трухано, отличалось особенной торжественностью, так как дело шло о спасении целого города от врагов, сила которых сделалась очень чувствительной в последнее время.

В воздухе было совсем тихо, и не только звуки молитвенного пения гуахапамцев, но и самые слова его ясно доносились до часовых испанского лагеря.

Один из этих часовых ходил взад и вперед по участку лагерного вала, где еще лежали тела мексиканцев, павших в последней битве, когда Трухано сделал было ночную вылазку. Отбитые с большим уроном испанцами, инсургенты были вынуждены поспешно отступить и не успели забрать своих убитых. Испанцы же не хотели заботиться о телах врагов, оставив их в добычу пернатым хищникам.

«Господи, помилуй нас! Господи, спаси нас!» — неслось из города.

Часовой остановился за валом и стал прислушиваться к знакомым уже ему словам.

«Падет от страны твоя тысяща,— доносилось дальше — и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится... на аспиде и василиска наступиши и попереши льва и змия... Яко на мя упова, и избавлю и, и покрюю и, яко позна имя Мое...»

Пока часовой стоял и слушал, ему показалось, будто между мертвыми телами, на валу, что-то шевелится, но он не обращал на это особенного внимания. Движение вдруг усилилось, и часовой невольно оглянулся однако, ничего не заметил, кроме неподвижных тел, над которыми продолжали кружиться хищные птицы.

— Ну, мне это только померещилось, будто между мертвецами что-то шевелится и сползает с вала! — бормотал он про себя.— А в городе-то, слышь, как завывают... поют что-то насчет нас... должно быть, готовятся к чему-то важному. Пойте, пойте, голубчики! Не долго уж вам теперь петь! Вот, утром сделаем новый приступ,— тогда и конец вашему пению!

Пробормотав эти заключительные слова, солдат снова зашагал взад и вперед по своему участку. В то время, когда он повернул назад к тому месту, где лежала груда мертвых тел, он совсем уж ясно увидел, как внизу вала поднялась на ноги человеческая фигура и со всех ног пустилась бежать по направлению города.

— Иезус Мария! — в ужасе прошептал солдат, осеня себя крестным знаменем.— Кто это, воскресший мертвец или приведение?.. Ох, Господи! да уж не шпион ли это? — вдруг спохватился он.— Да, да, вернее всего шпион... Выстрелить разве в него?.. Да, нет, он уж далеко... не попадешь... зря только тревогу поднимаешь. Мне же потом влетит от начальства за то, что прозевал. Нет, лучше уж молчать... будь что будет!

Придя к такому решению, солдат замолчал и принялся опять шагать по валу.

Готовясь к новому приступу на осажденный город, испанцы не ожидали, что на них с тыла надвигается сам Морелос со всем своим штабом и с тысячью человек солдат. Оказалось, что посланный к нему гонец, несмотря на все препятствия, встреченный им на дороге, все-таки добрался до него и передал ему свое поручение, а на обратном пути, неся радостную для гуахапамцев весть о том, что за ним следует сам генерал с большим подкреплением, ухитрился пробраться в испанский лагерь и разуз-

нать там кое-что очень важное для Трухано. Это он-то своими маневрами при удалении из испанского лагеря и взбудоражил так часового.

Глава 17

БИТВА ПОД ГУАХАПАМОЙ

В эту ночь дон Рафаэль, терзаемый своими сердечными сомнениями, спал очень плохо. Чтобы несколько развлечься, он приказал оседлать своего любимца Ронкадора и выехал из лагеря на равнину. Едва он успел отъехать с пол лиги, как его привычное ухо уловило несшиеся навстречу звуки, по которым он сразу догадался о приближении конного войска. Войско это надвигалось на испанский лагерь с тыла. Так как не имелось никакого основания ожидать подкрепления со стороны своих, то полковнику Трэс-Вилласу осталось только заключить, что приближающееся войско неприятельское. С этой вестью он и поспешил обратно в свой лагерь.

Принесенная им весть произвела там ошеломляющее действие. Испанцы поняли, что вместо выполнения задуманного ими нового штурма Гуахапамы, на них самих готовится сильный нажим с двух сторон: со стороны приближавшегося подкрепления и из города. Сообразно с изменившимися обстоятельствами, Бонавиа принял другие меры. Сначала испанское войско было сильно смущено, узнав, что оно очутилось между двух огней, но увещевания начальства и привычка к военной дисциплине быстро его успокоили.

Поднявшееся на горизонте солнце раздвинуто туманную завесу, скрывавшую друг от друга неприятельские позиции. Мексиканские аванпосты оказались уже снятыми и возвращенными в город. Из города вновь слышался торжественный хор молившихся, а с противоположной стороны доносились крики: «Да здравствует непобедимый Морелос!» и резкий боевой клич инсургентского марша: «Вот Галеана!»

Вскоре городские ворота отворились и из них выступил в полном боевом порядке гарнизон, к которому присоединилось несколько сот вооруженных чем попало горожан. Одновременно с этим со стороны подступал и Морелос со своим войском.

Испанцы в обе стороны открыли беглый ружейный огонь; Трухано и Морелос стали отвечать им тем же.

Морелос поручил ведение боя маршалу Галеано, а сам с подозрительной трубкой в руках, окруженный свитой, поднялся на небольшую горную возвышенность, откуда свободно можно было наблюдать за боем.

Почти одновременно Трухано начал атаку на фронт испанского лагеря, защищаемый генералом Регулесом, а Галеано — на тыл, где командовал генерал Кальделас.

Перестрелка мало-помалу перешла в горячую рукопашную схватку, начатую мексиканцами. Они были гораздо малочисленнее своего противника, но под предводительством Трухано произвели такую отчаянную атаку на отряды Регулеса, что последние дрогнули и смешались было, но тут же оправились и стали сами теснить мексиканцев, так что Трухано несколько времени находился в неопределенном положении.

Между тем к генералу Кальделасу примкнул сам Бонавиа с целью соединенными силами отразить стремительный натиск Галеано, и этот герой, несмотря на все свои усилия, не мог прорвать тесно сплоченных рядов более сильного неприятеля, чтобы соединиться с Трухано.

Последний ясно видел, что ему одному долго не удержаться. Стирая струившийся по его загорелому лицу пот, он сказал стоявшему возле него дону Корнелио:

— Капитан, дела наши сейчас обстоят очень плохо. Одним нам ничего не сделать. Садитесь скорее на лошадь и скачите к генералу Морелосу... Он должен быть на каком-нибудь возвышенном месте... Дорогою просите. Просите его немедленно подкрепить меня несколькими батальонами. Скажите ему, что от этого будет зависеть весь успех нашего боя. Скачите во весь дух. А я пока постараюсь сдержать натиск противника. С Богом, капитан!

— Слушаю, полковник! — ответил бывший студент богословия с несвойственной ему готовностью к таким опасным поручениям.

Через минуту он был уже в седле и, с копьём в руке, вихрем несся в объезд испанского лагеря.

В то же самое время из этого лагеря мчался офицер к Бонавиа также с поручением просить у него подкрепления генералу Регулесу, сильно теснимому Галеаной,

хотя у первого было гораздо более сил, чем у последнего. Бошавиа, не взирая на справедливые протесты Кальделаса, тотчас же двинул в подкрепление Регулеса довольно значительный отряд кавалерии.

— Хорошо же! — вскричал взбешенный Кальделас. — Если Регулес окажется причиной нашего поражения, то я разможжу ему голову пулей, а потом и свою собственную.

И действительно, как бы в оправдание опасений Кальделаса, крыло его, сильно ослабленное посланным Регулесу подкреплением, оказалось не в состоянии противостоять отчаянному натиску Галеаны. Это крыло вскоре же подалось назад, ряды его смешались и ударились в бегство.

Ослепленный яростью, Кальделас повернул своего коня и, предоставив полковнику Трэс-Вилласу собирать рассеявшихся в разные стороны солдат, сломя голову помчался туда, где шла борьба между Регулесом и Трухано.

В это время дон Корнелио, стараясь как можно дальше держаться от мест сражения, объезжал кругом большое маисовое поле, находившееся в одной стороне равнины и немного возвышавшееся над нею. Высокие стебли маиса совершенно загораживали ему вид на окрестности. Благодаря этому, офицер поневоле неожиданно очутился почти лицом к лицу с целым отрядом испанского войска.

Едва помня себя от испуга, храбрый по недоразумению воин поспешно повернул лошадь и бросился назад на перекресток, с которого попал к маисовому полю. Пока наш воин, стоя на этом перекрестке, раздумывал, какой из двух путей выбрать, он увидел несшегося прямо во весь опор испанского офицера, с сильно возбужденным видом и пистолетом в руке, изрыгавшего целый поток проклятий.

Наш храбрец, разумеется, вообразил, что офицер имел намерение напасть на него. Это следовало предупредить. Наэлектризованный отчаянием, храбрый воин ринулся навстречу неожиданному противнику и, очутившись с ним лицом к лицу, сильным ударом копья в грудь пронзил его насквозь. Испанский офицер свалился на землю и тут же испустил дух. Это был генерал Кальделас.

С другой стороны поля до ушей экс-студента вдруг донесся чей-то горестно-гневный возглас. Не останавли-

ваясь, чтобы узнать, кто испустил этот возглас, храбрец поспешил дальше, вокруг линии расположения испанских войск.

Однако испытания война поневоле этим не кончились. Он услышал за собою погоню и, оглянувшись, увидал другого неприятельского офицера, конь которого несся вихрем, едва касаясь копытами земли, словно крылатый. Бывшему богослову вдруг пришел на память апокалипсический зверь, и он был уверен, что этот зверь послан, чтобы наказать его за участие в богопротивном восстании против законной власти. В неописуемом ужасе он бросил стеснявшее его копье и стал понукать свою лошадь, которая и без того неслась во весь дух.

Но «апокалипсический зверь» настигал его. Вскоре голова этого страшного зверя очутилась на одном уровне с седельной лукой беглеца. В то же время он почувствовал себя схваченным за ворот сильною рукой, поднятым на воздух и переброшенным поперек седла его преследователя. Перед испуганными глазами беглеца сверкнул кинжал, принятый им за огненный меч карающего архангела. В паническом страхе бедняк зажмурил глаза, вполне уверенный, что пробил его последний час. Но вдруг рука, державшая кинжал, опустнлась и чей-то очень знакомый голос воскликнул:

— Ба! Да это дон Корнелио Лантехас?

Открыв глаза, изумленный экс-студент увидел над собою удивленное лицо дона Рафаэля Трэс-Вилласа.

С своего наблюдательного пункта Морелос видел стычку Лантехаса с испанским офицером, т. е. собственно с совершенно нечаянно наткнувшимся на капитана генералом Кальделасом, спешившим, как мы знаем, по собственному делу и сослепу даже не обратившим внимания на Лантехаса.

— Смотрите, смотрите, господа,— говорил Морелос окружающим,— стычка между нашим капитаном Лантехасом и испанским генералом Кальделасом!.. Какой великолепный удар! Одним движением руки он свалил с лошади самого храброго из наших противников!.. Ура! Мы победили! Испанцы остались без своего мужественного вождя, как овцы без пастыря, и бросились в бегство!.. Ну, милостивый государь,— обратился он к одному из своих офицеров,— неужели вы и теперь будете утверждать, что храбрость и доблесть капитана Лантехаса — только кажущиеся? Надеюсь, что настоящий его подвиг, совершенный им на глазах у всех, заставит, на-

конец, вас сознаться в вашем ошибочном мнении относительно этого действительного храбреца, повинного лишь в излишней скромности.

Офицер что-то проворчал и отвернулся в сторону битвы. Морелос замолчал и тоже принялся вновь наблюдать за сражением, которое подходило к концу и, видимо, клонилось в пользу мексиканцев.

— Ну, дело кончено! — немного спустя воскликнул с торжеством Морелос. — Неприятель в беспорядке отступает... Галеана и Трухано его преследуют... Победа наша полная, и ею мы обязаны, главным образом, доблестному капитану Лантехасу... Но где же он? Неужели, по свойственной ему скромности, куда-нибудь спрятался? Это с него станется... Ну, потом, когда он найдется, я поблагодарю его и постараюсь достойно вознаградить за совершенный им подвиг. А теперь мы можем удалиться отсюда туда, где наше присутствие еще нужнее, чем здесь. Трубить сбор всех частей!

Пока к Морелосу собирается рассеянное по равнине его войско, мы вернемся к мексиканскому капитану Лантехасу и испанскому полковнику Трэс-Вилласу.

Последний, как мы уже знаем, был поражен сильным изумлением, узнав в своем пленнике человека, с которым когда-то находился в дружеских отношениях, — человека мирного, даже робкого, готовившегося к духовному сану, всего более подходившему к его натуре.

«Как мог этот бледный, слабый, нежный юноша одним ударом убить такого сильного и храброго человека, как Кальделас, перед взглядом которого он сам должен был бы умереть от страха? Уж не означает ли эта неестественность, что наше дело — несправое?» — думал он, глядя на пленника, и сказал ему вслух:

— Благодарите Бога за то, что вы попали в руки человека, которому приятные воспоминания о былых встречах с вами не позволяют отомстить вам за смерть генерала Кальделаса, павшего от вашей руки.

— Как... это был генерал Кальделас?! — с искренним удивлением и сожалением вскричал экс-студент, не знавший в лицо нечаянно убитого им противника. — О, как я сожалею!.. Но что же было мне делать? Ведь он летел прямо на меня с пистолетом в руке! Я думал только защититься... Это вышло против моей воли.

Искренность тона, которым ответил пленник, вполне убедили Трэс-Вилласа, что экс-студент действительно ни-

сколько неповинен в сознательном убийстве Кальделаса. Но его продолжало удивлять превращение богослова в военного.

— Хорошо, я верю вам и отпускаю вас,— сказал он, помогая пленнику спуститься с своего коня.— Но мне очень хотелось бы узнать, как могло случиться, что вы из студента-богослова превратились в офицера инсургентской армии?

— Тоже против своей воли,— с такою же искренностью печально ответил Лантехас.— Меня заставили...

Буря торжествующих криков, донесшаяся с поля битвы, прервала его. Очевидно, одна из сражавшихся сторон одержала победу, но какая именно,— пока трудно было понять. В то же время из-за поворота дороги вдруг появилось несколько всадников, полувоенная экипировка которых указывала на принадлежность их к инсургентской армии.

— Сеньор полковник, вот и капитан Лантехас! Он жив и невредим! — крикнул один из всадников.

В следующий момент Лантехас и Трэс-Виллас оказались окруженными полдюжиной всадников.

Положение последнего теперь оказалось таким же критическим, каким за минуту перед тем было положение Лантехаса. Пистолеты его были разряжены, сабля сломана в бою и брошена; для защиты у него оставался только кинжал. Однако гордый и храбрый молодой офицер не растерялся; он решил действовать и этим неважным оружием, но не сдаваться добровольно в плен.

— Капитан Лантехас! — раздался из группы всадников другой голос,— поезжайте скорее к генералу. Он желает публично поблагодарить вас за ваш подвиг, которым вы решили исход дела в нашу пользу.

В говорившем Трэс-Виллас не без удовольствия узнал Валерио Трухано, бывшего простого погонщика мулов, а теперь одного из прославленных вождей инсургентской армии. Стоять лицом к лицу с таким противником было неоскорбительно для чести и самолюбия испанского офицера.

Слишком гордый, чтобы напомнить Трухано о прежних взаимных услугах, он с обнаженным кинжалом в руке, направил своего коня во весь карьер навстречу инсургентскому полковнику, и притом, с такой стремительностью, что кони противников непременно столкнулись

бы, если бы — кто бы мог подумать? — не Лантехас! Тронутый только что проявленным над ним великодушием дона Рафаэля, экс-студент, рискуя попасть под копыта обеих коней, бросился между ними и схватил Ронкадора под уздцы.

— Полковник Трухано,— крикнул он,— я не понимаю, какой подвиг приписывает мне генерал! Но если я действительно поспособствовал чем-нибудь вашей победе, то не желал бы другой награды, кроме жизни и свободы полковника Трэс-Вилласа!

— Я ни от кого не желаю никакой милости! — гордо заявил дон Рафаэль.

— Но, быть может, не откажете мне вот в этом? — с искренней сердечностью проговорил Трухано, протягивая ему руку.

— Побезденный не подает руки победителю! — тем же тоном ответил Трэс-Виллас.

— Здесь нет ни побезденного ни победителя,— продолжал Трухано с своей обяательной улыбкой, привлекавшей к нему всех, кто имел с ним дело.— Здесь есть только человек, который не забыл когда-то оказанной ему услуги,— прибавил он.

Гордость молодого офицера была побездена.

— Если так, то здесь не один только человек, помнящий услуги,— их двое, полковник,— с такою же сердечностью произнес он, крепко пожимая протянутую ему его благородным противником руку.

После этого оба всадника сблизили своих коней и обменялись изъявлениями доброго расположения друг к другу. Трухано воспользовался удобным моментом и шепнул дону Рафаэлю:

— Идите с Богом, куда вам нужно,— вы свободны. Идите! — с доброй и вместе с тем с какою-то загадочной улыбкой повторил он,— и сдайте себя пленником в гациенде Лас-Пальмас. Дорога туда для вас широко открыта, поверьте мне.

Во взоре дона Рафаэля блеснул луч радостной надежды. Молодому человеку очень хотелось бы спросить у Трухано, на чем тот основывал такую уверенность, но инсургентский полковник вдруг принял официальный вид и крикнул своим солдатам:

— Расступись! Дорогу полковнику Трэс-Вилласу! Он свободен!

Затем он форменно отсалютовал испанскому полков-

нику саблей, на что тот мог ответить лишь движением руки и взглядом глубокой признательности. После этого, пожав руку Лантехасу, дон Рафаэль повернул своего коня и пустился вслед за отступавшим испанским войском.

Глава 18

РАЗБОЙНИЧЬИ ЗАМЫСЛЫ

Читатель, вероятно, еще не забыл, что личные враги дона Рафаэля, убийцы его отца, Аройо и Бокардо, оставили гациенду Лас-Пальмас, обокрав ее владельца. Эти негодные люди, воспользовавшись чисто идейным движением мексиканцев, желавших только освобождения своей родины от испанского владычества, принялись прямо разбойничать и грабить без разбора всех, кто попадал им под руку. Как в каждом богатом мексиканском доме, у дона Мариано де-Сильва, между прочим, было много старинной и очень ценной серебряной посуды. Всю эту посуду грабители и забрали с собой, прихватив кстати еще кое-что пришедшееся им по вкусу.

К счастью для обитателей гациенды, разбойники ограничились только этим, хотя имели гораздо более злые намерения. Остановила их боязнь окончательно скомпрометировать себя в глазах честных повстанцев и дожидаться, наконец, от них заслуженной кары. Дон Мариано был известен, как приверженец делу освобождения Мексики; если он и не выступал активно сам, оберегая дочерей, зато щедро помогал повстанцам, чем мог. К тому же разбойники побаивались и полковника Трэс-Вилласа, который с удвоенной настойчивостью стал бы их преследовать, если бы они, убив его отца, причинили какое-либо зло и любимой им девушке.

Поделив богатую добычу между собою и своими соучастниками — всяким сбродом, состоявшим из беглых воров и разных прожигателей жизни, — Аройо и Бокардо некоторое время пировали в городских трущобах, а потом снова стали готовиться к набегам на богатых гациендаторов.

В это время Марианита де Сильва вышла замуж за своего жениха, которого так нетерпеливо ожидала в день наводнения, но, благодаря начавшемуся восстанию, дождалась гораздо позже. Имя ее мужа было дон Фернандо

де-Лакарра. Его гациенда, Сан-Карлос, находилась неподалеку от гациенды Лас-Пальмас, на берегу реки Остуты, разделявшей оба владения, близ озера, носившего такое же название, как и река. Хотя дон Фернандо по крови и был испанцем, но искренно любил свою родину, Мексику, и горячо желал ее освобождения, поэтому у него с доном Мариано не было никаких политических недоразумений.

По мере того, как восстание распространилось по провинции Оахаке, испанцы усиливали свою бдительность в ее столице, и в один прекрасный день дон Мариано, тайно способствовавший этому восстанию, получил приказ губернатора немедленно выехать в поместье из столицы, в которую старый гациендатор переселился было вместе со старшей дочерью. Перед тем, как исполнить этот приказ, дон Мариано, по просьбе Гертруды, отправил к дону Рафаэлю гонца с извещением о своем переселении из столицы опять в Лас-Пальмас и кое с чем еще уже прямо от молодой девушки. После этого он с дочерью выехал и сам. Девушку несли в носилках, так как она, терзалась тайным сердечным недугом, очень ослабла и не могла держаться в седле. Отца и дочь сопровождал конный отряд, состоявший из пяти хорошо вооруженных слуг и четырех носильщиков.

В тот же день из лагеря генерала Морелоса выезжал дон Корнелио Лантехас. Вместо военного мундира на нем была обыкновенная штатская одежда простого путешественника. Его сопровождали индеец Косталь и негр Клара. Дону Корнелио генералом Морелосом было дано важное секретное поручение, очень почетное, в смысле доверия к «храброму» офицеру, но вместе с тем и очень опасное.

Поручение это было следующее. Морелос задумал овладеть Оахакой, столичным городом одноименной с ним провинции. Это сделало бы инсургентского генерала обладателем не только самой провинции, но и всей южной части Мексики, от Атлантического океана вплоть до Тихого. Морелосу очень хотелось завершить таким подвигом компанию текущего года, перед роспуском войска на зимние квартиры.

Но прежде чем предпринять такое дело, как взятие многолюдного города с сильным гарнизоном, Морелос нашел нужным сначала собрать точные, по возможности, сведения относительно рессуров Оахаки. Сбор этих све-

дений он и возложил на своего адъютанта, капитана Лантехаса.

Кроме того, Морелос поручил ему постараться повидать гверильясских вождей, Аройо и Бокардо, которые своими разбойничьими действиями, участвовавшими за последнее время, сильно роняли в глазах населения дело освобождения, и внушить им, что если они не прекратят своих бесчинств, то будут схвачены и казнены, как обыкновенные разбойники.

Хорошо понимая опасность данного ему поручения по отношению к таким людям, как Аройо и его неразлучный сподвижник Бокардо, воин поневоле находился в самом угнетенном настроении, когда подъезжал к реке Остуте, на обоих берегах которой был расположен лагерь этих «освободителей». В своем обычном малодушии эк-студент совершенно забывал собственный авторитет, как офицера мексиканской армии и адъютанта самого Морелоса.

Поясним, почему Аройо выбрал для своей стоянки именно это место. Дороги из городов Гуахапамы и Оахаки, в самом начале находящиеся далеко одна от другой, постепенно сближаются и встречаются на берегу Остуты, около переправы через эту реку. Гациенда Дель-Валле была расположена на левом берегу реки, а гациенда Сан-Карлос — на правом, — обе близ переправы.

Аройо задался целью разгромить и ограбить обе эти гациенды, вот почему он и устроил здесь свою стоянку. Ему удалось значительно увеличить свою шайку, и в ней теперь было гораздо больше разбойников, чем в начале его «освободительной» деятельности. Он раскинул свое становище на обоих берегах реки Остуты, так что господствовал и над переправой и над дорогами в гациенде Дель-Валле и Сан-Карлос.

День вступал в свои права. Проснулся и разбойничий лагерь. Но прежде чем побывать в этом лагере, заглянем немного в сторону. На некотором расстоянии от переправы, близ дороги, ведущей от Гуахапамы к гациенде Дель-Валле, посреди лесной поляны, происходило какое-то совещание восьми всадников, а шагах в пятистах от них, по едва заметной тропинке, вившейся между роскошными вековыми деревьями, осторожно пробирались два пешехода, каждый с мешком на спине. Кроме того, в равном расстоянии от всадников и пешеходов, на толстых ветвях

одного из густолиственных деревьев, футах в десяти от земли, спокойно спал человек, крепко привязанный длинным шелковым шарфом к ветвям дерева. Этот воздушный ночлежник был не кто иной, как дон Рафаэль Трэс-Виллас. Измученный трехдневной верховой ездой под знойным солнцем и двумя бессонными ночами, он, по пути в свою гациенду, не нашел другого места для отдыха.

Между тем к Аройо и Бокардо явился гонец с весьма для них неприятным известием.

Из слов этого человека оказалось, что из пятидесяти гверильясов, посланных Аройо для взятия гациенды Дель-Валле, погибла пятая часть вместе с их начальником Лантехасом, (дальним родственником нашего героя, которого последний никогда не видал). Далее Аройо и Бокардо узнали от гонца, что накануне, вечером, возле гациенды Дель-Валле показался было ее владелец полковник Трэс-Виллас. Его хотели схватить, но он уложил троих гверильясов саблей, а четвертого опрокинул его конь, такой же бешеный, как сам полковник. После этого конь и всадник исчезли, «словно сам черт унес их», как выразился Гаспачо. В заключение гонец сказал, что он послан осаждающими просить у капитана Аройо подкрепления, так как с оставшейся горстью людей невозможно овладеть гациендой Дель-Валле, которая упорно защищается. Да и из этой горсти пришлось отделить десять человек для поимки бешеного полковника, так что под стенами гациенды осталось не более тридцати человек.

Выслушав объяснения гонца, Аройо приказал ему подкрепить силы и отдохнуть, а сам вместе со своим помощником принялся обсуждать план поимки бешеного полковника и разгрома его гациенды, затем дело решено подвергнуть той же участи и гациенду Сан-Карлос, захватить жену владельца этой гациенды, а его самого, если он будет сопротивляться, отправить на тот свет, предварительно выпытав от него, что нужно.

Совещание бандитов еще не вполне было окончено, как в палатку вбежала жена Аройо и громко крикнула:

— Клетка опустела! Птичка улетела вместе со своим караульщиком Цапотэ!

— Негодяи! Тысячу чертей им вдогонку! — взревел Аройо, вскакивая с своего места.

— Значит, и мои планы насчет поимки бешеного полковника ухнули! — воскликнул, в свою очередь, Бокардо.

— А вот мы увидим! — проговорил Аройо и выскочил из палатки. — Эй, вы, разини! — крикнул он толпившимся неподалеку нескольким разбойникам: — если прозевали этих мерзавцев, Гаспара и Цапотэ, то сию же минуту отправляйтесь за ними в погоню и доставьте их сюда живыми, непременно живыми, слышите?!

Состязаясь в усердии, разбойники тут же сформировали отряд в десять человек, который и поскакал в погоню за беглецами.

Глава 19

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ПОСЛАНЕЦ

В тот же день, под вечер, бывший студент-богослов, а ныне капитан инсургентской армии, дон Корнелио Лантехас, в сопровождении своих проводников, индеец Косталя и негра Клара, подъезжал к реке Остуте. Не доезжая до переправы, они сделали остановку. Пока лошади щипали сочную траву, Лантехас растянулся на ней, чтобы дать отдохнуть отекившим от сиденья на седле членам, а негр занялся приготовлением ужина. Ужин состоял из вяленого мяса и нескольких горстей маисовых зерен, которые негр поджарил на огне разведенного им костра.

После ужина индеец и негр растянулись в тени деревьев и вскоре крепко заснули. Их примеру последовал и дон Корнелио, несмотря на досаждавшие ему мрачные мысли.

Когда на смену солнца на небе появилась красавица-луна, индеец проснулся, по обыкновению, первый и разбудил остальных. Взнуздав лошадей, тоже хорошо отдохнувших, путники направились неспеша к переправе.

Добравшись до переправы, они не нашли около нее ни одной палатки и ни одного человека: только кое-где догоравшие костры и груды разного брошенного хлама свидетельствовали, что тут недавно кипела жизнь множества людей.

— Значит, тот, которого мы видели в лесу, сказал правду, что Аройо мог покинуть здешнее место, и отправиться в гациенду Сан-Карлос. Придется и нам ехать туда, — заметил индеец.

— А если эта гациенда занята испанцами? — предположил Лантехас.

— В таком случае я сначала схожу на разведку. А вы с Кларой обождите моего возвращения, — предложил индеец.

Дон Корнелио одобрил это предложение, и индеец отправился вперед, а его спутники, сойдя с лошадей, расположились около одного из догоравших костров.

Прошло более двух часов. До гациенды было только полчаса езды, но Косталь не возвращался. Негр вызвался отправиться по его следам и разузнать, что с ним случилось. Лантехас отпустил негра, но с тем, чтобы тот через полчаса вернулся назад, если даже не встретит индейца и ничего не узнает о нем.

Прошел еще час, но ни индеец ни негр не возвращались. Это показалось дону Корнелио очень подозрительным. Обождав еще с полчаса, он решил сам отправиться вслед разведчикам.

Дорога шла в гору. Через некоторое время перед глазами молодого человека обрисовались очертания большой гациенды, все окна которой были так ярко освещены, точно внутри пылало пламя. Вглядевшись, дон Корнелио заметил, что огни в доме то и дело меняют цвет, переходя из красного в фиолетовый, из фиолетового — в синий. Это показалось экс-студенту такой странностью, даже неестественностью, что он с суеверным ужасом перекрестился и не решился двинуться дальше. Он вспомнил слова оахакского епископа о превращении инсургентов в демонов и готов был поверить, что находившаяся перед ним гациенда занята такими демонами, и что его разведчики попали к ним в лапы.

Раздумывая, что предпринять, он не заметил, как из-за деревьев, с трех сторон окружавших гациенду, вдруг выскочило четверо всадников, которые тут же набросились на него. Подневольный воин так растерялся, что даже не сделал попытки к сопротивлению. В одно мгновение на его шею было накинута лассо, и он был стащен на землю, потом, с петлей на шее, поставлен на ноги.

— Испания или Мексика?! — крикнул один из всадников, имевший особенной зверский вид.

Не зная, с кем имеет дело — с испанцами или гверильясами, — дон Корнелио колебался сразу ответить.

— Ну, если не желаете отвечать нам, то идем к капитану,— продолжал всадник.— Марш за нами!

Всадники сошли с лошадей и вошли в открытые ворота гациенды.

Проходя мимо дома, из окон которого лились потоки света, один из всадников, разглядев пленника, со смехом воскликнул:

— Ба! Да это белый! Вот смешно-то, красный, черный и белый! Недостает только метиса для полного комплекта.

Из этих слов дон Корнелио понял, что его разведчики тоже попали в плен.

— Что вам нужно от меня? — догадался, наконец, он спросить.

— Самых пустяков: повесить вашу голову на то место, где висит голова нашего поручика Лантехаса! — со смехом ответил один из провожатых.

— Лантехаса?! — с недоумением и ужасом повторил дон Корнелио, не знавший, как мы уже говорили, ни о существовании этого своего дальнего родственника ни о том, что он был убит во время приступа гверильясов к гациенде Дель-Валле и что его голову испанцы повесили на воротах гациенды.— Да ведь это моя фамилия,— продолжал он.— Я — капитан Лантехас, посланный сюда с поручением от генерала Морелоса к вашему...

Громкий хохот конвоиров прервал его объяснение.

— Пойдите! Да ведь это тот самый милашка, у которого на плечах мой камзол!

С этим радостным возгласом один из негодяев сорвал с него камзол, потом с самого себя свои грязные лохмотья и нарядился в приличный камзол пленника. К этому он присоединил и его мягкую поярковую шляпу, швырнув ему взамен свою истрепанную.

— Вот я теперь какой молодец! — воскликнул негодяй.— Этот камзольчик как раз по мне,— прибавил он, любуясь отнятым камзолом, сидевшим на его длинной и тощей фигуре, как мешок, и с рукавами, далеко не доходившими до кистей рук.— А вы, сеньор «капитан», обратитесь он к дон Корнелио,— наряжайтесь в мой... Он тоже вполне подходит вам. Не стесняйтесь, пожалуйста! Позвольте помочь вам.

И негодяй, при громком хохоте товарищей, стал напяливать на пленника свои грязные и вонючие лохмотья, который тот, скрепя сердце, должен был надеть.

После этого пленника ввели на обширный внутренний двор. Посредине двора горели костры, вокруг которых, во всевозможных позах, было сгруппировано человек полтора. Вдоль стен стояло столько же оседланных лошадей, перед которыми лежали кучи маиса; животные с видимым наслаждением пережевывали спелые зерна. Там и сям сверкали в пламени составленные в козлы пикеты, сабли, ружья и другое холодное и огнестрельное оружие.

Со страхом и трепетом смотрел дон Корнелио на этот разбойничий сброд. На него же самого никто не обратил никакого внимания: пленники здесь были самым заурядным явлением.

Один из сидевших около костра встал, подошел к Гаспачо и спросил у него:

— Что же это ты вернулся? Ведь тебя, кажется, капитан послал к...

— Да,— прервал гонец.— Но сначала он велел мне вместе с другими поймать здешнюю хозяйку. Она куда-то скрылась. Одни из здешних челядинцев говорят, что она удрала из гацienды, другие уверяют, что муж спрятал ее где-то тут. Капитан, как я слышал, хочет сделать ему допрос.... знаешь, с пристрастием. Когда капитан сам устанет, ему будет помогать супруга... Ведь она насчет таких допросов еще лютее... Капитан хлопчет для Бокардо, которому очень хочется заполучить эту красотку... А, может быть, и для самого себя,— кто знает? Ну, да это дело не наше...

— Ну и что же, вы так и не нашли ее? — полюбозыщивал бандит.

— Нет, хотя обрыскали весь лес около гацienды. Беглянка не могла далеко уйти, но мы не нашли даже ее следов. Вот почему капитан думает, что ее скрыл где-нибудь здесь муж и будет допрашивать его. Он уже знает, что нам не удалось найти ее. Мы так с пустыми руками и вернулись бы, если бы не подвернулся вот этот молодчик. Мне сдается, что это испанский шпион. Он так заврался, что даже назвался именем нашего славного поручика Лантехаса, который был убит испанцами в то время, когда мы под его началом штурмовали гацienду бешеного полковника.

— Вот как! Ну, разумеется, шпион! — согласился собеседник Гаспачо и вернулся к своим товарищам.

Пока Гаспачо ходил узнавать, куда Аройо прикажет привести пленника, последний, находясь все еще на дворе, имел возможность слышать, как похвалялись разбойники, что они проникли в эту гациенду обманом, впущенные туда самим ее владельцем, который теперь сам, его имущество и жена, когда отыщется,— все в их власти.

И действительно, дон Фернандо, сочувствовавший делу освобождения родины, не раз укрывал у себя инсургентов, снабжая их провiantом и деньгами. Так и в этот раз. Когда хорошо знакомый ему Аройо явился вечером в этот день в гациенду Сан-Карлос, дон Фернандо, не подозревая злого умысла бандита, впустил его к себе со всей его шайкой. Сам хозяин и вся его гациенда тотчас же оказались в полной власти разбойников, которые и принялись там хозяйничать по-своему. Когда дон Фернандо понял свою ошибку, было уже поздно исправить ее. Хотя у него немало было разных служащих, но все же далеко недостаточно против полтораста хорошо вооруженных отчаянных головорезов. И он поневоле должен был покориться своей участи.

— Капитан приказал привести шпиона прямо к нему, а вам пока оставаться здесь,— объявил возвратившийся Гаспачо своим товарищам, ожидавшим вместе с пленником его возвращения.

Дона Корнелио ввели в обширную комнату нижнего этажа с мозаичным полом. Посредине комнаты стояла большая металлическая бадья, наполненная горевшим в ней спиртом. Постоянно менявшее окраску пламя спирта и производило то странное разноцветное освещение, которое так напугало дону Корнелио, когда он смотрел на дом снаружи. Окна в комнате не были открыты, поэтому в ней царил опьяняющая удушливая атмосфера, трудно переносимая для непривычного человека.

У одной из стен столпилась группа разбойников, видимо наслаждавшихся каким-то зрелищем. Зрелище это состояло в том, что на полу, лицом к нему лежал совершенно обнаженный человек со связанными руками и ногами, а над ним стоял другой и изо всех сил хлестал его длинным кожаным жгутом; проводя по спине истязуемого кровавые полосы. Брызги крови, усевавшие весь пол вокруг жертвы, доказывали, что истязание длилось уже довольно долго.

Тот, который производил истязание, озаренный фантастическим пламенем пылавшего спирта, показался дону

Корнелио настоящим демоном,— до такой степени была дика и свирепа его физиономия. Рядом с ним стояла огромного роста женщина, чернолицая, безобразная, еще более дикого вида, чем мужчина, и хриплым голосом поощряла истязателя «хорошенько прохватить этого упрямого испанца, который не хочет добровольно сказать, где его сокровища, долженствующие идти на общее благо, и куда он спрятал свою жену, за которую можно получить хороший выкуп с ее отца».

— Капитан, вот пленник, которого вы приказали привести сюда,— доложил Гаспачо истязателю, к сильному смущению дона Корнелио, никак не ожидавшего увидеть Аройю в такой позорной роли.

— Хорошо! — прорычал не оборачиваясь палач.— Я займусь им, как только добьюсь от этого упряма, где у него спрятаны деньги и жена.

И снова бич, прорезав со свистом воздух, обрушился на спину злополучной жертвы, вздрагивавшей и стонавшей от боли.

Оставленный один среди этих людей после того как Гаспачо, бросив равнодушный взгляд на картину истязания, снова вышел во двор, дон Корнелио стоял в полном оцепенении, пораженный ужасом. Помимо глубокого сострадания к истязуемому, он мучился мыслью о том, что его спутники, наверно, уже погибли здесь, и что теперь наступает очередь его самого.

Дав еще несколько ударов своей жертве, Аройо, вероятно, устал. Он бросил бич жене, нетерпеливо ожидавшей этого момента, и, тяжело отдуваясь, подошел к пленнику. Дон Корнелио совсем обмер от ужаса, когда увидел вблизи зверское лицо этого человека, но из чувства собственного достоинства старался подбодрить себя.

— Почему вы в таком неприличном виде явились ко мне? — набросился он на пленника, окидывая взглядом его лохмотья.

— Потому что ваши же люди сняли с меня приличную одежду,— резко ответил дон Корнелио, сам не ожидавший от себя такой храбрости.— Я ехал сюда с важным поручением к вам в сопровождении двух слуг и в приличном платье. Слуги мои, вероятно, захвачены вашими людьми, а я обкраден ими.

— Гм?.. Вы говорите, что вы ехали ко мне? — побавив несколько тон, спросил Аройо.

— Да, продолжал дон Корнелио,— с поручением от

генерала Морелоса. Я его личный адъютант. Мое имя — Лантехас...

— Лантехас?! — с изумлением вскричал рабочий атаман. — Как вы смеете так лгать! Поручик Лантехас на днях погиб под стенами Дель-Валле от руки бешенного полковника Трэс-Вилласа и его голова висит на воротах гацценды. Мы собираемся снять ее оттуда и заменить какую-нибудь другою... например, голову его убийцы. А вы, по всей вероятности, испанский шпион и, чтобы прикрыть себя, назвали славным именем Лантехаса! Да, вы несомненно шпион и вдобавок самозванец...

— Я не шпион и не самозванец! — возразил пленник с несвойственной ему резкостью. — Мое полное имя — Корнелио Лантехас. Я — капитан армии освобождения и личный адъютант генерала Морелоса. Он послал меня к вам, и я от его имени протестую против насилия, которому подвергся со стороны ваших людей.

— А где доказательства, что вы не лжете? — продолжал Аройо, опять несколько сбавляя тон.

— Письменные доказательства находятся в кармане моего камзола, снятого с меня одним из ваших людей. Кроме того, мою личность могут удостоверить мои провожатые, индеец и негр. Я их отправил вперед. Они, повторяю, должно быть, также захвачены вашими людьми. Прикажите позвать их, если они еще целы. При этом я должен еще сказать вам, что генерал Морелос крайне недоволен вашими... действиями, и если вы не прекратите...

— Ну, об этом мы потолкуем потом, когда я узнаю наверняка, кто вы! — грубо прервал Аройо и, обернувшись к своим людям, крикнул им: — Позвать сюда провожатых этого человека!

Через несколько минут двое гверильясов привели Клару. При взгляде на него Лантехас с удовольствием убедился, что хотя одежда негра сильно потрепана, но он сам цел и невредим.

— Кто этот человек? — спросил у него Аройо, указывая на Лантехаса. — Только, смотри, черномазый пес, говори правду, а не то я вырву у тебя язык!

— Дон-Лукас Алакуэста, — ответил негр, ощерив свои белые как слоноvia кость зубы.

— Вот видите! — вскричал торжествующим тоном Аройо. — А вы осмелились...

Но дон Корнелио не дал ему окончить и в свою очередь спросил негра:

— А как мое настоящее имя и кто я?

— Сеньор дон Корнелио Лантехас, капитан мексиканской армии и личный адъютант сеньора Морелоса,— поспешил ответить негр, поняв, что он сначала ответил не так, как было нужно.

— Доказательства! доказательства! — снова крикнул Аройо.— Одним словом, я не верю, в особенности в таких людей, как этот черномазый пес. Мне нужны письменные доказательства.

В этот момент за дверями послышался смешанный крик нескольких голосов, среди которых особенно выделялся голос Костая. Вслед за тем в комнату вбежал сам индеец, одною рукой размахивая окровавленным кинжалом, а другою, обернутою во что-то суконное, обороняясь от толпы преследовавших его гверильясов.

— Этот краснокожий индейский пес ударил кинжалом Гаспачо! — крикнул один из преследователей индейца, указывая на него Аройо.

— Да, я ударил его, чтобы вернуть одежду, которую он снял с капитана Лантехаса и не хотел отдать добровольно! — сознался индеец.— Извольте получить, сеньор капитан,— прибавил он, снимая с руки камзол и передавая его дону Корнелио.

Последний поспешно схватил свой камзол, порывлся в одном из его карманов и вытащил оттуда пакет с бумагами.

— Вот требуемые вами доказательства! — воскликнул он, бросая пакет к ногам Аройо.

Тот машинально нагнулся и поднял пакет, который оказался открытым. Вынув из пакета бумаги и пробежав глазами текст документов, удостоверяющих личность и звание дона Корнелио Лантехаса, а также его чин и состояние в качестве адъютанта при генерале Морелосе, разбойничий атаман сильно смутился. Однако, не желая показать этого, он с прежним нахальством сказал:

— Да, подпись и печать генерала Морелоса, кажется, подлинные и подтверждают, что вы, действительно, тот, кем называете себя. Я готов верить этому. Что же касается внушений, сделанных вами мне от имени генерала Морелоса, то прошу передать ему в ответ от меня, что каждый действует по-своему, и я намерен продолжать так, как начал, а угроз никаких не боюсь... Ну, теперь вам

здесь нечего больше делать, поэтому можете отправляться назад вместе с вашими провожатыми. Возвратить этим людям оружие, лошадей и все, что у них отобрали, как у подозрительных лиц, и проводить их до переправы! — распорядился он.

Можно себе представить с какою радостью услышал это распоряжение дон Корнелио. Опасность, которая угрожала ему и его спутникам здесь, была одна из самых страшных, когда-либо испытанных им.

Глава 20

НЕУЛОВИМЫЙ

Вернемся теперь к полковнику Трэс-Вилласу, которого мы оставили спящим в лесу.

Из донесения Гаспачо своему начальнику Аройо мы уже знаем, что полковник накануне вечером подъезжал к своей гацинде, около которой ему пришлось схватиться с осаждавшими ее гверильясами. Нескольких из них он уложил на месте, а от остальных благополучно ускользнул на своем верном Ронкадоре.

Очутившись в лесной глуши, он привязал своего коня к дереву, вокруг которого росло много сочной травы, а сам забрался на это дерево, и там, прикрепив себя длинным шарфом к ветвям, чтобы не свалиться на землю, устроился на ночь. Сильно утомленный трехдневным путешествием от Гуахапамы до своей гацинды, он тут же крепко заснул и спокойно проспал до самого утра.

Посланные гверильясами ловить «бешеного полковника» десять человек до такой степени боялись этого храброго человека, считая его в родстве с демонами, что решили ночью не гоняться за ним, а переночевать где-нибудь поблизости и приняться за погоню на рассвете, «когда вся нечистая сила прячется».

Часть ночи гверильясы провели в карточной игре, во время которой так перессорились между собою, что дело дошло до драки, причем двое оказались избитыми почти до смерти, и утром, когда нужно было начать погоню за «бешеным полковником», они были вынуждены остаться на месте. Таким образом, погоня состояла только из восьми человек, которых утром мы и видели совещающимися на лесной поляне. Они даже и не подозре-

вали, что тот, кто им нужен, находится у них; так сказать, под боком.

С целью обследовать лес с двух сторон, гверильясы разделились на две части. Одна из них вскоре же столкнулась с отрядом, посланным в погоню за слугою дона Мариано де-Сильвы и его караульным, бежавшим из лагеря Аройо. Оба отряда, обменявшись лозунгом, столкнулись насчет обоюдной поддержки и разъехались в разные стороны, условившись, однако, не терять связи между собою.

В это время проснулся и дон Рафаэль.

Со свойственной ему быстрой сообразительностью он сразу понял, что гверильясы, наверное, будут разыскивать его по следам, чтобы захватить в плен, и решил поскорее убраться с этого опасного места.

Дон Рафаэль направился к своему коню, которого вечером оставил привязанным к одному из соседних деревьев. Ронкадор оказался цел и невредим, но видимо сильно страдал от жажды, которая мучила и его хозяина. Точно понимая угрожавшую хозяину опасность, умное животное во все время ни разу не заржало, чтобы не выдать его. И теперь, когда дон Рафаэль подходил к нему, оно от радости только задрожало и повернуло к любимому хозяину свою благородную голову, но опять-таки молча.

— Бедный мой! — проговорил дон Рафаэль, трепля его по крутой шее и отвязывая от дерева. — Измучился ты и хочешь пить. Я тоже чувствую жажду. Пойдем искать воду... Только тише, как можно тише! — прибавил он, прислушиваясь к голосам, которые стали раздаваться по лесу.

Пока дон Рафаэль, стараясь определить, с какой стороны доносятся эти голоса, принадлежавшие, без сомнения, его преследователям, осторожно пробирался к бамбуковым зарослям, ведя под уздцы Ронкадора, Цапотэ и Гаспар также спешили спастись от своих преследователей. Им было легче делать это, чем дону Рафаэлю, потому что Цапотэ знал такие глухие тропинки и обходы, куда не мог проникнуть ни один всадник.

Беглецы долго шли молча. Наконец Гаспар первый прервал молчание.

— Эх, как досадно, что мы не узнали имени этого сеньора! — начал он. — По всем видимостям, это какой-нибудь важный человек.

Он и не подозревал, что встретил именно того, к кому был послан и кого все время искал.

— На что нам нужно было знать его имя? — возразил Цапотэ.— Он мог бы подумать, что мы хотим выдать его, если бы стали допытываться, как его зовут и кто он. Мне очень жаль, что я не мог проводить его, и опасаясь, как бы он не попал в руки наших.

Вскоре беглецы вышли на большую дорогу, ведущую в Гуахапаму и пролежавшую около лесной опушки.

— Стой! Кто идет? — вдруг раздался грозный окрик, и им преградил дорогу вооруженный всадник, вынырнувший точно из-под земли.— Ба! Да это ты, Цапотэ? — совсем другим тоном продолжал он, узнав в беглеце своего товарища.

— Я самый! — отозвался Цапотэ.— Здравствуй, друг Перико! Зачем ты попал сюда?

— Я тут не один. Нас целый отряд. Мы посланы ловить одного испанского офицера. А ты как очутился здесь и кто это с тобой?

— Товарищ, недавно поступивший к нам на службу,— солгал без запинки Цапотэ.— Мы очень спешим по одному важному делу, которое поручил нам капитан.

— А куда и зачем вы посланы? — полюбопытствовал Перико.

— Ну, ты об этом лучше спроси у самого капитана, если тебе так хочется знать! — проговорил с улыбкой Цапотэ.— Видишь, как мы одеты, и идем с секретным поручением. Если мы откроем тебе секрет и капитан узнает об этом, то знаешь, что он способен сделать с нами?

— Знаю, знаю... Ну, идите. Счастливый путь... Ах, да, кстати! Не встретился ли вам тут, в лесу, бешеный полковник Трэс-Виллас? Мы осаждаем его гациенду, которую он превратил в настоящую крепость. Недавно он сам появился около нее, и мы напали на него. Но он уложил четверых из наших и улизнул.

— А какой он из себя? — осведомился Цапотэ.

— Молодой еще, рослый, смазливый, с черными волосами и усами. За его поимку капитан назначил пятьсот долларов. Если вы видели его, скажите где. Мы поймем его, доставим к капитану, получим награду и поделимся с вами.

— Пятьсот долларов! — воскликнул Цапотэ и на мгновение задумался, но потом решительно проговорил: — Нет, такого мы не встречали.

— Жаль! Ну, до свидания!

С этими словами Перико повернул лошадь и через минуту скрылся в лесной заросли.

— Ну, так и есть! Это и был сам дон Рафаэль Грэс-Виллас, которого я везде ищу, чтобы передать ему посылку. Как это я, дурак, не догадался спросить его имя? — сокрушался Гаспар, смотря вслед удалившемуся всаднику.

— Пятьсот долларов! — снова повторил Цапотэ, устремив задумчивый взгляд туда же. — Впрочем, много ли бы нам досталось из этой суммы? Да притом нам теперь нельзя и показаться капитану, — прибавил он, махнув рукой.

— Это верно, друг! — подтвердил его спутник. — Только знаешь что? Нам теперь тоже следует идти в Дель-Валле. Ведь туда направляется дон Рафаэль.

— Разумеется! Только сначала мы пройдем к бамбуковой заросли, куда я направил от своего дома Рафаэля. Может быть, там мы и найдем его.

— А разъезды, в особенности те, которые посланы за нами самим капитаном? — тревожно возразил Гаспар.

— Ничего, мы отделаемся и от них. Я уже кое-что придумал, сумею заговорить зубы и им. Идем к зарослям!

— Ну, как знаешь, — проговорил Гаспар и последовал за своим проводником, повернувшим назад, к бамбуковым зарослям.

Дон Рафаэль стал осторожно пробираться вместе с Ронкадором по лесной пуще. Ему то и дело приходилось прибегать к помощи сабли, чтобы продолжить путь среди сплошной сети лиан и других перепутавшихся растений. К счастью, те, которые гонялись за ним, так громко перекликались между собою, что дон Рафаэль все время мог знать, в какой они стороне и даже приблизительно сколько их. Очевидно, это были люди совершенно неопытные в порученном им деле, иначе они не стали бы так открыто выдавать себя. Это-то и благоприятствовало преследуемому.

Но иногда он попадал в критическое положение. Временами обе партии, преследовавшие его, а также двух других беглецов, Гаспара и Цапотэ, напав на чей-либо след, сзывали одна другую свистками и старались со всех сторон окружить подозрительное место. Была минута, когда они совсем было напали на следы дона Рафаэля возле того места, где он ночевал и откуда они без осо-

бенного труда могли выследить его по пятам. Приготовившись вскочить на своего коня, дон Рафаэль достал из кобуры пистолеты и стал выжидать.

Вдруг ему пришла на ум одна хитрость, применяемая в подобных случаях индейцами. Он поднял с земли сухой сук, придал ему вид молотка и стал им стучать о ствол дерева, искусно подражая дятлу, когда тот долбит клювом дерево. Известно, что эта птица всегда выбирает самые укромные места в лесной глуши, как можно дальше от людей: откуда слышатся ее стуки, там не может быть человека.

Уловка эта удалась. Слышно было, как один из преследователей крикнул другим:

— Стой, братцы! Слышите, как долбит дятел? Значит, там никого нет. Бешеный полковник, должно быть, уж успел улизнуть куда-нибудь. Его надо искать в других местах.

Разъезд направился в другую сторону. Дон Рафаэль облегченно вздохнул. Опасность пока миновала. Можно было снова двинуться вперед, в противоположную сторону от преследователей.

Через некоторое время путнику попались на глаза спелые, сочные плоды пав-пав, которыми он мог хоть отчасти утолить томившие его голод и жажду. Вскоре встретился и горный ручеек. Изнывавший от зноя и жажды Ронкадор также был, наконец, напоен и освежен.

Время перешло за полдень, и косые солнечные лучи стали проникать сквозь зеленую листву, когда дон Рафаэль добрался до берега реки Остуты и увидел недалеко высокую и густую бамбуковую заросль, о которой говорил ему Цапотэ. Лес почти вплотную подступал к этой заросли.

Укрыв там своего коня, дон Рафаэль взобрался на высокое дерево, росшее на самой опушке, и принялся производить с этой обсерватории обзор окрестностей. Убедившись, что вокруг все тихо и безлюдно, он спустился на землю и, в ожидании вечера, прилег возле Ронкадера в заросли исполинских бамбуков, как раз против того места, где, на противоположном берегу, громоздилась грубая палатка Аройо, возле которой взад и вперед шныряли пешие и конные гверильясы.

Наконец наступил и вечер. Вдруг дон Рафаэль заметил человека, переправлявшегося вброд через реку, тревожно осматривавшегося по сторонам и видимо куда-то

очень спешившего. Когда он вышел на берег, дон Рафаэль, с целью получить от него какие-нибудь сведения, выскочил из своего убежища, направился незнакомцу навстречу и с обнаженной саблей в руке преградил ему путь.

— О, Господи! Как вы меня испугали, сеньор! — вскричал незнакомец, молодой парень добродушного вида, повидимому, из простонародья.

— А кто ты и куда так спешишь? — осведомился дон Рафаэль.

— Я — слуга и спешу за помощью своему господину.

— А кто твой господин?

— Дон Фернандо Лаккара.

— Разве он в опасности?

— Да, в большой... А вы знаете его, сеньор?

— Знаю. Ему принадлежит гациенда Сан-Карлос, и он женат на младшей дочери дона Мариано де-Сильвы.

— Верно. Но вам, может быть, неизвестно, что часа два назад в гациенду забрался этот разбойник Аройо вместе со своим помощником Бокардо, с ведьмой женой и со всей своей шайкой. Они теперь хозяйничают там. Схватили дона Фернандо и стали требовать от него, чтобы он отдал им свою супругу «напрокат», все деньги и драгоценности. А так как дон Фернандо не соглашается, то они его раздели до нага, связали и стали бичевать...

— Какие мерзавцы! — вскричал возмущенный полковник. — И расправлюсь же я с ними! — прибавил он, потрясая саблей. — Ну, а что с синьорой Марианитой? Где она?

— Я и ее горничная помогли ей выбраться из дома в окно и посоветовали спрятаться где-нибудь в лесу, пока не явится помощь.

— А откуда ты рассчитываешь получить эту помощь?

— Из гациенды Дель-Валле. Я туда и спешу.

— Да ведь эта гациенда окружена разбойниками из шайки Аройо?

— Нет, он их отозвал оттуда, чтобы сначала покончить с гациендой Сан-Карлос, а уж потом сделать нападение на Дель-Валле со всеми силами.

— Ага! Это хорошо! — обрадованно воскликнул дон Рафаэль. — Следовательно, теперь около Дель-Валле никого нет. Мне самому нужно как раз туда же. — Садись и ты сзади, — продолжал он, выводя из-за дерева Ронкадора и вскакивая в седло. — Держись крепче за меня. Мы

поедем быстро и живо будем на месте. Командующий в Дель-Валле поручик Верегуи мой хороший знакомый. Он даст мне людей, и мы вот как расправимся с разбойниками! Не замучили бы только злодеи до смерти дон Фернандо да не разыскали бы в лесу сеньору Марианиту?

— Да, и я страшно боюсь этого! — ответил парень, взбираясь при помощи дон Рафаэля на коня и усаживаясь позади седла. — Бедная сеньора! Как она радовалась сегодня утром, когда узнала, что к вечеру приедут дон Мариано и сеньорита Гертруда. Ведь она так давно не видала их.

— Сегодня вечером они должны были приехать? — тревожно переспросил дон Рафаэль, пуская крупной рысью Ронкадора.

— Точно так, сеньор. Утром приезжал от них гонец с письмом. Упаси Боже и этих господ попасть в руки разбойников!..

— Ну, Бог даст, не попадут! — как бы в утешение самому себе проговорил дон Рафаэль.

— Дай-то Бог! — с искренним вздохом ответил парень и, немного помолчав, продолжал: — Слышно, сеньорита Гертруда не совсем здорова. Быть может, это и задержит их в пути.

— Не совсем здорова? Что же с ней? — слегка дрожащим голосом спросил молодой человек, и парень почувствовал, как сидевший впереди всадник вздрогнул.

— Говорят, у нее какое-то тайное горе. Оно-то вот и точит ее.

— Влюблена, что ли, в кого? — внешне равнодушным тоном выпытывал дон Рафаэль, хотя у самого сердце от волнения готово было выскочить из груди.

— Да, в какого-то испанского офицера, — продолжал парень. — Говорят, сеньорита так любила его, что по случаю какой-то угрожавшей ему смертельной опасности она даже не пожалела своих пышных волос, чтобы принести их в жертву Пресвятой Деве... Должно быть, этот офицер забыл про нее, а она все еще любит его, вот и сохнет, как былинка в поле под солнцем... Но что это вы так трясетесь, сеньор? Уж не лихорадка ли у вас? — с участием осведомился парень, чувствуя как всадник, за которого он крепко держался, чтобы не свалиться с лошади, дрожит с головы до ног.

— Да, у меня в это время иногда бывает лихорадка,— пробормотал дон Рафаэль, довольный, что под этим предлогом он может скрыть волновавшие его чувства.

Он замолчал и стал понукать Ронкадора, и без того достаточно быстро бежавшего под двойной тяжестью. Словоохотливый парень пробовал было, немного погодя, снова заговорить. Но молодой человек, погруженный в свои мысли, не слышал его, так что, в конце-концов, замолчал и тот.

Через полчаса показалась и гациенда Дель-Валле, со стены которой раздался оклик часового, когда всадники подъехали к воротам.

— Доложить поручику Верегуи, что приехал полковник Трэс-Виллас! — крикнул дон Рафаэль.

Почти вслед затем со двора гациенды стали доноситься веселые звуки военных труб и рожков, заигравших радостную «встречу» любимому начальнику, которого уже считали погибшим или захваченным в плен. Увидев и услышав это, спутник дона Рафаэля поспешил соскочить с лошади на землю и всячески принялся извиняться, что не узнал высокого звания сеньора кабальеро и был к нему недостаточно почтителен.

— Ничего, ничего, друг! — успокоил его дон Рафаэль.— Ты ни в чем не виноват передо мною. Входи смело в свою гациенду. Я прикажу накормить тебя, пока сам буду делать нужные приготовления, чтобы помочь твоим господам и раз навсегда положить конец разбойничьим подвигам Аройо и его шайки.

Ворота гациенды широко распахнулись и из них выступило целое шествие с факелами. Во главе шел поручик Верегуи, временной комендант крепости Дель-Валле.

— Добро пожаловать, полковник! — приветствовал он дона Рафаэля, идя рядом с его конем, радостно заржавшим при виде родных конюшен.— Вы приехали как раз вовремя. Разбойничий атаман Аройо...

— Знаю, знаю, поручик, и, быть может, даже больше вас! — прервал его Рафаэль.— Аройо хозяйничает в Сан-Карлосе, и я немедленно отправлюсь туда на выручку дону Фернандо... Сколько у нас людей?

— Сотни полторы вместе со слугами наберется. По вашему приказанию, я подготовил и ваших служащих, так что они теперь не уступят солдатам...

— Отлично! Благодарю. Отделите мне сотню самых

отборных и приготовьте одну из мортир. Чтобы через полчаса отряд был готов выступить со мною.

— Слушаю, полковник. К назначенному вами времени все будет готово,— ответил braveй служака и поспешно удалился, чтобы исполнить полученное приказание.

Дон Рафаэль пока прошел в сад, на могилу отца. Там молодой человек повторил свою клятву отомстить убийцам отца. В то же время его сердце рвалось навстречу любимой девушке. Он думал, что она все еще находится в Оахаке и забыла его. Но теперь, благодаря встреченному им слуге из гациенды Сан-Карлос, он узнал, что девушка едет туда и мучится каким-то тайным недугом. Он чувствовал причину этого недуга и, как все искренно любящие люди, сам страдал, но вместе с тем и радовался этой причине. Ему страстно хотелось опять увидеть Гертруду и уверить ее в своей неизменности к ней. Он надеялся, что она, услышав это, вновь оживет и расцветет в лучах взаимного счастья.

Но он не чувствовал, что здесь, в гациенде, его ожидает человек, принесший ему прядь волос любимой девушки, которую она обещала прислать ему, когда найдет это нужным. Дело в том, что Гаспар и Цапотэ попали в гациенду Дель-Валле раньше ее владельца. Когда они объявили часовому о цели своего прихода, их впустили в гациенду и оставили до прибытия дона Рафаэля.

После сытного ужина утомленные беглецы крепко заснули и проспали приезд и отъезд дона Рафаэля, а разбудить их никто второпях не догадался. Таким образом Гаспару и на этот раз не удалось исполнить возложенного на него поручения. Тот, кого он искал, был так же неуловим для него, как и для тех, которые гонялись за ним по другой причине.

Глава 21

ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО

Поздний вечер. Высоко раскинулось звездное небо над обширным плоскогорьем, где бесплодные саванны сменяются девственными лесами и болотами с тростнико-

выми зарослями. Посреди этого пейзажа находится большое озеро замечательно мрачного вида. Воды озера так мутны и темны, что самые яркие звезды еле отражаются в них бледными, расплывчатыми точками. Даже прибой волн о берега, окаймленные густым, непроницаемым камышом, звучит как-то особенно печально и зловеще.

Почти на самой середине озера высится странной формы утес темно-зеленого цвета, напоминающий те исполинские каменные нагромождения над могилами, которыми в глубокой древности дикие племена чтли память своих вождей. Конусообразная вершина этого утеса постоянно покрыта белой пеленою тумана, образующегося из водяных испарений, между тем как сам утес издали кажется скелетом какого-то исполинского допотопного чудовища. У ног этого чудовища в лунные ночи копошились современные чудища-аллигаторы.

Мрачный вид этого озера и его неприветливых берегов, странные очертания выдвинувшегося из его недр утеса, постоянное безмолвие, царящее в нем и вокруг него,— все это производило на случайного зрителя крайне удручающее впечатление. Поэтому несколько не удивительно, что суеверные люди считали это озеро обиталищем разных духов и уверяли, что древние ацтеки имели на вершине утеса алтарь для кровавых жертвоприношений.

В нескольких лигах от гацienды Сан-Карлос ехавший туда дон Мариано де-Сильва узнал, что по окрестностям рышут разбойничьи шайки Аройо. Опасаясь столкнуться с ними ночью, дон Мариано решил лучше остановиться до утра в перелеске, на одном из берегов заколдованного озера. Он знал, что это озеро считается нечистым, а потому сюда ночью никто не заберется. Хотя он сам и его девять слуг и были хорошо вооружены, но что значила эта горсть против «целых полчищ», которых стоустая народная молва приписывала состоявшим под началом Аройо и его помощника Бокардо? Дон Мариано имел основание тем более бояться, что с ним была больная дочь.

Местом стоянки он выбрал небольшую поляну, со всех сторон укрытую густолиственными деревьями. Земля была покрыта пышным зеленым ковром сочной травы, а цветущие вьющиеся растения, обвивавшие деревья, насыщали воздух приятным ароматом. Над этой природной беседкой раскидывался темно-синий бархатный бал-

дахин, униженный сверкающими золотыми звездочками.

Убаюканная мерным движением носилок, Гертруда заснула в них, и отец не велел ее будить. Сквозь раздвинутую немного занавеску можно было видеть прекрасное, но страшно исхудавшее и побледневшее лицо девушки с красными кругами под глазами.

Носилки были поставлены на землю. Рядом с ними, на подостланных одеялах, расположился и дон Мариано, намеревавшийся не спать, пока будет отдыхать его дочь. Четверо слуг уселись в стороне, на опушке перелеска, почти на самом берегу озера, и, чтобы тоже не задремать, занимали друг друга разговорами, а остальные пятеро отправились в разные стороны на разведку. Тут же, невдалеке, с наслаждением жевали сочную траву шесть лошадей.

С того места, где сидели слуги, вполне ясно был виден таинственный утес, тянувшийся из озера к небу.

— Я слышал от стариков,— начал один из слуг,— что в очень давние времена это озеро было чистое и прозрачное, как хрусталь, а мутным и темным оно сделалось с тех пор, когда кем-то было посвящено дьяволу, который поселился на утесе посреди озера...

— Трудно поверить, чтобы тут решился поселиться даже дьявол,— прервал другой слуга.— Ведь и он мог бы найти себе более приятное местечко.

— Ну, если он там и не живет,— продолжал первый,— все же на этом утесе до сих пор творится что-то страшное. Для того, чтобы скрыть это от людей, верхушка утеса всегда находится в тумане. Один старый индеец рассказал мне любопытную историю об этом утесе. Если хотите, я передам вам ее?

— Говори, говори, друг Зефирино! — разом вскричали заинтересованные слушатели.

Рассказчик откашлялся и начал:

— В давние времена на этом утесе был устроен индейскими жрецами алтарь для человеческих жертвоприношений... Говорят, они резали там людей целыми партиями, так что кровь по глубоким трещинам скалы лилась настоящими потоками. Положив связанного по рукам и ногам человека на жертвенник, жрецы прежде всего вскрывали у него грудь и вырывали сердце...

— Вот зверство-то! — вскричал один из слушателей.— Ну, и мерзавцы же были эти индейцы!

— И теперь есть люди, даже и не среди индейцев, способные на то же самое, если не на худшее,— заметил рассказчик и продолжал: — Так, вот, лет пятьсот назад, случилось чудо. Лишь только жрец вынул было из груди одного обреченного трепетавшее еще сердце, как вдруг тот протянул руку, вырвал у жреца свое сердце и хотел было вложить его обратно на место в груди, но в это время сердце выскользнуло у него из руки и скатилось со скалы в озеро. Обреченный — он тоже был индеец — с громким воплем бросился вслед за ним в воду. Надо полагать, что этот индеец не нашел тогда своего сердца и продолжает искать его до сих пор, потому что его часто видят в озере и около него. Те, кто видел его, говорят, что как пятьсот лет назад жрец вскрыл ему грудь, так она и осталась открытой до сих пор. Я знаю одного человека, который сам видел его здесь в прошлом году,— заключил рассказчик.

Когда он кончил, все слушатели с невольным любопытством и страхом посмотрели на озеро, не бродит ли там и сейчас легендарный индеец. Как раз в этот момент возле них послышался какой-то шорох. Бледные, дрожащие, растерянные, они все четверо вскочили на ноги. Оказалось, что к ним подходит один из разведчиков, их же товарищ.

— Как ты напугал нас, Кастрильо! — воскликнул Зефирино. — Я только что рассказывал тут одну страшную историю, вдруг слышим, кто-то подбирается к нам... Впрочем, ты и сам выглядишь так, словно тоже чего-то испугался. Что ты видел?

— Кое-что неладное... Но сначала я должен обо всем доложить сеньору Мариано,— проговорил разведчик и поспешно направился к хозяину.

— Говори потише, Кастрильо,— шепотом предупредил его дон Мариано, кивнув на носилки со спавшей в них дочерью. — Где был и что видел?

— Доходил до самой гациенды Сан-Карлос,— шепотом рапортовал разведчик. — Дорога туда чиста, и я вошел бы в самую гациенду, если бы не зрелище, которое поразило меня...

— Что же это за зрелище?

— Очень странное, сеньор... Не знаю, как и объяснить, чтобы вы поверили?... Все окна в господском доме гациенды так и пылают, словно там пожар, но пожара нет, а только какое-то удивительно яркое пламя, кото-

рое кажется то синим, то фиолетовым, то красным и как будто перебегает с места на место. Пока я соображал, стараясь понять, что бы это могло значить, вблизи меня, между деревьев, быстро промелькнула какая-то белая фигура, словно привидение...

— Ну, все это тебе действительно только «привиделось», Кастрильо,— возразил дон Мариано.— Ничего подобного и быть не может.

— Клянусь вам, сеньор, что все, о чем я докладываю вам, я видел совсем ясно!

Вид и тон Кастрильо, которого дон Мариано знал уже давно, как честного, правдивого и всегда трезвого человека, были так серьезны и убедительны, что дон Мариано поневоле поверил ему. Должно быть, в Сан-Карлос действительно происходило что-то особенное, но что именно,— было невозможно понять по тому, что рассказал разведчик.

Дон Мариано долго сидел в глубокой задумчивости. Он еще дольше просидел бы в таком положении, если бы не голос дочери, вдруг раздавшийся из носилок.

— Ах, как я хорошо выпалась! — проговорила девушка, и ее тонкая белая рука раздвинула занавеску. Должно быть, скоро утро, папа?

— Даже и полночи еще нет, дорогая. Спи с Богом! — мягко ответил дон Мариано, подходя к носилкам.

— А почему же ты сам не спишь, папа? Мы здесь, кажется, в полной безопасности. Наши люди могут караулить посменно, и ты мог бы...

— Нет, моя дорогая, мне не заснуть, пока мы не будем под кровом Марианиты,— возразил дон Мариано.

— Марианита... Ах, как она должна быть счастлива! — со вздохом промолвила девушка.— Ее жизнь так же цветет, как те луговинки, по которым мы так любили с ней гулять.

— Скоро и ты будешь так же счастлива, Гертруда,— утешал ее отец.— Вот явится дон Рафаэль и успокоит тебя.

Напуганный болезнью старшей дочери, причина которой крылась в тоске по любимому человеку, дон Мариано давно уже мысленно примирился с политической изменой этого человека и с радостью отдал бы за него дочь, лишь бы сохранить ее жизнь и видеть ее счастливою. Но дон Рафаэль почти два уже года ничем не напоминал о себе и не делал никаких попыток хотя бы на минуту уви-

деть ту, которую называл своей невестой, даже ни слова не написал ей. Поэтому и отец и дочь были уверены, что молодой человек оказался изменником не только в политике, но и в любви. Однако, желая поддержать в дочери хотя бы луч надежды, дон Мариано старался всячески утешить страдавшую девушку, говоря ей, что ее жених, вероятно, выжидает окончания войны или, по крайней мере, чего-либо такого, что заставило бы его вернуться к невесте.

— О, да,— с внезапно разгоревшимися щеками и взором подхватила девушка,— да, он должен сделать это! Он дал мне клятву, что явится, когда я pošлю ему то, что уже послала... Впрочем, может быть, и из этого ничего не выйдет! — с грустью прибавила она.

— Выйдет, выйдет, моя дорогая,— продолжал успокаивать девушку отец.— Имей еще немножко терпения. Вероятно, он еще не получил твоей посылки, но как только получит, непременно явится и уверит тебя в своей неизменной любви, докажет тебе, что вас разлучили только неблагоприятно сложившиеся обстоятельства и какое-то тяжелое недоразумение.

— Недоразумение, из-за которого можно умереть! — произнесла со стоном девушка, вновь опускаясь на подушки и пряча в них лицо, судорожно подергивавшееся от приступа слез.

Между отцом и дочерью наступило тягостное молчание. Но через некоторое время дочь снова прервала его.

— Как ты полагаешь, папа, во сколько времени наш посыльный может дойти до места назначения? — спросила она, очевидно, под влиянием какой-то вдруг вспыхнувшей в ней надежды.

— Если он не найдет дона Рафаэля в Дель-Валле и должен будет оттуда пройти в Гуахапamu, куда, по слухам, отправился твой жених, то несколько дней тебе придется еще подождать свидания с ним,— ответил дон Мариано.

— Несколько дней? — тоскливо повторила девушка.— О, как это долго!.. Доживу ли еще я?.. А если и доживу, то все равно должна буду умереть, кода он скажет мне: «Вот я явился. Что же вам угодно от меня?» О, милый папа, я непременно умру тогда от стыда и горя!.. Потом я так страшно изменилась... Вся моя прежняя красота пропала. Взглянет он на меня и, увидев перед собою лишь слабую тень былого, быть может, из жало-

сти и будет уверять... Нет, нет, мне не нужно его жалости, если не будет любви!

— А я уверен, что он еще глубже полюбит тебя, когда увидит и поймет, как ты страдаешь по нем. Что же касается твоей красоты, то она опять вернется, когда ты будешь счастлива,— возражал дон Мариано, хотя и сам не верил в то, что говорил в утешение дочери, страдания которой надрывали его любящее сердце.

— Ну, тогда я умру от... радости,— промолвила девушка.— Во всяком случае, милый папа, тебе надо быть готовым остаться только с одной дочерью.

С этими пророческими словами дочь потянулась к отцу, обвила его шею обеими руками, прижалась к его груди и заплакала навзрыд. Не мог удержаться от слез и отец. В последние дни его томили предчувствия какого-то тяжелого горя, готового обрушиться на его семью, и он все время с душевным трепетом ожидал, что его мрачные предчувствия оправдаются.

В это время луна, скрывавшаяся до сих пор за темными облаками, наконец освободилась от них и засияла во всей своей красоте; местность, залитая ее серебристым светом, приняла менее зловещий вид. Зато на поверхности озера, возле утеса, казавшегося теперь точно покрытым блестящей серебристо-зеленой слюдяной массой, появилась целая стая аллигаторов. Шурша прибрежным тростником, чудовища стремились в лунную полосу, испуская странные, воюющие звуки.

Сбившись в тесную кучу, слуги дона Мариано тщетно боролись с охватившей их жутью.

— Скорее бы уж проходила эта ночь! — сказал один из них.— Не к добру ты, Кастрильо, видел адские огни в гацценде и белое привидение. Как бы не пришлось нам...

Донесшиеся вдруг как бы из глубины вод какие-то зловещие звуки, походившие на похоронное пение, прервали его и заставили остаться с открытым ртом. Казалось, там, в таинственных недрах озера, кто-то поет древний индейский гимн.

— Пресвятая Дева! — вскричал Зефирино,— уж не поет ли это тот индеец, который ищет свое сердце?

Его товарищи, пораженные ужасом, только молча кивали головами в знак того, что и они думают то же самое.

Шелест и треск раздвигаемого вблизи тростника заставили всех окончательно замереть от страха. Но любо-

пытство все-таки взяло верх над страхом. Они взглянули на озеро и увидели, как кто-то быстро пробирался среди густых камышей. Вскоре оттуда в озаренное луной свободное пространство озера выступил совершенно нагой человек, по меднокрасной коже которого нетрудно было узнать в нем индейца. Очутившись перед открытым озером, этот человек бросился в воду и поплыл к страшному утесу; при этом он пел что-то на своем родном языке. Точно испуганные появлением пловца, все аллигаторы моментально попрыгали в воду.

— Господи! Так и есть: это тот самый индеец, который ищет свое сердце! — шепотом произнес Зефирино, весь трясясь от страха. — Видите, грудь у него раскрыта... видны даже внутренности, кроме сердца... Смотрите, подплыл к утесу и как легко взбирается на него, словно по отлогому месту!.. Впрочем, это неудивительно: ведь он живет уж целых пятьсот лет, значит, совсем не похож на обыкновенных людей... Отцы мои! Это еще что такое...

Благополучно добравшись до вершины утеса, индеец исчез в тумане, окутывавшем эту вершину. Вскоре оттуда стали раздаваться следовавшие один за другим в правильные промежутки, громкие, отрывистые, звенящие удары. Эти удары походили на бой башенных часов, но вместе с тем в них было что-то жуткое и зловещее; кроме того, к ним по временам присоединялся чей-то вой. От всего этого у слушателей прошел мороз по коже.

Вне себя от ужаса, слуги бросились к хозяевам, которые также с испугом прислушивались к загадочным звукам.

— Что там такое? — спросил дон Мариано подбежавших людей. — Уж не ягуары ли вблизи? Но они, кажется, не так ревут... Потом, что это за звон?

— Нет, сеньор, это похуже ягуаров! — ответил Кастрильо, весь трясясь, как в злейшей лихорадке. — Нам следовало бы скорее уйти отсюда... Здесь нечисто... Слышите, что творится на этом проклятом утесе? Настоящий, не к ночи будет сказано, чертов шабаш!

И действительно, с озера, попеременно с пением и глухим звоном, неслись еще более раздражающие душу вопли, стоны, рев и вой.

— Да, папа, здесь в самом деле становится очень жутко, — поддержала слугу Гертруда. — Пожалуйста, уйдем отсюда.

— Да, теперь ясно слышно, что в лесу ревут звери, а в камышах воют аллигаторы. А что за звуки слышатся с утеса — не могу понять,— сказал, прислушавшись, дон Мариано.— Хорошо,— забирайте все наши вещи и осмотрите оружие, в порядке ли оно,— приказал он слугам, с радостью бросившимся исполнять это приказание, и, обратившись к дочери, прибавил: — Успокойся, моя дорогая, сейчас мы двинемся отсюда!

Через четверть часа дон Мариано и пятеро слуг были уже на лошадях, а четверо остальных подняли носилки с больной, и все двинулись в путь.

Объясним теперь то, что происходило на озере и на утесе. Читатель помнит, как Косталь, попросив у дона Корнелио позволения соснуть немного, заявил вместе с тем и просьбу отпустить его и негра Клару на ночь. В обнаженном человеке, выпрыгнувшем из камышей в озеро и принятом слугами дона Мариано за «индейца, ищущего свое сердце», читатель, конечно, узнал Косталья, неотступно преследовавшего свою цель. А цель его, как мы знаем, состояла в том, чтобы вызвать одного из божеств своих предков: бога гор, Тлалока, или его супругу, богиню вод, Матлакуэцк, от которых он надеялся получить указания насчет сокровищ, таившихся в недрах гор и на дне морей.

Но Косталь был не один. Так как все внимание слуг дона Мариано было устремлено на «пятисотлетнего индейца с распоротой грудью», то они и не заметили, что вслед за ним темной тенью скользил и негр Клара, а может быть, они смешали черную фигуру негра с аллигаторами, которые, как мы сказали, поспешили уйти от людей. Это произошло от того, что Косталь натер себя и своего товарища соком одного растения, запах которого отпугивает крокодилов.

Подплыв к утесу, Косталь велел своему товарищу обплыть утес кругом и подняться на него с противоположной стороны, а сам забрался на него с этой. Вероятно, у индейца были на то какие-нибудь особенные причины. Благодаря этому, наблюдавшие с берега и не могли видеть, как негр карабкался на утес. Да это, пожалуй, было и лучше для них, потому что, увидев рядом со взбиравшимся на утес индейцем еще негра, они наверное приняли бы последнего за самого дьявола и могли бы умереть от страха.

— Слушай, Клара,— серьезным тоном заговорил Ко-

сталь, когда негр взобрался к нему и они оба, как встарь олимпийские боги, уселись в облаках, окутывавших вершину утеса,— слушай как можно внимательнее все, что я скажу тебе.

— Говори, говори, Косталь... Уши мои открыты,— ответил негр, тяжело отдуваясь после быстрого плавания и взлезанья на гору.

— Сейчас я буду кое-что делать, и раздастся звон. Когда боги моих предков услышат этот звон, производимый потомком тегуантепекских кациков, который видел пятьдесят дождливых времен, то кто-нибудь из них непременно явится передо мной. Триста лет они не слышали этого призывного звона. Не устоять им против него, как ты полагаешь, Клара?

— Разумеется, Косталь. По крайней мере, я бы на их месте...

— Но кто именно из них явится,— продолжал индеец,— сам Тлалок или его супруга Матлакуэцк?..

— А не все ли равно, Косталь? — заметил негр.— Лишь бы только они указали нам...

— Чаще является супруга,— продолжал индеец, не обратив внимания на замечание товарища.— Ее сразу можно узнать по длинному белому одеянию и распущенным волосам... Впрочем, говорят, у нее волосы иногда бывают обвиты вокруг головы и унизаны жемчугом. Глаза ее — как звезды, так и горят, а голос — слаще птичьего. Но взгляд ее так убийствен, что редкий человек может вынести...

— Ну, я вынесу, если только она может сделать меня богатым! — воскликнул негр.— А как выглядит сам Тлалок?

— Он очень высокий... настоящий исполин. Голова его обвита змеями, которые все время извиваются и шипят. Глаза у него огненные, как у ягуара, а голос ревуший, как у быка... Вынесешь ли ты его вид, Клара? Обдумай сперва, пока не поздно.

— Вынесу, вынесу, друг Косталь, не беспокойся! Меня не испугает и сам дьявол, если я буду знать, что разбогатею! — уверял негр.— Ведь ты знаешь, что я боюсь только ягуаров да аллигаторов, а твоих богов...

— Ну вот и отлично, дружище! Если ты так расхрабрился, я радуюсь за тебя, и теперь начну вызывать своих богов.

С этими словами индеец поднял один из стекловид-

ных обломков, которыми была усеяна вершина утеса, и стал с силою ударять им об утес, соблюдая известные промежутки между отдельными ударами. Это и производило тот таинственный звон, который, в соединении с другими описанными явлениями, так напугал наших наблюдателей. Одновременно с этим Косталь затынул заунывный гимн, восхваляющий индейские божества.

Вслед затем из леса поднялся звериный вой и рев. Негр вообразил, что это уже ответ богов, и струсил было, но, под воздействием мечты о будущем богатстве, тут же оправился и радостно сказал товарищу:

— Как скоро ответили тебе, друг Косталь, твои боги! Должно быть, у тебя и вправду большая сила.

— Эх, ты, младенец! — с усмешкою возразил индеец. — Голоса обыкновенных зверей принимаешь за голоса цапотекских богов. Да разве у богов могут быть такие слабые голоса?

— Какие тут слабые! Даже слушать страшно!.. Неужели у ваших богов они еще страшнее, Косталь?

— Не страшнее, а гораздо сильнее! — с важностью проговорил индеец. — Потом боги не режут, не воют и не рычат. Их голоса подобны раскатам грома... Ах, Клара, смотри, смотри! — вдруг вскричал он, указывая сквозь прорвавшуюся завесу тумана на тот берег, с которого они явились сюда. — Видишь, там движется что-то белое?

— Вижу, вижу! — ответил негр, взглянув по указанному направлению. — Словно как бы женщина с распущенными волосами...

— Женщина? Нет, это не обыкновенная смертная женщина, а сама Матлакуэцк, богиня моих предков! — дрожащим от торжества голосом воскликнул индеец. — Да, друг Клара, — восторженно продолжал он, схватив руку негра, — наконец-то настал час восстановления прежней славы и прежнего могущества тегуаптепекских кациков!.. Плыдем навстречу богине, поклонимся ей и будем умолять ее. Скорее, скорее, чтобы она не оскорбилась нашей медленностью!..

Торопливо сбжав с шероховатого утеса, товарищи бросились в воду и поплыли обратно к берегу, где среди камышей действительно пробиралась белая женская фигура.

Косталь, плывший впереди и напевавший свои заклинания, скорее негра приблизился к тростниковой заросли. Когда вода сделалась индейцу только по пояс, он

быстро пошел по дну озера, прямо наперерез белой фигуре, простирая к ней руки, точно с намерением схватить ее. Плывший позади негр в точности подражал всем его действиям и движениям. Белая фигура испуганно подавалась назад и стала поспешно пробираться дальше, в другую сторону.

Не успел индеец принять соответствующих мер, как из ближайшей лесной опушки раздался грубый мужской голос:

— А, краснорожий индейский пес, попался-таки! Вот тебе за Гаспачо!

Грянул ружейный выстрел, далеко раскатившийся по безмолвной окрестности. Очевидно, пуля была предназначена Косталю, но попала не в него, а в белую фигуру предполагаемой им богини. Фигура, испустив слабый крик, вдруг осела среди камышей.

Глава 22

ВЗЯТИЕ ГАЦИЕНДЫ САН-КАРЛОС

Побывав на могиле отца, дон Рафаэль принялся обдумывать план предстоящей экспедиции. Предполагая, что борьба с разбойничьей шайкой Аройо будет трудная, в виду довольно внушительной численности этой шайки, полковник решил взять с собой и поручика Верегуи, а начальствование над крепостью Дель-Валле сдать надежному старшему сержанту. Когда это было сделано, он вместе со своим помощником во главе конного отряда двинулся к гациенде Сан-Карлос. Отряд состоял из сотни самых храбрых и испытанных солдат. За ним следовал небольшой обоз с мортирой и боевыми припасами. Вперед было отправлено десяток разведчиков.

Дорогою поручик делал своему начальнику подробный доклад обо всем, что происходило в Дель-Валле во время продолжительного отсутствия полковника. Занятый собственными мыслями, дон Рафаэль слушал этот доклад, как говорится, только вполуха. Лишь когда отряд подъехал к реке Остуте, полковник встряхнулся, отстраняя личные интересы.

Подозвав к себе слугу из гациенды Сан-Карлос, следовавшего непосредственно за ним на муле, дон Рафаэль спросил его:

— Не знаешь ли ты, друг, дороги, по которой можно было бы подойти к гациенде с задней стороны?

— Знаю, сеньор полковник,— ответил слуга.— Когда мы переправимся на ту сторону реки, я укажу тропинку, ведущую к задним воротам гациенды.

— Отлично! По этой тропинке мы потихоньку и подыдем, чтобы захватить врасплох всю разбойничью шайку,— проговорил полковник и приказал отряду направиться к переправе.

Указанная слугою тропинка шла по лесу и огибала пригорок, на котором находилась гациенда. Осторожно подвигаясь по этой тропинке и опасаясь засады, отряд чутко прислушивался к малейшему шороху и держал наготове ружья. В одном месте тропинка разветвлялась на несколько других, и слуга сказал, что если отряд разделится на партии, каждая из которых направится по отдельной тропинке, то можно будет окружить гациенду сразу со всех сторон.

Дон Рафаэль воспользовался этим дельным советом и разделил отряд на четыре партии, из которых три под командой поручика Верегуи и двух старших сержантов должны были идти к задним воротам гациенды и к ее боковым сторонам, а с четвертой, главной, он хотел лично напасть с фронта. Мортиру он оставил при себе, солдатам же первых трех партий раздал ручные гранаты.

Заметив приближение к гациенде неприятельской конницы, расставленные на стенах часовые забили тревогу. Раздалась чья-то команда, вслед за которой со стен и вышки гациенды началась беспорядочная ружейная стрельба. В ответ на это осаждающие стали бросать гранаты, а дон Рафаэль, приблизившись к главным воротам, открыл огонь из мортиры. Первым же выстрелом одно крыло ворот было разбито в щепы.

В то же время с трех других сторон во двор гациенды полетели гранаты, которые при ударе о землю тут же с треском лопались. Испуганные лошади осажденных стали срываться с привязей и метаться по двору, производя страшную сумятицу среди совершенно растерявшихся разбойников.

Следующим выстрелом из мортиры было разбито другое крыло ворот, а третьим они были разрушены сами и с треском рухнули. Через их обломки первым перескочил с обнаженной саблей в руке полковник Трэс-Виллас, а за ним и его отряд.

— Где Аройо и Бокардо?! — крикнул полковник, врезываясь в толпу разбойников и рубя их направо и налево, как солому.— За мной, друзья! Пленных не брать! Бейте всех без пощады,— скомандовал он своим солдатам.

В это время с тыловой стороны ворвался Верегуи со своим отрядом, что произвело еще большую сумятицу среди осажденных.

— Где же Аройо и Бокардо?! — продолжал кричать полковник Трэс-Виллас, тщетно отыскивавший глазами разбойничьего вождя и его помощника.

Между тем, они оба еще раньше незаметно скрылись из гациенды в поисках бежавшей Марианиты.

— Полковник,— сказал поручик Верегуи, подскакав к своему начальнику после того, как все находившиеся на дворе разбойники были перебиты,— главари этих трусов, не сумевших без них даже и защищаться, наверное засели в доме. Не выкурить ли их оттуда дымком?

— Значит, вы предлагаете поджечь дом? — спросил дон Рафаэль.

— Да, это был бы самый лучший способ... — продолжал было поручик, но слуга, который из этой гациенды бежал за помощью к дону Рафаэлю и находившийся в эту минуту здесь, услышал предложение поручика и вскричал умоляющим голосом:

— Ради Самого Господа Бога не позволяйте делать этого, сеньор полковник! Ведь там находится наш бедный хозяин и, быть может, несколько слуг.

— Этот человек прав,— поспешил сказать дон Рафаэль.— Хорошо, что он напомнил то, о чем мы сгоряча совершенно забыли. Прошу вас, поручик, прекратить дальнейшие наступательные действия и распорядиться охраною гациенды... Затем поищите дона Фернандо и окажите ему помощь. Он, вероятно, нуждается в ней.

— А вы сами опять покидаете нас, полковник? — спросил Верегуи.

— Не надолго. Я отправляюсь на поиски доньи Марианиты и главных злодеев.

Взяв с собою пяток людей, дон Рафаэль поспешно выехал из гациенды по направлению к лесу.

Едва он успел скрыться из виду, как один из часовых, расставленных поручником Верегуи вокруг гациенды, доложил ему о приходе к гациенде двух людей, желавших видеть полковника. Поручик велел их впустить и вскоре увидел перед собою Гаспара и Цапотэ. Они так запыха-

лись от поспешной ходьбы, что едва были в состоянии говорить.

— А, это опять вы! — воскликнул Берегуи, сразу узнав их. — С какой стати вас принесло еще сюда?

— Простите, сеньор, но ведь я уже докладывал вам, что у меня есть важное поручение к сеньору дону Рафаэлю, — взволнованно ответил Гаспар. — Я никак не могу увидеть его. В гациенде Дель-Валле мы заснули и нас не разбудили, когда туда приезжал сеньор дон Рафаэль. А потом, когда мы проснулись, оказалось, что он уже отправился сюда. Ну, и мы за ним... Ведь у меня спешное поручение... Приказано как можно скорее...

— Ну, ты и здесь не найдешь полковника! — прервал поручик. — Он только что уехал.

— Ах, ты, Господи! — чуть не со слезами воскликнул Гаспар. — Никак я не могу поймать!.. А не можете ли вы, сеньор, сказать мне, куда отправился сеньор полковник?

Берегуи сообщил, куда направился дон Рафаэль, и гонцы бегом пустились по его следам.

Таинственные события, разыгравшиеся в заколдованном озере, имели, между тем, продолжение. Косталь, опомнившись от испуга и удивления, вызванных неожиданным выстрелом по нем, разглядел на берегу несколько гверильясов. Очевидно, они находились в разъезде и, увидев в озере индейца, опасно ранившего их товарища, захотели отомстить ему.

Косталь понял, что спасся только чудом, и, следуя примеру негра, присел в густом камыше. Но гверильясы догадались, куда он вдруг скрылся, и направили своих лошадей тоже в камыши. Но тут случилась новая неожиданность: откуда-то сверху, точно из облаков, вдруг раздался новый выстрел, и один из преследователей за смертью свалился с лошади. Трое его товарищей с громкими проклятиями повернули назад и рассыпались по лесу, в поисках нового врага, оказавшегося у них в тылу.

— Ага, удрали, проклятые! — прошептал Косталь и, обратившись к дрожавшему возле него от страха негру, сказал ему: — Пойдем теперь на берег к нашей одежде и лошадям.

Одежда приятелей была спрятана на одном из густолиственных деревьев, около которых находились и лошади; среди них оказалась и лошадь донна Корнелио.

— А, вот оно что! — проговорил индеец, одеваясь вместе с негром: — значит наш добрый капитан не исполнил своей угрозы — покинуть нас, чтобы не впутываться в

нашу «чертовщину», как он называет наше общение с богами моих предков. Наверное он где-нибудь здесь, на дереве. Это он-то и пугнул разбойников, которые хотели убить меня.

— Ты угадал, Косталь! — послышался голос Лантехаса, поспешно спускавшегося с одного из соседних деревьев. — Мне не хотелось бросать вас тут одних. Я хоть и показал вид, что уезжаю, но через некоторое время, когда вы уже были в воде, опять вернулся сюда. С дерева, на которое я забрался, мне было отлично видно, как вы в лунном сиянии плыли среди почему-то почтительно расступавшихся перед вами чудовищ, а потом взбирались на утес. Слышал я твое пенне и стук, Косталь, и молил Бога вразумить...

— Вот поэтому-то у меня ничего и не вышло, — тоном глубокого сожаления перебил индеец. — Боги моих предков не любят, когда во время наших общений с ними подсматривают и подслушивают белые... Положим, здесь, в камышах, показалась было богиня Матлакуэцк, но при звуке выстрела, направленного в меня разбойником, она поспешила скрыться. И вот эта единственная в году ночь для меня пропала!..

— А также и для меня! — подхватил негр. — Ведь и я надеялся в эту ночь...

— Увидеть наших богов, — досказал по своему индеец, не желавший, чтобы болтливый негр проговорился о том, чего не следовало знать ни одному белому.

При этом он бросил товарищу такой выразительный взгляд, что бедный негр сразу съежился и прикусил язык.

— Эх, вы, закоснелые, неисправимые язычники! — с искренним сокрушением воскликнул дон Корнелио, богословское сердце которого сильно страдало. — Если я когда-нибудь все-таки буду священником, которым давно уж и был бы, не попадись я в военный круговорот, то долго мне придется отмаливать ваши грешные души...

— Ну, тогда видно будет, сеньор капитан! — со скрытою насмешкой перебил индеец. — А пока скажите, пожалуйста: это ведь вы уложили одного из тех разбойников, который целился в меня, но промахнулся, благодаря заступничеству богов моих предков, охраняющих последнего потомка тегуантепекских кациков?

— Увы, да, мне пришлось взять на душу этот грех! — со вздохом ответил Лантехас. — Я видел, как они здесь рыскали, и опасался за наших лошадей да и за самого себя. Но вдруг они увидели тебя и стали переговаривать-

ся о тебе, а потом один из них выстрелил в тебя. Не мог же я допустить, чтобы они убили тебя? Поэтому, скрепя сердце, должен был выстрелить в них и я.

— И хорошо сделали, сеньор капитан! — с чувством произнес индеец.

— Не знаю, хорошо ли: ведь, кажется, я убил человека?.. Но, повторяю, у меня не было другого выхода, — с новым вздохом проговорил Лантехас. — Ну, да сделанного не воротить! Теперь нам нужно подумать о том, как бы выбраться отсюда. Я опасюсь нового появления этих людей.

Но капризнице-судьбе или прихотнику-случаю угодно было, чтобы как раз в это время к тому месту, где Лантехас беседовал с индейцем и негром, подходил караван дона Мариано. Остановившись в некотором расстоянии от разговаривавших, путники стали прислушиваться к их голосам, казавшимся им знакомыми, и с радостью узнали по ним «своих».

— Ба! — воскликнул дон Мариано, без всякого уж опасения приближаясь к беседовавшим: — да никак это дон Корнелио Лантехас, наш добрый молодой друг, два года тому назад гостивший у нас, в Лас-Пальмасе? Вот приятная встреча!.. А! Косталь и Клара тоже здесь!

Пока индеец почтительно, но с достоинством кланялся бывшему хозяину, негр в широкой улыбке щерил ему свои белоснежные зубы, а дон Корнелио сердечно пожимал дружески протянутую ему руку старика и обменивался с ним обычными в таких случаях вопросами, новый инцидент прервал и эту интересную для обеих сторон беседу. Вблизи под копытами быстро скакавших лошадей застонала земля и, немного спустя, мимо изумленных собеседников пронеслось шестеро всадников, вдогонку за которыми мчалось столько же других.

Выехав на поляну, передовые всадники, очевидно, «аройцы», одно мгновение находились в нерешительности, куда направиться дальше, но затем пустились вдоль озера. Думая лишь о том, как бы спастись от преследователей, беглецы совсем не заметили дона Мариано и дона Корнелио с их людьми. Зато, несмотря на стремительность их бега, зоркие глаза индейца успели различить среди них самого Аройо и его помощника Бокардо.

— Ну, попали мы в ловушку, — шепнул Косталь товарищу. — Сейчас произойдет схватка гверильясов с испанцами, и которые бы из них ни остались победителями, нам все равно не сдобровать: от гверильясов достанется

за то, что я смертельно ранил их товарища, а от испанцев — за то, что мы служим инсургентам.

Едва индеец успел договорить последние слова, как мимо бешеным галопом пронеслась и погоня. Во главе погони на великолепном коне скакал всадник благородной наружности.

— Рафаэль! — слышался из носилок слабый крик Гертруды.

Да, это был действительно Рафаэль Трэс-Виллас. Занятый преследованием врагов, он не слышал этого крика и пронесся мимо.

Посоветовавшись между собою, дон Мариано и Лантехас решили переждать на месте, чем кончится дело между преследуемыми и преследователями. Громкие крики доказывали, что последние нагоняют первых.

В действительности так и было. Горя жаждою мести за убитого отца, дон Рафаэль дал себе слово, что на этот раз убийца не уйдет из его рук. Он надеялся на своего Ронкадора. Не плох был скакун и у Аройо, но не ему было состязаться с Ронкадором! В то время, когда бандит хотел броситься назад, под защиту леса, Ронкадор вдруг преградил ему путь.

— А, черт тебя возьми! — скрипнув зубами прохрипел Аройо — Погоди же!..

И, выхватив из-за пояса пистолет, он выстрелил в коня. Но последний с изумительной ловкостью отскочил в сторону, и пуля просвистала мимо. В то же мгновение Ронкадор сильным наскоком свалил на землю лошадь противника вместе с всадником.

На помощь товарищу бросился было Бокардо, стараясь схватить под уздцы уклонявшегося Ронкадора.

— Прочь, негодяй! — крикнул дон Рафаэль и ударом своей страшной сабли выбил бандита из седла.

Полуоглушенный падением с лошади, вне себя от страха и бессильной злобы, Аройо, зацепившись шпорами за стремяна, тщетно старался подняться на ноги. Но лишь только ему удалось было высвободить ноги из стремян, как он уже лежал на спине и грудь его сдавливалась коленом победителя.

— Заарканить этого злодея и привязать его к хвосту Ронкадора! — приказал полковник Трэс-Виллас своим людям.

Пока они исполняли это приказание, остальные гверльяссы в паническом ужасе бросились в бегство, оставив своего вождя на произвол судьбы.

Когда связанный бандит был прикреплен к хвосту Ронкадора, дон Рафаэль снова уселся на своего коня. Лишь только он хотел пустить его вскачь, как вдруг увидел, что к нему со всех ног бегут двое людей. Это были Гаспар и Цапотэ. Второй остановился вдали, а первый подбегая громко кричал:

— Ради Бога, сеньор полковник, обождите минуту! Я имею к вам важное поручение!..

— Поручение? От кого? — спросил дон Рафаэль, приостанавливая коня.

— От доньи... Впрочем, виноват, мне велено передать вам тайно...

Дон Рафаэль вздрогнул и сделал знак своим людям. Те поспешили отъехать в сторону.

— Ну, теперь говори скорее, от кого и какое у тебя поручение? — с нетерпением снова обратился он к посланному.

— От доньи Гертруды де-Сильва, — ответил тот. — Вот извольте получить. Да она и сама недалеко отсюда, — прибавил он и вручил полковнику небольшой пакетик, старательно завернутый в пальмовый лист.

Дон Рафаэль поспешно схватил посылку и, слегка ощутив ее, сунул в грудной карман своего мундира. Он понял, что заключалось в этой посылке, и вспомнил, какое она имела значение. Затем, объявив гонцу о сумме вознаграждения и заставив его обомлеть от радости, молодой человек громко произнес:

— Всемогущему Богу угодно, чтобы захваченный мною человек остался жив... быть может, для того, чтобы он имел возможность раскаяться в своих злодеяниях. Нарушая клятву, данную мною отцу земному, преклоняюсь перед волею Отца Небесного.

С этими словами он перегнулся через седло назад и перерезал кинжалом оба лассо, которыми Аройо был привязан к хвосту Ронкадора. Потом, не слушая благодарностей пощаженного разбойника, он сказал гонцу:

— Теперь веди меня скорее к той, которая послала тебя!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повествование наше окончено, и нам остается лишь сказать несколько слов о дальнейшей судьбе всех действовавших в нем лиц.

Свидание дона Рафаэля с Гертрудой де-Сильва вышло очень трогательным. Молодые люди, наконец, вполне объяснились, все бывшие между ними недоразумения были выяснены и преданы забвению. Счастливая девушка быстро поправилась, расцвела и похорошела лучше прежнего. С ее отцом молодой человек также объяснился и помирился, причем дону Мариано и Гертруде удалось убедить его перейти на сторону освободительного движения. Дон Рафаэль, сам всегда сочувствовавший в душе этому движению, послушался убеждений будущего тестя и невесты: перешел в инсургентскую армию и сделался одним из самых энергичных ее вождей. Свадьба молодых людей сначала была отложена до окончания борьбы за независимость. Но так как борьба затянулась, то свадьба состоялась ранее.

Дон Корнелио Лантехас оставался адъютантом Морелоса до самой кончины последнего, последовавшей вскоре после окончания освободительной войны. Похоронив своего начальника и друга, подневольный воин последовал, наконец, своему призванию: оставил военную службу и переменял чин капитана на сан священника, и, чтобы покончить навсегда с прошлым, даже изменил свое имя.

Марианита де-Сильва, по мужу де-Лакарра, была найдена в камышах мертвой от угодившей в нее пули, предназначавшейся для индейца Костала. Муж молодой женщины, дон Фернандо, полузамученный бандитом Аройо, не вынес смерти любимой жены и тоже вскоре последовал за ней. Смерть младшей дочери и зятя сильно потрясла дону Мариано; старик сразу опустился и также недолго прожил. Кончина любимой сестры, ее мужа, а затем и отца сильно повлияла и на Гертроду. Но любовь к жениху утешала молодую девушку, и она всецело отдалась этому властному чувству.

Доблестные вожди освободительной армии, Галеана и Трухано, пали смертью храбрых во время кровопролитных боев с испанцами.

Атаман разбойничьей шайки, Аройо, пощаженный полковником Трэс-Вилласом, бесследно исчез; его помощник, Бокардо, сраженный саблей полковника, был найден мертвым, а их шайка, большая часть которой была уничтожена при взятии Трэс-Вилласом гацисенды Сан-Карлос, ничем более не проявляла себя.

Знаменитый охотник на тигров, индеец Косталь и его чернокожий приятель, негр Клара, продолжая службу в инсургентской армии, все еще не переставали мечтать о «морской сирене с распущенными волосами».

Что же касается самого освободительного движения, то оно хотя и увенчалось успехом, но неурядицы в стране продолжались очень долго. Интересующиеся освободительным движением и дальнейшей судьбою Мексики могут найти все подробности в истории этой многострадальной страны.

СОДЕРЖАНИЕ

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ. <i>Роман</i>	5
ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ, ВОЖДЬ ИНДЕЙЦЕВ. <i>Роман</i> . . .	191
ОХОТНИК НА ТИГРОВ. <i>Роман</i>	349

Майн Рид.

М 14 Охотники за черепами. Роман; Золотой Браслет, вождь индейцев. Роман; Охотник на тигров. Роман. / М.: МП «Активитас», 1992.— 490[6] с., ил. (Капитан Майн Рид. Романы и повести. Т. 3.)

ISBN 5-7685-0051-0

Внимание читателей предлагается третий том многотомного собрания «Капитан Майн Рид. Романы и повести», в который вошли три романа общепризнанного классика авантюрно-приключенческого жанра Т. М. Майн Рида (1818—1883). Романы «Охотники за черепами», «Золотой Браслет, вождь индейцев» и «Охотник на тигров» практически неизвестны современному отечественному читателю. В данном издании они подготовлены на основе собрания сочинений Майн Рида известного русского издателя И. Сытина, выходившего в России в начале XX века. Книга вызовет интерес у самой широкой читательской аудитории.

М 4703010100—003
Э26(03)—92

ББК 84.(Вл).

Подписано в печать 24.09.92. Заказ 3144. Тираж 300 000 экз.
(2-й завод 150 001—300 000 экз.).
Российский государственный информационно-издательский центр «Республика».
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5-7685-0051-0

КАПИТАН МАЙН РИД РОМАНЫ И ПОВЕСТИ

Многотомное собрание «Капитан Майн Рид. Романы и повести» на сегодняшний день является самым полным собранием произведений общепризнанного классика авантюрно-приключенческого жанра Т. М. Майн Рида (1818—1883). В него вошли романы и повести знаменитого писателя, опубликованные в свое время в издательствах И. Сытина, П. Сойкина, М. Вольфа, «Земля и Фабрика». Большинство произведений публикуется впервые за последние 60 лет. В первых десяти томах собрания будут изданы следующие романы и повести Т. М. Майн Рида:

Том 1

Переселенцы Трансвааля, Роман,
Водяная пустыня, Роман,
Затерянная гора, Повесть.

Том 2

Мальчики на севере, Повесть.
Охотники на медведей, Роман,
Пропавшая сестра, Роман.

Том 3

Охотники за черепами, Роман,
Золотой Браслет, вождь индейцев, Роман,
Охотник на тигров, Роман,

Том 4

Охотник на бобров, Роман,
Тропа войны, Роман,
Черный мустангер, Роман.

Том 5

Огненная земля. Роман.
Вождь гверильясов. Роман.
Авантюрист Депар. Роман.
Вольные стрелки. Роман.

Том 6

Без пощады. Роман.
Жилище в пустыне. Роман.

Том 7

Смертельный выстрел. Роман.
Гаспар Гаучо. Роман.

Том 8

Эсперанса. Роман.

Том 9

В делях Южной Африки. Роман.
Белый вождь. Роман.

Том 10

Юные охотники. Роман.
В поисках белого бизона. Роман.

В последующих томах многотомного собрания будут опубликованы еще несколько неизвестных современному читателю произведений Т. М. Майн Рида, в том числе его посмертный роман, опубликованный в России всего один раз в 1901 году.

МАЙН РИД

ТОМ 4

Охотник на бобров

Тропа войны

Черный мустангер

